

БИБЛИОТЕКА СОВЕТСКОГО РОМАНА

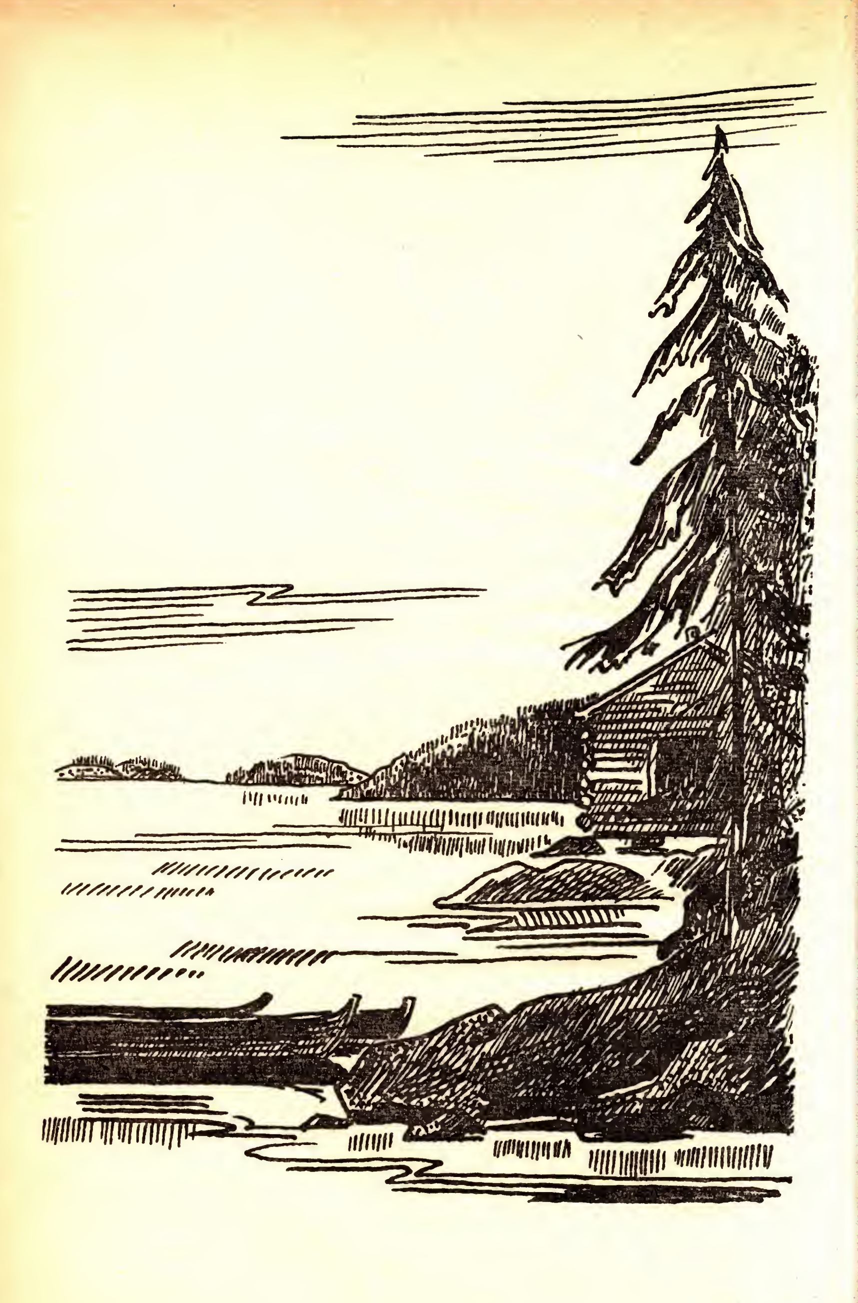
А. ТИМОНЕН

Мы карелы

БИБЛИОТЕКА СОВЕТСКОГО РОМАНА

А. ТИМОНЕН
Мы карелы

РОМАН

Перевод с финского *Т. Сумманена*

МОСКВА
«СОВРЕМЕННИК»
1987

84Фин7
Т41

Тимонен А.

Т41 Мы карелы: Роман / Пер. с финск. Т. Сумманена.— М.: Современник, 1987.— 464 с.— (Б-ка советского романа).

Многоплановый роман известного карельского писателя, лауреата Государственной премии Карельской АССР, Государственной премии РСФСР им. К. Станиславского А. Тимонена воссоздает драматические события гражданской войны в Карелии.

В центре повествования трагическая судьба крестьянина-бедняка Васселея, прошедшего нелегкий, полный душевных противоречий и исканий жизненный путь и осознавший неизбежность победы социализма.

Т $\frac{4702730000-123}{М106(03)-87}$ КБ—7—53—87 ББК84Фин7

Антти Николаевич
Тимонен

МЫ КАРЕЛЫ

Роман

Редактор *Т. Мирзоян*
Художник *В. Аладьев*
Художественный редактор *О. Червецова*
Технический редактор *В. Тушева*
Корректоры *О. Червякова, А. Володина*

ИБ № 4423

Сдано в набор 29.10.86. Подписано к печати 23.02.87. Формат $84\times108^{1}/_{32}$. Гарнитура об. нов. Печать высокая. Бум. тип. № 2. Усл. печ. л. 24,36. Усл. кр.-отт. 24,78. Уч.-изд. л. 27,68. Тираж 100 000 экз. Заказ 3585. Цена 2 руб.

Издательство «Современник» Государственного комитета РСФСР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли и Союза писателей РСФСР

123007, Москва, Хорошевское шоссе, 62.

Республиканская ордена «Знак Почета» типография им. П. Ф. Анохина Государственного комитета Карельской АССР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли

185630, г. Петрозаводск, ул. «Правды», 4.

О ЧЕМ ШУМЯТ КАРЕЛЬСКИЕ СОСНЫ

Гранитные скалы, чистые озера и реки, сосновые боры и березовые рощи... Пленителен первородный пейзаж карельской земли. Внимательный взгляд видит, однако, среди этой красоты и следы двух войн — заплывающие землей лесные блиндажи, осыпавшиеся траншеи, заросшие подлеском воронки от мин и снарядов. Да и в мощных стволах карельских сосен под пилой лесозаготовителей нет-нет да и попадется кусок свинца, оставшийся с тех далеких времен. Чиркнет искрой, выскакивая из раненого дерева...

Многое повидала древняя карельская земля. И певцом ее истории, ее современного дня стал писатель, автор многих романов, повестей и рассказов, пьес и книг публицистики, лауреат Государственной премии РСФСР имени К. Станиславского и Государственной премии Карельской АССР Антти Тимонен. Именно ему удалось отразить мужественные характеры своих земляков, создать собирательный образ народа на переломном этапе развития в известном романе «Мы карелы», написанном в 1969 году (на русском языке в переводе с финского Т. Сумманена роман вышел впервые в издательстве «Советский писатель» в 1974 году).

И хотя события этого эпического повествования отдалены от нас многими десятилетиями, роман читается с острым, можно сказать — современным интересом, ибо он в нашем сложном мире не теряет своей актуальности. Основанный на глубоком знании исторических документов, событий и фактов гражданской войны в Карелии, вобравший в себя весь опыт жизни писателя, его раздумья о судьбах земляков-карел, многоплановый роман Антти Тимонена является одним из лучших произведений многонациональной советской прозы. В нем немало и автобиографических страниц.

Деревня Луусалми (ныне Калевальский район КАССР), где в 1915 году в семье крестьянина-карела родился Антти Николаевич Тимонен, была краем песенным, хотя и самым глухим, самым отдаленным. Однажды в беседе с автором этих строк писатель рассказывал: *«Для меня фольклор стал духовной пищей еще задолго до того, как*

я научился грамоте. Когда прочитал впервые руны «Калевалы», то все удивлялся — откуда попали в книгу рассказы моей бабушки?»

Любознательному карельскому мальчику с первых же лет пришлось испытать и горе безотцовщины, и ужасы войны. Отец его погиб на фронте в 1916 году. Антти его и не помнит. А через два года в Карелии заполыхал пожар гражданской войны. Белофинны сжигали деревни, уводили с собой в Финляндию мирное население карельских деревень. В романе «Мы карелы» достоверно рассказано об этом народном бедствии. Среди невольников, вывезенных на чужбину, оказался и маленький Антти Тимонен. В этом смысле его судьба близка судьбе сына главного героя романа Васселея Пекки, так же попавшего в соседнюю Финляндию.

Как и литературный двойник, Антти с матерью батрачил в имении крупного землевладельца Лемолы (в романе — Маттилы). Здесь же он пошел и в школу. *«Почти все преподавание,*— расскажет позже писатель,— *было построено на примерах войны. Ученикам предлагали решать задачи, содержанием которых была война. На уроках географии изучались карты с восточными границами Финляндии у Белого моря, куда не раз устремлялась финская военщина и откуда каждый раз она обращалась в бегство».*

Зачем же понадобились такие «добровольные» пленники? В романе «Мы карелы», основой которого как раз и послужили те трагические события и, в частности, история белогвардейского мятежа в лесах Северной Карелии в 1921 году, Антти Тимонен дает ответ и на этот вопрос. Угоняя крестьян, белофинны преследовали несколько целей, рассчитывая — не в последнюю очередь — на возвращение в эти места. Им нужна была и безропотная рабочая сила, которая бы трудилась в барских имениях, на богатых хуторах, в городах. Нужны были и «добровольцы», которых можно бы было использовать в следующих «освободительных» походах.

Неизвестно, как сложилась бы судьба будущего писателя, не выйди в 1923 году по Постановлению Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета (ВЦИК) «Амнистия карельским беженцам», позволившая вернуться в родные края тысячам карелов, воссоединиться многим семьям и начать новую мирную жизнь без эксплуатации и угнетения. Кстати, заметим здесь попутно: не напоминает ли в главных своих чертах история с карельскими беженцами в далеких уже для нас 20-х годах более близкие для понимания современности романа события в Афганистане или в Никарагуа? Ведь и в этих странах социальные и духовные наследники белогвардейцев пользуются теми же методами, спекулируют на том же вопросе «беженцев».

А тогда, в 20-х годах после в высшей степени гуманного Постановления ВЦИКа (полностью оно приводится в тексте романа «Мы карелы», в котором вообще немало подлинных исторических документов то-

го времени) среди тех, кто с надеждой и радостью возвратился на родину своих предков, были и Тимонены.

Антти пошел в советскую школу. Появились новые заботы, новые увлечения. *«Летние месяцы я проводил в деревне,*— рассказывает Антти Николаевич.— *Однажды после каникул наш учитель задал на уроке сочинение на «летнюю» тему. Я и описал один из наших деревенских эпизодов: приехал в село агитатор из района, двое кулаков задумали его убить, об этом услышал мальчик, он и спас агитатора. Вот и вся история. Учитель возвращает тетради после проверки, а обо мне молчит. Потом: «Антти, пойдешь сейчас ко мне!» Дома он не стал хвалить или ругать мое «творчество», а неожиданно сказал: «Вот эта фраза плоха, эта, эта... Для печати пока не годится». Для какой печати? Думал ли я тогда о ней? Но зато когда мое «сочинение» появилось в журнале «Красный кантеле»... Вот радость-то у меня была!.. Написал семь рассказов кряду».*

Современному читателю, знающему писателей Карелии, таких как Николай Лайне, Яакко Ругоев, Тайсто Сумманен, Ульяс Викстрем, Ортьё Степанов, трудно себе представить, что собственно карельская литература, профессиональная проза и поэзия начинались именно в те далекие 20-е годы. Как и большинство младописьменных литератур, карельская до победы Октября была лишь фольклорной, устно-поэтической. В своей книге «В краю Калевалы» известный карельский поэт и прозаик Яакко Ругоев приводит такой факт: *«В годы, когда поэтом-декабристом Федором Глинкой уже была написана поэма «Карелия», когда о Пушкине говорили уже в прошедшем времени, когда уже в записи жила «Калевала» (впервые издана на финском языке в 1837 году), в одном из крупнейших карельских сел, в Сямозере, не знали, что такое... газета.*

Какой мог быть в то время разговор о карельской литературе! Ее не существовало, хотя Карелия была известна как страна песен и сказок, как край, где среди простого народа родились и бережно сохранялись руны «Калевалы», где от сказителей, коренных русских жителей, населявших берега Онежского озера и Белого моря, были записаны многочисленные русские сказки и былины».

Так что первая публикация молодого писателя Антти Тимонена воспринималась в те годы со всей серьезностью, ведь основы карельской литературы еще только закладывались (один из основоположников литературы Карелии Ялмари Виртанен в 1922 году создал в Петрозаводске первое литературное объединение).

К сочинительству тянуло Антти Тимонена с каждым годом все сильнее. В свои юношеские годы он выполнял, как мы сказали бы сейчас, социальный заказ. Писал пьесы на злободневные темы для деревенской бедноты по постановлению комсомольской ячейки. Это бы-

ли агитки, призывающие неграмотных крестьян к новой колхозной жизни, к борьбе с кулаками.

Путь просветительства привел Антти Тимонена в Петрозаводский педагогический техникум, который он закончил в 1932 году. После этого работал в радиокомитете, в редакции пионерской газеты «Кипиня», а затем в республиканской газете «Тотуус». Не забывал и основную свою профессию — учителя, ведя уроки в Кондопожском районе. Все это дало для молодого писателя ценный жизненный материал.

Первый сборник рассказов Антти Тимонена «Аэроплан» вышел в 1933 году. По собственному признанию автора, книга во многом несовершенная, ученическая. Но уже в ней проступали основные черты Тимонена-прозаика: социальная подоплека в изображении жизни, поиск героями новой народной правды, историзм мышления. Его рассказы отличал и яркий, образный язык.

Когда началась Великая Отечественная война, Антти Тимонен уходит на фронт. Его боевые заслуги отмечены орденами и медалями. Он был разведчиком, переводчиком, политработником; на фронте вступил в ряды Коммунистической партии.

Но трудное военное время, новые испытания не отодвинули для молодого писателя творческую работу на второй план. Тимонен в годы войны деятельно сотрудничает во фронтовой печати, тогда же выходит и его повесть «Песнь автоматов». Военные впечатления легли в основу его книги «От Карелии до Карпат», которую сам писатель считает одной из лучших в своем творчестве. И хотя черты биографичности, как мы заметили, проходят через многие произведения Антти Тимонена, в повести «От Карелии до Карпат» они наиболее достоверны и рельефны. Военная судьба Вейкко Ларинена, главного героя документального повествования, позволяет нам предположить прямое сходство жизненных судеб автора и его героя.

Фронтовые годы запечатлелись также и в цикле рассказов Антти Тимонена «Невыдуманные истории», само название которых говорит об их тематике и жанровом своеобразии. Здесь писателю и пригодился опыт журналиста фронтовой печати.

Со своим героем Вейкко Лариненым Антти Тимонен не расстается и в романе «Родными тропами» (1958). В этом произведении описываются мирные заботы бывшего фронтовика. «Когда Вейкко, демобилизовавшись, вернулся в родные места, в райкоме партии ему предложили пойти на строительство. Привыкший к дисциплине, Ларинен не стал возражать». Не все гладко получается на первых порах у героя романа. Трудности на стройке наслаиваются на семейную драму. И хотя конец романа оптимистичен (впрочем, таковы концовки и других крупных произведений карельского автора), у читателя не создается впечатления искусственного «счастливого кон-

ца», ибо герои написаны с живых прототипов, а романные коллизии весьма достоверны для тех лет.

Разрабатывая современный материал, писатель неизменно стремится к жизненной правде, к объективности. Он выступает в роли очевидца тех изменений, которые коренным образом меняют жизнь, придавая ей целеустремленное ускорение. Потому столь силен этот «личностный фактор» в романах Тимонена «Белокрылая птица» (1961) и «Здесь мой дом» (1966). *«И о современности можно писать эпические произведения,*— подчеркивал писатель в одной из бесед.— *Никогда раньше не происходило столь грандиозных перемен в облике народа, социальных изменений, как в советское время. Другое дело, что наши дни требуют иных средств выражения — более динамичного повествования, более глубоких философских размышлений и обобщений...»*

Так, подойдя вплотную к современному жизненному материалу, отобразив его в ряде своих книг, Антти Тимонен обращается к истории, к тому периоду, который и предопределил в народной судьбе главные координаты развития. Он пишет народную драму (и так можно назвать жанр этой книги) «Мы карелы», которая является на сегодняшний день лучшим его произведением.

В центре романа судьба трех сыновей потомственных карельских крестьян Онтиппы и Маланиэ — старшего Олексея, среднего Васселея и младшего Рийко. Три брата, как в сказке или в древней саге, жили в крепкой семье, росли среди чудесной северной природы — всех этих синих озер, гранитных скал, таежных лесов. К концу повествования в живых останется один лишь Рийко — погибнут старики-родители, будут убиты его братья. Будто ураганом будет уничтожено семейное гнездо Онтиппы и Маланиэ, ибо — как замечает автор романа — *«карелы, этот небольшой народ, спокойно живший среди своих лесов, вдруг оказались в водовороте мировых событий...»*

Бóльшее внимание среди семейства старика Онтиппы Тимонен уделяет Васселею, делая его главным героем повествования. Почему именно он, вернувшийся с войны унтер-офицер русской армии, мечтающий лишь об одном — о мире, о повседневной работе, о жизни в семье,— становится в центре романа «Мы карелы», само название которого говорит об обобщении, о портрете народа? Тем более, что дальше, по мере развития сюжета, Васселей, волею непростых жизненных обстоятельств, а то и прямых случайностей, попадает в стан врагов карельского народа, в сообщество лесных бандитов.

Единственный ответ — и он будет в данном случае верным — заключается в замысле писателя показать, что историческая правота новой жизни находила себе дорогу путем мучительных поисков, открытий, заблуждений и раскаяний. И не случайно здесь на ум приходит образ другого — классического — героя советской литературы — Григория Мелехова. И тот проходит сложный путь метаний и про-

зрений, через свои ошибки начинает осознавать правду тех, кто борется за будущее народа. И в нем мы находим то «обаяние человека», о котором мудро сказал М. А. Шолохов.

Критики уже не раз подмечали внутреннее сходство романа Антти Тимонена с Шолоховским творением. Типичные судьбы, типичные обстоятельства...

Как бы отвечая читателям и критикам, Антти Тимонен сказал: *«Тихий Дон» останется главным эпическим произведением о первой мировой и гражданской войнах. Эта книга — учебник мастерства для многих писателей. Герой романа «Мы карелы» Васселей судьбой своей, говорят, схож с Григорием Мелеховым. Но Васселея я тоже взял из жизни, у него есть прототип... Судьба же многих людей тех сложных лет была в чем-то похожа друг на друга. Это касается и донского казака, и карельского крестьянина».*

С мирных, внешне спокойных картин северной природы начинается повествование Антти Тимонена. Но первая глава названа символически — «Озеро перед бурей». Действительно, казалось бы, все в прошлом — и первая мировая война, и голод, и тревоги по ушедшим на фронт мужьям и сыновьям. Неспешно скользит вдоль мыса Тахкониеми лодка, которой правит Анни, жена Васселея, на корме сидит его сын Пекка... *«Кого только не заносило в эти края!* — думает Анни.— *Сперва пришли финны, это были белые. Потом — свои, карелы. Они называли себя красными, но были в английских мундирах. Потом приходили русские, тоже белые. Потом опять пришли финны, теперь уже красные. За ними — снова белые финны, затем русские, но уже красные русские. Теперь в их деревне стояли солдаты Ухтинского правительства. Говорят, что они не красные и не белые. А кто они, поди знай...»*

В этот исторический водоворот с головой уходит и вернувшийся в родные места Васселей. *«Я хочу быть от всего в стороне»,*— убежденно повторяет он своим друзьям, домочадцам. Но события затягивают его в эту воронку, ибо никому не дано было отсидеться в те годы за «теплой печкой». Сражаться надо, но с кем? И Васселея кидает из стороны в сторону, пока он не прибивается к лагерю белых, «бандитов», как их называют карельские крестьяне.

Толчком к этому выбору стал трагический случай убийства старшего брата Олексея, павшего от руки односельчанина Мийтрея, выдававшего себя за красноармейца. Олексей заподозрил того в предательстве и за это поплатился жизнью. Расправа произошла на глазах Васселея, который, преследуя убийцу, в перестрелке смертельно ранил красного бойца Николая. Таким трагическим узлом завязываются события романа. *«Я не хотел воевать,*— повторяет Васселей.— *Ни за тех, ни за этих. А теперь я пойду сражаться, мстить за брата. Здесь мне оставаться нельзя».*

Совершая ошибку за ошибкой, Васселей тем не менее сохраняет мужество объективно оценивать ситуацию. Он и сам понимает, что запутался, по словам его отца, как окунь в сети — *«чуть зацепишь, а начнет трепыхаться — и вовсе запутается».* Но понимать-то Васселей понимает, умом доходит, а вот действует наоборот. Такая психологическая характеристика героя, разрыв между его словом и делом довольно убедительно описаны в романе. Антти Тимонен в тексте повествования как бы расставляет вешки, позволяющие нам понять сложные внутренние метания Васселея. Если вначале он стремится лишь отомстить красным, не подозревая — на чьей стороне был убийца старшего брата, кому он служил, то последующие события подхватили Васселея и понесли, как щепку по бурной реке, ожесточили и довели до отчаяния.

В этом смысле ключевой, переломной сценой стала сцена убийства Васселеем лосенка. Первоначальная радость охотника сменяется чувством виноватости: *«Зачем ты попался мне, глупенький? Разве ты не знал, что я зверь?»*

И действительно, Васселей по-звериному начинает заметать следы, бродит по ночам вокруг да около родных мест, принюхивается, выслеживает, прячется в охотничьих избушках. Нет ему обратной дороги, боится он людей, своих земляков. Тогда-то он и вспоминает слова своего дружка по лесным скитаниям Кирили о том, что они похожи на несчастных, которых унесло на плоту в открытое озеро.

Итак, окончательный выбор вроде бы сделан. Естественно, что нашлись и те, кто всячески приветствует это решение Васселея, подталкивает его на новые «подвиги» против большевиков.

Антти Тимонен подробно описывает белогвардейский стан, переносит нас из глухих мест Северной Карелии в Хельсинки, в Тампере, опять возвращается на границу... Перед читателями чередой проходят все эти Таккинены, «карельские царьки» Маркке, Левонены и другие вершители судеб северного народа. Судьба постоянно сталкивает Васселея с основными «героями» белогвардейского мятежа, он может наблюдать, как говорится, в действии этих и подобных им «освободителей Карелии». Среди них есть и убежденные непримиримые враги, типа Таккинена, по-своему смелые, изворотливые, умные. Отрицать эти качества — значит заведомо оглуплять ту серьезную силу, которая противостояла новой жизни карел.

Особый интерес вызывает образ Кайсы-Марии, финки, служащей в контрразведке, а затем принимающей непосредственное участие в белогвардейском мятеже. Думается, что Антти Тимонен ввел ее не только ради занимательности сюжета, чтобы придать ему некую любовную интригу, хотя...

Хотя Кайса-Мария и питает непростое чувство к Васселею, выделяя его среди остальных своих «соратников по борьбе». Более то-

го, именно она — единственная, может быть,— понимает всю сложность ситуации, в которой оказался 36-летний Васселей. Постепенно она начинает ему горько исповедоваться, открывать глаза на то, что творится вокруг. Ведь и Кайса-Мария — человек родственной судьбы, ей не только близки, но и понятны мысли и чувства Васселея. Эти герои — зеркальны по отношению друг к другу. Потому-то так и тянутся они друг к другу, радуются каждой встрече в чуждом для них мире.

Можно ли это назвать любовью?.. Нет, конечно, но это чувство даже в чем-то глубже простого увлечения. Ни Кайса-Мария, ни Васселей не раскрывают до конца своих душ друг перед другом. Взрослые люди, прошедшие тяжелейшие испытания, многое повидавшие, они таят в себе свой мир, находя в этом единственную отраду. Отметим попутно, какой взволнованностью, можно сказать, лирической силой пронизаны воспоминания Васселея о прежней мирной жизни, о женитьбе на Анни, об их встречах. Такая святость прежней жизни, окрашенная в розоватый свет, не раз возникает перед мысленным взором Васселея, к тому времени во всем разуверившегося и мятущегося человека.

Этот мир, повторяем, запретен для его знакомой Кайсы-Марии, также как и душевный мир женщины. Он немного приоткрывается лишь при описании поездки Кайсы-Марии в Тампере, где она встречается с сестрой. Мы замечаем всю неоднозначность натуры Кайсы-Марии, видим и в ней «обаяние человека».

Но Кайса-Мария, увы, представляет исключение в темном мирке тех, кто надеется на поворот истории, кто по убеждению ли, по расчету ли, а то и по собственной глупости ввязывается в карельскую авантюру.

Читая роман Антти Тимонена, невольно вспоминаешь близкие ему по теме и по самому прозаическому строю произведения в нашей многонациональной литературе. К примеру, есть очевидная близость этого романа к книге якутского писателя Софрона Данилова «Красавица Амга». В последнем подробно рассказано о бесславном конце подобной же белогвардейской авантюры генерала Пепеляева, который выдавал себя за освободителя Якутии. Впрочем, Советской стране пришлось выдержать немало бандитских нападений из-за угла после гражданской войны. Здесь и басмачи в Средней Азии, и семеновцы на юге Сибири, и те же пепеляевцы в Якутии.

Молодому многонациональному Союзу впервые пришлось столкнуться с коварным врагом, который хотел, прикрываясь демагогическими лозунгами о национальной независимости, вырвать из братской семьи тот или иной народ, заставить его свернуть с общей дороги нового переустройства мира. Момент весьма интересный, ибо в те годы еще не окреп молодой государственный организм, национальные полити-

ческие связи взамен прогнивших царских еще только налаживались, свобода принесла свежий ветер дум и чаяний о самоопределении. Нужно учесть, что сами, как их тогда называли, инородцы, представлявшие собой отсталую в экономическом и духовном развитии массу населения России, зачастую не понимали «куда несет их рок событий». И все же они — в этом урок карельских, якутских и прочих событий — каким-то особым чутьем, народным вектором справедливости распознали, кто для них враг, а кто друг, с кем нужно крепить союз, а кого выставить за порог родного дома.

И вот, размышляя о тех давних уже событиях, видишь всю тщету и напрасное старание наших недругов вбить клин в нынешнее состояние нашего многонационального Союза, оторвать от этой уникальной спайки хоть один лакомый кусочек. И хочется господам, да не можется!..

С одним таким доброхотом встретилась в соседней Финляндии героиня другого романа Антти Тимонена «Жители покинутой деревни». Она после многих лет разлуки приехала к родному дядюшке, покинувшему Карелию в начале двадцатых годов. Старик все еще живет теми же представлениями и питает те же надежды на «свободную Карелию». Спорить с ним бесполезно, ибо его антибольшевизм, переросший в прямой антисоветизм, подкреплен кровавыми делами на бывшей родине во время второй мировой войны. Вот, кстати, дальнейший путь разного рода таккиненов и мийтреев.

Но вернемся к роману «Мы карелы». Следуя за своим героем Васселеем, автор, естественно, много внимания уделяет показу одной из сторон — противоборствующих сил — белому лагерю. Но у Васселея, как мы помним, есть и младший брат Рийко, сражающийся в рядах красных, воюющий по убеждению, по осознанному выбору. Этим он противостоит Васселею. Именно убежденности, веры не хватает последнему. Но и характер Рийко не столь прямолинеен, где-то ему недостает гибкости, понимания всей сложности событий. Замечательна сцена свидания двух братьев в родном доме, куда волком подкрался Васселей и прибыл на побывку Рийко. Два классовых врага, два непримиримых противника сталкиваются неожиданно в... бане. Васселей в этой ситуации ведет себя по-старшинству осторожно и трезво, а Рийко, несмотря на свой максимализм, молодую несдержанность, вынужден считаться с обстоятельствами встречи. Братья не хватаются, конечно, за винтовки, но им достаточно и словесной перепалки. Разводят их родные стены и старики-родители, и опять каждый остается при своем. Все-таки глубока трещина, пробежавшая через дом Онтиппы и Маланиэ.

Рийко не одинок в отстаивании новой правды. Образы коммунистов в романе документально выверены, поданы ярко и крупно. Касается ли это Эдварда Гюллинга, одного из организаторов Карель-

ской Трудовой Коммуны, или простого милиционера Калехмайнена,— они представляют собой действительно лучших людей карельского и финского народов. Действие романа вновь прихотливо меняет свое течение, то перенося нас в Москву, где Гюллинг ждет Постановление об амнистии карельским беженцам, то в далекое село Руоколахти. В этом селении заседает партийная ячейка, состоящая из одиннадцати человек. Именно она и бросает первый вызов начавшемуся мятежу. Коммунисты Руоколахти, не ожидая указаний «сверху», принимают единственно верное решение — дать решительный отпор бандитам, встретить их, как и подобает лучшим сынам народа — стоять за правое дело насмерть.

И в этом случае автор романа цитирует подлинные исторические документы. Они весьма умело введены в текст повествования, придают ему документальный оттенок, показывают неприукрашенное лицо истории. «О Время, обожжешься вдруг!..»

Более того, Антти Тимонен идет дальше — как историк разворачивая перед читателем «сюжет» подлинных событий, поясняя, кто в романе действует под собственным именем, а кто сокрыт придуманной фамилией и вымышленным именем. Раскрывается и «подноготная» вдохновителей мятежа, прослеживается их дальнейшая судьба.

А как же Васселей? Как же закончилась его жизнь? Или же он, подобно многим соратникам по оружию, эмигрировал в Финляндию, скрываясь от расправы и возмездия? Стремясь закончить роман, автор несколько скоропалительно разрубает сюжетные связи. Да, Васселей гибнет, оставшись один, бросив в глубокий снег винтовку, он так и не смог покинуть родную землю. Он сидит и ждет красных, может быть, своего младшего брата, которого чуть не застрелил в последнем бою, конечно, не зная, что красный боец-наблюдатель — его Рийко, родной младший брат. Сидит Васселей и ждет. Душа его пуста, можно сказать, что он закончил свою войну и закончил бесславно. Кому он мстил? На кого поднял оружие? Молчат карельские сосны, запорошенные снегом. Молчит и Васселей.

Последнюю точку в этой трагической и одинокой судьбе поставил его злейший враг Мийтрей, убивший до этого старшего брата и Кайсу-Марию. Случайно, спасаясь бегством от красных, он попадает на ту поляну, где отрешенно ждет своей участи Васселей. Короткая схватка с безоружным и...

«Васселей остановился. На мгновение замер, будто раздумывая, упасть ему или нет, потом медленно-медленно стал опускаться, словно выбирая место, куда удобнее лечь.

Примешь ли меня, земля карельская?

Облачком взметнулся сухой снег, неслышно осыпаясь на тело Васселея».

Так гибнет Васселей, таким вопросом-раздумьем заканчивается народная драма о его судьбе. *«Примешь ли меня, земля карельская?»* Кто может дать ответ — и спустя многие десятилетия — на этот вопрос?..

Но роман еще не окончен. Шестая глава повествования рассказывает о пограничной службе Рийко, о возвращении Анни и Пекки на родину... *«Жила когда-то в доме Онтиппы большая семья. Теперь их осталось всего трое — Анни да двое детей. Да будет еще Рийко».*

Вроде бы грустный конец, но нет!.. Автор вновь обращается к родной природе, вспоминает о трех соснах, гордо стоящих на мысу Тахкониеми. *«Искривленные, выросшие на ветрах и морозах, одна с обломленной вершиной, они стояли всем бурям наперекор. И нет на свете бури, что смогла бы сломить их. Это — карельские сосны, которые в силах выдержать любое ненастье. А когда придет время умереть, они умрут стоя, уступив свое место молодым стройным деревьям, поднявшимся вокруг них».*

И, наконец, последняя, как вздох, фраза романа: *«Таковы мы, карелы».*

Остается сказать о переводе. Его выполнил поэт Тайсто Сумманен, один из наиболее значительных лириков современной Карелии. Известен он и как переводчик произведений финских и карельских литераторов. Думается, что Тайсто Сумманену была близка лирико-эпическая стилистика романа «Мы карелы». Перевод на русский язык выполнен им добротно, с любовью к оригиналу.

Успех романа Антти Тимонена был справедливо отмечен на родине. За эту книгу, а также за пьесу «Примешь ли меня, земля карельская?», написанную на основе романа, писатель в 1971 году был удостоен Государственной премии Карельской АССР. С тех пор роман «Мы карелы» неоднократно выходил отдельными изданиями, переводился на языки народов СССР, был опубликован за рубежом.

Наш рассказ об авторе этого произведения не будет полным, если мы вкратце не остановимся на том, чем живет писатель в наши дни, какие новые книги он выпустил. Это прежде всего роман «Жители покинутой деревни» (на русском языке в переводе А. Хумеваара впервые был опубликован издательством «Советский писатель» в 1980 году). В нем Антти Тимонен вновь обращается к современному материалу. Причем, на этот раз к самому животрепещущему, самому злободневному. Роман «Жители покинутой деревни» повествует о социально-экономических сдвигах в жизни карельского села последних двух десятилетий.

В 1985 году в переводе на русский язык вышло в свет еще одно произведение писателя о наших днях — роман «Солнце на всех одно», посвященное строительству Костомукшского горно-обогатительного комбината, братской интернациональной дружбе СССР и Финляндии.

Творческая дорога Антти Тимонена в этой связи выглядит удивительно целеустремленной и продуманной. Позволим себе предположить,

что не будь романа «Мы карелы», писателю трудно бы было исторически глубоко и основательно подойти к отражению современного дня Карелии. Взгляд в прошлое помог ему в осмыслении настоящего.

Такая ретроспектива наглядно запечатлена в очерках Антти Тимонена. Они являются «отголоском» его журналистской молодости. Цель этих очерков — провести мосты между разными странами, между народами, чтобы никогда не повторялась вражда и не полыхали войны.

Очерком «Луусалми» завершается одна из лучших книг Антти Тимонена «Под грозой и солнцем». Она — о коренной перестройке карельской деревни, о новом укладе жизни карельских крестьян. Автор рассказывает о родной деревне, судьба которой типична для нынешней Карелии. *«Разглядывая генеральный план поселка Луусалми, я вдруг вспомнил, как тут, на левом берегу, когда-то я бегал сломя голову с горящими углями в глиняном горшке. Спички тогда были слишком дорогим удовольствием, и огонь переносили из избы в избу».*

Милая, памятная деталь. Но сколь родственна она таким же приметам детства, описанным Мустаем Каримом (который даже назвал одну из своих книг «Соседи по огню»), Расулом Гамзатовым (стихотворение «Огонь»), Алимом Кешоковым («Огонь для ваших очагов»), для многих и многих писателей многонациональной страны.

Такая родственность близка и героям романа «Жители покинутой деревни». Они вынуждены покинуть, оставить навсегда родную Лохиранту, перебираясь ближе к перспективным селениям. Но свое сельское землячество они свято блюдут, даже отстаивают. Правда, возникает естественный вопрос: надолго ли их хватит? Ведь бывшие жители Лохиранты оторвались от родных корней, от того пейзажа, который веками их окружал.

У карельского писателя оптимистическая точка зрения на все эти проблемы. Роман дышит пафосом переустройства жизни, ее переделки.

...Антти Тимонен, писатель горьковского призыва в литературу, творчески углубил реалистические традиции искусства Карелии, привнес в них свои новые краски, новое содержание.

Его путь близок многим писателям народов России. Также начав с журналистских зарисовок, репортажных рассказов, такие прозаики, как татарин Гумер Баширов, удмурт Геннадий Красильников, якут Софрон Данилов, ингуш Ахмед Боков и многие другие пришли к созданию эпических полотен, рассказывающих о пройденном при Советской власти историческом пути.

Так же, как и на этих писателей, на Антти Тимонена большое влияние оказал фольклор, карельская народная поэзия. *«Она бытует в наше время в Карелии не только у рунопевцев,*— рассказывает он.—

Она хранится в народной речи: в гиперболах, сравнениях, в аллитерации. И это, конечно, отражается на нашей работе».

Нельзя не сказать и о творческом освоении писателем достижений русской литературы, об уроках, взятых не только у Шолохова, но и у Леонова (особенно это заметно в описании родной природы, всегда несколько торжественно-возвышенном, романтическом), у современных русских прозаиков. Северная литература сегодня — одна из самых интересных «ветвей» всей советской литературы. Рядом с Карелией, в Вологодском крае работают прекрасные русские писатели, «властители дум». И естественно, что талант Антти Тимонена, талант большого патриотического и общественного звучания, «подключен» к этим произведениям, его волнуют те же проблемы развития северной деревни, что и, скажем, вологжанина Василия Белова.

Неторопливый, с мягким, чуть приглушенным голосом, он в своих книгах говорит столь же неспешно, но уверенно и громко о судьбе родного карельского народа, о славной его истории и не менее значительной современности.

Вадим ДЕМЕНТЬЕВ

2 3585

Глава первая

ОЗЕРО ПЕРЕД БУРЕЙ

Казалось, озеро вот-вот разрыдается и лишь с трудом сдерживает слезы. Над ним нависли тяжелые, набрякшие тучи, готовые пролиться дождем. По воде пробегала тревожная рябь: еще немного — и озерная гладь закипит, запенится. Но дождь так и не начинался, и поверхность озера оставалась по-прежнему спокойной. Только тихая зыбь, словно память о прошедших бурях или предвестие новых ненастий, колыхалась, покачивая лодку.

Мыс Тахкониеми выдается далеко в озеро — он словно всегда в дозоре, чтобы первым встретить бурю. На краю мыса стоят три сосны. Три, как во всех карельских сказках, но это не сказочные красавцы деревья, а корявые, искривленные морозами и ветрами, выросшие на скудной каменистой земле северные сосны с ветвями, искореженными бурями, одна даже с обломанной вершиной. Но еще не случалось в этих краях такой бури, что смогла бы сломать их, вырвать с корнями. Казалось, эти сосны прикрывают собой молодой сосняк, выросший в глубине мыса. У молодых деревьев впереди будут свои бури.

Миновав мыс, лодка вышла в открытое озеро и направилась к другому берегу, до которого было верст десять. На веслах сидела женщина лет тридцати, а на кормовом сиденье — мальчуган лет пяти-шести. По одежде женщина могла бы сойти за старуху: латаные-перелатаные старые сапоги, выцветший ситцевый сарафан, вместо пальто солдатская шинель, укороченная чуть ли не по пояс. Из отрезанных пол шинели были сшиты штаны для мальчика. Правда, сукна не хватило, штаны получились короткие, до колен, но зато теплые и крепкие. Мать сшила их сама. До этого ей не приходилось шить мужской одежды. Конечно, шитье — дело женское. Умеешь, не умеешь — шей. Да вроде и умения особого тут не надо. Взяла ножницы для

стрижки овец, раскроила штанины, сшила их — вот портки и готовы, носи на здоровье, сынок.

Вспотев от гребли, женщина сбросила с головы вязаный платок, из-под которого выпали две тяжелые косы, одна на грудь, другая на спину.

Прошло много лет с тех пор, как на посиделках к ней подошел Васселей, дотронулся до косы и шепнул:

— Анни, а косы у тебя красивые.

— Только косы? — засмеялась она.

А сама покраснела.

Конечно, ей хотелось, чтобы вся она была красивая, лучше всех. Но что поделаешь, если лицо у нее слишком широкое, нос маленький да к тому же еще и вздернутый. Зато глаза у нее были... Конечно, Васселей их сразу заметил. Большие и ярко-синие. Когда Анни была ребенком, мать ее ласково называла: «Глазастая ты моя».

О глазах Васселей не сказал ничего. Только заглянул в них пристально-пристально, поднялся с лавки и ушел. А через неделю к дому Анни нагрянула целая ватага мужиков и как начали палить из дробовиков в небо. Потом сваты ввалились в избу, и старший из них, подпоясанный полотенцем, торжественно перекрестился и сказал:

— Слыхали мы, что у вас девица-красавица на выданье, а у нас жених хороший имеется...

Три дня гуляли на свадьбе. И плакали-причитали, и кадриль отплясывали. По обычаю, Анни должна была слезами обливаться, только не плакалось ей. Подруги тоже радовались, что их Анни станет невесткой в богатом доме. Анни, правда, призналась им, что быть невесткой в богатом доме ей вовсе не хочется, а женой Васселея она стать рада. Семья Анни жила бедно, но, когда свадьбу праздновали, еды на всех гостей хватило. Все, что в доме нашлось, пошло в котлы и на сковороды, а потом на стол. Даже единственного теленка зарезали.

Во время свадьбы Анни спросила у Васселея:

— Ты за моей косой пришел?

— Нет, я тебя всю беру,— ответил Васселей.

...— Мама, греби побыстрее, холодно,— попросил сын. Был конец весны, но погода держалась холодная, как поздней осенью. На березах едва набухали почки.

— Да я гребу, Пекка. Давай-ка я повяжу тебя своим платком.

На Пекке был рваный свитер с укороченными, выше локтя, рукавами. Мать повязала поверх свитера свой платок.

— Ну как, теплее?

— Теплее.

Лодка была широкая, устойчивая, специально для бурь сделанная; она лишь чуть покачнулась, когда Анни вернулась на свое место. Когда-то лодка шла легко, но теперь стала тяжелой, набухла от воды и начала течь. Пришлось снова взять черпак и вычерпывать воду. «Был бы Васселей, лодку бы починил,— подумала Анни.— Хоть бы знать, где он скитается».

Через полгода после свадьбы Васселей ушел в Финляндию, чтобы не попасть на германскую войну. От армии ему все равно не удалось отвертеться. В Каяни его задержали, отправили в Петроград, оттуда на фронт. Каждый вечер Анни, мать и отец Васселея молились, упрашивая бога уберечь его от пуль. Но всевышнего об этом просило так много верующих, что не все молитвы оп мог выслушать. Васселей пробыл на фронте два года, на третий пуля пробила ему грудь навылет, а другая пуля перебила руку. Полгода провалялся в лазарете, потом его отпустили долечиваться домой. На фронт он уже не вернулся: большевики взяли власть и свергли тех, под чье командование Васселей должен был идти.

Закутанный в толстый материнский платок, Пекка согрелся, и его начало клонить ко сну. Мать уложила задремавшего мальчика позади себя на носу лодки. Приятно было лежать, прильнув ухом к борту, слушать, как вода плещется о нос лодки, и разглядывать, как коса на спине матери медленно покачивается в такт гребле. Мать гребла и тихо пела:

Спи, утеночек мой милый,
засыпай, моя отрада.
Утка выплыла за мысом
и утятам песню пела.
Увела малюток в заводь,
в камышах детей укрыла...

— Спи, Пекка, спи,— сказала мать, заметив, что сын одним глазком следит за нею. Она поднялась и накрыла его своей шинелью. Когда она снова взялась за весла, вторая коса тоже оказалась на спине, и теперь уже две косы начали качаться в такт движениям матери.

Приходи, старик волшебник,
принеси нам сон с собою,
чтоб спалося сладко-сладко!
Сон плывет на тихой лодке,
на санях скользит на быстрых...

Мама умела петь, а бабушка — мастерица сказывать сказки. Сказки она обычно рассказывала вечером, когда становилось темно, при свете камелька или на печи. Особенно приятно было их слушать, сидя перед жарким пламенем камелька. Весь красный угол освещается каким-то желтоватым, беспокойным светом. Свет этот словно живой, он все время движется с одного места на другое, колыхается, вырисовывая причудливые тени, то темнеет, то опять разгорается ярко-ярко. А тени на стене то исчезают совсем, то снова появляются. Но в кутнем углу и возле дверей хоронится темнота. Она тоже двигается, живет. Кадка с водой, стоящая возле дверей, выплывает из темноты толстая-претолстая, большая, точно замок, которым должен овладеть Тухкимус, чтобы спасти царевну, потом замок исчезает, и кадка становится похожей на ступу бабы-яги. Когда огонь в камельке догорает, все залезают на печку. Угли в камельке долго светятся, и при их медленно затухающем отсвете бабушка рассказывает о том, как Тухкимус совершал путешествия в удивительные страны за тридевять земель, где все было не так, как в Карелии. А в трубе воет метель, таинственным голосом своим вторя бабушке, которая говорит, что мир велик и много в нем странного, но все равно не надо бояться, надо быть смелым и делать людям добро.

Песни матери Пекке обычно приходилось слушать в лодке на озере. Ритмичное постукивание весел в уключинах, плеск воды о борта, небо, то голубое, ясное, то облачное,— все это создавало свой особый фон. Облака тоже могут рассказать многое: если всмотреться в них, увидишь и белые замки, и снеговиков, и белых медведей. А сегодня тучи нависли низко-низко, и были они такие хмурые, что даже разглядывать их не хотелось. Под плеск воды было приятно дремать, слушая сквозь сон, как мать уговаривает старика волшебника «завязать глаза ребенка ниточкой шелковою».

Анни оглянулась. Мальчик спал. До берега было еще далеко. «Только бы ветер вдруг не поднялся!» — мелькнуло у Анни. Озеро-то своенравное, оно может ни с того ни с сего запениться, вскипеть огромными волнами, и тогда

лодку начнет заливать, и в одну минуту можно промокнуть до ниточки. Анни даже пожалела, что взяла с собой сына.

Наконец лодка подошла к берегу и врезалась в густые камыши. Шуршание тростника о борта разбудило Пекку.

— Уже приехали?

— Уже, родненький, уже.

С большого, открытого болота в озеро впадал ручей. В его устье и были поставлены мережи. Верхняя часть самого большого кольца возвышалась над водой, от него в обе стороны шли по воде поплавки боковых мереж. Едва лодка приблизилась, вода в мереже забурлила, кольцо заколыхалось так, что закачался и кол, к которому мережа была привязана.

— Мам, гляди, гляди! — закричал Пекка.

— Не волнуйся, из мережи она не уйдет,— улыбнулась мать. Она тоже была рада — не забыл их бог.

В большой мереже оказалось три щуки, одна такая огромная, что Анни даже испугалась, как бы щука не порвала снасть. Рыба помельче попалась в другие мережи. Корзина стала совсем полной, хотя большую щуку бросили прямо на дно лодки.

На берегу лежали полусгнившие жерди, на которые когда-то стоговали сено. Для стогования они уже не годились, а на топливо вполне.

— И этот лужок останется некошеным,— вздохнула мать, разводя костер.

Не было косарей, да и не для кого было заготовлять сено: коров в деревне осталось совсем мало.

Пока костер разгорался — гнилые дрова сильно дымили, и неуверенные языки пламени долго лизали их, словно выискивая место, за которое можно было бы ухватиться,— Анни полоскала мережи и ставила сушиться. Потом она воткнула в болотистую землю жердь и, наклонив ее к костру, наладила над огнем котелок с ухой.

— Сейчас мы с тобой попируем,— сказала она сыну.

Настроение у обоих было приподнятое. Рыбалка оказалась удачной. У костра было тепло, и в котелке весело побулькивала уха. Легкий ветерок с шелестом пробегал по высохшей осоке.

— Вот отец вернется, и ты подрастешь — так мы!..— размечталась вслух мать. Чего только у них не будет, когда Васселей вернется домой, а Пекка станет большим! Первым делом они, конечно, купят лошадь, она потом

достанется Пекке. Одежонку новую нужно справить. И хлеба у них будет столько, что на весь год хватит. А она, Анни, только и будет, что из избы в амбар бегать, своих мужиков кормить. О чем она еще могла мечтать!

«...И ты подрастешь...» Пекка старался представить то время, когда он станет большим. У него мечты были смелее, чем у матери. Родным он построит настоящий дворец, чтоб весь был в хрустале да в золоте. И всех в шелка оденет. А на столе должно быть столько сахару и лепешек, чтобы можно было есть сколько хочется.

Анни вынула из лодки сиденье и устроила из него столик возле костра. Из дому она захватила, завернув в полотенце, ломоть хлеба; разделила ломоть на две части, одну дала сыну, другую завернула обратно в полотенце. Дома-то хлеб пригодится. А здесь ей самой и ухи хватит.

Начинало вечереть, когда Анни поставила мережи на место, и они отправились домой. Едва лодка успела выйти из камышей, как Пекка вдруг сказал:

— Мам, гляди. Мужик какой-то.

На мысе стоял человек и махал им рукой.

— Эй, греби сюда,— донеслось до них.

— Гребу, гребу,— ответила тотчас Анни.

Есть у карел, у жителей лесов, неписаный закон: если кто-то просит перевоза, надо помочь путнику. Правда в последнее время путники всякие стали появляться — и хорошие были, и плохие,— но если лодку требуют, надо перевезти.

Кого только не заносило в эти края! Анни стала вспоминать: сперва пришли финны, это были белые. Потом — свои, карелы. Они называли себя красными, но были в английских мундирах. Потом приходили русские, тоже белые. Потом опять пришли финны, теперь уже красные. За ними — снова белые финны, затем русские, но уже красные русские. Теперь в их деревне стояли солдаты Ухтинского правительства. Говорят, что они не красные и не белые. А кто они, поди знай...

Да разве ей, бабе, упомнить всех, кто побывал здесь, разве разобраться, кто есть кто. Тут не всякий и мужик поймет. А этот путник тоже — кто он такой? Да и не положено бабам расспрашивать, надо помочь человеку, перевезти. А куда и зачем — пусть всякий сам знает. Все же Анни не сдержала своего любопытства и крикнула издали:

— А ты кто будешь?

Человек на мысе долго молчал. Потом наконец спросил:

— А ты чья?

Анни даже вздрогнула. Голос мужчины показался ей очень знакомым. Она перестала грести и уставилась на путника. До мыса было еще далеко, но Анни подумала, что человека этого она знает.

— А тебя не Мийтреем ли зовут? — крикнула она.

И человека словно ветром сдуло. Сердце у Анни заколотилось, она не отрывала взгляда от мыса. Потом из-за деревьев опять вышел человек. Но это был уже не тот, что просил лодку. И крикнул он не по-карельски, а по-фински:

— Нет, меня зовут не Мийтреем. Ладно, можете не подъезжать, обойдемся...

И, махнув рукой, тоже исчез в лесу. Анни сидела ошеломленная, держа весла на весу. Пекка молча следил, как с весла падали в воду капли: сперва часто, потом все реже и реже.

Анни опустила весла в воду и так круто повернула лодку, что в уключинах затрещало. Она гребла изо всех сил, так, что вода перед лодкой забурлила, а за кормой оставались крутящиеся воронки. Пекке стало боязно. На кого это мать так рассердилась?

— Пекка, ты помнишь Микиттова Мийтрея?

Пекка кивнул головой. Об этом Мийтрее у них в доме много говорили: ведь это он убил дядю Олексея.

Понемногу Анни успокоилась. Почему Мийтрей спрятался в лесу? Неужели он узнал Анни? И от кого он скрывается? Ведь сейчас в деревне нет ни красных, ни белых, а солдаты Ухтинского правительства даже не в форме, и к тому же это свои, карелы. Может, Мийтрей испугался Анни? Будь он хоть красный, хоть белый, хоть черный как головешка, в лодку бы она его не взяла. А если бы он и сел в лодку, то двинула бы его веслом по башке и в озеро бросила. Интересно, а что это за финн с ним был? Наверно, такой же бандит с большой дороги, как и Мийтрей...

Начал накрапывать дождь. Потом поднялся ветер. Сперва налетел порывом, потом взбаламутилось все озеро. Вскоре оно запенилось, заволновалось. Ветер был встречный, и волны, разбиваясь о нос лодки, обдавали спину Анни холодными брызгами. Пекка сидел на корме, крепко ухватившись обеими руками за борта лодки. Анни с тревогой подумала, что мальчику было бы безопасней сесть

на дно, но в лодку набралось много воды, а вычерпывать ее было некогда. Скорее бы добраться до берега! Надо же так случиться: на самой середине озера их захватил ветер. Волны становились все круче, лодка то взлетала на пенистых гребнях, то проваливалась между ними словно в черную бездну. Анни гребла изо всех сил, упираясь ногами в дно лодки и сжимая весла так, что костяшки пальцев побелели.

— Держись крепче! — кричала она сыну.— Тебе не холодно?

Мальчик ничего не ответил. Конечно, ему было холодно, но мать ничем не могла помочь. Сшитое из старой шинели пальто она уже отдала ему, но жесткая ткань, намокшая от брызг и затвердевшая от воды, совсем не грела. Зато самой Анни, налегавшей на весла, было жарко, хотя она осталась в ситцевом сарафане и ее спину то и дело обдавало водой. Ветер все усиливался, но волны становились меньше — лодка завернула за мыс, в заветрие.

Дом стоял на восточном конце деревни, до него было недалеко, но Анни направилась на западный конец и пристала к берегу возле избы Якконена, у которого находились на постое два солдата Ухтинского правительства.

Продрогший Пекка со всех ног пустился бежать домой. Влетев в избу, он выпалил, не переводя дыхания, все новости:

— Бабушка, а мы поймали много рыбы и видели того дяденьку, что Олексея убил, а мама побежала за солдатами.

— А-вой-вой! — Бабушка засуетилась, хотела было тоже бежать к солдатам, но тут заметила, что мальчик насквозь промок.— Ну-ка, скидывай штаны да лезь скорей на печь. Вот так... Вот тебе горяченького чайку, пей...

Вслед за Пеккой на печь полезла дочь Олексея Натси.

— Я когда вырасту,— сказал Пекка, прихлебывая горячий чай,— возьму ружье и пойду ловить этого Мийтрея.

— И я с тобой,— поддержала его Натси.

А бабушка бежала уже к избе Якконена.

Если бы не висело на гвозде возле дверей в избе Якконена две винтовки, постояльцев вряд ли можно было бы принять за военных людей. Один из них был в портках, сшитых из английского мешка, и в обычных рабочих сапогах; другой — в черных, порядком обносившихся, с заплатками на коленях, брюках и босиком. На воронце сушились

две верхние рубахи. Видно было, что дождь застал их в поле. Мужчин в деревне осталось мало, и потому постояльцы Якконена по своей воле помогали деревенским жителям на полевых работах.

Анни заканчивала свой рассказ о неожиданной встрече на озере, когда в избу вошла запыхавшаяся свекровь.

Старший из солдат, Юрки Лесонен, копался в кошеле. Найдя сухие носки, он удивленно спросил:

— Откуда же это Мийтрей появился? И почему он не идет в деревню?

— Он меня испугался,— сказала Анни.— Потому и в лодку не сел.

Смерив взглядом Анни, Юрки усмехнулся: да, есть чего бояться, худенькая, тоненькая, как девчонка...

Второй постоялец — его звали Симо — возился с самоваром. Он, видимо, не знал Мийтрея, потому что спросил:

— А что это за Мийтрей, он красный или белый?

— Мийтрей-то? Да это тот самый, что невинных людей убивал,— объяснила свекровь Анни.— Уж не знаю, красный он или белый, а бандит он большой.

— Мийтрей из этой деревни,— стал рассказывать Юрки.— Мы с ним вместе были в английском легионе. Мы шли через Хайколу на Ухту, а он через Тахкониеми. И здесь он ни за что убил человека, старшего сына вот этой Маланиэ.

— Ну что ему за это было?

— Что было? А ничего не было,— сокрушался Юрки.— Мы-то думали, вот прогоним финнов и займемся им, этим Мийтреем. В Вуоккиниеми бой был большой. Кончился бой, хватились мы Мийтрея, а его и след простыл. Спрашиваем у одного, у другого — никто не видел. Куда-то пропал. Был, да сплыл.

Юрки достал вырезанную из свилеватой березы изящную трубочку, наполнил ее табаком и, покуривая, продолжал:

— А мы остались границу охранять. Постояли, постояли, и вдруг англичане присылают приказ, что надо нам вернуться на Мурманку воевать против красных. Пойдем мы, ждите. Ну и подались кто куда. Кто по лесам до красных добрался, кто по домам разбежался, а были и такие, что подались в Финляндию, к тем самым белякам, которых мы только что шуганули. А я же пошел с теми, кто отправился бить миллеровцев...

— Так вы пойдете искать Мийтрея или нет? —

Спокойствие Юрки рассердило Маланиэ.— Или даром хотите народный хлеб есть.

— Ежели Мийтрей красный, то пойдем,— ответил Симо.

— А кто тебе сказал, что мы с красными воюем? — загрохотал басом Юрки.

— Так какого же черта мы торчим здесь?

— Этого я не знаю,— усмехнулся Юрки.— Мы ни с кем не будем воевать. Лишь бы нас оставили в покое.

Тогда Маланиэ сказала Анни:

— Давай оставим их в покое и пойдем домой, а они пусть себе полеживают. Каких только нет на свете дармоедов!

Уходя, Маланиэ обернулась в дверях и спросила:

— А ваше правительство-то скоро будет хлеб раздавать народу?

Юрки не успел ничего сказать, как Маланиэ сама же ответила на свой вопрос:

— Дождешься от него. Наоборот: все, что найдет, в Финляндию отправит. Только-то и проку от вашего правительства.

— За такие разговоры могут и к ответу призвать,— строгим тоном заметил Симо почему-то по-фински.

— Было б у меня время, так я бы тебе ответила,— сказала Маланиэ, поглядывая на кочергу.— Ишь ты, язык свой забыл, на чужом начал балакать.

Маланиэ и Анни вышли на берег и сели в лодку.

— Гляди-ка! — обрадовалась Маланиэ, увидев улов.— Спасибо тебе, господи, кормилец ты наш...

Когда лодка стукнулась о свой причал, Маланиэ проворно выскочила на берег и, ухватившись за борт, рывком приподняла ее и стала втаскивать насухо. Анни, подоспевшая к свекрови на помощь, потянула с другой стороны, но, взявшись за лодку, она почувствовала, что ее помощь в общем-то была не нужна. Потом они вдвоем потащили тяжелую корзину с рыбой, а в другой руке свекровь несла, держа за жабры, большую щуку.

Хотя деревня и называлась по имени мыса Тахкониеми, на самом мысе домов не было, все избы расположились полудужьем по берегу залива. Третьим со стороны мыса стоял дом Онтиппы. Дом — самый большой в деревне, рассчитанный на солидную семью, и построил его сам Онтиппа еще в молодые годы.

Изба такая просторная, что зимой в ней одновременно можно делать сани и небольшую лодку. Из избы дверь

ведет во вторую избу, как здесь называют горницу пятистенного дома. В большой избе стоит русская печь, в которую еще с вечера накладывают длинные, чуть ли не в сажень, поленья. Перед устьем печи широкий шесток. В других домах в загнетках устроены крючки для котлов, а у Онтиппы сделана плита. В левом углу печи — камелек, в котором огонь разводят для того, чтобы долгими зимними вечерами в избе было светло и уютно. Со стороны кута у печи стоит украшенный резьбой рундук со шкафчиками для одежды и с выходом в подполье, где хранится картофель. Рядом с рундуком в припечье вделаны печурки для носков и рукавиц. С рундука можно легко подняться на печь, где вполне уместится вся семья в нынешнем составе. Печь застлана сухими, потрескивающими при каждом движении лучинами, на которые наброшены дерюги. Во второй избе тоже имелась печь с лежанкой.

Из сеней дверь ведет в светелку, в клеть для молока и во двор, где находится конюшня. В конце двора — вход в хлев. Из сеней также можно попасть на поветь. С улицы на поветь поднимается широкий некрутой взвоз, по которому зимой въезжают прямо на сарай с возом сена. Остальные постройки — рига, сарай, амбар, баня — также просторные и добротные.

Так что места в доме хватало, только жильцов в нем осталось маловато. Старший сын Онтиппы и Маланиэ, Олексей, лежал на кладбище, его-то и убил Мийтрей. Младший, Рийко, служил в Красной армии, а средний, Васселей, был где-то в Финляндии. Жили в избе жены Олексея и Васселея с детишками да сами хозяева — старый Онтиппа и Маланиэ. Рийко даже невестку не успел привести.

Только что вернувшийся с поля хозяин, Онтиппа, в ожидании обеда чинил сеть. Онтиппе было уже за семьдесят. Сохранившиеся на висках и затылке густые волосы темным венчиком окружали огромную лысину, а пышная окладистая борода закрывала чуть ли не всю широкую грудь старика. Роста старик был богатырского, да и жена его Маланиэ, тоже под стать ему, высокая и стройная. Когда речь заходила об их росте, Онтиппа, посмеиваясь, говорил:

— Так бабу же надо брать по себе. Не дело, ежели мужик всякий раз, как обнять вздумает, кланяться ей должен...

Увидев Маланиэ и Анни с корзиной рыбы, Онтиппа оставил сеть, встал и, держась обеими руками за поясницу,

которую весной у него часто ломило, подошел посмотреть улов. Улов ему показался не таким удачным, как Маланиэ.

— Что ж, и то лучше, чем пустая корзина,— сказал он и добавил: — А вот прежде, бывало, уловы были настоящие.

По мнению Онтиппы, в старые добрые времена все было по-другому. И солнце летом лучше грело, и морозы зимой были не то что нынче, теперешние морозы и морозами-то не назовешь. Теперь в мире все кувырком пошло, вот бог и отвернулся от людей, решив про себя: пусть живут, как им хочется. Ноне рыба только по глупости попадает в сети, а не по божьей милости.

Старшей из невесток, Иро, было лет сорок, но волосы у нее уже поседели, лицо в морщинах и она сутулилась, как старуха. Анни, которая всего на десять лет моложе, вполне сошла бы за ее дочь.

Анни шмыгнула в горницу, быстро переоделась в сухое и, вернувшись в избу, принялась за работу. Пекка и Натси играли в бабьем углу. Дед смастерил им из лучин игрушечные сани и вырезал из осины лошадку, у которой была вся сбруя — и хомут, и дуга, и все прочее. Пекка запряг лошадку, а Натси постелила в сани немного кудели, чтобы кукле было теплее и мягче ехать, поставила корзиночку с дорожными припасами и накрыла куклу тряпичным одеяльцем.

— А-вой-вой, ох уж эти ребятишки! — сетовала Анни.— Уж не перед плохой ли дорогой играют? Мама, ты помнишь, как перед войной ребятишки все играли в войну? А потом война пришла. И не одна война...

— Помолитесь, и с богом сядем обедать,— велела Маланиэ.

Маланиэ стояла перед иконой дольше, чем другие. Она крестилась, как крестятся русские, но ни одной православной молитвы не знала, молилась по-карельски. Должен же всевышний и по-карельски понимать.

Свою молитву Маланиэ начала как обычно, с благодарности богу. Она всегда благодарила его, было за что или не было. Потом перешла к делам житейским. Онтиппа, конечно, тоже молился, но разве мужики знают все домашние дела... Вот и приходится Маланиэ самой помнить обо всем. Еще утром она перечислила всевышнему то, о чем он должен позаботиться в течение дня, но не грех лишний раз и напомнить. Надо было попросить господа покарать Мийтрея, а заодно еще раз помолиться за здравие Васселея и Рийко. Кроме того, утром Маланиэ забыла сказать

всевышнемv о корове. Корову уже давно выпустили пастись в лес, а молока она, по мнению хозяйки, давала слишком мало. За рыбу Маланиэ благодарила от всей души, но заодно не преминула попросить всевышнего, чтобы тот и впредь был столь же щедрым. Ведь народ сейчас голодает. Это-то должно быть ему известно. Маланиэ даже посоветовала богу доставить муку из Финляндии. Раз обещали, пусть дают. Только надо глядеть, чтобы финны власть не забрали...

— И никогда больше, боже милостивый, не посылай к нам англичан,— попросила Маланиэ в заключение.— Пусть дома у себя сидят. А здесь они лишь народ мутят да невинных людей убивают.

Боженька смотрел на Маланиэ с потемневшей иконы с таким видом, словно старался запомнить все просьбы и наставления хозяйки дома. Его просили помочь не только в делах житейских, но также заняться и вопросами мировой политики, ибо карелы, этот небольшой народ, спокойно живший среди своих лесов, вдруг оказались в водовороте мировых событий.

А озеро продолжало бушевать. Из окна было видно, как растущая возле бани ель чуть не дугой сгибается, пытаясь противостоять ветру. Дождь лил как из ведра. «Как хорошо сейчас дома!» — подумала Анни. Только бы жить народу в мире. Она вздохнула, подумав, что, может быть, у бедного Васселея сейчас и крыши-то над головой нет. Потом улыбнулась, вспомнив, что Мийтрей тоже небось сейчас мокнет под дождем. Так ему и надо, злодею!

ПУСТОМЕЛЯ МИЙТРЕЙ

Мийтрея в деревне считали пустомелей. Если поверить ему, то нет в округе ни одной девки, которую бы он не соблазнил и которая не согласилась бы выйти за него замуж, стоит ему только показать кончик носового платка. С молодых лет он отправился коробейничать в Финляндию. Только богатства себе Мийтрей не нажил, хотя, по его словам, не было ловчее коробейника, чем он, и не было покупателя, которого бы он не провел. В обмане греха он никакого не видел: на то и руочи, чтобы их надувать.

Жил Мийтрей со старой глухой матерью в полуразвалившейся избушке. Мать уже не раз ворчала на сына, что

пора бы и ему взяться за ум, бросить бродяжничать, привести невестку в дом да построить новую избу. Над их жильем народ уже смеется: не изба, а воронье гнездо. Мийтрей, ухмыляясь, отвечал матери, что невест у него полным-полно, на каждом мысочке по одной, а то и по две, по обе стороны границы, а что касается избы, то со временем, как только будет поспокойнее, он такие хоромы поставит, что Онтиппа помрет от зависти.

Два года назад, весной восемнадцатого года, Мийтрей вернулся из Финляндии, куда ездил коробейничать, и привез с собой много всякой одежды, сахару и кофе. Хвастался, что торговля у него шла удачно. Все диву давались: в Финляндии в то время шла война, мужики кто у красных, кто у белых были, а Мийтрей там, оказывается, торговлей занимался.

— А я по деревням бродил,— посмеиваясь, рассказывал он.— День красным продаю, другой — белым, те и другие платят одними деньгами. Дает как-то мне один сермяжник, ну белый то есть, денег, говорит, к вечеру принеси мне папирос. Прихожу я вечером с папиросами, смотрю, от сермяжника одни рожки да ножки остались. Ну и бог с ним, царство ему небесное. Отнес я эти папиросы красным, они мне тоже заплатили, вот так одни папиросы два раза продал. Я-то парень не промах...

В Тахкониеми тогда стояло человек десять белофиннов из отряда подполковника Малма[1]. В доме Онтиппы тоже два белых солдата жили. А Мийтрей как ни в чем не бывало ходит по деревне и всем говорит: «А одно я вам скажу. Скоро этим проклятым лахтарям придется убраться из Карелии. Вот увидите...» Пустомеля, он и есть пустомеля! Что с него возьмешь? Конечно, никто ему не поддакивал. За такие речи недолго и пулю в лоб получить... Мужиков в деревне почти не было. Кто на Мурманку тайком подался, кто в лесах хоронился. Были, правда, и такие, кто вступил в отряд Малма — одни по доброй воле, других вынудили. А Мийтрея так никто в отряд и не загонял, хотя он и не скрывался.

Один день навсегда врезался в память Анни. Это был единственный счастливый день, выпавший ей за все эти

---

[1] Весной 1918 года в Северную Карелию вторгся отряд белофиннов под командованием подполковника Малма. На подступах к городу Кемь отряд был разбит и обосновался затем в пограничных деревнях, откуда был изгнан карельским легионом осенью 1918 года.

трудные годы. Она часто видела во сне своего Васселея. Он являлся к ней чуть ли не каждую ночь, и Анни с вечера даже торопилась скорее уснуть, чтобы снова увидеть мужа. Каждый вечер Васселей как бы возвращался домой. Но всякий раз ему встречалось что-то загадочное, что мешало дойти до дома: то к берегу доберется, а то и во двор придет, а порог переступить все не может. В ночь перед этим днем Васселей вообще не пришел к ней во сне. Анни сама отправилась его искать. Идет, идет, вдруг перед ней вода. Конца не видно, а мелко. Она бредет по воде, бредет. Днем стала рассказывать о своем сне Маланиэ. Рассказывает и вдруг слышит голос Васселея: «А ты еще немного пройди и встретишь мужа». Анни показалось, что она сходит с ума. Ведь Васселею во сне так ни разу и не удалось переступить порог родного дома, а тут он стоит у дверей, как живой, и улыбается. Неужели это тоже сон? Вроде она и не спит...

А в дверях и вправду стоял Васселей, живой, заросший бородой, в потрепанной солдатской шинели. Губы его дрожали, он что-то силился сказать, да не мог. Анни вскрикнула и бросилась ему на шею... А Маланиэ то к иконе подбежит и скажет: «Видишь, господи, мой сын-то вернулся, слышишь, господи!», то к Васселею метнется, хочет обнять, да невестка мешает, висит на шее и не отпускает. А Васселей хриплым, отрывистым голосом спрашивает: «Чего вы ревете? Ведь я же вернулся».

Радость Анни тут же сменилась тревогой: в деревне-то белые, домой Васселей пришел живым, а здесь и убить могут.

— Смерть ждала меня долго, подождет еще,— Васселей был спокоен.— А где отец? Где Олексей, Рийко?

Дома были, кроме матери и жены, лишь Иро и дети. Дети страшно испугались, увидев незнакомого бородача, тем более что и бабушка заплакала.

— Не знает Онтиппа, что сын вернулся,— сказала Маланиэ.— Не хочет при руочах жить дома, все в лесу пропадает, рыбу ловит. В лесу и живет.

— А Олексей у соседей. Сейчас придет,— сообщила Иро.

— А Рийко ты разве не видел? — удивилась Маланиэ.— Он, говорят, тоже где-то в Кеми или Сороке. Последнее письмо пришло из Питера. Вот оно.

— «Привет из революционного Петрограда,— начал читать вслух Васселей.— Теперь власть стала наша...»

— Гляди-ка, куда Рийко занесло! — с восхищением сказал Васселей. Когда он уходил на войну, Рийко шел восемнадцатый год. Так и остался в памяти Васселея младший брат мальчишкой-сорванцом, любимцем всей семьи.

Маланиэ все тревожилась, как отнесутся белофинны к возвращению Васселея. Пришел-то он с Мурманки, где красные, а здесь — белые...

— А по мне, хоть желтые,— равнодушно сказал Васселей.— Я свое отвоевал.

У него даже было медицинское свидетельство, подписанное русскими военными врачами. В справке говорилось, что из-за тяжелого ранения Васселей отпущен долечиваться домой. Но эта бумажка еще больше встревожила Анни.

— Так ты совсем увечный? — испугалась она.

— Видишь, какой я увечный!— Васселей схватил жену на руки и легко, словно малое дитя, поднял над головой.

Вскоре пришел и Олексей. Высокий, как и отец. И хромой. Олексей еще ребенком сломал ногу. Деревенские бабки долго лечили перелом, нога срослась, но стала короче. Увидев брата, Васселей растрогался. Олексей лет на десять старше его, и в детстве он был Васселею и нянькой и заступником. Оба они лицом походили на мать, лобастые и скуластые, только Васселей чуть пониже ростом да в плечах пошире.

— А я у Окахвиэ был,— доверительно сообщил Олексей.— У нее ночевали два мужика. В Кемь направляются, к красным. Я их в путь снарядил, обутку подлатал, харчей дал на дорогу...

— Ну коли снарядил их в путь, так помалкивай,— оборвал Васселей брата.— Я ничего не знаю и знать не хочу.

— Вот я тебе и говорю, что был у Окахвиэ, окошко ей заделывал,— улыбнулся Олексей.— Стекла-то нет, приходится досками от божьего света отгораживаться. А ты какими путями добрался до дому?

— Я, как волк, по глухим лесам. Хочу пожить в мире.

— А даст ли бог тебе жить в мире? — засомневался Олексей.

— Затопил бы ты баню для брата,— проворчала мать, хлопотавшая у печи.

Олексей был уже в дверях, когда из лесу донеслись далекие выстрелы.

— Видишь, какой у нас здесь мир? — сказал Олексей брату, обеспокоенно прислушиваясь.— За теми мужиками гонятся, что в Кемь пробираются...

Маланиэ тотчас же бросилась к иконе:

— А-вой-вой! Помоги, господи, пособи невинным людям уйти от зла, убереги от смерти. Пусть тот, кто бежит, по такому насту пройдет, чтобы и следа не осталось, а тот, кто следом гонится, пусть по пояс бредет в снегу...

Васселей, улыбаясь, шепнул жене:

— Трудно, видно, придется господу. Как он, бедный, выкрутится из такого положения?

— Не смейся над матерью,— рассердилась Анни.

— А я не смеюсь. Мать для меня всегда мать. Слушай, мужики в деревне есть?

— Мийтрей дома.

— Откуда он взялся? Такой же, как и раньше?

— Да его не поймешь, какой он,— заметила Иро.

— Стелет-то он мягко, да жестко спать,— добавила Маланиэ, закончив молиться.

В ожидании, пока накроют на стол, Васселей решил прилечь. Только теперь он почувствовал, как устал и как приятно вытянуться на рундуке родного дома. Просто блаженство! Но отдохнуть ему не удалось: дверь рывком распахнули, и в избу вбежали два финских солдата. Один молча прошел в горницу, а другой остановился перед Маланиэ.

— Где хозяин?

Маланиэ растерялась и не могла ничего ответить.

— Ты что, оглохла? — гаркнул солдат.— Где хозяин, я спрашиваю?

Васселей сидел на лежанке, свесив босые ноги.

— Ну-ка потише. На мать нечего рявкать,— сказал он солдату.— Говори с мужчинами.

Финн только теперь заметил Васселея.

— Кто такой?

И он направил на Васселея винтовку.

Маланиэ бросилась к ним и заслонила сына.

— Мама, не мешай,— спокойно сказал Васселей.— Я бывший унтер-офицер русской армии. Освобожден от службы по ранению.

— Документы!

Васселей подал солдату свои бумаги. Тот повертел их в руках и прошипел:

— Чего ты мне их суешь? Я в этой тарабарщине не раз-

бираюсь. А с красными и русскими мы долго не чикаемся. Чуть что — и к стенке...

Подошел второй солдат, осмотрев горницу, кивнул Васселею и стал успокаивать своего ретивого товарища.

— Оставь человека в покое. Раз уж добрался домой, пусть отдыхает. Пойдем.

— Но смотри, чтобы из дому никуда. Если бежать вздумаешь, пуля тебя догонит,— пригрозил финн, и они ушли.

— Чего они опять забегали как угорелые? — Иро выглянула в окно вслед солдатам.— Тот, что орал на маму, Паавола. А второй — Суоминен. Он-то людей не обижает. Чего это они там? Ой, глядите! Олексея задержали, чего-то допытываются. Нет, кажется, отпустили...

— Ну, баня топится,— сказал Олексей, входя в избу.

— А чего это они там тебя? — поинтересовалась Иро.

— Да спрашивали, где я был утром, не видел ли кого чужих. Они заходили к Окахвиэ, видели меня там. Искали кого-то, да не нашли. Потом начали рыскать по деревне.

Вечером к ним пожаловал Мийтрей.

— Сколько же лет мы с тобой не видались? — воскликнул он, пожимая руку Васселея. Мийтрей был в черном, почти новом суконном костюме и в фабричных сапогах.— Значит, цел и невредим? Как до дому добрался?

— До дому и ползком доберешься.

— Никого не боишься, ни от кого не скрываешься?

— А кого мне бояться? Я — дома.

— Ну, не скажи,— усмехнулся Мийтрей.— Винтовку-то хоть запрятал? Я же видел: ты с винтовкой пришел.

— Какую винтовку?

— Вот что я тебе скажу,— Мийтрей зашептал на ухо Васселею:— Тебе надо скрыться от финнов. Они могут убить тебя. Если что надо узнать, я для тебя, старого товарища, мигом разузнаю. Ты когда думаешь к своим возвращаться?

Васселей круто повернулся и громко, так, чтобы все слышали, отчеканил:

— Мне нечего выведывать, и я никуда не собираюсь возвращаться. Я у себя дома, и оставь меня в покое.

— Ну-ну. Я ведь на всякий случай, может, думаю, помочь надо. Люди мы свои,— ничуть не обижаясь, продолжал Мийтрей и тут же пошутил, увидев Анни: — Знаешь,

Васселей, я ведь собирался на Анни жениться, да ты опередил меня.

— Чего пустое мелешь? — заворчала Маланиэ.— Идите лучше к столу. А то стоите как петухи.

Мужики сели за стол.

— А я и не знала, что ты по мне сохнешь,— засмеялась Анни.— Что ж шелковый платок не привез из Финляндии?

— Могу принести. Я все могу,— расхвастался Мийтрей, уплетая за обе щеки рыбу и соленые грибы.— Сколько я этих шелковых платков передарил, и не счесть. Не одной невесте, не одной девице. Сегодня пришел к Васселею, моему старому приятелю. Надо поговорить, пока эти черти не мешают,— кивнул он на дверь второй избы, где жили финны.

— Откуда ты знаешь, что их нет дома? — спросил Олексей.

— Я все знаю. Им сейчас не до нас. Ждут своего начальника. Сам Малм к нам пожалует. Вы слышали, как сегодня стреляли в лесу? Мужиков-то, что вчера в Кемь ушли, так и не поймали. Они ушли от Окахвиэ, так ведь, Олексей?

— Неужто? — удивился тот.— Я был у Окахвиэ, чинил ей окошко, а никого не видел.

— А чего ради этот начальник едет к нам? — вмешалась в разговор Маланиэ.

— На тебя да на меня поглядеть. Говорить они мастера. Пришли Карелию освобождать. У себя в Финляндии дерутся и сюда пришли, чтобы их поколотили,— охотно объяснил Мийтрей.

— Ты останешься дома или опять думаешь податься в Финляндию? — спросил Мийтрея Олексей.

— Я-то знаю, куда мне податься, да и ты, Васселей, верно, знаешь?

— Мне бы чуть поправиться — пошел бы бить медведя.

— Какого? Белого или красного?

— Белые у нас не водятся.

— Не так уж они далеко,— усмехнулся Мийтрей и кивнул в сторону горницы.— Если дома будешь сидеть, разорвут тебя.

— Увечного никто не тронет,— заметила Маланиэ.

— Почему — увечного?

— У меня документ есть. Хочешь поглядеть?

— Кто его дал? Белые или красные?

— Я не спросил,— усмехнулся Васселей.— Халат был белый, нос — красный. Видать, он до вина был охочий, этот наш доктор. А так мужик неплохой. И ночью и днем все с нами. Кому руку отрежет, кому — ногу.

— Хорошо, что хоть головы не отрезал,— вздохнула Маланиэ.

Мийтрей прочитал медицинское свидетельство и сказал:

— Документ хороший. Так что можешь сидеть дома. Скоро в мире такая заваруха начнется, что... Я такое знаю, о чем вы и понятия не имеете.

Мийтрей взглянул на женщин. Маланиэ поняла, что они мешают разговору мужиков, и заворчала на невесток:

— Вы все чаи распиваете, или в доме все дела переделаны?

Маланиэ и Иро ушли. Анни задержалась в избе.

Мийтрей наклонился к Олексею и тихо спросил:

— Кто были эти мужики, что ушли в Кемь?

— Что тебе нужно от нас? — рассердился Олексей.

— Чего ты меня боишься? Мы — люди свои. Я спрашиваю потому, что хотел вместе с ними отправиться,— ответил Мийтрей.

— Кто в путь собирается, тот и попутчиков найдет. А мы с Васселеем никуда не собираемся.

— А ты, Васселей, что скажешь?

— Я-то? Вот что я скажу. В деревне парней почти не осталось. А девки маются. Почитай, в каждом доме есть. Давай-ка сыграем свадьбу. Теперь и ты за жениха сойдешь.

Мийтрей с обиженным видом отодвинул чашку. Знал он этих гордецов. Весь род Онтиппы таков. Вечно над ним посмеиваются...

Олексей заметил, что гость насупился.

— Будешь в Кеми,— сказал он примирительно,— может, увидишь нашего Рийко. Передай поклон ему. Скажи, что живы-здоровы.

— Так он там, ваш Рийко?

— Говорят, видели его там. Ну и что в большом мире делается? — спросил Олексей.— Ты ведь все знаешь.

— Знаю, мне все надо знать! — печально вздохнул Мийтрей.— А вы слыхали, что в Мурманске высадились англичане, американцы да французы?

— Что им надо? — спросил Васселей.— Или пришли большевикам на помощь?

— Как бы не так. Пришли как тот волк, что хотел помочь овце.

И Мийтрей стал рассказывать. Оказывается, он действительно много знал. И то, что он рассказывал братьям, была не пустая болтовня. Он сказал, что высадившиеся в Мурманске интервенты пока с красными не воюют. Они хотят защитить Мурманск и Мурманскую железную дорогу от возможного наступления немцев, которые скоро придут в Финляндию. И сперва они ударят по белофиннам, вторгшимся в Карелию и угрожающим железной дороге. Возможно, они попытаются договориться с карелами, которых полно на железной дороге и которые готовы отправиться в бой против отряда Малма. А затем союзники, разумеется, начнут наступление на большевиков.

«Гляди-ка ты! — удивился про себя Олексей.— Он и в самом деле все знает».

— ...Все против нас. Все заграничные государства, все царские генералы. Даже не знаешь, от чьей пули голову сложишь. Ничего не поделаешь. Надо к своим пробираться,— закончил Мийтрей.

— От волка побежишь, медведя встретишь,— угрюмо буркнул Васселей.— Я хочу быть от всего в стороне.

— Дело, брат, так обстоит,— сказал Мийтрей в ответ,— если мы, карелы, свою Карелию не освободим, нам никто не поможет. Наша свобода — в наших руках.

— А русские? Разве не помогут? Я с ними вместе воевал, знаю их. Хорошие ребята,— сказал Васселей.

— Помогут они... — брезгливо поморщился Мийтрей.— Они сами не знают, кто бы им помог. Так вот по каким делам я нынче хожу: поднимаю карел на борьбу за Карелию. И с вами говорю как свой со своими. Только помните... — Мийтрей нахмурил брови и продолжил, чеканя каждое слово: — Если предадите, если донесете на меня финнам, плохо вам будет, ой как плохо. Пощады не ждите. Ясно?

С каждым его словом Васселей становился все мрачнее и мрачнее, потом он оперся кулаком о стол, вскочил:

— Какого дьявола ты нас пугаешь? Мы тебя не спрашивали, кто ты и откуда пришел. Сам явился, всякую чушь несешь да еще угрожаешь: «Плохо вам будет!» Тебя, что ли, нам бояться? Катись отсюда хоть в Кемь, хоть в Финляндию, хоть к чертовой матери! Слышишь?

Анни бросилась успокаивать Васселея:

— Васселей, хватит, Васселей, садись! Сядь и ты, Мийтрей. Пейте чай. Васселей ведь с войны пришел, нервы у него...

Васселею стало неловко. Он увидел, что разбуженные его криком дети испуганно выглядывали с печи, махнул рукой и сел.

— Мир как пожаром охвачен,— сказал он устало.— Ну и пусть горит.

— Ты так думаешь, Васселей? — голос Мийтрея стал спокойнее.— Когда в деревне пожар, всех кличут его тушить. Так куда ты пойдешь?

— Никуда я не пойду. Понимаешь, ни-ку-да. Ни направо, ни налево, ни назад. Я — дома. Понимаешь?

Счастье Анни длилось всего один день.

Назавтра приехал Малм.

Еще с утра прибежали Паавола и Суоминен. Суоминен принес откуда-то муки и масла и, отдав их Маланиэ, попросил что-нибудь спечь.

— Что-нибудь карельское,— сказал он.— А рыбы у вас не найдется?

— Вам только подавай, ох-ох! — вздохнула Маланиэ.— Кем же нам ваш гость-то приходится?

Все же она послала Иро за соленой рыбой.

— Только поживее все приготовь! — хмуро добавил Паавола. Потом подошел к печи, на которой лежал Васселей.— Ты все валяешься?

— А ты все командуешь,— ответил Васселей.

— Ну, встать! Отвечай как положено.

— Если я встану, то ты уже стоять не будешь,— ответил Васселей, приподнимаясь.

— Васселей, Васселей... Что ты... — Анни бросилась к мужу.

— Не бойся, Анни. Я только проучу этого болвана, который не знает, как положено разговаривать со старшим по званию,— успокоил ее Васселей.— Я же унтер-офицер.

Тут подошел Суоминен и, чтобы избежать скандала, увел Пааволу.

— Дезертир ты, а не унтер-офицер русской армии,— буркнул тот, уходя.

Васселей взял на руки сына, в испуге забившегося в дальний угол на печи, прижал его к груди.

— А мой тятька выше твоего,— похвасталась Натси.

— А я еще вырасту! — засмеялся Васселей.

— Не вырастешь. Большие не растут. Они только умирают,— сказала девочка.

Васселей так смеялся, что сидевший на его широкой груди Пекка чуть было не свалился.

— Ох уж эти дети. Скажут так скажут,— заворчала Маланиэ.— Как бы беду не напророчили.

— Не бойся, мать.

— Да я не за себя боюсь. Так, как ты с этим Пааволой говорил, и до беды недалеко. А если еще с Мийтреем пойдешь, то быть погибели всем нам. Я же за дверью слушала, как он тебя уговаривал.

— Если я куда и пойду,— сказал Васселей,— то только в лес, к отцу. Там и пережду, пока в этом мире все наладится.

С улицы послышался звон бубенцов.

— Едут как на праздник,— пробурчал Олексей.— И баню еще им топи.— По приказанию Пааволы ему пришлось снова затопить баню.

— Баньку бы им надо было бы не такую устроить,— усмехнулся Васселей.— Только кто бы устроил ее?

Лошадь остановилась возле их дома, и колокольчик замолк. В избу вошел, в сопровождении капрала, высокий финн в волчьей шубе. Паавола услужливо помог раздеться, и приехавший офицер остался в сером, из грубого сукна, доходящем чуть ли не до колен кителе с четырьмя большими карманами, подпоясанном широким ремнем. На ремне через плечо висел большой маузер. Лицо у офицера было тяжелое, длинный нос и коротко подстриженные усы не вязались со слишком близко поставленными глазами. Это и был подполковник Малм, командир белофинского экспедиционного отряда.

— Приведите сюда этого красного,— приказал Малм крутившемуся около него Пааволе и, кивком головы поздоровавшись с хозяевами дома, критическим взглядом окинул избу.— Что ж, не изба, а хоромы. Наверно, в таких хоромах и живут рунопевцы. Вот если бы мне посчастливилось побывать в этих краях человеком невоенным! — сказал он, грея руки перед камельком.

— Для нас это было бы лучше,— заметил Васселей с лежанки. Завидев офицера, он чуть было не соскочил, чтобы вытянуться по стойке «смирно», но, вспомнив, что он свое отвоевал, продолжал сидеть.

— Да? — Малм с любопытством посмотрел на мужика, одетого в русскую военную форму, только без погон, говорившего по-фински — правда, с чуть заметным карельским акцентом. И спросил: — Вы полагаете, что было бы лучше, если бы здесь оказались русские?

— Было бы лучше, если бы мы могли жить в мире.

— Во имя этого мы и воюем,— подчеркнул Малм.— Мы освобождаем Карелию для карел.

— Была ли на свете хоть одна армия, которая вела войну и не называла бы себя освободительницей? — ответил Васселей.

Малм усмехнулся:

— Так-то оно так. Но в отношении нас сомневаться не стоит. Вы хозяин этого дома?

— До сих пор мы считали себя хозяевами.

— Почему «до сих пор»?

— Да потому, что теперь нами помыкают, как батраками.

— Язык-то у вас остер,— поморщился Малм.— Видно, что вы бывалый солдат. Я люблю, когда говорят прямо. А почему вы дома?

— Разве нам запрещено быть дома?

— Но вы же в форме, да и по возрасту вы должны быть на фронте.

— Я приехал на побывку.

— Кто вас отпустил?

Васселей — в который уже раз — показал свои бумаги. Малм долго читал справку, написанную по-русски и от руки. Вернув ее, сказал, что для них она не действительна.

— Зато действительна для меня,— вызывающе ответил Васселей.

— Куда вы ранены?

— Ноги лишь остались целы, чтобы ходить, да голова, чтобы думать.

— Мы направим вас в Ухту. Наш врач переосвидетельствует вас.

— А если я не пойду?

— Вас поведут.

— Да? Значит, это и есть освобождение Карелии?

— Мое дело приказывать, а не уговаривать,— оборвал разговор Малм и быстро ушел в горницу.

— А-вой-вой! — заплакала Анни.— Что же теперь будет? Только вернулся домой — и уже в Ухту. Увезут и больше я не увижу тебя.

— Не так-то легко меня увезти,— успокоил ее Васселей, а про себя решил, что сегодня же уйдет в лес, к отцу. «А может, с Мийтреем в Кемь податься. Кто же этот красный, которого Малм велел привести?» — думал он.

Этим красным оказался... Мийтрей. Не прошло и получаса, как капрал, выполняя приказ Малма, на виду у всей

деревни привел Мийтрея в дом Онтиппы. И наверно, не было в деревне человека, кто бы не пожалел бедного Мийтрея. Каким бы он ни был, а все же свой человек. Да у кого нет недостатков? Как знать, может в последний раз его видят.

Войдя в избу, Мийтрей посмотрел на братьев и процедил сквозь зубы:

— Уже донесли... Сколько же вам заплатили?

Паавола втолкнул Мийтрея во вторую избу.

— Как же это так? — всполошилась Маланиэ.— Надо сказать Мийтрею, что вы ничего не доносили.

— Как теперь скажешь?— Олексей тоже был встревожен.— Бедный Мийтрей! Как бы они не «освободили» его раз и навсегда...

Маланиэ быстро напекла оладий и велела Олексею отнести их Малму.

— Иди погляди, что они там...

Когда Олексей с оладьями на тарелке вошел в горницу, Малм и Мийтрей сидели за столом. Малм сидел спиной к двери, Мийтрей боком. На столе среди посуды лежал какой-то большой лист бумаги. Олексею показалось, что это была карта. Прежде ему приходилось видеть карты у лесоустроителей. Заметив Олексея, Мийтрей вздрогнул: вид у него был испуганный. Малм недовольно поморщился и сложил карту.

— Прошу прощения. Я вот... — растерялся Олексей.

— Гм... — Малм поперхнулся.— Не стоит извиняться. Вы же у себя дома.

— Да, я говорил, говорил это! И вам не побоюсь сказать! — вдруг с пафосом вскричал Мийтрей.— Недолго вам хозяйничать на нашей земле!

— Ясно, ясно,— Малм движением руки остановил его. Потом достал из-за самовара четырехгранный штоф с вином.— Хозяин, может, выпьете рюмочку? Ведь мы с вами соплеменники, финны и карелы — как родные братья.

— Да я не... Вот в молодости, давно это было...— замялся Олексей, но отказаться от предложения Малма все же не посмел.

— Выпей и ты,— Малм налил водки в чашку и подал Мийтрею.— В аду тебе выпить не дадут. Или, может, ты хочешь в рай?

— Мне все равно.— Мийтрей взял чашку.— Лучше бы туда, где дают выпить.

Малм чокнулся с Олексеем. Чокаться с Мийтреем он не стал.

Мийтрей залпом выпил и сказал Малму вызывающим тоном:

— Меня вы можете расстрелять, но всех вам все равно не убить. Все равно настанет день возмездия, и тогда вам ничего не простится.

Олексей с жалостью смотрел на Мийтрея. Что бы там ни говорили, а все-таки Мийтрей свой, деревенский, и не из трусливых видать. Эх, был бы он поосмотрительнее, ведь ни за что погибнет.

Мийтрей мрачно взглянул на Олексея:

— Якшайся, Олексей, с ними, якшайся. Но не забывай, что придет еще день расплаты...

— Хватит! — оборвал его Малм. — На этом ты свою агитацию закончишь. Капрал, ко мне! — и он приказал вбежавшему Пааволе посадить Мийтрея под арест и не спускать с него глаз.

— Пусть готовится в дорогу, — добавил Малм.

— Куда вы его отправляете? — испугался Олексей.

— Красные — враги карельского народа. Большевистских агентов надо расстреливать.

— Да что вы... Он же всегда таким был. Мелет всякое... Какой он агент?..

Попытка Олексея защитить Мийтрея оказалась напрасной. Мийтрей по-прежнему смотрел на него с нескрываемой ненавистью. А на лице Малма было написано полное безразличие.

— ...Я вполне понимаю вас, хозяин, — сказал Малм. — Вы, конечно, земляки. Но война есть война. У вас, хозяин, свои дела, у нас — свои. У вас, кажется, баня топится? — спросил он, когда увели Мийтрея.

— Да, да. Уже готова.

— Господь бог не создал нас, солдат, для бани и прочих удовольствий, — рассуждал Малм. — Но раз уж баня готова, пойду попарюсь. От бани жизнь солдата не станет короче.

Пока Малм был в бане, Васселей собрался в дорогу. Опечаленная Анни помогла ему уложить котомку.

— Вот тебе и мир! — сказал Олексей, наблюдая за сборами брата. — Лишь одну ночь провел под родным кровом.

— Что поделаешь? Лучше самому вовремя уйти, чем... Да, Мийтрей был прав...

В сенях послышались шаги. Малм вернулся из бани.

Он с удивлением уставился на Васселея, завязывающего свою котомку.

— Куда же это вы собираетесь?

— Туда, куда вы велели. В Ухту.

— Мы могли бы дать вам лошадь.

— Я и на лыжах доберусь.

Васселей попрощался с братом. Снова он всех покидал на Олексея: и мать, и сына, и Анни. Брат для него с малых лет был, словно отец и мать. Если бы бог дал всем братьям на свете жить в таком согласии, как они с Олексеем жили!

Васселей прижал к груди мать, обнял Иро, попрощался с сыном. Анни пошла его провожать.

Когда она вернулась, Иро, так и не понявшая, куда Васселей ушел, спросила:

— Он что, в Ухту пошел? Или в Кемь?

— Не в Ухту и не в Кемь,— шепнула Анни.— В лес, к отцу.

На следующее утро Малм уехал.

Ночью ударил сильный мороз, и на твердом насте озера четко вырисовывались тени трех сосен Тахкониеми. В воздухе висела желтоватая морозная пыльца. Дым из труб поднимался вверх белыми столбами.

Малм уже садился в сани, когда к избе Онтиппы прибежали запыхавшиеся Паавола и адъютант подполковника. Паавола, заикаясь, доложил, что Мийтрей сбежал...

— Что? Это правда? — обратился Малм к адъютанту.

— Так точно, господин подполковник! — бодрым голосом подтвердил тот.

Тогда Малм неторопливо стянул с левой руки перчатку и спокойно, с непроницаемым лицом, ударил Пааволу по щеке.

— Болван. Если вы его не поймаете — ответите головой.

И уехал.

Когда через некоторое время Паавола и Суоминен, посланные в лес искать сбежавшего Мийтрея, вернулись в избу, Олексей не выдержал и спросил, поймали ли они беглеца.

— Черта с два его поймаешь! — сердито ответил Паавола.

— Повезло Мийтрею. Легко ему было бежать,— подумал вслух Олексей.

Паавола насторожился, спросил, что Олексей имеет в виду. Олексей объяснил, что несколько дней стояла оттепель, а потом сразу ударил сильный мороз, наст такой

крепкий, что даже следа не остается. Вот и все, что он имел в виду.

Паавола с подозрением посмотрел на Олексея, потом спросил, не осталось ли какой жратвы на столе после подполковника или тот все слопал, и, узнав, что кое-что осталось, поспешил в горницу.

Суоминен задержался в избе. Он сперва грел перед печью окоченевшие руки, потом тихо сказал Олексею, словно предупреждая:

— Да, мороз сильный и наст тоже крепкий, следов не видно. Но вам, хозяин, лучше было бы не спрашивать, не интересоваться этим делом...

Олексей задумался, и смутная догадка мелькнула у него. Он вспомнил и карту, лежавшую на столе, и испуг Мийтрея, когда он вошел в горницу с горячими оладьями. «Хорошо, что в избе нет женщин. Бабам не надо знать таких вещей,— подумал он про себя.— А вот в Кемь стоило бы послать весть».

Проделав большой и трудный путь по глухим лесам, усталый, голодный, обросший бородой Мийтрей добрался до Кеми. Отдохнув после дороги, он рассказал своим землякам-карелам, как ему просто чудом удалось спастись от верной гибели. Рассказал он и о том, как белофинны бесчинствуют в их родных деревнях, убивая и грабя население. В отряде Красной гвардии были люди, хорошо знавшие Мийтрея. Знали они его как пустомелю, любителя болтать всякие небылицы, но то, что он сообщил, было правдоподобно. О бесчинствах белофиннов многие из них знали на собственном опыте. Правда, вскоре кто-то из вновь прибывших намекнул, что надо бы за Мийтреем приглядеть, тот ли он, за кого себя выдает, но некому было заниматься такими делами. Да и не до Мийтрея тогда было. Каждый день отовсюду прибывали все новые и новые люди. Отряд только организовывался. Штаба еще не было, сами выбирали командиров. И главная забота — добыть оружие и питание. А потом события приняли такой оборот, что о Мийтрее и вовсе забыли...

Английские войска, высадившиеся в Мурманске, начали продвигаться по Мурманской железной дороге на юг, сперва не предпринимая никаких действий против советских войск и органов власти, а затем, когда Белое море освободилось ото льда, опираясь на свой военный флот, интервен-

ты перешли от дипломатии к открытым военным действиям. Они разогнали местные органы Советской власти и начали массовую расправу с коммунистами и советскими работниками. К карельским и финским красногвардейцам у англичан было иное отношение, чем к русским: они стремились использовать карел и финнов для изгнания из Карелии засевших в приграничье белофиннов, так как за спиной белофиннов были немцы. Поэтому стоявший на севере Карелии финский красногвардейский отряд и формировавшийся в Кеми карельский отряд были преобразованы в легион. Вооруженные британским оружием и состоявшие на довольствии у англичан карелы отправились изгонять с карельской земли отряд Малма.

Мийтрей опять оказался на родной стороне.

...Было начало сентября, но солнце светило совсем по-летнему. Небольшой дозор карел-легионеров отдыхал на берегу лесного озерка неподалеку от Тахкониеми. Расположившиеся у костра мужики говорили о своих домашних делах, им хотелось заняться мирным трудом. А мысли Мийтрея были далеко отсюда. У него еще не скоро дойдут руки до своего хозяйства. Но уж когда он за него возьмется, то масштаб будет совсем не тот, что у этих мужиков.

Мийтрей сделал вид, что дремлет. Ему и в самом деле хотелось поспать. В голову лезли всякие воспоминания. Почему-то вспомнилось чернильное пятно, на полу в том доме, на финской земле. Мийтрей усмехнулся, вспоминая, как он нечаянно выронил склянку с чернилами. И как только он не пытался стереть это пятно: набрал золы из печи, думал, что чернила впитаются в золу. Потом скреб ножом, всю краску исцарапал, а пятно стало еще заметнее. Лейтенант пришел прощаться и, конечно, сразу заметил пятно; он отчитал Мийтрея, сказав, что так грубо и неумело скрывать следы не полагается. «В нашей работе это очень опасно»,— заметил он. Лейтенант, образованный и благовоспитанный господин, любил говорить: «наша работа».

Прощальный вечер Мийтрей провел в обществе этого лейтенанта. Вместе поужинали. «Видимо, здесь так положено»,— решил Мийтрей. Выпили немного коньяку. Коньяк был дорогой, высших марок. Лейтенант пил из маленькой рюмочки, Мийтрей предпочел отхлебывать из стакана. Лейтенант разговорился. Шагая взад и вперед по комнате, рассуждал о том, что их работа требует сильных людей.

— Наша работа, мой друг, во все времена была первоосновой всякой государственной власти. За нее платят хорошо, но никакой публичной славы не заслужишь. Наоборот, слово «шпион» звучит далеко не лестно. А вы знаете, первым шпионом в мире был Иисус Христос, но он тоже не бахвалился этой славой...

В нашей работе не надо искать романтики. Ничего красивого, заманчивого в ней нет,— подчеркнул лейтенант.— Романтика может оказаться слишком дорогой. И тот, кто ищет ее, быстро разочаруется. Если уж впряжешься в эту упряжку, то не брыкайся, тяни...

И Мийтрей тянул.

В первую деревушку, где располагались белофинны, легионеры ворвались так неожиданно, что никому из них не удалось бежать. После короткого боя в деревне опять наступила тишина. С белофиннами было покончено. Пришли свои, карелы. На радостях жители деревушки готовы были поставить на стол все, что у них было, а была у них лишь картошка да рыба. Легионеры оказались побогаче — у них имелся и хлеб, и мука, и мясные консервы в длинных четырехугольных банках.

По всей деревне топились бани, народ высыпал на улицу. Мийтрей тоже ходил по деревне, заигрывая с девушками, балагурил со стариками. Возле одной из бань он заметил знакомого паренька лет пятнадцати и подошел к нему.

— Как живете, Микки?

— Как все.

Мийтрей, разумеется, и так знал, как живут в доме Микки. Жил он со старым дедом и бабушкой. Мать умерла, отец не вернулся с фронта.

Мийтрей достал из-за пазухи банку консервов и протянул Микки:

— Вот снеси бабушке и передай ей поклон от меня.

— Да что ты... — растерялся парень.— Не надо.

— Бери, бери. Мы люди свои. Вечерком, Микки, я дам тебе еще одну банку. Только ты должен помочь мне.

— Конечно, помогу.

И Мийтрей попросил паренька сбегать в соседнюю деревню.

— А как я выйду отсюда? — испугался паренек.— Ведь ваши никого не выпускают. Сам знаешь.

— Знаю. Ночью я буду стоять в карауле. Вон там. Я тебя выпущу. Дам тебе записку, и ты снесешь ее. Кому — я скажу потом.

Микки согласился выполнить просьбу Мийтрея. Ночью тот сунул ему записку, запечатанную в конверт, банку консервов на дорогу и выпустил из деревни.

Но Мийтрей не учел одного: Микки мало-мальски знал грамоту. Выйдя из деревни, где-то на полпути, как только начало рассветать, парень вскрыл конверт: он решил проверить свои познания в грамоте. Содержание письма его удивило. В нем Мийтрей просил кого-то передать отцу, что по реке поднимается семга. Микки несколько раз перечитал письмо и рассмеялся. Конечно, он слышал, что у Мийтрея немного ветерок в голове, но теперь, видно, мужик совсем тронулся. Какая же семга в это время года может подниматься по реке? И где Мийтрей нашел себе отца — его-то давно умер? И что он вообще понимает в рыбалке? Небось и удочки-то никогда в руках не держал.

Микки решил, что из-за такой ерунды, блажи какого-то сумасшедшего, не побежит за двадцать верст в чужую деревню. Тем более что в той деревне должны быть белые. Возьмут и начнут расспрашивать, откуда, куда, зачем. Обратно вернуться Микки не посмел и решил пойти на лесное озеро, где был на рыбалке дед. Дед, кстати, ждал его, и Микки собирался идти к нему. Но начался бой, и из деревни никого не выпускали. Хорошо, что подвернулся Мийтрей. Все-таки польза от пустомели...

Мийтрей был встревожен. В следующей деревне белофиннов опять застали врасплох. Правда, весь гарнизон уничтожить не удалось, хотя большая часть финнов погибла. Удалось бежать и командиру, двадцатилетнему егерю Таккинену, «отцу», как его называл в письме Мийтрей.

Мийтрей понял, что записку в деревне не получили. Куда же делся этот Микки и кому он передал донесение? Правда, ему, Мийтрею, пока ничто не угрожало. Его даже назначили командиром группы, которая пошла через Тахкониеми. Назначили потому, что он был родом отсюда и хорошо знал здешние места и людей.

Узнав, что ему предстоит идти через Тахкониеми, Мийтрей обрадовался и тут же испугался. Он боялся Олексея. Мужик тихий, хворый, но не дурак, и, наверное, тогда кое о чем догадался. Конечно, со стороны Малма было величайшей оплошностью устроить «допрос» Мийтрея в доме Онтиппы. И вообще Малму не следовало совать нос в де-

ла, в которых он ничего не смыслит. Да и в военных делах он мало что понимает, хоть и носит чин подполковника. Говорят, Малма уже выгнали из командиров отряда и теперь там заправляет какой-то капитан Куйсма. Интересно, что это за птица...

Неподалеку от Тахкониеми группа Мийтрея сделала привал.

Мийтрей прислушивался к разговору мужиков у костра. Один из них рассуждал, что надо бы ему поставить новую избу, пока еще есть кое-какая силенка, дело-то уже к старости, а изба совсем никудышной стала, однажды возьмет да развалится... Мийтрей тоже подумал о своем доме. Будет время, он и себе отгрохает в Тахкониеми такие хоромы... Дом будет в два этажа, желтый, с широким крыльцом, а крыльцо со столбами...

От костра до Тахкониеми — верст десять, но дом, о котором мечтал Мийтрей, был далеко-далеко, где-то там, в заоблачных далях...

Этот страшный день Анни не забыть никогда.

Рано утром она пошла в лес, где скрывались Онтиппа и Васселей. Узнав, что Васселей не явился в Ухту, Паавола стал искать его и однажды набрел на охотничью избушку, где он прятался. Капрал обрушился на него со страшной бранью, грозился пристрелить как дезертира, но все-таки угрозы своей не исполнил, потому что Васселей оказался в то время тяжелобольным. И это его спасло. Он метался в жару, был почти без памяти, и у Пааволы не поднялась рука убить его. После этого Анни часто бывала в избушке и, вернувшись, отвечала на расспросы Пааволы, что Васселей все еще плох, сильно ослаб и не в силах не то чтобы в Ухту пойти, но даже добраться до дому. А Васселей уже поправился и вместе с отцом ходил на охоту.

Анни вернулась домой веселая и бодрая, с тяжелым кошелем за плечами.

— Привет от мужиков,— сказала она, войдя в избу.— Вот и гостинцы от них. И мясо есть, и ягоды, и грибы...

— Ну теперь мы богато заживем,— обрадовалась Маланиэ и начала разбирать кошель.— Как они там? Здоровы?

— Здоровы.

— Скорей бы домой вернулись! — вздохнула Маланиэ.

Солнце уже успело подняться над тремя соснами, росшими на мысу. Олексей и Иро возвращались с озера. Посередине лодки лежали шевелившиеся серебристым клубком наполненные рыбой сети.

Олексей правил лодкой, довольный богатым уловом. Иро гребла. Причалив к берегу, они сложили сети в большую корзину и внесли в избу, где подвесили сети к воронцу возле дверей и стали выбирать из них рыбу.

— Кошка тоже ела бы рыбу, да не хочет мочить когтей,— говорила, радуясь хорошему улову, Маланиэ и бросила ряпушку кошке, с важным видом ожидавшей свою долю.— Бери, бери, не забыл и тебя господь.

Кошка взяла рыбку за голову, отнесла в угол, где стояла ее тарелка, и поспешно начала есть.

Дети с нетерпением ждали ухи из свежей ряпушки: после завтрака они собирались пойти в лес за брусникой. Солдаты, жившие на другой половине, ушли в деревню, и Пекка с Натси, приоткрыв дверь, заглянули во вторую половину избы — при постояльцах они не смели даже подходить к ней.

В сенях послышались торопливые шаги. Натси быстро закрыла дверь и бросилась к столу. Паавола, ни на кого не глядя, пробежал в горницу. За ним шел Суоминен. Он тоже торопился.

— Чего они забегали? — спросила Иро.

— А вы не слышали, как ночью кто-то постучал в окно к солдатам? — спросил Олексей.

— Может, это был ветер? — решила Маланиэ.

— Нет, это был не ветер,— уверенно сказал Олексей.— Иначе Паавола не выскочил бы сразу во двор в одном исподнем.

Олексей хотел еще что-то сказать, но из второй половины избы вышли белофинны, навьюченные тяжелыми рюкзаками. У Пааволы к рюкзаку был привязан самовар.

— Мы уходим,— сказал капрал.— Но знайте — мы еще вернемся. Так что поглядим, как вы тут... Пошли, Суоминен.

Суоминен задержался, чтобы попрощаться с хозяевами.

— Не поминайте лихом, если что не так было,— попросил он.

— Куда же это вы? — спросила Анни.

— Домой. Чужая земля как черника, а своя как земляника.

— Значит, домой надумали. Ну и хорошо.— Анни была рада.

— Да вот гонят,— усмехнулся Суоминен.

— Приходите еще,— как говорят уходящим гостям, сказала Маланиэ.

— Спасибо,— улыбнулся солдат.— Охотно приду, только лучше без этой штуки.

И показал на винтовку.

— Какого черта ты там? — крикнул из сеней Паавола, и Суоминен вышел.

Все сидели притихшие, полные тревоги и ожидания. Дети забились в угол и тоже молчали. За брусникой, видно, сегодня идти не придется.

А потом...

Сперва за скалой, что была на окраине деревни, прогрохотали выстрелы. Затем застрочил пулемет. Со звоном разлетелось стекло в одном из окон. Дети в испуге закричали, Маланиэ запричитала.

— Скорей в подпол! — крикнул Олексей.

Потом стрельба понемногу стала затихать, отдаляться. Олексей первым вылез из подполья и решил выйти во двор, посмотреть, что делается в деревне. В дверях он столкнулся с каким-то незнакомым человеком в странной военной форме. Олексей испуганно остановился.

— Мы свои, карелы. Не бойтесь,— сказал солдат. Он осмотрел избу, заглянул в горницу, потом подошел к Олексею и представился: — Я из Вуоккиниеми. Николаем меня зовут.

— Как мы вас ждали! А что за форма у тебя такая? — полюбопытствовал Олексей.

— Ты на форму не гляди. Неважно, чья форма, а важно, на ком она.

— Свои пришли! — крикнул Олексей в подполье.— Вылезайте.

Едва женщины и дети успели вылезти из подполья, как в дверях появился с револьвером в руке Мийтрей. Ни с кем не здороваясь, он бросился к Олексею.

— Говори, где белые? Где ты их спрятал?

— Ты что, в своем уме, Мийтрей? — растерялся Олексей.

— Сходи-ка осмотри хорошенько хлев и поветь! — приказал Мийтрей Николаю, потом зло прошипел: — Я-то в своем уме. Я ничего не забыл. Ты почему донес на меня, зачем рассказал Малму все, что я говорил?

— Пустое ты мелешь. Ничего я не рассказывал,— растерялся Олексей.

— Врешь.— Глаза Мийтрея налились кровью.— Кто пустое мелет? Кто велел мужикам сообщить в Кемь, что я, мол, агент белых? Ты! Ты хотел, чтобы меня поставили к стенке. Это ты свою шкуру продал. Мы все знаем. Я с вами как со своими. А вы меня выдали. Такое не прощается.

— Ну что ты, Мийтрей,— со слезами на глазах вмешалась Иро.— Ведь не так было...

— Знаем, мы все знаем,— Мийтрей не стал ее слушать.

В избу вернулся Николай.

— Никого там нет. Пошли.

Олексей чуть осмелел.

— Мы тоже знаем кое-что. Мы знаем, и народ узнает. Скажи, Мийтрей, а кто ночью приходил к финнам и в окно стучался?

— Что-о? — гаркнул Мийтрей.

— А чего ты так испугался? — наступал Олексей.

Револьвер Мийтрея угрожающе поднялся. Николай растерянно смотрел то на Мийтрея, то на Олексея.

— Какой стук? — не понял он.— Кто стучался?

— А ну, пошли с нами! — Мийтрей толкнул Олексея к двери.

Иро зарыдала и, упав на колени, пыталась удержать мужа, вцепившись в него. Маланиэ схватила кочергу. Николай успокаивал женщин.

— Вы не волнуйтесь. Соберем сходку, разберемся.

— Да, да, пошли,— подхватил Мийтрей.

— Если на сходку, то я пойду,— согласился Олексей.

— Не ходи! — кричала Иро, не отпуская мужа.— Убьют они тебя...

Николай совсем растерялся. Человек он был нерешительный, а тут такое... Он пытался успокоить плачущих женщин, что-то говорил им о сходе, стал уговаривать Мийтрея, что сейчас им не до Олексея, сейчас надо идти гнать белых, а потом, после боя, они вызовут мужиков и все решат миром... Но его никто не слушал.

— Здесь я командир! — крикнул ему Мийтрей.

— Ну, пошли скорей. Ведь некогда,— чуть ли не умолял Николай.

Олексей поднял жену, сказал ей:

— Народ решит, кто из нас прав... Пусти, Иро...

Мийтрей чуть ли не силком вытащил его из дому. В избе наступила зловещая тишина. Все словно окаменели...

Маланиэ метнулась к иконе.

— Господи, боже милосердный. Разве ты не видишь, что творится? Чем мы тебя прогневали, почему ты нас так караешь? Трех сынов я вырастила. Весь век мы со стариком молимся, просим тебя... Неужели забыл? Неужели не видишь, что сыну моему смерть грозит? Господи, помоги! Слышишь, господи?— И вдруг в отчаянии и горе Маланиэ протянула кулаки к иконе и, потрясая ими, воскликнула:— Ну чего ты, ротозей, смотришь? Помоги, если ты есть... Или я пойду к самому бесу, у него помощи попрошу. Пусть поможет...

Где-то совсем рядом грохнул выстрел. За ним другой. Потом... еще один.

И стало тихо.

В дверях появился Мийтрей.

— Мясо там, на огороде. Можете закопать,— бросил он с усмешкой.

Так он и сказал. Не покойник, не тело, а мясо.

— Мя-ясо!!! О-оо! — истошно вскрикнула Иро и в беспамятстве рухнула на пол.

Маланиэ застыла перед иконой.

Натси тихо заплакала и стала теребить мать. Почему мама, ты не плачешь? Неужели умерла? Пекка, наверное, больше понимал, чем Натси. Он подошел к ней, погладил по волосам и сказал, как говорят мужчины в таких случаях:

— Не плачь... Все равно не поможет...

...Выскочив из избы Онтиппы, Николай кинулся к лесу, где шла еще перестрелка. Все случилось не так, как предполагалось. Деревню надо было взять неожиданной атакой, не дать финнам уйти. Но оказалось, их ждали. Кто-то предупредил белых. Кто? Ночью Мийтрей ходил в разведку. Ходил один... Постой, Олексей говорил о каком-то стуке в окно. Неужели это был Мийтрей? И Николай вспомнил, что перед тем, как их группа отделилась от основных сил, его отозвал в сторонку командир отряда и попросил присмотреть за Мийтреем. Командир сказал, что весной кто-то из мужиков намекал, что за Мийтреем надо, мол, последить.

— Буду я еще за кем-то подглядывать,— проворчал Николай.— Я вам не жандарм и не шпик какой-то.

Николай тогда не верил, что Мийтрей может быть шпионом. Теперь он в этом не сомневался.

Что же делать? Надо догнать своих, сообщить, пусть соберут мужиков на сходку, выяснят все...

Николай был у околицы, когда услышал позади два выстрела. Затем еще один.

Потом истошный крик:

— Люди, люди, Олексея убили!

— Уби-и-ли!

Николай остановился. Теперь уже поздно созывать сходку... Мийтрей... Его надо немедленно...

Мийтрей бежал вдоль изгороди...

— Ты что сделал? — остановил его Николай.

— Бежим, бежим скорей! — Мийтрей тяжело дышал.

— Нет, постой!

Мийтрей оглянулся и бросился бежать к лесу. Николай кинулся за ним.

Вдруг он увидел, что наперерез ему, через поле, бежит какой-то человек в русской военной форме с винтовкой в руках и кричит:

— Стойте, гады! Стойте, мать вашу... Это вы Олексея?!

Раздался выстрел, и Николаю показалось, будто его полоснуло по голове чем-то острым и тяжелым. Он чуть было не упал, но успел ухватиться за изгородь. Увидел, что из винтовки снова вырвалось пламя — стреляли в Мийтрея. А Мийтрей все бежал, бежал.

Николай держался за изгородь. Только бы не упасть. Только бы устоять... А боль пройдет, пройдет. Ему показалось, что он сейчас в своей деревне. Только бы не упасть, до дому уже осталось... Но изгородь опрокинулась... Желтое небо оказалось внизу... Неужели это конец? Неужели суждено умереть в двух шагах от родного порога от пули своего земляка-карела?..

Васселей гнался за Мийтреем, стреляя на ходу. Обойма уже кончилась, а он еще щелкал затвором и впустую спускал курок до тех пор, пока Мийтрей не скрылся в лесу...

Когда Васселей прибежал к дому, на их картофельном поле собралась чуть ли не вся деревня. Отец тоже был здесь — они вместе вернулись из леса. А вот Анни... Анни бросилась Васселею на шею и зарыдала.

Отец стоял над убитым Олексеем.

— Люди, где бог? — спрашивал он.

А мать не хотела признавать в окровавленном, неподвижном теле своего сына. Она словно верила в чудо. Она звала Олексея.

— Где ты, сынок? Где ты, родненький?

Они так ждали, когда придут свои... И вот свои пришли.

— Убили у тебя брата,— сказал отец Васселею.

Брат лежал на краю своего поля, с окровавленным лицом, с пулевым отверстием пониже глаза. Его убили выстрелом в затылок сзади. Васселей видел только Олексея... Брат, брат... Не знал он, уходя в лес, что видит брата в последний раз. Ведь Олексей для него... И ко всем он был добрым. Вот ему и отплатили за его доброту. Слишком поздно он, Васселей, пришел...

Соседка Окахвиэ, шустрая старушка, успела сбегать к изгороди, где тоже лежал кто-то...

— Там убитый... свой, карел. Кто его?

— Я убил его,— сказал Васселей.— Хотел и второго шлепнуть да не успел.

— А-вой-вой! — всполошилась Маланиэ, взглянув на убитого.— Ты же безвинного погубил. Это же не он Олексея, а Мийтрей... Микиттов Мийтрей.

— Мийтрей? Один?

— Один. Один. А этот, второй, не виноват. Ты застрелил не того, ты красного убил!

— Подвернулся он, вот и... Эти красные, говорили, что их власть будет народной. Вот она, их власть, власть Мийтрея...

Хоть он, Васселей, и не пошел с красными, потому что хотел жить спокойно, мирно, он тоже ждал своих, тех, кто ушли в Кемь. Красные обещали людям мир. Вот он, их мир, вся русская земля огнем пылает. Они обещали мужикам землю. Вот оно, их обещание. Олексей получил свою долю земли, свои три аршина. Он, Васселей, тоже получит столько же, если будет ждать...

— Васселей, уйдем с тобой в лес, подождем там, пока все успокоится,— умоляла Анни.

— Нет, Анни. Дождались мы уже...

— Куда это ты пойдешь, куда? Видишь...— отец показал на тело Николая, которое женщины понесли в деревню.

— Куда? Я не хотел воевать. Ни за тех, ни за этих. А теперь я пойду воевать, мстить за брата. Здесь мне оставаться нельзя.

— Ты с ума сошел! — заохала мать.

— С белыми пойдешь? — прохрипел отец.— Они же убежали в Финляндию.

— Мне все равно. Хоть к черту на рога.

— Никуда не пойдешь. Не пу-щу-у-у! — завыла Анни, вцепившись в ноги Васселея.

Но Васселея ничто не могло удержать. Ни уговоры, ни слезы, ни мольбы. Да и что ему можно было посоветовать? Дома оставаться он действительно не мог...

Вот уже два года прошло с тех пор.

ОТЩЕПЕНЕЦ

Васселей считал, что он не из тех, кто сетует на свою судьбу. Ему еще не доводилось встречать такого человека, которому бы эти сетования помогли. Да и что толку от запоздалых сожалений? Что сделано, то сделано, и надо самому за все нести ответ. Одно дело в лесу: если свернешь не на ту тропинку, то можно вернуться и выбрать правильный путь. А в жизни — другое: ни одного шага обратно не вернешь.

Васселей догнал белофиннов под Вуоккиниеми и попросился в отряд. В бою за Вуоккиниеми он сражался как бывалый солдат. Он искал среди наступавших легионеров Мийтрея, но тот на мушку не попадался. Попадались другие...

После отступления экспедиционного отряда в Финляндию его главари пытались не дать ему распасться. Прежде всего они хотели сохранить завербованных в отряд карел, чтобы подготовить их для участия в новом походе. Но многие тайком покинули отряд. Васселей ушел открыто. Пристал он к отряду в самом конце похода и никаких обещаний при этом не давал. Учить военному делу его не нужно, эту науку он постиг на войне. К тому же он даже не гражданин Финляндии, и обязать его служить в отряде никто не может. А что касается работы, так ее в Финляндии вполне достаточно. После того как гражданская война в стране закончилась поражением рабочих, в Финляндии не хватало лесорубов и батраков. Часть из них казнили за участие в революции, часть находилась в концентрационных лагерях, погибая от голода, а часть вместе с остатками Красной гвардии ушла в Советскую Россию. Так что работы хватало. Выбирай, где лучше.

И Васселей выбирал. Сперва он нанялся батраком. Работа была знакомая, но человек он гордый, и батрачить на кого-то ему было унизительно. Ушел в лесорубы. Да и

тут работал то в одном, то в другом месте. Валить лес он тоже умел.

Правда, дома, в Карелии, и тут многое делалось по-разному. Но где бы Васселей ни работал, тоска по дому не покидала его. Не раз он принимал решение отправиться в свои края, но так и не осмелился. Он слышал, что там появилось новое правительство, свое, карельское. Так что ему, карелу, этого правительства опасаться не надо, но он боялся встречи со своими земляками. Правительство правительством, а вот убийство земляка, у которого осталась большая семья, народ не простит. Васселей знал, что о нем говорили на родине. Ну, а что касается покойного Олексея, так поговаривали, будто на деревне считают, что красные расстреляли его как приспешника белых.

В Финляндии Васселей, по-видимому, числился в каких-то списках, и за ним приглядывали. Как только он понадобился, его сразу нашли. Он работал на сплаве на Эммяйоки. Однажды приходит подрядчик и говорит, что какой-то господин хочет видеть Васселея. В конторе сидел худощавый человек в пенсне. Васселею он ничего объяснять не стал, попросил только приехать в Каяни и там поговорить.

В Каяни Васселей опять встретился с этим же господином, но встретились они уже не в конторе лесопромышленной компании. При беседе присутствовал еще один человек. Хотя эти господа и были в штатской одежде, Васселей сразу определил, что люди это военные, и догадался, что это за учреждение.

Господа предложили ему кофе с коньяком. Сперва разговор шел о том о сем: о погоде, о кофе, о женщинах. Потом Васселея стали расспрашивать, как он себя чувствует, какое у него настроение, доволен ли заработками на сплаве. Будто это их больше всего интересовало. Рассказывая анекдоты, смеялись и словно бы между прочим спросили, какие родственники у Васселея имеются в Карелии. Васселей, отвечая им, тут же заметил, что насчет его родственников эти господа, пожалуй, осведомлены не хуже, чем он. Поговорили о жизни в Карелии. Господа считали, что «да, конечно, необходимо улучшить условия жизни карел, добиться порядка... Чтобы люди там жили, как на Западе». А что думает об этом Васселей?

Васселей сидел задумавшись. И вдруг ошарашил господ.

— Так сколько же вы будете платить мне, если я отправлюсь в Карелию по вашим делам?

Те переглянулись. Один из них усмехнулся и сказал:

— Вот это речь мужа. Сказано по-деловому и прямо.

— А почему вы думаете, что именно у нас имеются там какие-то дела? — спросил другой.

— Я не вчера родился. И думаю, что это заведение не общество по охране животных, как написано на дверях. Если, конечно, под животными подразумевают не карел-соплеменников...

— Нет, нет, конечно! — в один голос принялись заверять господа. И разъяснили, что хотя они и финны, но борются они за освобождение Карелии. Дело это общее.

Господин постарше чуть слезу не пустил, вспомнил даже «Калевалу»:

Редко мы бываем вместе,
Редко ходим мы друг к другу
На пространстве этом бедном,
Крае севера убогом...

Но Васселей, прерывая его, спросил:

— Стоит ли мне браться за это дело? Или, может, на сплаве я больше заработаю?

Пусть думают, что «Калевала» его не интересует. То, что в этой обстановке стали читать руну, его даже несколько покоробило. Чтобы читать и слушать «Калевалу», должно быть другое место, иное настроение. Вспомнилось, как мать и бабушка Наталиэ, мать Анни, вечерами садились перед камельком, одна вязала чулок, другая что-то шила, и они вместе напевали руны. Пели они их на родном диалекте, на том языке, на котором руны передавались из поколения в поколение. В эти часы в избе наступала полная тишина. А если что-то и делалось, то так тихо, чтобы не было и шороха. В такие минуты не шумела прялка, не стучали чесалки, не постукивал топор. Можно было лишь вязать да шить, или же ножом обтесывать топорище, или плести что-нибудь. Дети тоже сидели тихо-тихо. Не дай бог зашушукаться, зашуметь, сразу лучиной по мягкому месту получишь...

— И кроме того, чтобы харчи на дорогу выдали хорошие! — добавил Васселей.

Господа опять переглянулись. По их сведениям, Васселей был человек храбрый, порой даже отчаянный. Но, оказывается, он к тому же еще человек дела, не какой-то там слюнявый идеалист. Эти идеалисты на своем месте, когда нужно проводить собрания, их можно держать и в новом пра-

вительстве Карелии, но когда нужно действовать энергично и смело, идеалисты не годятся.

— О плате и о провизии мы договоримся,— заметил тот, что постарше.— На наш взгляд, дело освобождения Карелии имеет такие большие перспективы, что мелочным быть не следует.— Он взглянул на часы и, поднявшись, сказал Васселею: — Сегодня нашей целью было договориться в принципе. Мы легко и быстро поняли друг друга. А что касается практической стороны дела, мы тоже найдем общий язык. Вы можете идти отдыхать. Вам приготовлена комната. Чтобы не вызывать излишнего любопытства, выходить вам никуда не следует. И язык вам дан не для того, чтобы болтать. Надеюсь, вам это ясно?

В комнату, отведенную Васселею, вел отдельный вход со двора. Единственное окно в помещении тоже выходило во двор. Васселей чуть раздвинул плотные занавески, закрывавшие окно, и посмотрел на улицу. Сперва ему показалось, что там никого нет, но, приглядевшись, он заметил, что дверь дровяника чуть приоткрыта. Какой-то парень работал в сарае, а может быть, делал вид, что работает: то складывал дрова в поленницу, то сидел, покуривая, то опять начинал что-то делать. «Ну-ну, пусть поработает»,— решил Васселей. Ведь не один он должен заниматься освобождением Карелии. И Васселей опять стал оглядывать свою комнату. Впрочем, нечего было в ней рассматривать. Узкая железная кровать, два стула, стол, старомодный посудный шкаф. Над плитой полка с необходимой кухонной утварью. Перед входом небольшой тамбур. Из тамбура дверь в туалет. Так что выходить во двор незачем.

Заглянув в шкаф, Васселей нашел там хлеб, масло, копченую оленину, простоквашу. Перекусив чем бог послал, он снял пиджак, стянул сапоги и лег на кровать. Он перебирал в памяти впечатления дня. Не слишком ли извилистый путь он выбрал, чтобы добраться до дома? Наверно, были дороги и прямые, но как знать — пойдешь по прямой дороге, а она вдруг возьмет и запетляет. А этот путь казался в чем-то разумным. Надо только быть осторожным...

Пол в комнате был сделан из широких половиц и, судя по всему, недавно заново покрашен, потому что сквозь свежую покраску проглядывало большое чернильное пятно — кто-то пролил чернила и пытался соскоблить их ножом. «Вот так и получается,— мелькнуло у Васселея.— Замара-

ешься, а потом сколько ни закрашивай, а пятно все равно видно».

В дверь постучали. Васселей не успел ответить, как вошла женщина. Он мельком где-то видел ее, но не знал, кто она. Женщина улыбнулась, поздоровалась и заглянула Васселею в глаза.

— А у вас здесь холодновато. И вообще...— заговорила она оживленно...— Давайте затопим плиту, подметем пол, чтобы было уютнее.

Васселей сидел на кровати и рассеянно следил за женщиной, разводившей огонь в плите. Сперва плита дымила, дрова не загорались, потом пламя весело затрещало, загудело.

— Вот так! — Женщина опять улыбнулась.— Будете пить кофе? — Не дожидаясь ответа, поставила кофейник на плиту, потом стала подметать пол.— А теперь можно и посидеть. Вы, пожалуйста, лежите.

Женщина сидела за столом, подпирая ладонями круглые щеки. Выглядела она сравнительно молодо, но возле глаз были заметны глубокие морщины. Светлые, желтоватые волосы уложены на затылке узлом, и на их фоне были почти незаметны сединки на висках.

— Вы напрасно терзаете себя мрачными мыслями.— Серо-голубые глаза смотрели на Васселея участливо.— Не надо воспринимать все так серьезно. Давайте лучше попробуем вот этого. На душе будет легче.— И она достала из-за шкафа жестяную канистру. Васселей заметил в шкафу бутылку вина. Заметил он и эту канистру, стоявшую возле стены, но он думал, что в ней керосин.— Каянский народный напиток,— улыбнулась женщина, показывая ровные жемчужные зубы.— У нас его приходится пить тайно, но в этой комнате можно сколько угодно. А у вас умеют варить самогон?

Женщина говорила без умолку, не дожидаясь ответов Васселея. Васселей успевал отвечать лишь «да» или «нет». Настроение у него немного улучшилось. Почему бы и не отведать каянского народного напитка? Глядишь, вечер пройдет быстрее...

Женщина налила Васселею чашку самогона, себе она взяла вина. Подав на стол закуску, она подняла чашку с вином и спросила:

— Так за что же будет наш первый тост?

— Ах, да! — Васселей усмехнулся.— Если не ошибаюсь, мы делаем одно общее дело. Итак, выпьем за Карелию.

Женщина поморщилась и поставила чашку на стол.

— Не надо... Пусть господа пьют за Карелию. Это они любят — освобождать братьев за рюмкой вина. А мы можем забыть об этих делах хотя бы на один вечер. Давайте за наше знакомство. Меня зовут Кайса-Мария, короче — Мария...

— Меня — Вилхо...

— Нет, сегодня ты — Васселей,— заметила женщина.— А завтра можешь быть Вилхо или кем хочешь.

Они выпили свои чашки до дна. И женщина крепко пожала ему руку. Теперь они были на «ты». Она пошла к плите за кофейником. По пути остановилась около Васселея, сняла с его плеча волос. И Васселею показалось, что ее рука задержалась на его плече дольше, чем нужно... Женщина налила кофе и заодно наполнила чашки спиртным.

— Иногда полезно смыть с души заботы. Заботы — это грязь. Пользы от них никакой, только мешают жить. Пей, Васселей, пей, веселее будешь...

И она осушила залпом свою чашку и стукнула ею о стол.

От плиты веяло жаром. Мария открыла форточку и придвинула стол к кровати.

— Здесь нам будет мягче сидеть. Стулья такие жесткие.

Васселей безропотно подчинялся ей, не думая, входит ли это в его роль. Конечно же, он должен показать, что парень не промах. А Мария все подливала ему самогон, себе вино и, поглаживая волосатую руку Васселея, рассказывала о себе. Она — вдова. Детей нет. Мужа убили красные. А брата белые.

— ...Я ненавижу их. И белых и красных. Войну и всякую политику,— говорила она.

«Ну, болтай, болтай!» — думал Васселей, с любопытством слушая женщину.

— А русские мне нравятся. Они непосредственные, душевные люди. Финны только и думают, как бы убить кого-то, и о деньгах. Освобождение Карелии... Знаешь, что это такое? Там убивают и грабят народ, а наши господа набивают карманы. Разве не так? Почему ты молчишь, Васселей?

— Послушай, Мария! — Васселей обнял женщину за плечи.— Мы же договорились, что о Карелии сегодня ни слова. И чтобы больше о ней не говорить, давай сделаем так. Слушай меня внимательно. Ты доложишь там кому

нужно, что Васселей... или Вилхо... не подослан русскими большевиками. Сделаем так, и тебе не нужно будет больше ничего выведывать. Хорошо?

— Если бы ты и был подослан, я бы все равно им не сказала,— прошептала Мария, прижавшись всем телом к Васселею.— Ты не бойся меня... Кажется, я опьянела.

Увлекая за собой Васселея, Мария медленно опускалась на кровать. Туфли с ее ног со стуком упали на пол. Васселей забыл обо всем на свете... И вдруг...

В дверях стояла Анни. Да, это была она; напуганная, беспомощная, она чуть слышно прошептала:

— Васселей! Васселей!

Хотя Васселей и был пьян, все же он понял, что Анни ему только померещилась. Но она предстала в его воображении так явственно, словно действительно стояла на пороге. Васселей сел.

— Ты еще хочешь выпить?

— Нет, не хочу.

Он осторожно высвободился из объятий женщины.

— Слушай, Мария. Ты сейчас встанешь и наденешь туфли.

— Что с тобой? Почему ты такой?

— Я прошу тебя, встань...— Васселей ласково погладил Марию по щеке, ему не хотелось ее обижать.— Вот так, Мария. Ты не сердись на меня. Сейчас ты пойдешь домой.

Не глядя Васселею в глаза, женщина надела туфли.

— Может, ты разрешишь вымыть посуду? — подавленно спросила она.

— Я сам помою. Иди, пожалуйста. Да, скажи этим, что... Ну, как мы с тобой договорились... Могут положиться на меня. Ну а если не поверят, черт с ними. Мне все равно. А теперь — иди.

Мария остановилась в дверях и посмотрела на Васселея. При тусклом электрическом свете было видно, что на глазах у нее слезы. Васселей подошел к ней, пожал руку. Она прижалась лицом к его груди и зашептала:

— Не думай, что я такая, что все... Верь мне... Я не потому... Я просто хотела... Знаешь, как... Послушай,— она вдруг подняла голову и взглянула прямо в глаза Васселею.— Скажи, зачем ты пришел сюда? Зачем? Здесь бывают только грубые, жестокие, бессердечные люди. А я слабая женщина, я не могу больше...

— Мария, ты слишком много выпила.

— А я выпью еще. Пусть...

Она взяла дрожащей рукой бутылку, налила чашку до краев, выпила и пошла к двери.

— Спокойной ночи.

Из прихожей донеслись торопливые удаляющиеся шаги.

Васселей лег. Ему хотелось вновь увидеть Анни. Но она больше не появлялась.

Васселею не пришлось долго быть в Каяни: человек он военный, господа остались им довольны, и вскоре он собрался в путь. Маршрут его лежал через оккупированные белофиннами Реболы, где он должен был получить более точные сведения о положении в Тунгуде и дальнейшие инструкции. Впрочем, из Каяни можно было попасть в Ухту и более легким путем: граница была открыта и в Ухтинском правительстве были свои люди. На восточной границе Ребольского уезда стояли советские пограничники. Но поздно было что-либо менять. Оставалось лишь втайне надеяться, что из Тунгуды он как-нибудь доберется и до дому.

В Реболах Васселея ждали. Его встретил молодой солдат, услышав пароль, он отдал ему честь и повел дальше. Васселея привели в дом, стоявший на окраине села. Дом был похож на финскую крестьянскую избу, но на дворе он не заметил никаких орудий крестьянского труда, обычных на подворье. По всему было видно, что в этом доме занимаются не крестьянским хозяйством. Над крышей висел белый флаг с синим крестом.

— Подождите,— попросил солдат, оставив Васселея в пустой комнате.

Васселей присел на стул и огляделся. На стене, оклеенной обоями, висела карта уезда. В комнате стоял шкаф, видимо привезенный из Финляндии, письменный стол и несколько стульев. Вот и все, на чем мог задержаться взгляд. Судя по обстановке, так мог выглядеть в мирное время штаб батальона. Но Васселей знал, что учреждение, помещающееся в этой избе, занимается более важными делами, чем обычный штаб.

В комнату вошел стройный молодой человек в офицерской форме без знаков различия. Васселей вытянулся по стойке «смирно» и назвал себя.

— Таккинен,— представился офицер и пожал руку. Заметив, что Васселей смотрит на него с явным подозрением, офицер улыбнулся.

Васселей действительно сомневался. «Неужели это тот самый Таккинен?» Слишком уж молодым показался ему офицер, от которого он должен получить инструкции и в чьем подчинении он должен действовать. Да и вид у него был вовсе не мужественный: стройная юношеская фигура, тонкий, чуть вздернутый нос на мальчишеском лице. Лишь подбородок, тяжелый и высокий, придавал ему небольшую солидность.

— Прежде чем пойдете отдыхать, мы имеем возможность встретиться с Боби Сивеном,— сказал Таккинен.— Господин Сивен может принять вас только сейчас.

Боби Сивен... Таккинен произносил это имя подчеркнуто. Оно должно было значить больше, чем официальный пост, который занимал этот человек. Он был ленсманом Ребольского уезда.

Господин Сивен принял их в горнице просторной карельской избы. Пол был покрыт деревенскими, с карельским узором, половиками, расстеленными так, что между ними проглядывал белый некрашеный пол. Хотя в избе жил лютеранин, иконы по-прежнему оставались в красном углу. На стене в раме под стеклом красовался в полный рост Маннергейм. Посередине просторной избы сиротливо и одиноко стояло изящное кресло-качалка, в котором сидел одетый по-домашнему — в мягких тапочках из оленьей шкуры — хозяин.

— Здравствуйте,— Васселей поздоровался не по-военному, но встал перед Сивеном по стойке «смирно».

Сивен поднялся, энергично пожал руку и, снова опустившись в кресло, предложил Васселею сесть. Васселей сел и стал с любопытством разглядывать Боби Сивена, раскачивающегося в кресле. О семействе Сивенов и о самом Боби он многое слышал. Отец Боби Сивена в 1915 году был заметной фигурой в движении финских егерей. Сын его старался по мере возможности умножить славу фамилии. Несмотря на юные годы, он успел принять участие в экспедиции Малма, затем в следующем году ходил в поход на Олонец, откуда ему, как и из Ухты, пришлось спасаться бегством. Теперь ему было двадцать два года. «Пожалуй, слишком молод, чтобы стоять во главе уезда,— подумал Васселей.— Интересно, кто за спиной мальчишки заправляет делами?»

Глаза у Боби были большие и ярко-синие, как у красавиц, которых изображают на открытках. Смотрели они холодно и отрешенно. Рот был небольшой, как у куклы, толь-

ко нос, как у взрослого мужчины,— крупный и мясистый. В дверях показалась молодая женщина, и Боби что-то приказал ей взглядом. Тут же на столе появился поднос с чашками кофе, пирожными и бутылкой коньяка.

— Прошу к столу.

Это было сказано сухо, в тоне приказания, словно речь шла о каком-то служебном деле, которое надо было выполнить немедленно.

Васселей охотно сел за стол.

— Дорога, наверное, была утомительной? Так, значит, вы родом с севера? Северные карелы — народ крепкий, упорный.

Вопрос, казалось, звучал вполне дружески, но голос Боби был сухим, безжизненным, отрешенным, как и его взгляд. Да и все вокруг было проникнуто этим чужим и холодным духом.

Сивен, подливая Васселею коньяк, сам к рюмке не прикоснулся. Неторопливо, ненавязчиво он переходил от одного вопроса к другому, вернее, только касался их, стараясь узнать мнение гостя. Глаза Сивена чуть оживились, когда он поинтересовался, что думает Васселей о том, как следовало бы вести дело в Северной Карелии, где теперь создано свое Карельское правительство.

— Конечно, учитывая интересы народа,— ответил Васселей так же коротко, как и на все другие вопросы. Впрочем, пространных ответов от него не требовали. Он мог даже молчать. Сивену было достаточно, если он просто кивал головой.

— В настоящее время в историческом аспекте Карелия находится в очень интересном, в некотором смысле даже выгодном положении,— пояснил Сивен.— Я имею в виду не жизненный уровень народа, он, конечно, настолько низок, насколько большевикам удалось его понизить. У карельского народа есть сейчас три выбора. Ребольский и Поросозерский уезды находятся под опекой Финляндии, в них жизнь налаживается по принципам западной демократии. В Южной Карелии и в Тунгуде люди живут под большевистским режимом. В Ухтинском округе свое Карельское правительство. Как вы полагаете, долго ли перед карелами будет такая свобода выбора? И какой путь карелы выберут?

— Да я в политике-то не очень...— Васселей замялся.— Вот в сельском хозяйстве да по части работы в лесу я разбираюсь. Да еще немного в военных делах...

— А если все же придется выбирать? Если каждый должен будет сделать свой выбор? Как в Финляндии в восемнадцатом... Быть свободным или жить под русским игом? Финны выбрали свободу и сражались за нее. А вы, карелы?

Васселей пожал плечами.

— Вот она, трагедия карел,— с сожалением сказал Сивен.— Вы еще не пробудились, у вас нет национального самосознания. Его имеют лишь те, кто получал от финнов экономическую помощь в коммерческих делах и в ком под влиянием финнов пробудилось национальное чувство. Но теперь каждому предстоит сделать свой выбор. И нужны не слова, а дела. Я еще раз спрашиваю вас: какой образ жизни вы лично предлагаете и советуете другим выбрать? Как карел?

— Как карел? Такую жизнь, чтобы можно было жить в мире.

— А как солдат?

— Как солдат? — Этот допрос начал раздражать Васселея, и он не скрывал этого.— Разрешите заметить, что солдатом мне довелось быть немного больше, чем вам обоим, вместе взятым. Быть солдатом — это значит: прикажут «ложись» — ложись, скажут «встать» — вставай, скомандуют «марш» — шагай. В Каяни меня уже проверяли, кто я такой и что думаю.

Таккинен нахмурил брови, давая Васселею понять, что такой тон неуместен при разговоре. Но Сивен, кажется, не обиделся. Он кивал в знак согласия.

— Хорошо сказано, но слишком образно. Солдату-карелу нужно понимать и уметь еще кое-что. Вставая, он обязан знать, куда пойдет. Есть вещи, которые вы должны усвоить и разъяснить своим землякам... Здесь, в Ребольском уезде, в самом молодом уезде Финляндии, мы старались по мере сил и возможностей...

Расхаживая по домотканым половикам, Сивен рассказывал Васселею об обстановке в Ребольском уезде, о продовольственном положении, которое, по его словам, не было еще удовлетворительным, но которое Васселею стоило сравнить с условиями, в каких живет Тунгуда. Рассказал он и о школах, которые осенью начнут работать по-новому...

— Вы, карелы, народ очень талантливый, но еще не созрели, чтобы существовать как самостоятельная нация.— Сивен остановился перед Васселеем и поднял палец кверху, словно говорил с трибуны.— Особенно видны способно-

сти карел в области торговли. Это доказали коробейники из Ухты и Ребол. Мы, финны,— я имею в виду своих коллег — не сумели правильно оценить достоинства карельских коробейников, их мужество и предприимчивость. Наоборот, сколько раз мы реквизировали их последнюю собственность, их товар, который они несли на себе за десятки и сотни километров. Мы не думали, что в коробе, который мы конфисковали, были не только товары, но и будущее карельского торговца и всей Карелии. И, несмотря на всю несправедливость, которую испытывали карелы с нашей стороны, самые энергичные из них выбились в люди, и именно из них выросла та сила, на которую мы можем теперь опираться...

Васселей чувствовал усталость после дороги. Он взглянул на Таккинена, не пора ли переходить к делу. Таккинен сидел на краешке стула с чашкой кофе в руках и слушал Боби Сивена с таким видом, с каким благовоспитанный ученик внимает учителю.

Наконец Боби Сивен заметил, что Васселея совершенно не интересуют его возвышенные излияния о талантливости карел. Оборвав свою речь на полуслове, он закрыл пробкой бутылку коньяка и убрал ее в шкаф.

— Тогда, пожалуй, и все,— сказал он и с кислой миной обратился к Таккинену: — Остальное ты объяснишь более детально.

— Слушаюсь! — ответил с готовностью Таккинен мальчишески звонким голосом и вскочил. Васселею он сказал уже другим тоном, более начальственным:— Мы должны поблагодарить господина Сивена за интересную беседу. Разрешите идти? — обратился он снова к Боби Сивену.

Васселею приготовили постель в горнице дома, где находилась контора Таккинена. Ночь была почти бессонной. Васселей выходил даже на улицу подышать свежим воздухом. Вокруг дома ходил часовой. Едва Васселей заснул, как его разбудили на завтрак. Затем позвали к Таккинену.

Таккинен сидел за письменным столом, свежий и бодрый, в тщательно отутюженном кителе. Поздоровавшись с Васселеем, он движением руки пригласил его сесть и задумался. Сосредоточенный и погрузившийся в свои мысли, он уже не был похож на того юнца, каким казался вчера. И голос его тоже был по-казенному сух.

— Времени у нас мало. Так что давайте приступим к делу,— сказал Таккинен и подошел к карте.

Два дня спустя Васселей встретил утро в весеннем лесу. Его разбудили птицы. Алое пламя, охватившее небо на востоке, незаметно переходило в синеву, такую яркую, что вырисовывающиеся на его фоне ветки хвои напоминали зеленоватые ледяные узоры на оконном стекле.

Васселей вышел к небольшой, но от половодья широко разлившейся таежной речке. Выйти в тайге к реке равносильно тому, что выйти к дороге. Но если на большой дороге путники встречаются часто и никто тебя не спросит, куда ты идешь, то встреча на таежной речке — целое событие. В мирное время тут же запылал бы костер, сварили бы чай, поговорили бы, потолковали. А теперь, в тревожное время, приходится избегать встречи в лесу, прятаться...

Укрывшись за деревом, Васселей долго осматривал берега и, убедившись, что они пустынны, стал соображать, как переправиться через речку. В обход идти он не мог. Да и устал он так, что боялся даже сесть и передохнуть. Знал: стоит ему опуститься на землю — он сразу заснет. А останавливаться здесь, на берегу, было опасно. Васселей только что перешел границу, если можно было называть границей невидимую линию между занятым финнами Ребольским уездом и остальной Карелией. Если при переходе границы его заметили, то место для отдыха надо выбирать где-то подальше, на той стороне реки.

Васселей побрел вдоль берега, надеясь найти что-нибудь, из чего можно соорудить плот. Он буквально валился с ног от усталости, но ему придавало силы сознание того, что цель уже близка. Хотя цель и была смутной, неопределенной, но она влекла его вперед. Домой! Этот путь должен привести его к дому. Правда, прямо домой он не пойдет, он пойдет к лесной избушке, в которой они с отцом хоронились во время похода Малма.

Послышался какой-то шорох, он застыл на месте, словно охотник, подкрадывающийся к токующему глухарю. Нет, ему показалось. Вокруг было тихо, лишь щебетали птицы и где-то вдали слабо поскрипывало дерево. Можно продолжать поиски. Наконец Васселей нашел прибившиеся к камням два скрепленных вместе бревна — когда-то их было четыре и они составляли плот. Бревна, наверное, давно мокли в воде, они настолько отяжелели, что переправляться через реку на них было рискованно. Но Васселей набросал поверх бревен хвороста, лег на них ничком и, загребая руками, поплыл через реку. Течение

в этом месте было несильное, потому что река здесь разлилась шире, чем в других местах.

Бревна ушли в воду, и выступившая сквозь хворост холодная вода сразу же впиталась в одежду. Только спина и рюкзак на спине оставались сухими. Усталость сковывала все тело, и Васселею хотелось бросить грести и заснуть прямо на плоту: пусть несет, где-нибудь да прибьет к берегу. Но какая-то внутренняя сила заставляла его двигать закоченевшими руками. Время от времени он поднимал голову, чтобы убедиться, что противоположный берег хоть медленно, но все же приближается. И опустив голову на хворост, он опять упорно греб руками...

— Ну давай, бедняжка, давай! — сказал кто-то по-русски. Васселей хотел вскочить, выхватить револьвер, но было уже поздно: две пары крепких рук держали его за кисти. Третий красноармеец стоял неподалеку в воде, наставив винтовку на Васселея. С него тотчас же сняли рюкзак и отобрали револьвер.

— О, да это же не простая птичка! — воскликнул один из красноармейцев, рассматривая найденную в кармане Васселея карту. На краю карты шли колонкой какие-то загадочные цифры.— А эти что значат?

— Я не знаю,— ответил Васселей по-русски.

Он и в самом деле не знал ключа к этому шифру. Он знал только то, что карту и пакет, приложенный к ней, он должен был оставить в тайнике в лесу, неподалеку от деревни Койвуниеми. Человек, для которого предназначалась эта тайнопись, находился в Тунгуде, его имя Васселею было неведомо, и они даже не должны были встречаться. Да и вообще доставить карту и пакет Васселей обязан был, так сказать, по пути — задание у него другое, более ответственное.

— Ничего, мы поможем тебе все вспомнить! — Красноармеец со зловещим смешком похлопал по карте.

— А я и вправду не знаю,— простодушно сказал Васселей.

— Из каких ты будешь, что умеешь говорить по-русски?

— Я карел. Служил в царской армии.

Васселей решил честно отвечать на все вопросы.

Молодой красноармеец спросил его имя и откуда он, записал в блокнот. Красноармеец постарше махнул Васселею револьвером:

— Пошли. Там разберемся, кто ты и зачем. А вы оставайтесь здесь,— сказал он ребятам.

— Михаил Петрович, ты один поведешь?

— Одного шпиона уж как-нибудь доведу до места...

— Дайте мне хоть полчаса отдохнуть,— взмолился Васселей.— Меня ноги уже не держат.

— Ишь, отдохнуть захотел! — усмехнулся Михаил Петрович.— Еще чего угодно вашей милости, господин шпион? А ну пошли!

После утренней росы ягельник был мягким, как ковер. Дул легкий ветерок, грело солнце, в сухом сосновом бору остро пахло смолой. Каждый шаг давался Васселею с трудом. Ему вдруг захотелось броситься на землю, в мягкий мох, и лежать не двигаясь. «Пусть убивает!» Пусть застрелит из своей винтовки или же из его, Васселея, револьвера. Все равно... Все равно убьют... В том, что его убьют, он не сомневался. Но даже в самом безнадежном положении человек стремится продлить жизнь хоть на минуту, на секунду. Хотелось еще и еще раз вдохнуть смолистый воздух карельского леса, сделать еще шаг по родной земле, по этому мягкому ягелю...

— Так ты говоришь, служил в царской армии. Ты на каком фронте воевал? — послышался сзади голос конвоира.

— В Галиции.

— Выходит, мы с тобой на одном фронте были. А в какой дивизии? Впрочем, теперь уже все равно. Солдаты бывшие и армия бывшая.

— Кто знает, может, в одном полку служили.— Васселей немного ожил.— Кого у нас только не было. И русские, и карелы, и малороссы, и кавказцы...

— Да, всякий народ был,— откликнулся конвоир.— Да не у всех так дороги разошлись, как у нас с тобой.

— Слушай, служивый, а что ты сделаешь со своим однополчанином, если он тягу даст? Неужто стрелять будешь? — спросил Васселей.

— А ты попробуй. Тоже мне, однополчанин нашелся...— и красноармеец выматерился.

— Не буду пробовать. Так поверю.

— Так-то и лучше будет.

Намокшая одежда подсыхала, и тело под ней начало зудеть. Сунув руку под рубаху, Васселей вдруг обнаружил, что красноармейцы не догадались отнять у него спрятанный под брючным поясом финский нож.

— Погоди,— послышалось сзади.

Васселей оглянулся. Конвоир стоял, свертывая козью ножку. Револьвер неуклюже торчал под мышкой, а вин-

товка висела на ремне. Свернув цигарку, красноармеец опустился на камень и закурил. Махнул Васселею рукой: садись, мол...

— Гляжу я на тебя, паря, и никак в толк не возьму.— Голос красноармейца стал мягче.— Вот ты карел, а шпионить пришел в Карелию. И чего ради? Мы с тобой, паря, вместе воевали, германца били. Потом супротив нас мировой империализм попер. А ты, выходит, шкуру продал? За что — не пойму. За деньги, что ли? Неужели солдат может продаться за деньги? На буржуя ты вроде не похож...

— А я хотел жить в мире.

— Верю, паря, верю,— красноармеец засмеялся.— Попался — и мира сразу захотелось.

— Что со мной будет, как думаешь? — спросил, помолчав, Васселей.

— Это ты серьезно спрашиваешь? — Красноармеец испытующе взглянул на Васселея.— Ну ежели я скажу, мол, тебя пожурим чуток, дескать, нехорошо, паря, шпионить, а потом отпустим на все четыре стороны, ты ведь не поверишь?

— Не поверю.

— То-то и оно.

Это «то-то и оно» — прозвучало как приговор.

— Дай закурить,— хриплым голосом попросил Васселей.

Красноармеец протянул кисет. Васселей поднялся и подошел к нему. Конвоир дал прикурить. Хотя и не было ветра, но прикурить никак не удавалось. И тут-то подобно вспышке пламени мелькнула мысль, что если и есть еще возможность спастись, то только сейчас. Красноармеец не заметил, как сверкнул нож. Выронив кисет и револьвер, он схватился двумя руками за грудь, опаленную нестерпимой болью, и рухнул навзничь на мокрый мох. Васселей схватил свой рюкзак, револьвер, винтовку конвоира и бросился бежать.

Усталость, только что валившая его с ног, сменилась бешеным приливом сил. Он пробежал через бор и, не замечая, как сучья царапают лицо и рвут одежду, начал продираться через густой ельник. Потом он бежал по болоту, потом по острым камням. Он бежал, словно человек, которого ударил ножом, гнался за ним по пятам. Винтовка мешала ему, и он бросил ее в болото. Нет, его гнал не страх перед преследователями. Ведь у него же был револьвер, и если кто-то погнался бы за ним, он бы не растерял-

ся. Он бежал от самого себя, от того, что он сделал. Человек, с которым он воевал на одном фронте, протянул ему свой кисет, а он убил его... Убил! Васселей бежал до тех пор, пока не споткнулся и не упал. Подняться он уже был не в силах.

Очнулся от холода. Солнце скрылось за лесом, наступала ночь. Васселей схватил револьвер, осмотрел рюкзак. Его дорожные припасы: карта, пакет — все на месте. Все было опять при нем, как и утром. А может быть, ему только приснился дурной сон? Может, ничего и не было? Ох, если бы это был сон. Но на лезвии ножа осталась засохшая кровь.

Васселей поднялся и побрел вперед, забыв даже поесть. Он шел и шел, не думая, куда идет. Здесь, в глухой чаще, не было никаких дорог, но Васселей был словно на перепутье. Три дороги лежали перед ним. Какую из них выбрать? Пойти ли на восток, в Тунгуду, или на север, домой. А может, повернуть обратно на запад, в Финляндию?..

Солнце светило сзади, и впереди Васселея шла длинная черная тень. Он хотел идти быстрей, а тень все время опережала его. Лучше всего было вернуться обратно, но возвращаться в Финляндию через Реболы он тоже не мог, для него граница теперь была на замке. Но куда-то надо было направиться...

Васселей сел под большим кустом можжевельника и достал карту. Деревень в этих местах мало, и разделяли их многие десятки километров бездорожья. Таккинен подробно перечислил, сколько в какой деревне красноармейцев и милиции. Взгляд Васселея остановился на Юнтуойоки. Деревня лежит в стороне от дороги; по словам Таккинена, красноармейцев там нет. Может, пойти туда, посмотреть, что и как там, а затем уж решать, куда податься...

...До деревни оставалось верст десять, как вдруг Васселей уловил в лесу запах дыма. Укрываясь за деревьями, он спускался по отлогой горе. Впереди была болотистая, заросшая густым ельником низина. Посередине зарослей подобно островку скрывалось небольшое сухое возвышение, где росли огромные вековые ели. Дым шел с этого островка. Вскоре Васселей увидел крышу низкой замшелой избушки. Перед избушкой сидел мужичонка в рваном пиджаке и что-то строгал ножом.

Васселей долго наблюдал за ним. Убедившись, что тот один, он стал осторожно приближаться к избушке. Под его

ногой ни один сучок не хрустнул, но сидевший перед избушкой вдруг насторожился, потом метнулся в чащу.

— Стой! Стрелять буду!

Человек остановился, поколебался и не спеша вернулся на свое место.

Васселей подошел, сел на пень и закурил.

— Чего же не стреляешь? — спросил мужичок.

— Зачем же мне стрелять, коли ты вернулся? Оружие у тебя есть?

— Сейчас будет. Видишь, делаю.— Человек показал валек для белья, который он выстругивал.— Этой штукой как треснешь — и...

— И дух вон,— согласился Васселей.— Штука-то неплохая. Только где ты найдешь дурака, чтобы лоб свой подставил? Что ты тут делаешь?

— Разве не видишь? Советская власть говорит: кто не работает, тот не ест. Вот я и работаю.

— А ты какого роду-племени?

Человек взглянул на бок Васселея, где под пиджаком оттопыривался револьвер, помолчал и сказал:

— Я тебя не спрашиваю, кто ты такой. Хочешь — сиди, хочешь — топай дальше.

— Уж больно ты любезен! — засмеялся Васселей.— На, закури.

Мужичонка недоверчиво посмотрел на протянутый кисет. Потом взял его и стал жадно сворачивать самокрутку.

— Ты из Юнтуойоки? — спросил Васселей.— Как у вас там народ живет?

Закурив, собеседник Васселея стал чуть поразговорчивее.

— Живет. Здорово живет. До того здорово, что ежели еще лучше будет жить, то можно будет крест на всей деревне поставить.

— А ты чего же в лесу скрываешься?

— Проветриться пришел. Прогуляться решил, чтобы лишний жирок не завязался.

Горечь сквозила в каждом слове этого мужика. Худой, обросший, лицо в глубоких морщинках. Губы вздрагивают; видно, мнется — открыться ему перед чужим человеком или промолчать. Васселею стало жаль его.

— Давай перекусим,— предложил он и отрезал ломоть хлеба и кусок копченого мяса.

Тот взял хлеб и мясо, стал жадно есть, но тут же, спо-

хватившись, разломил хлеб на две части и кусок побольше спрятал за пазухой.

— Дочурке снесу.

— Может, вместе пойдем в деревню? — спросил Васселей, когда мужичок съел свой хлеб.

— Мне туда путь заказан,— буркнул он.— А тебе тем более.

— Почему?

Мужичонка оглядел Васселея, словно взвешивая, стоит ли ему доверять.

— Дай-ка еще закурить,— сказал он наконец. Затянувшись, помолчав немного, начал: — За курево и за хлеб спасибо, а вот что народ насчет вас говорит и что я сам о вас думаю, скрывать не буду. Я ведь вижу, что ты за птица. Ведь ты из тех, что народ мутят да на нехорошую дорогу направляют. Какого беса вы тут бродите, чего вам от нас надо? Почему вы людям не даете жить в мире, а?

— Ты нас не трожь,— нахмурился Васселей.

— Мне-то что? — он сердито затянулся.— Я и сам запутался. Так запутался, хоть в петлю лезь...

Возбужденно, отрывистыми фразами он рассказал свою печальную историю. Он то ругался, то беспомощно разводил руками, словно спрашивая совета.

Кириля — так звали мужичонку — рубил лес на Мурманке. Кормили плохо, самому жратвы не хватало, не говоря уже о том, чтобы домой послать. Плюнул он на это дело и сбежал домой, чтобы хоть поле засеять. Пришел, а сеять нечем. Дома с голодухи все начисто поели — и ячмень и картошку, что на семена была оставлена. Детишки совсем хворые, хоть прямо на кладбище вези. И жена едва на ногах держится, еще из избы до хлева доберется, а больше никуда. Пробыл Кириля дома день-другой, и вот из волости человек приходит, обратно на Мурманку гонит. Говорит, рабочих рук там не хватает, поезда ходить не могут, потому что топлива нет. А Кириля ему — не пойду, и все. Тот стращать начал, худо, говорит, будет тому, кто закон о трудповинности не признает. Но так ничего он и не сделал, оставил Кирилю в покое, ушел. Ну, думает Кириля, пронесло, больше не тронут. Да не тут-то было. Проходит еще день-другой, является в деревню продотряд. Сперва провели собрание, долго рассказывали о голоде в Питере да Петрозаводске. О том, что помимо внутренних и внешних врагов грозит Советской власти еще один враг — голод. Потом пошли по избам. Все амбары обша-

рили, чуланы обыскали. В амбарах хоть шаром покати, а в избах одни тараканы и детишки, опухшие с голоду. Конечно, у тех, кто побогаче, можно было кое-что найти, только искать надо было не около дома, а подальше, в лесу, где они свое добро схоронили. А у Кирили ни дома, ни в лесу — нигде ничего. Повертелись продотрядовцы, поглядели, хотели уже уйти, и вдруг одному из них вздумалось в закуток за хлевом заглянуть. А там теленок стоит. Только что из соседней деревни привели, родственники жены дали. Видит Кириля — заберут теленка. Схватил топор, встал в дверях хлева и кричит на всю деревню: не подходите, не то убью прямо на пороге! Сам топором машет. Продотрядовцы сперва наганы вытащили, но стрелять не стали. Думал Кириля, что его взяла, остался теленок, а тут кто-то сзади подкрался и вырвал у него топор. Теленка, правда, не взяли, а его, Кирилю, забрали. Выбирай, говорят,— или обратно на Мурманку пойдешь, или в тюрьму за саботаж. Жена без сил на пол свалилась, воет, детишки тоже ревут. Повели они Кирилю. Шли пешком. Хорошо еще, что ничего в деревне не нашли, а то бы пришлось продотрядовцам на себе тащить свою добычу. А так налегке шли. И вот добрались до реки. У продотрядовцев лодка была спрятана в кустах. Переправились и стали устраиваться на привал. Один принялся костер раскладывать, другой хвою рубить, а Кириле дали котелок и велели воды набрать. Стал Кириля набирать воду, а у берега вода мутная, тогда он залез в лодку и оттолкнулся от берега. Течение сразу подхватило лодку, и поплыла она потихоньку. «Пусть плывет»,— подумал Кириля и лег на дно. С берега заметили, стали кричать, угрожая, даже стреляли... Вот с тех пор Кириля и отсиживается в лесу.

— И домой не заходил? — спросил Васселей.

— Заходил.— Морщинистое лицо Кирили еще больше сморщилось.— Пришел, а дочь умерла. Будто кто мне шепнул, иди, мол, дочь хоронить. Похоронил ее ночью, а утром в лес ушел. Топор и нож взял с собой.

— Когда ты думаешь сходить в деревню?

— Чего ходить-то? Надо бы рыбы снести. Наловишь ее, а она тухнет. Соли-то нет.

Васселей достал из рюкзака мешочек с солью, хотел было отдать его Кириле, потом, подумав, отсыпал себе часть.

— Ты что это расщедрился? — воспротивился Кириля.— Разве не знаешь, в какой цене нынче соль?

— Мы знаем все,— сказал Васселей, но, заметив, что это «мы» словно резануло Кирилю, поправился: — Я знаю.

— Да, вы знаете, и вы поможете,— мрачно протянул Кириля.— Ну спасибо и за это. Как стемнеет, схожу, пожалуй, в деревню.

Они договорились, что пойдут вместе. Кириля, правда, сначала возражал, говорил, что не хочет связываться с компанией, в которую входит Васселей. Но потом все же согласился провести его в деревню. Он и сам был не в лучшем положении. Так что, в случае чего, могла быть помощь и от Васселея, у которого револьвер.

— Ты только смотри ни в кого не стреляй. Просто так пугай,— попросил он.

В Юнтуйоки было всего с десяток изб, разбросанных вокруг небольшого озерка, из которого вытекала узкая и мелкая, лишь весной бурливая речонка. Васселей спрятался за ригой, а Кириля пошел разузнавать, что делается в деревне. Он долго не возвращался, и Васселей забеспокоился. Наконец Кириля вернулся, сказал, что чужих в Юнтуйоки нет.

Жена Кирили, высокая костлявая женщина в рваном сарафане, с растрепанными волосами, сидела на кровати, склонившись над чуть слышно попискивающим комочком, завернутым в шубу и одеяло. Увидев незнакомого человека, она отрешенно поздоровалась и заплакала. Васселей подошел к кровати. То, что он сумел разглядеть в полутьме, заставило его отшатнуться. Из-под одеяла выглядывало что-то багровое, распухшее, бесформенное, совсем не похожее на детское личико. Васселей не мог смотреть и, отойдя, сказал:

— Ей жарко. Снимите одеяло.

Кириля погладил ребенка через одеяло и стиснул зубы, чтобы не разрыдаться. Жена его уже, видимо, свыклась с мыслью, что и вторая девочка умрет, и свое материнское горе она изливала лишь в причитании:

Зоренька моя ненаглядная,
на своих руках тебя я выносила...
Неужели унесут тебя лебедушки,
мою радость-отраду единственную?..

Кириля вышел на крыльцо. Он был не в силах слышать плач жены. Запретить оплакивать еще живую дочь он тоже не мог.

Васселей стоял, стиснув зубы. Если бы он мог хоть чем-то помочь... Он готов был на все. Но единственное, что он мог сделать, это схватить свой рюкзак и вывалить на стол все свои дорожные припасы. И он, не задумываясь над тем, что будет с ним самим, бездомным бродягой и изгнанником, сделал это как нечто само собой разумеющееся. Хозяйка осталась равнодушной и к этому. Даже не поблагодарив, она отломила кусочек хлеба, тщательно, стараясь не проглотить ни крошки, пережевала его и затем попыталась всунуть в рот больному ребенку. Но тот вытолкнул изо рта жвачку и заплакал еще сильнее. Мать опять запричитала. Если ребенок отказывается от еды, значит, дело совсем плохо. Васселей прервал плач хозяйки весьма дельным замечанием, убрать со стола съестные припасы: «Не дай бог, если кто вдруг придет». Хозяйка спрятала еду, опять не сказав Васселею ни слова благодарности. Да ему и не нужны были эти слова, ему достаточно той благодарности, которую он видел в наполненных слезами глазах бедной женщины.

Васселея спрятали. Чердака в хлеве не было, но между крышей и потолком было свободное место, заваленное прошлогодними вениками. В вениках Васселей и нашел убежище. Сам хозяин решил пока не хорониться. В случае опасности он всегда успеет укрыться, говорил он, главное — не появляться в деревне.

Но Кирилю застали врасплох. Он настолько был подавлен своим несчастьем, что, когда вдруг распахнулась дверь и на пороге появились два пограничника, он от неожиданности лишь развел руками и испуганно пробормотал:

— Берите меня. Я здесь. Берите нас всех. И ее тоже берите.

Он показал на больного ребенка.

— Зачем ты-то нам! — ответил один из пограничников по-фински.

Этот пограничник был из финских красногвардейцев. Кириля вспомнил, как его жена, не очень-то разбиравшаяся в том, что творится на белом свете, как-то удивлялась: «Все в этом мире перепуталось. Поди разберись... Финны за финнами гоняются, карел на карела идет, русские с русскими воюют». А на сей раз красный финн и русский большевик кого-то ищут вместе. Слава богу, не его, Кирилю... Кого же тогда?

— Есть кого нам искать,— ответил финн.— Вы не видели в деревне чужих людей?

— Кого же это? — поинтересовался Кириля, хотя и догадался, о ком идет речь.

— Одного бандита с большой дороги.

— Нет, мы никого не видели.

Жена Кирили побледнела как полотно и от страха ничего не могла вымолвить. Лишь кивала головой, подтверждая слова мужа.

Но, как видно, пограничники что-то заметили. Они осмотрели избу, заглянули под пол, на чердак, вышли во двор. В хлеву был лишь теленок, но возле входа в хлев стояла лестница. Один из пограничников стал подниматься по ней, чтобы посмотреть, что там, между крышей и потолком хлева. Но тут же послышался треск. Васселей, выбив доску из крыши, выскочил на картофельное поле и побежал к лесу. Он бежал, петляя как заяц. Когда пограничники бросились следом за ним, раздалось два выстрела.

— Не стреляй, слышишь, в людей не стреляй! — крикнул Кириля и метнулся следом за Васелеем.

Пограничники открыли огонь и стали перебежками приближаться к лесу.

Васселей бежал долго. Только уйдя далеко от деревни, он остановился в густом сосняке и, переводя дыхание, стал прислушиваться. Вокруг было тихо. Он лег на землю. Поднималось солнце, и, разморенный его теплыми лучами, он чуть было не заснул, как вдруг из лесу донесся осторожный шорох. Васселей схватил револьвер.

Из-за деревьев показался Кириля. И снова их пути сошлись, хотя бежал Кириля совсем в другую сторону.

— Иди сюда, не бойся,— позвал Васселей.

Кириля тяжело дышал. Опустившись на кочку рядом с Васселеем, он сказал с горечью:

— Куда мне теперь деваться? Скажи, куда?

— Не знаю, брат, что тебе и посоветовать,— вздохнул Васселей.

— Как не знаешь? Ну и влип я!..— и Кириля отчаянно выругался.— Двинуть бы тебе разок, чтобы знал.

— Ну, двинь!

Потом оба сидели молча, мрачно прислушиваясь к голосам в растревоженной внезапными выстрелами деревне.

— А сам ты куда думаешь податься? — спросил Кириля.

— Что толку от того, что я думаю! — Васселей плюнул.— Думал я отдохнуть у тебя, а ноги вон куда принесли. Велено мне идти в одну сторону, а хочется — в другую,

пойду, может быть, в третью. Так что думай не думай — ничего тут не придумаешь.

— Да, так жить долго нельзя,— рассудил Кириля.— А что же потом будет?

— Война будет.

— И ты думаешь, ваши возьмут верх?

— Верх возьмет тот, у кого силы больше. А сила у того, за кем народ пойдет,— уклончиво ответил Васселей.— Народ возьмет верх.

— Народ, говоришь? А народу мир нужен. Хлеба побольше да мир покрепче. Вы же оттуда, из Финляндии, идете не с миром. С войной идете, сам сказал. А где война, там и голод. Голода мы уже вдосталь видели. Вот тебе и народ...

— Тихо! — Васселей схватил Кирилю за руку.— Видишь?

С сопки, на которой они укрылись, была видна дорога, что вела в Тунгуду. По ней шли два пограничника, искавших Васселея в избе Кирили. Видимо, они решили, что Васселей направился в Тунгуду. Туда Васселею пути уже не было. Хоть и велено идти, он все же не пойдет туда...

Кириля тоже был на распутье. Дома оставаться он не мог... Так что же делать? Что?

— А если Финляндия опять проиграет войну, куда же вы, карелы, денетесь? — спросил Кириля.— С тобой-то что будет?

— Со мной-то? Выбор у меня большой. Выбирай что хочешь. Могу остаться в Финляндии. А повезет — так в Сибирь попаду или в тюрьму какую-нибудь. А может, на тот свет отправлюсь.

— Да, брат, невесело у тебя получается.— Кириля внимательно посмотрел на собеседника.— Приходил к нам один из ваших, не знаю, кто он там у вас. Людей ночью собирал. Всего наобещал. И то будет, и это... Многие поверили.

— А ты?

— Я? Я бы поверил тому, кто сказал нам, как жить в мире. А тут, сам видишь...

— Твои дела тоже невеселые,— заключил Васселей.

— А как там в Финляндии? — спросил Кириля после долгого молчания.— Говорят, там народ живет лучше, чем у нас. Хоть с голоду не мрут. Верно это?

— Как сказать...— рассеянно ответил Васселей. Он думал о том, что будет с ним. Может ли он вернуться в Фин-

ляндию, не выполнив задания? — А что? Ты думаешь податься в Финляндию?

Кириля пожал плечами. Выхода-то у него нет...

Васселей стал расспрашивать Кирилю, прикидывая про себя, нельзя ли использовать его в своих целях. Поразмыслив, предложил, что если Кириля действительно собирается уйти в Финляндию и дождаться там более спокойных времен, то он должен кое-что сделать для этого, не идти же за границу с пустыми руками. Кириля сперва не хотел и слушать. Что он может сделать? Человек он бедный, неизворотливый. Васселей сказал, что для начала достаточно выполнить одно поручение,— Кириля должен взять у него карту и пакет и положить в тайник неподалеку от Койвуниеми. Потом может идти в Финляндию. А он, Васселей, подтвердит, что Кириля помог ему...

Когда стемнело, они разошлись. Васселей направился на север, к дому. Все-таки там ему безопаснее: в Ухтинском правительстве сидят свои люди. Оттуда легко уйти и за границу.

Через несколько дней Васселей был уже недалеко от Тахкониеми. До родной деревни оставалось верст тридцать, когда он вдруг почувствовал в лесу запах дыма и вскоре вышел на берег лесного озерка. Возле догоравшего костра крепко спал человек, подложив под голову кошель и прижимая к себе винтовку. Человек не проснулся, даже когда Васселей подошел вплотную и, поправив чадившие головни, подложил в огонь дров.

— Ну и здоров ты дрыхнуть, Юрки,— громко сказал Васселей.

Тот открыл глаза.

— Васселей?!

СВОИ И ЧУЖИЕ

В Тахкониеми приезжал какой-то человек из Ухты проводить собрание, и от имени Ухтинского правительства обещал, что скоро наступит конец нужде и голоду, скоро из Финляндии поступит мука, соль и семена, чтобы провести сев. После этого Юрки Лесонену и его напарнику Симо Тервайнену не было отбою от баб, приходивших то и дело спрашивать, где же обещанные семена. Или, может, у Ухтинского правительства власти больше, чем у самого бога, и оно в силах отодвинуть время сева с весны на лето? Чем Юрки и Симо могли помочь бедствовавшим жителям деревни?

Люди клялись и божились, что нет ни единого зернышка ячменя, чтобы засеять поля. А если они останутся без ячменя, без которого даже лепешек из сосновой коры не испечешь, то всей деревне грозит голодная смерть.

Но Ухтинское правительство так и не прислало ни зернышка. Убедившись, что от жалоб толку нет, бабы перестали ходить и плакаться, что им нечего сеять. Когда подошло время сева, оказалось, что почти у всех в лесу был припрятан ячмень. Поблагодарив бога, научившего их беспокоиться о завтрашнем дне, жители деревни засеяли свои поля. Кое-кто одолжил ячменя даже своим более бедным соседям с условием, что те отдадут им часть урожая. То же самое было и с картофелем.

Юрки Лесонен сидел перед огнем, сушил одежду и размышлял. Что же делать дальше? Весенний сев уже закончился. Работы нет. Их помощь крестьянам больше не нужна. Так что кормить их никто не будет, да и чем людям кормить-то их? Что же там, в правительстве, думают? Давно оттуда ни слуху ни духу, точно вымерли все. И харчей нам не шлют. И что это за правительство, если оно о своих солдатах забывает?..

Юрки пытался объяснить себе все это тем, что люди, сидевшие в правительстве, впервые занимаются государственными делами. Оно и понятно, рассуждал он, государство только создается, и, ясное дело, забот всяких у правительства хоть отбавляй. А опыта в таких делах еще нет...

О делах Ухтинского правительства Юрки знал лишь то, что вычитал из воззваний и манифестов. Правда, чтение для него всегда было великим трудом. Писалось в этих бумажках больше о том, что Карелия теперь свободная и принадлежит карелам. И что воевать они ни с кем не будут. Все это были хорошие и понятные слова. Но все-таки брало сомнение: не может быть, чтобы на Карелию не позарилось ни одно государство. Финляндия относится к самостоятельной Карелии доброжелательно. Англия, Америка, Франция тоже... Так утверждало Ухтинское правительство. Что это с ними случилось — ни с того ни с сего стали вдруг такими добренькими? Ведь еще недавно финнам и англичанам до того недоставало Карелии, что даже передрались из-за нее. Когда из Ухты приезжал человек проводить собрания, Юрки спросил у него, а как Советская Россия относится к их правительству. Тот замялся, а потом ответил, что — благожелательно. Дескать, в апреле где-то на реке Сестре какой-то пограничный комиссар сказал, что

Ухтинское правительство может остаться, если трудовой народ признает его законным. Конечно, это правительство избрано пока не по воле народа, оно еще временное, но там поглядим, кого народ выберет в постоянное правительство. В этом отношении имелся весьма горький опыт. Да и со стороны России одной благожелательности мало — надо бы обратиться к ней за помощью и вообще в трудный час искать в ней опору. И порядки в Карелии надо установить не такие, как при царе были, и не такие, как в Финляндии, а новые, как большевики в России установили. Землю отдать крестьянам, заводы — рабочим. И еще надо, чтобы мир был. А пока что мира-то нет. Никак люди не могут успокоиться после всех этих войн. По лесам прячутся, сами не знают, от кого скрываются, за кем гоняются, у кого помощи просят. Пошли бы все по домам и жили бы спокойно, не спрашивая, кто за кого воевал. Главное, чтоб каждый дал слово, что больше воевать ни с кем не будет...

В глубине души Юрки и сам сознавал, что эта идеальная, мирная Карелия существует лишь в его воображении. Но все-таки ему, простому карелу, уставшему от всех этих войн, хотелось помечтать о мире. Его совесть была чиста. Он считал, что сделал для Карелии все, что было в его силах. Когда выгоняли отряд Малма, он воевал против белых. А когда англичане потребовали, чтобы их карельский легион пошел воевать с красными, Юрки на эту удочку не поддался. Потом Карелию пытались покорить войска белого генерала Миллера. Но если сами русские не признавали власти этого Миллера, то в Карелии ему и подавно нечего было делать. И Юрки не колеблясь вступил в ряды карел, отправившихся изгонять это белогвардейское отребье. Отряд миллеровцев они разбили, их командира полковника Тизенхаузена взяли в плен. Юрки сопровождал его в Ухту. Правда, Ухтинское правительство потом почему-то отпустило полковника, но они, солдаты-карелы, были тут ни при чем...

— Видно, нам с тобой придется пойти в Ухту,— сказал Юрки своему напарнику.— Надо узнать, как там дела... К тому же там должна быть и эта, как ее... сессия.

— Ты что, делегат, что ли? — засмеялся Симо Тервайнен.— Давай пойдем. Я не против. Здесь нам торчать нечего.

Симо рад был отправиться в Ухту — он был родом оттуда. С не меньшей охотой он отправился бы и дальше — в Финляндию. Ему было лет пятнадцать, когда он ушел из родных мест в Финляндию. Сперва коробейничал вместе

с дядей. Затем, когда дяде удалось обзавестись своей лавчонкой, Симо был у него сперва мальчиком на побегушках, потом встал за прилавок. С тех пор Симо не расставался с мечтой сделаться когда-нибудь владельцем собственного магазина. Года два назад ему дали понять, что кратчайший путь к его мечте лежит через Карелию, где перед способным коммерсантом раскрыты такие возможности, которых в Финляндии и не бывает. И еще намекнули, что если он не отправится добровольцем сражаться за свое будущее, то в Финляндии ему этого будущего тоже не видать. Но «кратчайший путь» оказался довольно долгим. За это время в Финляндии он сумел бы накопить кругленькую сумму, а здесь не удалось отложить ни единого пенни.

Симо взял свою винтовку, подсумок с патронами, узелок с вяленой рыбой и был готов отправиться в путь. Юрки сложил в кошель все свое имущество: пару чистого белья, вторые пьексы, которые имели более или менее приличный вид и которые он носил по праздникам, эмалированную кружку, запасы курева.

— Сюда я, наверно, больше не вернусь,— пояснил он.

— Одному мне тоже здесь нечего делать,— заявил Симо и принялся укладывать свои пожитки. Он сложил в рюкзак черные полуботинки, новый костюм, несколько белых накрахмаленных рубашек, между которыми лежал и яркий галстук. В Тахкониеми можно было одеваться как попало, а в Ухте надо выглядеть барином.

В лесу пахло весенней сыростью. Солнце скрылось за деревьями. Был поздний вечер. В это время года солнце здесь, на севере, заходит ненадолго; сумерки длятся какой-нибудь час. Едва успеешь костер развести да чай сварить, и солнце, глядишь, опять всходит и начинает греть ночных путников. Пройдя по ночному лесу верст двадцать, Юрки и Симо вышли к лесной избушке, углы которой не успели еще обрасти мхом. Эту избушку срубили финские солдаты из экспедиционного отряда Малма. Здесь у них был этапный пункт.

По старой солдатской привычке Юрки подкрался к избушке сзади, постоял, прислушиваясь, затем осторожно подошел к двери. Симо остался стоять за деревом.

— Кто-то здесь был,— сказал Юрки.— Был, да сплыл.

Бывалый таежник по одному запаху может определить, если избушку топили хотя бы неделю назад.

Путники сбросили свои ноши на стол, сооруженный перед избушкой. Симо устало опустился на пенек, а Юрки,

согнувшись в три погибели в низкой двери избушки, вошел внутрь. В избе оказались даже нары. На вытесанных топором досках был ровным слоем настлан сухой камыш. Перед печуркой лежали наготове сухие дрова. Нашлись в избушке спички и соль.

Осмотревшись, Юрки заметил на плоском камне перед каменкой крест из березовых прутьев. Он вспомнил, что во время похода Малма белофинны пользовались таким условным знаком, чтобы известить своих, что где-то рядом спрятано важное сообщение. Этот крест значил: «Найди и передай своим». Что же белые хотят сообщить своим? Юрки стал искать. Под камышом на нарах он нашел свернутую трубочкой бересту, внутри которой оказалась бумажка. Химическим карандашом на ней было написано по-фински: «Красные финны заняли Ухту. Заседание Временного правительства Карелии состоится в Вуоккиниеми в назначенное время».

«Вот как?!» — подумал Юрки и растерянно опустился на край нар. Он знал, что где-то севернее, на Мурманской железной дороге, были финские красногвардейцы. Но зачем им понадобилось брать Ухту? Почему они начали военные действия? И почему правительство бежало? Почему это сообщение передается при помощи условного знака белофиннов?

— Огонь-то мы будем разводить? — послышался голос Симо.

— Конечно, будем. Сходи за водой, а я разведу.

Юрки сунул бумажку в бересту и спрятал на прежнем месте.

Развести огонь в каменке он так и забыл. Симо удивленно смотрел на товарища, словно застывшего на месте. Неужели Юрки так устал, что не в силах затопить каменку?

Юрки очнулся от своих мыслей.

— Давай сперва наловим рыбы, а потом разведем огонь.

У Симо были с собой в спичечном коробке рыболовные крючки, а под корой гнилых пней они нашли жирных белых личинок.

Наловив рыбы на уху, они развели перед избушкой костер, потом затопили и каменку. Симо хотел было очистить рыбу от чешуи, но Юрки забрал у него рыбу, сказав, что с чешуей уха вкуснее. Пока варилась уха, Юрки сидел и молчал, покуривая трубку.

— О чем ты все думаешь? — наконец спросил Симо. Он

уже привык к неразговорчивости Юрки, но сегодня тот был особенно молчалив.

— Да вот думаю, что в этом мире делается.

— Брось голову ломать. Пусть об этом думают те, кто за это получает деньги.

— Я их даже всех не знаю. Тех, кто у нас в правительстве сидит. А ты знаешь их?

— Я-то знаю,— похвастался Симо.— Почти всех до единого. А с Хуоти Хилиппялей как-то даже пил кофе...

— Погоди. Хуоти Хилиппяля? Он из Ухты? Ну этот, как его? Он не из Тихкановых?

— Вот-вот. Хуоти Тихканов,— кивнул Симо.

— Ухтинских я знаю, а вот этого Хуоти... Кажется, он еще мальцом ушел в Финляндию...

— Тоже мне карел! — Симо скривил губы.— Этих людей надо знать. Это люди, которые на деле показывают, на что способны карелы...

Когда Симо входил в раж, он всегда переходил на финский язык. Симо просто диву давался: человек состоит на службе у Карельского правительства и не знает, какие люди стоят у власти. И он начал увлеченно рассказывать.

Хуоти Тихканов, или Хилиппяля, как он теперь назывался, еще в молодости понял, как надо выбиваться в люди и каким образом помочь своему маленькому народу. Он начал коробейником, а стал образованным коммерсантом, стоявшим теперь во главе правительства. Под руководством таких людей, утверждал Симо, Карелия станет богатейшим краем, где каждый карел будет иметь работу и пищу. В правительстве Карелии есть люди, которые сумеют создать и заводы и торговые фирмы и стать в главе их. Карелия будет такой же процветающей страной, как Финляндия и Америка.

— Финляндия и Америка? — Юрки засомневался.— Знаем мы их, бывали они у нас. И финны, и американцы, и англичане, и... кого только здесь не было.

— Ну это ты сюда не впутывай. Это все политика, и не твоего ума дело...

— Где уж нам,— усмехнулся Юрки.— Умные в политике головой соображают, а мы, глупые, ее на собственной шкуре познаем...

— Да не об этом речь,— и Симо опять начал просвещать Юрки:— Я тебе о том толкую, как надо жизнь устроить и как страна должна развиваться. А у нас в правитель-

стве есть люди, побывавшие даже в Америке. Например, Васили Кевняс...

— Его я видел. Слышал и речь его.

— Вот это голова!

— Да, голова,— согласился Юрки.

Ему действительно довелось как-то слушать выступление Кевняса в Ухте. Красиво он говорил. У баб аж слезу прошибло, когда он расписывал, как народ прежде жил вольной жизнью, словно дети природы, в мире сказок и рун «Калевалы», и сравнивал прошлое с нынешними страданиями карел. Красиво говорил, но было в его речи что-то чужое, даже «Калевала» была из книжек выученная, не такая, какой ее знали старики и старухи в карельских деревнях...

— Давай-ка спать,— предложил Юрки, оборвав Симо, увлеченно расхваливавшего членов своего правительства.

— Спать...— протянул Симо с кислой миной.— Таковы мы, карелы. Все проспали. Сколько веков все спим...

— И сейчас поспим. У нас путь еще долгий.

— До Ухты не так уж далеко.

— До Ухты? В Ухту, пожалуй, нам идти не стоит. Вот бумажка. Почитай. Ты же пограмотнее меня.

— Что ж ты сразу не сказал?— спросил растерянно Симо, прочитав записку. Он не знал, радоваться ему или огорчаться. С одной стороны, конечно, обидно что не придется побывать в Ухте, повидать родню и знакомых. А с другой — Вуоккиниеми ближе к границе, и если правительство удрало от красных из Ухты, то вряд ли оно надолго задержится в Вуоккиниеми. Так что скоро будем в Финляндии!

Крупные капли дождя забарабанили по крыше, но в избушке, где сухо и тепло, монотонный шум дождя успокаивал и клонил ко сну. Симо, который готов был немедленно отправиться дальше, быстро заснул. Юрки решил перед сном покурить. Он докурил трубку до конца и опять набил ее. Хотя политика и не была делом его ума, все же он думал и о ней. Думал он и о доме, где его ждали. Думал о картофельном и ячменном полях, которые женщины, наверное, уже засеяли, не дождавшись его. Постепенно мысли стали путаться, переплетаясь в какой-то непонятный клубок. Юрки старался удержать нить мысли, но она все время ускользала. И он забылся беспокойным сном...

И вдруг сквозь сон он услыхал голоса.

Юрки сразу встрепенулся и прислушался. Кто-то осторожно приоткрыл дверь. Юрки сел и нащупал винтовку, лежавшую на нарах.

— Вы кто? — строго спросил он.

— А вы?

В щель просунулась пышная борода. Из-под густых сросшихся бровей настороженно глядели два глаза, а чуть пониже их чернел зрачок револьверного дула.

Симо испуганно вскочил и поднял руки.

— Кажется, свои,— и бородач вошел в избушку.— Ты Юрки Лесонен?

— Ах, это ты.— И Юрки тоже опустил винтовку.

— А я Симо Тервайнен. Из Ухты. Не знаете? — заулыбался Симо.— Моя мать приходится племянницей мужу третьей дочери двоюродной сестры вашего Митро.

— А-а,— бородач, видимо, вспомнил.— Хариттайнена, брата твоей мамаши, я хорошо знаю.

— Его все знают,— похвастался Симо.— А я у него работал, приказчиком служил...

— Вы куда путь держите? — строго спросил бородач, которого родственники Симо, видимо, больше не интересовали.— Или, может быть, вы несете здесь караульную службу?

— Мы идем в Вуоккиниеми. Там будет заседание правительства,— поспешил доложить Симо. Бородач недоуменно уставился на него. Симо достал из тайника бересту с сообщением. Прочитав депешу, бородач несколько раз перекрестился и задумался.

В избушку вошли еще двое. Один высокий, плосколицый, коротко подстриженный, с рыжими усиками. У другого усы были длинные и в глаза бросались большие торчащие уши и сплюснутый широкий нос.

— А вас тоже пригласили в Вуоккиниеми? — спросил бородач у Юрки.

Бородач имел право спрашивать. Это был Васили Левонен из Койвуниеми, один из членов Временного правительства Карелии. Юрки встречался с ним на съезде в Ухте. Тогда же познакомился и с его спутниками — с рыжеусым Борисовым или Оскари Пориненом, как его звали теперь, и с длинным Вилле Кирьяновым. Это были мужики из Тунгуды.

— Или, может, просто так шатаетесь по лесу? — допытывался Левонен.

— У всех свои дороги,— уклончиво ответил Юрки.

Симо его ответ показался слишком нелюбезным, и он стал объяснять Левонену, что они несли караульную службу в Тахкониеми и что теперь они...

— Когда несут караульную службу,— оборвал его Левонен,— то спят по очереди. Один спит, другой стоит на посту. Или вас трое? Что-то третьего мы не видали.

— Нас двое.

— Ну-ка, парень, подвинься.— Левонен бросил свой рюкзак на место, где спал Симо, давая понять, что теперь это его место.

Симо послушно поднялся. Борисов опустил свой рюкзак на место Юрки, поближе к каменке, но Юрки спокойно и молча передвинул рюкзак в сторону, поближе к двери.

— Мы будем отдыхать,— сказал Левонен Юрки.

— Мы тоже,— ответил тот.— Я только начал засыпать...

— Кто из вас пойдет в караул?— спросил Кирьянов.

— Никто сюда не придет,— ответил Юрки и, закурив трубку, лег на нары.

— Я пойду,— согласился Симо и вышел.

— Послушай, Юрки,— заговорил опять Левонен, стараясь скрыть свое раздражение.— Как ты думаешь, из каких людей мы сможем создать настоящую карельскую армию?

— Откуда мне знать? — Юрки зевнул.— Это уж ваша забота, вашего правительства. Не мешайте мне спать.— Юрки зажал большим пальцем трубку и, потушив ее, сделал вид, что спит. Но заснуть так и не мог. Он приподнялся на локте и спросил Левонена:— Что же вы там, в Вуоккиниеми, будете решать?

— Что будем решать?— переспросил Левонен.— А еду вы готовить не собираетесь?— сердито обратился он к Кирьянову. Когда тот вышел, начал разъяснять Юрки:— Вот что будем решать. Свои, карельские дела нас ждут. Хватит уже разговоры разговаривать, надо принять решение и прямо сказать, что Карелия воссоединяется с Финляндией, что Карелия на веки вечные порывает с Россией. Вот такие дела...

Борисов почтительно слушал и, лишь когда Левонен кончил говорить, заметил со своей стороны, что они, тунгудские мужики, твердо решили не подчиняться больше Советской власти, что они подчиняются лишь Ухтинскому правительству или Финляндии.

— Понимаешь теперь? — спросил Левонен.

— Начинаю кое-что понимать,— задумчиво ответил Юрки.

Он знал, что заснуть ему теперь не удастся. Он лежал на спине и слушал разговор мужиков, вышедших к костру поесть. Симо, судя по всему, помогал тунгудцам расставлять посуду на столе. Слышно было, как жаловался на житье в Тахкониеми. Мол, скука там страшная, деревенька захолустная, а народ такой, что ему все равно, что в мире творится и кто у власти стоит, просвещай не просвещай, все без толку...

Потом стало тихо. Юрки догадался: Левонен молится перед трапезой. Он знал, что старик сердится, если кто-то при его молитве хоть слово проронит.

Про себя Юрки даже не мог толком сказать, верит он в бога или не верит. Где было положено, он тоже крестился. Но он никогда ничего не просил у бога. Он думал, что если бог действительно существует, то возненавидеть он должен прежде всего тех, кто только и знает, что торчит перед иконой и клянчит — господи, сделай то-то, не делай того-то, кто по десять раз на дню просит простить грехи свои, а сам, глядишь, тут же опять грешит. И не стыдно им просить у господа помощи даже в грязных делах? Это хуже, чем богохульство. Вот и Левонен... Небось опять просит господа покарать тех, кто ему не по душе. Да выпрашивает у бога богатства, хотя сам уже столько добра награбастал, что девать некуда, скольких по миру пустил... А если бог есть, то ему, Юрки, он дал все, что мог дать,— дал крепкие руки, чтобы работать, и ума столько, сколько дал. И совестью наделил. Если все это от бога, то, верно, давая человеку силу, ум, совесть, бог знал, как кто ими воспользуется. Поэтому Юрки не тревожил бога, и бог тоже его не беспокоил. По натуре Юрки был человеком миролюбивым, он хотел, чтобы бог и люди жили между собой в мире. Вот попы пугают крещеных, будто после смерти будет страшный суд. Если этот суд и будет, то, наверное, для того, чтобы взвесить, поступал ли человек по той совести, которая была дана ему богом. Если за что-то придется ответить, что ж, ответим, никуда не денемся...

Наконец Левонен и его спутники поели и вернулись в избушку.

— Ты что, больной, что ли? Все лежишь...— спросил Левонен у Юрки.— Мог бы встать и хоть посуду помыть.

— Я свою посуду помыл,— буркнул Юрки в ответ.

— Ну-ну! — заключил Левонен многозначительно.

Борисов и Кирьянов ждали, пока Левонен выбирал себе место на нарах. Наконец тот улегся.

— Да хранит нас бог и сбережет наш покой...— вздохнул он и добавил, глядя на Юрки: —...раз уж солдаты теперь пошли такие, что им лень стоять в карауле.

— Ничего, бог постережет,— невозмутимо ответил Юрки.— Ежели он не постережет, то от часовых толку мало.

В вершинах деревьев шумел ветер. Дождь перестал, и начало проглядывать солнце.

Не успел Юрки задремать, как Левонен разбудил его:

— У нас тяжелая ноша. Ты поможешь нести?

— Нам не по дороге,— буркнул Юрки.

— Как не по дороге? Куда же ты направляешься?

Юрки ответил неопределенно: время, мол, сейчас такое, что не положено говорить, куда и зачем идешь. Должны же члены правительства понимать, что солдат подчиняется лишь своему непосредственному начальству и что есть вещи, которые солдат не имеет права разглашать...

Когда Юрки проснулся, все спали. Лишь перед избушкой на чурбаке возле стола сидел Кирьянов, сменивший на посту Симо. Увидев Юрки с кошелем, он спросил:

— Уходишь? А что сказать, если спросят?

— Скажи, что ушел по делам Карелии. Ну, бывай.

Сперва Юрки шел по тропе в сторону Вуоккиниеми. Но отойдя от избушки подальше, он свернул налево и пошел прямо по лесу. Взмокшая от пота рубашка уже прилипла к спине, а он все шел, не останавливаясь. Лишь оказавшись в глухой низине, поросшей густым ельником, он сделал привал и решил позавтракать. В кошеле у него осталось несколько вчерашних окуней.

По небу плыли легкие облака. Из распустившихся почек выглядывали зеленые листики величиной с мышиное ушко. Юрки лежал на мшистой земле и разглядывал их. На душе у него вдруг стало спокойно. Да, теперь он сделал свой выбор, и от него уже не откажется. Так что чуток можно и подремать. Что будет дальше, увидит. Сверху пекло солнышко, сбоку подогревал костер: они словно соревновались. Но ветер опять начал усиливаться. Верхушки деревьев раскачивались где-то высоко-высоко, и, глядя на них, появилось приятное ощущение, будто мшистая земля, на которой Юрки лежал, тоже мерно покачивалась...

— ...Ну и здоров ты дрыхнуть,— сказал кто-то спокойным голосом, и Юрки проснулся. Возле костра на корточках сидел какой-то мужчина, поправляя головешки. Его широкое

лицо обросло бородой, серые глаза смотрели устало и настороженно.

— Васселей?!

Юрки сел и протянул Васселею свой кисет.

— Откуда и куда?

— А ты?

— Я из Тахкониеми. Привет тебе из дому.

— Спасибо. Хотя и не догадались они с тобой послать привет, все равно спасибо. Как они там?

— Да что они... Живы-здоровы. Ты домой идешь?

— Домой? — В глазах Васселея вспыхнула такая тоска и боль, что Юрки отвел взгляд.— Скажи, Юрки... Знаю, тебе можно верить... Могу я идти домой? Чья там власть?

— Не знаю, какая там власть. Красные финны взяли Ухту. Наше правительство сбежало в Вуоккиниеми. Вот такие дела у нас...

Васселей взял прут и стал шевелить головешки, хотя они и без того уже разгорелись.

— Красные, значит, могут прийти в Тахкониеми?

— Я их не видел и не спрашивал, куда они идут,— угрюмо ответил Юрки.

Васселей сходил за водой, поставил котелок на огонь, закурил, задумался.

— Так ты думаешь, домой мне ходу нет? — спросил он опять.

— Решай сам. Мы, карелы, народ, привычный ходить по лесам. И если след где увидим, сразу можем сказать, кто прошел. А какие следы ты оставил, сам знаешь...

— Про свои следы я у тебя не спрашиваю,— оборвал его Васселей.

— Давай не будем ссориться,— предложил Юрки.— И так хватает ссор да драк, без нас с тобой. Вот что ты мне скажи, Васселей. Ты не из тех, кто ходит и народ собирает, чтобы с Советами воевать, а?

Васселей долго молчал.

— Этих собирателей и без меня полно,— ответил он хмуро.— Ты читал вот это?

Юрки мельком взглянул на обложку брошюры, которую Васселей достал из-за пазухи, и в руки ее не взял. Брошюрка называлась «За свободу Карелии!».

— Я курю трубку,— пояснил он.— На закрутку мне бумага не требуется.

Васселей хотел бросить брошюрку в костер, но, подумав, сунул обратно за пазуху.

— Тунгуда поднимается против Советов,— сообщил он.

— Там признают лишь ваше правительство.

— «Ваше правительство»... Как будто ты не за это правительство... Или ты уже не карел?

— Давай не будем о том, кто карел, кто нет.

— Давай не будем. Но кто бы я ни был, я твои речи слушать не буду. Смотри, у тебя кипит.

Васселей снял котелок с огня, высыпал туда остатки крупы.

Наконец он не выдержал и спросил о том, что давно вертелось на языке:

— О Мийтрее-пустомеле ты что-нибудь слышал?

— Люди говорили, будто видели его в лесу. В деревню он не заходил.

— Не к красным ли он пробирался?

— Куда же ему еще идти? Не к вам же...

— Слушай, Юрки.— Губы Васселея задрожали.— Если ты мне начнешь тут о Мийтрее... Так я... так мы с тобой врагами сделаемся на веки вечные. Понял?

— Да мы и так что враги.

— Ты тоже, видно, не из красных, раз бежишь от них. Чего ты на меня волком глядишь? Дорожка у нас с тобой одна.

Юрки вскочил и схватил свой кошель.

— Слушай, ты... Дороги у нас с тобой разные! Понял?

И он пошел от костра, не оглядываясь. Мелькнула мысль, что Васселею ничего не стоит послать ему пулю вдогонку.

Но Васселею даже в голову не пришло стрелять. Никакой неприязни к Юрки у него не было. Когда-то в молодости они вместе работали на сплаве, а когда жители соседних деревень сходились на праздник, который у каждой деревни был свой, они вместе с Юрки плясали кадриль и играли в рюхи. Их деревни отделяли каких-нибудь полсотни верст, расстояние не такое уж и большое для Северной Карелии. Юрки отличался честностью и трудолюбием, он был немногословен и всегда настроен миролюбиво. Даже когда случались драки между парнями, обычно без особого повода, просто так,— деревня на деревню, то Юрки не вмешивался, наоборот, успокаивал и примирял. Вы, мол, только людей смешите. Однажды, правда, кто-то в пылу задел Юрки и в ответ получил такой удар, что долго отлеживался на траве...

Сейчас Юрки ушел, не захотел сидеть с ним у одного костра. Васселею было больно слышать, что им не по пути. Неужели их дороги так и не сойдутся?

Юрки уходил все дальше.

Он не ведал, что привело Васселея на этот раз в родные края, но то, что он знал о нем, не вызывало дружеских чувств. Говорят, во время похода Малма Васселей скрывался в лесной сторожке. А может, только делал вид, а сам уже снюхался с белофиннами. Наверно, он уже тогда надумал уйти с ними. Сколько невинных людей убили белофинны из отряда Малма, а Васселей пристал к ним. Говорят, будто он пошел с ними, чтобы отомстить за брата, которого застрелил Мийтрей. А может, брат тоже виноват был, поди знай. Может, было за что стрелять? Конечно, Мийтрей поступил неправильно. Сперва надо было разобраться. Но мало ли что бывает на войне сгоряча. Бывает, что из-за какой-то ерунды человека ставят к стенке. Васселей ведь тоже убил вместо Мийтрея совершенно безвинного человека...

«Впрочем, какое мне до него дело!» — подумал Юрки. Он идет домой, и нечего бередить душу мыслями о каком-то Васселее. Домой! А как там, дома?..

Мысли Юрки потекли по новому руслу, и жизнь опять показалась ему запутанной. Кто знает, как все будет. Может, опять придется бросить дом и уйти, оставив все хозяйство на жену и мать. И будут они тянуть его, как тянули много лет. А может, никуда не уходить? Остаться дома и заняться хозяйством? Пусть что угодно творится. Поразмыслив, Юрки решил: как народ живет, так и он будет жить. Людям что надо? Они хотят жить в покое, пахать землицу и ждать, что им бог пошлет. Обещать-то все мастера. Хлеб народу все сулили. Ухтинское правительство. Финны. Большевики. Юрки твердо знал, что их, карел, никто раньше не кормил и кормить не будет. Наоборот, все норовят что-нибудь отобрать. Впрочем, ему-то бояться нечего. Его поле так мало родит, что самим не хватает. Хочешь, чтобы в доме был хлеб, берись за топор и вали лес. Чья бы власть ни была, а лес карельский небось всем годится. А дерево само собой не повалится, его срубить надо — без рабочих рук не обойдешься.

Уверенный, что работа ему найдется, Юрки настолько успокоился, что устроил привал и, подкрепившись, даже уснул сразу же, как только прилег. Но и во сне он видел свой дом. Ему приснилось, будто он посеял на своем поле

ячмень, а выросла почему-то рожь, да притом такая густая, колос к колосу, и такая высокая, что он не мог дотянуться до колосьев. Стоит он и так пытается, и сяк старается, весь в поту уже, измучился, а до колосьев добраться не может.

Юрки проснулся и в самом деле обливаясь потом. Хотя солнце уже зашло за деревья, было душно и жарко. Из-за леса выползали черные грозовые тучи. Он схватил кошель и отправился в путь.

Дом Юрки стоял в середине деревни. Впрочем, это был не дом, а домишко, состоявший из избы да холодных сеней. Менялись времена и власти, а избушка эта стояла на своем месте, в самом центре деревни, по-прежнему поглядывая на мир как бы презрительно, потому что с одного края она чуть осела. Одно окошко смотрело прямо, серьезно, а другое, перекошенное, словно было прищурено. Взглянешь на избушку и не поймешь, то ли она стоит нахмурившись, то ли усмехается.

Уже забрезжил рассвет, когда Юрки добрался до дома. Стучаться ему не надо — стоило потянуть за веревочку, свисавшую из дырочки на низкой двери, как щеколда с мягким стуком поднялась и дверь отворилась. В сенях все было по-старому, но ему показалось, что чего-то не хватает. Не было привычного, знакомого запаха навоза, доносившегося прежде из хлева, потому Юрки и показалось, будто он вошел в чужой дом. Конечно, он знал, что у них нет ни коровы, ни даже теленка и что в хлеву сейчас чисто и сухо.

Едва Юрки переступил порог, как на шею ему бросилась грузная женщина в нижней рубашке:

— А-вой-вой! Пришел!..

Это была жена Юрки, Окку, или, как ее звали в деревне, толстая Окку. Кое-кто посмеивался, что в доме, мол, потому и живут бедно, что толстая Окку съедает все, что можно съесть. Это, конечно, была неправда. Окку ела не больше, чем другие, наоборот, даже меньше, потому что она часто хворала и тогда совсем не могла есть. Ленивой ее тоже не назовешь, но нередко силы покидали ее, и она вдруг хваталась за грудь и со стоном опускалась на лавку. Случалось, целыми неделями не вставала с постели.

Вокруг Окку, вцепившейся в мужа, кружилась мать Юрки, сухонькая бойкая старушка, стараясь тоже обнять сына. Но подступиться ей никак не удавалось — невестка заслоняла его своим грузным телом.

Мать да жена — вот его семья. Много лет назад Окку родила ему сына, родила в таких муках, что думали — роженице и новорожденному не выжить. Ребенок прожил всего две недели, и Юрки, сделав маленький гробик, сам отнес его на кладбище, а Окку смогла подняться на ноги лишь месяца через два.

— А мы семян достали,— радостно сообщила мать, обнимая сына.

— Вот хорошо. Откуда?

— Из Энонсу привезли. Сказали, что раз глава семьи на военной службе у правительства, то положено...

— Бесплатно дали?

— Какое там бесплатно! Осенью из урожая заберут, сколько им потребуется.

— Им куда больше потребуется, чем у нас родится.— Юрки помрачнел и, сбросив кошель, стал выкладывать на стол остатки своих дорожных харчей, сбереженных для дома.

Оказалось, что Окку с матерью вспахали и взбороновали и поле. Пахали и бороновали они на себе, по очереди впрягались в соху и борону. Удивительно, что после такой работы Окку опять не слегла. Возделали они, правда, лишь половину поля, ту, где была супесь. Да и семян у них было, как раз столько, чтобы засеять эту вспаханную часть. Так что Юрки поспел домой вовремя, к севу.

Повесив лукошко с ячменем на грудь, он захватил пригоршню зерен и рассыпал их сквозь пальцы на пашню, прося у господа благословения и доброго урожая. С этих, обращенных к всевышнему, слов каждый год начиналась новая жизнь драгоценных зерен, с которыми были связаны и надежды и долгое ожидание урожая. Однако на этот раз у всевышнего, видимо, были другие дела и заботы, и он не услышал единственного и самого сокровенного желания карельского мужика, потому что не успел Юрки приступить к севу, как на поле прибежал из деревни оборванный мальчуган. Юрки сразу понял: случилось что-то особенное.

— Дядя Юрки!— Мальчик никак не мог отдышаться.— Мужики... зовут... Сантери Суаванена... пришли... убивать.

— Кто?

Юрки стал торопливо снимать лукошко с плеча.

— Финны. Иди скорей.

— Эмяс...— О боге он уже не думал. В таких случаях от молитв проку мало, нужны слова покрепче и дела покруче.

Оставив лукошко с ячменем на краю поля, Юрки повесил на плечо вместо него винтовку, которую прихватил с собой на всякий случай. Хоть время невоенное и работа что ни есть самая мирная, а винтовка могла пригодиться. Мальчик стремглав помчался к деревне. Юрки побежал следом.

Он сразу же понял, что произошло. Окку кое-что рассказала ему о деревенских событиях. Все началось с того, что у них поселился сапожник Тааветти, одноногий пожилой финн, бывший красногвардеец. В 1918 году во время финляндской революции раненому Тааветти удалось бежать в Советскую Россию. В Петрограде он лежал в госпитале, где ему отняли ногу. Вышел Тааветти из госпиталя — куда податься? Путь на родину ему заказан. Русского языка он не знал и потому решил ехать в такие места, где понимали бы по-фински. Кроме того, родом он был с севера, и его тянуло в северные края. Вот и поселился он здесь. Ковылял на своей деревяшке из деревни в деревню, из дома в дом, шил новые пьексы да латал старые, за это его кормили. Сапожник он был отменный, кроме того, умел лодки делать и мастерить сани. Мастер был на все руки, и его всюду приглашали. А человек он веселый, добрый, отзывчивый. Поэтому по вечерам в избе, где он жил, всегда собирался народ. Однажды его спросили, из-за чего финны передрались, неужели у них земли не хватает. Да, сказал Тааветти, именно за землю да за власть драка идет. И еще за то, чтобы сапожника тоже человеком считали.

Неделю назад в деревню пришел финский офицер и стал искать сапожника. В последнее время, как появилось Ухтинское правительство и из-за границы стали наведываться финны, Тааветти старался не попадаться им на глаза. Но на этот раз как-то получилось так, что офицер застал Тааветти в избе Сантери Суаванена. Что-то Тааветти ему чинил. Офицер обрадовался: «Ага, встретил я тебя наконец. Теперь поговорим и прошлое вспомним». Худо пришлось бы Тааветти, но тут вмешался Сантери: «Я, говорит, хозяин и не позволю, чтобы в моем доме гостей обижали». Офицер ему посоветовал не лезть в чужие дела. Мол, это касается лишь их, финнов, и хозяину не следует вмешиваться. Тогда Сантери набросился на него, давай ругать: мало вам, лахтарям, той крови, что в Финляндии пролилась, вы и сюда пришли, а здесь вам не Финляндия, здесь Карелия, и законы тут карельские. Офицер полез было за револьвером. А Сантерч мужик горячий. Схватил без-

мен. Но, на свое счастье или несчастье, задел безменом за воронец, а то бы размозжил голову офицеру. Тогда Сантери ударил офицера ногой, так пнул, что тот схватился за живот, завыл и убежал. Больше этого офицера и не видели. Сапожник тоже куда-то скрылся. Уходя, он предостерег Сантери, посоветовав тоже куда-нибудь спрятаться. Сантери пренебрег его советом: чего ему бояться, он у себя дома.

Теперь вот финны пришли за Сантери. Может, они его и не собираются убивать, просто хотят увести. Но раз мужики послали за Юрки, значит, они решили постоять за односельчанина. И Юрки прибавил шагу.

Вся деревня сбежалась к избе Сантери. Тревожный гомон заглушал пронзительный плачущий голос жены Суаванена:

— Люди добрые! Помогите! Сегодня его заберут, завтра другого... Всех убьют, всю деревню, слышите... Не пущу я Сантери. Убейте меня вместе с ним. Слышите! Хоть сейчас застрелите. Люди добрые, не оставьте моих сиротинок!

Вцепившись в материнский подол и умоляюще глядя перепуганными глазенками на взрослых, смотрели на происходящее деревенские девочки. Мальчишки были посмелее, хотя и они притихли. Сбившись кучкой, они шепотом обсуждали, кто из белых самый главный. Пришельцев было трое — двое в финской военной форме и один в гражданской одежде. Этот третий выглядел настоящим господином — в шляпе, в черном костюме из дорогого сукна, из кармана жилета свисала серебряная цепочка от часов, на шее галстук-бабочка. Только на ногах у него были карельские сапоги — бахилы. Старики обступили этого господина, возбужденно доказывая ему, что у них в деревне своя власть и что они не позволят никого расстреливать.

Господин нервно протирал стекла очков и хриплым голосом пытался успокоить людей:

— Дорогие мои земляки! Никто не собирается здесь расстреливать. Кто вам это сказал?

— Кто сказал? — басили в ответ старики. — Сами знаем. Знаем, сколько невинных людей вы погубили.

— Но, но! Чтобы такое говорить, надо иметь доказательства.

— Мы знаем, что говорим.

Юрки узнал господина в штатском. Не будь он так растерян, то заливался бы соловьем. Говорить он мастак! Юрки приходилось слушать его речи. Господин его, ко-

нечно, не помнил: мало ли кто бывал на его выступлениях, всех не запомнишь...

— Слушайте, мужики! — предложил кто-то. — Может, так и скажем гостям, что раз их не звали сюда, так пусть и убираются подобру-поздорову...

— Уходите добром туда, откуда пришли!

— Жили мы без вас и проживем... — загалдели женщины.

Сам Сантери стоял, прислонясь к стене, с таким видом, словно речь шла вовсе не о нем. Юрки тоже молчал. Он застыл с винтовкой в руке между Сантери и солдатами.

Один из солдат узнал Юрки и спросил у него начальственным тоном:

— Ты зачем здесь?

— Да вот, смотрю.

— В отпуске, что ли?

— Да.

— Покажи отпускное свидетельство.

— Кто отпустил, у того и спроси.

— Не думаю, чтобы в такое время солдат отпускали домой, — вмешался в разговор господин в штатском.

— Отдай оружие, — потребовал солдат, осмелев.

Юрки вскинул винтовку.

— Отойди-ка подальше. А то у меня курок слабый.

— Ты что? Бунтовать? — Солдат побледнел и взглянул на господина в штатском.

— Я-то ничего... — спокойно сказал Юрки. — Вот винтовка у меня такая. Сама стреляет. Ты, мил человек, лучше отойди. Винтовку не ты мне давал, и отбирать ее не тебе.

Тем временем Сантери успел сходить в избу и взять безмен.

Солдаты стояли в растерянности. Один держал в руках винтовку, словно не знал, что с нею делать, другой полез было за револьвером, но господин в штатском дал знак рукой — мол, обойдемся пока без оружия.

— Что вы делаете, добрые люди? — заговорил он по-карельски. — Подумайте, пока не поздно. Неужели вы пойдете против законной власти своего первого Карельского правительства? Вы веками жили в темноте и в рабстве, вы и сейчас еще такие темные, что не видите, что в ваших интересах. Послушайте меня, своего человека. Поверьте мне. Родом я из Вуоккуниеми, с мыса Маттинена. Рос я сиротой. И весь карельский народ тоже был сиротой.

Не было у меня отца, который учил бы уму-разуму. Не было и у карел своего правительства, которое направляло бы народ на путь истинный, наставляло бы добрыми советами...

— Гляди-ка ты! — старики переглянулись.

— Верно говорит, — шепнул Юрки Хуотари Пекканен, самый старый из жителей деревни. — Он из Вуоккиниеми. Рос сиротой. Я знаю. А где же ты пропадал все это время? — спросил он у господина.

— Скитался по свету. Всю Финляндию обошел. В Америке был. Учился. Выучился я на учителя. А теперь народ избрал меня в свое правительство.

— Значит, ты — учитель! Гляди-ка! — Хуотари подошел к господину в штатском. — Мало кто из карел стал учителем, правда, старики?

Учитель, и к тому же еще из своих, карел! В глухой деревушке, где грамотных почти не было, учитель значил больше, чем любой чиновник: его уважали, его слушались. И тем более если он вел себя просто, как, например, этот учитель, который хоть и был одет как настоящий барин, а с народом, обступившим его, говорит запросто, даже за руку здоровается. Так может держаться только свой человек. Прежде чем обменяться рукопожатием с учителем, женщины вытирали руки о передник и, пожав руку господина, отходили растроганные, с повлажневшими глазами.

— Своей власти нельзя противиться. Ее надо слушаться, — говорил учитель. — Ты бы отдал ружье, — посоветовал он Юрки.

— Да вот... я ведь... — Юрки замялся. — Может, оно пригодится...

Винтовка действительно пригодилась. Воспользовавшись тем, что народ собрался вокруг учителя, солдаты попытались подступиться к Сантери, но тот успел отскочить. Прижавшись спиной к стене, он занес над головой безмен и крикнул со зловещей ухмылкой:

— Чего вы боитесь? Я только разик долбану по черепу. Ну, подходи, кому первому хочется!..

Юрки обернулся. Народ расступился, и он с ходу ткнул дулом винтовки в спину одного из финских солдат. Старики тут же пришли на помощь и обезоружили финнов.

— Что вы делаете? — взвизгнул учитель. — Послушайте меня. Я же свой человек.

— Коли был бы ты свой, так не привел бы сюда вот этих!..— крикнул Юрки.— Обмануть ты хотел нас. За ручку с нами здоровался, а сам...

Настроение у людей сразу переменилось.

— Учитель, говоришь? А чему ты учишь? Народ убивать?

— Уходи-ка ты скорей отсюда, учитель.

Солдаты стали упрашивать стариков, державших их за руки, отпустить их. «Отпустите нас, и мы уйдем,— обещали они.— А вы живите, как вам хочется».

Юрки заколебался.

— Куда вы пойдете, если мы вас отпустим?

— Известное дело куда! Людей убивать,— выкрикнул Сантери.

— Что же с ними делать?

— Пулю в лоб и в могилу,— предложил Сантери.

Солдаты испугались. Дело принимало слишком серьезный оборот. Тем более что у Сантери в руках был уже не безмен, а отобранная винтовка.

— Куда прикажете, туда и пойдем,— обещали солдаты.

— Врете,— Сантери был неумолим.— Мы сами отведем вас куда нужно. Пошли!— и он махнул винтовкой в сторону леса.

Больше всех перепугался учитель. Хотя его никто не трогал, он стоял бледный как полотно, сгорбившись, словно на его плечи вдруг навалилась огромная тяжесть. На лбу у него выступили капельки пота. Он с трудом выдавил из себя:

— Зря вы это... Плохо вам будет... Не послушались меня. Я вас прошу — не трогайте солдат.

— Сидели бы дома, и ничего бы им не было,— ответил Юрки.

— Давайте сделаем так,— предложил учитель.— Хотя и неправильно это будет... Мы уйдем. Солдаты уйдут к себе в Финляндию, а я...

— И ты убирайся вместе с ними.

— Я — член правительства. Я не могу этого сделать. Но я даю вам честное слово, что солдаты уйдут в Финляндию. Прямо отсюда.

— Так я и поверил,— усмехнулся Сантери.— Сегодня уйдут, а завтра вернутся и убьют нас.

— Подожди,— предложил Юрки.— Поговорим с народом. Расстрелять их недолго, а что потом?

— Великий грех мы берем на душу,— высказали свое мнение старики.

— Да, да, большой грех,— подтвердил учитель.

— Ну что грех, то нас не печалит,— сказал Юрки.— Мы смерти никому не хотим, мы хотим, чтобы все жили в мире. Верно я говорю?

— Верно, верно. Пусть с миром идут домой и оставят нас в покое,— решили люди.

Один Сантери был против.

— Попомните мои слова,— сказал он.— Если мы отпустим их, они снова явятся да других еще приведут. Вот увидите!

— Нет, мы никого не приведем,— заверили солдаты.— Отсюда прямо домой отправимся.

Как народ порешит, так тому и быть — этот закон строго блюдется в карельских деревнях. Несмотря на все усилия Сантери, старики решили отпустить незваных гостей, заставив учителя побожиться и перекреститься в подтверждение обещания, что он сам проводит солдат до границы и проследит, чтобы они ушли. Учитель попрощался со всеми за руку, и гости направились в сторону границы. Оружие, правда, им не вернули. Люди были довольны, что все уладилось миром.

— Вот увидите, что будет!— не унимался раздосадованный Сантери.

— Что будет? Разошлись без драки, и ладно.

— Нет, драка еще впереди, и немалая!— доказывал Сантери.— Эту штуку я оставлю себе. Пригодится.— Он потряс винтовкой.

— Будь что будет. Поживем — увидим,— вздохнул Юрки.— Слава богу, у нас теперь оружия прибавилось. Может, еще найдется?

Люди переглянулись:

— Ну ежели нужда приключится, так поищем.

— Наверно, найдется, если хорошо искать.

— Дай бог, чтобы искать его не пришлось...

— Такое дело, мужики...— Юрки решил, что ему, бывшему солдату, надо дать людям дельный совет. На всякий случай поищите, может, у кого какое ружьецо имеется. Как говорится, бог каждому мужику рукавицы и ружье дал бы, да только ему некогда. Хорошо, если бог даст и нас оставят в покое. Вот так и договоримся.

Расходились все молчаливые и встревоженные. Юрки отправился сеять, но к нему уже не вернулось то припод-

нятое настроение, с которым он утром бросил сквозь пальцы первые зерна ячменя на грудь матери сырой земле. Он засеял поле, затем заборонил посевы легкой, рассчитанной на человеческую тягу бороной-суковаткой и пошел домой, где его ждала натопленная по случаю сева баня.

Бани в деревне имели все, но в этот вечер мужики, словно сговорившись, сошлись с вениками под мышкой возле бани Юрки. Сантери захватил с собой даже винтовку.

— Попарюсь-ка я хорошенько последний раз. А то долго мне не придется париться,— говорил Сантери, раздеваясь.— Я-то ждать не буду. Вы что, надеетесь, нас в покое оставят?

Мужики отмалчивались. Нет, они не верили, что их оставят в покое. Целый день они думали. Очень им хотелось, чтобы их не трогали. Так хотелось жить в мире и согласии со всеми, что они готовы были даже поверить, что так и будет.

— Так знайте,— продолжал Сантери,— теперь наша деревня на плохом счету. Не дадут они нам землю пахать да в банях париться.

— Сегодня-то мы еще попаримся!— заявил Юрки и так поддал пару, что даже камни выстрелили.

Мужики принялись усердно обхаживать себя вениками. Правда, париться пришлось по очереди, потому что баня была построена не для того, чтобы проводить в ней сходку. Зато, прохлаждаясь в предбаннике, где было много места, можно потолковать и о делах. Говорил Сантери, остальные лишь поддакивали. Он доказывал мужикам, что ему и Юрки нужно уйти из деревни, пока не поздно. Но Юрки считал, что торопиться не стоит, подождем, мол, поглядим. Сантери не соглашался. Если Юрки хочет остаться в деревне, пусть остается, только пусть глядит в оба, чтобы чуть что — сразу уйти. Пусть будет вроде как разведчиком. А он, Сантери, пойдет искать людей, которые не сидят сложа руки. В Вуоккиниеми белые. Финны там белые, и солдаты Ухтинского правительства — тоже белые. Так что туда ходить нет смысла. Он пойдет в Попкалахти, а если там народ смирился со своей судьбой, то отправится в Вуоннинен, в Ухту, дойдет до самой Кеми, пока не найдет людей, которые не хотят подобно баранам подставлять свою голову под нож. Сантери объяснял мужикам, да те и сами уже начали понимать, что к чему.

— Скажешь там, что...— Юрки запнулся, подыскивая слова: он побоялся обещать слишком много...— что мы тоже поможем, когда будет нужно.

— Если, конечно, по-хорошему не договоримся,— поправил его Хуотари Пекканен.— Скажи, что мы ни с кем воевать не хотим.

Весна выдалась теплая, но сырая и пасмурная. Где-то выше и дальше дули ветры, разгоняя тучи, но сюда, в таежную глушь, они, казалось, не доходили, и небо сплошь было затянуто серой пеленой. По поверхности озера то и дело пробегала черная рябь, вода словно беспокоилась, вздымалась, но большой волны не было. Жизнь в деревне текла тихо, спокойно, и все же на душе было тревожно. Уже минула целая неделя, как Сантери ушел, но вестей от него не было. Судя по всему, красные дальше Ухты не пошли, может быть, даже оттуда отступили — во всяком случае, они пока не беспокоили бежавшее из Ухты войско Ухтинского правительства. Солдаты тоже в деревне не появлялись.

Так прошла неделя. Люди будто внезапно увидели, как много можно сделать за несколько дней мирной жизни: те, кто запоздал с севом, отсеялись, все наловили и засолили на зиму рыбы. Правда, соли было маловато, но тут, как во всем теперь, жители деревни помогали друг другу. Богатых здесь не осталось. Они на всякий случай давно уже перебрались за границу и отсиживались там, дожидаясь, когда можно будет вернуться. Зазеленели березы, подходил петров день, и люди начали готовиться к празднику.

Но скоро стало не до петрова дня: из лесу, со стороны речки Суойоки, донесся выстрел, и жизнь в деревне снова стала неспокойной.

Когда раздался этот зловещий выстрел, Юрки был на берегу и латал свою лодку. Сперва он испугался: где же Окку? Окку ушла рано утром на Суойоки проверять мережи. Выстрел донесся с той стороны. Юрки отложил молоток, зашел в избу и достал из-за печи винтовку. На дворе его уже ждали оставшиеся в деревне мужики, все вооруженные, у кого винтовка, у кого берданка, у кого старый дробовик. Патронов, правда, оказалось мало.

— Ну что?— спросили они у Юрки, словно он был их командиром.

Юрки сам не знал, что это был за выстрел.

Но тут мужики увидели Окку. Задыхаясь и постанывая, держась рукой за сердце, она бежала к деревне.

— Убивать идут! Бегите, люди добрые! — закричала она издали.

Юрки бросился навстречу, подхватил ее, чтобы не упала.

— Чего ты так бежишь? Тебе же нельзя... сляжешь опять, — заворчал он и только потом спросил: — Кто идет?

— Не хочешь, а побежишь, когда в тебя стреляют, — сказала Окку, бессильно опустившись на крыльцо. — Совсем рядом пулька просвистела, вот тут. Сперва крикнули: стой. Потом выстрелили. А-вой-вой! Что же с нами будет? Убьют они нас. Сюда идут. Я кошель бросила и прямиком через лес в деревню. Пропал, наверное, кошель: возьмут они его.

— В деревню мы их не пустим! — заявил Юрки. — Мама, сходи, скажи людям, чтобы попрятались. А мы пойдем навстречу.

— На верную смерть идете, а-вой-вой! — запричитала мать, но все же побежала выполнять просьбу сына.

Шагая во главе своего «войска» к лесу, Юрки оглядывал людей, прикидывая боевые качества каждого из своих бойцов. Всего их было десять человек. Из них только двое служили в карельском легионе и были обстрелянными солдатами. Самому младшему в его войске — пятнадцать лет, но паренек был смелый, хороший охотник, стрелял метко, умел прятаться в лесу и неслышно подбираться к токующему глухарю. Впрочем, остальные тоже были неплохими охотниками, только у многих зрение уже начало сдавать. А самым старшим был Хуотари Пекканен, которому перевалило за девяносто.

— Вы только в людей не палите. Надо мимо стрелять, — требовал Хуотари.

— Они мимо стрелять не будут! — сказал Юрки.

— Давай попробуем сперва по-хорошему, — гнул свое старик. — Может, обратно повернут.

— Нет, мужики, по-хорошему с ними ничего не выйдет.

Свернув с тропы, Юрки повел свой отряд лесом. Они вышли к откосу горы, за которым открывалась поросшая густым сосняком лощина. Расположив бойцов вдоль откоса и указав каждому место, Юрки спустился с горы и пошел вперед посмотреть, что делается внизу.

Укрываясь за деревьями, он шел по лощине. Остановился и стал прислушиваться. Вокруг было тихо. Но только вышел из-за дерева, как грохнул выстрел и пуля чиркнула

по стволу у самого виска. Юрки бросился на землю и, всем телом вжимаясь в мох, отполз в сторону. Осторожно выглянув, увидел, как из-за поваленной сосны, из-под корневища, высунулось дуло винтовки. За деревом лежал кто-то в финском военном кепи и целился в то самое место, где только что был Юрки. «Еще выстрелит»,— подумал Юрки. И точно — снова послышался выстрел. Юрки взял кепи на мушку и нажал на спусковой крючок. Раздался короткий стон, ствол винтовки наклонился и ткнулся в мох. Позади затрещали беспорядочные выстрелы. Эту пальбу подняли залегшие на откосе деревенские мужики. Они, конечно, никого не видели и стреляли наобум. Их пули летели над головой Юрки, сбивая с деревьев ветки.

— Отходите!— крикнул кто-то по-фински, и Юрки увидел, как белые, залегшие за лощиной, стали поспешно отбегать назад. «Ишь как напугались!— усмехнулся он и послал вдогонку убегающим три пули. Потом позвал своих:

— Рота, ко мне!

Его «рота» приблизилась не спеша. Мужики шли оглядываясь, перебегая от дерева к дереву, готовые открыть огонь в любую минуту. Юрки поднялся и пошел к поваленной сосне, из-за которой его обстреляли.

Остановившись над убитым, он хотел по привычке перекреститься. Поднял руку и тут же опустил ее, так и не перекрестившись. Он узнал в убитом финского солдата, давшего честное слово, что уйдет в Финляндию и больше никогда не появится в Карелии. Вот оно, их честное слово. Этот человек получил по заслугам, и ему, Юрки, не нужно просить прощения у всевышнего за содеянное. Двое павших лежали рядом — сосна и человек. Поваленное ветром дерево не хотело расставаться с землей, вскормившей его, и цеплялось корнями за нее, а человек скорчился так, будто собирался отползти прочь от этой земли и убежать от смерти.

— Не вышло по-хорошему,— огорченно заключил Хуотари Пекканен, подойдя последним к сосне.

— Да, мужики, мир кончился!— подтвердил Юрки.

Они возвращались в деревню, когда увидели бегущего им навстречу Сантери с винтовкой в руке.

— Что, уже все?— спросил он разочарованно.— Меня не подождали?

— Да вот они не захотели тебя ждать,— Юрки показал большим пальцем через плечо.— Где ты пропадал?

— Был в Понкалахти, в Венехьярви, в Войнице. Там народ поднялся на войну. Так что, мужики, мы не одни теперь.

Сантери говорил с такой горячностью, что можно было даже усомниться в правдивости его слов... Но он говорил правду. Это подтверждает и сохранившийся до наших дней пожелтевший документ:

«Жителям деревень Кивиярви, Латваярви, Ченанниеми, Венехьярви, Понкалахти, Мёлккё и Вуоннинен.

Прежде чем Временное правительство предпримет более действенные меры по отношению к вам, забывшим о своей принадлежности к карельской нации, и о деле, за которое борется наш народ, и по неизвестным нам причинам выступившим с оружием в руках против правительства, назначенного окружным съездом, Временное правительство хочет предоставить вам еще раз возможность подумать, что совершили по отношению к вашим братьям те, кто, по наущению врага и обманутый им, восстал против своего Карельского правительства, дабы все те, кто по своей воле или по чьему-либо подстрекательству или принуждению взялся за оружие, задумались над своим неразумным поступком.

Как вы все знаете, отстаивать интересы Карелии, а следовательно, и ваши интересы, поднимать карельский народ из духовного прозябания, нужды и нищеты к более счастливой жизни было делом мучительным и даже опасным. Однако в самый трудный момент некоторые крестьяне ваших деревень пошли против своего правительства, вступив в сотрудничество с врагом, пришедшим разорять нашу землю и закабалять наш народ, а затем по обману или принуждению примкнули к нему.

Почему это случилось? Если у вас осталось хоть немного мужества и чести, вы должны признать, что у вас не было оснований упрекать наше Правительство в чем-либо и не было оснований также выступать против него с оружием в руках.

И все-таки, невзирая на все это, мы не хотим говорить с вами как с негодяями. Памятуя, что среди вас есть немало людей обманутых и введенных в заблуждение, во избежание напрасного кровопролития и дабы предотвратить то разорение, которое с собой принесет в ваши деревни война, Временное правительство предлагает вам в последний раз сложить оружие. Только в этом случае вас ожидает прощение.

Временное правительство ожидает, что вы быстро примете решение и пошлете делегацию для переговоров с нами. Она может прибыть в любой день, перейдя границу в конце озера Вийянгиярви под защитой белого флага, ей гарантирована безопасность и право на возвращение.

Но если делегация не прибудет через границу до 15 июля, вы будете нести перед вашими безвинными женщинами и детьми и перед всем карельским народом вину за то, что затем последует, и, зная ту ненависть и горечь, которая зреет против вас из-за вашего подлого предательства, мы опасаемся, что тогда вы уже не найдете прощения.

Вуокки, 6 июля 1920 года.
Временное правительство Карелии:
Хуоти Хилиппяля,
Васели Ниэмеля, Теппо Петтерссон,
Хуоти Синикиви, Эркки Симола»[1].

Но не успело еще это грозное обращение дойти до деревни, как пришел взвод финских солдат. Юрки со своей «ротой» из десяти стариков и юнцов решил не вступать в бой и увел их в лес.

В деревне остались лишь женщины и дети.

Полуразвалившаяся сторожка стояла на берегу маленькой ламбы. От воды ее отделял густой ольшаник, позади возвышалась небольшая, поросшая сосной горушка, за которой начиналось топкое болото.

— Никто сюда не придет. Не бойтесь,— говорили старики, когда Юрки на правах старшего в отряде стал посылать их в караул. В ночное время на посту стояли по очереди он и Сантери.

От безделья день казался долгим. Когда наступало время сна, подолгу ворочались с боку на бок, молча сопели, пыхтели, вздыхали, кое-кто, не выдержав, вставал и выходил покурить на свежий воздух, где досаждали назойливые комары. Курева тоже было так мало, что курившие трубку после двух-трех затяжек зажимали ее большим пальцем и гасили, а самокрутку делили на трех, а то и на четырех человек. Все, о чем можно было переговорить, переговорили. Да и что они, жители маленькой деревни, знавшие всю подноготную, могли рассказать друг другу? Хуотари Пекканен, правда, был мастер рассказы-

---

[1] Документ дается в сокращенном виде.— *Прим. автора.*

вать сказки, но все его сказки тоже давным-давно известны. Потому говорили больше о том, что ожидает их в будущем. Самым бывалым из них был Юрки. Но ничего определенного сказать он тоже не мог. «Поживем — увидим»,— говорил он. Такие дела не решаются в одной деревне. Знавал Юрки человека, который присутствовал на большом собрании в Петрозаводске, где решено было установить в Карелии Советскую власть, но и этот его знакомый ничего толком объяснить не мог, говорил о каких-то меньшевиках, эсерах, кадетах, о ком-то еще, а чем они отличаются друг от друга, сказать не мог. А дороги Сантери были еще короче, чем у Юрки. Самое дальнее место, где он бывал, Кемь. Но насчет будущего у него было свое воззрение, и поувереннее, чем у Юрки. «Земля будет у крестьян, а заводы — у рабочих»,— заявил Сантери.

В их таежной деревушке клочки земли, отобранные у леса, испокон веков принадлежали тем, кто их обрабатывал. В Вуоккиниеми, Энонсу и Ухте были, правда, и такие, кто имел поля, возделанные чужими руками. Что касается заводов, представление о них у мужиков было весьма смутным. Заводом называли лесопилку, находившуюся на Поповом острове в Кеми, а здесь в тайге заводами даже и лесоучастки, где заготавливался лес. Но они слышали и про настоящие заводы и фабрики, где делали сукно, ситец и прочие ткани, которые нельзя было соткать на своем ткацком станке; топоры с заводской маркой были крепче и лучше, выкованных местными кузнецами; в богатых домах стали появляться и сошники фабричного производства, и даже швейные машины. Какими бы там эти заводы ни были, их надо отдать рабочим — и в городах, и здесь, в лесах,— так считал Сантери. Это убеждение он перенял от одного человека, работавшего на лесопилке в Кеми. Рабочие уважали его, а царская власть за такие разговоры преследовала. Этот человек научился так думать от самого Ленина, ныне ставшего во главе Советской власти. Кроме того, Сантери знал, что власть должен взять в свои руки народ. А как? Да точно так, как в деревне на миру решают. Порешили — и взяли.

Такие же идеи проповедовал здесь, в глухой лесной деревушке, и финский сапожник Тааветти. Потому его и ненавидели белофинские офицеры. Так что Сантери знал, на чьей стороне ему быть, тем более что он хотел стать

хозяином на своей земле. С некоторой снисходительностью он поглядывал на своих товарищей, не разбиравшихся в таких делах.

Юрки только что заступил на пост, когда в лесу послышался треск сучьев, потом дрожащий голос:

— Люди добрые, где вы?

Юрки узнал голос матери.

— Здесь, здесь мы. Какая беда стряслась?

Мать бросилась сыну на шею и заплакала:

— Беда, сынок. Окку увели. И у Сантери жену забрали.

— Как забрали? — Сантери выронил из рук сеть, которую развешивал сушиться.

— Пришли и забрали. Вас искали. Не нашли, взяли ваших жен.

Выскочившие из избушки мужики побежали догонять Сантери и Юрки. Подоткнув подолы юбок за пояс, старуха семенила рядом, стараясь не отстать от сына, и, задыхаясь, рассказывала:

— Даже переодеться не дали. В чем были, в том и забрали...

— Куда их повели?

— Сказали, в Вуоккиниеми. На допрос.

На дороге, запорошенной тонким слоем нанесенного ветром песка, свежих следов не было видно. Судя по всему, по ней уже несколько дней не ходили. Мужики остановились в недоумении, потом, отправив домой мать Юрки, пошли по дороге в сторону Вуоккиниеми. Навстречу им попался со связкой нанизанных на прут свежих окуней мальчик с хутора Пуанасенваара.

— Здесь никто не проходил? — спросил Юрки.

Мальчуган с восхищением и завистью разглядывал винтовки и патронташи мужиков.

— Проходили. Много людей шло. И все с ружьями. Были и финны. И карелы тоже были,— затараторил он.

— Давно прошли?

— Женщины с ними были?

— Давно ли? — Мальчик стал вспоминать.— Нет, недавно. Кажись, дня четыре назад. А женщин с ними не было. Одни мужики. Лошадь еще была.

— А сегодня ты никого не видел?

— Нет, сегодня никто не проходил.

— Не успели, значит еще,— заключил Юрки.— Подождем их здесь.

Они залегли по обе стороны дороги.

Прошел час, другой. Никто не появлялся. Зато комары совсем остервенели. Отогнать бы их дымом, но костер они разжигать боялись, а курева удалось собрать лишь на две самокрутки. Но что две самокрутки на такую ораву: один затянулся, другой,— глядишь, и кончились. В лучшем положении были те, кто курил трубку: в трубке всегда остается табаку на пару хороших затяжек. Солнце тем временем скрылось за лесом, чтобы вскоре взойти снова.

И вдруг справа послышался треск сучьев. Кто-то осторожно шел по лесу. Мужики поняли, что противник появился не с той стороны, откуда его ждали. Пришлось быстро сменить позиции.

— Не стрелять, пока не скажу,— шепотом предупредил Юрки.

Потом сучья затрещали и спереди и сзади. Слышно было, как кто-то перебежками приближался к ним, обходя с двух сторон.

— Окружают, дьяволы.— Сантери взглянул на Юрки.— Не пора?

Из леса им крикнули по-фински:

— Сдавайтесь! Сопротивление бесполезно.

— Эмяс! — Лицо Сантери расплылось в улыбке.— Если табак у тебя есть, то мы сдадимся! — крикнул он по-карельски. И объяснил недоумевающему Юрки: — Разве не узнаешь? Это же Ристо. Ристо Богданов из Вуоннинен.

Из-за деревьев выходили вооруженные люди. Это были мужики из Вуоннинен, Венехьярви, Понкалахти, Мёлккё, поднявшие восстание против «своего правительства». Командовал партизанами Ристо Богданов, совсем еще молодой, но дюжий темноволосый парень.

— А у вас кто командир? — спросил Богданов, обнимаясь с Сантери.

— Теперь будешь ты нашим командиром,— ответил вместо Сантери Юрки.

— Что вы тут обороняете? — спросил Богданов.

— Себя да свою деревню,— пояснил Хуотари Пекканен.— У нас белые двух женщин забрали. Вы их видели?

Оказалось, что никто этих белых не встречал.

Богданов обратил внимание Юрки на телефонные провода, подвешенные вдоль дороги на деревьях, и засмеялся:

— Тоже мне вояки. Провода-то надо было первым делом перерезать.

Сантери тотчас же залез на дерево и перерезал провода.

Партизанский отряд Богданова совершил большой переход по лесам, освободив по пути несколько деревень. Впереди был решающий бой за Вуоккиниеми и близлежащие деревни, где обосновались белые. Но перед большим сражением партизаны должны были отдохнуть, и потому, послав вперед группу разведчиков во главе с Сантери, Богданов повел свой отряд к деревне. Вскоре от Сантери пришла весть, что белых в деревне нет и что все бани уже топятся. Два дня отряд отдыхал, чистил оружие, запасался продовольствием и боеприпасами, которые доставляли по таежным тропам.

О судьбе арестованных женщин так ничего и не выяснили. В деревне знали лишь, что их куда-то повели и что все белые тоже куда-то ушли. А куда — о том никто не ведал.

Юрки не находил себе места. Дом казался опустевшим, чужим. Мать тоже ходила молча, убитая горем. Сантери вообще не мог сидеть дома. Мрачный и подавленный, целыми днями он бродил по окрестным лесам, отыскивая следы белых. Он был настолько погружен в свои думы, что даже не заметил, как за ним увязалась собака. О ней он вспомнил, когда та вдруг завыла. Собака не лаяла, а как-то странно повизгивала, словно стонала жалобно. Только иногда коротким лаем она звала хозяина, не слышавшего ее зова. Примерно в версте от деревни, там где узкая речка делала крутой поворот, за частым ельником начиналось топкое болото. Сантери нашел собаку на краю болота. С жалобным воем она разрывала мох, нетерпеливым взглядом поторапливая хозяина. Сантери сразу же заметил, что мох в том месте, где сидела собака, был словно кем-то набросан. Он начал прикладом винтовки сгребать его в сторону. И вдруг... на поверхность воды всплыло что-то темное. Сантери узнал кофту Окку. Стиснув зубы, он вытащил из болота раздувшееся тело Окку, затем свою жену, Сандру. Их, видно, даже не застрелили, а закололи штыками.

Сантери стрелял в воздух до тех пор, пока обойма не кончилась и затвор несколько раз не щелкнул вхолостую.

Схватив винтовки, мужики сбежались к болоту. Они приняли выстрелы за сигнал тревоги...

Озеро было тихое, но небо покрылось тяжелыми предгрозовыми тучами, готовыми вот-вот разразиться внезап-

ной бурей. Сосны на кладбище остро пахли смолой, из раскрытой могилы веяло сырой прохладой земли. В скорбной тишине опустили в могилу Окку и Сандру. Все стояли молча, с глазами, полными слез. Потом тишину нарушили протяжные голоса воплениц.

Богданов вдруг словно очнулся от своих мыслей. Он хотел было достать из полевой сумки бумагу, присесть на кочку и, положив деревянную кобуру маузера на колено, записать слова плача. Но было уже поздно, да и неудобно. Плакальщицы закончили причитать, и комья земли застучали о крышки гробов. Могилу зарыли и поставили на ней два одинаковых креста. Богданов сказал речь. Он говорил о судьбе карельского народа и о новой жизни, борьба за которую требует немало жертв. Говорил о долге живых, о том, что такие минуты нужно помнить вечно, что память о павших придаст живым решимость и силы в трудный час.

Богданов достал из полевой сумки какой-то листок.

— Вот воззвание, с которым обратилось к нам так называемое Карельское правительство, правительство, привезенное к нам с чужой земли. Мы не будем скрывать содержание этого обращения. Пусть народ узнает о нем. Они говорят, будто у нас не было причин браться за оружие. А разве эта могила — не причина для нас?

Богданов прикрепил обращение к сосне, стоявшей над могилой.

— Читайте и помните, что значат обещания белого правительства.

Потом к могиле подошел Пекканен. Речь его была краткой.

— Раньше я говорил: не стреляйте. Давайте, мол, по-хорошему... Я беру свои слова обратно. Помните, люди: нынче такое время, что мимо стрелять нельзя. В каждого, кто пришел на нашу землю убивать, надо стрелять прямо. Может, дети наши сумеют когда-нибудь с ними добром сладить да сговориться, чтобы мир на земле был. А у нас не получилось...

Когда стали расходиться, Богданов подошел к вопленицам и попросил повторить ему слова плача.

Женщины переглянулись. Потом одна из них ответила неторопливо:

— Одно горе дважды не плачут. А ныне у народа столько горя, что слова приходят, лишь когда кого-

нибудь оплакиваешь... Плакать нам еще много. Подожди, услышишь.

Вернувшись с кладбища, Сантери захватил с собой старого Хуотари и пошел проверить, не починили ли белые перерезанную им телефонную связь. Уже издали они увидели, что на дереве сидят два человека. Оба связиста были в гражданской одежде, но с белыми повязками на рукаве. Внизу на дороге стоял третий — в финской форме, с винтовкой в руках.

Хуотари и Сантери выстрелили одновременно, потом они подошли к убитым, чтобы взять винтовки.

Хуотари узнал лежавших под деревом:

— Эти оба из Луусалми. Наши, карелы. А тот, третий,— финн.

— Нет теперь ни карел, ни финнов. Есть друзья и враги!

Глава вторая

КИРИЛЯ ИЩЕТ СОБАКУ

Кириля доставил пакет, переданный ему Васселеем, в назначенное место и спрятал в тайнике. Теперь он мог отправляться в Финляндию. Но он уже передумал. Тяжело было покинуть родную землю. Да и переход границы — дело рискованное. Поди знай, что может случиться. Но и домой возвращаться он опасался. Поразмыслив, решил найти такое место, где можно было бы переждать лихие времена. Таким местом была деревенька Кевятсаари, откуда родом предки его матери и где полно всяких родственников. Кроме того, деревенька маленькая и захолустная. Так что вряд ли там есть красноармейцы или милиция. А если и окажутся, то изба старика Ярассимы, дальнего родственника Кирили, стоит на отшибе. Туда можно идти без опаски.

Однако, выйдя к деревне, Кириля все же до самой темноты прятался на опушке леса, издали наблюдая за избушкой Ярассимы. Ничего опасного он не заметил. Вот Устениэ, жена Ярассимы, прошла в загон, устроенный за избой для овец, и стала загонять их в хлев. Потом появил-

ся и сам хозяин. Он шел из деревни. Лишь когда солнце, отстояв дневную вахту, ушло на отдых, Кириля набрался храбрости и подкрался к дому.

— А, это ты! Ну, садись!

В голосе Ярассимы не было ни радости, ни испуга. Разбуженный среди ночи, старик сидел в нижнем белье, словно раздумывая, стоит ли ему одеваться или так сойдет.

Кириля перекрестился и сел на лавку.

— Чем же мы гостя-то угощать будем? — охала Устениэ, успевшая уже накинуть сарафан.— Чаю и того нет...

— С дороги чаем сыт не будешь,— рассудил Ярассима.— Ставь варить рыбу.

— Да есть же рыба на столе,— заметил Кириля и, не дожидаясь приглашения, придвинулся к столу. Окунь показался ему очень вкусным, хотя давно уже остыл. Вместо чая ему подали теплый еще кипяток, заваренный чагой. Ел Кириля не торопясь и спокойно. Если бы ему что-то угрожало, хозяева предупредили бы. Расспрашивал стариков, как и кто из его родственников поживает, кому бог дал здоровья, кому нет. Потом сказал горестно, что у него от голода померла дочь да вторая тоже вот-вот помрет. Устениэ заохала и стала вытирать глаза подолом передника. Ярассима нахмурился.

Лишь выйдя из-за стола и снова перекрестившись, Кириля спросил о самом главном:

— Как у вас тут... Есть ли солдаты в деревне?

— Есть,— ответил Ярассима.— Какие только твоей душе угодно, всякие имеются. И белые, и красные. И карелы, и русские. И финны. И цыгане...

— Не ври,— заметила Устениэ.— Цыган-то нет.

— Как нет? Есть же один... Не цыган разве? Весь черный как головешка.

— А они меж собой не воюют? — спросил Кириля, толком не понимая старика.

— Чего им воевать? — усмехнулся Ярассима.— Вместе в карты играют и рыбу воруют.

— Да не только рыбу,— добавила Устениэ.— Все тащат, что под руку попадется.

— А ты не беспокойся. Тебя никто не тронет,— заверил Ярассима Кирилю.— Давайте спать. А утром баню истопим.

Кириля забрался на лежанку, и Ярассима рассказал ему подробнее, что за солдаты обитают в их деревне.

Оказалось, глухая деревушка стала прибежищем для всякого рода дезертиров. Здесь скрывались белые солдаты, сбежавшие еще из армии Миллера. С ними уживались дезертиры из Красной Армии, белокарелы и финны, служившие еще недавно в армии Ухтинского правительства. Были также карелы и финны, недавно пришедшие из Финляндии. Этих можно отличить по одежде. Если дезертиры, давно уже скрывавшиеся в лесах, ходили в потрепанных мундирах, то новые пришельцы были одеты в добротную гражданскую одежду. И занимали они в этой пестрой компании командное положение. Пропитание все они добывали кто как умел. Потому без зазрения совести очищали сети селян, да и в клети наведывались. В деревне уже привыкли к тому, что запасы продовольствия приходилось прятать в лесу и ходить за ними, оглядываясь, словно не за своим идешь, словно в деревне хозяевами были эти беглые.

— В плохое время ты пожаловал в гости,— вздохнул Ярассима.

— Нельзя мне было дома оставаться,— сказал Кириля и рассказал обо всем. Единственное, что он не решился открыть,— это то, зачем он появился в этих местах и кто его послал.

Устениэ давно спала. Ярассима замолчал, и Кириле показалось, что старик тоже заснул.

А сам он все ворочался и вздыхал. Да, вот какими сделало время карел. До другого человека никому теперь и дела нет, даже судьба родственника никого не трогает.

Но Ярассима не спал... И вдруг Кириля сквозь дрему услышал голос старика, говорившего словно с самим собой:

— У каждого своя жизнь. А кто скажет, как жить-то надобно? Никто. Сказать есть кому, да поди знай, кому верить, а кому нет. Вот в чем дело-то. Ну ладно. Давай спать.

На следующий день в деревне было собрание. Его приехали проводить два большевика из Кеми. Кириля тоже пошел на собрание. Очень уж любопытно было послушать, что большевики скажут людям. В своей деревне он, конечно, держался бы от них подальше, а здесь, помимо него, полным-полно всяких подозрительных личностей.

Один из приехавших был Матвеев. Лысый, с седыми усами, лет пятидесяти — из Кемского ревкома. Другой

был Королев. Его в деревне знали. Родом он из Тунгуды, и говорили, будто он какой-то кооператор. Сюда он приехал в качестве переводчика, так как Матвеев не знал карельского языка.

— Сам-то он не из кемских,— рассказывал Королев мужикам, начавшим понемногу сходиться на собрание.— Откуда-то из России, вроде как из Екатеринбурга. У большевиков всегда на больших постах был,— говорил Королев, почему-то загадочно усмехаясь.

Обычно представители ревкома ездили с охраной. У Матвеева ее не было. Видно, решил, что вряд ли завоюешь расположение народа, разъезжая под охраной вооруженных чекистов. Не было у Матвеева и револьвера. Во всяком случае, никто у него оружия не видел. Зато у Королева на боку под пиджаком висел наган, а на поясе ручная граната.

Матвеев успел перед собранием переговорить с деревенским старостой. Он побывал уже во многих поморских деревнях, но такого как тут, нигде в Поморье не видел. Ни в одной деревне не было такой нищеты и нигде он не встретил столько дезертиров. Может, они и были, но нигде не вели себя так нагло, как здесь. Здесь они разгуливали открыто, вооруженные. Прямо в центре деревни Матвееву и Королеву встретились две подозрительные личности. Один нес винтовку, небрежно повесив ее на плечо. Другой держал руку в кармане.

— Простите,— Матвеев вежливо остановил их.— Вы кто такие?

Мужики переглянулись. Потом тот, что держал руку в кармане, в котором явственно вырисовывались очертания револьвера, чуть раскачиваясь на широко расставленных подгибающихся в коленках ногах, ответил на ломаном русском языке:

— Твое какое дело? Ты, товарищ, будь здесь тише воды, ниже травы. А лучше всего сматывайся отсюда, пока голова цела...

Ожидая, пока соберется народ, Матвеев решил посоветоваться с Королевым. Может быть, ему не надо говорить о том, ради чего они, собственно, приехали? У кого здесь можно найти излишки продовольствия, чтобы сдать государству? Не стоит, наверно, агитировать мужиков идти в Красную Армию или на Мурманку отбывать трудовую повинность...

Королев был настроен более решительно. Он сказал, что, во-первых, они не должны показывать, что кого-то боятся. Проявление трусости равно дискредитации Советской власти. Во-вторых, большевики должны говорить открыто. Хоть Королев и не являлся членом партии, но, будучи советским служащим и искренне поддерживая большевиков, он не мог отступать от партийных принципов. Только правда, и правда прежде всего. Никакого увиливания, никакого приукрашивания действительного положения вещей! И в-третьих, раз им поручено провести такое собрание, они его проведут.

Слушая Королева, Матвеев невольно восхищался им, его эрудированностью, строгой логикой его рассуждений. Королев был одним из немногочисленных представителей карельской интеллигенции. Он учился в Кеми и в Архангельске, был специалистом по сооружению мостов и на строительстве Мурманской железной дороги занимал весьма ответственные посты. Но в то же время Матвеев чувствовал к нему и какое-то недоверие. Королев не был членом партии, да и происходил из довольно состоятельной семьи...

Поэтому Матвеев и предупредил Королева:

— Но ты переводи так, как я буду говорить.

Председателем собрания выбрали какого-то крестьянина. Матвеев заметил, что из-под пиджака у него выпирал наган. Заметил также, с какой кислой улыбкой тот объявил собрание открытым.

— Давайте послушаем, что хорошего нам большевики посулят,— сказал председатель собрания по-карельски и добавил по-русски, обращаясь к Матвееву: — Пожалуйста.

— Ты как будешь переводить? Каждую фразу или... — спросил Матвеев Королева.

— Я целиком переведу. Не бойся, я все запомню.

Перед такой аудиторией Матвеев выступал впервые. Дома, в Екатеринбурге, в цехах завода, на маевках, которые до революции они проводили в лесу, за городом, а также в поморских деревнях, в которых он бывал в последнее время, его понимали без переводчика. А здесь он сразу почувствовал, что ему не удастся завладеть вниманием слушателей и добиться такого контакта, который придает оратору и силу и вдохновение. Слишком мало они занимались политической работой среди карелов, и, по-видимому, в этой деревне собрание проводилось впер-

вые. Матвеев старался говорить доходчиво. Рассказал, как родилось государство рабочих и крестьян, чьи интересы оно защищает, кто такие большевики и чему учит Ленин. Говорил о великих трудностях и огромных жертвах, которые приходится приносить на фронтах гражданской войны во имя революции. Борьба еще не закончилась, то здесь, то там враг поднимает голову. Декретом Ленина основана Карельская Трудовая Коммуна, теперь карельский народ имеет свои органы власти. И долг каждого помогать этой власти, защищать ее. Война принесла разруху, которую надо ликвидировать. Потому и введена трудовая повинность. Одной рукой приходится строить, а другой — защищать свою страну. Карельский народ должен быть наготове и, если понадобится, отразить нападение врага. Люди живут пока еще трудно. Есть семьи, в которых прямо-таки голодают. Советская власть протянет руку помощи каждому нуждающемуся, но пока ее возможности ограничены. Следует понимать это. Трудности наши временные. Те, кто это не понимают, невольно оказываются пособниками врага.

В начале собрания изба была набита битком. Большинство не понимало по-русски и пришло просто из любопытства — поглядеть на большевика. «Человек как человек»,— решили люди. Широкоплечий, сутуловатый, даже по одежде ничуть не похож на чиновника. Кое-кто успел до собрания поздороваться с ним за руку, и они уверяли, что и рука у него крепкая, как у рабочего человека.

Матвеев увлекся и говорил уже больше часа. Люди устали и с нетерпением ждали, когда Королев переведет его речь. Мужики начали один за другим проталкиваться в сени, чтобы покурить. Правда, курить разрешалось и в избе, но зато в сенях можно поговорить. Времена были такие, что жили в последнее время как-то больше каждый сам по себе, редко ходили друг к другу в гости. Да и поди знай, что у соседа на уме...

— Любит мужик поговорить,— хозяин избы подмигнул Ярассиме.

Ярассима все еще изучал оратора.

— А заплатки на портках кожаные. Видишь? Такие не проносятся.

— Семья-то у него в Кеми или там, в этой Катерининой... как ее там... В Катерининой бурке.

— Незачем ему свою бабу возить с собой. В Кеми вдовушек много. У них, у большевиков, бабы-то общие...

— Брехня это,— возразил Ярассима.— У них, как у всех людей,— грех с чужой бабой дело иметь.

— Так уж они греха боятся!

— А мужик-то с виду приятный.

И когда Матвеев наконец кончил, изба наполовину опустела.

— Я не слишком долго говорил? — шепнул Матвеев Королеву.

— Да время летит незаметно. Я переведу покороче. Только самое главное.

Перевод речи был действительно коротким.

— Товарищ Матвеев рассказал нам,— начал Королев,— что когда в России не стало хлеба, царя прогнали и установили Советскую власть. Теперь вся власть у большевиков...

Матвеев понял лишь слова «царя» и «большевиков» и кивнул головой.

— Царские генералы и иностранные государства пошли на большевиков войной,— продолжал Королев.— Русские мужики тоже хотят жить так, как им хочется, и не подчиняются большевикам. Они тоже воюют против Советов. Большевикам самим есть нечего, и народу тоже нечего дать. Вот почему ваша деревня должна помочь Советской власти. У кого что есть, надо отдать в общий котел.

Председатель собрания, внимательно слушавший речь Матвеева, похвалил переводчика:

— Сразу видно, что человек наукам обучался. С одного языка на другой переводит точно воду льет.

— А если кто добром не отдаст,— продолжал Королев,— тот потом пожалеет. Так и знайте. У большевиков еще хватит силы, чтобы заставить подчиниться тех, кто не желает их слушаться.

Слово «большевики» Королев каждый раз произносил подчеркнуто, и Матвеев кивал ему.

— Во-вторых, вот что запомните,— переводил Королев,— закон такой издан, что каждый, кто может работать, должен пойти либо на железную дорогу дрова пилить, либо лес валить. Каждый обязан работать на Советскую власть. Мы должны составить список тех, кто от вашей деревни будет направлен на работы на железную дорогу или в лес. И в-третьих,— переводчик поднял кулак,— нужно послать парней на фронт воевать за большевиков, чтобы удержалась их власть. В вашей деревне здоровых му-

жиков что лосей в лесу, а в Красной Армии бойцов не хватает. Так дело не пойдет! Вот ты, чумазый, как твоя фамилия?

— Моя-то? — Парень растерялся и стал тереть грязным рукавом лицо.— Я...

— Знаем мы, кто ты! — Королев не стал дожидаться, когда парень назовет себя.— Ты был в армии финнов? Был?

— Да ведь...

— Так и знай — скоро за тебя возьмутся! И все вы запомните три вещи. Надо найти продовольствие. Надо послать людей на работу. Надо идти на войну. А если не выполните, Кемский ревком пошлет сюда войска. Вот вкратце все, что говорил товарищ Матвеев.

— А о Ленине? — спросил Ярассима.— Насчет Ленина он что-то говорил. Я не понял.

— А ты поймешь, если я тебе объясню? О Ленине надо знать. Ленин — умный человек. Он сказал, что власть везде должна быть народная. А у нас в Карелии власть большевистская... Теперь понял?

Матвеев опять кивнул переводчику. Молодец Королев! И на вопросы отвечает... В поморских селах, где Матвеев обходился без переводчика, вопросов на собраниях задавали много. А здесь больше не оказалось. Люди начали расходиться. Матвеев заметил, что уходили они как-то боязливо, настороженно.

Кириля был в дверях, когда Королев окликнул его:

— Кириля, подожди.

Тот вздрогнул. Королева он знал: на Мурманке работал под его начальством. Но там между ними, простым рабочим и начальником участка, лежало такое расстояние, что Королев с ним никогда не разговаривал. Что же у него за дело теперь?

— Ты посиди, подожди.— И Королев обратился к Матвееву: — Пожалуй, вам лучше всего пойти отдохнуть. В горнице вам постель приготовили. А я похожу по домам, поговорю с народом.

— Только смотри, осторожнее,— предупредил Матвеев.— Палку не перегибай.

Хозяин дома принес самовар и отварную рыбу. Матвеев остался ужинать, а Королев с Кирилей ушли.

Было около полуночи. Небо затянуло тучами. Королев повел Кирилю на озеро. Шагая вниз по отлогому берегу, Кириля терялся в догадках. Куда его ведут?

Неужели Королев знает о том, что с ним случилось в родной деревне, и арестует его? Эх, прощай свобода. Какой черт принес его на это собрание? Здесь ему никто не поможет...

И вдруг Королев сказал такое, от чего Кириля буквально окаменел на месте.

— Кто тебе дал пакет?

Кириля шевелил губами, но не мог выговорить ни слова.

— Ну, брат, попался ты как кур во щи! — грозно сказал Королев.— Значит, с врагами Советской власти связался?

— Да я не... Не понимаю, чего ты... Я пришел своих навестить...

— Если бы ты пришел своих навестить, то ты легко бы отделался. Мы послали бы тебя на работу на Мурманку — и дело с концом. А тут... Знаешь, что делают с теми, кто помогает врагам? Ставят к стенке — и весь разговор!

Оцепеневший Кириля ждал уже, что Королев вытащит из кобуры наган и...

— А... А сперва надо доказать, что я...

— Неужели ты нас за дураков принимаешь? — Королев покачал головой.— Неужели ты думаешь, что мы не знаем, куда прячут пакеты из Финляндии?

— Я ничего не прятал! — пробормотал Кириля.

— Значит, не прятал? — Королев зловеще усмехнулся.— А когда от Витсалампи выйдешь на горелую пустошь, там есть большой камень... Знаешь? От камня в сторону болота стоят четыре сосны. В третьей сосне есть дупло... Что ты позавчера положил в то дупло? Ну? Ты думал, никто не видит, не следит за тобой. А наши ребята уже ждали тебя. Ну? Вот мы возьмем и вздернем тебя на той самой третьей сосне, чтобы другим неповадно было всякие пакеты таскать.

Кирилю бросило в пот. От страха он будто ослабел. Если бы у него были силы, он бы мог сбежать и скрыться в темноте. Пока Королев доставал бы наган, можно было бы где-нибудь спрятаться. Но Королев не стал вынимать наган, а Кириля не мог сдвинуться с места. Он стоял и дрожал.

— Вижу, что помнишь! — заключил Королев.— Ты скажи, кто тебе дал пакет?

Кириля совсем растерялся. Но тут же мелькнула мысль: раз он попался, то его, наверное, убьют, а па-

кет этот двух человеческих душ не стоит, хватит одной.

— Не знаю я его,— устало ответил Кириля.— Мало ли людей в лесу шатается. На лбу у него не написано, кто он такой. Может, белый, может, красный, а может, синий. Давай стреляй и уходи. Я свою жизнь прожил.

— Ну ладно, раз признаешься,— подобрел Королев.— Расстрелять мы тебя всегда успеем. Ну пошли. Пошли, не бойся.

И Королев пошагал впереди. Кириля покорно поплелся следом.

Они пришли к какой-то бане. Возле дверей стоял мужик с винтовкой в руках и курил. Видно, это был часовой. В бане при тусклом свете керосиновой лампы сидело человек шесть.

— Так, все в сборе? — спросил Королев по-фински, всматриваясь в собравшихся.— А это — Кириля. Из Кевятсаари. Он доставил нам кое-что... — И Королев достал из внутреннего кармана пиджака знакомый пакет.— Я привел его, чтобы показать вам.— Королев поднес лампу к лицу Кирили так, что мужики в бане могли разглядеть его, а сам Кириля не видел их лиц.— А теперь ступай к своим родичам. Не бойся. Большевикам мы тебя не выдадим. Только помни — язык надо держать за зубами...

Когда Кириля ушел, Королев продолжал:

— Согласно новым указаниям, время подготовки продлено. Мы получили дополнительно некоторое количество оружия. Оружие будет выдаваться с моего личного разрешения. Карта будет у Поринена. В отношениях с советскими органами власти мы пока ограничимся пассивным сопротивлением. Мы будем участвовать в проводимых ими собраниях, принимать угодные им резолюции, а исполнение этих резолюций будем срывать всеми возможными средствами. Тайные склады продовольствия, находящиеся в лесах, надо охранять. В случае, если большевики найдут их, придется защищать с оружием в руках...

— Ну что ты говоришь! — Вытянувшийся во весь свой огромный рост Борисов уперся в потолок баньки.— Неужели мы не имеем права разделаться с большевиками, если нам представится удобный случай? Возьмем хотя бы твоего Матвеева...

— Ишь какой ты прыткий! — усмехнулся Королев.— Если Матвеев не вернется из этой командировки, сюда примчатся чекисты, и тогда всем придется худо. Время активных действий еще не настало...

Зная Борисова, Королев счел необходимым предупредить его особо.

— Запомни, Поринен. С головы Матвеева не должен упасть ни один волосок.— И, обратившись ко всем, он сказал: — Если с ним что-то случится, будет нанесен непоправимый ущерб нашему большому делу, которое только еще начинается. Пойдут аресты, репрессии — и наше выступление сорвется.

Понизив голос, добавил:

— Я лично отвечаю за его жизнь. Но я боюсь не за себя, а за общее наше дело. Ясно?

Когда Кириля пришел к Ярассиме, старика еще не было дома. Устениэ тяжело вздыхала и ворчала:

— Носит его где-то, смерть свою ищет.

Устениэ догадывалась, где пропадает ее старик.

В этот вечер в деревне состоялось три собрания. Если первое было публичным, второе сугубо секретным, то третье было и тем и другим. Проводилось оно в стороне от деревни. Огня в риге не зажигали, да и опасно было зажигать его, потому что пол риги был завален сухой, как порох, соломой, которую Ярассима собирал на тот случай, если ему удалось бы вдруг обзавестись коровенкой или теленком. Но народу на собрание сошлось много. Приходили чуть ли не семьями — старики, их сыновья, и даже внуки, у которых уже пробивались усы. Председателя на этом собрании не избирали. Староста деревни намекнул кое-кому из мужиков, что надо бы встретиться и поговорить,— коротко объявил, что возле бани Якимайнена он видел человека с винтовкой и что какие-то люди проводят там собрание. «Не к добру это все!» — решили старики. Они сидели на шуршащей соломе в полной темноте и ломали голову. Как им быть? Пойти к Матвееву и Королеву? Но об этом сразу же узнают те, другие. У них и сила, и оружие, и, прежде чем ревком из Кеми придет на помощь, они с тобой расквитаются — и пикнуть не успеешь. Да и не вызывали у мужиков доверия ни этот Матвеев, ни тем более Королев. Речи какие-то странные говорят. Ежели большевикам больше нечего сказать народу, измученному голодом и вечным страхом, то лучше пусть держатся подальше от их деревни. А еще страшнее, еще опаснее всякие бродяги, которых черт принес сюда. Шатаются тут со своими винтовками, одно беспокойство лю-

дям... Говорили больше старики. У парней на губах молоко не просохло, и нечего им соваться в мужицкие дела. А стариков тревожило одно — лишь бы в их деревне сохранился мир. Оружия у них ни у кого не было. Да и не нужно оно: оружием мира не добудешь. О том, что творится вокруг, они знали мало и о политике судили своим умом. Самая большая опасность идет из Финляндии. Там вся эта смута берет начало,— так считали старики. Кабы перестали белофинны «освобождать» Карелию, настал бы мир, и карелы могли бы жить, как им хочется. Так и все эти войны, что велись в последние годы в этих краях, были с белофиннами, пришедшими оттуда, из-за границы. С ними воевали и англичане, и белые русские, и красные русские, и карелы, и красные финны тоже с ними воевали. Так что чем меньше будет проходить через деревню людей, идущих из Финляндии либо в Финляндию, тем будет спокойнее. К такому заключению пришли люди после долгих разговоров и споров в темной риге Ярассимы. И такое они вынесли решение: надо сделать так, чтобы в деревню никто не приносил смуту. Ежели кто хочет воевать, пусть воюет в другом месте, и, во-вторых, всех чужих из деревни надо выпроводить по-хорошему или же силком выгнать; ежели кому надо прятаться, пусть ищут другое место...

Вернувшись домой, Ярассима сразу стал будить Кирилю.

— Где тебя леший носит? — ворчала Устениэ.

— Будто не знаешь где? С девчатами кадриль плясал. Потом чай с ними пил с сахаром и с ситным.

Разбудив гостя, Ярассима сказал:

— Вот что... В плохое время ты пожаловал в гости. Ты не слышал, что большевики говорили на собрании? Так слушай. Завтра утром сюда придет войско. Всех мужиков позаберут из деревни. Кого куда: кого в армию, кого в тюрьму, кого на Мурманку на работу отправят. Так что тебе лучше уйти, пока не поздно.

— Сейчас? Ночью?

— Не знаю, брат...

Ярассиме в душе было жаль выгонять своего родственника посреди ночи из дому, но что делать: раз миром порешили, что всех посторонних, кто бы они ни были, надо выпроводить из деревни, то решение надо выполнять.

Кириля спал одетый, ему не нужно было тратить время на сборы.

— Оставайтесь с богом.

И Кириля ушел.

Но направился он не к лесу, а к деревне, к той самой баньке, в которую его привел Королев. Он был уверен, что Королев все еще там. И не ошибся. Подходя к бане, Кириля заметил, как оттуда один за другим стали выходить мужики и исчезать в темноте. Увидев высокий стройный силуэт Королева, Кириля вырос перед ним словно из-под земли.

— Это я, Кириля.

— Почему не спишь?

— Ты же сам сказал, что я у большевиков на плохом счету. Разве я могу спать? Хочу спросить, куда мне деваться.

— «Куда, куда»... — раздраженно передразнил Королев. Потом сказал уже более мягким голосом: — Ну что с тобой поделаешь? Всем жить хочется. Иди в Койвуниеми.

— Так там же красные!

— Ну и пусть. Разыщи там Сидорова. Знаешь? Василия Леонтьевича Сидорова. Его еще называют Левоненом. Но так, чтобы тебя никто больше не видел. Скажи, что я послал. Мужик он добрый. Поможет. Ну, ступай с богом. Иди ночами, днем отдыхай где-нибудь в укромном месте. Понимаешь?

Кириле не много пришлось хаживать по белу свету, но кое-где он бывал, кое-что видал и мог сравнивать. В его родной стороне народ больше жил тем, что ему давали лес, озера да убогие поля. Знавал Кириля и Финляндию — когда-то он нанимался к богатым мужикам возить товары и бывал в Лиэксе, Нурмесе и Йоэнсуу. Бедные там тоже жили впроголодь, но люди питались не только тем, что сами добывали, там был и сахар, и кофе, и фабричная одежда. Наведывался Кириля в Поморье, где жили русские, промышлявшие добычей рыбы на Белом море и на Баренце. А между родной стороной и Белым морем была Тунгуда. О ее жителях в глухих лесных деревушках говорили: «То ли жить они умеют, то ли бог их лучшей долей пожаловал». Но почему тунгудцы жили лучше, никто толком не мог объяснить.

Жили в селе Тунгуда и его окрестностях действительно иначе, чем в других северокарельских деревнях. Бедные, правда, везде бедные, зато богатые в Тунгуде были богаче, чем в других местах, и бедным с их стола перепадало

крох побольше, чем где-либо. Тунгуда была густо населена и географически весьма выгодно расположена: отсюда рукой подать до щедрого на дары Белого моря, а вокруг лежали нетронутые, богатые всевозможной дичью и зверьем леса. Да и земля здесь была не столь скупой, как в ухтинских краях, хотя земледелие и не являлось главным в жизни тунгудцев. В отличие от ухтинских и беломорских купцов, тунгудские купцы не столько занимались собственно торговлей, сколько служили посредниками. Они держали хороших лошадей, на которых возили в Финляндию треску, тюлений жир и прочие дары моря и леса. Из Финляндии тоже возвращались не порожняком. Беломорские купцы заказывали через них кофе, сахар, одежду и всякую мелочь заграничного производства. Посредники неплохо наживались на этих доставках, русские торговцы тоже не оставались в накладе.

Жители дальних пограничных деревень завидовали тунгудцам, но когда приходило лихое время, шли к ним за помощью. Кириле уже приходилось ходить этим путем. Он знал лесные тропы и места переправ через реки с припрятанными в прибрежных кустах плотами. Знал он и лесные сторожки, рыбачьи избушки, в которых можно было отдохнуть в пути.

Он был в дороге уже вторую ночь и под утро решил завернуть на отдых в лесную избушку, стоявшую на берегу Тихой ламбы. Но до избушки он не дошел: из кустов на тропинку вышел вдруг какой-то обросший человек с дробовиком в руках.

— Кто такой? Куда идешь? — остановил он Кирилю.

— А ты кто?

— Я? Охотник.

— А я иду работу искать.

— Куда?

— На Мурманку, если ближе не найдется.

— На Мурманку? — Бородач задумался, потом взял ружье наперевес и перегородил Кириле дорогу.— Ну так и иди туда. Чего же ты сюда прешься?

— Хочу отдохнуть в избушке.

— В какой избушке? Ты что, рехнулся? Никакой избушки здесь и нет.

— Как нет? Вон там на Тихой ламбе испокон веков избушка стояла.

— А я тебе говорю, что нет здесь избушки,— сказал бородач уже сердитым голосом и направил ружье на

Кирилю.— Нет ни избушки, ни Тихой ламбы. Поищи их в другом месте.

— Раз нет, так нет,— не стал спорить Кириля.— Кусочка хлеба у вас не найдется?

— У кого «у вас»? Разве не видишь — я один. И для всяких бродяг я хлеба с собой не ношу.

— Ну, бог с тобой,— Кириля оробел и отвернулся. Но бородач окликнул его:

— Вот возьми кусочек рыбки. На.

Поблагодарив, Кириля взял кусок вяленой рыбы и начал грызть ее на ходу. Рыба была сухая, твердая, но показалась очень вкусной.

К полудню Кириля добрался до небольшой речки, возле которой стояла мельница Левонена. До самой деревни Койвуниеми оставалось версты четыре. Свернув с тропы, Кириля начал пробираться по кустам к мельнице. Сперва показалась крытая дранкой серая крыша, потом он увидел дверь мельницы, двор... Дверь заперта, на дворе никого не было. Только вился слабый дымок над почти догоревшим костром. Но после разговора с бородачом Кириля уже знал, что если возле мельницы дымят головешки костра, то лучше не ходить туда, а то может оказаться, что мельницы тоже нет на старом месте...

До самой ночи Кириля отсиживался в кустах. Когда стемнело, переправился через речку и пошел к деревне.

Над тихим озером плыл белесый туман, надвигаясь молочными клубами на болото, отделявшее деревню от леса. По краю болота, выбирая места посуше, змеился проселок, весь в рытвинах и глубоких лужах. Пригибаясь за кустами, Кириля шел вдоль дороги, потом свернул на поле и пополз на четвереньках вдоль межи к видневшемуся в конце поля дому Левонена.

Его встретила заливистым лаем черная собака, выскочившая откуда-то из-за дома.

— Тише ты, тише.

На крыльцо вышла худая старуха в нижней рубашке и стала оглядывать двор.

— Тервех,— шепнул Кириля, выглядывая из-за угла.

— Чего это ты точно вор крадешься? — перекрестилась старуха.

— Я к Василию Леонтьевичу.

— Никого нет дома. Иди с богом и не мешай людям спать.

Вид у Кирили был такой потерянный, что хозяйка спросила:

— Что за дело у тебя к нему?

— Я иду из Тунгуды,— соврал Кириля.— Из кооператива послали.

— Кто послал?

— Королев.

Хозяйка недоверчиво покачала головой:

— Был бы ты из кооператива, так не крался бы как вор.

И, повернувшись, ушла в избу.

Слышно было, как стукнула щеколда. Кириля стоял растерянный. Он уже пожалел, что соврал хозяйке. Черный пес снова подошел к нему и остановился, словно раздумывая, залиться ли опять лаем или просто обнюхать ночного гостя. Кириля боялся сдвинуться с места: начни собака лаять, другие псы сбегутся сюда.

Наконец в сенях раздались шаги, и дверь отворилась. На крыльцо вышел сын хозяина, такой же долговязый, как отец.

— Здорово, Симана.

Кириля подошел к нему.

— Что ты бродишь ночами? — Симана сделал вид, что не замечает протянутой Кирилей руки.

— Королев послал меня к твоему отцу.

— А не врешь?

Кириля не заметил лукавой усмешки в глазах парня и стал божиться, что он говорит правду. Симана не ответил ничего и ушел. Опять звякнула щеколда. «Вот и верь им, что никого нет дома»,— подумал Кириля.

Вскоре опять послышались шаги, и на крыльцо сразу вышли трое. Сам хозяин, Симана, а за ними... Королев.

— Встречаем, как большого начальника,— засмеялся Симана.— Всем народом.

— Где ты так долго шатался?— строго спросил Королев.

— Как же ты раньше меня успел? — удивился Кириля.

— Заходи. Чего встал?— торопил хозяин.— Или хочешь, чтобы тебя видела вся деревня?

Они вошли в дом. Дверь заперли на крепкий крюк.

— К кому ты заходил по дороге? С кем встречался? — принялся допрашивать Королев, едва переступив порог.

Хозяин дома был настроен благодушнее.

— В дом входишь, как большевик или руочи,— проворчал он незлобиво.

Кириля сорвал шапку с головы и начал неистово креститься.

Хозяин был на голову выше Кирили. Семьдесят годов, прожитых стариком, ничуть не сгорбили его. Мужественное, вытянутое лицо обрамляли густые седые волосы и пышная, доходящая чуть ли не до пояса борода.

Василий Леонтьевич Сидоров, или Левонен, как его звали в деревне, считался в Тунгуде одним из самых уважаемых стариков. Уважали его не за богатство. У него не было даже более или менее приличной лавчонки, какие имели все, обладавшие капиталом. Было лишь два амбара, и когда людям приходилось обращаться к нему за чем-нибудь, с пустыми руками от Левонена не уходили: в амбарах хватало всякого товара. И притом платы он никакой не требовал, лишь просил не забывать бога. А его бог учил, что за добро надо платить добром, на помощь отвечать помощью. И этот бог был столь ловким посредником, что благочестивый слуга никогда не оставался в убытке.

А еще уважали Левонена за начитанность, за его знания. Он свободно изъяснялся, писал и читал на русском, финском и шведском языках; кроме того, знал многие карельские говоры. Он знал на память целые главы из библии — как на русском, так и финском. Был знаком и с законами — и российскими, и финляндскими. Сам он не был рунопевцем, но благодаря книгам знал неплохо финскую и карельскую народную поэзию, множество сказок, поговорок, загадок.

Уважали его и за широкие связи. В Финляндии в круг его знакомых входили видные государственные деятели и известные юристы, крупные военные чины и руководители различных карельских обществ. До революции он имел влиятельных знакомых в Петербурге, и кемские и сорокские чиновники почитали за честь быть с ним в дружбе. Он не был стяжателем, его богатство умножалось, словно само собой, потому что он держал хороших лошадей и знал, что и куда везти.

Большевики не признавали его авторитет, но и не обижали его.

— Садись к столу,— сказал Левонен.

Королев был по-прежнему настороже.

— Ты скажешь наконец, где ты пропадал?

Кириля поглядел на Королева, потом на Левонена. Какие разные они люди! Один все стращает, а другой — добрый, радушный.

— Я же шел не людскими путями,— ответил Кириля.— Шел потихоньку, крадучись. Да отдыхал часто. Сил у меня мало, и подкрепиться нечем было.

— Ешь, ешь! — угощал хозяин.

И Кириля ел. Он набил полный рот рыбы, впихнул здоровенный кусок корки от рыбника, потом картошки и потом еще рыбы. Рыбник был испечен из чистой ячменной муки.

Прожевав, он продолжал:

— ...Встретил я только одного мужика. Кто он был, не знаю. Он сказал мне, что избушки у Тихой ламбы больше нет. Не пустил меня туда.

— Еще кого видел?

— Никого больше.— Кириля хотел перекреститься, но хозяин заметил:

— Когда едят, не крестятся.

— А я шел людским путем,— сказал Королев.— Мне бояться нечего, я не преступник.

— Куда же мне теперь? — Кириля посмотрел на хозяина.

— Свет не без добрых людей,— ответил Левонен.

— Я могу работать. Все, что прикажешь, сделаю.

— Какой из тебя работник! — махнул рукой Левонен.— Пропасть мы тебе не дадим. Все, что мне бог послал, то он и для людей дал. Так я считаю. Ложись спать.

Когда Кириля после еды помолился, как положено, хозяин повел его на поветь. Возле стены на повети было уложено почти до самой крыши прошлогоднее сено. Левонен вытащил оттуда перевязанный веревкой тюк.

Образовалось отверстие, в которое мог пройти человек. Кириля пролез в отверстие и оказался в узком пространстве, оставленном между стеной и закрепленным продольными жердями сеном.

— Пока не позову, не вылезай,— услышал Кириля голос хозяина.— Ежели по нужде надо будет, там в полу дыра имеется. Спать будешь — не храпи. Сиди тихо.

На полу лежала попона. «Я здесь как у Христа за пазухой,— подумал Кириля, завернувшись в попону.— Только бы потрафить хозяину...»

Кириля знал, что Левонену угодить нелегко. Старик хитрый. Никогда не скажет, сколько уплатить за соль, за

муку или за какой другой товар, зато за работу тоже никогда не платит. Дескать, все должно быть по-божески: ты мне помог, я тебе помогу, а господь нас обоих отблагодарит. Если старику что-то нужно, он никогда не требует, всегда просит по-хорошему. Кириля вспомнил, как однажды он привез Левонену беличьи шкурки, а у того был какой-то бедный мужик с острова Лоуккалы. Старик позвал мужика и спросил, не может ли тот на недельку отправиться в Беломорье. Мужик растерялся. Как же быть — у него печь в избе разобрана, семья живет в бане, надо бы печь сложить. Может, хозяин пару дней подождет? Левонен участливо согласился, что да, конечно, он все понимает, нет, так нет, можно кого-нибудь другого попросить. Мужик ушел, а через час прибежал обратно, умолял старика простить его и обещал тотчас же отправиться в путь. И хорошо, что вовремя одумался. Если бы не поехал, худо ему было бы: к старику больше ни за чем не ходи, а бедному человеку то одно надо, то другое. Да и никто бы ему не стал помогать в беде, чтобы не навлечь на себя немилость Левонена.

Кириля блаженствовал. Он наелся до отвала, лежит под теплой попоной. Вот если бы дома была хоть толика той еды, которую он слопал сейчас за один присест! Может быть, ему удастся послать отсюда что-нибудь и домой. Убаюканный этими мыслями, Кириля заснул.

Сквозь щели в стене пробивались лучи заходящего солнца, когда он проснулся в бодром настроении и хорошо выспавшийся. С улицы доносились детские голоса и позвякивание коровьих колокольчиков. «У людей здесь и коровы еще есть»,— удивился Кириля. Он опять хотел есть, но пришлось ждать, пока его не позовут. Наконец послышались тихие шаги. Кто-то пришел на поветь, постоял... Потом зашуршало сено, открылось заваленное тюком отверстие. Сперва показалась седая голова, потом широкая борода.

— Как спалось?— улыбнулся Левонен.— Хороший сон — подарок божий, а плохо спит тот, кто грех замышляет.

— Королев здесь еще?— спросил, позевывая, Кириля.

— Какой Королев? У нас никакого Королева не было.

— Наверно, приснилось,— поспешил согласиться Кириля.

— Это нехороший сон,— поучительно заметил старик. Кириля кивнул в ответ. Смягчившись, Левонен сказал: — Я тебе кошель с харчами принес. Тебе уходить надо, голо-

вушку свою спасать. Ступай с богом прямехонько к сторожке на Тихую ламбу.

— А чего я скажу тому... ну... охотнику?

Понизив голос, Левонен пояснил, что он даст Кириле с собой собаку. Кириля должен дойти до смоляной ямы, что будет по дороге к сторожке, в полуверсте от нее. Если на дне ямы окажется хворост, надо сразу же отпустить собаку. Она прибежит сюда. А сам Кириля должен пойти к избушке. Если кто остановит, надо сказать, что сбежала собака, не видел ли кто ее. Сказать надо только это. Больше ни слова. О том, что был у ямы и у Левонена, тоже никому ни слова. Можно рассказать, что, мол, бежал из своей деревни, спасаясь от голода и большевиков. Сказать все, как было. Врать Кириле не надо, это грех будет. Но и язык распускать не следует, ибо длинный язык быстро доводит до греха, за который последует жестокая кара еще до судного дня.

— И долго мне там быть?

— Пока не позову. А еще...

И старик шепотом стал наставлять. Кириля должен время от времени наведываться к яме, присматривать, все ли там по-прежнему, не копали ли в ней. Ежели обнаружит, что яму трогали, надо немедля бежать сюда. К яме надо ходить одному. А если кто-то сообщит Кириле, что собака нашлась, то этому человеку надо будет во всем подчиняться. В избушке Кириля должен держать уши открытыми, дабы слышать, что мужики там меж собой говорят и что у них на уме. Народ-то теперь попортился. Глядишь, кто-то захочет пойти у этих антихристов, большевиков, прощения просить. Ежели такой человек попадется, не миновать погибели. Как только Кириля услышит, что кто-то замышляет такое, пусть немедленно бежит сюда. Все ли Кириля понял? Ведь на бога надейся, а сам не плошай, если хочешь, чтобы голова на плечах сохранилась...

— Я вижу: ты мужик толковый! — похвалил Левонен, когда Кириля сказал, что все понял.

— А собака не залает?

— Пока на поводке будет, не залает. Только не корми ее, понял? Сам поешь в лесу, а собаке не давай. И запомни: ямы той не касайся. Ни руками, ни языком.

Левонен дал Кириле с собой не того черного пса, который встретил его лаем у избы, а огромную собаку рыжей масти. Войдя в лес, Кириля первым делом заглянул в ко-

шель. В нем была «весенняя» рыба, ячменные лепешки, вареная картошка. Не выпуская поводка из руки, Кириля сел перекусить. Собака повизгивала, крутила хвостом, но он помнил наказ старика и не дал ей ни крошки.

На рассвете Кириля добрался до скалы, возле которой должна была быть яма. На дне ямы лежал хворост, но Кириля заметил, что набросали его недавно. Под хворостом виднелась свежая земля, и на мху возле ямы тоже местами остались комочки свежей земли. Кириля не стал гадать, что спрятано в яме. Он отпустил собаку, и та помчалась к деревне.

— Стой! — его окликнули по-русски. Из-за дерева вышел человек и спросил уже по-карельски: — Ты кто такой?

— Собака у меня сбежала, не видели ее здесь?

— Значит собаку ищешь? Ну, проходи,— и человек угрюмо махнул рукой в сторону сторожки.

Перед избушкой сидели с десяток обросших щетиной, оборванных мужиков. На всякий случай Кириля повторил свой пароль.

— Хватит здесь собак. Выбирай любую,— буркнули ему в ответ.

ТРЕВОЖНАЯ ОСЕНЬ

Начало осени 1920 года было безветренным, солнечным, но очень холодным. Уже в конце августа начались ночные заморозки. По утрам картофельные поля покрывались белым инеем, и, глядя на почерневшую, обвисшую ботву, не одна хозяйка, наверное, горько вздыхала, и вернувшись в избу, со слезами на глазах спрашивала у боженьки, за какие грехи он карает их, бедных людей. Потом опять потеплело, убрали урожай. Да что уж там и убирать!

Лишь в одной избушке села Кесяниеми горел свет до поздней ночи.

— У начальства и керосин есть, и всего полно,— говорили собравшиеся у камелька соседки, поглядывая на свет в окне председателя ревкома.

— У него и быть должно. И днем и ночью трудится,— осторожно заметила одна.

Но ей тут же возразили:

— Трудятся они. С народа шкуру дерут да языком болтают.

У председателя ревкома селя Кесяниеми Оссиппы Липкина керосин действительно был. Кроме того, его семья получала хоть какой-то паек, в то время как многие из жителей села давно уже ничего не имели.

Липкин переживал из-за того, что находится в особом положении, и каждый кусок хлеба, каждый фунт сахара, который он приносил домой, казались ему горькими. Но что он мог поделать? Паек, который он получал, был настолько мизерным, что его семья тоже жила впроголодь. Да и не был он виноват в том, что люди ничего не получали. Дело было не только в нехватке продовольствия. Пайка лишались те семьи, главы которых отказывались выполнять трудовую повинность. Мужики, в свою очередь, объясняли свой отказ тем, что они не могут ехать на работу потому, что их семьи голодают. Обстановка в селе была напряженной. Люди перестали ходить в ревком и от выполнения его распоряжения увиливали под тем или иным предлогом. Даже сосед председателя, Матвей Микунен, добродушный, любивший пошутить мужик, с которым Липкин был в приятельских отношениях, отказался позавчера съездить на станцию за наглядными пособиями для школы. Сказал, будто хомут разорвался, потом, когда выяснилось, что хомут можно найти, вдруг захромала лошадь. Старик даже привел Липкина в конюшню, чтобы тот собственными глазами убедился, что у лошади нога не в порядке. Действительно, передняя нога жеребца была до самого колена обвязана просмоленной мешковиной. А вчера, поднявшись спозаранку, Липкин увидел, как Матвей на той же самой лошади выехал в лес, и лошадь даже не прихрамывала. Вечером он позвал соседа к себе и спросил, что это значит. Старик боязливо огляделся и шепнул председателю, что народ в селе решил не подчиняться Советской власти. Липкин стал допытываться, когда и на каком собрании вынесено такое решение, но Микунен твердил свое — мол, есть такое решение и что больше ничего он не знает. А потому, даже не попрощавшись, ушел. Это был не первый случай открытого неповиновения. То же самое творилось и в других деревнях, в том числе и в Тунгуде, куда Липкин собирался сходить, чтобы выяснить обстановку и поговорить с народом.

Председатель сидел у лампы и готовился к собранию. Он хотел рассказать о Карельской Трудовой Коммуне, образованной в июле декретом ЦИКа. Липкин сам был на Всекарельском съезде Советов, где единогласно было принято решение о том, что карельский народ хочет на вечные

времена связать свою судьбу с социалистической Россией. Липкин тоже голосовал за это решение.

Обо всем этом рассказать было легко, но намного труднее ответить на вопросы, которые задавали на каждом собрании,— о хлебе, об одежде, о соли. Еще труднее заставить людей выполнять трудовую повинность. Многие из трудоспособных мужиков укрывались в лесу или бежали в Финляндию.

Часть избы была отгорожена свисавшим с воронца старым брезентом, чтобы свет не мешал спать Ёвкениэ и детям. Но Липкин слышал, что за брезентом не спали. Старшая дочка Вера — ей уже было два года — что-то спрашивала у матери, и мать шептала ей в ответ:

— Нету у мамы молочка, нету. Водички не хочешь? И хлеба нет. Маленький кусочек остался, оставим его на завтра. Спи, доченька, спи. Когда? Не знаю, доченька, когда будет. Но будет. Папка говорит, что скоро жизнь наша наладится, хлеб будет, сахар... А когда — не знаю. Спи, время быстрее пройдет...

Каждое слово для Липкина было как удар ножом по сердцу. Ёвкениэ утешает дочку теми же словами, которые он твердит и своей семье и народу, заверяя, что скоро жизнь станет полегче, только надо ждать и работать.

Но Вера не может ждать, молоко и хлеб ей нужны сейчас.

Да, и молока у них теперь не стало. До сих пор это было единственным, что удавалось купить в селе. Своей скотины у них не было, а в деревне еще осталось несколько коров. Только вдруг люди перестали продавать им молоко. Кто говорит, что корова не доится, кто, что самим надо. Случается, какая-нибудь сердобольная старушка принесет чуть-чуть из жалости к детишкам, да и то темным вечером, тайком. Хлеба, который они получают, тоже мало. А то, бывает, муки столько привезут, что и на паек не хватает.

До сих пор Ёвкениэ мужественно, безропотно терпела эти лишения. А позавчера... Нет, она не стала сетовать и плакать. Просто спросила, как отнесется Оссиппа к тому, что она съездит с детьми погостить к своим родителям в Юскюярви. Не посвященному в семейные дела Липкина этот вопрос показался бы естественным, но для Оссиппы и Ёвкениэ за ним скрывалось многое.

Ёвкениэ была единственной дочерью довольно зажиточного хозяина, в своем селе она слыла самой красивой де-

вушкой. Отец мечтал выдать ее замуж за какого-нибудь богатого ухтинца. И вот такой жених появился. Было это в начале восемнадцатого года. Уже готовились к свадьбе. Но в это время в село приехал Оссиппа Липкин. Он служил в царской армии, в Октябрьские дни был в Петрограде, в схватке с юнкерами получил ранение и, выйдя из лазарета, приехал в Кемь, чтобы работать здесь на революцию. Ему предложили съездить по делам в Юскюярви. Вернее, Юскюярви он выбрал сам. Мог бы поехать и в другое место. А выбрал потому, что все годы войны он вспоминал о Ёвкениэ. Приехал в село, а Ёвкениэ замуж выдают. Улучил момент и встретился с ней наедине где-то в сенях. Ёвкениэ — в слезы. Спрашивает: что ей делать? То ли замуж идти за того, кто не мил ее сердцу, то ли в прорубь броситься? Оссиппа погладил ее по плечу, успокоил и обещал что-нибудь придумать. И придумал. Утром явился в дом Ёвкениэ — а там уже столы накрывают да гостей поджидают — и говорит родителям, что у него конь как вихрь, решил покатать по селу деревенских девушек, не отпустят ли они невесту проехаться последний раз в девичестве. Родители переглянулись и разрешили. Пусть прокатится последний разок, скоро уж девичьи радости у нее кончатся. Только не долго, а то гости вот-вот начнут собираться... Посадил Оссиппа невесту в сани, лошадь так рванулась и так понеслась, что одним махом домчались до самой Кеми. Только раз остановились в дороге — в Панаярви, где покормили коня да сами чаю попили. Недели через две родители прислали Ёвкениэ весточку: раз она уехала с большевиком и опозорила перед богом и людьми себя и свой род, то пусть обратно не просится, высоки для нее теперь пороги родительского дома.

Ни разу Ёвкениэ за все эти годы не пыталась переступить ставший для нее высоким порог отчего дома.

А вчера вдруг спросила, не съездить ли ей к родителям. Оссиппа даже растерялся, до того неожиданным был для него этот вопрос. Стараясь говорить как можно спокойнее, сказал: «Ну что ж, если хочется повидать родных, так что же тут такого». Ёвкениэ заплакала. Потом, утерев слезы, посмотрела мужу в глаза и сказала коротко и решительно: «Не поеду».

Как сложилась бы жизнь Ёвкениэ, если бы Оссиппа в тот день не оказался в Юскюярви? В прорубь она, конечно, не бросилась бы. Вышла бы за богатого ухтинского купца, жила бы теперь в Каяни и была супругой минист-

ра Временного правительства Карелии. И не знала бы ни нужды, ни голода.

Липкин закрыл свою тетрадь. Кажется, все он записал. Впрочем, записи эти ему и не понадобятся: не будет же он выступать по бумажке. Он разделся, задул лампу и лег. Нащупав в темноте руку жены, он осторожно пожал ее и шепнул:

— Не расстраивайся. Все еще наладится.

Евкениэ не ответила. Сколько раз она уже слышала это от мужа!

Липкин долго не мог заснуть. Все думал о завтрашнем собрании. Пытался предугадать, какие вопросы ему зададут, обдумывал ответы на них. Вспомнилось, как на одном собрании его спросили:

— Как же это из тебя, карела, получился большевик? Когда ты им стал?

— В девять лет,— ответил Липкин.

И это была не шутка: он имел право ответить так.

Отец Оссиппы был родом из-под Вуоккиниеми, но с юных лет жил в Юскюярви, где занимался и кузнечным делом, и столярным, и сапожным, и печным. После революции пятого года в село пригнали ссыльных русских. Было их шесть человек. Люди они мир повидавшие и немало книг прочитавшие, и в селе их любили. Молодежь собиралась по вечерам в большой горнице Ивановых, где поселили ссыльных. Пели и плясали под гармонь. От ссыльных молодежь узнала не только революционные песни, но услышала, как живет народ в самой России, где рабочие борются за свои права. Оссиппе было тогда девять лет, но он тоже ходил на вечера к ссыльным. От них он научился русскому языку.

Через Юскюярви шел сплав на реку Кемь. Ссыльные тоже работали на сплаве. Первого мая, как раз в то время, когда самая высокая вода, они организовали забастовку сплавщиков, требуя повышения расценок. Забастовщики отправили делегацию из трех человек изложить свои требования подрядчику Сурикову. Во главе делегации пошел отец Оссиппы. Что было дальше, Оссиппа запомнил на всю жизнь. Ночью к ним ворвался урядник. С ним в качестве понятого был хозяин дома, у которого они снимали угол. Урядник перевернул все в комнате вверх дном, разбросал всю одежду, посуду. Сорвав с кровати постель, вместе с ней сбросил на пол младшего брата Оссиппы, маленького Мийтрея. От испуга тот заболел и

вскоре умер. Ничего недозволенного урядник так и не обнаружил. Но отца он увел. А хозяин тут же выгнал семью из дома. На улице ночь, дождь, а их вышвырнули во двор. Хорошо, что ссыльные жили рядом. Услыхав шум, они пришли на помощь, перенесли детей и скудные пожитки семьи к себе. Утром пришел отец весь в синяках. Сказал, что урядник велел ему немедленно убираться из села. Ссыльные обещали позаботиться о семье, которую отцу пришлось пока оставить. Ни своей лодки, ни денег, чтобы нанять, у них не было.

Отец и сын пошли пешком в Кемь. До сих пор Оссиппа помнит, как мать с меньшим братом и сестрой стояли под дождем на дворе и плакали, а они с отцом шли и шли по дороге.

С тех пор Оссиппа и считал себя большевиком.

В родном селе он бывал и после этого нередко. Но постоянным местом жительства для него стала Кемь, Сорока, потом Архангельск. Побывал он в Англии, Норвегии, Испании и других странах, куда его заносила судьба моряка. И где только он не бывал во время войны! Двадцать пятого октября семнадцатого года он оказался в Петрограде.

— А Зимний ты брал? — спрашивали у него.

Нет, Зимний дворец он не брал, а ранили его у Финляндского вокзала. Юнкер стрелял шагов с трех. Угодил в левое плечо.

— Тому юнкеру я, видно, показался очень высоким человеком,— посмеивался Липкин.— Возьми он чуть пониже, прямо в сердце попал бы.

Раненое плечо часто ныло, особенно если приходилось нести ношу. Эту тупую боль он почувствовал и сейчас, забросив за спину кошель.

Оссиппа вышел в путь затемно. Роста он был небольшого, на вид тщедушный, но ходил быстро. Он привык ходить пешком по лесу, уверенно, не замедляя шага, шел и по болоту, и по каменистой осыпи, и по сухой дороге. Ноги, казалось, сами находили опору на любой почве. Было еще довольно темно, но тропу Оссиппа угадывал чутьем. Привычным для него был и наган, тяжесть которого он всегда чувствовал на боку. Липкин сроднился с ним так же, как курильщик со своей трубкой. Правда, в ход оружие он не пускал, не хватался за наган, чтобы попугать кого-то, никогда не угрожал им. Он считал, что оружием надо пользоваться только для того, чтобы стрелять, а стрелять надо лишь тогда, когда иного выхода нет.

...Начинало светать. Тропинка шла через густой ельник. В стороне от нее показалась высокая, почти отвесная скала. Липкин свернул с тропы и присел под скалой отдохнуть. И вдруг он заметил неподалеку от себя худого бородатого мужчину, с испуганным видом поднимающегося из-за кочки. Наружность мужика показалась Липкину знакомой, и он вспомнил, что видел этого человека на железной дороге. Кажется, сбежал оттуда, и звали его, помнится, Кириля.

— Ты чего тут делаешь? Кто такой? — спросил Липкин, боясь, что обознался.

— Я? Да вот... Силки у меня здесь поставлены. Разве ты знаешь меня?

— Нет,— ответил Липкин.

— Конечно, ты всех знать не можешь,— успокоился Кириля.— А я тебя знаю. Я все начальство знаю.

— Птица-то ловится?

— Мало,— пожаловался Кириля.

Вид у него был встревоженный. Когда Липкин пошел дальше, Кириля увязался следом. Проходя мимо большой ямы, в которой когда-то курили смолу, он невзначай заглянул в нее и заметил на дне накиданный кем-то хворост. Зачем хворост в яме? Может быть, кто-то собирался развести костер? Но тут Липкин увидел, что земля под хворостом недавно вскопана. И на краю ямы следы свежей земли, прикрытой ягелем. Кириля словно оцепенел от страха и, чтобы не выдать себя, Липкин быстро отвел взгляд в сторону и зашагал дальше. Тайный склад с оружием... Сомнений не было. Можно, конечно, задержать Кирилю, охраняющего этот склад. Но что делать дальше? Да и вряд ли он тут один. Притворившись спокойным, Липкин дошел до ламбы. Кириля неотступно шагал следом.

— Ты чего тут ходишь и птиц пугаешь? — ворчал он.— Грех пугать птицу...

— Мне греха не будет, я не верю в бога.

— Все равно бог тебя накажет. Так ты один идешь?

— А ты — тоже один здесь?

Глаза у Кирили забегали.

— Уходи скорей, а то всех птиц всполошишь,— взмолился он.— У бедных одна надежда осталась,— птицу.

— Ладно, уйду.

Липкин не сомневался, что натолкнулся на склад оружия. Может, пойти сейчас же в Сороку? Но о собрании уже объявлено. И если он вернется с полпути, хозяева спрятан-

ного оружия заподозрят неладное. Нет, надо найти надежного человека и послать с ним записку в Сороку.

Когда Липкин пришел в Тунгуду, деревня показалась ему вымершей. Он зашел к Королеву.

— Что у вас здесь происходит?

— На собрании сам увидишь. После него и потолкуем.

Они говорили между собой по-русски.

— Мне надо срочно послать одну записку,— сказал Липкин.— Кого бы ты мог отправить в Сороку?

— Ты пиши, я схожу за Мийтреем. Он сейчас здесь.

— За каким Мийтреем?

— Есть один парень из Тахкониеми. Он у нас милиционером в Нийккананвааре.

— А, знаю,— вспомнил Липкин.— Он еще немного... ну, шалопут, что ли.

— Но дело свое знает!— заверил Королев.

Едва Липкин успел написать коротенькую записку и начертить некое подобие карты, где указал крестиком местонахождение тайного склада оружия, как в избу, не стучась, ввалился Мийтрей. Милиционер был во всеоружии — в руках винтовка, на поясе наган, из кармана шинели выглядывала рукоятка ручной гранаты.

— Ну, ты как на войну собрался! — усмехнулся Липкин.

— Я всегда готов — хоть на войну.

— Ладно, ладно.— Липкин торопился.— Надо съездить в Сороку. Отвезти срочное письмо.

Он сложил листок и сшил его посередине белыми нитками. Крестик на письме надо было скрепить сургучом, но сургуча под рукой не оказалось.

— Мне не в первый раз быть гонцом,— хвалился Мийтрей. Небрежно козырнув, он вышел. Королев поспешил за ним.

Вернулся Королев через полчаса.

— Я предупредил Мийтрея, чтобы по пути нигде не задерживался. Парень он ничего. Но может заглянуть по дороге к какой-нибудь вдовушке...

...В школе собрались в основном женщины и дети. Из мужчин пришло всего несколько стариков. Липкин обратил внимание, что многие будто нарочно вырядились в какое-то невообразимое рванье, в такое грязное, словно собирались неводить. Конечно, хорошей одежды у них не было,

но ведь и старая может быть чистой, аккуратно залатанной. На первом ряду с важным видом восседала толстая старуха с бородавкой на кончике носа. На ней был какой-то грязный балахон. Липкин знал, что у нее было платье и получше, и потому спросил:

— Чего же ты, бабуся, на себя такое рубище напялила?..

— А разве ты мне получше одежду принес? — огрызнулась старуха. Бородавка на носу задрожала.

— Не привозил и сегодня не привез. Но выстирать-то можно было. Воды в Карелии хватает.

— Для кого же это мне наряжаться? Для вас, большевиков, что ли? Да если бы я в шелка оделась, вы бы с меня все содрали, нагишом бы оставили, а шелка своим зазнобушкам увезли. Знаем мы вас.

— Не ходят наши зазнобы в шелках. Ни в своих, ни в чужих...

Липкин подошел к столу и начал свое выступление совсем не так, как собирался:

— Все, что мы имеем, все свое. Свое и чистое. Совесть у нас чиста, живем мы среди своего народа, боремся за дело своего народа. А у тебя, бабуся,— Липкин в упор смотрел на старуху,— даже слова не свои. Чужие речи ты повторяешь, речи врагов карельского народа.

Тетрадь с докладом так и осталась в кармане. Говорил о том, к чему пришел на основании своего жизненного опыта, что было его убеждением. Враг карельского народа, финский капитализм, ведет свою подрывную работу, оттачивает нож, чтобы вонзить его в спину молодой социалистической Карелии. Финским капиталистам нужны леса Карелии, ее природные богатства. Военщина белой Финляндии стремится отодвинуть границы к Белому морю и Онежскому озеру, чтобы укрепить позиции капиталистического мира, готовящего нападение на Советское государство. У них есть деньги, у них хорошо поставлена пропаганда, есть шпионская сеть, они умеют обманывать народ красивыми словами о братстве народов-соплеменников, о свободе. А что значит их братство и свобода на деле? Убийства, грабеж, жестокость по отношению ко всем, кто не желает подчиняться их власти. За примером далеко ходить не нужно...

— Зато Ухтинское правительство дает людям хлеб! — выкрикнула с первого ряда бабка с бородавкой на носу.

— Да, хлеб, награбленный из скудных запасов Советской власти. Дает от имени Финляндии муку, купленную Советским правительством у Финляндии или через Финляндию и оплаченную золотом. Муку, купленную для голодающего карельского народа. Оно бросает эту муку карелам, как кости собаке, которую хотят научить лизать за это руку...

Что такое Ухтинское правительство? И кто в нем представляет карельских трудящихся? Никто. Оно состоит из финнов и карельских торговцев, живущих в Финляндии и являющихся карелами лишь по происхождению. Многие из них забыли даже родной язык. Они никогда не знали дум и чаяний, которыми живут простые карелы. Белая Финляндия стремится, чтобы самую грязную, самую постыдную работу сделали карелы, пытается повернуть карел против Советской власти. В отношении тех, которые хотят жить чужим трудом, это им удалось. Это та же классовая борьба, которая шла и идет во всем мире между эксплуататорами и народом и в которой рабочий класс одержал свою первую великую победу, совершив три года назад Октябрьскую революцию. Это та же классовая борьба, которая шла и идет в Финляндии. Финский народ выступает против грабительской войны, он — за действительную свободу Карелии. Лучшие сыны его сражаются в рядах Красной Армии. Вместе с карелами, русскими — против лахтарей. Настоящими представителями трудящихся Карелии являются те, кто основали Карельскую Трудовую Коммуну...

Липкин подробно рассказал о решениях съезда трудящихся Карелии в Петрозаводске. Рассказал о трудностях, вызванных тем, что четырнадцать капиталистических государств неоднократно предпринимали попытки задушить Советскую власть. Но Советская власть выстояла и выстоит впредь. Карельский народ решил строить свою новую жизнь в союзе и дружбе с Советской Россией. Не с той Россией, которая в царское время угнетала карельский народ, держала его в невежестве, а с новой Россией. Россией рабочих и крестьян...

Липкин говорил горячо и вдохновенно. Люди должны понять его, он же говорит как карел с карелами. Но сидевшие в школе почему-то боязливо озирались. Лишь некоторые смотрели с надеждой, на лицах большинства был испуг, а кое-кто глядел на Липкина с открытой неприязнью.

— Есть вопросы? — спросил Липкин, закончив свою речь.

— А мы не признаем твою Советскую власть, как ты ее не расхваливай,— выкрикнула старуха с бородавкой на носу.— И спрашивать нам нечего. Пошли отсюда...

Народ расступился, пропуская ее, и люди один за другим потянулись к выходу.

На дворе стояла тьма-тьмущая. Лишь подобно звездочкам светились огоньки цигарок. Королев куда-то исчез в темноте.

— Закуривай,— услышал Липкин чей-то голос и ему в руки сунули кисет. Оссиппа рассеянно свернул цигарку. Кто-то протянул ему зажатую между ладоней трубку, держа ее так, что свое лицо осталось неосвещенным. Наклонившись прикурить, Липкин услыхал боязливый шепот:

— Уходи скорей, а то убьют. Тут полно мужиков с оружием.

— Спасибо за табак,— поблагодарил Липкин и, нащупав в темноте худую шершавую руку, крепко пожал ее.

Постояв немного в раздумье, он направился к Королеву.

В горнице Королева ярко горела большая керосиновая лампа. Окна снаружи были закрыты плотными ставнями, изнутри завешаны черными шторами. Хозяйка принесла самовар, подала ужин и молча ушла. Королев запер дверь на крючок, достал из шкафа бутылку с какой-то похожей на слабо заваренный чай жидкостью.

— Самогон.— И хотел было разлить жидкость по чашкам, но Липкин прикрыл свою чашку рукой.

— Не хочу.

— Тогда я тоже не буду.

Убирая бутылку в шкаф, Королев объяснил:

— Нашли тут в одном доме, в соседней деревне. Хозяева сбежали в Финляндию.

— Здорово торопились. Даже самогон забыли,— усмехнулся Липкин.

Королев подал чай и сел напротив гостя.

— Советской власти здесь больше нет,— сказал он.— Удивляюсь, почему меня не трогают.

— Что ты советуешь делать? — спросил Липкин.

— Что? — Королев задумчиво вертел чашку на блюдце.— То же, что и раньше советовал. Но меня никто не послушался. Ты хорошо говорил на собрании, правильные вещи говорил. Но одних слов теперь недостаточно. Враг действует. И на силу надо отвечать силой. Надо установить жесткий революционный порядок. От него будет больше пользы, чем от слов.

У Королева был готовый план действий. На данном этапе, считал он, надо воздержаться от введения в деревню воинских частей. Это может лишь усилить недовольство и даст повод вражеской пропаганде для новых обвинений. Но органы Советской власти должны не уступать и не ограничиваться уговорами. Надо делать обыски, находить спрятанное продовольствие и реквизировать его для нужд Красной Армии, чтобы оно не досталось укрывающимся в лесах бандитам. Может быть, имеется и припрятанное оружие. Надо искать, искать и еще раз искать. С людьми не миндальничать. Авторитет советских органов надо поднимать не словами, а силой и строгим порядком. Он, Королев, ни в коем случае не является сторонником сатрапьих методов царского времени, но и у царской власти кое-чему можно бы поучиться. Один урядник держал в повиновении целую волость. В то время бабки вроде сегодняшней не посмели бы кричать на собрании, что они, мол, власть не признают. Тогда таким крикунам быстро затыкали рот.

— Урядник однажды так избил моего отца, что живого места не осталось,— тихо заметил Липкин.— Мне тогда было девять лет.

— Вот видишь. А почему Советская власть должна либеральничать с врагами? Почему? Если бы одной крикливой старушке показали, где раки зимуют, небось остальные закрыли бы свои глотки и не ерепенились. Да и те, кто в лесу отсиживается и ждет помощи из Финляндии, тоже бы призадумались, не лучше ли взять шапку в руки да явиться к Советской власти с повинной. Так я понимаю пролетарскую диктатуру...

Королев расхаживал по комнате, так увлекшись своими рассуждениями, что не замечал, как лицо его гостя становилось все мрачнее. Наконец Липкин не выдержал и стукнул кулаком по столу:

— Нет, это не пролетарская диктатура! На такое мы не пойдем. Не надейся и не жди... И со старухами мы воевать не будем, а с действительными врагами покончим. Слышишь, по-кон-чим! Такими средствами, какие будут необходимы.

Королев остановился и сделал какое-то движение рукой. Липкину даже показалось, что он собирается выхватить револьвер из-под пиджака. Но нет, рука только дрогнула и опять опустилась.

— Ты чего кричишь на меня? — тихо спросил Королев. — Ты не кричи. Ты не забывай, где ты находишься. Здесь ты можешь положиться только на меня. Если мои советы тебе не подходят, поступай как знаешь.

Липкин начал одеваться. Королев не предложил ему остаться на ночь, но говорил уже, как бы ища сочувствия:

— Уж кому туго приходится, так это мне. И это моя заслуга, что люди сдержались и не кинулись в драку. Но если сюда придут войска, то крови прольется немало. Я с себя снимаю ответственность за это...

Ничего не ответив, Липкин вышел из избы. Стояла темная ночь. Королев накинул пиджак и, догнав Липкина, пошел провожать его.

На околице они остановились.

— Дальше иди один. Только будь начеку. Ну, счастливо...

Вскоре у Королева опять появились гости. Со стороны двора казалось, что в доме никого нет. И вряд ли посторонний заметил бы, как к Королеву кто-то пришел, потому что к дому они подкрались через вскопанное картофельное поле и, войдя в открытую заднюю дверь, поднялись на поветь, откуда спустились в избу. Говорили в горнице вполголоса, и на улицу, где выл осенний ветер и беспокойно лаяли собаки, учуявшие чужих, разговор не доносился. Если на предыдущих тайных сходках Королев сам давал указания, то на этом собрании он отчитывался.

— ...Даже выпить со мной отказался, — рассказывал он о Липкине. — Для вас оставил. Хотите?

Он наполнил две чашки и протянул их двум финнам в штатском. Это были связные от Таккинена.

— Мы пришли сюда не выпивать, — отодвинул чашку с самогоном небритый верзила с тяжелым подбородком. Его товарищ тоже не притронулся к спиртному. Небритый продолжал: — Сейчас надо действовать, и если вы способны на что-то, то пора начинать. Захватите столько деревень, сколько хватит сил удержать. А мы доставим документы, по которым будет видно, что восстание началось и что вы зовете на помощь финских добровольцев. И все пойдет, как по маслу. Вам помогут.

На совещании было решено начать восстание в Тунгуде. Люди Таккинена не хотели оставаться: у них было указание не принимать непосредственного участия в событиях до тех пор, пока из Финляндии не придет подмога.

— Эти бумаги мы тоже заберем,— небритый взял из рук Королева потрепанный портфель с заплесневевшими металлическими уголками. Видно было, что портфель долго лежал где-то в сыром месте.— А то вы тут еще перепугаетесь, и они попадут к большевикам.

Связные вышли в путь еще до рассвета, Королев дал им проводника, который должен был довести их до деревни Кевятсаари.

Когда подошли к Кевятсаари, было еще светло. Проводник не стал дожидаться, пока стемнеет, и отправился в обратный путь. Финны остались на опушке леса и стали наблюдать за домом Ярассимы, стоявшим на отшибе. Когда стемнело и погасли все огоньки, они без стука вошли в избу.

— Господи помилуй! — Устениэ так перепугалась, что забыла, в каком углу икона, чтобы перекреститься перед ней.

— Чужие в доме есть? — спросил один из финнов, оглядывая избу.

— Нет, дома свои да бог,— пробормотал растерявшийся Ярассима.

— Ну-ка, старик, одевайся и сходи за Ехроненом. Нам проводник нужен,— велел финн и обратился к Устениэ:— А ты, хозяйка, приготовь нам чай и что-нибудь поесть. Только побыстрее. Нам некогда.

— А... кто вы? — дрожащим голосом спросил Ярассима, одеваясь.— Куда идете?

— Не спрашивай, а делай, что тебе велено!

— И что же это с нами будет! — причитал старик.

— Что будет? Война будет.

— Карелия восстанет,— уточнил второй финн.

Ярассима задержался в деревне, и гости стали уже беспокоиться. Еды у хозяйки нашлось слишком мало для двух проголодавшихся здоровых мужчин. А с собой и совсем нечего было дать. Ночные гости не поверили, что дом такой бедный, и второй из финнов, помоложе, решил проверить, не обманывают ли их. В хлеву он увидел барана, и не успела Устениэ охнуть, как барана тут же зарезали.

— Убили, ой, убили! — застонала она.

— Тихо! За барашка мы заплатим.

— Люди добрые! Помогите! — продолжала кричать Устениэ.

— Ну, заткнись!

На крик прибежал финн постарше.

— Ты что, одну старуху усмирить не можешь?

— Хотел по-хорошему, но она не понимает...

Вернулся наконец Ярассима. С ним два старика.

— Кто такие? — спросил старший из финнов, сунув руку в карман.

— Вам, говорят, проводник нужен,— ответил один из стариков.

— Ехронена дома нет. А вот братья — Охво и Стахвей — каждую тропинку здесь знают,— буркнул Ярассима.— Почто барашка убили?

— Как увидел, сразу за нож...— плакала Устениэ.— Так и зарезал.

— А куда вас вести? — спросил Охво.

— До границы.

— Далековато! — вздохнул Стахвей.

Договорившись со стариками, что те будут ждать за озером, финны отпустили их домой, велев как можно быстрее собраться в дорогу и держать язык за зубами.

Финн помоложе взял Ярассиму за локоть и принялся уговаривать не сердиться на них.

— Стоит ли обижаться из-за какого-то барана? Мы добрых дел не забываем. А барашек твой пожертвовал жизнью во имя освобождения Карелии.

Ярассима вздохнул и сказал жене:

— Вот так-то, Устениэ. Не плачь, иди в избу. За свободу Карелии еще не один баран пожертвует своей головой.

Потом он сказал гостям, что сам переправит их через озеро.

— Молодец! — похвалил финн помоложе.— Мы, старик, ничего не забываем. Значит, у вас тут не только на Ехронена можно положиться?

— Ехронен ушел на охоту,— пояснил Ярассима.— Я решил не ждать его. Вы ведь торопитесь...

Ярассима соврал. Он даже не заходил к Ехронену. Прямо пошел к Охво и Стахвею, к тем самым старикам, что весной на сходке в риге предложили, что в деревне любой ценой надо сохранить мир. Но пока тут было неспокойно. Дезертиры, скрывавшиеся здесь, разбежались тотчас же, когда после приезда Матвеева в деревне появился отряд красноармейцев. Никаких облав и обысков, о которых Королев говорил на собрании, красноармейцы не прово-

дили. Ничего не реквизировали, никого не отправили силком на работы. Потом отряд ушел. В деревне остались лишь три бойца. Правда, ходили слухи, будто в Тунгуде что-то готовится. Что из Финляндии в Тунгуду и обратно по лесам то и дело пробираются какие-то люди. «Какого рожна им там, в Тунгуде, надо? Их, видишь ли, Советская власть не устраивает...» — вздыхали озабоченные старики в Кевятсаари. И вот сегодня вечером стало окончательно ясно, что там готовится. Война готовится, восстание против Советской власти. А коли опасные путники завернули по своим военным делам в их деревню, надо полагать, Кевятсаари тоже рано или поздно может быть втянута в эти затеи тунгудцев. Ярассима, Охво и Стахвей решили, что ночных гостей надо выпроводить из деревни так, чтобы сюда их больше не тянуло.

Старики хотели поглядеть на гостей и пришли как раз в тот момент, когда у Ярассимы зарезали последнего барана.

От Ярассимы Охво и Стахвей шли мрачные и молчаливые. Только вздыхали. За семьдесят лет они научились понимать друг друга без слов. Проходя по деревне, старший из братьев, Охво, повернул к избе, где жили красноармейцы.

— Надо предупредить.

— Только попробуй.

— Я знаю, что сказать,— рассердился Охво. Молод еще брат, чтобы учить его.

Дома оказался лишь один красноармеец, самый молодой из них, Саша. Парень хотел немедленно броситься к Ярассиме, но Охво от лица всей деревни упросил его не ходить туда. Разве одному справиться с двумя вооруженными бандитами? Да и не стоило здесь затевать войну... Саша послушался и поскакал в соседнюю деревню, куда ушли на танцы его товарищи. С Охво они договорились, по какой дороге старики поведут бандитов. Охво, конечно, догадался, что финны теперь попадут в засаду. Но главное, чтобы в самой деревне все было тихо.

Однако, дожидаясь на другом берегу озера Ярассиму, который должен был переправить туда своих непрошеных гостей, старики засомневались, правильно ли они поступают. Саша-то совсем еще мальчик. Хорошо ли будет, если с ним на чужой стороне, вдали от родного дома, по их вине что-нибудь случится? А если и не случится, то все равно

нехорошо, что уже в такие молодые годы на его совести будет две загубленные жизни...

На озере показалась лодка. При тусклом лунном свете, пробивающемся из-за туч, можно было различить Ярассиму, сидящего на веслах, да торчащие через борт удилища. «Да разве кто в такое время ездит удить?» — посетовали братья. Но кроме них, Ярассиму никто не видел.

Лодка пристала к берегу, и с днища ее поднялись два человека с рюкзаками в руках.

— Быстро в лес! — скомандовал Ярассима.

Отойдя немного от берега, связные остановили своих проводников и строго предупредили, если вздумают их предать, то разговор с ними будет коротким.

Старики привели связных к краю большого топкого болота, через которое шли мостки из жердей, и советовали шагать как можно осторожнее. Жерди скользкие, местами совсем вросли в мох. Один неверный шаг — и сорвешься.

Напрасно Саша со своими товарищами ждал в засаде белых лазутчиков. Они так и не появились. Когда красноармейцы вернулись в деревню, Охво объяснил, что случилось. Шли, шли по болоту и вдруг в темноте услыхали: буль-буль... Разве виноваты они перед богом или людьми, сетовали старики, если чужаки не умеют ходить осторожно? Вот и пришлось проводникам вернуться с полдороги. Остался от чужаков лишь рюкзак, с какими-то бумагами. А второй рюкзак, в котором было мясо барана, так и ушел в трясину. Да, чужим людям по карельским болотам ходить опасно...

Больше об этом происшествии не говорили.

Милиционер с письмом от Липкина на следующее утро пришел в ЧК, и из Сороки немедленно был послан отряд красноармейцев, но склада оружия на месте уже не оказалось. Заговорщики так торопились, что даже не успели уничтожить следы тайного склада: на дне ямы в земле валялись обрывки картона с финским клеймом «Патронный завод Рийхимяки».

— Видно, там бандитов полно! — рассказывал Липкину один из красноармейцев, Григорий Антипов, или Рийко, как его звали товарищи.— Скоро мы их оттуда выкурим.— Потом, понизив голос, Рийко спросил: — Слушай, ты не знаешь, чего это Самойлов из ЧК спрашивал у меня,

где теперь мой брат — Васселей? Они же и так знают, что он с бандитами...

Липкин знал Васселея. Знал он и то, что Васселей ушел с белыми в Финляндию. Но если ЧК интересуется им, значит, тот где-то здесь, поблизости. Знал Липкин и о том, что Васселей весной переходил границу и тяжело ранил ножом пограничника. В особом отделе армии об этом, разумеется, было известно, но Рийко они ничего не говорили, не хотели расстраивать парня.

— Что ты ответил Самойлову? — спросил Липкин.

— Что я мог сказать? — нахмурился Рийко.— Знаю лишь, что попадись он мне, так не пришлось бы больше краснеть за него.

Хотя Рийко уже исполнилось двадцать три, он был стройным, тонким, как подросток. Но на мужественном его лице залегли возле рта резкие, глубокие для его возраста складки. Задор только что светившийся в его глазах, сменился грустью. Липкину стало жаль парня. Рийко, как и он, в октябре семнадцатого был в Петрограде и тоже сражался с юнкерами. Товарищи любили его. Он был отчаянно смелый, отзывчивый, настолько открытый, что по выражению его лица всегда было видно, о чем он думает. Правда, порой, рассказывая о чем-то, мог малость и преувеличить, чтобы то, что казалось ему важным, выглядело таким же и для других.

Вместе с красноармейцами Липкин шел в Сороку. Его вызывали в ЧК. Он послал туда докладную об обстановке в Тунгуде и считал естественным, что с ним хотят еще побеседовать. В ЧК его встретил усталый мужчина. Он представился Самойловым.

— Браток, у тебя есть расческа?— спросил Самойлов, приглаживая пятерней седые волосы.— Понимаешь, торопился и свою дома забыл.

Побриться он, правда, успел, но, видно, тоже наспех. На подбородке белел кусочек газеты, прилепленный к месту пореза. Причесавшись, Самойлов достал из ящика стола кипу коричневых листков, нарезанных из оберточной бумаги. Липкин узнал свою докладную.

— Что ты можешь к этому добавить?— спросил Самойлов.

— Пожалуй, ничего,— ответил Липкин.— Я, кажется, написал, что я бы не доверял Королеву.

— Какие факты ты имеешь против него?

— Он предлагает нам быть более жестокими, взять

кое-кого в ежовые рукавицы, мол, чтоб другим было неповадно.

— Ну, таких леваков у нас хватает.— Самойлов махнул рукой.

— В кооперативе была ревизия. Вроде и там у него рыльце в пушку.

— Не все жулики являются политическими врагами Советской власти.

— Кроме того, человек он образованный и...

— Значит, ты считаешь, что всех образованных надо поставить к стенке?

— Ты брось шуточки! — рассердился Липкин.— Я Королеву не верю. Вот и все. А на каком основании ты его выгораживаешь?

— Я выгораживаю? — В своих подозрениях ты исходишь лишь из личной антипатии, так?

— Слушай! — возмутился Липкин.— Мы с Королевым из-за бабы не ссорились, за бутылкой не спорили...

— Зря ты сердишься,— улыбнулся Самойлов.— Как ты думаешь, куда все ниточки отсюда ведут? — и он положил ладонь на докладную Липкина.

— В Финляндию.

— Значит, каждый укрывшийся в лесу, каждая бабка, поднимающая бузу на собрании, получают указания прямо из Хельсинки?

Самойлов так обезоруживающе улыбнулся, что Липкин уже не мог на него сердиться.

— Ну и лиса же ты! Это ты обязан знать, кто у нас тут руководит этим делом.

— Кое-что мы знаем.— Самойлов взял со стола какую-то папку и начал ее перелистывать.

Липкин тем временем рассказывал о том, что в деревнях люди боятся помогать Советской власти. Ну, а чтобы кто-то пришел да разоблачил организаторов беспорядков — о том не может быть и речи...

— Ты так полагаешь? — Самойлов опять загадочно усмехнулся.— А мне, наоборот, думается, что это не совсем так. Знаешь деревню Кевятсаари? Из Финляндии в Тунгуду приходили два связных. Шли обратно, но мужики в Кевятсаари помешали им вернуться. И кое-что еще. Вот почитай. Эти документы мужики забрали у связных.

Липкин пробежал глазами бумаги и буквально остолбенел. В ту самую ночь, когда он ушел от Королева и тот проводил его до околицы, в деревне состоялось заседание

тайного Военного комитета Тунгуды, а Королев был на этом заседании секретарем и вел протокол, который Липкин сейчас держал в руках. Выходит, контрреволюционное подполье ждало, когда он, представитель ревкома, закончит собрание, чтобы они могли провести свое. И одним из руководителей подполья является тот же Королев. Значит, в деревне знали об этом, но не посмели сказать Липкину. Даже тот незнакомец, пожелавший остаться неизвестным, который посоветовал ему быстрее уходить, тоже не решился на это. Но почему ему позволили уйти? Ах вот почему:

«От вооруженной борьбы с большевиками пока еще следует воздерживаться ввиду малочисленности наших сил. Надо беречь людей и боеприпасы, пока не поступит помощь... Направить делегацию в Финляндию от имени Временного правительства для приобретения винтовок и пулеметов. Если большевики займут село, всем мужчинам от 18 до 60 лет уйти в лес... В данный момент вооружить следующих лиц...»

Председателем заседания был О. Борисов, секретарем Г. Королев.

Липкин прочитал список лиц, которым доверялось оружие. Много было знакомых имен. В основном — люди из богатых семей. Значит, не всем, кто скрывается в лесу, они доверяют оружие. Странно, что Кириле доверили...

Еще один протокол. *«Тайное собрание волостного правления. В Кухмо созывается съезд представителей карельских волостей для обсуждения создавшегося положения и новых задач в борьбе с большевистским режимом... От Койвуниеми избран В. Л. Сидоров (Левонен), от Тунгуды О. Борисов...»* Этот документ был даже заверен печатью, правда еще царской. Одно время, за неимением новой печати, сельсовет Койвуниеми пользовался царской печатью. Только он ставил печать, перевернув двуглавого орла головами вниз. На этой бумажке он опять был головами кверху, как при царе. Бедный орел! И так и сяк его ворочают...

У Липкина мелькнула мысль:

— Слушай, а где письмо, которое я послал с милиционером?

Письмо нашлось, и Липкин стал внимательно изучать его. На конверте было всего четыре дырочки, проколотых им, и болтался обрывок белой нитки. Номер ниток был тот же. На самом письме он тоже ничего не заметил.

— Королев проводил тогда милиционера до леса,— пояснил Липкин.

— Не сомневайся, белая нитка у них найдется, и они умеют, не только всунуть иголку в старые дырки. Впрочем, Королев провожал многих. И тебя тоже. А что касается милиционера... Он чуть было головы не лишился из-за этого письма.

Самойлов рассказал, что, когда Мийтрей возвращался из Сороки, около станции Кесяйоки из леса по нему вдруг открыли огонь. Первой же пулей с него сбило фуражку. Мийтрей успел броситься на землю и отползти. Потом побежал. Вслед ему стреляли, но, к счастью, не попали. Тут на стрельбу подоспел красноармейский патруль, обыскали весь лес, но никого не нашли...

— Своих-то бандиты знают, связь у них налажена. Знают они, в кого стрелять, а в кого нет,— заключил Самойлов.

— Ну что ж? — Липкин встал.— Настало время действовать. Надо начинать с шайки Королева...

— Для того я тебя и пригласил.

Отряд, отправившийся на ликвидацию контрреволюционного подполья, состоял из взвода красноармейцев, которым командовал Полуэктов, группы чекистов, возглавляемой Самойловым, в качестве представителя ревкома в него включили Липкина.

Ночью вошли в Тунгуду и арестовали четверых членов Военного комитета, оказавшихся дома, в том числе и Королева.

Два дня прошли в тревожном ожидании. Красноармейцы обшарили окрестные леса, стараясь найти склады оружия. Два склада все же нашли. Да и те вряд ли бы удалось обнаружить, если бы кто-то, пожелавший остаться неизвестным, не шепнул в темноте Липкину, где их искать. На следы укрывшейся в лесу банды напасть не удалось.

Липкин обошел в селе все дома и даже побывал в соседних деревнях, составляя список наиболее нуждающихся семей.

В большинстве домов оставались только дети да старики, которые не в состоянии были уйти дальше своего двора.

На третий день со станции Кесяйоки пришло сообщение, что там появилась диверсионная группа, пытавшаяся подорвать железнодорожный мост. К счастью, железнодо-

рожная охрана засекла бандитов и открыла огонь. Диверсанты, не успев подложить взрывчатку, скрылись в лесу. Судя по следам, их было трое.

Самойлов со своими оперативниками поспешно выехал на станцию. Надо было выяснить, какое отношение эта диверсия имела к событиям в Тунгуде.

Липкин остался в брошенном уехавшими в Финляндию хозяевами огромном доме, в котором вместе с ним остановились чекисты. Он возвращался туда из школы, где должно было состояться собрание жителей села. Подходя к дому, он вдруг заметил рядом с собой какого-то хромого старика с кошелем за спиной и топором за поясом. Боязливо оглянувшись, старик повернул к Липкину рыжую бороденку.

— Ты парень, правильно сделал, что ушел тогда ночью.

Липкин не знал старика, но хриплый голос показался ему знакомым. Он молча протянул ему руку. Тот оглянулся и быстро пожал ее.

— Вот еще что я скажу.— Старик зашептал, шагая чуть впереди Липкина и не глядя на него:— Собрание вы сегодня не проводите.

— Почему? Народу уже объявлено. Из других деревень люди придут. А ты кто?

— Я здешний,— ответил старик.— А собрание все же не проводите. Людям нынче не до собраний, кто сети уехал ставить, кто куда. Время сейчас такое...

Тогда Липкин спросил:

— А кого мы должны бояться?— И, понизив голос, стал допытываться:— Ежели знаешь, где бандиты прячутся, скажи. Мы их мигом приведем в село. И больше они не будут стращать народ. Мы хотим, чтобы народ жил в мире. Где их искать?

— Что ты, что ты?..— испугался старик. Навстречу им шла женщина.— Где, спрашиваешь? Да тетерев-то, парень, такая птица, что, как и человек, к одному месту привыкает. Где обоснуется, там и живет. Прежде я знавал те места, а теперь... А теперь куда-то вся птица улетела... Не знаю, где их искать. Приезжай, когда время другое будет. Вместе и сходим на тетеревов. Ну, бывай...

Собрание решили не откладывать. Липкин говорил о том, что не успел сказать в прошлый раз. О будущем Карелии, о том, что Ленин и Советское правительство обращают большое внимание на развитие Карелии и других отсталых окраин страны. О природных богатствах Ка-

релии, которые стали теперь собственностью народа и которые нужно научиться правильно использовать...

Как и в прошлый раз, в школе собрались женщины, дети и старики. И сидели, кажется, все на тех же местах. Только старуха с бородавкой на носу устроилась теперь в конце комнаты. Слушали внимательно, потом посыпались вопросы. Их было много. Спрашивали о положении с продовольствием. По тону чувствовалось, что люди понимают, что время трудное. Спрашивали, нельзя ли привезти ниток для сетей. У сига время нереста, а невода старые — все истлели, рыбу не держат. Да еще просили соли. И лекарств. Если можно, старого армейскогоо обмундирования. А то детей не во что одевать...

Вдруг дверь распахнулась, и в нее стали протискиваться, толкая друг друга, мужики со злыми, разъяренными лицами. Послышались выкрики:

— Долой Советы!

— Конец большевикам!

— Повесить их!..

Поднялся шум. Схватив испуганных, плачущих детей, женщины бросились к выходу.

Полуэктов встал на скамью:

— Тихо! Без паники! Садитесь! Давайте поговорим.

И он обратился к мужикам, пытавшимся пробиться через сгрудившуюся около дверей толпу к столу, за которым стоял Липкин.

— Ты сейчас у нас поговоришь!— ответил кто-то ему по-карельски.

— Тебя мы больше слушать не будем!— крикнул подобравшийся к Полуэктову хромой старикашка с жиденькой рыжей бородой, пытаясь стянуть его со скамьи. Полуэктов хотел оттолкнуть от себя старика, но тот успел сдернуть его со скамьи как раз в тот момент, когда у дверей хлопнул револьверный выстрел и пуля впилась в стену над головой Полуэктова.

Полуэктов махнул рукой Липкину, показывая на дверь позади них. Это был запасной выход. Женщины и дети, стоявшие на дворе, расступились. Минуя толпу, Полуэктов и Липкин направились через пустырь к оврагу, на краю которого их ожидали красноармейцы. Выбежавшие из школы мужики кинулись за ними. Тогда из цепи красноармейцев раздалось несколько предупредительных выстрелов. Женщины схватили детей и, заголосив, бросились назад

за школу. Мужики остановились и стали выламывать из изгороди колья.

— Мы вас не боимся! Ваша власть кончилась!

— Стреляйте! Все равно всех не убьете!— кричали они.

— Чего вы хотите, мужики?— крикнул Полуэктов.

Голос его был спокойный, но громкий, словно он говорил на сильном ветру.

— Освободите арестованных!

— Всех выпустите!— требовала толпа.

— Врагов мы не освободим!— ответил Полуэктов.— Надо будет, еще кое-кого заберем.

Толпа опять загалдела и двинулась вперед.

— Берите! Убивайте!

— Да вы стрелять-то не умеете!

Рийко, лежавший вторым номером за пулеметом, схватил свою винтовку и крикнул в ответ:

— Когда надо будет, сумеем.

И он выстрелил. Пуля расщепила кол в руках одного из мужиков.

— Ну как? Умеем?

Из толпы тоже раздался выстрел.

Полуэктов махнул рукой, и пулемет застрочил. И хоть очередь прошла над головами мятежников, пустырь моментально обезлюдел, толпа отхлынула за школу.

— Что будем делать?— спросил Липкин.

— Подождем, что они предпримут,— ответил Полуэктов и передал команду по цепи:— Если пойдут в атаку, открыть огонь, но стрелять в воздух!

Долго ждать не пришлось. Из-за школы хлынула толпа. Впереди бежали женщины, за ними, размахивая кольями, мужчины. Во главе толпы, тяжело переваливаясь, топала толстая старуха, которую Липкин уже издали узнал по широкому круглому лицу. Раздалось несколько выстрелов. Кто-то из красноармейцев застонал. Полуэктов и Липкин тоже залегли. Опять застрекотал пулемет, но, заметив, что пули пролетают над головами, толпа продолжала приближаться.

Толстая старуха была уже так близко, что Липкин видел, как дрожит бородавка на кончике ее широкого носа.

И вдруг...

Бабка остановилась, подхватила подолы всех своих юбок и, высоко задрав их, пошла прямо на пулемет. Липкин знал, что так в Карелии бабы отпугивают медведя.

Считалось, что если бабе в лесу встретится медведь, стоит ей оголиться, как косолапый встанет на задние лапы, плюнет и убежит. Пулеметчик, молодой русский парень, понятия не имел о таком обычае, но он тоже плюнул, вскочил и стал отходить, волоча за собой пулемет. Рийко подхватил коробки с лентами и побежал следом. По команде Полуэктова красноармейцы отошли к лесу.

Через сутки, получив новые инструкции, отряд снова вошел в село. Мятежники разбежались, не оказав сопротивления.

Дело Королева вел молодой следователь Сергей Лобанов.

Королев наблюдал за ним, пожалуй, более внимательно, чем тот присматривался к нему. Следя за тем, как быстро и старательно Лобанов записывает его показания, Королев подумал, что этот молодой человек, видимо, совсем недавно столь же тщательно вел конспекты лекций. И хотя следователь был в военной форме, Королев сразу определил, что этот юноша пороха еще по-настоящему не нюхал.

Сергею Лобанову действительно еще не пришлось воевать. По настоянию отца, сельского учителя из Тверской Карелии, Сергей поехал учиться в Москву, чтобы стать, как и отец, учителем. Но в Москве он увлекся юриспруденцией. Потом заинтересовался работами Маркса, начал штудировать марксистскую литературу, а вскоре стал посещать подпольные кружки. Так он пришел к убеждению, что его призвание — борьба с царизмом. Когда в университете начались аресты студентов — участников нелегальных кружков, Сергей сбежал в деревню, к отцу, оттуда вскоре перебрался в Петроград, где познакомился уже с настоящими большевиками. Сергей с детства владел карельским языком, и потому после революции товарищи пригласили его на работу в ЧК и направили в Карелию...

Записав анкетные данные, Лобанов поднял глаза на Королева.

— Я прошу вас рассказать, какое участие вы принимали в деятельности контрреволюционной группы.

Лобанов кивком головы показал на знакомую Королеву папку, которая лежала теперь на столе следователя.

— Там все записано.

— Значит, вы признаете, что эти документы написаны вами?

— Там везде стоит моя подпись.

— Хорошо! — оживился следователь.— Надеюсь, вы понимаете, что в ваших интересах быть откровенным? Итак, вы были в Военном комитете писарем?

— Нет, секретарем,— поправил Королев.

— Ясно. Секретарь, конечно, больше, чем писарь.

— Да и секретарем был лишь потому, что я единственный, кто умел вести документацию.

— Вы хотите сказать, что ваша роль была в комитете еще значительней?

— Если вы найдете в этих документах имя хоть одного человека, способного стоять во главе Военного комитета, я охотно уступлю ему эту честь.

Оба усмехнулись: в таком положении эта «честь» была весьма незавидной.

— Можно ли и мне задать один вопрос? — Королев показал на папку.— Как вам удалось перехватить эти документы? Наверное, не обошлось без вашего личного участия?

— Почему вы так думаете?

— Вы производите впечатление очень способного контрразведчика.

— Ошибаетесь,— с серьезным видом сказал Лобанов.— Нам помогли люди — простые карельские крестьяне. Это еще одна возможность для вас убедиться, насколько безнадежны ваши попытки поднять мятеж против собственного народа.

Королев кивнул и заметил:

— А вы проницательный психолог. Вы угадали мои мысли. Я только хотел сказать...

— Что же вы хотели сказать?

— То же самое, только другими словами. Я заметил, правда слишком поздно, что то, что мы делали, отнюдь не в интересах карел, что народ нас не поддерживает.

— Убедиться в этом никогда не поздно. Давайте продолжим наш разговор,— предложил Лобанов.— От кого вы получали инструкции?

— От Временного правительства Карелии.

— Точнее.

— От Хеймо Парвиайнена.

— Отчасти верно. А где он?

— В Финляндии. А правительство — в Суомуссалми.

— А сам Парвиайнен?

— Он — член правительства и тоже находится там же.

— Вы уверены? Допустим... Пожалуйста, вспомните, от кого еще вы получали инструкции.

— От Сивена и Таккинена.

— Так... А они где?

— В Реболах.

— Хорошо. Пойдем дальше. Назовите состав диверсионной группы, пытавшейся взорвать железнодорожный мост у станции Кесяйоки.

— Васселей Антипов, из Тахкониеми. Потапов... Откуда он — не знаю. И третьим был наш проводник. Его зовут Кириля. Он работал у меня на участке...

Пока Лобанов записывал ответы, Королев смотрел в окно. На дворе две сороки дрались из-за куска навоза. «Которая же из них хитрее?» — гадал Королев, следя за отчаянной схваткой сорок. И тут он, к своему удивлению, заметил, что сороки дали ему отличную идею. Правда, эта мысль появилась у него, как только за ним пришли, но теперь она оформилась окончательно...

Улыбнувшись следователю, Королев признал:

— Да, ваша взяла. Народ помог вам, и мне не остается ничего другого, как ради спасения своей жизни чистосердечно рассказать обо всем, как бы тяжело это ни было.

— Прекрасно! — обрадовался следователь.— Итак, вы признаете, что в списке указаны не все ваши сообщники? В ваш заговор были вовлечены не только эти тридцать человек, да? Я имею в виду тех, кто так или иначе помогал вам.

— Я вас понял,— вздохнул Королев.— Именно этот вопрос меня волнует больше всего. Ведь речь идет о моих односельчанах, друзьях, земляках...

— Вам не надо беспокоиться за их судьбу,— заверил Лобанов.— Особенно за тех, кто оказался вовлеченным по своей несознательности, волей случая... Это гарантируют принципы советского правосудия.

— Но я прошу принять во внимание, что ответственность за их вступление в заговор несу прежде всего я. И я также обязан нести ответственность за все их действия.

— Это — честное признание, и оно несомненно облегчит вашу участь. Вот вам бумага,— Лобанов протянул несколько графленых листков, взятых, видимо, из какой-то бухгалтерской книги.

— Простите, но вам дело кажется слишком простым,— снисходительно улыбнулся Королев.— Вы думаете, все можно сделать в один присест, одним росчерком пера?

Просто список участников вас, по-видимому, не устроит? Наверное, понадобится краткая характеристика каждого: кто что делал, как оказался вовлеченным в заговор...

— Разумеется, разумеется,— смутился Лобанов.— Что вам для этого нужно?

— Мне нужно время. Надо вспомнить все, подумать, чтобы все соответствовало истине.

Королеву предоставили все, что он потребовал. Время, бумагу, хороший паек. Потом он заявил, что для установления наиболее полного списка участников готовящегося мятежа ему необходимо покопаться в документах кооператива, которые хранятся у него дома. Среди бумаг есть всякие заметки, которые непосвященному покажутся невинными, но которые он, Королев, может расшифровать. Решив, что после того, как Королев выдал целый ряд своих сообщников, ему вряд ли есть смысл бежать, Лобанов отвел своего подследственного домой и оставил там под охраной местной милиции.

Хорошо было Королеву в родном доме. Он попарился в бане, отдохнул и принялся за работу. Теперь у него были все условия для работы: тихо, тепло. И никакая опасность не грозит, потому что есть охрана. Он работал и днем и ночью. Написал пространный доклад о том, как готовился мятеж. Потом составил список его участников и в отдельности охарактеризовал каждого. Не беда, если многих он и приписал. Не беда, если имен в списке оказалось больше, чем их было в действительности. Имена, имена... И каждому надо придумать какое-то дело. Было над чем поломать голову. Документы и книги кооператива ему действительно помогли: в них было много имен и фамилий. Потом Королев стал перебирать в памяти всех жителей окрестных деревень.

Однажды ночью он разбудил даже мать.

— Ты не помнишь, сколько сыновей у Мийхкали из Леппясуари?

Мать начала перечислять:

— Сколько же их было... Гавро, Петри, Пуавила... Потом родились Юрки да Иовсей.

— Подожди, я еще не записал.

— Потом еще Олексей. Такой толстенький, как встретит кого, обязательно поздоровается. Хороший бы из него парень вырос...

— А где он теперь?

— Где? Ему годков десять было, когда господь при-

брал. Совсем маленькими умерли Юрки и Иовсей, а...

— Тьфу ты! — рассердился Королев. — Мне мертвые не нужны, живых называй. Из-за тебя бумагу испортил. Ладно, иди спи.

Уходя, мать вздохнула:

— Пишешь все. Будет беда и тебе и людям от твоей писанины.

Наконец подробные показания о мятеже были составлены.

Целый день Королев отдыхал, занимался домашними делами, сходил в баню. А вечером он заперся в горнице, тщательно затворил окна и опять сел работать. Он переписал список участников, только на этот раз без характеристик. К утру и этот список был закончен. Удостоверившись, что дверь прочно заперта и что с улицы не видно, что он делает, Королев внимательно огляделся, словно кто-то мог следить за ним в самой комнате. Затем написал короткую записку:

«Предупредите всех перечисленных в этом списке, что им грозит арест, после чего последует или расстрел, или вечная ссылка в Сибирь. Пусть немедленно уйдут в лес либо пробираются в Финляндию...»

Осталось только решить, кто смог бы оповестить перечисленных в списке о грозящей им опасности. Перебирая людей, которым можно было бы поручить это задание, Королев раздраженно думал о том, что на словах многие были героями, буквально сгорали от нетерпения поднять восстание и отделить Карелию от России, а как дошло до дела... Все теперь там — и само правительство и его сторонники — живут на подачках у финнов. А он один здесь... Да и его тюрьма дожидается...

Королев подкрутил фитиль лампы, словно при ярком свете кто-то мог разглядеть его мысли. «Теперь нужно действовать», — думал он. Он во что бы то ни стало должен добиться, чтобы карелы восстали. Чтобы поднялся весь народ, а не кучка авантюристов. И не для того, чтобы, прикрываясь карелами, финны обделывали свои дела, а карелы действовали по их приказам. Карелы должны быть хозяевами. Они должны стать не наемной рабочей силой, заготавливающей карельский лес для финских лесопромышленников, а хозяевами своих лесов, и собственные интересы, собственный карман должны быть им дороже, чем банковский счет какого-то иностранного воротилы. Королев в основном разделял принятую Временным правительством

программу будущего развития Карелии, но не верил, чтобы эти люди, являвшиеся пешками в руках финских промышленников и государственных деятелей, смогли претворить ее в жизнь.

Он считал, что Карелии нужен такой руководитель, который способен был бы действовать самостоятельно. Все эти Хилиппяли и Кевнясы из Ухтинского правительства были настолько чужими для карел, что авторитета среди народа у них не было. Да и интересует их Карелия больше как выгодное для предпринимательской деятельности поле, пользоваться которым они могли, разумеется, лишь в рамках, дозволенных финскими предпринимателями. Может быть, во главе Карелии мог бы стать Левонен? У этого старца из Койвуниеми есть и образование, и авторитет, и карельский дух в нем еще жив, так что на какой-то стадии он мог бы стать номинальным главой, да и то лишь в том случае, если перестанет оглядываться на Финляндию. Но активного участия в движении он уже принимать не может.

Кто же смог бы по-настоящему организовать движение карел? Хеймо Парвиайнен, этот учитель из Ухты, который возомнил себя военным руководителем и готовит карел для будущих битв? Королев презрительно усмехнулся... Парвиайнен напоминает фельдфебеля, который состоит на довольствии в чужой роте и покрикивает на своих подчиненных, когда ему кто-нибудь прикажет. В войске, которое он готовит где-то в Финляндии, полно финнов, финны там все решают, так что, по сути, это войско ничем, кроме названия, не отличается от финской армии. Здесь, в Тунгуде, тоже есть два «деятеля», Борисов и Кирьянов. О них и речи не может быть. Борисов годится там, где нужно кого-то прикончить. А Кирьянов даже на это не способен. Так что...

У Королева даже в горле запершило, когда в своих раздумьях пришел к выводу, что только он способен возглавить движение во имя Карелии... Это будет Карелия без финнов, без русских и, прежде всего, без большевиков. И он добьется своего. Головой, а не одним револьвером. Разве кто-то другой мог бы совершить то, что он сейчас делает,— дать один и тот же список и большевикам и своим?

Осталось только найти человека, который бы сумел посеять в душах всех перечисленных в списке такой страх, чтобы у них появилось желание сражаться. Лучше всего для этой роли подходит милиционер, что охраняет его сейчас,— Мийтрей из Тахкониеми. Человек трусоватый, страш-

ный пройдоха, профессиональный шпион, давно продавшийся финнам, но такое поручение он выполнит с преданностью собаки. На всякий случай стоит занести и его имя во второй список. Разумеется, сам Мийтрей не будет бегать по деревням, не будет разыскивать в лесу людей, чтобы предупредить их о грозящем аресте, но он сумеет организовать это дело.

И Королев позвал в горницу своего часового...

Утром, забирая у Королева показания, Лобанов удивился: не слишком ли много людей причастно к мятежу?

— Я могу, с вашего позволения, сократить список. Вы понимаете, конечно, что я не хотел бы неприятностей для своих земляков, своих друзей. Но раз уж я дал слово...— сетовал Королев.

— Нет, нет!— возразил Лобанов.— Сокращать не надо. Вы не волнуйтесь: неприятности будут иметь лишь действительные враги Советской власти.

...Хотя Королев и считался арестованным, в Сороке он жил довольно вольготно. А вскоре он и вовсе пропал. Бесследно исчез и милиционер, охранявший его. Не оказалось дома и большинства указанных в списке мужиков. Правда, арестовать решили лишь наиболее активных участников мятежа, но, как только начали искать их, в лес ушли и остальные.

Королев добился своего. Мужики бежали в лес. Но впереди была суровая зима, голод, и у них оставался один путь — в Финляндию, в армию Хеймо Парвиайнена, чтобы пройти там военную подготовку и отправиться в новый поход против Карельской Трудовой Коммуны.

ПРОМАХИ И ГРЕЗЫ

За время своего первого похода в Карелию Васселей выполнил задание не полностью. Начальство осталось им недовольно. Конечно, оно понимало, что после того, как Васселей был задержан при переходе границы и бежал, убив красного пограничника, ему пришлось заметать следы и перепоручить свое задание кому-нибудь другому. Пакет дошел до места назначения, а на железную дорогу Васселей не послал никого. Поэтому ему самому пришлось снова отправляться в Карелию. Он должен был перебраться в Тунгуду, связаться там со своими и следить за развитием

событий. В тот момент, когда в Тунгуде начнется мятеж, Васселей должен был, захватив выбранных им людей, перерезать железнодорожное сообщение у станции Кесяйоки.

Королев не мог сказать точно, когда начнется восстание. Решили считать началом тот момент, когда сорвалось собрание, проводимое Липкиным. Никто не сомневался, что теперь в село придут красные. И если разрушать железнодорожный путь, то именно сейчас...

Васселей не захотел брать с собой много людей. Он взял лишь Кирилю и Потапова, степенного, рассудительного мужика, с которым познакомился, укрываясь в лесу в ожидании мятежа.

Выйдя со своей группой к станции, Васселей решил сперва ознакомиться с обстановкой. Они засели за небольшой речкой неподалеку от дороги. Место он выбрал удобное: вся дорога на виду и в случае опасности легко можно скрыться, так как преследователям пришлось бы перебираться через глубокую речку.

Васселей приказал ни в коем случае не открывать огня. Однако сам же он и нарушил свой приказ.

По дороге от станции шел человек. Какой-то милиционер... Но Васселею он показался слишком знакомым. Все эти годы он искал встречи с этим человеком, ждал этой минуты. И если бы не речка, которую он сам выбрал в качестве препятствия... Она ему и помешала. Да и в руке у него был лишь револьвер, а расстояние большое, кроме того, были еще утренние сумерки, и рука дрожала от злобы и нетерпения. Второй раз он промахнулся, стреляя по этому человеку. Мийтрей убежал. Васселей был взбешен и готов был броситься в погоню... Если бы не эта речка!.. Кириля и Потапов испуганно переглянулись, пораженные тем, как сильно Васселей ненавидит красных...

На станции подняли тревогу. Группе Васселея пришлось уйти в лес. Трое суток они отсиживались в тайге, потом решили повторить попытку. Будь что будет, а пути надо разрушить.

С величайшей предосторожностью, уткнувшись носом в размокшую от дождей землю, они ночью подобрались к небольшому мосту через реку. Мост не охранялся. Начали уже закладывать взрывчатку, но Кириля задел прикладом рельс. В ночной тишине звук разнесся далеко. Со стороны станции послышались торопливые шаги, потом открыли огонь.

Отстреливаясь, Васселей со своими товарищами ушел в лес. Взрывчатка осталась на мосту. Черт с ней! В лесу они встретили мужиков, бежавших из Тунгуды. Они снабдили Васселея харчами и рассказали о провале восстания. Мужики собирались отсидеться в лесу, а потом, когда все уляжется, разойтись по домам. Но вернуться домой им не пришлось. Из деревень стали приходить крестьяне. Они сообщили, что есть какой-то список. Те, кто занесен в него, будут арестованы.

Васселею не оставалось ничего другого, как вернуться в Финляндию.

Ну что ж, свое задание они выполнили столь же успешно, как тунгудцы свое. Васселей сказал Кириле и Потапову: ничего страшного не случится, если они доложат, что мост взорван. Если не поверят, пусть читают большевистские газеты. О перестрелке у моста большевики обязательно напишут. А что касается взрыва, так должны они там, в Финляндии, понимать, что большевики оповещать об этом не станут. И ничего, если они чуть приврут. На войне в сводках всякое пишут...

В Реболах Васселея встретили радушно. Даже угостили кофе с коньяком. Кириле и Потапову пришлось довольствоваться обычным обедом из солдатской кухни.

Выслушав доклад Васселея, Боби Сивен сразу стал звонить куда-то.

— Алло, это ты? Наконец я могу сообщить тебе хорошие вести. Группа смельчаков карел под огнем превосходящих сил противника взорвала железнодорожный мост у станции Кесяйоки. Можешь дать информацию во все газеты. Нет, фамилии, к сожалению, назвать пока не можем, но настанет день, когда их имена будут занесены в историю Карелии.— Сивен спросил у Васселея:— Как вы полагаете, сколько времени потребуется большевикам, чтобы построить новый мост?

Со скромностью настоящего героя Васселей ответил, что мост был не ахти какой большой, за неделю большевики, пожалуй, восстановят его.

— Самое меньшее — неделя! — закричал Сивен в трубку.

Таккинен тоже был доволен Васселеем. Зато события в Тунгуде раздосадовали его.

— Все полетело к черту! Спрятались за бабьи юбки, кольями помахали — вот и все восстание. Одна бабка оказалась страшнее, чем воинство Королева.

— Это была лишь репетиция, проба сил,— Боби Сивен пытался защищать тунгудцев.

— Репетиция? — Таккинену стало неловко за то, что он позволил себе говорить слишком грубо.— Такие репетиции обходятся нам дорого. Уходят деньги, страдает наш престиж. Так мы останемся на бобах, и никто не будет верить, что мы способны на что-то серьезное. Главного-то не добились. Не завладели хоть небольшой территорией, чтобы иметь право официально просить помощь...

— Наше дело настолько велико и свято...— Сивен поднял глаза к потолку,— и мы на этом никогда не остановимся. Его надо довести до конца, и мы доведем его до конца.

— Но не таким образом,— Таккинен в последнее время решался возражать Сивену.— В следующий раз мы сами пойдем туда и сами заставим их шевелиться.

— А пока мы можем потерять даже Реболы, и причем без боя,— заметил Сивен. Он рассказал Васселею о переговорах в Тарту и под конец заверил, что это все лишь дипломатическая игра, которую не следует принимать всерьез.

До старой границы Васселея и его спутников довезли на лошади. Дальше надо было идти пешком. Финляндия считала захваченные ею Ребольский и Поросозерский уезды своей территорией и границу не признавала. Однако хорошую дорогу финны почему-то не торопились строить. Проселок, который вел в Финляндию, трудно было назвать дорогой. Осенью на нем стояла такая непролазная грязь, что проехать было невозможно. Выйдя на финской стороне на дорогу, Васселей и его спутники стали дожидаться попутной подводы. Им повезло — какой-то пожилой финн-крестьянин ехал в Кухмониеми.

— Деньги у вас есть? — спросил финн.— Бесплатно не повезу.

— Мы не нищие,— ответил Васселей.— Можем купить твою клячу с тобой вместе.

Он не зря хвастался. За взрыв моста ему отвалили полторы тысячи марок, а его спутникам — по тысяче.

— Своего коня я всяким бродягам не продам, а за проезд плату возьму. Гоните деньги вперед, поди знай, что вы за люди.

Сосчитав деньги, крестьянин пустил путников на свою бричку, а сам сел на облучок.

Напрасно Васселей назвал его коня клячей: лошадь бежала резво. Возницу, казалось, совершенно не интересова-

ло, кого он везет. Все его внимание было приковано к лошади; особенно когда ехали под гору, он крепко держал вожжи, внимательно глядя вперед. Перейдя на родной язык, его пассажиры заговорили о своих делах.

— Вы не из Восточной Карелии идете? — обернулся вдруг финн.

— Да, родом мы оттуда,— ответил Васселей.

— Это я по вашему говору слышу.— Крестьянин остановил лошадь.— Я спрашиваю, вы сейчас оттуда?

— Твое дело везти нас, а не спрашивать то, чего тебе не положено знать,— рассердился Васселей.

— Так, значит, вы к Парвиайнену направляетесь?— допытывался возница.

— Довезешь туда и катись от нас. Ясно?

— Хорошо.— Финн остановил лошадь и слез с брички. Придерживая одной рукой вожжи, он взял в другую кнут.— Тогда все ясно. Ну, слезайте! Вашего брата я не вожу. Слышали?

— Но мы же договорились...— растерялся Васселей.

Финн поднял кнут.

— Ежели вам слова мало, сейчас вы у меня отведаете!

Пришлось слезть с брички.

Сердито ворча себе под нос, старик достал взятые им у пассажиров деньги, пересчитал их, потом часть вернул Васселею, а часть оставил себе.

— Сидели бы вы дома, а не лезли на шею нашему народу. Какого дьявола вы здесь, в Финляндии, делаете? Хотите нас стравить с русскими? Вам все войны хочется, чтоб покойников прибавилось. Мне с вами не по пути.

Он забрался в бричку и стегнул лошадь. Видимо, не привыкшая к такому обращению, она брыкнулась обеими ногами и так помчалась, что вознице пришлось ухватиться за края брички.

— Конь-то у него добрый! — промолвил Кириля, глядя вслед старику.

— Добрый-то он добрый, да только не про нашу честь,— подтвердил Потапов.

— Мы тоже хороши.— Васселею стало обидно.— Не надо было слезать. Что бы он нам сделал?

— Плеткой бы отхлестал,— усмехнулся Кириля.

— Нечего сказать... Герои! — ворчал Васселей.— Три карела одного финна с плеткой испугались.

— Кабы он был один такой! — вздохнул Потапов.

Васселей молча двинулся вперед.

Больше они не просили никого подвезти их. Шагали в тяжелых раздумьях. Наконец Васселей сказал:

— Да, на финский народ карелам надеяться нечего. Поглядим, что господа в Лиге наций решат.

— Что толку от их решений! — сплюнул Потапов.— Карелы сами должны решать. Да они уже и решили. Как бы узнать, захочет ли Россия защищать карел от белофиннов. Ведь среди нашего брата карела всякие есть...

— Тебя надо послать в Москву разузнать, чего они там думают,— усмехнулся Васселей.— Обрадуются в Кремле, сразу за стол потащат и чаем с пряниками потчевать будут, когда узнают, что ты в Тунгуде народ мутил.

— Заткнись ты! — взревел взбешенный Потапов.— Я еще такими пряниками угощу кое-кого...

Кириля стал успокаивать их:

— Бросьте вы... Тут и без того не знаешь...

Парвиайнен разрешил группе Васселея несколько дней отдохнуть. Их овободили от занятий по военной подготовке, велели лишь по очереди нести караульную службу у дома, в котором жили члены Временного правительства Карелии и какие-то высокие гости из Хельсинки.

Недавно в этом доме состоялся съезд представителей карельских волостей. Об этом писали финляндские газеты. Потом здесь проходили еще какие-то совещания, на которые был допущен очень узкий круг лиц. Даже глава Карельского правительства Хилиппяля считался лишним. Совещание проводилось за закрытыми дверями, которые охранялись от любопытных репортеров и прочих посторонних лиц вооруженными солдатами Карельской армии.

Карельское «правительство» оказалось в затруднительном положении. В Тарту шли переговоры между Советской Россией и Финляндией[1]. Переговоры еще не окончены, но было ясно, чем они завершатся. Если и раньше так или иначе приходилось держать в тайне причастность правительства Финляндии и ее военщины к деятельности Ухтинского правительства или к событиям в Тунгуде, то теперь еще меньше оставалось надежд на получение открытой помощи. В 1918 году войска Финляндии трижды пы-

---

[1] В истории эти переговоры известны под названием «Юрьевские переговоры».— *Прим. автора.*

тались овладеть занятым англичанами портом Петсамо и трижды терпели неудачу. Теперь же становилось все очевиднее, что во имя сохранения мира Советская Россия готова дать Финляндии выход к Ледовитому океану, отдать ей Петсамо, никогда раньше Финляндии не принадлежавший. В ответ на это Финляндия должна добровольно отказаться от захваченных ею Ребольского и Поросозерского уездов Карелии. После того как была образована Карельская Трудовая Коммуна и съезд трудящихся в Петрозаводске единодушно решил строить новую Карелию в союзе с Советской Россией как национальную автономию, Временному правительству пришлось пересматривать и формулировать по-новому свои требования создания «свободной Карелии».

В Олонце состоялась встреча между руководителями Карельской Коммуны и представителями находившихся в Финляндии карельских беженцев. Беженцев представляла группа членов Временного правительства. Впрочем, представителями правительства их не признали, как не признавали и самого правительства, ибо оно нтходилось не в Карелии и не пользовалось поддержкой народа. Признали их лишь как представителей беженцев. Карельская Коммуна разрешила беженцам вернуться на родину при условии, что они будут подчиняться законам и указам, принятым Карельской Коммуной, и жить честным трудом. Представители беженцев пытались навязать свои условия, требуя развития Карелии по программе, разработанной на основе конституции буржуазной Финляндии Временным правительством, но их претензии были отвергнуты.

В Карелию хлынули беженцы, возвращавшиеся на тех условиях, которые предложила Карельская Трудовая Коммуна.

Таким образом, «борцы за Карелию» в Финляндии оказались в нелегком положении. Если до этого в Лиге наций их уверяли, что вопрос о Карелии будет рассмотрен и, возможно, будет оказана помощь, то теперь уже не оставалось никакой надежды получить эту помощь. Шведские газеты, материалы которых охотно перепечатывала «Кайнуун саномат», считали вынесение карельского вопроса на рассмотрение в Лиге наций, мягко говоря, просто курьезом. «Кайнуун саномат» и многие другие буржуазные газеты Финляндии требовали роспуска Временного правительства Карелии, утверждая, что его пребывание на территории Финляндии и содержание на средства Фин-

ляндии ставят под угрозу суверенитет и нейтральную политику республики.

Однако это правительство все еще существовало, и «друзья Карелии» требовали, чтобы оно отчитывалось перед ними в своей деятельности и предпринимало новые акции.

Постоянной резиденцией правительства считалась усадьба местного священника в Кархула близ Суомуссалми, однако не все заседания проводились там; щепетильные вопросы обсуждались подальше от любопытных глаз, на хуторе близ Кухмониеми. В большой избе с огромной людской размещалось полсотни человек одновременно. В людской проводили богослужения и собрания. Каждое утро и каждый вечер карелы собирались на молитву. Вечерами устраивались различные мероприятия — читались лекции о традициях «Калевалы», о значении фольклора, проводились конкурсы сказочников. Впрочем, рассказывать сказки умели немногие: войско Парвиайнена состояло в основном из молодежи и мужиков средних лет, да и не до сказок им сейчас было...

Из людской вела дверь на хозяйскую половину. Во внутренние покои можно было попать также и со двора. Но оба выхода охранялись вооруженными часовыми. Во внутренних покоях жили избранники правительства и всякие господа из Хельсинки. Эти гости в основном были в гражданском платье, но иногда появлялись и офицеры. Таккинен тоже жил на хозяйской половине, но в отличие от других хозяев часто наведывался в людскую. Если из людской кого-то вызывали во внутренние покои, его обычно сопровождал Таккинен. Заходили туда и некоторые из карел, возвращавшихся в Советскую Карелию. Они получали там инструкции. Потапов как-то проворчал Васселею, глядя на очередного беженца: «Одна такая сволочь может опозорить сто невинных карел. Расстреливать таких надо...»

Васселей только что сменился с поста у входа, через который можно было попасть во внутренние покои, минуя людскую, как вдруг увидел старого знакомого, направляющегося к черному ходу.

— Маркке! И ты здесь!

Это был Маркке, столяр из Совтуниеми. Васселей краем уха слышал, что Маркке тоже где-то в Финляндии, но он не знал, что простой деревенский столяр стал таким боль-

шим человеком, что запросто бывает на хозяйской половине.

— Да, и я здесь! — Маркке не без гордости кивнул на окна хозяйской половины.— Хорошо, что увиделись. Все-таки земляки мы... Ну, как ты? Жив-здоров? Я слышал — хвалят тебя. Молодец! Сразу видно — из наших мест...

— Ты давно бывал в наших краях? Нет, я ничего... я просто хотел спросить, как там мои в Тахкониеми? Не знаешь?

— Давно я оттуда. Уже полгода прошло. Как? Живут, как все. По тебе тоскуют. Очень скучают. Вроде все здоровы... Не обижайся: я долго не могу с тобой стоять. Меня здесь не должны видеть. Ну пока. Одно скажу — скоро будешь дома. Скоро! Вернешься, как все люди.

— Когда?

— Не спрашивай. Ладно. Тебе скажу — весной.

Маркке поспешил в дом. Васселей смотрел ему вслед. Весть из родных мест обрадовала его, хотя в то, что он весной вернется домой, он не верил.

Васселея поразила перемена, происшедшая в Маркке. Бывший столяр был одет теперь как барин. А раньше, бывало, идет, а штаны сзади отвисают чуть ли не до земли. Правда, и тогда Маркке отличался большой начитанностью. В школе он никогда не учился, но знал назубок святое писание и катехизис. Еще до революции ему стали привозить из Финляндии книжки, которые выпускал Карельский союз, и он читал их вслух деревенской молодежи.

Васселей пошел в людскую, но остановился на крыльце, увидев Кайсу-Марию. Видимо, она и здесь, как и в том доме, в Каяни, откуда Васселей отправился в Карелию, была как бы экономкой. Кайса-Мария вышла из амбара и направилась на хозяйскую половину, но, заметив Васселея, подошла к нему и сунула в карман кусок сала.

Васселей уже не раз мельком видел здесь Кайсу-Марию. Однажды он заметил, как она разговаривала с каким-то беженцем, возвращавшимся в Карелию. Судя по всему, они были давно знакомы, и, наверное, познакомилась она с ним так же, как и с Васселеем.

— Я искала тебя,— шепнула Кайса-Мария.— Зайди вечером ко мне. Я живу в комнатке на чердаке. Самогоном угощу...

«Наверно, не всех своих знакомых эта женщина приглашает к себе,— мелькнуло у Васселея.— Пожалуй, пойду. Терять мне нечего. Хоть выпью...»

...В маленькой светелке было уютно и тепло: неяркий свет свечи, догорающие красноватые угли в крохотной печурке, стол и скамейки, тоже маленькие и уютные. Сама хозяйка в мягких туфлях из оленьей шкуры тоже казалась меньше ростом.

— Хорошо, что пришел,— Кайса-Мария показала Васселею на скамейку возле стола, сама села напротив и стала разливать кофе. Потом она открыла бутылку с похожим на слабо заваренный чай самогоном.— Это не от меня. Это от начальства моего тебе. Ты же — герой!

— Какой я герой! — улыбнулся Васселей.

— Еще какой! Прочти-ка. Это о тебе, хотя имя и не названо.

Кайса-Мария достала из сумочки вырезку из газеты. Это оказалась та самая важная информация, которую Боби Сивен передал по телефону из Ребол:

«Группа борцов за освобождение Карелии овладела станцией Кесяйоки на Мурманской железной дороге, взорвала железнодорожный мост и в течение недели удерживала станцию, отбивая яростные атаки превосходящих сил большевистских войск...»

— А я и не знала, что ты способен на такие дела! — Кайса-Мария восхищенно смотрела на своего гостя и наполняла чашки самогоном.

— Что тут особенного? — Васселей был скромен.— Мы сделали лишь то, что было приказано. И я был там не один. Так что надо бы оставить этого добра и моим товарищам.

Он показал на бутылку.

— Я им снесла их долю. Целую бутылку. Ну, за твое здоровье.

У Васселея мелькнула мысль, что, конечно, он должен был бы отметить это событие со своими товарищами, но тут же махнул рукой: не все ли равно, где и с кем пить за такой подвиг. Он чокнулся с Марией, выпил чашку до дна и положил кусок шпика на хлеб.

— Расписывать эти газеты умеют! — заметил он.

— Жаль, что имен еще нельзя называть. Об этом подвиге можно было бы написать интересный рассказ.

— А что за подвиги там на хозяйской половине замышляют? — вдруг спросил Васселей и, заметив, что Кайса-Мария нахмурилась, добавил вяло:— Впрочем, если это секрет, то можешь ничего не говорить.

— Это секрет только от вас.— Кайса-Мария усмехну-

лась и поморщила свой изящный нос.— От карел. Если не считать тех избранных, кому позволено бывать на той половине. Вроде того бородача... Как его там, Левонен, что ли? Противний старик! Не терплю я его...

— Почему?

— Хотя бы потому, что он и понятия не имеет о том, что такое совесть, стыд. Тоже мне Вяйнямейнен!..[1] Он, кажется, и в самом деле считает, что имеет право носить это имя. Он верит в бога, и верит по-настоящему. Но такой верующий хуже фарисея. Он думает, что бог дал ему право быть коварным, жестоким, бесчеловечным. Разве это не самое худшее кощунство? Да ведь фарисей по сравнению с ним ангел с крылышками...

— А ты веришь в бога?— спросил Васселей.

— Верю. Только я уже не молюсь. С моей стороны молиться было бы грехом... Почему всевышний послал мне испытания, непосильные для меня, слабой женщины? Почему он позволил зародиться сомнениям в моей душе?

— Каким сомнениям?

— Я перестала верить в то, что мы делаем. Что нужно людям? Только мир. Почему господь позволил ослабнуть в моей душе даже вере в него, почему?

— Не знаю. Я давно уже не верю.

— Но ты, надеюсь, не из тех, кто глумится над именем божьим?

— Нет, во всяком случае, я не насмехаюсь над теми, кто верит в бога. Тогда бы я должен был насмехаться над своей матерью. Она у меня верующая. Но ее бог не такой, как у других. Ее бог совсем не всемогущий, он скорее беспомощный. Он вроде как член нашей семьи. И мама командует им точно так же, как своими невестками, ворчит на него, как на любого из нас, если что-то не так, благодарит, если в доме все хорошо...

— Как ласково ты улыбаешься вашему доброму домашнему богу!

— Я улыбаюсь не ему, а матери. Своей муамо, как говорят по-карельски. Самому золотому человеку на свете... Муамо!

Васселей замолчал, потом намолнил чашку до краев самогоном, поднес ее к губам и поставил обратно на стол.

— Не хочется — не пей,— сказала Кайса-Мария.

---

[1] Рунопевец эпоса «Калевалы».

Он снова взял чашку и отпил глоток. Самогон был теплый и противный. Васселея передернуло.

— Неужели такой неприятный?

— Когда другого нет, то и эту гадость можно пить.

— Ты видел здесь плешивого очкарика? — спросила Кайса-Мария. — Он у них самый главный.

— Он, наверно, личный представитель самого Маннергейма.

— Бери выше, — Кайса-Мария говорила доверительно. — Он из компании Гутцайта. Они продали Англии миллион телеграфных столбов, рассчитывая взять их в Карелии. Деньги давно истрачены, а где их теперь взять, эти столбы? Нам придется вернуть даже Реболы. А если брать их из финских лесов, они обойдутся так дорого, что...

— В общем, хотели поделить шкуру неубитого медведя, — усмехнулся Васселей. — А что сделает медведь, если с него с живого будут сдирать шкуру?

Снизу, с хозяйской половины, донесся шум, громкие голоса.

— Подожди. Я сбегаю посмотрю, что они там расшумелись.

Кайса-Мария вскочила. Васселей тоже встал и хотел выйти. Но Кайса-Мария усадила его обратно. Она вскоре вернулась. Голос у нее был хриплый и встревоженный.

— Мне нужно отлучиться ненадолго. Ты не уходи. Хорошо? Я быстро вернусь. А чтобы ты не сбежал...

И она закрыла за собой дверь на ключ. Ее каблуки простучали по крутым ступенькам. Васселей подошел к двери, пощупал ее. Двинь он плечом, и она вылетит. А зачем вышибать дверь? Здесь тепло, уютно...

Он сел обратно за стол, налил самогона, отпил глоток. Самогон уже не казался таким противным... О, если бы это было единственное неприятное дело в мире, в котором надо пересиливать себя. Свеча стояла слишком близко. Часы на столе тикали слишком громко. Васселей отодвинул свечу и часы на конец стола. Там, где он сидел, стало чуть темнее, и он почувствовал облегчение, словно ему удалось спрятаться от самого себя в мягкий полумрак. Но часы стучали все громче и громче. Время не остановишь, не спрячешься от него. Часы словно издевались, злорадствовали: «вот-так, вот-так, вот-так...» Кайса-Мария где-то задерживалась, и время тянулось медленно. Хотя, впрочем, куда ему, Васселею, спешить? Вернется Кайса-Мария или вообще не вернется — не все ли ему равно... Было только

тягостно оттого, что его заперли на замок. Нет, не в этом ерундовом замке дело. Его-то легко сломать. Но было что-то покрепче, пострашнее замка, выбраться из-под чего не доставало сил. Казалось, он связан, опутан чем-то невидимым, липким, отвратительным... Вот-так, вот-так, вот-так! — тикали часы. Васселей еще налил самогона и рассеянно уставился на чашку, забыв выпить ее.

Наконец послышались торопливые шаги. Войдя в комнату, Кайса-Мария опять заперла дверь на замок, сунула ключ в карман и села, часто и взволнованно дыша. «Что это она опять замышляет?» — с любопытством подумал Васселей, следя за ней.

Кайса-Мария взглянула на полную чашку, стоявшую на столе.

— Почему не пьешь? Я тоже выпью...

Она пододвинулась к Васселею, взяла свою чашку. Руки ее дрожали, самогон выплеснулся на скатерть.

— Что с тобой?

Васселеем тоже овладела какая-то тревога.

— Со мной? Ничего...

Голос у Кайсы-Марии был натянутый, хриплый.

Она прижалась щекой к плечу Васселея и зашептала:

— Посидим вот так... Разве не хорошо вдвоем? Или, может, ты устал, хочешь прилечь? Ложись, а я буду сидеть, охранять твой сон. Не уходи... Здесь тебе хорошо. А на улице дождь, ветер... Останешься у меня.

Васселею было все равно, где спать. Он только спросил:

— Ты могла бы уж прямо сказать, что они велели выведать у меня. В чем они меня подозревают или чего хотят. Я ведь герой. Может, хватит?

— Хватит, хватит, милый,— вымученно улыбнулась женщина. Потом спросила умоляющим тоном, настолько непосредственным, что нельзя было не поверить в ее искренность: — Неужели ты не веришь, что они для меня такие же чужие, как и для тебя?

— Чужие...— Васселей высвободил плечо из рук женщины.— А для меня они... Как только в Карелии будет мир, я их пошлю ко всем чертям. Может быть, Лиге наций надоест тянуть волынку и она что-то решит. И может, Россия предложит что-то. А ваши должны убрать лапы от Карелии, слышишь! Иди и скажи им, что я говорю такое. Скажи — налакался и душу раскрыл, подлец этакий. А я напьюсь...

Васселей взял чашку, но Кайса-Мария отобрала ее и выпила сама.

— Я пойду и скажу им. Знаешь что? Скажу: вы убили моего брата, вы убили моего мужа, вы убили во мне все то, что когда-то было свято и дорого. Вы убили во мне все то, во имя чего я пошла с вами,— веру, любовь к родине, к людям... Вы все убили, испоганили. Ничего уже не осталось. Так я им скажу.

— И все-таки ты не пойдешь и не скажешь ничего. Ты сейчас пьяная, вот и все.

— Может, и пьяная, может, и не скажу...— Кайса-Мария сникла.— А тебе я могла бы сказать кое-что. Но тоже не скажу. Боюсь, да и не знаю, стоит ли. Ты только не спрашивай ничего. Не надо. Знаешь, ложись, поспи. Не бойся — я не приду к тебе. Пусть у меня останется что-то... чистое. Нельзя все терять. Ты спи, а я буду сидеть возле тебя.

Васселей лег на кровать. Кайса-Мария сидела за столом и молча плакала... «Спивается, бедняжка...» — успел подумать Васселей и тут же уснул.

И все-таки уложив Васселея спать в своей светелке, Кайса-Мария выполнила поручение, полученное ею во внутренних покоях дома.

В тот вечер на хозяйской половине шел деловой разговор, потом разгорелся жаркий спор, а потом там тоже пили. Вечеринку устроили в честь одного из карел — участников заседания, которому приказом Маннергейма было присвоено офицерское звание. Зная отношение Васселея к этому новоиспеченному офицеру, Кайсу-Марию попросили не выпускать Васселея, чтобы он ненароком не узнал, кто виновник торжества, устроенного на хозяйской половине, и что этот человек вообще находится здесь. Пусть Васселей по-прежнему будет уверен, что он служит у красных. Не дай бог, если узнает что-то: тогда праздник неминуемо кончится смертью одного из них или даже обоих. Но Васселей так ничего и не узнал, он проспал до утра в светелке на чердаке, а Мийтрея, ради которого была устроена вечеринка, под утро посадили в тарантас, и под холодным осенним дождем отправили в Каяни.

Мийтрей, или прапорщик Микко Хоккинен, как его здесь называли, играл немалую роль в подготовке нового похода в Карелию. Он знал положение в Карелии, настроение населения. Знал места тайных складов оружия. Лучше, чем кто-либо он знал находившиеся в Карелии силы

Красной армии и их вооружение. Работой Мийтрея остались довольны, хотя ему и пришлось раньше времени бежать из Карелии.

Мийтрей красочно описал, как он уходил в самый последний момент, как его преследовали и как стреляли в него. Говорить Мийтрей умел, и ему не мешали расписывать свои подвиги. Но что касается общей оценки положения в Карелии, тут Мийтрей оказался реалистом, и его оценка была не столь утешительной, как хотелось его хозяевам. Возник даже спор, дело дошло чуть не до ссоры. Мятежники требовали новых средств для приобретения оружия, снаряжения, продовольствия. Требовали ускорить подготовку бойцов. Просили денег у компании Гутцайт. А представитель компании в свою очередь требовал действий: ему нужен был карельский лес, телеграфные столбы... Просили денег у Карельского просветительного общества, у разных предпринимателей, как карел, так и финнов, у разных заинтересованных обществ, организаций. А те в ответ требовали отчета: «Куда вы дели то, что вам уже дали...»

По отдельным вопросам стороны все же пришли к соглашению. Но оказалось немало и таких, по которым точки зрения были слишком разными. Да и разве решишь все за один присест? Время было позднее, близилась полночь. Затем начался пир... Не забыли на этом торжестве и Васселея с его товарищами. Свою долю выпивки они получили уже днем через Кайсу-Марию. Хоть их угощение и не было столь шикарным, как у их хозяев, настроение оно все же поднимало. Васселей быстро уснул. Потапов напился и начал буянить, а Кириля успокаивал его.

Мийтрей не удивился, когда среди веселья ему предложили уехать. Ему, правда, хотелось еще погулять, а потом завалиться спать и хорошо выспаться, но пришлось сесть в тарантас и под моросящим дождем отправиться опять в путь. Он понимал, что на этой стороне ему лучше не встречаться со знакомыми карелами.

Покачиваясь в тарантасе, Мийтрей погрузился в свои размышления...

Вот уже третий год он живет жизнью, полной опасности и риска. Смерть буквально ходит за ним по пятам. Сколько раз за эти годы он думал о том, что как о человеке о нем давно все забыли — его вспоминают лишь тогда, когда нужны разные сведения. И на поле боя он один. Никто не охраняет ни с тыла, ни с флангов. Если бы он попался, то смерти ему не миновать. И никто — ни одна

организация, ни одно государство — не признали бы его своим. Погибни он — никто не прольет и слезинки. Единственным человеком, оплакавшим его, какой бы собачьей смертью он ни погиб, была бы старушка мать, но мать — царство ей небесное! — уже померла, так и не узнав, кому ее сын служит. И если бы красные его расстреляли, то все то, что он делал, рискуя жизнью, для Финляндии, приписали бы своим заслугам те, кто подготовил его, послал в Карелию. Да и денежное вознаграждение, которое ждало его почти три года, осталось бы в их кассе или, что вероятней всего, денежки прикарманил бы кто-нибудь из начальства. Но нет! Он, Мийтрей, парень не промах, он знает себе цену и не пропадет за понюшку табаку. Пусть его считают болтуном и шалопутом, он-то знает, что и когда болтать. В нем так развит инстинкт самозащиты, что он способен уже издали почувствовать, где он может погореть, и вовремя обойдет то место. И если надо будет, то может быть отчаянно храбрым: его рука не дрогнет, если придется кого-то убрать с дороги...

Сегодня вечером Мийтрей впервые вкусил полной мерой из чаши славы. Даже сейчас, сидя под поднятым верхом тарантаса, катившегося, мягко покачиваясь на рессорах, по грязной дороге, он был словно во хмелю от похвал. А хвалили его все наперебой. Даже чопорный господин из Хельсинки сказал, что Микко Хоккинен сделал больше, чем целая орава бездельников. А Боби Сивен... Тот чуть ли не стихами заговорил. Мечтательно поднял свои большие глаза к потолку и пустился в рассуждения о том, что он должен быть политиком, без слушателей и читателей. Он сказал, что это небольшое торжество будит в нем большие мысли: Финляндия — молодое государство. Оно еще только в стадии формирования. И сейчас самое благоприятное время раздвинуть границы Финляндии так, чтобы охватить все, какие только найдутся, родственные финнам народы. Пусть нашей конечной целью будет Урал, хотя мы его пока и не достигнем. Но к Белому морю и Онежскому озеру Финляндия выйдет непременно. Ни одной пяди земли ей не отдадут без боя, без борьбы. И в этой великой борьбе у каждого есть свой участок, большой или малый. У Микко Хоккинена участок оказался огромным — от Каяни до Белого моря, но Микко Хоккинен сражался как настоящий солдат. Борьба была нелегкой... Так говорил Сивен, и Таккинен кричал «Браво!». Старик Левонен похлопал по плечу. Один лишь Парвиайнен не пришел в восторг от этой речи. Он

кряхтел, покашливал, а когда подняли бокалы, не преминул заметить, что не надо забывать, мол, о том, что другие тоже не сидели сложа руки.

«Ну и завистливый человек!» — усмехнулся Мийтрей.

Шел дождь со снегом. Дорога поднималась в гору, где сразу стало холоднее. До этого Мийтрей не замечал холода: его согревал выпитый на празднике коньяк. Правда, вволю выпить ему не дали. Так, в меру, позволили. Видимо, помнили о том, что он должен был отправиться в путь. Но, прощаясь с ним, Таккинен шепнул: «Если по дороге озябнешь, то чемодан согреет». Вспомнив об этом, Мийтрей открыл чемодан и обнаружил в нем термос с горячим кофе и бутылку коньяка. Он выпил два глотка прямо из бутылки, но кофе пить на ходу было неудобно. Пришлось попросить кучера остановить тарантас.

До сих пор Мийтрей не обмолвился со своим возницей ни словом. Выпив кружку горячего кофе, он убрал термос. Хотел убрать и коньяк, но, поколебавшись, предложил кучеру:

— Выпить не хочешь?

— Нет,— буркнул тот.— Была б моя воля, и ты бы не выпил.

— Ты случайно не из общества трезвости? — спросил Мийтрей, назло кучеру отхлебнув из бутылки.

— Надо кому-то и трезвым оставаться, чтобы весь мир не погиб через это зелье. Можно ехать?

— Езжай.

Колкие слова кучера не испортили настроение Мийтрею. От коньяка на душе стало тепло и приятно. Да и дорога вновь пошла густым лесом, где не было ветра.

Мийтрей задумался.

Да, он ведь тоже был из бедных. И это помогало в его опасной работе: большевики доверяли ему. Избушка, в которой Мийтрей родился, была настолько ветхой и убогой, что он сам бежал из нее. Но часто, очень часто его мысли были там, в Тахкониеми. Только родной дом представлялся ему не развалюхой, а чуть ли не дворцом. Была у него заветная мечта, которую он давно вынашивал и представлял так зримо и явственно, словно этот дом уже стоял на самом деле. Еще более заманчивым виделся он под этим осенним дождем. «Нет, избушку я ломать не стану,— вдруг решил Мийтрей.— Пусть останется как память. В Финляндии ее назвали бы домом-музеем. А рядом с избушкой я построю...» И тут он изменил свое прежнее решение. Хо-

ромы он возведет не рядом с избушкой, а на высокой скале, что возвышается над всей деревней. Он присматривался в Финляндии к разным особнякам и усадьбам, но так и не нашел среди них здания, которое пришлось бы ему по душе. Его дом будет двухэтажный, светло-желтый. Такой, что хозяин Энонсу лопнет от зависти. От зависти умрут и все те, кто презрительно называл его, Мийтрея, пустомелей и шалопутом. Он ничего не забыл... Деревня Тахкониеми тоже изменится. Станет самым большим селом в их округе. Конечно, рабочей силы в самой деревне маловато. Но из ближайших деревушек и хуторов народ повалит к Мийтрею просить работу и хлеб. Он всякого не возьмет. Он еще посмотрит, кого брать. Он еще припомнит, как кто относился к нему прежде...

Многое в этом будущем было еще не ясно. Он даже не знал, кто станет хозяйкою в его имении. Девушек на примете у него много, но такой, что годилась бы в хозяйки большой усадьбы, он не видел. Карелка вряд ли подойдет. Надо привезти из Финляндии. Правда, эти финки мнят о себе бог весь что. Но ничего — небось сразу гонора поубавится, как увидят, какой у него размах. А богатство — это они, финки, любят. Но чтобы все пошло с самого начала как надо, нужно подыскать хорошего управляющего. Придется выписать из Финляндии, где его еще возьмешь? Надо найти мужика с головой, чтобы сразу видел, где и что выгодно, чтобы и животноводство и земледелие поставил как надо. А может, и рыболовство организовал. Хозяйство должно вернуть в самые короткие сроки вложенный в него капитал и давать прибыль, деньги...

Деньги, деньги... Денег надо много. Делать придется все с размахом. Тем более в условиях Карелии, где по-настоящему, по-научному хозяйство еще не велось. Для начала всюду нужны деньги. И чтобы дом поставить, и поля возделать. Хорошим полем будет болото, что начинается сразу за скалой. Он давно уже облюбовал его. А те клочки земли, что сейчас имеются в деревне, легко прибрать к рукам. Дать их прежним владельцам работу и харчи, и они сами откажутся от своих участков. Первым делом надо забрать землю у Онтиппы. Старик и старуха доживают свой век, уже на ладан дышат. На что им земля? Сыновья — тоже не помеха. Олексея нет. Рийко у красных, ему путь в деревню заказан. А Васселей... С Васселеем им тесно в этом мире, и впереди еще столько всего, что всякое может случиться. Невестки Онтиппы... Можно взять их в

скотницы, если подойдут. Впрочем, там будет видно. А пока нужно добывать деньги. Это — главное...

В отношении денег у Миитрея был твердый принцип, усвоенный им в восьмилетнем возрасте. Дело было так. Стояла осень. Сплав в тот год запоздал, и мимо Тахкониеми все еще гнали плоты. Миитрей и Рийко пошли по бруснику. Рийко был совсем еще маленький, но ягоды собирал быстро. Набрали они по корзинке брусники, пошли домой. Только разошлись и направились каждый к своему дому, навстречу Миитрею идут сплавщики. Продай, говорят, бруснику. И дали за корзинку две копейки. Миитрей, не будь дурак, побежал догонять Рийко. Догнал, купил у него ягоды за полушку и продал их сплавщикам, тоже за две копейки. Так он заработал первые три с половиной копейки. Тогда же он понял, что только так можно выбиться в люди.

— Хозяин, а у тебя много своей земли? — спросил Миитрей у своего неразговорчивого возницы.

— Своей-то? — Старик повернулся и вынул изо рта трубку.— Сколько дадут возле церкви, столько и будет. И трубка вернулась на место.

Ответ был исчерпывающий, и вопросов у Миитрея больше не было. Будь это хозяин, у которого имеется своя земля, можно было бы потолковать, а какой разговор с этим, он, наверно, и работник-то никудышный.

Да, с трех с половиной копеек начал Миитрей. Только очень медленно, слишком уж медленно, рос его капитал, хотя с малых лет ушел он на заработки и все эти годы, пока был коробейником, копил деньги, откладывая пенни за пенни. Дело это было нелегкое и к тому же не денежное. Не один пот прольешь, пока отмахаешь по лесным дорогам переход в полсотни верст, да и на душе не очень-то весело. Торговля вразнос была запрещена финскими властями, вот и ходишь, таясь, по захолустным деревушкам, где денег у людей кот наплакал, а от деревни до деревни версты не считаны. Бывало, напорешься на ленсмана. Тогда прощай короб с товарами, да еще гони штраф. Нет, это была не та дорога, о которой Миитрей мечтал. Правда, как память о тех временах осталась у него сберегательная книжка. Но она была лишь как память. Хранилась там всего тысчонка марок, и когда Миитрей смотрел на эту единицу с тремя нолями, ему казалось, будто кто-то сунул ему под нос фигу с маслом. Пришлось искать более прибыльное дело. И он нашел его. Вернее, ему предложили. Дело трудное, опасное, но с точки зрения будущего выгодное. В Кая-

ни ему выдадут форму. Покрасоваться в этом мундире, конечно, приятно, но не на этом поприще его будущее. Даже когда он станет лейтенантом, капитаном или еще выше, все равно над ним всегда будет стоять кто-то, кто имеет право распоряжаться, кого надо почтительно величать господином и перед кем надо вытягиваться в струнку. Другое дело быть хозяином в собственном поместье. Сам командуешь, а тобой никто не командует. Пусть другие кланяются ему, а он... Да, пусть эта его работа будет вроде моста к усадьбе в Тахкониеми. Тут и денег побольше заработаешь, чем на мелкой торговле, и, главное, будешь вправе отхватить себе от будущей Карелии такой кусок поля и леса, какой будет тебе по зубам. Кроме того, можно потребовать от банков кредиты. Пусть попробуют отказать!

А кто же все-таки будет хозяйкой в усадьбе? Образ будущей хозяйки вставал словно из тумана. Она рисовалась ему то блондинкой, то брюнеткой, но обязательно красивой, образованной... Но был этот образ изменчивый, как и сами женщины.

Вдруг Мийтрей помрачнел. Настроение сразу испортилось. Он даже выругался про себя. Черт бы побрал всех этих баб, а финок в первую очередь... Ему вспомнилась Кайса-Мария.

С Кайсой-Марией Мийтрей был знаком давно, еще с той поры, когда проходил в их заведении курс наук. Она была года на два старше его, но понравилась ему еще тогда. Бабенка симпатичная, особенно когда улыбается, чертовка. И в грустные минуты одиночества Мийтрей даже вспоминал о ней, хотя она и не была его избранницей. Сегодня вечером, увидев Кайсу-Марию, он очень обрадовался. Но она быстро ушла. Потом опять появилась в комнате, где они пили. Мийтрей вышел следом за ней и, прижав ее в прихожей, попытался поцеловать. Он был навеселе, и при желании Кайса-Мария могла расценить все это как шутку. Но она вырвалась из объятий Мийтрея. «Ты... да как ты... Свинья! Вот тебе!» — и раз его по уху, два — по другому. Мийтрей настолько опешил, что увернулся лишь от третьей оплеухи. А Кайса-Мария убежала к себе на чердак. Все бы ничего, да черт принес Таккинена... Тоже, ходит по пятам, все выслеживает... И Таккинен стал очевидцем этой комедии. Мийтрей разозлился. Он-то был уверен, раз эта женщина состоит на службе в их заведении, то она, должно быть, потаскуха. Но, оказывается, и она презирает карел, даже прапорщика... Тьфу!

Мийтрей достал бутылку коньяка и хлебнул из горлышка. Он попытался снова думать о своей усадьбе — на этот раз без хозяйки-финки, но радужные видения больше не возвращались. Вместо них в голову приходили всякие мрачные мысли. Он думал о судьбе Королева. «Не повезло бедняге»,— вздохнул Мийтрей.

Впереди была только черная осенняя ночь, холодный дождь и бесконечная грязная дорога.

Бежав в Финляндию, Королев явился в Суомуссалми к главе Временного правительства Карелии Хуоти Хилиппяле и начал доказывать, как много он сделал, хвалиться, что мог бы руководить и большими делами. Королев не стал скрывать своих разногласий с Временным правительством.

Покусывая кончики черных усов, Хилиппяля смотрел на Королева с подозрением. Поди знай, что за птица этот Королев: служил у большевиков, они посадили его, потом отпустили... Но Королев был все же видной фигурой, и Хилиппяля не имел права арестовать его.

— Ваша идея создания независимой Карелии, не связанной с Финляндией и Россией, вряд ли осуществима,— говорил Хилиппяля с официальной вежливостью государственного деятеля.

И достал из стола газету «Кайнуун саномат». Номер был старый, еще апрельский. Синим карандашом было обведено одно место:

«По последним сообщениям из Ухты, в деле достижения независимости Карелии произошел благоприятный поворот: представители карельского народа приняли на недавно закончившемся своем съезде решение об отделении Карелии от России на вечные времена... Как будут организованы отношения Карелии с Россией и Финляндией после этого, пока не существует никакого конкретного плана. Ясно, однако, одно: Карелия, т. е. Олонецкая Карелия и Беломорская Карелия, не может образовать самостоятельного государства. Для этого их силы слишком слабы. Поэтому и в будущем Карелия должна войти в союз либо с Финляндией, либо с Россией... Мы не можем одобрить решение вопроса путем вооруженной борьбы и не верим в успех этой борьбы. Как финляндский, так и карельский народы преисполнены чаяниями мира. От военных акций надо раз и навсегда отказаться...»

Это было написано в апреле. Тогда Временное правительство Карелии находилось в Ухте. Теперь была осень.

И «правительство» было в эмиграции, в Суомуссалми, и существовало на финские подачки.

— В Финляндии следовало бы ввести более строгую цензуру, чтобы не печаталась такая чушь,— заметил Хилиппяля, когда Королев наконец прочитал статью.

— О нашей независимости? — спросил Королев.

— Независимость, независимость,— передразнил Хилиппяля и, вырвав газету из рук Королева, смял и швырнул в корзину для бумаг, хотя до этого, видимо, берег ее.— Какая это к черту независимость, если ее нельзя добиваться при помощи оружия? Кому-кому, а им-то помалкивать надо. Если бы они не прибегли к силе оружия, красные финны им дали бы жару!

Хилиппяля забарабанил пальцами по столу, поглядел в окно, из которого открывался вид на иссеченные дождем осенние луга усадьбы священника Кархулы, и попытался успокоиться. Но это ему не удалось — он опять взорвался:

— А их правительство... Изменник на изменнике. Сидят в мягких креслах, зады отращивают. О нет, они не скупились, когда рассчитывали на что-то в Карелии. Всякого наобещали. Больше, чем в их кошельке было. А что дали? Кукиш! А сколько мы, карелы, своих собственных денег вложили в это дело! Кто нам их вернет, кто? Теперь они заигрывают с большевиками. Дип-ло-ма-тия! Ишь, побежали в Тарту на поклон к большевикам, чтобы насчет Карелии поторговаться и руки большевикам полизать. Продадут они Карелию, твою независимую Карелию, вместе с потрохами. А какие права остались у нас, у законного правительства Карелии? Сидим как нищие в доме этого попа, заседаем. На, читай вот вопрос, который мы имеем право обсудить!

Королев взял протянутую ему бумагу и начал читать:

«Господин Х. Хилиппяля.

Приношу Вам свое уважение и прошу Вас установить, если это возможно, сохранность находившегося в Паанаярви склада К. В. П — ва. По последнему отчету С. Якконена, там должно быть муки овсяной — 1 меш. (45 кг), ячменной — 1 меш. (32 кг), мучных остатков, собранных с пола,— 2 меш. (110 кг), порожних мешков — 89 шт...»

Королев бросил на стол бумагу и встал, не скрывая своего злорадства.

— Прошу простить меня. Я думал, что вы здесь ничего не делаете, а вы, оказывается, заняты важными государственными делами. Позвольте полюбопытствовать, по-

слан ли вами запрос в Хельсинки относительно их мнения по серьезному вопросу о муке, собранной с пола? И как быть с мешками — оставить их в распоряжении Карельского правительства или же отправить в Хельсинки?

Хилиппяля побагровел.

Королев нахлобучил шапку и с порога бросил:

— Не смею больше отрывать вас от столь важных государственных дел. Прощайте.

Из Суомуссалми Королев поехал в Реболы к Таккинену и Сивену, которые, как он полагал, лучше других были осведомлены о его заслугах. Но Боби Сивен принял его очень холодно. Он слушал Королева с непроницаемым, холодным лицом, уставившись безжизненным взглядом куда-то мимо. Маленький рот его был крепко сжат, а нос нависал над ним грозным клювом.

— Вы, собственно, с какой целью сюда прибыли? — спросил он Королева и взглянул на Таккинена.

— Сколько мы вам послали оружия и продовольствия? Где они? Стоило увидеть десятка два русских, и вы тотчас же подняли лапки вверх и все отдали. Вот она, ваша независимость! — зло проговорил Таккинен.

— Но мы же готовились...

— Знаю, мне рассказали, каким образом вы напугали красных и заставили их отступить.

Королев хотел поехать в Хельсинки к высшему начальству, но Таккинен не пустил его и направил к Хеймо Парвиайнену, дав ему вооруженного сопровождающего с каким-то письмом.

Расчет у Таккинена был верный. Парвиайнен знал о том, что Королев стремится занять руководящее положение среди карел, и, конечно, Парвиайнену совсем не хотелось видеть рядом с собой такого конкурента. В войске Парвиайнена было много тунгудцев, недавно бежавших из Карелии. Стоит дать им понять, что их выдал Королев, пустить слушок и...

Едва Королев успел появиться в лагере Парвиайнена, как пошли разговоры:

— Вот он, сволочь. Это он составил списки да большевикам нас продал...

Тунгудцы словно взбесились. У них не хватало мужества изменить свою собственную судьбу, но решить судьбу Королева они могли просто. Предстань Королев перед советским трибуналом, он, наверное, отделался бы более мягким приговором, во всяком случае, остался бы жив. Суд зем-

ляков был жестоким. Тело Королева нашли в лесу вблизи лагеря. Его закололи ножом в сердце.

Совесть Хеймо Парвиайнена была чиста: к убийству он не причастен. Ему осталось лишь официально сообщить в Хельсинки о случившемся. Он доложил, что у людей возникло подозрение, что Королев подослан большевиками, и они, к сожалению, прибегли к самосуду. Такое объяснение в то же время было веским доказательством того, насколько высок боевой дух его людей и их стремление сражаться с большевиками. А от того, насколько подготовлено и как настроено его войско, зависело, сколько денег на содержание армии можно требовать от «друзей Карелии». Расправа с Королевым — это своевременный ответ тем, кто во время переговоров обвинял Карельскую армию освобождения в бездействии.

Глава третья

КАК ВЕТРАМИ ТЕЛКУ УНЕСЛО...

Наступила весна тысяча девятьсот двадцать первого года, тихая и солнечная. Но больше, чем солнце, согревало душу то, что на земле был мир. Может быть, не у всех, но у Ярассимы от этого на душе было теплее. Тем более что Советская власть обещала дать ему теленка. «Если бы грозила война, власти не раздавали бы скотину людям. Телята попали бы в солдатские котелки».

С кошелем на спине Ярассима пробирался сквозь частый прибрежный ивняк к берегу реки. Весенний паводок уже спал, и тихая лесная речка Кортехйоки спокойно поплескивала, играя на солнце. Старик присел на камень, подставив лицо прохладному ветерку, веявшему с реки. На другом берегу, чуть ниже по течению, зеленел лужок. Хозяина у этого лужка не было, и обычно его скашивал тот, кому не хватало сена поближе. Но сейчас время было беспокойное, коров в деревне осталось мало, и вряд ли кому нужна была эта трава. Да и немного здесь накосишь, в лучшем случае воз. А до деревни отсюда верст пятнадцать, не меньше. Ярассима тоже решил, что для своей телки он найдет покос поближе.

Вдруг Ярассима насторожился. По реке плыла свежая щепка. Откуда она, из-под чьего топора? Кого здесь опять

черти носят? Встревожившись, старик начал беспокойно всматриваться вверх по реке. Он заметил неподалеку что-то застрявшее среди камней. Плот.

Срезав тонкую осинку, Ярассима дотянулся до плота и, подцепив, подогнал к берегу. Плот был нужен ему, чтобы переправиться через реку. Но находка его не обрадовала. Плот сделан явно не рыболовами: слишком большой, да и не бросит ни один рыбак ни с того ни с сего свой новый плот. Переправившись через реку, Ярассима пошел вверх по реке и скоро оказался в густом ельнике.

Кто-то жег там совсем недавно костер. Место сырое, и привал устраивать здесь мог лишь тот, кому надо скрываться от посторонних глаз. Судя по следам, этих странных путников было человек двадцать. Они отдыхали, прислонившись спиной к стволам елей, а чтобы было мягче, под бок наломали еловых ветвей. Правда, уходя, они сожгли все ветки, но следы все же остались. Возле черного круга костра не видно ни единой бумажки, ни одного окурка, ничего такого, по чему можно было бы определить, что это были за люди. Но уже по тому, как тщательно они уничтожили следы своего пребывания здесь, можно понять, что явились они сюда не с добром.

Домой Ярассима пришел пасмурный. Заметив, что старик хмурится, Устениэ решила, что он устал, и торопливо подала ужин.

— Ешь. Утомился, поди?

Но муж не притронулся к еде. Он сидел и молчал.

— Что с тобой? — спросила Устениэ.

— Ничего...

И Ярассима начал рассеянно есть. Поужинав, вытер бороду и закурил трубку.

— Когда же косить начнем? — спросила наконец Устениэ, решив, что после того, как старик покурил, он должен стать разговорчивее.— Хлев надо бы починить. Когда примемся? Ты что, оглох? Или бес в тебя вселился? Все молчишь да молчишь.

— А что?

— Вот и говори с тобой. Я спрашиваю: когда косить пойдем, когда хлев починим?

— Для кого хлев чинить? И кто сено будет есть?

— Чего ты мелешь, не пойму... Советская власть телку обещала, а ты: «Кто сено будет есть?..»

— Не знаю, не знаю. У телки, видишь ли, всего четыре ноги, а ветры нынче дуют не только с четырех сторон...

— Чего-то не пойму я тебя.
— Вот что я скажу...
— Ну что?
— Да вот курево кончается.
— И это все, что ты хотел сказать?
— Был я на Кортехйоки. Гляжу — щепка плывет, совсем свежая.
— Ты что? Сказку вздумал рассказывать?
— Плохая это сказка, Устениэ, очень плохая. Смотрю — плот чей-то. Сделал кто-то и бросил. Большой плот. Рыбак такой большой плот делать не будет, да и не бросит он свой плот. Теперь понимаешь?
— А-вой-вой! Опять!— Устениэ не хуже своего старика понимала, что значат эти плот и щепка, появившиеся на таежной реке.
— Вот тебе и телка! — вздохнул Ярассима.
— Так ведь обещали...
— Войну не обещали, а она будет.
И хотя в избе никого, кроме них, не было, а до ближайшего соседа была добрая верста, Ярассима шепотом рассказал об обнаруженном им в лесу костре, возле которого только что отдыхали неведомые путники. За последние годы в карельских деревнях усвоили одно золотое правило, касающееся как еды, так и разговоров: надо больше держать язык за зубами.
Правда, теперь вроде бы мир на земле и жизнь вроде начинала налаживаться. Да и Советская власть казалась покрепче и поустойчивее, чем всякие прошлые власти. В деревне Кевятсаари было всего три красноармейца. Один — русский, другой — красный финн из Финляндии, третий — карел откуда-то из-под Олонца. Осенью они собирались домой — говорили, что будет демобилизация, а они свой срок отслужили.
Было бы совсем хорошо, если бы мужики начали возвращаться домой. Мужиков в деревне осталось совсем мало. О тех, кто служил у красных, кое-что слышно было. Они и письма писали родным, случалось, и посылки посылали. А о других ничего не знали и не спрашивали, где они бродят.
Ярассиме некого было ждать. Сын погиб еще на германской войне, невестка забрала внука и ушла в Кемь искать лучшей доли.
Единственное, на что могли рассчитывать Ярассима и Устениэ, была обещанная им телка. С ней связаны все их

надежды, да с тем, чтобы на земле было спокойно. Но, видно, напрасно они ждали, напрасно надеялись: в лесу появились неведомые путники.

А путники были не такие уж неведомые, и не первый раз шли они по этим лесам. Было их пятнадцать человек — давно не бритых, измазанных болотной жижей, согнувшихся под огромными рюкзаками. Вчера, на Кортехйоки, их было даже двадцать, но пятеро после переправы отправились своим путем. Путники вышли к большому топкому болоту. Самый молодой из них, стройный парень в форме финского офицера, подошел к высокому седому старику с пышной бородой, и они начали вдвоем изучать карту.

— Уж я-то знаю эти места,— уверял старик.— Надо идти прямо через болото. Вот сюда.

— А мы пройдем? — сомневался молодой.

— В Карелии всюду можно пройти, только надо уметь. Тут тоже есть мостки. Но их не видно. Они ушли в трясину. Когда-то здесь проходил торговый путь.

— Торговый?

— Ну, торговцы были вроде нас.

Чтобы обойти эту топь, потребовалось бы много времени, и не было уверенности, что удастся обойти. Путники спешили, и поэтому офицер отдал команду:

— Вилхо Тахконен пойдет впереди, остальные за ним. Пошли.

Уже три года, как Васселей носит имя Вилхо Тахконена, но до сих пор он никак не может привыкнуть к нему. Таккинен и Левонен тоже нередко называли его Васселеем.

— Обожди,— сказал Левонен.— Пусть каждый сперва найдет себе жердь. Мало ли что может случиться.

На краю болота рос молодой осинник. Каждый из путников вырезал себе жердь. Если кто-то провалится, жердь поможет удержаться ему на поверхности, пока не подойдут остальные и не вытянут из трясины.

— Ты чего улыбаешься? — спросил Таккинен у Васселея.

— Да вот думаю, что если бы нас было столько, сколько у нас имен, то много бы нас оказалось...

— Да,— согласился Таккинен.— Но ты, Вилхо, не сомневайся. Нас будет много. Люди найдутся.

Васселей пошел через болото первым. Следом за ним, не отставая ни на шаг, тяжело пыхтя, шагал Левонен. Он был стар и грузен, но уже с юных лет привык совершать

большие переходы по таким местам. Временами он хрипел в спину Васселея:

— У тебя глаза помоложе. Ты гляди, нет ли кого.

И тут же успокаивал сам себя:

— Кто в такую трясину попрется? Русские не пройдут, а карелы не пойдут.

Потом, оглянувшись, заохал:

— Ох, одно горе с такими спутниками. Погляди, где плетутся. Будь за ними погоня, перебили бы всех, как тараканов на шестке.

— Вилхо! — донесся сзади голос Таккинена.— Не торопись. За тобой не угнаться.

Васселей и не торопился. Он шел в том темпе, в каком привык ходить по таким дорогам. Порой нога проваливалась в трясину по колено, прежде чем нащупывала какую-то опору. Случалось, что Васселей тоже оступался, и его сразу же засасывало по пояс. Болото затягивало в себя с такой жадностью, что в душу закрадывался страх: «Выберусь ли?» Тогда Васселей опирался обеими руками о брошенную поперек жердь и вытягивал себя из цепких объятий болота.

Наконец стали попадаться низкорослые сосенки. Кочки стали выше, на них рос длинный вереск. Кое-где белели чахлые березки. Впереди начиналось сухое место. Васселей внимательно всматривался вперед. Кто знает, может, их тут поджидает засада...

Болото кончилось. Тропа пошла по сухому ягельнику, поросшему высокими соснами. Лес редкий, и видимость во все стороны была отличная. Если бы ему, Васселею, пришлось устраивать засаду, он бы расположился здесь. И тогда с болота никто бы не выбрался живым.

— Смелей! Здесь никого нет,— махнул Васселей остальным, боязливо приближающимся к лесу.

Выбравшись на сухое место, путники повалились на мох. Таккинен сразу начал распоряжаться. Первым делом он выставил посты. «Осторожный!» — усмехнулся про себя Васселей, хотя мысленно признал, что окажись он на месте Таккинена, то сделал бы то же самое. Васселей был освобожден от караульной службы: он считался разведчиком и выполнял обычно самые опасные задания.

Потом Таккинен велел всем привести себя в порядок.

— Видите, как надо чиститься,— Таккинен показал на Васселея, который сучком счищал грязь с сапог. Брюки тоже были залеплены болотной жижей, но им надо еще

просохнуть. У многих даже лица были в грязи: при переходе через болото мошкара кусала нещадно, и сгонять ее с лица приходилось грязными руками.

Левонен неторопливо почистил свой полувоенный костюм, сшитый из грубого серого сукна, потом достал гребешок и начал старательно расчесывать окладистую бороду. О бороде он всегда заботился с особой тщательностью. Старик что-то бормотал себе под нос. Наверное, молился.

Васселей полулежал, прислонившись спиной к дереву. Его клонило ко сну. Ласково светило солнышко, дул прохладный ветерок, приятно обвевая потное лицо. Мошкары здесь, в бору, не было. Действительно, неплохо было бы перекусить и вздремнуть часок-другой. Но место слишком открытое, и костер разводить нельзя.

Васселей разглядывал своих спутников. Одежда самая пестрая, кто в гражданском платье, кто в военном мундире. А мундиры — и английские, и русские, и финские. Оружие тоже разное: немецкие маузеры, русские трехлинейки, бельгийские браунинги. Ножи зато у всех финские, а мужики — карельские. Впрочем, всех этих карел заверили, что их дело начать, а потом финны придут на помощь, сколько надо, столько и придет. Придут, конечно, придут. Сколько раз белофинны уже пытались прийти в Карелию! Но на этот раз они вынуждены делать видимость, что соблюдают мирный договор, заключенный в Тарту.

«Вот мы и в Карелии,— размышлял Васселей.— У себя дома, а каждого шороха боимся».

Кириля лежал рядом. Он толкнул Васселея в бок:

— Погляди-ка на старика. Зад широкий и круглый, что у бабы. Надень он бабье платье да повернись спиной, чтоб бороды не было видно, вполне за бабу сойдет. Можешь по ошибке и рядышком лечь.

Васселей тоже обратил внимание на то, что в облике Левонена было что-то бабье. Хоть и высок старик ростом, а ходит переваливаясь, как толстая женщина.

— Потерпи,— шепнул Васселей Кириле.— Скоро свою бабу увидишь. Если только все мы не ляжем рядышком вот на этой карельской земле!

Левонен оглядел своих спутников и заговорил:

— Вот что, мужики. Скоро мы разойдемся. Я молю бога, чтоб берег он всех нас. Но вы тоже глядите в оба. У нас каждый человек теперь на вес золота. Идем мы пока не на войну, а народ поднимать. Поднимайте его речами, а коли слово не поможет, так... Тогда да будет господь в

душе вашей и не даст он дрогнуть руке вашей. Понятно? За бога нашего да за правительство наше...

— Пра-ви-тель-ство? — Васселей презрительно усмехнулся.— А что это правительство сейчас поделывает? Навозом снабжает поповские поля.

Таккинен заговорщически подмигнул Васселею и начал с притворной серьезностью возражать:

— Что ты говоришь? Ведь Временное правительство Карелии — самое устойчивое, самое крепкое в мире, из всех, какие знала история. Не верите? Я вам докажу. Его не в силах свалить вся пресса Финляндии, ни правая, ни левая. И те и другие кричат, что пора его распустить, а оно держится. Его не свалить и финскому сейму. Сколько раз они требовали его распустить! Не вышло! Не одолели его ни большевики, ни сами карелы. Вот какое крепкое правительство!

Левонен бросил на Таккинена сердитый взгляд. Этот молодой финн, назначенный главнокомандующим, стал в последнее время слишком часто посмеиваться над их правительством.

Таккинен добавил примирительно:

— Карелии нужны новые люди, а не нахлебники вроде тех, кто обосновался в усадьбе Кархула. Есть и в правительстве те, что не сидят сложа руки. Лучший из них с нами.

И он показал на Левонена.

Старик немного смутился. Хотел перекреститься, поднял руку и опустил ее. Чтобы не остаться в долгу, он пробормотал:

— А наш главнокомандующий... Он хоть и не карел, но для Карелии сделал больше, чем... Больше, чем те, кто отсиживается сейчас, в Суомуссалми.

— Больше или меньше, решайте сами, но старался делать то, что было в моих силах, и обещаю впредь служить нашему общему делу,— заметил Таккинен и добавил: — Я представляю здесь не финскую армию, не официальные власти. Я — частное лицо, друг Карелии и в правительстве являюсь военным советником...

В деревню Кевятсаари решили идти на следующий день. А пока нашли глухой ельник, развели костер и стали устраиваться на ночлег. Время подходило к полночи, но солнце все еще висело над лесом. Левонен велел всем собраться около него. Люди поднимались с недовольным видом, зная, что старик опять заведет свою бесконечную проповедь. Таккинен был единственный, кто мог не принимать

участия в вечерней молитве, и он демонстративно улегся спать.

Васселей подмигнул Кириле. Ничего, что-нибудь придумаем! Не успел Левонен встать, как Васселей спросил его:

— Хочу узнать у тебя об одном человеке, да все забываю.

— О ком же?

— Об одном купце-кареле Он сейчас в Финляндии.

— О ком? Я их всех знаю.

— Да вот имя запамятовал. Дело было так. Он тогда еще коробейничал. Приходит он в один дом, руками показывает, нельзя ли переночевать. Мол, по-фински не знает. Оставили его ночевать. Вечером стали спать ложиться. А гость, не будь дурак, рядом с хозяйкой устраивается. Хозяин ему и так и сяк показывает, что не здесь его место, а сказать-то не может. Делать нечего. Надо пойти к дьякону, чтобы тот по-русски объяснил гостю. Встал он, обулся, оделся, рукавицы надел и пошел. Идет, идет, слышит — хозяйка его догоняет. «Не ходи, говорит, переводчик уже не нужен». Так кто же этот добрый молодец был? Может, знаешь?

Все расхохотались. Левонену тоже не сразу удалось согнать с лица улыбку. Наконец он сказал:

— Окаянный! Один грех у тебя на уме. О слове божьем не думаешь.

— Уж не Куйттинен ли то был? — допытывался Васселей, торжествуя победу: настроение у людей сейчас такое, что им не до богослужения.

— Ты не наговаривай на Куйттинена,— проворчал Левонен.— Он не из таких. Он всю свою жизнь не забывал бога. Послушайте, что я вам расскажу о Куйттинене. Я расскажу вам о карелах, имена которых вы должны знать. О великих карелах...

— Черт тебя дернул... Сунулся тоже! — прошипел Кириля Васселею.

У Левонена было два любимых конька — бог и великие карелы. Стоило ему заговорить на любую из этих тем, его уже нельзя было остановить. Начинал он свои речи обычно на карельском диалекте, нередко с юмором, потом, увлекшись, незаметно переходил на финский язык. Голос его начинал дрожать, глаза устремлялись ввысь, словно выискивали там отца небесного, и речь его тоже становилась торжественной, выспренней.

— Я расскажу вам о Куйттинене, о великом человеке. Мал он был еще, этакий мужичок с ноготок, когда ушел из

Карелии, отправился на заработки. А ныне он в Хельсинки владеет большим магазином. Немало верст пришлось ему с коробом прошагать, немало пришлось пота пролить, пенни за пенни откладывать, чтобы стать купцом. Но карел все вынесет, все выдюжит. И не один он такой. Алекси Митро еще богаче Куйттинена. Митро-то в Финляндию пришел в отцовских штанах, в Финляндии он и свет увидел.

Позволив себе такие образные выражения, Левонен улыбнулся.

— А Куйттинену было лет десять, когда он покинул Карелию. Сейчас ему тридцать семь. Вот о ком вы должны народу поведать — о таких карелах.

— Так он что, для того и переехал в Финляндию, чтобы богатым стать? — спросил Кириля. Пока старик не вошел еще в раж, ему можно было задавать вопросы.

— Пошел он себе кусок хлеба добывать да от большевиков спасаться. Мы должны сделать Карелию такой, чтобы здесь каждый мог выбиться в люди, стать богатым и...

Васселей наклонился и шепнул Кириле на ухо:

— Знаешь, с какого года в Карелии большевики у власти? С девяносто четвертого. Вот.

Кириля почему-то обиделся:

— Не пойму я тебя, ты шутишь или всерьез?

— Да это не я... Левонен это говорит. Куйттинен родился в восемьдесят четвертом, а от большевиков сбежал, когда ему было десять лет. Понял? А ты говоришь, Левонен — мужик умный.

Таккинен, привлеченный громким смехом, тоже подошел поближе. Он слышал, как Васселей просвещал Кирилю, и счел нужным сделать ему замечание:

— Удивляюсь я, Васселей. Солдат ты хороший, а политик из тебя совсем плохой.

— Какой есть, такой есть,— ответил Васселей.

...С описываемых нами времен сохранилось немало манифестов и воззваний к карельскому народу, различных документов и воспоминаний. Если Левонен, говоря о карелах и карельском национальном движении, ссылался больше на волю божию и взывал к господу, то мы попытаемся осветить движущие силы и этапы этого движения, оставив всевышнего в покое, и вместо него коснемся тех, кто стоял за этим движением. На некоторое время мы покинем героев нашего романа и позволим себе публицистическое отступле-

ние, чтобы привести действительные имена и исторические факты.

Уже в 1895 году в Финляндии, входившей еще в состав Российской империи, буржуазно-националистические круги приступили к разработке программы действий в отношении Восточной Карелии. В ней говорилось о важности духовного воссоединения Олонецкой и Беломорской Карелии с Финляндией. «Взгляды финнов необходимо было обратить на Карелию»,— говорится в биографии одного финского коммерции советника, вышедшей в 1962 году в Финляндии под громким названием: «Знаменосец идеи частного предпринимательства». Цитаты, которые мы приводим, взяты из этой книги.

В 1905 и 1906 годах в Ухте состоялись собрания карел, проведенные в духе этой программы. В 1906 году была выпущена листовка, в которой каждого гражданина России, живущего в Финляндии и заботящегося об интересах родного края, призывали приехать в Ваазу для участия в состоявшемся 24 апреля собрании. Наиболее значительным из решений собрания было решение о создании Союза беломорских карел, временное руководство которого было выбрано на этом собрании.

Царское правительство не было благосклонно к Союзу. Не одобряло его деятельности и Временное правительство. Поэтому 9 апреля 1917 года «на собрании в Тампере Союз был распущен и вместо него и для продолжения его деятельности было образовано Карельское просветительное общество. В руководство Общества вошли: председатель А. Митро, постоянные члены доктор Б. Митро, ленсман Сакари Аланко, учитель Васили Кевняс, торговцы Тимо Маннер и Пааво Ахава, писатель Ииво Хяркенен, кандидаты в члены торговец И. Архиппайнен и еще один карельский предприниматель».

Руководство Общества, таким образом, состояло в большинстве из карел. Родители Алекси Митро были родом из Северной Карелии, сам он родился и вырос в Финляндии. Из того же рода вышел Борис Митро. Васили Кевняс был из Вуоккиниеми, Пааво Ахава из Ухты, Ииво Хяркенен и И. Архиппайнен были южные карелы.

В Финляндии у карельских торговцев было слишком много конкурентов, и идеи карельского национального движения должны были помочь им в приобретении новых рынков сбыта на родине их отцов. В этом предприятии они пришли к хорошим взаимоотношениям со своими финскими

конкурентами, прежде всего с промышленниками, нуждавшимися в новых рынках сбыта и сырье. Были, кроме того, и более могучие силы, которые ждали своего часа, чтоб предъявить свои требования в отношении Карелии и немедленно вступить в действие. Один из известных финских военных историков Эро Кууссаари, изучая документы сорокалетней давности, отбросил в сторону заплесневевшую ширму «братства народов-соплеменников» и раскрыл действительные цели тогдашних правителей Финляндии. В 1957 году он писал: «После объявления независимой Финляндии 6/12 1917 финляндское правительство стало добиваться признания независимости страны иностранными державами. Но в этой связи соответственно идеям активного движения за независимость оно сразу же поставило себе целью расширение территории государства, так чтобы территория его отвечала будущему национальному развитию, а также требованиям военно-политическим и экономическим. Помимо имевшего важное значение побережья Ледовитого океана необходимо было присоединить к Финляндии, прежде всего, находившиеся за восточной границей карельские районы. К действиям для достижения этой цели ввиду международной обстановки надо было приступить как можно скорее».

И приступили. Не успела еще кончиться в Финляндии гражданская война и белая гвардия нужна была еще в самой Финляндии для борьбы с красногвардейцами, как главнокомандующий финской армией Маннергейм публично поклялся на станции Антреа, что он не вложит своего меча в ножны до тех пор, пока «последний ленинский солдат не будет изгнан из Финляндии и Беломорской Карелии». Во время гражданской войны в Финляндии белые трижды предпринимали попытки захватить у России Петсамо, и каждый раз безуспешно. Той же зимой экспедиционный отряд белых отправился в поход на Кандалакшу, но уже на самой границе вынужден был повернуть обратно, изгнанный из Карелии своими земляками, финскими красногвардейцами. В то же время экспедиционный отряд Малма занял районы Ухты, но был изгнан карелами. В 1919 году состоялась экспедиция в Олонецкую Карелию. Белые быстро дошли до окраин Петрозаводска, но еще быстрее убежали обратно в Финляндию. В 1920 году был разыгран спектакль с образованием Ухтинского правительства, которое имело армию, состоявшую из карел и финнов, но это правительство вместе с армией постигла та же судьба, что

и все предыдущие экспедиции. «Тунгудское восстание» тоже не позволило Маннергейму вложить свой меч в ножны.

Все попытки завоевать Карелию провалились, и правителям Финляндии пришлось сесть в Тарту за стол переговоров с Советской Россией. Теперь надо было искать новые формы борьбы, позволяющие не нарушать заключенный в Тарту договор о мире.

Для организации «народного восстания» из Финляндии в Карелию направили три группы: 1) в Южную Карелию — группа во главе с бывшим царским офицером Севастьяновым, 2) в Среднюю Карелию, в Паданы,— группа во главе с кулаком Андреевым и 3) в Северную Карелию — группа во главе с финским капитаном Таккиненом и карельским купцом Левоненом, которые должны были впоследствии руководить боевыми действиями на всей территории Карелии. Как признал Таккинен в своих воспоминаниях, вышедших через много лет после этих событий, группа Севастьянова предприняла две попытки поднять в Южной Карелии «народное восстание», но обе попытки оказались неудачными, и группе пришлось бежать в Финляндию. Группа Андреева пропала бесследно. А группе Таккинена и Левонена удалось поднять мятеж, о трагических событиях которого мы и расскажем в этой книге.

При всей своей трагичности эти события в дальних районах Карелии могут показаться незначительными на фоне больших событий той поры. Еще более незначительными они кажутся в сравнении с Великой Отечественной войной или с тем, что происходит в мире в наши дни. Но в то же время в современной идеологической и вооруженной борьбе, которая протекает сейчас в более сложных условиях и более широких масштабах, поразительно много общего с событиями, происшедшими в Карелии полвека назад. Теперь соответствия военно-политическим и экономическим требованиям добиваются не устаревшими винтовками, а при помощи реактивной авиации, ракетной техники и современного военного флота. Сайгонские марионетки почти ничем не отличаются от марионеток Ухтинского правительства. Провокатор, шпион и террорист, выведенный нами под именем Мийтрея, мог бы только позавидовать своим американским и западногерманским коллегам, которым не приходится, как ему, бродить пешком по непроходимым лесам и болотам, но в то же время Мийтрей заметил бы, что они сродни ему, только получили подготовку получше и приспособились к новым условиям. И будь сейчас жив еще старик Левонен и почи-

тай он писания западногерманских неонацистов, он бы, самодовольно потирая руки, сказал: «Гляди-ка, черти, как будто моих речей наслушались». А будь жив Таккинен, он мог бы похвалиться, что тоже боролся за свободный мир, за который американцы вели войну во Вьетнаме, во имя которого порнография из Дании распространяется по всему свету, во имя которого в Индонезии убивают коммунистов, во имя которого совершается разбой и насилие. Да, не очень щедра и милостива история к старому миру, мало она дала ему свежих идей и еще меньше предоставила возможностей и новых форм для пропаганды старых.

Если бы Левонен был жив, он наверняка был бы взбешен, прочитав эти комментарии к его речам. Ведь он говорил лишь о карельском национальном духе, и голос его дрожал, когда он рассказывал о Карельском просветительном обществе и о его столпах.

При учреждении Карельского просветительного общества в него вступило 22 члена. И хотя игроков было не так уж много, зато игру они собирались вести крупную. И ставки делали тоже немалые. При вступлении в Общество они сразу подарили ему 14 тысяч марок, в среднем по 636 марок на члена. В то время это были большие деньги, и следовательно, организаторы Общества были люди тоже не бедные. Уже летом того же семнадцатого года представители Общества отправились в Ухту устраивать «праздник соплеменников», на котором организовали съезд карел и добились решения об отделении Карелии от России. Организаторами съезда, вынесшего это решение, были «свои карелы». И неважно, где они родились и сколько лет не жили на родине, главное, что у них были деньги. Фонд Общества в течение трех месяцев вырос в несколько раз.

Левонен любил перечислять имена карельских купцов, субсидировавших Общество: все должны были знать, кто сколько внес. Однажды во время его выступления кто-то из слушателей спросил: «А имена тех, кто сложит свои головы в этом походе, не надо помнить?» Левонену не нравилось, когда его прерывали, и рассердившись, он рявкнул: «В Карелии глупых голов хватит!» И тут же, спохватившись, попытался исправить свою оплошность: «Да поможет отец небесный каждому из нас сохранить свою голову».

Левонен расхваливал купца Куйттинена как щедрого, энергичного человека.

Куйттинен начал с мальчика на побегушках в лавке своего родственника, затем был коммивояжером. Поступил

на службу в акционерную компанию, из рассыльного агента он вскоре стал руководителем филиала. Отделение его росло и вскоре оказалось крупнее самой фирмы. Куйттинен решил основать свою торговую фирму и со временем стал владельцем одной из крупнейших в Финляндии фирм, занимающихся оптовой торговлей. Он помог своим многочисленным братьям выйти в люди и также стать владельцами предприятий. Говоря о Куйттинене, лучше обратиться к его биографии:

«Он принимал активное участие в предпринятых во время освободительной (то есть гражданской) войны в Финляндии попытках освобождения Олонецкой и Беломорской Карелии, являясь одним из наиболее видных деятелей и вдохновителей этих походов, и за проявленные им в освободительной войне (то есть в подавлении революции) способности был удостоен звания лейтенанта...» В том же восемнадцатом году он, являясь уже офицером финской армии, «организовывал отряды шюцкора в Беломорской Карелии и собирал там подписи под обращением о присоединении Карелии к Финляндии». В июле 1918 года он успел побывать дома, в Хельсинки, и вместе с таким же «карелом», каким был сам, с Ф. Семеновым, вручил обращение с собранными в Вуоккиниеми подписями главе правительства Финляндии.

Теперь коснемся деятельности Карельского просветительного общества в последующие годы. Хотя «народное восстание» в Карелии провалилось, Общество не разорилось. Оно издавало газеты, в которых подготавливалась почва для новых попыток завоевания Советской Карелии. Газеты печатались на деньги Куйттинена и ему подобных. Редактором был Ииво Хяркенен.

Наряду с другими многочисленными фондами Карельского просветительного общества в 1934 году был основан фонд акций, подаренных Куйттиненом. Начало ему положили 40 акций Национального акционерного банка, преподнесенные Куйттиненом 19 февраля 1934 года в дар Обществу. Акции были оценены в 400 марок каждая и составили неделимый основной фонд Общества. В феврале 1941 года Куйттинен подарил Обществу еще 20 акций той же стоимости. В том же году он был удостоен титула коммерции советника.

Летом 1941 года Куйттинен в своем выступлении на заседании руководства Общества «сделал обзор актуальных событий, перспектив освобождения Карелии и тех ши-

роких и разносторонних задач, которые встают перед Обществом... 20 июля в Вуоккиниеми был устроен большой праздник и митинг, на котором в перерыве между военным смотром, произведенным генералом Сийласвуо, речами и консультациями было избрано руководство освободительного движения Восточной Карелии».

В 1942 году Куйттинен подарил Обществу еще 35 акций Национального акционерного банка и 6 тысяч марок деньгами. В том же 1942 году он пожертвовал еще 30 акций НАБа. Тогда, в сорок втором, не стоило скупиться: еще была надежда выиграть войну. Даже в 1943 году Куйттинен еще верил в победу и подарил Обществу 30 акций НАБа. Конечно, после победы победители должны были учесть, кто сколько на них поставил.

Карельское просветительное общество продолжает свою деятельность и в наши дни. Оно издает газету «Карельское племя» и, как утверждают его члены, занимается сбором фольклора, музейных ценностей, заботится об охране памятников карельской старины. Так как времена изменились и Финляндия является дружественной Советскому Союзу страной, в которой выросло новое поколение с новыми идеями, мы тоже не желаем копаться в делах и в деятельности этого Общества.

Фирма коммерции советника Куйттинена выросла в крупную акционерную компанию, во главе которой, благодаря контрольному пакету акций, стоит по-прежнему сам коммерции советник и, несмотря на преклонные годы, энергично ведет свое дело. Возможно, время и жизненный опыт привели его к убеждению, что выгоднее направлять свои капиталы на расширение своей коммерции, чем тратить их на финансирование безуспешных военных авантюр. Куйттинен ведет широкую торговлю с различными организациями Советского Союза, часто бывает в Москве и других городах нашей страны. Поэтому мы и не находим удобным называть его действительное имя, а называем вымышленную фамилию Куйттинен.

В нашем публицистическом отступлении мы ничего не говорили об Академическом Карельском обществе, о Патриотическом национальном движении, о Финском шюцкоре, которых уже не существует, ничего мы не говорили также о ставке финской армии, правительстве Финляндии и других силах, стоявших за всеми этими авантюрами. Не говорили мы о них потому, что в нашем романе мы рассказываем прежде всего о карелах.

Не со всякой березы можно наломать хороший веник. Тут нужно дерево особое. Такими березами и славился островок Ахвенсаари, с которого Ярассима и Устениэ возвращались в лодке, нагруженной свежими ветками. Но не только за вениками ездили старики. Было у них и более важное дело. Когда в лесу появились подозрительные люди, Ярассима и Устениэ решили на всякий случай припрятать кое-какое добро. В предрассветных сумерках они погрузили в лодку сундук с одеждой и направились на остров. Вернулись, конечно, с вениками, чтобы никто не спросил, зачем они туда ездили. На обратном пути заодно подняли сети.

Выполоскав и развесив их сушиться на вешалах, старики понесли корзину с рыбой к избе. Только они подняли ее, как окуни затрепетали, забили хвостами о края корзины. Сиги же не шевелились.

— Окунь рыба карельская. Живучая,— заметил Ярассима.

На дворе стариков встретила старая пестрая кошка. Уже издали почуяв, что хозяева идут с добычей, она неторопливо вышла навстречу и, понюхав корзину, мяукнула.

— Не бойся, свою долю получишь,— успокоила ее Устениэ.

А та и не беспокоилась. Просто первым мяуканьем она приветствовала хозяев, а вторым выразила свою радость — в доме опять есть еда.

Придя в избу, Устениэ развела огонь в загнетке и принялась чистить рыбу. Ярассима выгрузил веники из лодки и пошел топить баню. День, правда, был не субботний, но почему бы не попариться, если появилась такая охота. Истопить баню недолго: дрова есть и время тоже. К тому же веники свежие. Все спешные дела сделаны: картошка посажена, клин ячменя засеян. Сосновой коры и той на всякий случай заготовили. Что ни говори, а с корой недорода не случалось. Ей не страшны заморозки, и никто ее не реквизирует. Косить еще рано. Да и поди знай, стоит ли заготавливать сено, если по реке опять плывут щепки.

Но пока было все тихо и спокойно. Два дымка мирно поднимались к небу: топилась баня, а в избе варилась уха. Кошка грызла голову окуня. Делала она это неторопливо и основательно, по-стариковски. День был летний, знойный. Вязание веников для Ярассимы — дело приятное. Каждый прут подбирал так, чтобы он был в самый раз, не слишком длинный и не слишком короткий. Хлестнешь та-

ким веником, всю спину захватишь. И связаны они так крепко, что всю жизнь можно было бы париться, если бы листья держались.

Увлеченный работой, старик даже не заметил, как в избу вошел красноармеец. Это был русский парень, Саша. Он поздоровался по-карельски.

— Кюлю топится? — спросил, показывая в сторону бани.

— Топится, топится,— ответил старик.

Саша угостил Ярассиму махоркой. Старик достал трубку, вытащил свой кисет. Потом сунул кисет обратно в карман — там еще оставалось на одну трубку. Пусть будет на следующий раз. Саша жестами показал, что ему тоже хочется в баню,— почесал спину, прошелся, еле волоча ноги, по избе. Старик понял, что парень проделал большой путь, устал, вспотел. Вчера красноармейцы, стоявшие в деревне, ушли куда-то. Саша, значит, вернулся...

— Пойдешь в кюлю, пойдешь,— обещал старик.— Бабушка, я, ты...— Ярассима похлопал парня веником.— Понимаешь?

— Бабушка? — удивился парень.

— Нет, пойду бабушка я, ты не с бабушкой. Ты — юкси...— Старик показал один палец.

Саша взял веник, похвалил:

— Хороший, хювя.

— Хювя, хювя,— Ярассима не стал скромничать.— Надо все делать хювя.

— Что нового? — спросил парень.

— Есть новое, есть.— Ярассима нахмурился и сказал жене по-карельски:— Ты по-русски не умеешь, так помалкивай о щепке и о плоте. Я сам ему растолкую. Ходил Кортехйоки...

— Кортехйоки? — переспросил Саша.

— Видишь, как хорошо мы понимаем друг друга! — похвалился Ярассима жене.— Ходил... смотрел... Пойдем в кюлю, потом. Беги котих, возьми.— Старик не знал, как по-русски будет «чистое белье», и сказал:— Белой штаны.

— Белые? — парень насторожился.

— Штаны белый, понимаешь? Бабушка тебе юкси рыба даст. Возьми.

— Юкси рыба? Спасибо.

Устениэ дала Саше две рыбины.

— Юкси?

Саша удивился: он думал, что «юкси» по-карельски значит «один», а рыбин дали две.

— Юкси, юкси,— уверяла Устениэ.— Беги домой, неси рыбу, пойдешь потом в баню.

Из всех слов ее, сказанных по-карельски, Саша понял лишь три: «юкси», «кюлю» и «котих» — домой.

— Котих — осенью,— стал он объяснять хозяйке. Он взял ветку березы и стал обрывать с нее листья, показывая, как ветер уносит их.— Осенью.

— Осенью? — понял старик. Ярассиме не хотелось огорчать парня, с таким мечтательным выражением в глазах показывавшего, как осенью он уедет домой, но скрывать свою тревогу тоже не стал.— Кортехйоки ходил. Понимаешь? Смотрел, щепка в Кортехйоки.— Старик показал, как щепка плыла по волнам.— Смотрел еще. Плот. Понимаешь? Большая.— И он показал пятерню.— Мужикка. Бандитта.

Саша вздрогнул и тоже растопырил пять пальцев:

— Пять бандитов?

— Ниет, ниет. Плот смотрел, щепка.

— На Кортехйоки бандиты? — допытывался Саша.

— Ниет, ниет. Большая плот — бандитта много. Ох, ты молодой еще, вот и не понимаешь, хоть я тебе на русском языке толкую,— сказал Ярассима по-карельски.

Так толком ничего не поняв, Саша собрался сходить отнести рыбу, но Ярассима остановил его:

— Скажи, Саша. Как Советская власть? Крепко? Бандитта много. Как вы? Крепко?

Это он понял и твердо ответил:

— Советская власть — крепкая!

Саша побежал за бельем, а Ярассима пошел к бане подбросить дров в каменку. Все его мысли были об этом молоденьком красноармейце. Парень мечтает попасть домой. Хорошо было бы, если бы осенью... Только вряд ли их к осени отпустят. Тревожно на душе у старика. Но Устениэ он не стал ничего говорить.

— Тебе бы, старая, тоже не грех научиться балакать по-русски,— сказал он, вернувшись из бани.— Это нетрудно. Слова только надо запомнить. Некоторые у них совсем как у нас.

— Это я уж сама заметила,— и Устениэ вздохнула.— Далече у Саши отец да мать. Знают ли хоть, где их сынок скитается?..

— Не будь тут всяких бандитов, он давно бы уже дома был, с отцом да матерью жил бы да невесту себе приглядывал.

— Дитя он еще. Куда ему невесту приглядывать?

— Не скажи. А сколько годков мне было, когда я сваху к тебе послал?

— Ох-ой! Да то в мирное время.

Ярассима и Устениэ погрузились в воспоминания, замолчали. Но молчание не казалось им тягостным. Далеко-далеко унеслись их мысли, во времена давно ушедшие и милые сердцу. Прошлое виделось им красивым, словно были в их молодости одни лишь праздники с играми да плясками, песнями да сказками. А ведь и в те времена случались и голодные годы, и нужда была, и болезни, и смерти. А как пойдешь, бывало, за лосем, сколько верст немереных отмахаешь по лесу на лыжах, пока сохатого добудешь. А работа — придешь и с ног валишься. Эх, молодость, молодость, как легка нога и как горяча кровь была в те годы... А впрочем, и старому человеку на этом свете жить неплохо. Глядишь, еще день прошел. Старики неторопливо похлебали свежей ухи, сходили в баню... Похлестаться мягким свежим веничком — одно блаженство. Попариться, потом посидеть на травке около бани, остудиться и опять попариться.

Когда старики пришли из бани, Саша уже ждал их в избе. Самовар пыхтел на столе, а рядом с ним лежала горсточка настоящего чая. Саша, наверно, последний свой чай принес. Парень он молодой, неопытный, по доброте душевной все отдаст, себе ничего не оставит. Устениэ пошептала боженьке, чтобы тот берег парня да помог скорей ему вернуться к родимой матушке и батюшке, потом стала ворчать на Сашу, отчитывать его, что в этом мире нельзя быть таким транжирой. Хотя парень и не понимал по-карельски, он догадался, за что хозяйка ворчит на него. Он засмеялся и побежал мыться.

Пару в бане было уже немного, но для Саши вполне достаточно. Он залез на полок, хорошо пропотел, потом выскочил на берег и бултыхнулся в воду. Далеко отплывать он не стал: из головы не выходила винтовка, которую он оставил в предбаннике. За годы службы он так привык к ней, держал всегда под рукой. В случае чего, и сейчас он успеет добежать до нее...

Озеро было спокойное, ласково светило солнце. Но ведь в природе спокойствие порой бывает обманчивым. Погода может перемениться...

Ярассима и Устениэ пили чай и ждали Сашу из бани.

Старик выглянул в окно, и сердце у него оборвалось.

К избе шел какой-то незнакомый человек. Невысокого роста, в плечах широкий. Одет по-карельски: сапоги, черный пиджак, картуз. Судя по виду, карел. Шел оглядываясь, словно искал кого-то. Шаг у него был неровный, спотыкающийся, как у пьяного...

— Ну, попались мы! — вырвалось у Ярассимы. Он уже не сомневался, что не с добром идет к ним этот гость.

— Кто же это? — Сердце у Устениэ тоже сжалось, она с тревогой взглянула на старика. — Кого же это бог послал?

— Не бог его послал, а черт принес! — буркнул Ярассима.

Человек вошел в избу, поздоровался по-карельски, даже перекрестился.

— Мир тебе, добрый человек! — ответил на приветствие гостя Ярассима.

— Мир, говоришь? — Гость покачнулся и тяжело, попьяному сел на лавку. — Где же этот мир, а? Я третий год ищу его и не нахожу.

— А ты разве не с миром пришел?

— Скоро ты, старик, узнаешь, с каким миром мы пришли! С таким миром, что... Красные в деревне есть?

— Есть, есть, — зашептал Ярассима. — Беги скорей. В деревне полно войска!

— Врешь, старик! Три солдата было. Двое ушли, один остался. Вот и все твое войско.

— Откуда нам знать? Бают, будто в каждой избе попрятались солдаты. И пушки у них, и пулеметы всякие.

— Поглядим, где они прячутся. — Пришелец заглянул в подполье. — Ну и пушек здесь, и пулеметов... Попался ты, старик. Чего врешь?

— Откуда нам знать? Люди говорят. А ты чей будешь, откуда?

— Я-то? — Человек вдруг протрезвел. — Вот увидишь в лесу волка, спроси, откуда он. У собаки есть дом, а у волка нет.

— А ты, часом, не оттуда... не с Тахкониеми?

— С чего это ты взял?

— Да... вот говорят о тебе.

— Кто?

— Народ, люди.

— Ну и что они говорят?

— Всякое... Люди всё знают.

— Так, так. Стало быть, всё знают. А ты, старик, слы-

хал, что тот, кто больше знает — меньше живет. Понял?

— Да я ведь...

— То-то. Так что ты ничего не знаешь. Я хочу вашу баню поглядеть.

— А-вой-вой! — воскликнула Устениэ. Ярассима сердито взглянул на нее, и она смолкла.

— Нечего тебе ходить в баню! — сказал Ярассима.— В нашей бане печь завалилась, сами в чужой моемся.

— Ну-ну,— пришелец похлопал старика по плечу.— Опять врешь. Из бани пар валит, а ты мне — печь завалилась...

Ярассима встал в дверях, но гость легко оттолкнул его и вышел.

— Убьет он Сашу! — заголосила Устениэ.— Убьет... У него леворверт под пиджаком.

Ярассима выхватил из-под лавки топор и... На берегу грохнул выстрел. Ярассима понял, что помочь парню уже не сможет. Затем раздалось еще несколько выстрелов.

Саша одевался, когда услыхал, что кто-то подходит к бане. Дверь выходила к озеру, шаги доносились со двора. Саша подумал, что это, наверное, бежит за ним Ярассима, но все же невольно схватился за винтовку. Но выйти не успел. В дверях выросла чья-то фигура... Саша поднял винтовку, но человек ногой выбил ее из рук; отлетев в сторону, она выстрелила. Мелькнуло чужое небритое лицо, злые глаза... Он метнулся за винтовкой, но его опередили. Бандит отбросил винтовку, подальше и, махнув револьвером, приказал по-русски:

— Выходи.

От злости, отчаяния и стыда Саша не помнил себя, но какая-то сила, какой-то инстинкт самосохранения заставил его подчиниться.

— Туда!

Бандит показал на амбар, за которым начинался ольшаник.

— Стой!

Саша обернулся, закусил губу. Позор, какой позор! Погибнуть вот так нелепо... Но умереть надо, как подобает красному бойцу. Нельзя показывать, что он боится смерти.

— Я готов!..— звонким, дрожащим голосом выкрикнул Саша.— Стреляй. Да здрав...

— Подожди, успеешь на тот свет,— сказал, усмехнувшись, бандит.— Ну-ка повернись.

— Стреляй... Я не боюсь.

Бандит улыбался. Странная улыбка была у этого человека, слишком добрая...

Он зажал между колен Сашину винтовку, высыпал на траву патроны.

— На! — разрядив винтовку, он швырнул ее парню.— Проваливай. Понял?

Саша оторопел. Лишь после того, как бандит выстрелил из револьвера в воздух, он очнулся и, подобрав винтовку, бросился в заросли ольшаника.

...Васселей сунул револьвер в кобуру, спрятанную под пиджаком, и сел на траву. Когда он увидел в предбаннике растерявшегося, испуганного парня, сердце его сжалось, подумалось вдруг, что парень совсем как их Рийко. Нет, конечно, он не похож на Рийко, просто одних лет с ним. И то, что он сделал потом, вышло как бы само собой...

В висках Васселея стучало. Хмель прошел, начиналось похмелье. Ночью из Финляндии пришли трое, принесли три тяжелых рюкзака продовольствия. Таккинен подозвал Васселея и дал ему бутылку самогона.

— Гостинец тебе,— засмеялся Таккинен.— Наверно, догадался от кого. Да, здорово она в тебя втюрилась. Но смотри — сразу не пей. Сходишь в деревню, потом выпьешь.

«Как бы не так!» — подумал Васселей и сразу пошел к Кириле, сидевшему у озерка.

— Выпьем!

— Слушай, Васселей. А кто она тебе, эта баба? Кайса-Мария, или как ее там? — спросил вдруг Кириля.

— А тебе что за дело? Послала нам водки — и ладно. Пей.

Кириля отпил глоток, поморщился, закашлялся.

— Тьфу! Гадость!

Закусив, Кириля спросил.

— Свою-то бабу ты, поди, менять на эту не собираешься? У тебя с ней было что?

— Не мели чепуху! — рявкнул Васселей.

— Ну, не сердись,— испугался Кириля.— Я ведь просто так...

— Вот что, Кириля,— продолжал Васселей,— ты в мои дела нос свой не суй! Ясно? Я сам не знаю, кто я и что я. Но на такое не пойду... Кроме Анни, мне никого не нужно.

— Да я просто так...

Васселей взял бутылку и выпил из горлышка.

— А Кайсе-Марии тоже несладко приходится...

Кириля больше пить не стал, и Васселею пришлось одному выпить чуть ли не всю бутылку. Потом он наполнил ее водой и утопил в болоте. Как ему хотелось утопить вместе с ней свои мысли, связанные с Кайсой-Марией... Он не хотел думать о ней и все-таки думал... «Да, ей тоже несладко приходится...»

Со стороны Тунгуды донеслось два выстрела. Васселей вздрогнул. Неужели подстрелили парня? Он поднялся и пошел к избе.

Ярассима и Устениэ видели, как бандит выстрелил в воздух, и Саша побежал к лесу.

— Правду молвил хозяин. Печь в бане обвалилась.— сказал Васселей.

— А он? Тот парень... Убежал? — спросил Ярассима, заикаясь.

— Кто?— Васселей разыграл недоумение. Потом буркнул сердито:— Чего ты мелешь? Там не было никакого парня. Ясно? Каменка обвалилась. Кто же там мог быть?

— Понимаю, понимаю.

— Поставьте самовар, приготовьте чай. Скоро к вам гости пожалуют,— сказал Васселей.

— Какие гости? Откуда? — спросил Ярассима шепотом.

— Мы-то? Мы — освободители Карелии! Вот почитай. Грамоту знаешь? Вот книжка. Называется «За свободу Карелии»,— Васселей бросил на лавку книжонку.

Ярассима взял ее, стал перелистывать. Пощупал бумагу. Слишком твердая — на закрутки не годится. Да и зачем она ему: он ведь курит трубку.

— У нас нечего уже освобождать. Прошлый год шли тут какие-то, тоже из Финляндии были, так от последнего барана нас освободили. Много всяких освободителей побывало! Одни уйдут, другие придут. И все освобождают: кто хлев от коровы, кто стол от самовара...

Васселей собрался уже уходить, но остановился.

— Говоришь, в прошлом году... В прошлом году тут проходили два финна с почтой. Из Тунгуды шли в Финляндию. Ты не знаешь, куда они делись?

— Да ведь... Нет, не знаю, не знаю.

— А может, вспомнишь?

— Откуда мне знать? Верно, были. Барашка зарезали. Чай пили. Потом говорят — перевези через озеро. Я перевез их. И они пошли. Больше ничего не знаю...

Васселей посмотрел на старика так пристально, что тот вздрогнул.

— Ладно,— сказал Васселей.— Так и запомни: ты ничего не знаешь. Откуда тебе знать? И все. И больше ни слова. Много знать будешь, жить мало останется.

Ярассима проводил гостя до крыльца. Васселей свернул за ригу и пошел в лес.

— Что же теперь будет-то? — запричитала Устениэ, когда старик вернулся в избу.

— Что будет? Гости будут.

— А кто они такие?

— Те самые... С того плота. Бандиты. А вот этот... не пойму я его.

— Чего он допытывался об тех... что шли с почтой?

— Сама слышала. Перевез я их, и они пошли. А я домой вернулся. Вот и все. Поняла?

— Не было у тебя ума. Чего ты избу на отшибе поставил? Вот все бандиты и идут к нам.

— Да сама же ты все пела: «Ах, миленький, как хорошо нам вдвоем...»

— Вдвоем, вдвоем... Чего стоишь? Беги на берег, спрячь сети. А то освободят нас и от них...

Пока Ярассима убирал сети, Устениэ спрятала посуду и одежду под пол, а рыбу снесла в хлев и схоронила там. Хотела самовар тоже куда-нибудь убрать подальше с чужих глаз, но передумала: нежданный гость видел его, да еще велел для других поставить...

Когда Васселей вернулся в лес, в их группе появился какой-то незнакомый человек, довольно молодой, статный и крепкий, с черной, аккуратно остриженной бородкой.

Таккинен набросился на Васселея:

— Герой! Нализался так, что с одним красным не мог справиться. Только шум в деревне поднял.

— Одним больше, одним меньше. Не все ли равно,— махнул рукой Васселей.— Другие тоже стреляли.

— Такие же мазилы, как и ты. А тот промчался на коне как ветер, только и видели... Что хозяин рассказал?

— Дрожит бедняга от страха. Всех боится — и красных, и нас...

Чернобородый вмешался в разговор:

— С красными старик в большой дружбе. Их он не боится.

— Спрашивал о связных. Ничего не знает,— докладывал Васселей.

— Врет! — заметил чернобородый.— Старик перевез их через озеро, а там их уже ждали. Одна шайка...

— А ты, верно, с ними был, раз все в точности знаешь? — не выдержал Васселей.

— Ну-ну, ты выбирай выражения,— нахмурился Левонен.— Он ведь наш человек.

— А что до тех связных...— Васселей посмотрел Таккинену прямо в глаза.— Мне лучше знать. Я был тогда здесь. Схватили их либо красноармейцы, либо милиция. Мужики тут ни при чем.

— Нет, это наши, деревенские, их... Я знаю,— уверял чернобородый.

Таккинен был расстроен. Красноармеец сбежал. По нему стреляли, подняли тревогу. Левонен настаивал на том, чтобы сходили к Ярассиме. Наконец Таккинен согласился. До Тунгуды отсюда далеко, так что можно попить у старика чай. Правда, он поставил условие: в деревню не ходить и у Ярассимы долго не задерживаться.

Васселей издали увидел, как в окне мелькнуло испуганное лицо хозяйки.

— Идут! Черт их несет! — крикнула Устениэ, отпрянув от окна.

Гости вошли в дом словно свои люди. Поздоровались, перекрестились. Дольше других задержался перед иконой Левонен. Кириля успел тем временем шепнуть Ярассиме: «Не бойся, своих родственников в обиду не дам».

— Так, значит, это ты, старик, для красных баню топишь? — спросил Таккинен, который из рассказа чернобородого знал, зачем красноармеец приходил к Ярассиме.

— Так народ-то какой теперь пошел, господин начальник? — не стал отрицать Ярассима.— В баню придут — не спросятся, из бани уйдут — спасибо не скажут.

Устениэ поставила на стол самовар, дождавшись, когда Левонен кончит молиться, вытерла руки фартуком и подошла поздороваться с ним.

— Гляди-ка ты, кто в гости пожаловал! Вот уж кого не ждала!

Левонена они давно знали. Сколько раз Ярассима был у него кучером, когда тот ездил в Финляндию. Старики поздоровались как старые добрые знакомые.

— А мы как раз тут с Устениэ говорили, кто только не бывает в гостях у нас. Ведь говорили, Устениэ? Вот и тебя принес... господь. Значит, и ты домой подался?

— Домой, да не домой,— ответил Левонен.— Скитаемся

мы, как собаки бездомные. Но скоро придем, по-настоящему, по-людски. Люди мы крещеные, по своей земле ходим.

— Просим за стол, крещеные,— предложил Ярассима.— Вы уж не обессудьте, угощать вас нечем.

— Неужели в этом доме ничего нет, кроме этой рыбешки? — удивился Таккинен.

— Нет у них ничего,— сказал Васселей.— Я все осмотрел.

Левонен сел на почетное место за столом.

— Иисус Христос пятью хлебами да двумя рыбами всех своих учеников насытил,— заметил он.

— Почему бы ему и не насытить их, коли он был такой богатый,— вздохнула Устениэ.

— Да и войны тогда не было,— поддержал Ярассима.

— Чем же вы сами живете? — удивился Таккинен.

— А чем карелы живут? Плачут да ругаются, не живут, а маются,— ответила Устениэ.

— До такой нищеты большевики довели Карелию,— объяснил Таккинен.

— Точно,— согласился Ярассима.— Беда с этими большевиками, да и только. Вечно к ним гости идут. Одних проводишь — других встречай. Вот и обеднел народ.

По знаку Таккинена Кириля выложил на стол хлеб, масло, сахар, свиное сало. Три тяжелых рюкзака, доставленных ночью из Финляндии, пополнили их запасы. Кириля показал глазами Ярассиме на стол: садись, мол, ешь, не стесняйся. Ярассима и не думал стесняться. Нарезав хлеба, он взял себе и Устениэ самые большие куски, взял сахару, потянулся было за салом, но Левонен отвел его руку:

— Не будь таким жадным, оставь другим.

— Дай ты бедному человеку хоть раз досыта поесть,— возразил Ярассима.— У тебя добра хватает, не обеднеешь. Помнишь, как мы возили в Финляндию тюлений жир и беличьи шкурки? Сколько тогда мы привезли оттуда муки, сахара да одежды! А лошади, какие у тебя были лошади!..

Левонен растрогался:

— Ушли те времена. Но ничего — вернутся еще. А пока... Вот мы и ходим-бродим по деревням, чтобы поднять народ. Иначе из нищеты не выберешься. Верь, Ярассима, мы еще поездим на возах, полных и муки, и сахара, и всякого добра.

— Дай бог, чтобы у всех это добро было.

— Да будет щедрым владыка небесный,— Левонен перекрестился.— Но все карелы должны пойти с нами.

— Куда же вы идете?

— Идем гнать большевиков. Свобода карел в руках самих карел. В твоих тоже.

— Мои руки стары и немощны,— вздохнул Ярассима.

В разговор вмешался Таккинен:

— Так за кого, хозяин, ты думаешь держаться? За нас или за большевиков?

— Да я... Я думаю держаться за свою Устениэ, больше ни за кого.

— Но-но,— строго сказал Левонен.— Сейчас не время шутить. Вот что ты скажи нам. В прошлом году тут проходили двое наших с почтой. Письма всякие несли. Кто невесте послал, кто жениху написал. Скажи, что с ними стало?

Ярассима взглянул на Васселея, словно прося поддержки.

— Говори, говори,— потребовал Васселей.

Чернобородый мужчина, до этого молча стоявший у окна, тоже вступил в разговор:

— Не бойся, Ярассима. Скажи все как было...

— Откуда мне все знать? — проговорил наконец Ярассима.— Помню — были. Сидели у меня, чай пили, как и вы. А потом...

— Что потом? — строго спросил Таккинен.

— Ну, попили чай, покурили... Потом говорят: вези нас через озеро. Почему бы и не перевезти гостей, коли они уходят? Перевез я их. Они пошли дальше, а я домой вернулся. Вот и все.

Левонен расстегнул пиджак, словно ему вдруг стало жарко. Из-под пояса брюк выглянула рукоятка нагана.

— Может, еще что вспомнишь?

— Больше ничего не было. Вот тебе крест.

— Не торопись креститься,— остановил чернобородый Ярассиму.

— Что вы привязались к старику? — заволновался Кириля.— Он правду говорит. Я верю ему.

— Не осеняй себя крестом понапрасну,— наставительно сказал Левонен.— Не поминай имя господне всуе. То грех великий, а за грехи господь карает нас.

Тогда Ярассима встал и назло Левонену перекрестился.

— Кто еще знал о них? — спросил чернобородый.

— Вся деревня знала.

— Ладно. Поверим. Фу, жарко стало.— Левонен повернулся к Таккинену и сказал:— Пойдем, немножко проветримся.

Они вышли на крыльцо.

— Что ты думаешь о старике? — спросил Таккинен.

— Умеет он и правду говорить,— ответил Левонен.

— Не понимаю.

— Да, умеет. Только красным — не нам.

— Тогда хватит разговаривать с ним. Заодно рассчитаемся и за тех двоих.

— Я беру старика на себя,— сказал Левонен.

— Может, ты его с собой возьмешь?

— Вот именно. Возьму. Он пойдет добровольцем. Жаль хозяюшку. Что с ней будет, когда красные дознаются, что муженек по своей воле пристал к нам...

— Старик предаст нас.

— Не успеет.— Левонен отечески похлопал Таккинена по плечу.— Позови его сюда и оставь нас вдвоем.

Когда Ярассима вышел, Левонен стоял на крыльце и, приставив к глазу какую-то длинную черную трубу, смотрел через нее на другой берег озера.

— Что это? — удивился Ярассима.

— Труба подзорная. Через трубу эту видно далеко-далеко. Погляди-ка, заяц. Сидит, ушами шевелит. Вот чертяка.

— Дай мне поглядеть.

— Погляди.

Левонен дал свою трубу Ярассиме.

— Ну и чудо! — воскликнул старик. Противоположный берег был совсем рядом. Зайца, правда, он не заметил, зато видел знакомые деревья, камни.

— А то место, где ты тех мужиков оставил, видишь?

— Вижу. Вон у той сосны.

— Ну хорошо, что видишь. Дай сюда, еще поломаешь.

Левонен спрятал подзорную трубу во внутренний карман пиджака. Когда он распахнул пиджак, Ярассима опять увидел черный, с потертым лаком наган, угрожающе торчавший из-под пояса брюк.

— Послушай, что я тебе скажу, так, по-свойски,— заговорил Левонен полушепотом.— Наш начальник, этот финн, крутой человек. Так ты ему не противься. Пойдешь с нами. Будешь проводником, дорогу будешь показывать. Ты же здесь каждую тропинку знаешь. От нас один человек пойдет с почтой. Так ты проведешь его до границы. Доведешь и вернешься к своей женушке. Вот и все.

— Так ведь...

— И вот еще что. Никто не должен знать, куда ты

идешь. Скажешь, мол, по своей доброй воле пошел с нами.

Ярассиму охватило смятение. Он понимал Левонена. На словах тот такой добрый, добрее быть не может, а на деле... Нет, Ярассима не поверил, что ему удастся так просто вернуться, но решил про себя, что он тоже не лыком шит. Вы хитры, а мы хитрее. Поглядим, кто кого проведет. До границы он не пойдет, постарается отбиться, потеряться в лесу и где-нибудь схорониться...

Стали собираться в путь-дорогу. Устениэ — в слезы.

— Ну чего ты ревешь? — успокаивал ее Левонен.— У нас у всех бабы одни дома, давно без мужей, а твой... Твой скоро вернется.

— Вернусь, вернусь,— утешал ее и Ярассима, а сам подмигивал.

Выйдя во двор, Васселей шепнул Кириле:

— Что-то тут нечисто. Вряд ли он добровольно идет...

— Он ненадолго. Скоро его отпустят,— заверил Кириля.

— От этой банды не так легко отвязаться. Если прыгнул в воду, так плыви. Иначе — крышка.

Чернобородый пошел в деревню — «поглядеть, что народ поделывает да подумывает», остальные гуськом потянулись через поле к лесу.

В лесу их ждал какой-то незнакомый Васселею человек в грязных холщовых портках, с берестяным кошелем и со старой, видавшей виды, облупившейся винтовкой. Таккинен и Левонен поздоровались с ним за руку, отошли в сторону и стали перешептываться.

— Вот уж кого не ждал. Откуда он взялся? — пробормотал удивленно Ярассима и тоже подошел к незнакомцу.— Чего ты загордился, даже здороваться не желаешь? Поди, целый год не видались?

— Ну, здорово, Ярассима! — Мужик с неохотой протянул старику руку.— Ты с нами? Хорошо!

— Иди, иди вперед,— поторапливал Левонен.

— Кто это? — спросил Васселей, поравнявшись с Ярассимой. Этого человека с кошелем он еще не встречал, не было его и в лагере Парвиайнена.

— Брат того чернобородого. Сын Луки Ехронена, мы уж думали, что он погиб где-то.

Незнакомец с кошелем пошел впереди, показывая дорогу. Шли все время по частым ольшаникам и труднопроходимым ельникам, обходя стороной открытые и поросшие редколесьем места. Наконец выбрались на большое топкое

болото, где там и сям росли корявые чахлые сосенки. Перебирались с кочки на кочку, опираясь на длинные жерди, дошли до густого ельника, темневшего подобно островку среди трясин и болот. Хотя никого не было видно, шедший впереди человек с кошелем негромко крикнул:

— С нами бог!

— Да даст вам бог здоровья,— раздалось в ответ из зарослей. Из-за деревьев показались люди, одетые так же пестро, как и вновь прибывшие: кто в английском кепи, кто в картузе, а у одного на голове была буденовка, правда, без звезды. Обувка тоже была самая разнообразная — от пьекс до бахил. Все были вооружены — кто револьвером, кто винтовкой, кто дробовиком.

Еще больше удивился Ярассима, когда вышли к большой избе, поставленной в густой чаще. Сколько раз бывал он в этих местах, а ему даже в голову не приходило, что тут совсем поблизости стоит настоящий дом. Срублена изба, видно, недавно: торцы желтоватых бревен прикрыты мхом, а стены — еловой корой. Изба была высокая, в ней можно стоять в полный рост. Вдоль стен сооружены широкие нары, застланные осокой. Окно застеклено, и около него стоял хорошо обструганный стол.

После того как перекусили с дороги, поделились новостями, Таккинен велел всем собраться на полянке возле избушки.

— Мы пришли сюда не отдыхать и не сказки рассказывать,— начал он, прокашлявшись. Полистав блокнотик, продолжил торжественно: — Карелы! Приближается исторический момент...

Таккинен умел говорить. Если Левонен в своих речах постоянно взывал к господу и особенно прочувствованно разглагольствовал о великих карелах и свободе Карелии, порой заставляя голос дрожать или, наоборот, возвышая его и наполняя гневом, то Таккинен редко вспоминал бога и говорил ровным голосом, по-деловому, скорее даже по-военному, сжато формулируя свои мысли.

— ...Финляндия допустила историческую ошибку, уступив добровольно Реболы и Пораярви русским.

— Слышишь? — шепнул Ярассима Васселею, стоявшему рядом с ним возле дерева.— Весь век свой ходил в Реболы и не знал, что они в Финляндии.

— Слушай,— усмехнулся Васселей.

— ...Карельское правительство не обладает ни территорией, ни властью. В Тарту большевики обещали предоста-

вить Карелии автономию. И они предоставили ей свою, большевистскую автономию. Дали власть тем, кто никогда ничего не имел, кто кормился за счет других. Большевики заберут у вас последнюю корову, а взамен не дадут ничего, ибо им нечего давать. Они уже ничего не обещают, только ублажают сладкими речами о том, как много будет хлеба при коммунизме и как много будет мяса в их больших общих котлах. Вот к нам пришел новый человек из деревни,— Таккинен показал на Ярассиму.— Скажи, у тебя корова есть? Нет. Обещали тебе большевики корову?

— Нет, коровы не обещали,— ответил Ярассима.— А нетель сулили уже этой осенью дать.

— Неужели? Так уж и обещали? — засмеялся Таккинен.— Ну, жди, жди. А еще что они тебе обещали? Деньги, отрез на костюм, шелка для твоей бабы? Говори.

— Больше ничего не обещали. Только нетель.

— И ты думаешь, что получишь?

— Уже не думаю.

— То-то! А почему ты не веришь в их посулы?

Ярассима ответил простодушно:

— Откуда им взять ее, коли вы пришли.

Все оглянулись на старика: кто с завистью, что ему обещана нетель, кто с удивлением — как он смеет такое говорить, кто с жалостью, понимая, что тому теперь несдобровать.

— Этот человек насквозь отравлен большевистской пропагандой,— заключил Таккинен и, больше не обращаясь к Ярассиме, начал рассказывать о каких-то неизвестных Степане Разине и Махно. «Зачем он о них?..» — морщился Левонен, но Таккинен ничего не замечал. А когда он сообщил, что Степана Разина казнили, Левонен тут же вставил, что туда ему и дорога, одним русссим меньше стало. Таккинен покраснел, но решил ничего не отвечать Левонену. Он перешел к истории Финляндии и начал доказывать, что языковая и географическая общность Карелии и Финляндии обусловливает вхождение Карелии в будущем в состав Финляндии. Левонен опять счел нужным вмешаться:

— Это уж пусть сами карелы решают, как им жить, одним или с Финляндией. Сперва надо прогнать русских и прочих большевиков. Дай-ка я скажу кое-что...

На этом и кончилась речь Таккинена. Он и сам сознавал — да и Левонен его просил об этом,— что о присоединении Карелии к Финляндии пока говорить не надо: народ

не поймет. Будет время — и это присоединение произойдет само собой, без долгих речей.

— Я вот о чем,— Левонен перешел на карельский язык.— Вот бродим мы, карелы, точно бездомные, вокруг своих же домов. А помните, как раньше иванов день праздновали? Сегодня же иванов день. Кадриль отплясывали, в гости ходили. Всего у людей полно было. А нынче не звенит кантеле, как раньше звенело, не поет народ о великих деяниях героев «Калевалы», ждет он этих деяний от нас с вами. Давайте помолимся.

Левонен долго молился. Всем хотелось поскорей лечь спать. Единственным, кто не собирался ложиться, был Ярассима. Когда Левонен кончил молиться, старик попросил отправить его сегодня же в путь: ночью легче идти, не жарко.

— Куда ты торопишься? — Левонен с удивлением взглянул на старика и чуть было не вздохнул.

— Да ведь,— улыбнулся Ярассима,— к Устениэ своей тороплюсь. Ты сказал, что доведу — и домой.

Таккинен поддержал старика:

— Он прав. Ночью идти безопасней.

— Куда вы его посылаете? — встревожился Васселей.

— Есть одно небольшое дело,— уклончиво ответил Таккинен и, отведя в сторону Пааволу, стал перешептываться с ним.

— Харчей в дорогу побольше дайте,— беспокоился Ярассима.

— Дадим, дадим,— успокоил его Левонен.

Ярассима попрощался с Левоненом, Кирилей и Васселеем, хотел подойти к Таккинену, но не стал, увидев, что тот даже Пааволе, уходившему с ним, не пожал на прощание руку.

Отправив Ярассиму и Пааволу в путь, Таккинен созвал пришедших с ним людей и, отведя в лес, стал давать последние инструкции:

— Надеюсь, вы все готовы? Каждый из вас знает, о чем надо говорить в деревнях. Каждый из вас имеет особое задание — о них я говорить не буду. Но помните: осторожность и еще раз осторожность. Нам дорог каждый человек. Дорог так же, как общее дело. Вопросы есть? Значит, все ясно. Тогда — спать, а утром — в путь.

С болота веяло ночной сыростью. Назойливо гудели комары. В избушке было тесно и комаров не было, но Васселей все равно не мог заснуть. Он лежал, дожидаясь ут-

ра. В дороге он отдохнет. Он будет один. Слава богу... Уходили все по двое. С ним должен был идти Паавола. Но его куда-то послали. Тем лучше. А то пришлось бы искать подходящий момент, чтобы уйти от него. Пришлось бы заводить его куда-нибудь в чащу, чтобы он не нашел оттуда дороги... Уже не раз Васселею приходила мысль уйти из этой компании. Сегодня вечером он твердо решил, что сделает это. Как и куда он пойдет — он и сам не знал. Рано или поздно он вернется к людям, к своим людям. Заживет мирной, человеческой жизнью. Пойдет ли он сейчас, сразу или потом, немного погодя,— там будет видно. Главное — уйти...

Где-то далеко в лесу раздался выстрел. Настолько слабый, что в избушке его услышали лишь Васселей и Левонен, который, оказывается, тоже не спал. Старик тихо слез с нар, опустился на колени перед иконой, висевшей в углу, и начал молиться. Васселей даже не очень удивился: то, что Левонен молится среди ночи, было делом обычным. А выстрел... Мало ли выстрелов теперь слышишь в лесу!

Васселей задремал. Проснулся он оттого, что кто-то открыл осторожно дверь и вошел в избушку. «Паавола?»

— Ты же ушел в Финляндию? — тихо спросил Васселей.

— Нет,— лениво ответил Паавола.— Старик пошагал один. Я с тобой.

— Подожди-ка,— Васселей встал и подошел к Пааволе.— Что ты сделал со стариком?

— Это не твое дело.

— Один пошел Ярассима, один,— с нар подал голос Левонен. Но Васселей уже не слышал его слов. Отступив назад, он ринулся на Пааволу и изо всех сил двинул его кулаком в челюсть. Тот отлетел в угол и разбудил всех.

— Проклятый лахтарь! — Васселей хотел снова броситься на Пааволу, но мужики схватили его за руки.

— Что случилось? Что? — испуганно спросил Кириля, проснувшийся позже других.

— Что? — взревел Васселей.— Ярассиму убили. Вот этот лахтарь убил. А этот, главный, велел. А вон тот бандит, что вечно богу молится, благословил. Молись, дьявол, за упокой своей души.

— Неужели ты еще пьян? — спокойно спросил Левонен. Нервы у него были железные.

Паавола поднялся с пола. Сплевывая кровь, он пробормотал:

— С этим сумасшедшим я не пойду никуда. Он мне в спину выстрелит.

— Обязательно! — закричал Васселей.— Только не в спину, а в лоб.

— Ну-ка, пустите меня! — приказал Таккинен и, выхватив маузер, пошел на Васселея. Он наверняка пристрелил бы его, не окажись перед ним Суоминена.

Суоминен был самым тихим человеком из людей Таккинена, настолько тихим, что его порой даже не замечали. В караул он уходил всегда вовремя и без напоминаний, все приказы выполнял беспрекословно, во время перехода безропотно тащил на себе тяжелую ношу. И, наверное, речь, которую он сказал сейчас, загородив дорогу своему командиру, была самой длинной его речью за все эти годы:

— Господин командующий, прежде чем вы выстрелите в Васселея, вам придется стрелять в меня. Тогда у вас сразу будет на два человека меньше, и в Финляндии этой вести не очень обрадуются...

Суоминен говорил ровным голосом, словно речь шла о каких-то обычных вещах. Но его слова подействовали на всех. В избушке стало тихо. Таккинен дрожащими руками застегивал кобуру. Васселей тоже чуть успокоился, и мужики отпустили его.

— Ложитесь спать! — приказал Таккинен.— А ты, Паавола, встанешь у дверей. Никого без моего разрешения не выпускать.

Таккинен и Левонен вышли во двор.

Кириля лежал рядом с Васселеем и тихо, так, что Васселей с трудом разбирал слова, ныл:

— Ярассиму убили... Родственника моего. Хорошего мужика. Он ведь хотел в мире со всеми жить. А я? Что со мной будет? Слушай! Я завтра уйду от них. Уйду и не вернусь больше. А ты как? Тебя они не отпустят?

— Мне все равно.

Таккинен и Левонен советовались, как им быть с Васселеем.

— Что же с ним делать? — Таккинен уже успокоился.— Его слишком хорошо знают в Финляндии...

— Это он спьяну.

— На задание его пускать нельзя.

— Почему? Проспится — и все будет в порядке.

— Не сбежит?

— Он не такой дурак. Большевики тоже его знают. Попади он к ним — сразу конец.

— Пожалуй, ты прав.
Левонен заметил, словно оправдываясь:
— Если бы за него не надо было отвечать там, в Финляндии, то, конечно... Выбора-то у нас нет.
— Так и договоримся,— решил Таккинен.— Может, ты пойдешь спать и пошлешь ко мне Суоминена? С ним у меня разговор короткий...
— Что значит эта ваша выходка? Потрудитесь объяснить,— накинулся он на солдата, когда тот пришел.
— Вы хотите, чтобы я повторил свои слова?
— А добавить вам нечего?
— Никак нет, господин главнокомандующий.
— Тогда я имею кое-что вам сказать. С карелами нам приходится ладить. С финнами все проще. Надеюсь, вам ясно?
— Так точно. Вы отдадите меня под суд?
— Я так и знал, что вы ничего не поняли,— зловеще усмехнулся Таккинен.— Здесь нет никакого суда. Суд — это я. Ясно?
— Так точно.
— Я освобождаю вас от несения караульной службы и впредь до моего распоряжения запрещаю вам покидать лагерь. Можете идти.
Вернувшись в избу, Таккинен подошел к Васселею.
— Слушай, Вилхо,— заговорил он примирительно.— Ты бывалый солдат и знаешь, что за такие вещи отдают под военно-полевой суд. Но давай кончим это дело миром. Забудем его. Но с одним условием: чтобы такого больше не было.
— Мне нелегко забыть это,— ответил Васселей.

Утром группы одна за другой ушли на задание. Суоминен не пошел. Ему даже не разрешили выходить из избы. И хотя он всегда на любое распоряжение отвечал «так точно», на этот раз ничего не сказал. Более того, он нарушил приказ и самовольно вышел на улицу. А когда хватились, то его нигде не нашли. Никто из часовых не видел, когда и как Суоминен сумел покинуть лагерь. На мшистом болоте следы исчезают быстро.

НАЯВУ И ВО СНЕ

Левонен и Таккинен провожали уходивших на задание. Васселею тоже пришлось пожать им руки. «Ладно,— подумал он.— Здороваться с ними все равно больше

не придется». Уходя из лагеря, Васселей невольно оглянулся, затем торопливо, большими прыжками с кочки на кочку, от дерева к дереву, перебрался через болото и, выйдя на сухое место, залег за деревом и стал наблюдать, не идет ли кто за ним следом. Нет, никого не было видно. Успокоившись, он двинулся дальше. Идти было легко — еды с собой он взял немного, а винтовку сменил на револьвер. Кроме того, были у него топор и нож. Вот и все его снаряжение. На душе было приятно от мысли, что навсегда распрощался с этой компанией. А вот Суоминен! Такого Васселей не ожидал. Суоминена он знал давно: во время похода Малма он и Паавола жили у них в доме. Уже тогда Суоминен казался совсем другим, ежели Паавола. Тогда Васселей объяснял все мягкостью характера... А теперь?

Васселей шел быстрым шагом. Будь с ним напарник, так, наверное, пришлось бы, бедняге, попотеть, чтобы не отстать. Он рад, что Паавола не пошел с ним. Нелегко было бы от него отделаться. Пожалуй, пришлось бы его убрать. Не одна человеческая жизнь уже на совести Васселея, и Пааволу он тоже не стал бы жалеть.

«Куда я так спешу?» — удивился Васселей. За ним никто не гнался — ни свои ни чужие... Впрочем, какая разница между теми и другими? Кто свой, кто чужой? Ему одинаково опасны люди с ружьями, будь то белые или красные, финны или русские, а сам он... Сам он не хотел быть опасным никому. Он готов хоть сейчас швырнуть ко всем чертям свой револьвер... «Швырнуть?» И Васселей лишь усмехнулся этой нелепой мысли. Спрятанный под пиджаком револьвер похлопывал его по боку, словно, посмеиваясь, уговаривал бросить эти глупые мысли. «Нет, брат, от меня ты не отвяжешься»,— казалось, говорил он. Васселею почему-то вспомнился Боби Сивен. Когда после подписания договора в Тарту Финляндии пришлось возвратить Реболы Советской России, Боби Сивен снял финский флаг с крыши своей управы, а затем застрелился. Таккинен рассказывал, что пулю, вынутую из груди Сивена, какое-то карельское общество вшило в свое знамя. «Пуля самоубийцы в знамени!» — усмехнулся Васселей.

И все-таки на душе у него было легко и радостно, он давно не помнил такого чувства раскованности. Год тому назад, когда он шел по этим местам, ему казалось, что впереди бежит страшная черная тень. С тех пор образ пожилого красноармейца с кровоточащей раной на груди по-

стоянно преследовал его. Теперь он думал, что совесть его стала чище, что у него есть будущее. Он увидит Анни, мать, отца, сына... Он еще не знает, как и когда это случится, но верит, что это обязательно будет...

Налево между деревьями заголубело лесное озерко. Выйдя на берег, Васселей спрятался в кустах. Он разглядел торчавший неподалеку в тальнике посеревший шест, установленный на крестовине из жердей. Это сооружение для сушки сетей, и, видимо, где-то рядом должна быть рыбачья избушка. Так и есть, вон она, стоит среди такого густого леса, что не сразу и заметишь. Подобравшись поближе, Васселей продолжал наблюдать. Трава возле избушки не примята, даже кострище так заросло, что наверняка огонь здесь не разводили уже года два, а то и три. Дверь избушки, висевшая на сделанных из ивовых прутьев петлях, сразу же рухнула, как только Васселей прикоснулся к ней. Пол застлан высохшим, совсем побелевшим камышом. На сучке, торчащем из стены, висела берестяная коробочка с солью. Рядом в щели нашлись спички, возле каменки лежала сухая растопка.

Крючки и леска были у Васселея с собой. Добыв из-под коры засохшей сосны жирных белых личинок, он нашел на берегу удобное место и забросил удочку. Сразу же клюнуло. На крючок попался приличный окунь. Потом он вытянул второго, третьего. Скоро у него было достаточно рыбы, чтобы и поесть и взять с собой в дорогу.

После сытной, наваристой ухи приятно было растянуться на пахучих березовых ветках, настланных толстым слоем на полу избушки. По-домашнему уютно тлели в каменке угли. Занявшись приготовлением обеда, Васселей не заметил, как небо затянуло тучами и по пластинам еловой коры, которыми была крыта избушка, застучал дождь. Крыша была сделана на совесть и не протекала. Так что пусть себе моросит... Под дождь лучше спится. Васселей решил выспаться. Если бы дом был поближе, можно было бы обосноваться здесь и подождать, как и что получится в этом мире. Наверное, в конце-то концов утихомирятся люди. Интересно, как бы все сложилось, если бы он, Васселей, после поправки вернулся в свой полк. На чьей стороне был бы их полк? Ведь когда его ранило, в полку шел разброд. Васселей храбро сражался за веру, царя и отечество. Потом столь же решительно махнул рукой на царя и на веру тоже и, подчиняясь приказу Керенского воевать до победного конца, сражался за отечество, хотя сог-

ласен был с лозунгами большевиков: «Долой войну!», «Землю — крестьянам, заводы — рабочим!», «Вся власть Советам!» И все-таки где бы он был теперь, если б вернулся в свой полк? Пожалуй, он пошел бы с большевиками. Многие его товарищи, боевые друзья были большевиками. Это люди честные и скромные, смелые и прямые. Служил бы Васселей в Красной Армии, как и его Рийко. Только, наверное, недолго. Увидел бы, как всякая голытьба вроде шалопая Миитрея властью пользуется и людей невинных убивает,— ушел бы от них. И никто бы его не удержал, даже родной брат. Отнимать у людей последний кусок хлеба он бы тоже не смог, если бы даже попал в продотряд. А эти, белые, лучше, что ли? Не одного Ярассиму они убили. За три года Васселей всего навидался. Просто смерть Ярассимы стала последней каплей. При мысли о старике сердце его опалило ненавистью, и он пожалел, что, уходя, не пристрелил хотя бы Левонена. А надо было бы шлепнуть этого богомола. Сколько людей, против которых Васселей не имел зла, погибло от его руки за эти военные годы... А пристрелив Левонена, он сделал бы доброе дело. Из красных надо бы Миитрея... Одного белого и одного красного хотелось Васселею отправить еще на тот свет. А потом белые и красные пусть себе разбираются и выясняют свои отношения, как им нравится...

Шел дождь, тихо шумели ели, добродушно рассказывая что-то свое, лесное и таинственное. В избушке было сухо и тепло. Мягкие, свежие березовые ветки своим запахом напоминали о бане.

Васселей спал долго. Проснувшись, полежал, ожидая, что снова уснет, но так и не уснул. Тогда он вышел на берег. Светило закатное солнце. Неужели он проспал целые сутки? Наверное, сутки, потому что очень хотелось есть. А спать он лег, плотно пообедав. Васселей наловил немного свежей рыбы. Клевало хорошо, и можно было ловить сколько душе угодно. Но ему не хотелось лишать жизни даже рыб. Зачем ему лишнее?

Поужинав, он опять лег.

Вдруг его охватила тревога. Не может же он весь свой век оставаться здесь. А вдруг сюда кто-то придет? Надо быть готовым скрыться в любой момент. Васселей поднялся, высыпал соль из солонки в свой мешочек и убрал его в рюкзак... Но, подумав, опять достал. Не одному ему нужна соль. Сюда могут прийти люди. Пусть это будут рыбаки или солдаты, белые или красные, всем нужна соль.

Он отсыпал половину обратно в берестяную коробочку и повесил ее на видном месте.

В теплой и уютной избушке, при красноватом свете горячих углей, спокойное мерцание которых напоминало о камельке родного дома, совсем не хотелось думать ни о чем тревожном, хотелось вспоминать о доме, о родной деревне.

Жизнь человеческая точно карельское лето, короткое и переменчивое. Летом бывают и жаркие дни и облачные. Случается, озеро разойдется, рассвирепеет, но, побушевав, снова успокаивается. И пусть людская злоба пылает сейчас огнем, погаснет и она со временем, и поймут люди, что любовь прекраснее, чем ненависть. Тогда и он, Васселей, сможет жить спокойно, будет ловить рыбу, ходить на охоту, корчевать вместе с Рийко лес под новое поле. А вечером они с братом, оба потные после тяжелого трудового дня, заберутся на полок в бане, поддадут пару и будут посмеиваться: «Ну-ка, поглядим, у какого солдата спина крепче, у белого или красного?» А какой будет жизнь маленького Пекки? Он, поди совсем позабыл отца...

...Анни улыбалась смущенно, как она улыбалась много лет назад на посиделках, когда Васселей впервые подсел к ней. Тогда он решил, что эта девушка станет его женой, и никто не должен опередить его. Отец и мать сперва были против: семья Анни считалась бедной и не могла дать в приданое даже корову. Но Васселей настоял на своем: ведь он будет сватать не корову, а Анни. Пришлось родителям уступить. И ничего, неплохо они потом ладили с Анни. Она оказалась послушной и работящей невесткой. Мать Васселея, правда, любит командовать, спуску никому не дает — ни невесткам, ни сыновьям, ни старику, ни своему богу, но ко всем она справедлива. И в работе сама никому не уступит — за ней только поспевай. Бывает, и своему боженьке, который не может выполнить всех ее поручений, сердито буркнет: «Висишь тут без толку. Уж лучше я сама сделаю...»

Васселей улыбнулся, вспомнив, как в дом Анни пришли сваты и как отец невесты, с большим трудом скрывая свою радость, долго раздумывал, почесывая затылок. Уж такой обычай: нельзя сразу соглашаться.

— Да вот не знаю.... — сказал он наконец.— Растили мы ее как умели, а теперь вот отдавай первому встречному. Однако не дадим.

Это было сказано столь решительно, что старик сам испугался, как бы сваты не приняли его отказ всерьез и не

ушли. Но сваты не собирались уходить. Они знали, что не отец невесты эти слова им говорит, а так издавна заведено в деревне.

Анни едва не рассмеялась, когда сваты стали расхваливать, какая у Онтиппы лошадь, сколько у него коров и земли, какие в его доме сани и лодки, сколько всякого добра в амбаре,— и ни слова о женихе. Обычай-то требовал, чтобы и о женихе были сказаны добрые слова, но о нем сваты просто забыли.

Потом родственники жениха и невесты ушли в чужой дом на другой край деревни держать совет, или, как говорится, «на думу». Думать им было уже не о чем, просто тянули время, словно давая понять, что вопрос еще не решен, отдавать Анни или нет.

А как торжественно их с Анни везли в лодке посуху, с берега до самых ворот.

Убаюканный воспоминаниями, Васселей погрузился в сладостную дрему...

Как бы крепко ни спал он, жизнь научила его всегда быть настороже, и стоило послышаться малейшему шороху, как он просыпался. Васселей вскочил и схватил револьвер. Может быть, показалось? Прислушался. Опять что-то зашуршало. Кто-то ходил около избушки.

Открыв дверь, успел увидеть, как лосиха, высоко закинув голову, скрылась в кустах. Лосенок, стоявший возле матери, растерялся, потом побежал следом за ней. Но укрыться он не успел. Васселей выстрелил, и лосенок упал на колени, потом повалился на бок, и его тонкие ноги заскребли копытами мох. Выстрелом в голову Васселей добил лосенка, и тот затих.

«Теперь мяса хватит надолго!» — обрадовался Васселей, как всякий охотник. Но тут ему показалось, словно кто-то глядит на него. Васселей знал, что лосиха может броситься спасать своего детеныша. И будь лосенок еще жив, она, наверное, кинулась бы на Васселея. Но тот был мертв, и она только смотрела большими глазами, полными ужаса и боли, на человека с револьвером в руке, словно говорила ему: «Зачем стрелял? Убей и меня. Ты — зверь». Но Васселей стрелять больше не мог. Дрожащей рукой он сунул револьвер в кобуру. «Зачем ты попался мне, глупенький? Разве ты не знал, что я зверь?» — подумал он с сожалением: ведь еда-то у него была — рыбы же много...

Лосиха медленно удалилась в лес. Васселей проводил ее виноватым взглядом.

Да, всегда он вот так... Сперва сделает, а после жалеет... Ему вспомнился один такой, связанный с охотой на лося, случай, который он никак не мог забыть.

В деревне тогда стояли солдаты Малма, и Васселей с отцом прятались от них в тайге. Анни часто навещала их. Как-то, уже оправившись от болезни, Васселей убил верстах в десяти от их таежной избушки огромного лося. Отнес часть мяса в избушку и, захватив с собой Анни, пошел за остальным. У Анни был большой кошель. Васселей заполнил его до отказа. Такую ношу не всякий мужчина осилит. Анни шла и покачивалась. Потом вдруг говорит: «Не могу». «Надо»,— сказал Васселей: он и сам, хотя после болезни чувствовал слабость, тащил огромный кошель, едва шел. Анни заплакала, а он рассердился, выругал ее последними словами. И вдруг до него дошло, какой же он зверь. Бросил оба кошеля с мясом на землю и повел выбившуюся из сил жену домой. Он готов был нести ее на руках, но она шла сама, он только поддерживал ее. На следующий день он сам сходил за мясом. Пошел один, хотя Анни и просила взять ее с собой. Неужели он мог быть таким безжалостным к жене? И был. Бывал и нежным, бывал и жестоким. Тогда все можно было объяснить жадностью. Но ведь он не был жадным, и даже тогда, хотя самим нечего было есть, он раздал мясо людям, бесплатно отдал. Нет, жадным Васселей никогда не был. Он мог отдать другому свою последнюю рубаху.

Анни хорошо знала своего мужа и многое прощала ему.

Васселей вернулся в избушку, лег на свежие березовые ветки и, думая об Анни, заснул.

...И Анни пришла к нему. Почему-то она была в своем свадебном наряде, только теперь показалась еще красивее... А глаза у нее печальные-печальные. Она даже не вошла в избушку. Васселей зовет ее, а она не идет, стоит во дворе. Он хочет подняться и не может, ноги не слушаются...

— Васселей, где ты? — спрашивает Анни, хотя видит его.— Сколько лет я жду тебя. Все плачу и жду.

— Анни, я иду! Я иду домой!

— Нет, не домой ты идешь,— плачет Анни.— Вспомни, много ли хорошего у нас с тобой было в жизни? Мало, да и то ушло, улетело на крыльях лебедушки в осеннюю непогодушку.

Из лесу выходит Пекка, цепляется за материнский подол и тянет ее, тянет.

— Иди ко мне, сынок, иди,— зовет Васселей, а мальчик не слышит. В страхе глядит на бородатого чужого дядю, отца родного не признает.

Потом из чащи выходит лосиха и начинает рогами выталкивать Анни и Пекку с полянки. Анни не хочет уходить, но лосиха прогоняет ее.

Потом мама идет с водой. Она несет на коромысле два огромных ушата. Идет и ворчит на Васселея:

— Все валяешься да шатаешься без дела. Сено косить некому, птицу добывать некому...

— Иду, мама, иду...

Васселей опять пытается встать, чтобы помочь матери, и не может двинуться с места.

Отец сидит в избе у печи.

— Помоги, отец, подняться,— просит Васселей.

— Нету у меня силы поднять тебя,— печально говорит отец.

— Помнишь, я однажды провалился в болото? Ты вытащил меня.

— Тогда ты маленький был. Теперь сам выбирайся из болота.

Как ни старался Васселей, а подняться не смог. Отец подал ему руку, Васселей тянется, а дотянуться до нее не может.

И тогда он услышал злорадный смех: Левонен стоит у двери и хохочет.

— Сволочь! Бандит! Врешь... я поднимусь, поднимусь... — кричит Васселей и... просыпается.

— Даже во сне этот бандит не дает покоя,— проворчал он.

Сумбурные, запутанные, страшные, как и сама жизнь, сны лишили Васселея покоя. Он больше не мог оставаться в этой тихой избушке. Начал готовиться в путь: развел огонь и стал жарить лосятину. На это ушла вся соль, которую он собирался взять с собой. Пришлось снять со стены берестяную солонку. Но Васселей забрал не всю соль: оставил немного и для других. Ведь сюда могут придти люди. Не такой уж он законченный негодяй, чтобы нарушать таежный закон. Завернет путник в избушку — и увидит, что до него здесь побывал хороший человек. Васселей подвесил рядом с солонкой порядочный кусок жареного мяса и начал складывать рюкзак.

Шкуру и требуху лосенка он утопил в болоте. Перед избушкой остались сгустки засохшей крови. Пусть остается, пока дождь не смоет, решил Васселей. Ведь не только здесь он оставил кровавый след...

Через два дня к избушке, в которой ночевал Васселей, подошли два путника.

Так как Пааволу нельзя было посылать на задание в паре с Васселеем, Таккинен дал ему особое поручение: добраться до указанного пункта и доставить главнокомандующему прапорщика Хоккинена. Прапорщик Хоккинен, или Мийтрей, как его называли прежде, должен был доложить командованию о готовности карельского народа к вооруженному выступлению на самом севере.

Хотя Паавола все еще был в чине капрала и выполнял лишь роль провожатого, все же по отношению к Мийтрею он, по старой привычке, вел себя как начальник. В глубине души он презирал этого скороспелого прапорщика. Паавола привык и воевать и убивать в открытую, как подобает солдату, и считал, что не дело настоящего мужчины пакостить исподтишка. Он считал, что так ведут себя только продажные шкуры, которые могут предать кого угодно.

Он ненавидел Мийтрея еще и потому, что тот своими грязными делами сумел добиться звания прапорщика, а он, Паавола, отправившийся в третий поход в Карелию, участвовавший во многих боях и считавшийся по праву любимцем главнокомандующего, до сих пор ходит в капралах. Поэтому, когда они с Мийтреем вышли к таежному озерку и увидели рядом с вешалами для сетей рыбачью избушку, Паавола остался в зарослях и приказал Мийтрею:

— Сходи-ка погляди, что там. Я подожду здесь.

Мийтрей рассердился. Какое право имеет капрал приказывать прапорщику? Но все же пошел.

— Иди, иди,— шептал про себя Паавола.— Не дорого стоит твоя шкура, чтобы из-за нее так осторожничать.

Приблизившись к избушке, Мийтрей заметил, что дверь прикреплена петлями, сделанными из свежих прутьев. Затаив дыхание, он застыл за деревом. Но вокруг все было тихо, и он успокоился. Если бы в избушке были люди, они бы оставили кого-нибудь в карауле.

Мийтрей подкрался к избушке, прижался к стене и стал слушать. Потом набрался храбрости и чуть приотворил дверь. Внутри никого не оказалось, но кто-то побывал здесь совсем недавно: пол застлан свежими березовыми вет-

ками... Мийтрей заметил кусок мяса и берестяную коробку с солью. Схватив их, бросился обратно и тут увидел такое, от чего у него перехватило дыхание, и он, объятый ужасом, побежал к Пааволе.

— Там... вся трава... в крови,— с трудом выговорил он.— Там... убивали.

— Кто? Красные?

Но Мийтрей уже бежал по лесу. Паавола помчался следом.

На бегу Мийтрей рассказывал, задыхаясь:

— Тут полно рюссей. Я у них мясо унес, из-под носа утащил...

— Зря утащил. Они теперь поднимут тревогу.

— На! — Мийтрей сунул Пааволе свою добычу.— Отнеси обратно, если духу хватит.

Они бежали долго, прежде чем остановились перевести дыхание. Забившись под большую ель, подкрепились украденным мясом.

Таккинен и Левонен ждали Мийтрея в потайной избушке, о существовании которой знали очень немногие, и обсуждали сложившееся положение. До сих пор они возлагали надежды на то, что в России все было спокойно. Западные державы начали прощупывать почву, чтобы установить с Советами дипломатические отношения. Правда, страна испытывала нужду, голод, но жизнь постепенно налаживалась. Чем дальше, тем труднее будет поднять народ Карелии на восстание. Благоприятный момент был именно теперь еще и по той причине, что после мирного договора, заключенного в Тарту, Советское правительство отозвало из Карелии часть своих войск и на первых порах не могло оказать серьезного сопротивления мятежу. Была также надежда и на то, что, как только здесь начнется восстание, Финляндия поможет оружием, продовольствием, добровольцами... Если же отложить начало выступления, то людям, отсиживающимся в лесах, скоро нечего будет есть, и им придется вернуться в Финляндию, так ничего и не сделав.

Конечно, Мийтрею, добравшемуся наконец до места их встречи, Таккинен не стал говорить об этом. Наоборот, он внушал, что скоро наступит время браться за оружие, собирать силы и быть готовым к выступлению.

В своем докладе начальству Мийтрей не преминул рассказать о страшном злодеянии большевиков, очевидцем которого он стал на пути сюда. Уж тут-то он дал волю

своей фантазии. Он рассказал, что большевики приводят своих жертв к дальней избушке, убивают и хоронят в болоте. Видимо, в тот момент, когда они — Мийтрей и Паавола — случайно набрели на эту избушку, красные ушли в деревню за новыми жертвами. Ему, Мийтрею, удалось утащить у красных часть продовольственных запасов. Не умолчал он и о том, как постыдно и трусливо вел себя капрал Паавола, побоявшийся даже подойти к месту казни.

Мийтрея поблагодарили за доставленные сведения и храбрость, снабдили новыми инструкциями и отправили в обратный путь, снова заверив, что настанет тот час, когда его имя занесут в историю Карелии.

Вернувшись в лагерь, Левонен и Таккинен созвали собрание, на котором Левонен, не называя имени «очевидца», красочно описал новое злодеяние красных. Таккинен говорил только о военных делах, сообщил, что с севера пришли хорошие известия: народ там готов к вооруженной борьбе с большевиками, ждет лишь сигнала к выступлению; скоро поднимется вся Карелия...

После собрания Таккинен заперся с Левоненом в своей каморке, отгороженной от остальной избы. Он разложил карту и показал, что маршрут Васселея должен был проходить через те места, где стоит эта страшная избушка. Прошло много дней, а Васселей в пункт назначения не явился. По-видимому, он попался в лапы красным и его казнили.

— Мне тоже пришла такая мысль,— согласился Левонен.— Я же говорил, что он не может сдаться красным и предать нас.

Как бы там ни было, но Таккинен решил вычеркнуть имя Вилхо Тахконена из списка своих людей. Сделал он это с искренним сожалением:

— Жаль. Нам нужны именно такие борцы.

Переливаясь в лучах летнего солнца, весело поплескивала Чирка-Кемь. Берег поднимался крутым откосом, выше начинался ровный ягельник. Пахло смолой, хвоей и дымом костра. Комаров на открытом месте не было — слишком много тут ветра и солнца.

Под кручей у реки немолодая женщина полоскала белье, развешивая его на кустах. Толстое бревно, неторопливо плывшее по слабому течению, ткнулось о камень, на котором стояла женщина.

— Ну, здравствуй, здравствуй,— улыбнулась женщи-

на.— Чего стоишь? Поздоровался и плыви себе дальше. У тебя своя дорога...

Но бревно не хотело уплывать. Пришлось женщине взять в руки багор и показать, куда ему следует плыть. Бревно нехотя отчалило от берега и медленно, важно, как подобает такому большому бревну, заскользило дальше. Женщина проводила его улыбкой. Она улыбалась всему — и яркому солнцу, и легкому, напоенному смолянистым ароматом ветру, и реке, размеренно поплескивающей о берег. Потом легко поднялась по откосу наверх, где горел костер.

Она подоспела как раз в тот момент, когда пламя под котлом разгорелось слишком сильно и уха грозила вот-вот сбежать через край. Женщина отодвинула котел чуть в сторону, где пламя было меньше, взяла ложку, попробовала уху.

Готова!

— Мужики! Обеда-а-ать! — крикнула она.

— Да-а-а-ать! — отозвалось над рекой.

Набрав полные легкие воздуха, женщина крикнула еще громче, и на другом берегу эхо ответило ей.

— Дети! Мама зове-е-ет!

— Ве-е-ет! — повторило эхо.

Вскоре к костру подошли двое мужчин. В дети женщине они явно не годились. Один из них, сутуловатый, с сединой на висках, был даже старше поварихи. Второй, высокий и стройный, моложе года на два, не больше. Но женщина не напрасно назвалась мамой. Она заботилась о них как мать о детях. Ей приходилось следить и за тем, чтобы мыли руки, не забывали побриться и чтобы одежда у них была в порядке.

Старший из мужчин взглянул на котел и воскликнул:

— Ай да ушица! Будто жена варила.

Сплавщики сели за стол.

— А тут что? — Младший заметил под столом лукошко.— Ягоды! Мавра! Это ты набрала?

— Зайка серенький бежал и ягод насобирал,— засмеялась Мавра.— После ухи попробуете.

— Ну и молодец ты, Мавра! — похвалил старший.— Не будь я женатый, обязательно посватался бы. Пошла бы за меня?

— Да ну? Что же ты, Степана, взял не меня, а другую?

— Я тоже все время о нашей Мавре думаю,— заметил младший.

— Признавайся, Мавра, кто из нас тебе милее, Микки или я? — спросил Степана, дуя на ложку.

— Сама не знаю,— посетовала Мавра.— Целыми днями сижу и голову ломаю, кто из вас мне милее?

— Я постарше и уж если обниму, так обниму,— Степана положил ложку на стол и встал, чтобы показать, как он обнимает. Но едва он успел опустить руку на шею женщины, как земля словно выскользнула у него из-под ног и он очутился на мху, пытаясь защитить руками лицо, по которому Мавра, заливаясь смехом, хлестала мокрой тряпкой.

— Не бойся, маленький,— уговаривала Мавра.— Мамочка только глазки протрет.

Микки смеялся.

— Вот видишь. А молодой — другое дело,— похвалился он.— Вот как надо обнимать...

И в ту же секунду тоже оказался на земле.

— Ну, кто еще хочет пообниматься? Да я же слезами изойдусь, от печали изведусь. Два таких молодца, и ни один не желает меня обнять.

— Пусть леший обнимает,— ответил Микки.

Наконец Мавра позволила соперникам подняться:

— За стол, женихи, уха стынет.

Сплавщики принялись за уху. Степана взял хлеб, хотел нарезать его, но, подумав, сказал:

— Уха и так добрая. Пусть хлеб на ужин останется.

Ни сплавщики, ни Мавра не видели, что за ними из-за деревьев наблюдает незнакомый человек и тоже беззвучно смеется.

Когда за столом наступила тишина, Васселей вышел из-за дерева:

— Здравствуйте, люди добрые!

Сидевшие за столом вздрогнули и переглянулись.

— Не бойтесь,— улыбнулся Васселей.— Обнимать вашу мамашу я не буду. Я видел, что из этого получается.

— Милости просим,— и на правах старшего Степана подвинулся, освобождая место за столом.

— Откуда и куда путь держишь? — полюбопытствовал Микки.

— «Откуда и куда»! Закудахтал,— заворчала Мавра.— Дай человеку дух перевести. Садись за стол, гость.

Васселей невольно провел ладонью по давно не бритой щеке и огорченно подумал, что к людям являться следовало бы в более человеческом виде.

— Издалека, братцы, я иду,— начал рассказывать Васселей.— Из Кеми. Работал я там на железной дороге. И вот решил податься домой.

— Правильно,— промолвил Степана, приглядываясь к гостю.— Нынче и поближе можно заработать на жизнь.

— Как у вас на сплаве? — спросил гость.— Как заработок, харчи?

— И заработать можно, и с голоду не помираем,— ответил Микки.— Конечно, как сыр в масле не катаемся, но ждем лучшего.

— От кого?

— От кого?— удивился Степана.— От Советской власти.

— Ну конечно, от кого же еще ждать,— согласился Васселей.— Жизнь, стало быть, налаживается? Слушайте, а меня вы не возьмете в свою артель? Я только схожу домой, отдохну чуток и приду к вам. Я вижу — вы неплохо живете.

Микки внимательно всматривался в гостя. Незнакомец говорил на диалекте здешних деревень, просился к ним в артель. Казалось бы, чего тут подозрительного. И все-таки что-то настораживало в нем...

— Возьмем, возьмем,— ответила Мавра.— Работники нам нужны.

— Давненько я не брал в руки багра,— вздохнул Васселей.— А хорошо было раньше на сплаве.

— Да и сейчас неплохо,— сказал Степана.— Только время такое... По лесам всякие бандиты шатаются. А как там в Кеми?

— Там-то? Там все спокойно... Послушайте, у вас курева не найдется? Я вам лосятины дам.

Васселей развернул рюкзак и положил на стол большой кусок мяса. Степана дал ему полпачки махорки и попробовал мяса.

— Хорошее мясо. Совсем свежее. Уж не в Кеми ли ты его добыл?

— В Кеми лоси не бегают. В лесу я его подстрелил.

— Как? Ружья-то у тебя нет...

Васселей не ответил. Наступило неловкое молчание. И тогда Васселей неожиданно для себя спросил:

— Скажите, вы не слышали о Миккитове Мийтрее? Он родом из Тахкониеми.

— Погоди, погоди,— поднялся Микки.— А сам ты из какой деревни?

— Я из-под Кантокки. Свой я... А что?

— Врешь,— зло сказал Микки.— Ты не из-под Контокки. И не свой ты. Ты тоже из Тахкониеми.

— А разве в Тахкониеми живут не свои? — Васселей положил ложку на стол.

— Свои, да не все. Ты Васселей, не свой.

И Микки потянулся за топором, лежавшим за скамьей.

— То-то я гляжу,— Степана тоже вскочил,— вроде он на сына Онтиппы похож. Что у тебя под полой? Покажи.

Не успели мужики схватить топоры, как Васселей вытащил револьвер.

— Стреляй, стреляй! — закричала Мавра.— Немало ты уж невинных душ погубил. Мы-то тебя как своего...

— Ни с места! — предупредил Васселей.— Я шутить не буду. Понятно?

Он схватил рюкзак и, не сводя револьвера с сидевших за столом сплавщиков, начал пятиться к лесу.

— Я не хотел вам ничего плохого... Вы же свои люди. Я пришел к вам по-хорошему... А вы?

— Свои... Знаем, знаем. Поглядел бы ты на себя, на кого ты похож стал... А говоришь — свои,— укоризненно сказала Мавра.

— Каков есть, таков есть. Эх, вы... Надо же мне жить как-то. Но учтите: если кто из вас сейчас встанет, то я за себя не ручаюсь. Прощайте.

— Иди, иди своей дорогой,— поморщился Степана, словно с отвращением отмахнулся от чего-то.

— Своей дорогой? Эх, была бы у меня своя дорога...

Васселей круто повернулся и, не оглядываясь, бросился в лес. Как только он скрылся из виду, сплавщики побежали в деревню, чтобы сообщить об опасном преступнике.

«...Вот тебе и свои!» Васселей сунул револьвер в кобуру. И на этот раз он спас его. Видно, лучше полагаться на оружие, чем на людей. Значит, так его встречают люди. Васселею приказано поднимать народ. Как их поднимать, коли они сразу за топоры хватаются. А если возьмут не топоры, а что-нибудь похуже, скажем винтовки? Он-то представлял себе: вот придет к людям, они поймут его, пожалеют. Пожалели! Видно, суждено ему за всеми радостями жизни наблюдать вот так, из-за дерева. Думалось, судьба нарочно показала ему, как весело живут люди, и тут же уверила: «Это все не для тебя, потому что ты несешь...» От одной мысли о том, что он несет людям,

Васселею стало знобко. С каким отвращением, неприязнью смотрели на него сплавщики, узнав, кто он! Не дали даже ничего объяснить. Да и что объяснять? Своими делами он уже сказал все. Зачем он им, если даже и явится с повинной? Он так же нужен людям, как лесу это упавшее дерево, на котором он сидит.

Сломленный жизнью человек сидел на стволе сломанной бурей сосны. Если бы в тот момент Васселея настигли красные, он вряд ли стал бы сопротивляться. Или... Впрочем, кто знает. Ведь и сам иногда не предполагаешь того, что сделаешь в следующую минуту...

Васселей чувствовал страшную усталость. Он еще ни разу так не выбивался из сил. Он закурил. Потом поднялся, залез под густую ель, лег и сразу уснул.

Проснувшись, спросил себя: «А что же дальше?»

Впереди опять тайга, болота, реки, скалы, ламбы. Места эти уже были знакомы, и Васселей не пользовался картой и компасом. К полудню он вышел к деревне Вааракюля, откуда была родом Анни. Здесь ее прежний дом, здесь жили теща и тесть Васселея. До Тахкониеми оставалось всего пятнадцать верст. Но Тахкониеми — деревня не маленькая, стоит на водном пути. Там мог быть красноармейский пост. И конечно, всех жителей уже предупредили, что, если появится кто-то чужой, пусть сообщат. В деревне Вааракюля всего десяток изб. Вряд ли здесь могли быть солдаты или милиция.

Васселей лежал на опушке леса, наблюдая за всем, что происходило в деревне. На озере купались ребятишки, женщины были заняты своими домашними делами. Начало темнеть. Когда деревня уснула, Васселей подкрался к чьей-то риге, постоял за ней и, убедившись, что его никто не видит, добежал до избушки тестя. Наверное, в деревне не было избы беднее, чем эта. Низкая дверь вела в узкие сени, через которые можно было попасть в небольшую горницу. Правда, в конце сеней был устроен закуток без окна, который в шутку называли светелкой. Вот и все помещения этой избы. Не было даже хозяйственного двора: к сеням пристроен сооруженный из вбитых в землю жердей, обложенный дерном сарай, заменяющий хлев. Впрочем, в этом хлеву не всегда была корова. Но сейчас там какая-то скотина стояла. Может, теленок, а может, и нетель. Васселей улыбнулся, вспомнив один случай... Было это во время похода Малма. Как-то финны заглянули и в эту за-

холустную деревеньку. Кажется, пришли за мясом или маслом. Стали требовать у тестя. Тот объясняет, что, мол, нет у них коровы, есть... как это... а сам забыл, как будет по-фински телка. Сказал по-карельски. Финны не поняли. «Ну, как ее... Такая корова, которая уже не теленок, но еще не корова,— объясняет старик.— Вроде как корова-девушка». Финны рассмеялись и телку не тронули, хотя у соседей теленка забрали.

Дверь в избушке тестя никогда не запирали. Приходи в любое время, входи не стучась. Но Васселей все же постучал пальцем в окно и опять спрятался за угол. На стук никто не отозвался. Он постучал еще, громче. В избе кто-то поднялся, и на крыльцо вышла теща в нижней сорочке, с распущенными волосами.

— Кто?

— Я,— шепнул Васселей.— Зять твой.

— Господи! Сгинь, нечистый,— перекрестилась старуха.

Но это было не приведение. Из-за угла вышел Васселей и обнял тещу.

— А-вой-вой. Не верится, что это ты...

Теща, словно слепая, пощупала рукой лицо, плечи Васселея. Потом тихонько, полушепотом запричитала:

— Зять пришел в гости, а в избу звать нельзя. Дети несмышленые. Всей деревне разболтают.

— Тесть-то дома?

— Нет, в лесу на покосе. Как же быть нам? Знаешь ли хоть ты, миленький, что ждут тебя не дождутся?

— Дома, что ли?

— Ох и недобрую встречу тебе готовят. Каждый день приходят с ружьями, все спрашивают, не вернулся ли ты и где прячешься. Знают, что где-то близко ты ходишь. Откуда идешь-то?

— Издалека.

— Иди в хлев. Подожди там. Я оденусь.

Корова тихо замычала, думая, что пришла хозяйка. Васселей нащупал в темноте ее холку, погладил.

— Выходи,— послышался шепот тещи.— До утра пробудешь в бане.

Вытирая сапоги о траву, Васселей поинтересовался, уж не та ли это корова-девушка.

— Уже не девушка,— ответила теща.— Настоящая корова. Без нее бы ребятишки поумирали с голоду.

Теща принесла в баню тарелку холодных окуней и миску молока. Васселей достал кусок лосятины.

— Дома-то все живы-здоровы,— рассказывала теща.— Лошадь есть, корова тоже, рыбу ловят, живут.

— Красные, стало быть, не отобрали у них из-за меня ни лошадь, ни корову?

— Как им взять-то? Брат твой в Красной Армии.

— Рийко жив?

— Жив-здоров. В Кеми он. Весной домой наведывался. Сама его видела. Веселый. Шинель хорошая, ремни — и так и сяк, сапоги новые, а шапка-то с шишечкой и со звездой красной.

— Вот бы встретиться!

— Нельзя вам встречаться,— вздохнула теща.— А ты как теперь думаешь жить?

— Надо своих повидать.

— Нет, нет! Что ты! Ищут тебя. Лучше, если я позову сюда Анни. Если все придут, сразу догадаются, что к тебе.

— А если Анни придет — не догадаются?

— Об этом я позабочусь.

Баня была не самым надежным убежищем, и на рассвете теща, отправившись проверить сети, велела Васселею лечь на дно лодки и перевезла на другой берег. Узенькая тропка привела их к заброшенной полуразвалившейся мельнице, стоявшей в полуверсте от берега.

...Едва успев переступить порог дома Онтиппы и торопливо перекрестившись, Окахвиэ протараторила, глядя на одну Анни:

— А мама-то твоя так заболела, так захворала. Совсем плоха стала. Ох, старость, старость! Живешь и не знаешь, когда господь призовет... Ох-хой, мне надо бежать...

Анни чуть было не закричала. Но по голосу Окахвиэ, по той торопливости, с какой она выложила принесенное ею известие, по тому, как она быстро попрощалась и ушла, она догадалась, зачем приходила соседка. Маланиэ, сперва напугавшаяся и бросившаяся к иконе, тоже поняла, что навестить «больную мать» должна одна Анни... Она стояла перед иконой и не знала, что ей делать: то ли благодарить бога за милость, то ли отчитать его за такую неосторожность.

Два дня и две ночи провела Анни на старой мельнице, стены которой заросли плесенью, а двор травой. Когда она просыпалась на рассвете от щебета птиц, ей казалось, что птицы облюбовали лес вокруг мельницы, как самое тихое место в мире, где можно беззаботно заливаться на все голоса. Васселей спал и дышал во сне ровно и спокойно,

словно ему не угрожала никакая опасность. Его не могли разбудить ни птицы своим щебетанием, ни Анни, гладившая его волосы. Может быть, он и не спал, а просто делал вид, что спит, и представлял себе, что все это лишь чудесный сон. За эти два дня Васселей словно помолодел: сбрил бороду, помылся, одежда на нем тоже была выстиранная и даже отглаженная. Лишь глубокие складки, залегшие возле рта, на лбу, на щеках нельзя было разгладить, и невозможно было смыть седину, пробившуюся на висках.

Они прожили эти два дня и две ночи так, словно у них опять наступил медовый месяц. Они старались забыть окружающий беспокойный мир. Но забыть его было невозможно, и у Анни то и дело вырывалось: «Васселей, Васселей! Три года были мы опять в разлуке, а встретились и прячемся, будто что-то недоброе сделали...»

Васселей рассказал о своем сне. О том, как Анни стояла пред ним, молодая, красивая, а в избушку не вошла. «Все жду да плачу, плачу да жду»,— сказала Анни тогда, во сне Васселея. Эти же слова она повторила и теперь, наяву. Она тоже сказала, что часто видит его во сне и даже во сне плачет. И не потому, что нет его с ней,— она же понимает: время нынче такое, что многим пришлось разлучиться,— а потому, что мужа ее называют... У Анни язык не повернулся сказать, как называют Васселея, и он сказал сам: «Бандитом...»

— Ведь ты же не такой, я знаю,— говорила Анни.

— Какой есть, такой уж есть. Хотел я вернуться к людям, с миром шел...

Анни рассказывала о Пекке. Она говорила, а Васселей смотрел ей в глаза, большие и чистые, по которым всегда видишь, что у нее на душе, и пытался представить, как выглядит сын. Мальчик все спрашивает, где папа. Очень любит строить, мастерить. Все делает из дощечек дом, построит, разберет и опять строит. Дом, говорит, строю, чтобы нам с папой было где жить.

Еще тяжелее Васселею было думать о Рийко. Брат приезжал, ходил на могилу Олексея, а о Васселее ничего не спросил. Будто не было у него среднего брата...

Анни сидела рядом с мужем, осторожно касаясь его волос. Что ждет Васселея, что будет с ним? Сколько она ни спрашивала, Васселей толком ничего не ответил. Уверял все: будет мир на земле и они с Анни опять заживут вместе.

— Когда это будет?

— Когда? Вот кончится война, кончится зло...— И все у нас с тобой хорошо будет...

— Сам-то ты веришь, что мы еще?.. — и Анни уткнулась, плача, в плечо мужа.

— Верю. Надо верить, Анни. Если не верить, тогда и жить не стоит.

— Ладно, я буду верить,— сказала Анни.

Васселей приоткрыл глаза.

— Спи, еще рано.

Но Васселей не хотел больше спать. Он обнял жену, привлек ее к себе, прислушался. Возле мельницы что-то хрустнуло. Действительность, от которой так трудно было оторваться, заставила Васселея опять схватить проклятый револьвер...

— Васселей, Анни, вы еще здесь?

Это был голос матери Анни.

— Ну как вы тут? Никто вас не видел?

— Никто,— ответила Анни.— Нам тут хорошо.

— Да нельзя вам здесь оставаться... — На глазах у матери были слезы.— Вся деревня знает, что ты пришла навестить больную мать. Люди ко мне приходят, а я такая больная, ничего не могу... Лежу с мокрой тряпкой на лбу и охаю. А уйдут люди — я опять здорова.

Мать Анни улыбнулась сквозь слезы.

— Болей так и дальше,— посоветовала Анни.

— Неужто не понимаешь? Дочь приехала к больной матери. А где она, дочь-то? Люди интересуются. О Васселее тоже спрашивают, не видала ли. Говорят, где-то поблизости шатается. Ищут его.

— Кто?

— А вот послушайте,— и она перешла на шепот.— Болеть-то я болею, а ночью езжу сети смотреть. Еду и сегодня с озера, уже к дому повернула и вижу: от Тахкониеми лодка плывет. В ней три мужика, один гребет, другой правит, а третий, в шинели да с винтовкой, посередине сидит. Я сразу сюда, лодку в кустах спрятала, гляжу. А они по деревне пошли, в один дом заглянули, в другой... Как к нашей избе направились, я бегом к вам...

— Уходить надо,— вздохнул Васселей.

— Куда ты пойдешь?

— Куда? У меня одно место... Не могу я жить среди своего народа.

— Васселей! Возьми меня с собой. Возьми,— бросилась к нему Анни.— Что бы с тобой ни случилось, хочу рядом быть, чтобы защитить тебя.

— Рехнулась! — испугалась мать.

— Что ты мелешь, Анни? — рассердился и Васселей.— Взял бы я тебя, на руках бы нес хоть на край света... Но куда я тебя возьму? К бандитам?

Васселей быстро собрался и ушел. Лес тут же словно сомкнулся за ним, приняв изгнанника, которого родной народ не признавал своим.

Анни с матерью задержались на мельнице: решили на всякий случай хоть немного прибрать там. Но сделать это было так же трудно, как попытаться забыть то, что было здесь, на мельнице. На полу лежала груда свежих березовых веток. Их можно спрятать, сжечь, но на прежнее место их не вернешь, и на березах долго будут заметны сучья, обломанные безжалостной рукой. Не сразу поднимется и трава, по которой прошли. А человек — не былинка, ему подняться еще труднее.

Прибрав на мельнице, женщины собирались уже уходить, как ворвались трое вооруженных людей. Два красноармейца и милиционер.

— Где Васселей?— Милиционер бросился прямо к Анни.

— Не видали мы его,— простонала мать и, схватившись за голову, села на ларь.

Милиционер осмотрел кошель Анни. Нашел мясо, оставленное Васселеем.

— Такое, как он у сплавщиков оставил,— заметил милиционер.

— Берите, берите,— предложила старуха.

— Мы не за ним пришли. Есть дела важнее... Говори, Васселей был здесь? — потребовал милиционер.

— Был! Был! — вызывающе выкрикнула Анни.— Был, да сплыл. Можете арестовать меня. Я была с ним.

— Давно ушел?

— Давно ли? Ой как давно! Кажется, будто опять три года прошло.

— Куда пошел?

— Кабы знала, следом побежала бы...

— Что он тут делал? Что говорил?

— А ты не знаешь? — улыбнулась Анни.— Ну раз не знаешь, так я скажу. Вот расстанься со своей бабой, поживи с ней врозь три года, а потом повстречайся — будешь знать, что тогда делают и говорят.

Милиционер с досады плюнул.

— Забирай меня, я ведь все сказала,— снова вызывающе крикнула Анни.

— Убирайся отсюда! Нужна ты нам...

Выйдя во двор, красноармейцы остановились в нерешительности: от мельницы на юг и на восток начиналась глухая тайга, в которой маленькие деревушки лежали верстах в пятидесяти друг от друга и в которой найти человека было труднее, чем иголку в стогу сена.

Двое суток шел Васселей по глухой тайге, прежде чем добрался до деревни Совтуниеми. Пришлось ему идти опять по дороге, с которой он хотел сойти... Совтуниеми была конечным пунктом его маршрута. Там он должен был разыскать Маркке, того самого столяра, с которым неожиданно встретился в Финляндии.

Совтуниеми стояла на берегу широкой реки. Красноармейцев в деревне не было, но милиционер, правда, есть. Оказалось, что в то время, как Васселей бродит по тайге, Маркке спокойно живет дома и чувствует себя настолько уверенно, что даже гостя не стал прятать. Он встретил Васселея радушно: как-никак, а знакомы уже давно. Да к тому же Васселей герой, о котором писали газеты, пришел как связной от Таккинена. Маркке даже баню истопил для гостя.

— Люди есть. Оружия маловато,— докладывал Маркке. Верных людей у него оказалось пятнадцать человек. Часть скрывалась в лесу, часть жила в деревне. Но Маркке заверил, что его группа готова действовать и, как только будет приказ, они перекроют пути на восток.— Нет, собрания тебе проводить не стоит,— решил Маркке,— в деревне к посторонним людям относятся настороженно. Тебя, конечно, знают, но знают о тебе и еще кое-что... Я сам проводил собрания и еще проведу. Так будет лучше. Столяр в деревне — фигура! Ему доверяют.

Васселей отдохнул в Совтуниеми целые сутки, собирался еще задержаться, но вечером Маркке пришел встревоженный и сказал, что его ищут.

— Уходить надо немедленно...

И Васселей снова зашагал по таежным дебрям да болотам. Припасы, которыми снабдил его Маркке, кончились, и питаться пришлось рыбой, которую удавалось наловить в пути. Соли у него не было. Он утешал себя мыслью, что соль и мясо найдет в избушке, где не так давно останавливался. Но ни соли, ни мяса там не оказалось: не он один сюда заглядывает...

До расположения отряда оставалось верст десять, как вдруг Васселея окликнули: «Стой!» Он оглянулся. Крас-

ных было человек пять... Раздался выстрел. Васселей в ответ тоже выстрелил, не целясь, как бы предупреждая своих преследователей о том, что торопиться им особенно не следует, и бросился бежать. Бежал он зигзагами, спасаясь от пуль, которые свистели то справа, то слева. Свист пуль почему-то напоминал ему посвистывание охотника, зовущего свою собаку. Добравшись до чащи, он побежал прямо, напролом. Он уже решил, что преследователи отстали или сбились с его следа, но тут снова загремели выстрелы. «Упорные ребята»,— подумал он с уважением и выстрелил в ответ из револьвера, советуя держаться от него подальше. Он бежал изо всех сил, но внутренне был совершенно спокоен, хладнокровен. Такое ему не впервые. И если на этот раз не повезет, так что ж — ведь рано или поздно это должно случиться. Он даже усмехнулся, подумав: «Бедная Анни. Она-то хотела защитить меня...»

Впереди открылось знакомое болото, посередине которого на острове находился отряд. Васселей ни в коем случае не должен был идти сейчас прямо через болото. Было приказано: сам погибай, но место расположения не выдавай. Мелькнула злорадная мысль: взять да назло всем привести за собой красных... И он направился прямо через болото. Но... как всегда: задумал одно, сделал другое. Не успели преследователи заметить, куда побежал Васселей, как он лег в болотную жижу, укрывшись за кочкой. Красноармейцы выбежали к краю болота и остановились в растерянности, решив, наверное, что через эту топь все равно никому не пройти, а если кто-то и попытался бы это сделать, они бы его увидели. Тогда красные разделились на две группы и пошли в обход с двух сторон.

Васселей долго лежал в болоте. Выжидал. Одежда его насквозь пропиталась болотной жижей. Больше всего было жалко костюм: Анни так старалась — постирала, привела его в порядок...

— Стой! — раздался оклик, когда Васселей вышел к островку. По сердцу словно резануло: это был Паавола.— Пароль?

Васселей ответил самым грязным ругательством, какое он только знал.

— А говорили, будто ты убит? — в голосе Пааволы послышалось разочарование.

— Собирались они убить меня, да вспомнили, что я с тобой еще не рассчитался.

— Так ты что, драться со мной опять собираешься?

— В другой раз подеремся,— ответил Васселей.— Сейчас я устал как собака. За мной гнались.

— За красными мы наблюдаем. Они до тебя не доберутся. За себя — не ручаюсь.

— А я ручаюсь, что еще доберусь до тебя,— и Васселей снова выругался.

— Ладно, иди, иди, а то опять сцепимся.

Васселею больше всех обрадовался Кириля. Он сказал, что тоже был на задании, и уныло добавил шепотом:

— Обещал я тебе, что не вернусь, а пришлось... Не мог я остаться в деревне. Побоялся.

— Кого? — Васселей усмехнулся.— Нас ведь всюду хорошо встречают.

— Это ты привел красных? — спросил Кириля.— Нам велено было огонь не открывать.

— Я, конечно,— Васселей опять усмехнулся.— Такой уж я невезучий. Иду сюда, а следом беда, иду домой — две беды за мной.

Таккинен встретил Васселея сердито:

— Паавола доложил, что ты полез прямо через болото, хотя за тобой шли красные.

— Паавола, как всегда, врет. Я пошел прямо, но красных я перехитрил. Это видно и по моей одежде.

— Да, да, конечно,— смягчился Таккинен и пожал руку.— Значит, жив и здоров? Отлично. А мы уже думали... Как там дела?

Васселей передал Таккинену пакет от Маркке.

— Дайте мне поесть и отдохнуть,— попросил Васселей.

— Разумеется, разумеется,— Таккинен был доволен сведениями.

Подошел Левонен, поздоровался как со старым другом. Перекрестился: человек-то вернулся чуть ли не с того света. Спросил:

— Скажи хоть в двух словах, как там народ. Готов ли подняться?

— Готов,— заверил Васселей.— На одном сплавном участке уже начал было подниматься... Даже не верилось.

— Правда? — Левонен улыбнулся.

— Сами увидите — когда время придет.

— Разве я не говорил!— Левонен с довольным видом поглаживал свою бороду.— Вилхо Тахконен не подведет... Идика, Васселей, поешь хорошо, отоспись. Ты теперь у своих.

Васселей усмехнулся: да, эти опять стали ему своими, потому что те, другие, его не признали...

МИЛИЦИОНЕР КАЛЕХМАЙНЕН

Суоминен понимал, что суд в отряде вершит Таккинен, и знал, как тот воспользуется своим правом судьи.

Но Таккинен допустил два просчета в отношении Суоминена: он не думал, что этот несмелый человек решится на побег, тем более что бежать-то ему некуда, и, во-вторых, он был уверен, что караульные никого не выпустят из лагеря.

Однако Суоминен решился, Кириля, сменивший Паавола на посту, выпустил его из избушки, взяв лишь слово, что тот его не выдаст, если попадется.

Суоминен перешел болото не по проложенному маршруту, а выбрал путь более трудный и опасный. Местами преодолевал топь чуть ли не вплавь, и поэтому, когда добрался до сухого места, до чащи, ему пришлось долго приводить себя в порядок, ибо вид у него был настолько страшный, что первый попавшийся, наверное, пристрелил бы такое страшилище. Суоминен был человеком аккуратным, всегда следившим за собой. Он и теперь постирал в лесном озерке свой мундир, высушил его на солнце и привел в такой порядок, что мог вполне встать в строй, не опасаясь получить замечание самого придирчивого командира. Вещей у него было немного: винтовка, патроны, бритвенный прибор. Еще захватил он с собой свои документы, которые положил в кепи и донес сухими.

Куда же идти? Суоминен задумался. В одном Таккинен был прав: на родину, в Финляндию, он вернуться не мог. Но был другой путь. Таккинену и в голову не пришло, что он выберет именно его.

Ни карты, ни компаса у Суоминена не было, и хотя он принимал участие уже в четвертом походе по Карелии, места ему были незнакомы. Он должен был найти в глухой, бесконечной тайге небольшую речку, названия которой не помнил. На той речке — в низовье, то ли в верховье — была деревня. Как она называлась? Суоминен вспомнил, что эта была какая-то «лампи», не то Хауталампи, не то Нотколампи. В деревне этой он никогда не бывал, но однажды слышал, как Таккинен говорил, что в этой самой «лампи», в крайней избе вниз по реке, живет милиционер-финн по фамилии Калехмайнен и что, когда наступит благоприятный момент, надо будет «заглянуть ненадолго в гости к милиционеру». Из родных мест Суоминена в восемнадцатом в Россию сбежал красногвардеец Калехмай-

нен. Суоминен не был уверен, что это тот самый человек, решил попытать счастья и найти его.

Несколько дней блуждал по тайге, прежде чем добрался до этой деревни. Было около полуночи, когда он осторожно подошел к крайней избе.

Дернув за веревочку, прикрепленную изнутри к щеколде, попытался открыть дверь, но дверь была на запоре. Тогда он постучался. На первый стук никто не ответил. Постучал снова, сильнее. Послышались шаги, сонный голос спросил по-русски, потом по-фински:

— Кто там? Кто?

— Дело есть,— шепнул Суоминен и облегченно вздохнул: он узнал голос.

Милиционеру голос стучавшего ночного гостя тоже показался знакомым, но спросонья он не вспомнил, кто бы это мог быть. Главное, что знакомый. И он спокойно открыл дверь.

На крыльце стоял финский солдат с винтовкой в руке. Калехмайнен хотел было броситься в избу за оружием, но солдат остановил его:

— Не стоит искать. Если стрелять хочешь, на — стреляй.— И он протянул ошеломленному милиционеру свою винтовку.

— Ты кто?

— Не узнаешь? Суоминен.

— Но ты ведь...

— ...лахтарь. Но все равно впусти меня.

Они вошли в избу. Впереди милиционер в нижнем белье, с винтовкой в руке, следом Суоминен.

Калехмайнен начал неторопливо зажигать коптилку. Он долго возился. Наконец зажег.

— Что, дождь идет?

— Кажется, нет.

Посидели молча. Потом Калехмайнен спросил:

— Ну ты в самом деле сдаваться пришел или как?

— Если договоримся... — улыбнулся Суоминен.

— Пожалуй, поздно уже нам переговоры вести,— заметил Калехмайнен.— Я вот...

Судя по виду Калехмайнена, он был в затруднительном положении.

— Что, не хочешь меня брать? — спросил Суоминен.

— Взять-то придется, куда же деваться, но... Утром меня одно дело ждет. Уж лучше бы ты пошел в Кевятсаари. Там ребята посвободнее, нашли бы тебе конвоира.

— Слушай, будь добр, дай что-нибудь поесть. Четыре дня я ничего не ел. По тайге шел.

Калехмайнен недоверчиво взглянул на чисто выбритый подбородок и мундир Суоминена. Но поесть дал. С жадностью уплетая хлеб и запивая его холодным чаем, Суоминен посоветовал милиционеру отправить его одного в Кевятсаари.

— Только дай какую-нибудь бумажку. И винтовку верни — вдруг понадобится.

— Можно, конечно, сделать и так, но...— Калехмайнен помолчал.— Ребята там не все знают финский. Пока ты им растолкуешь, пройдет много времени. Так что, пожалуй, поведу я тебя. Так и договоримся. Только сперва поспим. Что же я хотел еще спросить? Да. Ты свое решение хорошо обдумал? Или, может, мне не спать, а караулить всю ночь?

— Как хочешь. Обратного хода у меня нет. А ты знаешь, что ты и твоя избушка у Таккинена занесены в особый список? Лучше переберись куда-нибудь.

Суоминен на лавку прилег.

— Подумывал я перебраться, да все некогда. Ты, конечно, понимаешь, что тебе придется рассказать все, что ты знаешь, как положено. Но это успеется. Утром поговорим. Или, может, есть что-то срочное?

— Да вроде нет. О завоевании Карелии там идет речь.

— Старая история.— Калехмайнен зевнул, задул лампу и лег в кровать. В постели он закурил, молча попыхивал цигаркой. Потом сказал: — Да, хороший был человек... Это я об отце твоем. Я даже удивлялся, как это сын оказался у белых. Хотя ты учился в господской школе, но все-таки... Заставили они тебя, что ли?

— Нет. Сам пошел. По убеждению. Когда был у Малма в отряде, я искренне верил, что идем освобождать карел.

— Да ну? А какое убеждение тебя сюда привело и заставило меня поднять среди ночи?

— То же самое убеждение, если на него поглядеть с другой стороны. Хочешь, расскажу? Все равно придется все рассказывать.

— Давай. Только начни с восемнадцатого года. Что до того было, я знаю. Отец хотел, чтобы ты выучился, вышел в господа.

— Да, гимназию я окончил. Весь наш выпуск вступил в белую гвардию. И я тоже вступил без особых колебаний.

Даже наоборот... Родина, свобода, братья-соплеменники.... Помнишь, конечно, все эти речи...

В восемнадцатом году Суоминен поссорился с отцом, и пути их разошлись: сын оказался в белой гвардии, отец, рабочий каменоломни, вступил в Красную. По-видимому, именно из-за отца Суоминена не послали на фронт воевать с красногвардейцами, а отправили с экспедиционным отрядом Малма в Карелию. Тогда у Суоминена и появились первые сомнения: карелы встретили их не как освободителей, а, напротив, изрядно поколошматив, выгнали обратно в Финляндию. Осенью того же года отец все еще был в концлагере. По просьбе сына его выпустили, но вышел он из лагеря чуть живой и через две недели умер. Суоминен остался служить в армии. В девятнадцатом его снова отправили в поход, на этот раз в Олонец, но прежней убежденности, горячности в нем уже не было. Однако пойти пришлось. Слава богу, живым выбрался. Зимой двадцатого года его снова послали в Карелию — в «армию» Ухтинского правительства. Да еще назначили начальником обоза с продовольствием. Пошел он скрепя сердце, но по дороге ему все так осточертело, что он решил бежать. Подумал, авось под суд не отдадут, если он, гражданин Финляндии, дезертирует из армии чужого правительства. И действительно, за дезертирство его и не судили. Судили за другое. Из продовольствия, которое вез обоз, до места назначения дошла лишь половина. Виновных искать не стали, свалили всю вину на него. И вкатили ему на полную катушку, даже больше дали, чем по этой статье полагалось...

В последний поход Суоминена идти никто особенно не принуждал. Просто ему сказали, что есть возможность освободиться из тюрьмы. К солдатской жизни он привык, к тюремной — не успел. Солдат все-таки солдат, а не арестант. Но, наверное, уже тогда, когда он предпочел решетку службе в отряде Таккинена, в нем подспудно затеплилась мысль о повороте, который он теперь сделал. А может, она появилась позже. Сам Суоминен не знал этого точно и врать не хотел. Но как бы там ни было, свой выбор он сделал и не жалел об этом...

Этой ночью, которую Суоминен провел на широкой лавке убогой избушки в карельской деревне, он во сне опять побывал у себя на родине. Ему приснилось, что он и его товарищи-гимназисты катаются на лодке. «Куда я ни гляну, всюду леса и озера кругом...» — поют они. А на берегу стоит Тууликки, машет им, просит взять ее

в лодку. Тууликки... Улыбается она только ему, Суоминену. У нее самая красивая на свете улыбка. Отец еще жив. Он лукаво подмигивает. То ли намекает: мол Тууликки — девушка что надо, то ли хочет сказать: давай, сын, позабудем нашу ссору. Лодка плывет к берегу за Туулик-ки, но вдруг на что-то натыкается. Под ней оказывается не камень, а что-то липкое, слизистое. Пригляделись, а это Левонен! Борода у него зеленая, точно у водяного. И он смеется злорадно...

Утром при мысли о Тууликки сердце его сжалось: неужели она останется навсегда на том, другом берегу?..

Человек ко всему привыкает. Даже к постоянной тревоге. Сперва беспокойные времена вызывают у одних чувство страха, беспомощности, у других — желание немедленных действий, а потом чувство тревоги становится чем-то обыденным.

Сдав Суоминена, Калехмайнен вернулся в деревню обеспокоенным. Но время шло, и ничего не происходило. Наоборот, из тайги в деревню стали возвращаться мужики, которым ничто не грозило и которым даже не стоило скрываться. Они признавались, что слышали, будто где-то в лесах скрываются вооруженные отряды, но ничего толком рассказать не могли, потому что к бандитам никакого отношения не имели. А кое-кто из вернувшихся беглецов даже говорил, будто бандиты разбежались. Неподалеку от деревни Кевятсаари обнаружили построенную на труднодоступном островке, среди топей, новую избу, но в ней никого не было. Поговаривали, будто скрывавшимся в ней нечего стало есть и они разошлись, а сам Таккинен, мол, еще в июле ушел в Финляндию на какие-то торжества соплеменников и обратно не вернулся. Из Финляндии прибывали на родину беженцы-карелы. Одни возвращались открыто, полагаясь на амнистию, другие приходили тайком, прятались в лесах, словно присматривались, можно ли явиться с повинной или нет. Калехмайнен слышал, будто сам Левонен тоже ждет удобного случая, чтобы вернуться домой и зажить мирной жизнью. Возвращавшиеся из Финляндии приносили с собой финские газеты, и в одной из них Калехмайнен вычитал, что в июле месяце в Сортавале действительно проводился большой праздник соплеменников. Среди участников упоминалось имя Таккинена! Судя по газете, на этом торжестве опять выступали с воин-

ственными речами. Говорили, что если правительство Финляндии собирается сидеть сложа руки, то пусть себе сидит, найдутся силы, способные поднять в восточной Карелии народ на борьбу и оказать ему необходимую помощь. Позицию финляндских официальных властей изложил на празднике какой-то министр, сказав, что сама по себе идея освобождения братьев-соплеменников прекрасна, но что в политике нельзя исходить лишь из эмоциональных побуждений, а следует учитывать реальные возможности, интересы нации и безопасности государства. Министр уверял, что Финляндия будет уважать подписанный ею в Тарту мирный договор с Советской республикой.

До сих пор в лесах скрывались не только невинные беженцы. Все еще появлялись сообщения о грабежах, об убийствах коммунистов, учителей, советских служащих. И хотя эти вести сеяли тревогу и вызывали у людей чувство неуверенности, их все же считали отголосками уже прошедших войн.

Представители Советской власти объявили, что они сделают все возможное для ликвидации голода. И это были не одни заверения. Советское правительство закупило в Финляндии муку для голодающего населения карельских деревень. Мука партиями поступала на границу; ждали, когда установятся зимние дороги и муку можно будет развести по деревням. Время было беспокойное, о складах, где скапливалась мука, знали немногие.

Калехмайнена неожиданно вызвали в Киймасярви. Оказалось, что при загадочных обстоятельствах пропал целый склад муки, находившийся к западу от деревни. Исчезло сорок тонн вместе со сторожами. Все силы милиции были брошены на розыски пропавшего склада. Странно было, что за короткое время такое количество муки исчезло бесследно. Ясно, что в одном месте его не могли спрятать и, видимо, грабители развезли муку по окрестным деревням, по лесным избушкам. Стояла осень, шли дожди, в такую погоду муку не могли хранить под открытым небом.

Калехмайнен старательно обшарил несколько деревушек, выпавших на его долю, проверил все клети, амбары, риги, хотя знал, что искать муку вот так, вслепую, дело почти безнадежное. Народ расспрашивать тоже бесполезно. Есть люди, которые точно знают, где спрятана мука: ведь, чтобы перевезти такой груз, нужна не одна подвода. И эти люди, конечно, помалкивают, а может, и посмеиваются

про себя. Другие — это те, кто знает и готов был бы помочь, но боится. Их можно понять. С доносчиком быстро расправятся. Третьи не побоялись бы, но сами ничего не знают...

Так ничего и не найдя, Калехмайнен вернулся в Киймасярви и, попросившись на постой в одну избу, решил немного поспать. Но только он успел задремать, как кто-то тронул его за плечо. Его разбудил одноглазый мужик, о котором Калехмайнен знал лишь то, что этот киймасярвец служил в царской армии, осколком снаряда ему выбило левый глаз и что теперь он живет у каких-то родственников, промышляя охотой на птицу и ловлей рыбы. В деревне этот мужик бывал мало, все больше пропадал в лесу. Калехмайнен сразу вскочил. Милицию в такое время зря не беспокоят, тем более если человек спит. Киймасярвского милиционера на месте не было, он тоже где-то искал эту злополучную муку.

— Что случилось?

— Да ничего... Дай закурить.

— Ага, закурить, значит...— Калехмайнен достал кисет.— Так ты из-за этого меня разбудил?

— Ну, что там на белом свете делается?—спросил мужик, закурив, и будто не расслышав вопроса.

— Откуда мне знать,— буркнул Калехмайнен.— Я все больше по лесам хожу.

— Муку ищешь?— полюбопытствовал мужик.— И далеко ходил?

— Калехмайнен сказал, где был.

— Далековато, далековато ходил,— задумчиво произнес мужик. Потом, оглянувшись и понизив голос, словно сообщая какую-то тайну, сказал:— Я ведь тоже, когда силки на птицу ставлю, чем дальше пойду, тем меньше добуду.

— В каком же месте лучше всего попадается?— спросил Калехмайнен.

— Когда где...— мужик помолчал.— Ты в бога веришь?

— Не верю я ни бога, ни в черта. Ты, может, пришел меня в истинную веру обращать?

— По мне, хочешь — верь, хочешь — нет.

Мужик докурил цигарку, пока она не стала жечь пальцы, потом, загасив окурок, достал свой пустой кисет и высыпал в него остатки махорки из окурка.

— Ты не дашь мне махры на пару закруток?

— Бери, только не всю.

— Ну, благодарствую. Я пошел.

Нахлобучив шапку, мужик дошел до двери. «Черт бы его побрал,— ругался Калехмайнен.— Пришел, разбудил, забрал махорку...»

В дверях мужик остановился.

— Хоть ты в бога и не веришь,— сказал он,— в церковь-то не грех тебе заглянуть. Бог всем помогает.

— Ты думаешь, там, в церкви, есть кое-что кроме бога?

— Откуда мне знать. Человек никогда не ведает, что господь замышляет.

На пороге мужик еще раз обернулся:

— Так что бога не забывай. Прощай.

Калехмайнен усмехнулся. Он слышал, что одноглазый бога не признает, за что в деревне его не любят. У одноглазого свои боги, которых ему надо ублажать: в лесу — леший, на озере — водяной.

В деревне был пост из четырех красноармейцев. Милиционер, а тем более из другой деревни, не имел права отдавать им распоряжения, но в таком деле бойцы были обязаны помочь. Однако красноармейцы долго не соглашались пойти в церковь и произвести там обыск. У них были из-за этого уже неприятности. В прошлом году кто-то сказал, что в Суйкуярви мятежники прячут оружие в церкви, и ребята, не долго думая, пошли искать его. Священник не дал им ключей. Тогда они взломали двери. Оружия не нашли. Поп пожаловался командиру, и тот чуть было не отдал бойцов под суд. Потом оказалось, что этот самый поп помог красным, передав им какие-то важные документы мятежников. И вообще ребята считали теперь: с духовными лицами надо быть очень осторожными, потому что их поддерживают верующие.

Наконец бойцы уступили.

— Ладно, пойдем, но отвечать за все будешь ты,— сказали они Калехмайнену.

Киймасярвский священник был человек непонятный. Родом он из здешних мест, учился в семинарии в Архангельске, хорошо говорил и по-карельски, и по-фински, и по-русски. Отличался огромным ростом. Жители деревни считали батюшку своим человеком, посмеивались над его странностями и рассказывали о нем анекдоты. Батюшка был нрава весьма горячего и, войдя в раж, мог изрыгать проклятия на всех трех языках. Ругался он так сочно, что любой матерщинник мог ему позавидовать. К церковным винам он не прикасался, ибо предпочитал более креп-

кое — водку, самогон, спирт. Много надо было батюшке, чтобы он захмелел, но во хмелю он был буйным, ему хотелось похвастаться своей силой, и тогда приходилось мужикам наваливаться на него вдесятером, чтобы связать и успокоить. После того как его скручивали, он признавал свое поражение и божился, что просто шутил. Мужики развязывали его, и батюшка обнимал их и хвалил, говоря, что силу он уважает, ибо в этом грешном мире правит сила. О силе божьей говорил лишь в церкви, а на миру чаще вспоминал дьявола.

Калехмайнен с юных лет был участником рабочего движения и состоял в обществе трезвости. Он не терпел ни пьяниц, ни ханжей. А этот киймасярвский поп вызывал у него прямо-таки отвращение. Поэтому он сам не пошел к попу, а послал мальчишку, велев сказать, чтобы батюшка пришел в церковь.

Увидев издали, что около церкви стоят красноармейцы и милиционер, поп пустился бегом, заорав на всю деревню своим громовым басом:

— Люди добрые! Идите поглядите. Большевики храм божий пришли грабить!

— Мы пришли не грабить,— строго сказал Калехмайнен, когда запыхавшийся поп подбежал к ним.— Мы хотим только посмотреть, нет ли в церкви чего недозволенного.

Поп поднялся на крыльцо и встал, закрыв своим огромным телом дверь. Со всей деревни сбежался народ, предвкушая интересное зрелище. Когда слушателей собралось достаточно, поп разразился проклятьями на финском и карельском языках, перемежая их более крепкими русскими ругательствами. Соскочив с крыльца, он начал отталкивать красноармейцев...

Бойцы отходили, растерянно улыбаясь.

— Да ну его к дьяволу!

— Не отступать, ребята!— Калехмайнен стал уговаривать бойцов на ломаном русском языке.

Увидев, что красноармейцы улыбаются и что они почти ничего не понимают, о чем им говорит Калехмайнен, поп решил обрести союзников и в их лице. Он закричал по-русски:

— Православные, гоните этого басурмана. Мало еще лиха эти финны-басурманы нам принесли...

Но его оборвал один из бойцов:

— Ты, батюшка, говори, да не заговаривайся.

И парень щелкнул затвором.

— Не надо,— сказал Калехмайнен и попытался утихомирить попа:— Мы только посмотрим. Если ничего не найдем, то извинимся и уйдем.

— Изыди, дьявол. В церковь божию с оружием не ходят.— Видя, что сбежалась чуть ли не вся деревня, поп разошелся еще больше:— Поглядите, православные, что большевики делают. Осквернить хотят храм божий. Не пущу-у-у!— заревел поп и, схватив лежавшую рядом с поленницей нераспиленную сосенку чуть ли не трехаршинной длины, пошел на красноармейцев.

— Так их, батюшка!

— Давай поучи их бревном, коли слова божьего не разумеют.

— Попробуй-ка еще разок, батюшка, крой их по матушке!

Люди хватались за животы, глядя, как поп, размахивая бревном, теснит пятерых вооруженных людей.

Пришлось Калехмайнену с красноармейцами уйти ни с чем.

Весь багровый от стыда, он махнул бойцам, чтобы они шли к себе, а сам пошагал к своей избушке. Поп торжествующе смеялся им вслед.

Небо было плотно обложено тучами, и сумерки наступили раньше обычного. Пошел опять дождь, потом повалил мокрый снег. Ночь и снег окутали деревню такой плотной пеленой, что за двадцать шагов не видно было даже слабого света деревенских окошек.

Снег шел всю ночь. Утром, едва Калехмайнен успел подняться с постели, раздался стук в дверь. На крыльце стоял поп, весь облепленный снегом.

— Ну что?— сухо спросил Калехмайнен.

— По делу я,— сказал поп.— Впусти.

Калехмайнен зажег лучину. Поп отряхнул снег у порога, осенил себя крестом и подошел к столу.

— Вечером я, кажись, погорячился,— заговорил поп, виновато улыбаясь.— Ты зла не таи, сыне. Нрав у меня такой, крутой. Да и обязанность тоже имею. Я, конечно, понимаю вас. У вас свои заботы. А я должен глядеть, чтобы в храм господний с оружием не входили. В храм божий можно приходить токмо с богом в мыслях. Церковь стоит превыше всякой политики...

— Вы по какому делу пришли?

— В храм божий надобно входить со смирением да с раскаянием,— продолжал поп.— Ежели вы пришли бы без ружей, я бы впустил вас. К богу может прийти каждый...

— Насчет бога... Теперь богом всякие дела прикрывают.

— Я пришел сказать, что ежели вы не верите слуге божьему, то идите смотрите. Пойдем со мной.

Калехмайнен оделся, хотел взять револьвер, но поп воспротивился:

— Оставь оружие, а то... а то мне опять придется за бревно взяться,— пошутил он.

В церкви было холодно, чисто и тихо. Поп сам показал Калехмайнену все закоулки и поднялся с ним даже в звонницу. Калехмайнен осмотрел внимательно все, но ничего подозрительного не обнаружил. Нигде не было даже признака, что здесь хранилась мука.

— Ну что ж... Теперь все по-честному,— сказал Калехмайнен.— Придется мне извиниться за вчерашнее. Надо было вчера дело решить миром. Но время теперь такое... И у каждого свои обязанности.

— Я понимаю, понимаю,— соглашался поп.

Запирая церковь на замок, поп спросил, зевая:

— А кто это вас надоумил идти с обыском в церковь?

— Никто,— Калехмайнен насторожился.— Почему вы спросили об этом?

— Просто так. Люди теперь всякими кляузами занимаются. Даже своему духовному пастырю не верят.

— Пастыри тоже всякие бывают. А что до обыска, то мне пришло в голову...

Больше на эту тему поп не хотел говорить. Он попросил Калехмайнена помочь ему:

— Одним словом божьим и поп сыт не будет. Нельзя ли немного мучицы выделить?

— Ладно, я поговорю,— пообещал Калехмайнен.

И он выполнил свое обещание: по его просьбе попу выдали паек муки.

Через несколько дней Калехмайнен узнал, что одноглазый охотник покинул родную деревню и ушел на железную дорогу.

А спустя несколько месяцев, уже весной, когда начал таять снег, его нашли убитым в лесу, верстах в пяти от деревни. Он лежал ничком. Убит он был выстрелом в затылок. Тогда же расследование установило, что случилось это в ту осеннюю ночь...

То ли бог, то ли дьявол помог тогда киймасярвскому попу. Когда повалил снег и деревня заснула, у церкви собралось с десяток мужиков да баб. Пригнали лошадей с санями, и мужики начали торопливо выносить из церкви кули с мукой. Батюшка опять имел возможность показать свою недюжинную силу, он таскал по два куля сразу. Всего в церкви оказалось кулей двадцать. Когда последний воз с мукой скрылся в темноте, женщины тщательно вымыли комнатку за алтарем, где хранилась мука. Поп сам, зажав лучину в зубах, облазил все углы и остался доволен: все было чисто. Женщины тоже ушли довольные — батюшка за труды вознаградил их, разделив между ними куль муки.

Но расследованием этой истории занимался уже не Калехмайнен.

Шла осень 1921 года. И у Калехмайнена хватало всяких дел, по которым он вел следствие, производил обыски, ездил по деревням. Иногда выдавалась свободная минутка, и он мог написать Суоминену, с которым у него завязалась переписка. Какое-то время тот был под следствием, потом его выпустили, и он устроился на работу в депо станции Кемь. Парень писал, что он даже не догадывался, какие пробелы в его образовании оставила финская гимназия, что только теперь он начинает понимать жизнь и только теперь перед ним открывается будущее, во имя которого стоит жить и работать. Письма были восторженные, и Калехмайнен читал их с отеческой улыбкой. «Может быть со временем он отучится от излишних восторгов, но все-таки как здорово быть молодым и преисполненным веры в жизнь»,— думал Калехмайнен.

Глава четвертая

НЕ ВОЙНА И НЕ МИР

Приехав по делам в Кемь, Самойлов решил переночевать у своего старого знакомого — Матвеева. В казарме ЧОНа он узнал, что Матвеев только что получил отдельную комнату, так как собирается привезти в Кемь свою семью.

Выпавший в конце октября снег растаял, но сразу же ударили морозы, и на улицах Кеми была гололедица. То и дело оскальзываясь в своих сапогах с кожаными подметками, Самойлов долго ходил по темным улицам, освещенным слабым желтоватым светом, с трудом пробивающимся из занавешенных окон, разыскивая двухэтажный бревенчатый дом, в котором жил Матвеев.

— Давно тебя не было видно,— буркнул Матвеев вместо приветствия и, наклонившись к плите, принялся опять колотить не желавшие догорать головешки.

Самойлов снял кожанку и, прежде чем повесить ее на гвоздь, повертел в руках. Кожанка была изношенная, локти потертые, обшлага рукавов почти белые...

— Опять пуговица еле держится!— чертыхнулся Самойлов.— У тебя иголка с ниткой найдется?

— Должна быть.— Матвеев полез в фанерный чемодан, стоявший в углу комнаты.— У меня, видишь, пока еще полный беспорядок.

— Ладно, не ищи. Авось еще не отлетит.

Самойлов повесил кожанку, причесал посеребренные ранней сединой волосы, критическим взглядом осмотрел большую неуютную комнату, в которой стояла оставшаяся от прежних жильцов громоздкая мебель.

— Жить можно,— заключил он.

— Привезу семью, вот тогда и устроюсь.

Самойлову и Матвееву было неприятно вести бессодержательный, тягостный разговор о всяких пустяках. Холодок в их отношениях появился год назад. Все началось из-за Королева. Оба они тогда опростоволосились. Матвеев хорошо знал Королева, ездил вместе с ним по деревням и считал его как бы своим доверенным лицом. Теперь у него было такое чувство, словно Самойлов считает его главным виновником всей этой истории. «Сам раззява»,— оправдывался он про себя, хотя Самойлов и не думал обвинять Матвеева в потере бдительности. Прежде всего он винил себя и своих сотрудников, позволивших Королеву обвести их вокруг пальца.

— Жить тут, конечно, можно,— повторил Самойлов.— Но не рано ли перевозить сюда семью?

— Рано?— Матвеев наложил на чадящие головешки щепок, наломанных из сырых горбылей, и закрыл дверцу плиты.— Уж четвертый год я живу бобылем...

— Так ты хочешь обосноваться здесь, в Кеми?

— Я хочу? Пожалуй, ты тоже привык поступать так, как хочет партия.

— Я думаю, что, когда все более или менее наладится, партия спросит наше личное мнение. Меня тянет в Питер, там мои корни.

Самойлов задумчиво смотрел в черную тьму за окном. Матвеев искоса взглянул на него и понимающе хмыкнул. Его тоже тянуло домой, в родной город, в Екатеринбург.

— У меня есть ряпушка. Давай поджарим, чтобы повеселее стало... Устроим пир и отметим новоселье,— предложил Матвеев.— Кого-то еще бог послал...

На лестнице послышались шаги, кто-то в темноте нашаривал дверь. Матвеев машинально взглянул на свое пальто, висевшее возле двери: «Должно быть, опять за мной...» — подумал он. И не ошибся: за ним пришел посыльный из ревкома.

— Пир, как видно, придется отложить,— Самойлов улыбнулся.

Матвеев был уже в пальто.

— Посмотри за плитой. Ряпушка в коридоре, в шкафчике. Я, наверное, задержусь. Ну, пока.

«И поездку за семьей Матвееву тоже, пожалуй, придется отложить»,— подумал Самойлов, оставшись один.

Самойлов и Матвеев по-разному оценивали обстановку в Карелии. Матвеев верил, что настали наконец мирные дни, и собирался ехать за семьей. Да, здесь, в Поморье, действительно было спокойно. Но оба они, и Самойлов и Матвеев, знали, что в приграничных деревнях, расположенных в стороне от железной дороги, обстановка очень тревожная. Там орудуют белые агенты, в лесах скрываются вооруженные банды, случаются грабежи, убийства коммунистов, население запугано. Оба знали, но опять-таки относились к этому по-разному. Матвеев считал, что это отголоски уже минувших событий. Так было и у них в Екатеринбурге после лета 1919 года, когда белых там окончательно разгромили. Еще долго было неспокойно, а потом понемногу все улеглось. Это вроде мертвой зыби: буря давно прошла, а море все волнуется. Матвеев полагал, что после того, как с Финляндией заключен договор о мире и сотрудничестве, финляндское правительство и армия не станут принимать участия в военных авантюрах, направленных против Советской Карелии. Отдельные организации и лица, конечно, могут бесноваться, они готовы и на террористические акты, могут создавать в пограничных деревнях

тревожную обстановку. Для их обуздания и ликвидации нужны, конечно, решительные меры, но главное — улучшить условия жизни людей, укрепить в них чувство уверенности и спокойствия.

Самойлов тоже не думал, что обострение обстановки в приграничье чревато войной, но он был озабочен больше, чем Матвеев. Нет, это не просто волнение после бури. Действуют силы, которые могут вызвать новую бурю, если их не разбить вовремя. Это — классовая борьба, которая не прекращается подобно утихшей буре. Эта борьба будет продолжаться еще долго, тем более что по другую сторону баррикад стоят внешние силы. Эта борьба не прекращается с заключением дипломатических соглашений. В ней надо силе противопоставлять силу, проискам класса эксплуататоров — власть рабочего класса, диктатуру пролетариата. Эти мысли Самойлова были не чисто теоретическими рассуждениями, он исходил из реальной обстановки на границе Карелии. Самойлов знал, что в деревнях есть не только запуганные, живущие в страхе люди, но есть и такие, которые готовы бороться и защищать Советскую власть. Они нуждаются в помощи, в оружии, в руководстве. Их нужно поддержать морально, а той широкой пропаганде, которую белые ведут весьма умело, спекулируя на идеях братства финнов и карел, свободы, не жалея на то ни средств, ни силы, прибегая к провокациям, угрозам, террору, насилию,— всей этой пропаганде надо противопоставить разъяснительную работу среди населения. Больше всего Самойлова тревожило то спокойствие, которое проявляли волостные Советы и ревкомы, местные коммунисты и командование расположенных в этих районах частей Красной Армии. В то же время Самойлов сомневался в своих выводах: может быть, он преувеличивает опасность. Ведь случались вылазки врага и раньше, но на удар отвечали еще более сокрушительным ударом. «Ну что ж, поживем — увидим,— успокаивал себя Самойлов, подкладывая в плиту щепки.— Ну, а что касается Матвеева... Конечно, у него полное право привезти сюда семью. Уже сколько лет живет бобылем! Семья там бедствует, дети растут без отца. Да и народ себя почувствует спокойнее, если руководители Советской власти на местах покажут пример и перейдут с казарменного положения к мирной семейной жизни».

От этих мыслей у Самойлова на душе стало теплее, и он замечтался. Да, он останется в Карелии до тех пор, пока будет нужно, но как только появится возможность —

уедет домой, в Петроград. Вернется на свой завод или... в общем, пойдет туда, куда направит его партия. Вспомнилось, как Мишка любил качаться на отцовском колене. Теперь Миша большой, на колено не посадишь. Скоро он тоже наденет красноармейскую форму и буденовку со звездой. Призовут его, наверное, уже этой осенью. Чем парень хуже отца? Пусть послужит — на пользу пойдет... Если признают негодным, даже обидно будет. Шура тоже, наверное, не будет против, чтобы парень пошел в Красную Армию. Хотя, конечно, женщины... они очень переживают за детей, тревожатся. Шура-то все понимает: она сознательная, хотя в партии и не состоит. Впрочем, она тоже большевичка, только беспартийная. Ведь еще до революции Шурочка помогала большевикам в нелегальной работе, листовки распространяла. А сейчас она на заводе в женотделе. Активистка! Шура-Шурочка, сама маленькая, а шустрая, что воробей. Нет, Миша должен быть не хуже своих родителей...

Крышка на чайнике запрыгала, зазвенела. Самойлов развязал свой вещмешок, достал чай, хлеб, сахар. Потом вспомнил о ряпушке. В коридоре он нашел в шкафчике целую миску свежепросоленной рыбы. Все последние годы Самойлову больше приходилось есть воблу, которая стала для него как бы символом этих тревожных времен, а ряпушка казалась ему рыбой мирного времени, в его сознании она не вязалась с войной. Самойлов налил в сковородку немного воды и поджарил ряпушку. О, если бы было масло! Но рыба все равно получилась вкусная, такая вкусная, что Самойлов едва удержался, чтобы не съесть всю.

Напившись чаю, он убрал со стола. В комнате Матвеева было чисто. Посуда стояла на полке, застланной бумагой. Но все-таки чувствовалось, что порядок наведен не женской, а мужской рукой. Стены голые, стол без скатерти, ведро с водой и метла стоят не так и не на том месте, куда бы их поставила хозяйка. Самойлов попытался представить,как бы их разместила Шурочка, но не смог. Он стал опять думать о сыне. Если парня возьмут в армию, надо, чтобы он попал сюда, в Карелию. Нет, не для того, чтобы отец дал ему какие-то поблажки. Пусть служит, как все. Просто хотелось, чтобы сын был поближе.

Матвеев вернулся в первом часу ночи. Вид у него был усталый, озабоченный. Думая о чем-то своем, он молча взял сковородку и стал есть рыбу.

— Едешь? — спросил Самойлов.

— Еду.

— Когда?

— Утром.

— Да? Вот здорово! Ты же поедешь через Петроград...— Самойлов поднялся с кровати.— Может, зайдешь к моим?

— Не зайду. Я еду в Тунгуду.

— Вот как! Это меняет дело.

— Да, меняет. Многое меняет. Ты надолго в Кемь? Можешь хозяйничать тут.

— Задержусь на пару дней,— отвечал Самойлов.— С границы народ идет сюда. Вроде бегут от чего-то... Да ты знаешь. Надо побеседовать с ними.

— Знаю. Только, наверно, они преувеличивают. У страха-то глаза велики,— не очень уверенно сказал Матвеев.— Скорей всего, бегут от голода.

— Да, разумеется. Но не только от голода,— заметил Самойлов.

...В Кесяйоки к Матвееву присоединился Липкин, и они вдвоем поехали по деревням. Липкин знал места и людей, знал карельский язык, да и вообще ездить вдвоем спокойнее. Матвеев придавал этой поездке большое значение. Приближалась четвертая годовщина Октябрьской революции, до праздника оставалось несколько дней, и надо было сделать все, чтобы праздник прошел как надо, чтобы он укрепил в людях веру в непоколебимость Советской власти. Матвеев хотел проследить, как идет подготовка к торжествам, помочь там, где нужна помощь, распределить продовольствие голодающим семьям и заодно ознакомиться с положением на местах; убедиться, настолько ли оно тревожное, как считают.

Они с Липкиным побывали уже в нескольких деревнях и собирались ехать обратно, когда их пригласили в небольшую деревеньку под Тунгудой посмотреть новый клуб. Впрочем, клуб был не такой уж новый: просто в избе, брошенной бежавшими хозяевами, убрали перегородки, соорудили сцену, а вместо разобранной русской печи поставили две небольшие круглые печки. Все это сделали сами жители деревни. Собирались по субботам, приглашали на помощь молодежь из соседних деревень и работали, а после работы устраивали танцы. Открытие клуба было приурочено к праздникам. В честь приезда гостей тоже были танцы.

Народу собралось много. Правда, больше было девушек, парней совсем мало. Да и те, что пришли, были лет пятнадцати, а то и моложе. Но и эти кавалеры шли нарасхват. Не оставили девчата в покое и стариков — тоже вытащили танцевать.

— Тут и мы, пожалуй, сойдем за молодых,— сказал, смеясь, Матвеев.

— Чего сидишь? Иди танцуй,— ответил Липкин.

На гармони играл молодой парнишка. Гармонист он был, видно, неважный, часто сбивался с ритма, но старался вовсю. Липкин знал, что когда-то в этой деревне жил самый лучший во всей округе гармонист. Кажется, он был сыном хозяина этого дома. Потом он куда-то исчез — то ли ушел в Финляндию, то ли скрывался в лесу. Каково же было удивление Липкина, когда вдруг в самый разгар танцев на пороге появился этот самый гармонист. Все растерялись, застыли на месте. Но гармонист улыбнулся, подошел к парнишке, взял у него гармонь. Старая гармонь, словно почувствовав, что снова попала в руки своего хозяина, ожила, заиграла весело и непринужденно. Пары, подхваченные музыкой, вновь закружились по избе. Было шумно, и никто не заметил, как в избу вошло несколько вооруженных людей. Позже других увидели их Липкин и Матвеев, сидевшие в дальнем углу возле сцены.

Липкин хотел выхватить наган, но какой-то здоровенный мужчина словно тисками сжал его руку.

— Тихо!

Матвеева тоже схватили за руки. Весь красный от натуги, он вырывался, но его крепко держали.

На середину комнаты вышел молодой финн в офицерской форме.

— Господа коммунисты, выходите! — крикнул он.

Липкин хотел вскочить, с отчаяния крикнуть что-то в ответ, но широкая ладонь соседа зажала ему рот... В избе поднялась паника, истошно завизжали девушки, бросившиеся к выходу; кто-то схватил полено и ударил по лампе. Стало темно. И тогда, перекрыв визг, шум, крики, в темноте прозвучал громкий голос человека, зажавшего рот Липкину:

— Их давно здесь нет. Уже час как ушли. Дурачье! Бегите. Может, поймаете.

Офицер выругался, выскочил из избы. За ним — остальные бандиты. Мужики тоже выбежали из клуба, кое-кто успел забежать домой за ружьем, и вскоре вслед бандитам загрохотали выстрелы.

— А теперь, браток, дай табачку,— сказал сосед Липкина, показав пустой кисет.— И еще тебе скажу: надо знать, когда можно стрелять, а когда нельзя.

— Это не Таккинен был?— спросил Липкин.

— Точно не знаю, но думаю, что он,— ответил мужик.— Пойдем ко мне, поужинаем.

Пока Матвеев и Липкин ужинали, мужик привел старика, взявшегося провести их потайными тропами к железной дороге. Но прежде чем уйти, Матвеев решил сообщить о случившемся коммунистам села Руоколахти, куда сам он уже не мог добраться.

— Поездку в Екатеринбург, видимо, придется отложить,— сказал он.

Рано утром из деревни вышли два паренька с сетями на плечах и направились в Руоколахти. У одного из них в шапке было спрятано письмо Матвеева.

Волостной Совет Руоколахти помещался в брошенном доме. В просторной избе часто проводились сельские собрания. Во время собраний обычно горели две керосиновые лампы: большая висела под потолком, а маленькая, пятилинейная, стояла на столе перед секретарем, который вел протокол.

В этот вечер в Совете собралось одиннадцать человек, все члены партийной ячейки села. Когда расселись, секретать ячейки Ермолов, высокий худой мужчина с черными усами, поднялся, оглядел собравшихся и взял со стола листок бумаги.

— На прошлом собрании мы уже обсуждали вопрос о положении в волости. Вот еще одно сообщение. Пришло оно, правда, из Тунгуды. Но касается и нас.

И Ермолов зачитал письмо Матвеева.

— Да, это был Таккинен, кто же еще мог быть,— сказал он.— Выходит, слухи, которые тут ходили, будто он в Финляндии, распустили нарочно, для отвода глаз, так сказать. Это во-первых. Во-вторых, это факт, что Таккинен действует открыто, говорит о том, что они готовы на самые серьезные действия. Судя по всему, товарищи, дело принимает крутой оборот, и теперь весь вопрос в том, кто нанесет удар первым, они или мы... Давайте выберем председателя и секретаря и обсудим положение.

— Да веди собрание сам,— послышался чей-то голос.

— Нет, я буду вести протокол,— ответил Ермолов.

Думал ли кто-нибудь из коммунистов Руоколахти, обсуждая тогда этот вопрос, как тщательно будут изу-

чать найденный в архиве десятилетия спустя протокол их собрания? Выступление каждого коммуниста было наполнено тревогой. Один из них рассказал, как незадолго до собрания он встретил в лесу своего односельчанина, который, по слухам, должен был быть в Финляндии. Тот остановил его и с ехидной усмешкой спросил: разве коммунисту не страшно ходить одному? Потом посоветовал идти и не оборачиваться. За деревом стояли еще двое с оружием. Пришлось подчиниться. И на том спасибо, что в спину не выстрелили. А могли, конечно... О спрятавшихся в лесу бандитах говорили и другие члены ячейки. Одни видели их сами, другие слышали о них. Ермолов писал, стараясь не упустить ничего. Правда, временами приходилось поправлять огонь в лампе, и на бумаге оставались масляные пятна от запачканных пальцев. Потом он взял слово сам и подвел итоги.

Он отметил, что обстановка становится все напряженнее. В деревнях образовалось как бы три лагеря. Первый — коммунисты, советские активисты, красноармейцы. Их мало. Бедняки на их стороне, но запуганы бандитами и живут в постоянном страхе, остерегаясь открыто поддерживать Советскую власть. Второй лагерь — это те, кто, устав от войн и желая обрести покой, ушел из деревень и скрывается в лесных избушках, занимаясь охотой и рыбной ловлей. Но многие из них волей-неволей оказываются в бандитских отрядах, так как этих людей легко запугать. К тому же они таятся в тех же избушках, что и бандиты. Третий лагерь — сами бандиты. Они становятся все нахальнее, уже проводят свои собрания в деревнях чуть ли не в открытую, обманом и угрозами заставляют крестьян вступать в свои шайки. На их стороне целый ряд преимуществ: они вооружены и терроризируют народ; они грабят склады продовольствия и в пропагандистских целях распределяют награбленные продукты среди населения; у них есть люди и в советских органах, потому что в глухих деревушках на выборах в органы власти выдвигали прежде всего грамотных, и зажиточные мужики часто навязывали свою волю, заставляя зависевших от них бедняков голосовать за угодных им людей.

— И еще вот это...— Ермолов показал кипу брошюр и листовок, выпущенных белыми.— Бумага хорошая, слова красивые: «Братство, свобода Карелии, райская жизнь...» Это они умеют. А мы? А нам частенько не хва-

тает времени, а то и умения рассказать народу об идеях революции, партии, о Советской власти. Мы все надеемся, что идеи революции ясны и благородны, что они сами собой дойдут до сердца народа. А надо бы разъяснить, что это такое, почему совершилась революция, к чему стремится Советская власть. Конечно, мы ведем пропаганду, но пока ведем ее мало и чаще в больших селах, забывая об отдаленных...

В оценке положения в волости разногласий не было. Ермолов набросал проект резолюции и зачитал его:

— Пункт первый: *срочно известить через нарочного губком и Карельский обком партии о фактах, выявленных на данном собрании.* Пункт второй: *просить прислать в волость вооруженный отряд для поимки бандитов и обеспечения безопасности населения.* Пункт третий: *незамедлительно вооружить всех членов волостного Совета и партийной организации.* Пункт четвертый: *задерживать и доставлять для допроса в волостной Совет граждан, вызывающих подозрение своим поведением, а также дезертиров и бандитов, которых удастся поймать.* Пункт пятый: *организовать в волисполкоме постоянное дежурство, с привлечением к нему всех членов партячейки, волостного Совета и милиции.* Пункт шестой: *в окрестностях подозрительных деревень провести разведку для выявления белобандитов, для чего направить туда помощника начальника милиции и двух милиционеров.* Пункт седьмой,— Ермолов поднял глаза.— *К исполнению пунктов четвертого и шестого приступить немедленно.* Пункт восьмой.— Ермолов переложил листок в левую руку и, размахивая сжатой в кулак правой рукой, отчеканил последний пункт резолюции: — *На основании вышеизложенного можно заключить, что на территории волости развертывается контрреволюционная агитация со стороны Финляндии и создается гнездо контрреволюции. С этим необходимо вести борьбу, и как волостные, так и областные органы власти должны принять решительные меры для того, чтобы вскрыть этот гнойник. Потакание врагу не приведет к добру. Необходима революционная твердость...*

Слушая Ермолова, все подтянулись, выпрямились.

Резолюцию одобрили единогласно. Ермолов переписал ее набело, и в ту же ночь один из коммунистов вскочил на коня и поскакал на станцию. В кармане у него был протокол собрания партийной ячейки села Руоколахти, который он должен был доставить в Петрозаводск.

Ранние морозы принарядили берега широкой реки: облетевший голый березняк опушился инеем, размякшая от осенних дождей земля затвердела и, чуть-чуть припорошенная снежком, предстала перед желтоватым солнцем чистой и обновленной; толстые сосновые бревна причалов обросли сосульками и, заледенев от брызг, стали скользкими и блестящими.

Рано утром от деревни Совтуниеми отправлялись вниз по реке три вместительные лодки, переполненные красноармейцами, которые, отслужив свой срок, возвращались домой. Ребята были сонные, невыспавшиеся. Вчера они допоздна веселились на танцах. Деревенские девушки, которые пришли проводить красноармейцев, были в праздничных нарядах. Женщины постарше глядели вслед отплывающим лодкам со слезами на глазах, растроганные мыслью о том, как обрадуются матери, увидев своих сыновей. Лодки, уходившие все дальше и дальше, были как бы мостом, связавшим этих простых карельских женщин-матерей с незнакомыми им далекими русскими женщинами. Кроме того, лодки казались предвестьем спокойной жизни: ведь если солдат отпускают домой, значит, войны не будет, хотя о ней и ходят слухи. Правда, на границу тоже приехали красноармейцы, но вновь призванных было все-таки меньше, чем демобилизованных. Все было как в мирное время: одних отпускают, других призывают. Ребята вечером рассказывали, что демобилизация идет по всей Карелии. Где-то в Эстонии, говорили они, в городе Юрьеве, Россия и Финляндия договорились больше не воевать и решили: пусть солдаты едут по домам, пусть возвращаются к своим невестам и женам. «Давно бы так!» — одобрительно кивали старики. А старухи, хоть и не положено им было вмешиваться в разговор мужчин, вслух благодарили бога за то, что он наконец образумил и большое начальство. Красноармейцы разъясняли им, что не в боге дело, а в том, что мир всем народам потребовали большевики и их вождь Ленин. Ленин! В глухой Совтуниеми звучало имя далекого, великого, загадочного человека, о котором говорили с благоговением, так как это он потребовал мира для народов и поднял массы на защиту бедных.

В Совтуниеми теперь был мир и заботы были тоже обычные, мирные. Опять предстояла долгая зима. Люди вздыхали и молили бога, чтобы он помог пережить эту зиму. Так что забот и хлопот хватало. Но своими печа-

лями они не стали делиться с вчерашними гостями. Тем более что вечером на танцах случилось такое, о чем разговоров, наверно, хватит надолго. А случилось вот что...

В деревне, как и повсюду в Карелии, было принято, что после танца парни и девушки рассаживались по углам — парни в своем, красном углу, девушки — в противоположном. Красноармейцы, видимо, не знали здешних обычаев и в перерыве между танцами подсаживались к девушкам и вообще держались слишком свободно. Люди посмеивались над ними: ребята молодые, настроение у них веселое — как-никак домой едут, вот, мол, и балуются.

Прощали ребятам даже то, что, подсаживаясь к девушкам, они пытались обнимать их. Но потом один из русских, самый красивый и самый озорной парень, позволил себе такое, что у всех дух перехватило. Весь вечер он танцевал с Верой Приваловой, самой красивой девушкой Совтуниеми, сидел с ней, то и дело пытаясь обнять, что-то напевал ей на своем языке, а потом вдруг взял и поцеловал прямо в губы. Такого охальства свои ребята-карелы никогда не допускали. Они тоже, случалось, озорничали, могли обнять и даже носом потереться о нос девушки, а чтобы поцеловать при людях — такого позора никогда прежде не случалось. И хотя Вера была не виновата, все равно стыда она теперь не оберется — долго еще будут помнить, как она опозорилась. Ведь вся деревня знала, что у Веры есть суженый, Рийко, сын Онтиппы из Тахкониеми. Он сейчас тоже служит в Красной Армии. Вера в слезах убежала с танцев и целый вечер людям на глаза не показывалась. Утром, когда она вышла на берег и стояла в стороне от остальных девушек, печально глядя на отплывающую лодку, бабы тотчас зашушукались: «Поди знай, о ком печалится... Может, не о Рийко, а о том кудрявом красавце». Никто не подошел к ней, словом не перекинулся. Пусть несет свой позор одна. А сам виновник сидел как ни в чем не бывало в лодке и играл на гармони веселую песню. Ему-то что! А бабы даже улыбались, глядя на этого ухаря: «Ай да молодец!»

Когда последняя лодка скрылась за мысом, народ пошел по домам. Начинался обычный будничный день.

В тот же вечер в деревню откуда-то вернулся столяр Маркке. Его давно не было видно, где-то пропадал всю осень, а как только появился, сразу пошел по домам и начал расспрашивать, сколько у кого стояло красноармейцев, что они говорили, откуда и куда поехали. Одни

рассказывали подробно, другие отвечали коротко: ребята, мол, домой поехали, отслужили свое...

— А плохого они ничего не делали?

— А как же? Известное дело — большевики. Веру Привалову опозорили. При всем народе целовали.

Но Маркке эта новость не волновала. В Финляндии он всякого навидался. Этим его не удивишь. Бывали в Финляндии и другие мужики из деревни. Поэтому в Совтуниеми знали кое-что о тамошней жизни. Одежду там делают добротную, хлеб там родится лучше, чем в Карелии, и пьют там настоящий кофе, да еще с сахаром. И даже о таком диве слыхали в деревне, будто у финнов по железной проволоке бежит огонь и на конце той проволоки привязана стеклянная бутылка, в которой огонь останавливается и избу освещает. И воображают эти финны, даже по-людски говорить не хотят. Карел, конечно, понимает их, язык вроде тот же, только финны слова так коверкают, что просто смех берет. Маркке тоже прежде был человек как человек. Хоть не хвалили его, но и не хулили. А столяр он был отменный. За что ни возьмется, все из дерева сделать может. И тихий был человек прежде, смирный, ничуть не задавался. Звали его и в другие деревни по столярному делу. Хоть и слыл он мастером, но богатства не нажил. И в будни и в праздники ходил в одной залатанной одежонке. Взяли его на германскую войну, но скоро он вернулся и подался в Финляндию, год пробыл там. Приехал — не узнаешь. В костюме из дорогого сукна, на своей лошади, целый воз всякого добра привез. В деревне знали, что Маркке и финской и русской грамотой владеет, но этим не хвалился, а как приехал, сразу начал ходить по домам с книжками под мышкой и вслух всем читать. Назывались они книжками для селян, на обложке у них одна и та же картинка: большая карельская изба под елями на берегу тихого озера. Говорил Маркке, что Карельское просветительное общество дало ему эти книжки бесплатно. Поди знай, что за общество такое, наверное, богатое, если даром книжки раздает? И стал Маркке какие-то непонятные речи говорить. Начинал с того, что вот, мол, русский царь нас угнетал. А бабы слушают, поддакивают, а сами удивляются: как же это царь нас угнетал, коли его в деревне и в глаза не видели? И еще говорил Маркке, что большевики хуже царя насилие творят. Большевиков, правда, видели: все больше проездом они были. Какое насилие, когда они творили, никто не знал. Когда остано-

вятся в деревне, чай пьют, молоко и рыбу покупают, а уезжая, на столе деньги оставляют или кое-что посущественнее, чем деньги,— краюху хлеба, махорку, а то банку консервов. Если это и есть насилие, так пусть побольше его будет. А Маркке, видно, просто из зависти ругает большевиков: его-то дом стоит в самом конце залива, в стороне от большой дороги, большевики к нему не заезжают, хлеб и консервы не оставляют. Вот он и завидует. А те, кто приезжали в деревню и у самого богатого мужика Степаны Евсеева в прошлом году хлеб забрали из амбара, были вовсе не большевики, а свои карелы из соседней деревни. И зерно то они взяли не себе, а беднякам в Совтуниеми раздали. А когда уехали они, то многие из тех, кому они зерно дали, принесли обратно Степане: зачем чужое брать и со Степаной ссориться. Бывали у Маркке гости, только они приходили из Финляндии. Кто тайком, кто открыто при людях идет. Поди знай, какие гостинцы они приносят Маркке, но в деревне от них одно беспокойство. За три последних года народ уже привык к тому, что из Финляндии лишь беда да война приходят, и ничего хорошего не ждешь оттуда. Даже от тех книжек, что приносили, проку нет: жена Ваассилы Егорова оклеила этими книжками дверь в хлеву, да и тут пользы мало вышло: баран всю бумагу с двери съел. Чего эти финны ищут в бедной Карелии? Просто диву даешься. Чего им дома не сидится? Пили бы себе кофе с сахаром да глядели бы, как огонь в бутылке горит.

Так рассуждали в деревне. Кое-кто успокаивал себя тем, что раз большевики уходят, значит войны не будет.

Услышав такое предположение, Маркке рассмеялся.

— Опять вас, глупых, обманывают. А вы верите.

И он стал просвещать темных односельчан. Он уверял, что большевики прекрасно понимают, что мир, заключенный в Тарту, не устраивает Финляндию и Карелию и что новая война неминуема. Потому большевики и решили вовремя сбежать. Только людям не хотят сказать, что они со страху удирают, вот и обманывают народ, что, мол, домой едут. Пусть убираются... Не станет их — и нам легче будет взять бразды в свои руки, когда время наступит... Слова Маркке тотчас же разлетелись по всей деревне, и вспыхнувшая накануне надежда на то, что наконец-то настанут мирные времена, сразу померкла, словно ее заволокло черными тучами, которые нависли в этот осенний ненастный вечер над деревней.

А поздно вечером, когда во многих домах уже собирались ложиться спать, пролетела новая весть. Мол, нечего этому Маркке верить, говорит про большевиков бог весть что, а сам с ними якшается. Оказывается, кто-то видел, как вечером в деревню пришли два большевика. Один, правда, был в гражданской одежде, а другой — ясно, большевик — в красноармейской шинели и со звездой на фуражке. Хотя было темно, но звезду-то хорошо видно. Направились эти двое прямо к Маркке.

Этой ночью мало кто спал в деревне. Кто-то заметил, что, как только таинственные гости пришли к столяру, в окнах его избы вспыхнул свет, а потом их сразу занавесили чем-то. Люди смотрели на затемненные окна Маркке, за которыми происходило что-то загадочное и зловещее. В окутанной долгой осенней тьмой деревне всю ночь шло какое-то движение. Временами то здесь, то там вспыхивал слабый огонек: то, пробираясь в темноте к соседу, люди освещали спичкой крутые ступеньки чужого крыльца. Мужикам не сиделось дома. Одни, услышав осторожный стук в окно, выходили на улицу и, увидев сына Маркке, молча шли к затемненной избе столяра. Другие, одолеваемые тревогой, бежали к соседу и, собравшись вместе, молча вздыхали. Третьи пошли за советом к единственному коммунисту деревни, к Ваассиле Егорову. Два года назад Ваассила вернулся из Красной Армии. Пришел он совсем больным, его мучил постоянный кашель, и, прежде чем сказать что-то, он всегда долго откашливался и харкал кровью.

— Да говорил я им там, в Юмюярви,— прерывисто дыша, рассказывал Ваассила.— Знают они, что по деревням шатаются всякие... Как их назвать-то? Да не курите же! От вашего дыма я совсем...— Откашлявшись, он продолжал: — Да, верно вы говорите, верно. Нечисто тут что-то. Нехорошие это гости, раз они крадучись прошли к Маркке. Контрабандисты какие-нибудь из-за кордона. А может, и агенты, которые ходят и мутят народ. Надо бы кому-то сходить в Юмюярви, сказать им... Я сам не могу.

— Я пойду! — вызвалась жена Ваассилы.— Мне все равно туда идти. Своих навестить.

Отказавшись от провожатого, жена Ваассилы отправилась ночью в путь.

В избе Маркке собралось с десяток мужиков. Хозяин выставил довольно богатое по тем временам угощение: у него был припасен для этого вечера даже настоящий

кофе, рыбник испечен из чистой ржаной муки без всяких примесей, был даже сахар. А гость, которого в деревне из-за красноармейской формы приняли за большевика, достал из своего заплечного мешка алюминиевую флягу. Правда, содержимое он дал попробовать лишь Маркке и Степане Евсееву. Остальные не обиделись: фляжка маленькая, все равно всем не хватило бы. Хозяин представил своих гостей. О «большевике-красноармейце» он сказал, что это свой человек, пришел он сюда издалека и по важному делу. Кое-кто из мужиков узнал его. Он действительно был карел и совсем не из таких уж дальних мест — из Тахкониеми. А прибыл он, конечно, из Финляндии. Прежде его звали Мийтреем. Мужики поглядывали на него с удивлением и тайной завистью: даже не верилось, что этому шалопаю и пустомеле доверили такое важное дело. Они изумились бы еще больше, если бы Маркке сообщил им, что Мийтрей — прапорщик финской армии, но он об этом умолчал. Второго гостя совтуниемские богатеи тоже узнали. Это был Оссиппа Борисов, или Поринен, из Тунгуды.

Мийтрей говорил больше всех. Говорил он по-фински, по-книжному:

— Я удивляюсь, какое у вас здесь сонное царство. Вся Карелия охвачена брожением, и настала самая благоприятная пора, чтобы действовать энергично, напористо, не жалея сил, а вы...

Он обвинял жителей Совтуниеми в лени, в том, что они не разбираются в премудростях большой политики. Мир в Тарту? Ну и что? Очень хорошо, что его заключили. Разве достопочтенные хозяева не в силах растолковать людям, что мирный договор не сулит народу ничего хорошего? Пусть большевики верят в его силу и уводят свои войска. Неужели здесь не понимают того, что, хотя Финляндия и обязалась соблюдать мирное соглашение и не вмешиваться во внутренние дела Карелии, она все же остается свободной страной, где тот, кто хочет помочь карелам, имеет право оказать эту помощь в любых необходимых размерах. Не надо забывать и о том, что в Финляндии живет много карел и есть общества и организации, пекущиеся об интересах Карелии. Они, эти общества, ждут не дождутся, когда им подадут сигнал, что пора действовать. В Финляндии есть целая армия, состоящая из карел и финских добровольцев. Командует армией свой человек, ухтинец Хеймо Парвиайнен. До каких же пор

жители Совтуниеми будут сидеть сложа руки, обрекая эту армию на бездействие и выжидание? До каких пор уважаемые хозяева будут терпеть царящую вокруг нужду и большевистское иго?..

Навалившись на край стола всей тяжестью огромного тела и мрачно глядя на Мийтрея, Борисов слушал этот поток обвинений и упреков, потом грузно поднялся и оперся широкой ладонью о стол. Мийтрей замолчал и удивленно взглянул на Оссиппу.

— Конечно, оно и так,— произнес Борисов,— но дело это серьезное, и преувеличивать тут не следует... Сам знаешь, что...

— Кто здесь преувеличивает? — вскипел Мийтрей.— Я знаю, что говорю. И меня послали сюда не для того, чтобы ты учил меня.

Борисов презрительно махнул рукой: для него Мийтрей оставался прежним. Откуда бы он ни пришел и какие бы поручения у него ни были, для Борисова он всегда будет пустомелей из Тахкониеми.

— А я считаю так. Говорить надо все, как есть.— Борисов сел — не выступать же ему стоя перед Мийтреем — и продолжил: — Что за помощь поступит из Финляндии и поступит ли — там видно будет. Сейчас главное — чем мы сами располагаем. Я пришел сюда не байки рассказывать. Буду говорить конкретно. Мы имеем около тысячи вооруженных бойцов. Это больше, чем твоему Парвиайнену удастся наскрести в Финляндии. И наши силы возрастут троекратно, а может, даже четырехкратно, хотя мы и не называем себя армией. Мы не хвастуны. Мы люди дела, и когда надо, мы действуем. Без лишних обещаний и громких слов.

— А сколько в Карелии красных? — спросил Маркке, чувствуя себя неловко из-за того, что гости спорят в присутствии мужиков.

— На границе и в деревнях примерно шестьсот штыков,— ответил Мийтрей.— Кроме того, еще сколько-то на железной дороге.

— Да, здорово работает разведка у финнов,— пробурчал Борисов.— Ничего не скажешь. Мы тоже подсчитывали. И не по бумагам в канцеляриях, а людей на месте. Получилось семьсот пятьдесят.

Назревала ссора. Маркке пытался предотвратить ее.

— А что поделывает сейчас правительство в Суомуссалми? — спросил он.

— Ждет, когда наступит время действовать,— заверил Мийтрей.— Часть членов правительства сейчас в Хельсинки, где они...

— ...распродают наши леса и деньги складывают на банковские счета,— вставил Борисов.— Но я боюсь, что они сядут в лужу. Хозяевами Карелии являемся мы — те, кто что-то делает для нее. Или как, по-вашему, старики?

Те, кого он назвал стариками, были еще далеко не преклонного возраста мужики, слывшие совсем недавно заправилами в деревне, ее столпами. Правда, были среди собравшихся и люди небогатые, но по-прежнему безропотно подчинявшиеся воле зажиточных хозяев и пользовавшиеся их доверием настолько, что могли присутствовать вместе с ними на тайном собрании.

— Какие мы теперь хозяева?! — посетовал Степана Евсеев. По возрасту он был из собравшихся самым старым: ему уже за пятьдесят, лысый, с пышной бородой, прикрывавшей грудь. Но широкое румяное лицо его моложаво, без единой морщинки.— Хозяевами мы были в старые времена, когда на земле мир был и в Питере царь-батюшка сидел. А теперь...

— А теперь нам русские цари не нужны! — сердито перебил Маркке.— Цари не нужны, и большевики не нужны. У нас в Карелии должна быть своя власть. И царь тоже свой.

— А что, старики? — Борисов улыбнулся.— Может, поставим царем нашего Маркке, когда победим?

Степана Евсеев ответил вполне серьезно:

— Почему бы не Маркке? Мужик он начитанный, белый свет повидал, с большими господами дружбу водит. Уж он-то власть большевикам не отдаст!

— Кому царем быть, не нам здесь решать! — заявил Маркке. Он воспринял предложение Борисова всерьез и даже не удивился. В самом деле, чем он не царь?

Пожалуй, единственным, что стало известно всей деревне, а затем и всей Северной Карелии из вопросов, обсуждавшихся за затемненными окнами избы Маркке, был этот разговор о царе. В деревнях в те времена немного надо было, чтобы заслужить прозвище и стать Пуавилой Кривошеем, Петри Заикой или Никканой Козлодоем, и с этого вечера столяра Маркке до конца дней его в народе звали царем.

После того как на совещании договорились созвать сельский сход и выбрать на нем делегата от деревни на

собрание представителей волостей Средней и Северной Карелии, которое должно было состояться в Кевятссаари и решить вопрос о будущем Карелии, Борисов сообщил одну вещь, изумившую всех, а Мийтрея буквально лишившую дара речи. Он заявил, что, поскольку Временное правительство Карелии находится за ее пределами и вообще неспособно контролировать положение, карельские партизаны выбрали Временный Комитет, который должен в качестве полномочного органа власти управлять военными, экономическими и прочими делами на территории всей Карелии до тех пор, пока всекарельский съезд, который будет созван после победы, не изберет постоянные органы власти. Своим решением мятежники лишали полномочий как Временное правительство Карелии, так и находившиеся в Петрозаводске органы власти Карельской Трудовой Коммуны: они, видимо, считали свой комитет настолько прочным, что даже не соизволили сообщить о нем в Петрозаводск и Суомуссалми. Таким образом, ни красное, ни белое правительства даже не знали, что они уже низложены.

— Из кого этот комитет состоит? — встревожился будущий царь Маркке.

Борисов перечислил, загибая пальцы:

— Ялмари Таккинен из Финляндии, Васили Левонен из Койвуниеми, Оскари Кивинен из Тунгуды. Кроме того, Васили Кирьянов и Микко Артсунен, оба из Тунгуды, как запасные члены.

Вид у Маркке был удрученный.

— Кто такой Оскари Кивинен? — спросил он.— Остальных я знаю.

— Это я,— ответил Борисов, многозначительно взглянув на Мийтрея: не задавайся, мол, другие тоже не лыком шиты. Потом Борисов, он же Поринен, он же Кивинен, добавил: — Комитет будет утверждаться на собрании представителей в Кевятсаари, но это вопрос формальный.

Мийтрей наконец обрел дар речи и презрительно протянул:

— Временный Комитет. Действительно, он, видно, лишь временный.

Борисов не стал с ним спорить. Мийтрей также выразил свое отношение к Комитету без слов, но весьма откровенно: разливая из фляжки спиртное, он наполнил стакан Маркке, Степаны Евсеева и свой, оставив стакан члена Временного Комитета Оскари Кивинена пустым. Тогда

Маркке так же молча подал Борисову свой стакан, а тот, словно в благодарность, утешил будущего царя:

— В Комитет могут быть дополнительно введены новые члены. Все зависит от того, как пойдут дела на местах и кто себя как проявит.

Однако, несмотря на разногласия, Борисов и Мийтрей были едины в выполнении общего задания, полученного ими свыше: через деревню Совтуниеми проходили стратегические водные пути и зимние дороги, поэтому с военной точки зрения она являлась важным пунктом, где в первую очередь нужно было взять власть. Правда, ни Борисов, ни Мийтрей не могли точно назвать время выступления. Это должен был решить сам Маркке.

Ночью гости ушли. Мийтрей направился на север, а Борисов — обратно в ставку Таккинена.

Как только начало светать, сын Маркке, мальчишка лет тринадцати, побежал по деревне звать народ на сходку.

— Какая сходка? С чего это ни свет ни заря ее созывают? — дивились люди.

— Не знаю. Отец велел сказать,— отвечал парнишка, кутаясь в отцовский полушубок.

Маркке на занимал в деревне никакого поста и не имел права созывать собрание: это-то и удивляло и тревожило людей больше всего.

— Бабам тоже идти? — спрашивали парнишку.

— Не знаю,— отвечал он.— Отец велел заходить только в дома, где есть мужики.

Ваассилу Егорова на собрание не позвали. Он один лежал в жарко натопленной избе. Его бил озноб, силы словно вдруг покинули его. «Видно, скоро конец мне,— думал он.— Жаль, что так и не увижу, как в этом мире дела повернутся». Ваассила верил, что жизнь станет и светлее и лучше. Для того рабочие и крестьяне и взяли власть. Но слишком уж медленно наступала эта новая жизнь. А пока что народ жил хуже, чем при царе. И все это, конечно, льет воду на мельницу Маркке и ему подобных.

Невеселые мысли были у Ваассилы. Жена из Юмюярви не вернулась: приехавшие оттуда два милиционера передали, что она осталась у родственников.

Сходку созвали в самой большой избе — в доме Степана Евсеева. Когда собрались мужики, Маркке сел за стол, взглянул на икону, висевшую над его головой, по-

медлил, потом, видимо решив, что собрались тут не для молитв, кашлянул и, прочистив горло, приступил прямо к делу:

— Уважаемый народ! Я попрошу тишины. Дело у меня к вам.— Но тут он увидел милиционеров, оказавшихся на сходке.— А вы... вы зачем здесь?

— Что это за собрание, если нам нельзя быть на нем? — спокойно спросил один из них.

— На нашем собрании вам делать нечего! — заявил Маркке и взглянул на хозяина дома.

Тот помедлил, потом сказал:

— Ладно. Пусть сидят и слушают.

— Хорошо,— смилостивился Маркке.— Коли хотите — сидите, коли нет — уходите. Но знайте: на Кемь дороги вам нет.

— Что? Кто дал тебе право распоряжаться? — возмутился милиционер, но товарищ дернул его за рукав. Они должны быть осторожными: кое-кто из мужиков был при оружии.

— Милиционеры пришли сюда грабить, отнимать последний кусок хлеба у наших детей,— громко сказал Маркке.

— Врешь!

— Молчать! Или убирайся! — гаркнул Маркке.— Вашей власти конец. Кто вас звал?

— Погоди, погоди...— Милиционер постарше старался сохранить спокойствие.— О чем здесь речь? Вы что, замышляете мятеж против Советской власти?

— Против вас встает вся Карелия.

— Ну, на таком собрании нам действительно нечего делать.

Милиционеры поднялись и вышли.

— Ну, как, отпустим их? — спросил Маркке.— Кто их звал?

— Пусть идут себе, пока не стоит их трогать... Лишь бы в Кемь не пошли...— замялся хозяин дома.

Вскоре с восточного конца деревни донеслось два выстрела.

— Вы что, уже убивать начали? — спросил чей-то испуганный голос.

— Пока не начали, но скоро,— заверил Маркке.— С большевиками пора кончать.

Собравшиеся на сходку мужики успокоились, увидев из окна, что милиционеры идут по берегу на запад, в сто-

рону к Юмюярви. Выстрелы, которыми их заставили вернуться обратно, дали понять, что Маркке не шутит.

— К нам приходили два человека. Один из правительства Карелии из Финляндии, другой от нового комитета, который образован здесь, в наших краях. Они удивлялись, почему мы сидим сложа руки в то время, как вся Карелия поднимается на борьбу с большевиками...— сказал Маркке на сходе.

Вскоре в деревне появились те, кто давно скрывался в лесу. Все они были с оружием. Кое-кто наоборот пытался уйти на восток, в Кемь, но не мог. Из деревни не выпускали никого, даже тех, кто хотел проверить силки.

На третий день из Юмюярви вернулась жена Ваассилы. Она вошла в свою избу и тут же выбежала, заголосила на всю деревню:

— Люди добрые! Идите сюда! Ваассилу убили! Ваассила умер!

Ваассила лежал на полу нетопленной избы, скорчившись и держась окоченевшими руками за живот. Никаких ран на нем не обнаружили. Лишь на шее был небольшой синяк. «Может, он упал с лежанки и задел за что-то. Но почему он держался за живот? — удивлялись люди.— Ведь живот у него не болел. Грудной болезнью он маялся...»

Тайну смерти Ваассила унес с собой в могилу.

Советская власть в Совтуниеми пала. Правителем здесь стал Маркке, которого сперва прозвали царем деревни, а потом дали прозвище «карельский царь». Немалый чин получил Маркке и у белых: он был сразу же объявлен командиром роты, хотя в его подчинении не было по-настоящему и взвода.

Ледостав в ту осень затянулся. Капризная и беспокойная река покрывалась льдом, лед чуть засыпало снегом, и казалось, река уже манила попробовать свой ледяной покров. Сегодня можно идти пешком, а завтра, глядишь, уже и на лошади. Потом вдруг река опять ломала лед, словно насмехаясь. Льдины тянулись одна за другой, сбивались вместе и, дождавшись мороза, снова одолевали течение, но через неделю, с наступлением оттепели, река снова вырывалась на свободу. А между двумя оттепелями случилось чудо. Мимо деревни по неокрепшему льду реки промчались сани. Лошадью правил Теппи-Вилле, один из вуоккиниемских красных, а в санях сидели два красноармейца. Удивительно было, как лед выдержал

их,— по нему даже ходить было опасно. А еще удивительнее, как им удалось проскочить мимо деревни,— ведь с обоих берегов по ним палили что есть мочи...

«Царская власть» в Совтуниеми кончилась без всяких революций. Достаточно было дозорным сообщить, что со стороны Юмюярви к деревне приближается группа красноармейцев, как «царь» поспешно покинул свой «престол». Когда красные разведчики вошли в деревню, в ней не оказалось ни одного взрослого мужчины, если не считать стариков. Кое-кому из мужиков, не признавших «Совтуниемскую монархию», удалось все же окружным путем уйти в Кемь, остальных своих «подданных» Маркке увел в тайгу. Правда, впопыхах он забыл на столе список своей роты. Не окажись этот список в руках красных, наверное, многие бы вернулись домой к мирной жизни. Но теперь было поздно. Теперь Маркке удалось убедить их, что того, кто вернется, большевики расстреляют, они уже ищут их. И правда: те, кто сомневался в словах Маркке, убедились в этом сами, побывав ночью в деревне.

Маркке сделал старый, но испытанный ход: он «забыл» список своих людей.

ЕСЛИ УПАДЕШЬ С ПЛОТА...

Борисов вернулся в лагерь усталый и промокший. Куда и зачем он ходил, никто не спрашивал: не положено. Всех обрадовало то, что он привел с собой корову. Удивительно, как ему удалось переправить ее живьем через топкое, покрытое мокрым снегом болото. Может, он тащил ее на себе? Роста Борисов был огромного, в плечах косая сажень. Широкое, скуластое лицо с густыми черными бровями и насупленный взгляд маленьких колючих глаз придавали ему особую мрачность. Ручной пулемет «льюис», который он, возвратившись, положил на нары, не всякому мужичонке было под силу таскать с собой, но в руках Борисова эта тяжелая и довольно громоздкая штука выглядела игрушкой.

Три недели назад здесь, в лесной избушке, состоялось собрание «лесных партизан», как теперь называли себя мятежники на Тунгудском участке. На собрании произносилось немало речей, партизаны дали присягу и одобрили длинное выспренное обращение, адресованное народу

Финляндии от народа Карелии, предназначенное прежде всего для правых газет. На собрании были лишены своих полномочий Временное правительство Карелии и правительство Карельской Трудовой Коммуны и образован «обладающий всей полнотой власти» Временный Комитет. Резиденцией нового правительства и была эта лесная избушка, окруженная со всех сторон топким, грязным болотом.

Военным руководителем был Таккинен, он обладал высшей властью. Левонен оставался идейным и религиозным руководителем. Борисов, являвшийся также постоянным членом Комитета, был подручным для обоих. Он славился тем, что умел убивать без речей и молитв. «Партизаны» и население ближайших деревень боялись его больше, чем Таккинена и Левонена. Одно его имя вселяло ужас. Да и наружность у него была тоже устрашающая. Таккинен поручал Борисову такие дела, которые он считал для себя слишком грязными. Стоило ему только кивнуть, как Борисов без разъяснений понимал, что́ он должен делать. Борисову было безразлично, кого и за что убивать. Ему было все равно, как убивать — застрелить или прикончить без шума. Когда он уходил приводить в исполнение вынесенный кому-то смертный приговор, его широкое лицо оставалось невозмутимым. И возвращался он с задания тоже спокойным, словно ходил за угол по своим делам.

Васселей чувствовал к Борисову внутреннюю неприязнь. И невольно содрогался. Нет, не от страха — от отвращения. Борисов, наверное, уже заметил, что он неприятен Васселею, и их отношения были натянутыми. Иногда Васселей бросал язвительные замечания в его адрес, но тот всегда отмалчивался.

Корова стояла на привязи под деревом и дрожала от холода. Кто-то должен был зарезать ее. Охотников не находилось, и Васселей сказал Борисову:

— Может, ты попробуешь? Ты, поди, не только людей убивать умеешь?

Ни один мускул на лице Борисова не дрогнул. Он лишь взглянул на Таккинена. Кивни ему Таккинен — и Васселею пришлось бы худо. Васселей знал это и втайне даже желал, чтобы Борисов бросился на него. Васселей был на голову ниже Борисова, но зато проворнее, и он, конечно, успел бы выхватить револьвер, и тогда этому извергу пришел бы конец. Но Таккинен, совсем молодой, худосочный, похожий больше на подростка, чем

на мужчину, обладал такой властью, таким авторитетом, что Борисов робел перед ним.

— Наверно, в этом деле у вас обоих рука одинаково твердая,— заметил Таккинен миролюбиво.

Кириля попытался разрядить обстановку шуткой:

— Корову убивать не надо. Стоит Борисову взглянуть на нее — она со страху околеет.

Подмигнув дружески Васселею, Таккинен взял Борисова под руку:

— Нам надо посовещаться. Где Левонен?

Когда начальство заперлось в своей каморке, все переглянулись: «Неужели начинается?»

На поляне перед избушкой пылал костер, окруженный с трех сторон стенками из хвойных веток. Привязанная к дереву корова, подрагивая от холода, печально смотрела на костер, пламя которого отсвечивалось в ее глазах, то вспыхивая, то угасая, и тихо мычала. Корова была совсем молодая. Ей бы стоять сейчас у себя в хлеву, в тепле да в спокойствии, а не дрожать, горемычной, под открытым небом в глухой тайге. «Чьи же это детишки остались без молока? — подумал Васселей, и сердце его сжалось.— А есть ли молоко у его Пекки?»

— Васселей! Может, зарежешь ее? — предложил повар.

— Кириля, помоги им,— сказал Васселей и, взяв ведра, пошел, не оглядываясь, к краю болота за водой.

— Ох-хой, буренка-то хорошая! — вздохнул Кириля, берясь за топор.

Васселей неторопливо шел по лесу, потом долго стоял у болота. Отправься он сейчас через болото дальше, караульному даже в голову не пришло бы остановить его. Но куда идти?

В болоте было сооружено что-то вроде колодца: вокруг «окна» в трясину утоплены сосновые чурки. «Окно» успело уже затянуть льдом, и пришлось ломать его колом.

Васселей ударил слишком сильно, и кол, пробив лед, ушел глубоко, взбаламутив воду. Васселей не стал дожидаться, когда осядет муть. «Какова скотина, таково и пойло!» — зло подумал он, не отделяя себя от других, и зачерпнул полные ведра мутной воды.

Когда он подошел к костру, с коровьей туши уже снимали шкуру. Над огнем висели два больших котла. Вылив в них воду, Васселей снова отправился «к колодцу».

В тот вечер ни мяса, ни соли не жалели. Скоро у них будет всего вдоволь.

— А едоков станет поменьше,— добавил Васселей.

— Что ты этим хочешь сказать? — как всегда, насторожился Паавола.

— А то, что на войне не одни буренки своей жизни лишаются,— охотно объяснил Васселей.

Настроение у всех было приподнятое. Наелись до отвала, покурили, отдохнули и опять сели за стол. А в котлах уже варилась новая порция мяса.

Начальство все еще совещалось. Видно, речь шла не о какой-то небольшой вылазке, а о настоящем деле.

Наконец дверь каморки распахнулась. Первым вышел Таккинен, за ним остальные.

— Ну, ребята, начинаем! — радостно объявил он.

— Сейчас?

— Нет, не сейчас,— улыбнулся Таккинен.— Надо провести еще одно собрание.

Васселей залез на нары. Надо было подумать. В голове все перепуталось. Вот уже три года он занят одной мыслью — как бы уйти от этих людей, порвать с ними. Все эти годы жизнь казалась постыдной, преступной. Все эти годы они то скрывались, то нападали из-за угла. Теперь они будут солдатами. Начнется открытый честный бой, в котором можно или победить, или быть побежденным. Вести честный бой Васселей привык. Он может кому угодно сказать, что он служил в царской армии, воевал в ее рядах. Пусть нет ни царя, ни армии, все равно русскую армию, ее боевые пути, победы и поражения никто не имеет права осмеивать и охаивать... Теперь он опять — солдат... Какой армии? Они называют ее «освободительной» армией Карелии. Они — освободители Карелии? Васселей устал ломать голову над этим вопросом и, вспомнив услышанное когда-то, что правой оказывается всегда та армия, которая побеждает, перестал терзать себя сомнениями. Но тут Левонен начал свою вечернюю проповедь, и Васселея больно кольнуло при мысли, что если они победят, то, значит, и Левонен ратует за правое дело. «Ну нет! — Он тихо чертыхнулся.— Хоть бы сегодня этот дьявол сидел и молчал!»

Молитва Левонена на сей раз оказалась короткой: Таккинен посоветовал старику не затягивать сегодня богослужение, чтобы люди могли лечь пораньше спать.

«Крестьянин пашет, а солдат воюет,— усмехнулся про себя Васселей.— Крестьянин мечтает об урожае, а солдат — о победе. Так что лучше не думать, а повернуться

на другой бок и заснуть». В избе было тепло, ветер шумел в высоких елях. После плотного ужина сон быстро сморил его...

Ночью Борисов разбудил обитателей избушки:

— Подъем! Пора отправляться!

Натягивая сапоги, Васселей спросил:

— Куда же мы идем? На войну или на грабеж? Ты уж, верно, забыл, как в таких случаях командуют?

— Ничего я не забыл,— буркнул Борисов.

Небо было такое черное, что на его фоне верхушки деревьев почти невозможно было различить. Лишь внизу, где земля припорошена осенним снежком, казалось чуть светлее. Первыми вышли в путь разведчики. Через некоторое время, когда они уже должны были перейти болото, двинулись и остальные.

Переправившись со своим отрядом через болото, Таккинен устроил привал, чтобы люди могли отдохнуть и вылить из сапог холодную болотную жижу. Он подошел к группе Васселея и заговорил о том, что им нужно овладеть как можно большей территорией, чтобы иметь право попросить помощь у Финляндии.

— Железную дорогу будем брать? — поинтересовался Васселей.

Таккинен заколебался:

— Мы сможем прервать железнодорожное сообщение лишь временно.

— Господин главнокомандующий! — заметил Васселей.— Но разве с военной точки зрения овладеть железной дорогой не первоочередная задача?

— С военной точки зрения! — усмехнулся Борисов.— Это у большевиков во всяких реввоенсоветах обсуждаются приказы, а у нас их получают и исполняют.

Но Таккинен подмигнул Васселею.

— Вилхо прав,— сказал он.— Железная дорога дает противнику большие преимущества. Имей и мы железнодорожное сообщение с Финляндией, мы были бы намного сильнее. Но наступление на железную дорогу нам придется отложить. Сил у нас маловато.

К утру вышли к Кевятсаари.

Заняв деревню, Таккинен сказал со смешком:

— Вот и первая наша победа! Мы не потеряли ни одного солдата и не истратили ни одного патрона.

Кевятсаари значит по-карельски «весенний остров». Хотя она и называлась островом, никакого острова не

было. Сама деревня была расположена на восточном берегу губы, на другой стороне которой выдавался широкий мыс. Но весной, когда таял снег, перешеек между мысом и берегом всегда заливало водой, и мыс на три-четыре недели превращался в остров. Потом вода спадала, и мыс становился опять мысом.

На мысе стоял большой дом Луки Ехронена, построенный в финском стиле: изба, скотный двор и амбар, поставленный отдельно от жилой избы, образуют квадратный двор. Но этот дом и большие поля, принадлежавшие до революции Ехронену,— все это было мелочью по сравнению с состоянием, которым он владел в Финляндии. Начав с коробейничества, он вырос в крупного дельца, владевшего магазинами в трех финских селах. Здесь, на родине, в отчем доме хозяйство вел старший сын Ехронена. В последнее время поговаривали, будто два младших сына Луки тоже обитают где-то поблизости от родного дома, но старший их брат утверждал, что все это выдумка. Но вот в деревне появился отряд Таккинена и чернобородому хозяину дома уже не надо было опровергать эти слухи — его младшие братья открыто вернулись домой.

Приказав отряду занять боевые позиции на подступах к деревне, Таккинен со своими приближенными направился к дому Ехроненов. Хотя Васселей и не входил в число приближенных, Таккинен позвал его с собой.

Борисов остановил было Васселея:

— Куда прешь? Чего тебе здесь?

— По тебе соскучился.

Главнокомандующий обернулся и крикнул с крыльца:

— Иди, Вилхо, иди.

Просторная изба была полна народу. Одни были с оружием — винтовками, берданками, дробовиками, другие — без. Здесь собрались мужики чуть ли не изо всех деревень Северной Карелии. В углу избы стоял поп из Киймасярви в длинной черной рясе и о чем-то перешептывался с Таккиненом, который едва доставал ему до плеча. Переговорив с главнокомандующим, поп начал расхаживать по избе, словно выискивая кого-то среди собравшихся. Огромного роста, чуть сутулый, он ходил, согнув длинные руки в локтях, точно искал среди мужиков достойного противника, с которым можно было бы помериться силой.

Васселей огляделся. Из Тахкониеми никого не было. Он подошел к Таккинену и на всякий случай поинтересовался, нет ли кого из его родной деревни.

— Ты будешь представлять Тахкониеми,— ответил Таккинен и подошел к столу.

Кашлянув, он торжественно начал:

— В эти исторические дни, когда мы начинаем вооруженную борьбу за свободу Карелии и веру... помолимся господу, чтобы благословил он наше оружие и даровал нам победу в нашей благородной борьбе... Взойдем вместе с Моисеем на гору Синай, откуда всемогущий господь наш покажет нам землю Ханаанскую...

Оказалось, что главнокомандующий может проповедовать не хуже самого Левонена.

Какой-то старикашка внимательно слушал речь Таккинена, пытаясь вникнуть в смысл витиеватых фраз, и потом шепотом спросил у Васселея:

— Я не расслышал. Где же эта гора Синайская находится? Далеко, говоришь? А в какую же это землю Кананскую нас, горемычных, поведут? Уж не под Каяни ли эта земля?

— Чуть подальше,— улыбнулся Васселей.— Ты слушай. Куда поведут, туда и пойдешь.

— А-а! А что он там про гору Синай еще говорил? Неужто синайцы без нас не обойдутся?

— Карелы должны всем помогать,— отшутился Васселей.

— Под защитой нашего оружия карелы могут свободно обратиться с молитвой к господу богу,— говорил Таккинен.— Большевики глумятся над верой и служителями культа, они убивают священников...

Васселей усмехнулся. Ему только что рассказали, как киймасярвский поп один справился с пятью вооруженными красноармейцами. «Чего же они его не убили?»

— ...Под защитой нашего оружия вы услышите слово божие из уст своего земляка-карела. В этот великий час едины и согласны обе веры — и православная, и лютеранская, ибо господь бог един и всемогущ... Прошу вас, отец.

Киймасярвский поп прочистил горло и... у батюшки оказался такой голосище, что посуда на воронце зазвенела, а лица слушателей, вместо того чтобы принять благочестивое и богобоязненное выражение, скривились от едва сдерживаемого смеха. Батюшка обладал таким басом, что впору было затыкать уши. Таккинен взглянул на задребезжавшее окно. Вид у него был испуганный: уж не подумал ли он, что красные услышат этот громкий бой и поднимут тревогу?

Со стороны озера к дому Ехронена подходили люди. Но их нечего бояться: это были запоздалые представители из дальних волостей. В избе стало так тесно, что пришлось выпроводить любопытных, чтобы освободить место для делегатов.

Заняв место за столом, Таккинен вглядывался во вновь прибывших, нет ли среди них чужих, нежеланных людей.

— Братья карелы! Мы собрались здесь... Да, если никто не против, я буду вести собрание. В ваших сердцах горит пламя святой борьбы... Настало время взяться за оружие и говорить на языке огня и свинца.

Таккинен говорил рассеянно. Его тревожила мысль о том, что красные наверняка заметили такое большое скопление людей. Если придется принять бой, то на этом острове можно оказаться в ловушке.

— Я предлагаю: пусть представители волостей сделают краткие сообщения о положении на местах и о степени боевой готовности своей деревни...

Первым слово взял Маркке:

— Народ Северной Карелии единодушно решил...

«Ого! Размахнулся Маркке,— подумал Васселей.— Будто он один из Северной Карелии...»

— Ясно! — прервал Таккинен.— Обстановка в Совтуниеми? Степень вашей готовности?

— Мы больше чем готовы. Мы уже овладели деревней. Правда, под натиском превосходящих сил противника вынуждены были временно оставить, но...

— Спасибо,— Таккинен кивнул.— А как в Юмюярви?

Обескураженный Маркке прошел на свое место.

Обстановку в Совтуниеми Таккинен знал и без этого сообщения. «Не поторопились ли они там с выступлением? — думал он.— Но дело сделано». Задумавшись, Таккинен забыл назвать следующего оратора, и к столу без вызова протиснулся крестьянин в овчинном полушубке. Васселей обомлел. Это был Юрки Лесонен, его старый знакомый. Да в уме ли он? Как он решился прийти сюда? Или, может быть, он переметнулся к белым?

— Я пришел сюда из-за Вуоккиниеми. Меня послал народ, что живет в деревеньках да на хуторах нашей дальней округи...— сказал Юрки.

— Интересно.— Таккинен с любопытством разглядывал этого крестьянского ходока.— Мы оттуда никого не ждали. Прошу вас, говорите.

— Вот что велели люди сказать мне,— неторопливо продолжал Юрки. Он обвел взглядом собравшихся в избе мужиков, словно пытался определить, поддержат ли они его.— Так вот. Велели они передать, что карелы должны жить, как им хочется.

— Правильно! — поддержал Таккинен.— Карелия — карелам! Ну как там у вас — готовы?

— К чему готовы? — Юрки посмотрел в упор на Таккинена.— Нам больше ничего не надо, лишь бы люди в мире жили. Ведь столько уже было войн, что больше воевать никому не хочется. Давайте старое поминать не будем, а... Погодите, погодите. Дайте мне закончить. Я насчет новой войны хочу сказать...

— Вы хотите жить под ярмом большевизма? — перебил Таккинен.— Ты кто такой?

— С большевиками мы договоримся по-хорошему, ежели нам...

— Ну, говори. Все выкладывай,— грозно сказал главнокомандующий.— У нас свобода слова.

— Хорошо, если у вас свобода. Народ велел мне сказать, что ни с большевиками, ни с финнами войны мы не хотим. Пусть финны по-хорошему уйдут. Мы их проводим, как добрых гостей, как положено, на границе руку пожмем на прощание, разойдемся как соседи. А как финны уйдут — и мир будет. Подумайте, люди добрые, как это было бы хорошо. Ведь жизнь бы сразу наладилась...

— Ясно,— сказал Таккинен.— Речь комиссара мы выслушали.

— Никакой я не комиссар и не царь. Я сказал то, что мужики наказывали мне передать.

По знаку Таккинена Борисов взял Юрки за руку и повел к выходу, Васселей встал перед ним и громко сказал:

— Я уведу его.

— Ты? — Таккинен удивился.— Поринен, веди собрание...

И он вышел с Васселеем в сени. Юрки оставили в избе.

— Ты понимаешь, куда его надо вести? — спросил Таккинен.

— Да, господин главнокомандующий.

— У тебя что с ним, свои счеты?

— Да, господин главнокомандующий.

— Но ведь выстрелы могут вызвать тревогу.

— Я отведу его подальше.

— Ладно, веди.

То ли Юрки слышал их разговор, то ли догадался, о чем они говорили, но он побледнел. Чтобы у него не осталось никаких сомнений в отношении своей участи, Васселей сунул ему в руки лопату и ткнул револьвером в спину.

— Каким же я буду по счету из тех, которых ты расстрелял? — спросил Юрки, когда они вышли на дорогу к лесу. Он понимал, что от такого матерого бандита, как Васселей, ему не убежать и пощады тоже просить бесполезно. Он решил умереть как мужчина. Конечно, отправляясь на собрание, он должен был знать, какая судьба ему уготована, но наказ односельчан надо было выполнить, и он выполнил его.

— Иди, иди...

Васселей угрюмо шагал следом.

Они вошли в лес, миновали передовой дозор.

Наконец Васселей велел остановиться и сел на пень. Юрки начал копать могилу. Ему хотелось поговорить перед смертью с Васселеем. Он не собирался взывать к совести: такого бандита словами не проймешь. Просто хотел сказать то, что лежало на душе.

— Я умру, но за меня никому не будет стыдно,— говорил Юрки.— Если кто и вспомнит, так только добрым словом. Я знал, на что иду. На верную гибель я шел, но наказ людей выполнил. А ты... Из-за тебя всему Тахкониеми стыд и позор...

— Копай да помалкивай!

— Копаю, я копаю. Хотелось бы мне лежать на своем кладбище. Да ладно... все равно земля-то одна, своя, карельская. А ты подохнешь как собака.

— Копай, копай.

— Мне торопиться некуда. Дай уж сказать... Отец твой людям в глаза смотреть стыдится. Трех сыновей твоя мать родила. Двое людьми стали, а третий бандитом. И сыну твоему тоже... На весь век позор: сын бандита...

— Хватит! Брось лопату!

Не успел Юрки бросить лопату и выпрямиться, как хлопнул выстрел. Пуля просвистела над его головой. Юрки вылез из ямы и начал медленно расстегивать полушубок на широкой груди.

— Что? Рука дрожит? Попасть не можешь?— спросил он спокойно.— Неужто и у бандита рука может дрогнуть?

Грохнул второй выстрел. Снова — мимо.

— Подойди поближе, сволочь...— Юрки распахнул полушубок. Приготовившись умереть достойно, он не заметил горькой усмешки на лице Васселея.

— Перкеле! — прошипел Васселей.— Убирайся к черту, не то застрелю в самом деле! Не видишь, что ли?

Лишь теперь Юрки увидел, что дуло револьвера направлено на низкие серые тучи, медленно плывущие над лесом.

— Так ты... серьезно?

— Слушай, Юрки! Если хочешь жить, беги. Да так, будто за тобой три беса гонятся. И забудь о том, как живым остался. Если проболтаешься — я тебя хоть из-под земли достану и уж тогда в белый свет пулять не буду. Ну! Чтоб духу твоего не было!..

— Но послушай, а...

— Ты свое уже сказал. Ну?

Грохнул третий выстрел. Пятясь задом, Юрки начал отходить от могилы, словно все еще не верил в свое спасение, а хотел встретить смерть лицом к лицу. Потом, натолкнувшись спиной на дерево, круто повернулся и побежал.

Васселей забросал могилу землей. Если кому-нибудь вздумается поглядеть, где Юрки лежит,— пожалуйста, могила как могила. Выстрелы, конечно, тоже слышали. Если не в деревне, так в передовом дозоре уж точно. Тремя выстрелами можно на тот свет отправить самого живучего человека. Так что сомневаться им нечего.

Когда Васселей увел Юрки, Таккинен занял свое место за столом и сказал:

— Мы даем высказаться и таким. Кто еще хочет взять слово?

Из окон было видно, как предыдущий оратор с лопатой в руке и в сопровождении Васселея направился к лесу. Какой-то мужичонка в таком же полушубке, как и Юрки, стоявший в первом ряду, попытался было втиснуться в толпу, но Борисов заметил и угадал его намерение.

— Ты куда? Иди сюда, скажи, какой наказ тебе народ дал?

— Да я не...— Мужичонке не хотелось с лопатой идти в лес.

— Тебе сказать нечего? — грозно спросил Таккинен.

— Да я не... Самому мне нечего. Люди-то наказывали, да...

— Что они наказывали тебе сказать? Ну!

— Да я... Пусть сами скажут.

— А ты сам за кого?

— Да я... Куда все, туда и я.

— Распишись вот тут.

Согнув палец, словно держа его на спусковом крючке, Таккинен ткнул им в бумагу и поглядел в упор на мужичонку. Тот послушно подошел к столу и поставил крест на указанном ему месте...

Васселей вернулся на собрание. Он почувствовал, что на него смотрят осуждающе, со страхом. «А, один черт! Пусть думают, что хотят...»

Желающих выступать больше не нашлось.

— Мы тут посоветовались,— сказал Борисов,— и пришли к мнению, что все ясно и речами положение не поправишь. Народ ждет не слов, а дела.

— Настало время действовать,— начал было Таккинен и замолчал, взглянув в окно. Там происходило что-то непонятное. Какой-то старикашка в рваной шубе, с берестяным кошелем за спиной пытался прорваться в избу, где шло собрание.— Впустить его! — крикнул Таккинен.

Старикашка вбежал в избу и, запыхавшись, долго не мог ничего сказать.

Таккинен подскочил к нему, схватил за плечи:

— Что? Что случилось?

— Бегите! Скорее! — выдохнул старик.— Красные...

— Много?

— Много, много. Может, батальон. А может, полк...

— Сколько, сколько человек?

— Может, шестьсот, а может, вся тысяча. Не считал. Весь лес полон... Пушки у них, пулеметы всякие...

В избе начался переполох.

Лишь лет пятнадцать спустя по устным рассказам, сохранившимся в памяти молодого поколения, удалось установить, кто был виновником панического бегства мятежников из Кевятсаари. Оказалось, что в тот день два кевятсаарских старика глушили налимов на замерзшем лесном озерке верстах в двух от деревни. Это были те самые братья, которые год назад на тайной сходке в риге покойного Ярассимы предложили свой план сохранения мира в деревне. В последнее время, когда

опять стало неспокойно, братья обитали в лесной избушке, неподалеку от деревни. В Кевятсаари, в огромном родовом доме, где все жили одной семьей, оставались лишь жены, четыре невестки и десяток малолетних детей. Да и в остальных семьях из мужчин были лишь совсем дряхлые старики да мальчишки. Ночами братья заходили домой, узнавали новости. Случалось, невестки приходили к ним в лес за рыбой и рассказывали, что делается в деревне. О собрании в избе Ехронена старики тоже узнали в тот же день. Они встревожились. Слишком опасными гостями были эти люди, явившиеся в их деревню. Одна беда да всякая напасть от них... Но что могли поделать два старика перед такой оравой? Лишь повздыхать да сокрушенно покачать головой. Видно, решение, принятое в риге покойного Ярасимы, на сей раз им не удастся исполнить. А тут еще они увидели, как из-за болота появились красноармейцы. Старики испуганно переглянулись. Без слов было ясно, что войны в деревне теперь не избежать. Вот беда-то... Сколько невинных людей, баб да детишек под пулями погибнет, сколько изб сгорит, если начнется бой. И за что бог так наказал их? Неужто в другом месте не могут красные и белые силой помериться... И тогда стариков осенило. Красных было совсем немного, человек пятнадцать, не больше. Надо быстренько предупредить их, сказать, что белых в деревне полным-полно, ходить туда нельзя. А белым надо сказать, что красных идет тьма-тьмущая. И ежели у тех и других есть хоть капля ума, они убегут и оставят деревню в покое. Красные, конечно, снова потом придут, уже с большей силой, но белых-то в деревне не будет... Старики поняли друг друга с полуслова. Один побежал в деревню, другой — навстречу красным...

В стане мятежников началась паника. Первыми о приближении несметных полчищ красных узнали в передовом дозоре. Пока старик бежал до избы Ехронена, весть об опасности обошла все посты боевого охранения. Уже смеркалось. С перепугу в темном лесу можно увидеть что угодно, и кто-то из мятежников выстрелил. Началась пальба. Когда в темноте гремят выстрелы, кажется, словно в лесу что-то шевелится, двигается, и чем сильнее страх, тем отчаяннее стрельба. Пулеметчик тоже не выдержал и начал строчить в темноту...

Остановленные стариком красноармейцы услышали впереди стрельбу и, решив, что их обнаружили, повернули обратно. У них был приказ не вступать в бой.

Белые тоже бежали из деревни. Услышав выстрелы, многие бросились к озеру и хотели уйти по льду через губу, но лед не выдержал, и беглецов пришлось вытаскивать из воды. Таккинен и Борисов пытались собрать людей и организовать оборону. Но мало кому хотелось идти на огневые позиции, где все грохотало и гремело. Кое-кого пришлось огреть кулаком, чтобы заставить подчиниться. Вокруг раздавались крики и беспорядочные выстрелы. Наконец Таккинен дал приказ к отступлению. И стрельба понемногу затихла.

Главнокомандующий решил, что противник также отступил, но на всякий случай послал в разведку Васселея и Кирилю.

Они долго шли по ночному лесу. Затем, выйдя к болоту, нашли какие-то следы и вернулись в отряд, доложив, что красных было много и, по-видимому, они повернули обратно, чтобы, собравшись с силами, ударить еще раз.

— Ничего, мы их встретим как положено,— хмуро сказал Таккинен.— Мы закрепимся в следующей деревне.

Следующая деревня оказалась на склоне холма, у подножия которого лежало небольшое озеро. Время было еще ночное, и ни в одном окошке света не было. Разведчики сообщили, что в деревне нет ни красноармейцев, ни милиции. Можно спокойно входить и располагаться на отдых. Но Таккинен не торопился занимать деревню. Он был так взбешен случившимся, что не чувствовал усталости. Разве он для того работал, не жалея сил, сколачивал отряды, чтобы они разбежались при первом выстреле? Как он может теперь полагаться на этих трусов? Таккинен не знал, что ему делать. Построить отряд и расстрелять перед строем несколько паникеров? Нет, нельзя. Во всяком случае, сейчас. Да и построить он может лишь три десятка бойцов, оставшихся с ним и отступивших более или менее организованно. Всего должно было быть человек полтораста. Точного числа Таккинен сам не знал, потому что многие из представителей деревень, собравшихся в доме Ехронена, поодиночке уходили выполнять полученные ими задания. А сколько их разбежалось? Не мог же Таккинен срывать зло на этих усталых и угрюмых бойцах, оставшихся верными ему.

— Объявим построение или подождем еще? — спросил Борисов.— Остальные, может быть, совсем не придут.

— Черт с ними! — буркнул Таккинен. — Лучше уж пусть красные их прикончат, чтобы нам на них не тратить патроны. Пусть люди идут отдыхать. Только не забудь выставить дозоры. От этого сброда никакого толку. Только жрать мастера да пятки смазывать. Бандиты проклятые.

— Господин главнокомандующий, не следовало бы употреблять это слово, — осмелился заметить Борисов. — Идите и вы отдыхать.

Отряд расположился в деревне, выставив дозоры на всех направлениях. Застать врасплох его теперь не могли.

Положив под голову вещевой мешок, Васселей растянулся на полу чьей-то избы, втиснувшись между спавшими вповалку мужиками. На дворе проскрипели чьи-то шаги. Кто-то с кем-то обменялся словами, сказанными полушепотом, потом слышно было, как пришедшие искали дверь в темных сенях, наконец открыли ее и, войдя в избу, стали на ощупь подыскивать себе место среди спавших. Это был кто-то из отставших. «Пришлось-таки вернуться. Неужели им некуда было деваться?» — подумал Васселей. Ему вспомнились сказанные кем-то, кажется, Кирилей, слова о том, что они похожи на несчастных, которых унесло на плоту в открытое озеро. Если и упадешь, все равно — хочешь не хочешь — вскарабкаешься на плот, хотя ветер и гонит его совсем не туда, куда бы тебе хочется.

Одни и те же гнетущие мысли преследовали Васселея. Казалось, все это был кошмарный сон, который никак не кончался. Вчера, уходя с заимки, он утешал себя надеждой, что теперь они станут солдатами и будут вести открытый бой. Сегодня Васселею было стыдно. Он понимал Таккинена, с которым у него было одно понятие о воинской чести: ведь оба они считали себя бывалыми солдатами. Еще больше Васселея угнетала вчерашняя встреча с Юрки Лесоненом. Да, пришлось ему опять вскарабкаться на плот. Пусть несет куда угодно. Впрочем, бывает, что и в лодке, хотя гребешь изо всех сил, тебя уносит ветром в сторону.

...Давно это было, очень давно. Они с Анни поехали за сеном на озеро. Накосили сена, насушили и принялись складывать в лодку. Столько нагрузили, что Анни испугалась ехать с таким грузом, тем более что на озере поднимался ветер. Но Васселею хотелось показать свою удаль. Чем дальше уходили от берега, тем сильнее становился ветер. Васселей и сам пожалел, что не остался на берегу. Да было поздно. Еще он сожалел о том, что посадил на весла

жену, а сам сел править. Поменяться местами они уже не могли. Для этого им пришлось бы обоим перебираться через высокий воз сена, а лодку уже бросало из стороны в сторону. Стараясь перекричать ветер и грохот волн, Васселей кричал Анни, чтобы она гребла сильнее. Она плакала от страха и гребла, гребла. Васселей, налегая на гребок, изо всех сил помогал жене. Волны захлестывали лодку, били через край. Сено промокло, отяжелело. Лодка оседала все глубже.

— Поверни лодку. По ветру держи! — слышал Васселей крик Анни, но опять не послушался. А надо было. Ветром лодку вынесло бы к берегу, пусть не к своему, но все же... Когда Васселей понял это, было уже поздно. Лодку залило водой, и она начала тонуть. До этого их качало, словно они были на качелях, бросая то вверх, то вниз. Вдруг качка прекратилась, волна хлестнула Васселея по плечам, накрыла с головой...

— Анни!

Только теперь, в минуту опасности, он вспомнил о ней. О себе он не думал. Волны начали размывать сено, а Васселей увидел, что над водой торчит лишь нос лодки. Держась за ушедшие под воду борта, он пытался добраться до того места, где должна была быть Анни. Она держалась за борт, голова ее то уходила под воду, то опять появлялась.

— Иди на нос, Анни, иди на нос!

Схватив ее одной рукой, а другой цепляясь за борт, Васселей стал подтягивать жену.

— Держись, Анни. Крепче держись!

Анни вцепилась обеими руками в нос лодки. Волной с нее сорвало платок, и светлые волосы полоскались на воде, словно кто-то вымачивал лен в быстрой струе. Вынырнув, Анни отфыркивала воду изо рта, и тогда казалось, что она смеется. Страшный то был смех...

На озере был малюсенький остров, на котором едва умещались две чахлые сосенки. Но около острова мель. Затонувшую лодку пронесло бы мимо, если бы Васселей, задев ногами за дно, не сумел подтащить ее с остатками сена на более мелкое место. Когда днище лодки стало задевать о камни, Васселей бросился к жене, хотел перенести ее на берег, но Анни была без сознания. Она вцепилась в лодку мертвой хваткой, и он едва сумел оторвать ее руки от борта. Разжимая сведенные судорогой пальцы, он больше всего боялся, что сломает их. На берегу он по-

ложил Анни ничком и начал трясти ее за плечи. Изо рта пошла вода. А Васселей тормошил ее и плакал. Да, тогда он плакал, проклиная себя, взывая к богу и дьяволу, чтобы Анни, его любимая Анни, осталась жива. Он обнимал ее, целовал... Потом Анни открыла глаза и тихо сказала:

— Васселей.

Лишь тогда он бросился в воду догонять лодку, которую уносило ветром. Подтащив ее к берегу, он, во власти радости и какой-то бешеной злобы, разбросал остатки сена. Готов был швырнуть и лодку, но она была нужна ему, чтобы спасти Анни. Волной унесло черпак. Васселей вытянул лодку на мелкое место, накренив ее, вылил часть воды, подтянул еще ближе к берегу, снова вылил воду. Вытащив лодку на берег, он побежал к жене...

— Анни!

Ему показалось, что она опять лишилась чувств. Но она просто спала. Поцеловав, Васселей разбудил ее. Она улыбнулась. Заплакала и засмеялась сквозь слезы.

Как давно это было! И как далеко! Словно где-то на другой земле...

— Помнишь, как на острове?..— часто потом спрашивала его Анни.

Мало, очень мало им пришлось быть вместе. Мало у них было счастья. Но это «Помнишь, как на острове?..» стало для них чем-то заветным, сокровенным, словно волшебным словом, от которого все в мире становилось чудесным, и тогда снова возвращалась молодость, нежность, любовь...

В переполненной храпевшими мужиками избе было темно, и никто не видел, как на глаза человека, побывавшего во всяких переделках и испытавшего, кроме той далекой бури, еще более страшные крушения, навернулись слезы. Он не стал вытирать их с заросших щетиной щек. Он лежал, закинув руки под голову, и смотрел перед собой в черную ночь.

Засыпая, Васселей был мысленно на том далеком островке.

Ночью по одному и группами в отряд возвращались бежавшие из Кевятсаари во время переполоха мятежники, и когда главнокомандующий построил свое войско, в его рядах оказалось больше ста человек. Таккинен выступил перед строем с короткой речью. Он сказал, что по крайней мере половину личного состава отряда следовало бы расстрелять за трусость и впредь он так и будет поступать, если кто-то поведет себя так, как вело себя вчера все это стадо. Он

говорил о воинской дисциплине, о том, что залогом победы в любой армии является дисциплина и что с этой минуты в его отряде тоже будет введен строгий порядок. «Есть ли вопросы?» — спросил Таккинен и, не дожидаясь, добавил, что «Полк лесных партизан», как отныне будет именоваться их отряд, должен теперь показать, на что он способен и способен ли вообще на что-либо.

НЕ СОШЛИСЬ В ЦЕНЕ

В начале ноября в Руоколахти две тьмы нос к носу встречаются: не успеет рассеяться утренняя сутемь, как наступают вечерние сумерки. А день все еще уменьшается.

Стоял небольшой морозец, небо было в тяжелых низких тучах. Казалось, не подпирай их лес острыми вершинами, тучи обрушились бы прямо на землю. Не раз уже выпадал снег. Случались и морозы, за которыми наступала оттепель, но теплу так и не удалось вернуться. Тропинки и дороги обледенели, мшаник затвердел.

На склоне горы стояла привязанная к дереву лошадь. Разворошив брошенную ей охапку сена, она старалась отыскать в ней что-нибудь получше осоки. Разве уважающая себя лошадь станет жевать эту жесткую невкусную траву, пусть ее едят коровы — им делать нечего, только жуй да жуй. А лошадь — скотина рабочая. Разбросав сено и не найдя в нем ничего себе по вкусу, лошаденка попробовала смерзшийся ягель, но он ей тоже не понравился.

В лесу раздавались удары топоров: молодые парни рубили еловый лапник. Лошадь оглянулась на поднимающийся на санях воз хвои, словно удивляясь, уж не собираются ли ее потчевать еловыми ветками, и опять принялась ворошить мордой сено.

Скоро на санях вырос огромный воз хвойных веток. Но поклажа была нетяжелой, сани легко скользили по обледенелой дороге, и лошаденка пошла резвым шагом. Ее никто не понукал, не дергал за вожжи, потому что дорогу она знала, тем более что путь вел к дому.

Смело, товарищи, в ногу.
Духом окрепнем в борьбе.

Пусть холодные, мрачные тучи нависают над самой землей! У парней на душе было весело и тепло. И хотя только начало смеркаться, в селе за озером уже засветились огни; сегодня они зажглись раньше, чем обычно, казались ярче, чем когда-либо. Было шестое ноября, канун большого праздника — четвертой годовщины Октябрьской революции. Поэтому ярко горели лампы, керосин в которых берегли для этого дня. Цепочка огней, сверкающая впереди в быстро сгущающейся сутеми осеннего вечера, казалось, звала к себе, поднимая настроение. Правда, ребятам предстояло еще поработать. Они уже прикрепили лозунги и транспаранты к волостному Совету, школе и библиотеке. Но надо было еще украсить село хвоей, принарядить его. Видимо, и лошаденка, резво тянувшая воз, тоже была в праздничном настроении и не хотела выглядеть усталой, хотя она только что вернулась из дальней поездки в Повенец, доставив по трудным осенним дорогам тяжелый воз муки и соли. Муки, правда, было мало, но все же в праздничные дни никто в Руоколахти не будет голодным. А после праздников ей предстояло опять отправиться в Повенец — за оружием. Время было тревожное, приходилось на всякий случай обзаводиться боеприпасами. Но в праздничный вечер думать об этом не хотелось.

Все ближе и ближе мерцали огни села.

Вперед, заре навстречу,
Товарищи, в борьбе
Штыками и картечью
Проложим путь себе, —

пели комсомольцы Руоколахти. Они не подозревали, что вскоре после того, как они покинули ельник, где рубили хвою, там появились люди. Сперва из чащи вышли двое, внимательно огляделись, дали кому-то знак, и тут же весь ельник наполнился усталыми, обросшими вооруженными людьми с белыми повязками на рукавах. Среди них выделялся молодой стройный офицер в подогнанной по фигуре шинели с большим маузером на поясе. Выйдя на поляну, офицер остановился и взглядом поискал, где бы ему присесть. Мрачный, огромного роста мужчина сгреб большими руками сено, разбросанное по земле лошаденкой, и разостлал на пне.

— Сюда, господин главнокомандующий. Тут будет удобно.

Таккинен кивнул в знак благодарности и, взяв рукой в белой перчатке травинку, стал рассматривать.

— Молодежь из села приезжала сюда за хвоей,— пояснил Борисов.— Видно, украшают село к празднику. А может, к встрече с нами готовятся или к похоронам,— со смешком добавил он.— А разведчиков они не заметили, хотя наши были совсем рядом.

— Удивительно,— усмехнулся Таккинен.— Как это без шума обошлись... Я уже боялся, что все сорвется. Наши-то иначе не умеют: обязательно надо, чтобы за версту их услышали. Да, кстати, сделай так, чтобы Вилхо Тахконен вечером был не в селе, а где-нибудь на подступах к нему.

— Почему же не в селе?— помрачнел Борисов.

— Характер у него такой. Он ведь немножко того... Как бы опять не взбеленился. Помнишь, как летом из-за того старика?

— Он что, у нас в ангелах числится?

— Делай, как я сказал. И еще проверь, всем ли ясно задание.

Несколько групп получили указание перекрыть все дороги, ведущие в село. Если кто-то попытается выйти из села, его надо без шума задержать или уничтожить.

Стемнело. Поднялся ветерок, и лес зашумел. Растревоженные ветром тучи пришли в движение, и в появившихся между ними просветах замерцали одиночные звезды.

Вернулись разведчики. Правда, в село из них заходил лишь один, остальные залегли за околицей и вели наблюдение. Войдя в село, разведчик чуть ли не сразу нарвался на патруль красных. Те с подозрением смотрели на незнакомца, но он сам направился к ним и спросил, где живет Останайнен. Это успокоило патрульных: они, по-видимому, решили, что человек пришел из дальней деревни по делам в волостной Совет.

Останайнен велел передать Таккинену лишь обрывок папиросной пачки, на которой черкнул карандашом «7 час.». Таккинену этого было достаточно. Разведчики сообщили, что окопы, вырытые когда-то на подступах к селу, расчищены, но красноармейцев в селе нет. Улицы, правда, патрулируются местными активистами, но задами можно незаметно пробраться к школе, где сегодня вечером состоится большое собрание.

Созвать людей на собрание в те времена было делом не простым. Обычно начало собрания не назначали на какой-то определенный час, так как часы в деревнях имелись

далеко не у каждого, а если где и были, то полагаться на них особо нельзя. Да и держали их в основном для красы и, чтобы сберечь, старались не заводить. Поэтому точного времени никто не знал, и, оповещая народ о собрании, просто говорили, что оно состоится после ужина. А так как ужинали в разных домах в разное время, то на собрание народ сходился долго.

Но в этот вечер в Руоколахти сбор был назначен на семь часов. Это значило, что собрание не обычное, а торжественное, в честь праздника, и на него опаздывать нехорошо. Как только начало темнеть, люди потянулись к школе.

Когда Ермолов пришел в школу, большая классная комната была забита до отказа. В коридоре тоже толпился народ. На торжественный вечер пришли не только жители села, но и крестьяне из дальних окрестных деревень, даже кое-кто из Тунгуды. Были среди них и мужики, о которых поговаривали, будто они сбежали в Финляндию. Мало ли что могут наболтать. Видно, свои это люди, если пришли издалека на праздник Советской власти. Оттого что народу собралось много, на душе у Ермолова было тепло и даже как-то спокойно.

Убедившись, что в классе уже яблоку негде упасть и незанятыми оставались только стулья за накрытым красным кумачом столом президиума, Ермолов вытащил из кармана часы с потертым ремешком вместо цепочки, посмотрел на них скорее формы ради, так как неизвестно было, чьи часы показывают правильное время, и дал знак начать собрание. Коммунисты села и член волостного Совета с торжественным видом, причесанные и побритые, одетые в самую нарядную, какая только у них имелась, одежду, сели за стол президиума.

Ермолов погладил черные усы, оглядел собравшихся.

— Дорогие товарищи! Собрались мы на торжественный вечер, посвященный четвертой годовщине Великой Октябрьской социалистической революции...

Президиум встал. Следуя его примеру, поднялись и остальные.

Ермолов запел:

Вставай, проклятьем заклейменный,
Весь мир голодных и рабов...

Из коридора донесся какой-то шум, и стоявшие в первых рядах недовольно оглянулись, видимо подумав, что это опоздавшие протискиваются в переполненный класс.

«Если уж не сумели прийти вовремя, так постояли бы в коридоре и пели со всеми вместе...» — подумал Ермолов.

Но тут он увидел в дверях трех незнакомых мужчин. Один из них, совсем еще молодой, в финской офицерской шинели, поднял маузер и крикнул:

— Руки вверх!

Ермолов выхватил из кармана револьвер.

Испуганные женщины и дети отхлынули от человека в чужой шинели, от его маузера; раздались сдавленные, полные ужаса крики, плач. Лампа над потолком закачалась. Со звоном посыпались стекла. В окна просунулись покрытые синеватым инеем вороненые стволы винтовок.

И тогда, перекрывая шум, прогремел бас Ермолова:

— Не стрелять! Слышите? Здесь женщины, дети!

Это был приказ и своим и чужим. Ермолов сам показал пример, сунув револьвер в карман. Этим он спас жизнь многим. Ермолов, конечно, успел бы выстрелить и уложить финского офицера. Может быть, застрелив Таккинена, он изменил бы каким-то образом и ход начавшихся событий. Однако Ермолов не сделал этого.

Бывают в жизни моменты, когда в какую-то долю секунды раскрывается весь человек. Его мозг способен принимать мгновенные решения, но все же мысль человека не настолько быстра, чтобы он молниеносно мог взвесить и обдумать целесообразность и следствия своего шага. Ермолов не думал сейчас о себе. Решение пришло мгновенно, само собой. Впрочем, и не было у него времени размышлять о своей судьбе, думать, что авось ему удастся, выпустив все пули из револьвера, выскочить в окно или пробиться к запасному выходу. Но, убрав револьвер, он не собирался сдаваться. Наоборот, сжав кулаки, он бросился на бандитов.

За столом президиума было девять коммунистов. Разные по характеру, образованию, по своему жизненному опыту и разными дорогами пришедшие на это праздничное собрание, в этот момент они поступили одинаково: зная, что идут на верную смерть, все как один вступили в схватку с бандитами.

Ермолов успел схватить за горло Таккинена и бросить его на пол, но тут же на Ермолова навалилось не менее десятка мужиков.

— Руки вверх! — гаркнул Таккинен, вскакивая на ноги. Все то, что делал Таккинен сейчас, было не случайно: в его действиях чувствовалась выучка, которую он получил в Германии в финском егерском батальоне, жестокость, к которой

он привык, чиня расправу над безоружными людьми в дни поражения рабочей революции в Финляндии и над теми карелами, которые не хотели подчиняться его власти и с которыми разговор был коротким: «Руки вверх и пулю в лоб!»

Таккинен яростно размахивал маузером, но спокойный хладнокровный голос Борисова заставил его опомниться:

— Господин главнокомандующий, мы сделаем это во дворе.

— Надо бы допросить их и отобрать тех, кого нужно...— заметил Таккинен, уже овладевший собой.

— Вот он отберет,— Борисов показал на служащего Руоколахтинского волостного Совета Остайнена.

— Хорошо.

Более компетентного следователя и судьи им не нужно. Достаточно было того, на кого укажет Останайнен. В селе только теперь узнали то, что давно было известно узкому кругу приближенных Таккинена. Этот предатель знал каждый шаг и поступок всех коммунистов и советских работников Руоколахти, настроения и убеждения каждого из них. Предатель знал заранее, что ему предстоит совершить сегодня. Сегодня он будет расстреливать своих товарищей по работе. Товарищей по работе? Нет, для него работой было другое. Шпионаж, подслушивание и подглядывание, ожидание изо дня в день этого момента — вот что было для него работой. А то, что он делал в Совете — ложь и обман.

Веки у Останайнена были припухшие, под глазами черные круги. Видимо, он не спал всю ночь, боялся, что его распознают. Только вряд ли его мучили угрызения совести. Ни разу не дрогнула его рука, когда он одного за другим отбирал тех, кого, по его мнению, надо было расстрелять. Узкие, словно покрытые тонкой коростой, губы были плотно сжаты и лишь чуть-чуть разжимались, бросая короткое:

— Того... и вот того...

И всякий раз в толпе женщин и детей раздавался горестный вскрик. Когда подошла очередь Ехкими, его жена рванулась, вцепилась зубами в руку Борисова, пытавшегося остановить ее, и упала на колени перед Останайненом. Ехкимя поднял жену на ноги.

— Кланяться этой сволочи... Ну нет...

Он обнял жену, но ее тут же вырвали и отшвырнули в толпу.

Борисов схватил малолетнего сына Ехкими и вытолкнул его в коридор, где собирали приговоренных к смерти. Но

кто-то из бандитов взглянул на Таккинена и сказал: «Пусть подрастет... Детей не надо...» Плачущего мальчика вернули обратно в класс.

На Ермолова Останайнен не показал. То ли рука не поднялась, то ли посчитал, что и так все ясно. Не тронули его и другие бандиты, на рукавах которых неожиданно появились белые повязки. Повязки оказались и у некоторых жителей села, пришедших на собрание. С высоко поднятой головой, с сосредоточенным видом, словно направляясь к трибуне, чтобы сказать что-то важное, Ермолов прошел по проходу, образованному расступившимися перед ним людьми. Перед Останайненом он на мгновение задержался, хотел посмотреть в глаза предателю, но глаз он не увидел. И, горько усмехнувшись, шагнул за порог. Он встал первым в шеренге. Из открытой двери на мерзлую землю падал сноп света... Ехкимя дотронулся до руки Ермолова и кивком указал на выстроившихся перед ним с винтовками в руках бандитов. Среди тех, кто готовился расстреливать их, стоял Останайнен...

— За ошибки надо расплачиваться,— тихо сказал Ермолов.— Но люди нас плохим поминать не станут.

Бандиты не торопились. Может быть, на этот раз удастся избежать смерти? Отсрочить ее?— мелькнула надежда.

Во двор вышел Таккинен. Он обратился к приговоренным к смерти с короткой речью:

— Вам тоже хочется жить. Верно?

Да, все они хотели жить. Им хотелось увидеть, как рассеются тучи, окутавшие небо, и взойдет солнце. Им хотелось увидеть ярким не только солнце на небе, но и жизнь, светлую и новую. Хотелось проснуться мирным утром в кругу своей семьи и отправиться на работу, а вечером, после работы, отдохнуть, а иногда и попраздновать.

— ...У вас есть возможность сохранить жизнь. Мы — гуманисты...— продолжал Таккинен.

Остаться в живых? Из всех инстинктов, присущих человеку, инстинкт самосохранения обладает наибольшей силой — он заставляет утопающего хвататься даже за соломинку.

— Тот, кто сейчас публично отречется от идей коммунизма, останется в живых...

Но была в этих людях и новая, рожденная временем сила, более могучая, чем инстинкт самосохранения...

— Такой ценой мы жизнь не покупаем!— Это был ответ Ермолова.

Таккинен неторопливо прошел вдоль строя, останавливаясь перед каждым приговоренным к смерти. Ни один из коммунистов не захотел покупать жизнь ценой предательства.

Убедившись, что его товарищи выдержали испытание, Ермолов почувствовал облегчение, словно камень с души свалился. Ясным и звонким голосом он крикнул:

— Помните, товарищи, хотя мы умрем, коммунизм будет жить. Нет на свете такой силы, чтобы...

Борисов выстрелил. Он мог лишь оборвать последнюю фразу Ермолова. Да и то одной револьверной пули оказалось мало.

— Нет такой силы, чтобы...— повторил Ермолов. Но прогремел второй выстрел, и, не успев досказать то, что хотел, он умолк... Его жизнь оборвалась, как песня, которую начали, но не допели.

И песня эта не умерла. В здании школы, из которой бандиты вывели лишь приговоренных к смерти, вдруг, покрывая стоны, причитания и плач женщин и детей, грянуло:

Это есть наш последний...

Пели комсомольцы.

— Молчать!— Таккинен вбежал в класс.

и решительный бой...

На дворе прогремели еще два выстрела.

С Интернационалом
воспрянет...

— Молчать! Стрелять будем! Тогда уж никто не воспрянет!— бесновался Таккинен, выхватив маузер.

...род людской...

На дворе трещали выстрелы. Расстреливали соплеменников во имя братства народов, во имя свободы, во имя демократии, во имя западной цивилизации, во имя бога, во имя миллиона телеграфных столбов, закупленных Британией...

Когда все затихло, Таккинен вышел во двор. На мерзлой осенней земле лежали девять коммунистов. Они погибли, но не отреклись!

— Все?— спросил Таккинен.

Засовывая в кобуру револьвер, Борисов посмотрел на него налившимися кровью глазами, и что-то похожее на горькую усмешку мелькнуло на его угрюмом лице. Все ли? Зачем спрашивать об этом? Всех все равно не перестреляешь. Ишь, господин главнокомандующий... Свои ручки не хочет пачкать. Хочет быть в сторонке, чтобы потом оправдаться и рассказать в своих мемуарах: мол, он в расправах участия не принимал, это все другие...

— Вот еще один. На твою долю остался,— Борисов выхватил из толпы, вывалившейся на крыльцо, какого-то тщедушного старикашку и с такой силой толкнул его к Таккинену, что тот чуть было не свалился. Старик тоже с трудом удержался на ногах.

— Не убивайте,— завыл старик. Я не... я... не...

Старикашка сам не знал, что он хотел сказать, он не понимал, что от него надо этим убийцам.

Таккинен взглянул на Останайнена. Тот махнул рукой: дескать, не стоит и руки марать.

— Задержите его, потом разберемся,— велел Таккинен.

Людей из школы выпускали по одному. Возле расстрелянных коммунистов стояли вооруженные бандиты, не подпуская к телам никого: ни родных, ни друзей. Сломленных неожиданным горем жен и матерей соседи вели под руки, утешали. Ермолов и его товарищи хотели устроить седьмого ноября в селе демонстрацию. Но совсем иное, непредвиденное шествие состоялось в Руоколахти в этот праздник, и не праздничные колонны шли по улицам, а окруженные бандитами группы людей, которых разводили по селу и запирали в амбары, чтобы допросить ночью. Ведь для них эти люди были опасными преступниками, захваченными на «месте преступления» — на торжественном вечере, посвященном четвертой годовщине Октябрьской революции. А самых опасных участников этого преступления оставили в школе.

На следующий день Таккинен велел согнать на собрание всех мужчин села. Собрание было коротким. После того, что случилось предыдущим вечером, не нужны были ни разъяснения, ни уговоры. Демонстративно расстегнув кобуру маузера, Таккинен прошел к столу и, положив на стол чистый лист бумаги, объявил, что тот, кто готов добровольно вступить в отряд, может подойти и записаться.

— Ну, а если кто не хочет...— Таккинен посмотрел во двор, где лежали тела расстрелянных коммунистов.— Пусть посмотрят и подумают.

Поднялся ветер. Разогнанные им черные тучи плыли над селом, словно торопились убежать куда-то. Порывы ветра срывали еловые ветки, которыми были украшены избы. Все лозунги и транспаранты, вывешенные комсомольцами, сняли еще утром. Не удалось жителям Руоколахти отпраздновать четвертую годовщину Октября, к которой они так готовились. Но люди ждали и верили, что наступит пятая годовщина, а потом будет и пятидесятая. И еще знали они, что эту четвертую годовщину революции народ никогда не забудет.

Васселея оставили в дозоре на подступах к селу. В его группу включили Кирилю и Потапова, с которыми он и прежде ходил на задания.

Потапов был не в духе, и когда Кириля, по своему обыкновению, начал сетовать и охать, что же теперь с ними будет, Потапов сердито буркнул:

— Заткнись! За чем пошел, то и нашел.

— Что там в селе-то! Как там наши?— вздыхал Кириля.

— А ты не знаешь?— угрюмо ответил Потапов.— Кофий народу они там раздают, а люди кофий пьют да власть Советскую хвалят.

— Нет, добром это не кончится,— Кириля был настроен пессимистически.— Уж коли Таккинен да Борисов пошли, то хорошего ждать нечего.

— Да замолчите вы, черти!— приказал Васселей.— Заныли тут...

Васселей был старшим группы, и его положено было слушаться. Им строго-настрого приказали не выпускать никого из села. Все вокруг словно вымерло. Голые деревья казались в темноте призрачными, а земля, местами покрытая белым снегом, местами еще обнаженная, черная, представлялась каким-то нагромождением камней, в расщелинах между которыми таилось что-то молчаливое и страшное. Этот таинственный, суеверный страх тревожил Васселея больше, чем мысли о реальной опасности.

— До железной дороги отсюда далеко?— спросил вдруг Потапов.

— Сколько верст, не знаю,— помедлив, ответил Васселей.— Зато знаю, что не одну смерть на том пути миновать надо.

— Смерть, смерть...— протянул Потапов.— А где от нее укроешься? Все одно она тебя найдет. И не все ли равно где. Хорошо было бы, хоть помирая, людям открыто в глаза смотреть.

— Ты у меня посмотришь, если не замолчишь.

Из села донеслись выстрелы, глухие, словно удары валька по мокрому белью.

Потапов встал и прислушался. Васселей снял затвор с предохранителя.

— Что? Что там? — испугался Кириля.

— Вроде красного войска в селе не было, — недоумевал Васселей.

— Погоди, погоди, — сказал Потапов. — Если бы бой там шел, то стреляли бы из пулемета... Они ведь невинных людей там убивают!

— Коммунистов, — поправил Кириля.

— Тем хуже для нас.

— Почему для нас? — спросил Васселей. — Ведь мы не там, а здесь.

— Послушай, Васселей. Вот я все эти дни думаю, голову ломаю. — Потапов насыпал на обрывок газеты столько махорки, что половина просыпалась на землю. — Говоришь, мы не там. А где мы? На печи лежим, что ли? Спрятались за баб да одним глазом поглядываем, что там на белом свете делается, так, что ли?

— Чего ты орешь на меня? — рассердился Васселей. — Я, что ли, тебе велел идти сюда? Сидел бы дома, на печи...

Потапов замолчал. Они лежали, думая каждый о своем. Васселей — о том, что было бы неплохо, если бы их забыли сменить с поста. Пусть там, в селе, творится что угодно, они будут здесь, в стороне от всего, в тишине.

Прошло часа два, и тишина нарушилась. Со стороны села кто-то шел. Слышалось потрескиванье сучьев под ногами, приглушенные голоса. Между деревьями мелькнула фигура, другая... Шли четверо.

Васселей поднял руку, дал знак не стрелять. Пусть подойдут поближе.

— Сейс! — крикнул Васселей по-фински и повторил по-русски: — Стой! Бросай оружие!

Те четверо сразу же кинулись на землю.

— Нет у нас оружия, — ответил из-за куста мальчишеский голос.

— Кто такие?

— Мы... мы карелы.

— Мы тоже карелы, — крикнул Кириля.

— А вы какие?

Да, какие? На этот вопрос было нелегко ответить.

— Идите сюда! — велел Васселей.

С земли поднялись четыре паренька. Васселей, Кириля и Потапов пошли им навстречу.

— Куда и откуда идете?— спросил Васселей.

— Вы не бойтесь нас,— сказал Потапов.— Что там, в деревне-то? Чего-то стреляли. А?

— Людей безвинных убивали. Вот чего стреляли,— дерзко ответил самый высокий из парней, выйдя вперед и как бы заслонив собой товарищей.

— Но-но!— прикрикнул на них Васселей.— Так уж и безвинных...

Парень стоял насупившись, молча.

— Куда путь держите?— снова спросил Васселей.

— Нельзя нам дома оставаться,— ответил робкий голос из-за спины высокого парня.— Убьют они нас.

— Направились мы, конечно, не к вам,— сказал высокий парень.— Мы видим, кто вы такие. Из той же компании.

— Из той же, говоришь? Нет, мы не из той же, слышишь!— сердито выдохнул Потапов, глядя не на парня, а на Васселея.— Пошли, поговорим!

Он взял Васселея за рукав и потянул в сторону.

— Кириля, ты гляди, чтоб не сбежали,— приказал Васселей.

Потапов увел его в сторону. Остановившись за деревом, крепко сжал плечо и спросил:

— Слышал? А мы что?

— Что — мы? Мы же там не были.

— Ах вот как! Мы, значит, чистенькие? Стало быть, теперь в Карелии две силы — красные и банда Таккинена, а мы третья сила, промеж них, так, что ли? Говори!

— Ну мы... мы, конечно... А что мы можем?— растерянно пробормотал Васселей.

В его беспомощности было столько отчаяния и горечи, что у Потапова сразу пропала злость.

— Что можем? Уйти мы можем.

— Куда?

— Куда? Я уже сказал. У нас в Карелии две силы, две стороны, другого выбора нет.

— А нас там... Сам знаешь.

— Знаю. Я тоже не в ангелах числюсь.

— Там нас...— Васселей помолчал.— Как собак бешеных... Чтобы не кусались больше. Или в лучшем случае — в Сибирь. На веки вечные. А здесь худо-хорошо, а мы живы.

— Теперь я вижу, кто ты. Трус.

— Я — трус?!— Васселей схватил винтовку.

— Ну, ну, не прыгай. Стрелять ты умеешь. На это у тебя храбрости хватает. Погоди, не стреляй...

— А здесь мы,— Васселей пытался взять себя в руки,— как-никак на своей земле, на карельской. Кто знает, как тут все повернется.

— Думаешь, белые победят?

— Как знать.

— Да, здорово ты наслушался Левонена и Таккинена. Ничего не скажешь... «На своей земле, на карельской». Ты что, такой победы хочешь, как в Руоколахти?

— Тише. Услышат,— Васселей показал на пареньков, которые в самом деле прислушивались к их разговору.

— Пусть слышат. Я сам им скажу. Я пойду с ними. А ты как? А Кириля? Останетесь с бандитами?

— Так ты и уйдешь... Поглядим.

— Неужто застрелишь? Врешь. В меня ты стрелять не будешь. Я тебя знаю,— усмехнулся Потапов и, похлопав Васселея по плечу, вернулся к ребятам.

— Пошли.

— Куда?— спросил высокий парень.

— Туда, куда вы идете.

— А они?— парень показал на Васселея и Кирилю.

— Нет, я не могу,— растерялся Кириля.— Я ведь... Нет, не могу я...

Васселей молчал.

— Стрелять вслед не станет?— спросил юноша.

Васселей ничего не ответил. Тогда Потапов молча пожал им с Кирилей руки и махнул ребятам.

Густая темнота осеннего леса тотчас же поглотила беглецов. Кириля вздохнул и растерянно пробормотал:

— А мы? Как же мы-то?

Васселей сел, опершись спиной о ель, и молчал. Он тоже словно исчез, слившись с густой тенью ели и ночной тьмой.

— Что с нами-то будет? Мы же их отпустили,— испугался Кириля.— Ведь нас предупредили, что если хоть кто-то сбежит из дозора, то взыщут с тех, кто был вместе с ним.

Васселей долго молчал. Потом не спеша ответил:

— Что будет? Надо было стрелять. Чего же ты? Стреляй, ну! Стреляй!

Кириля щелкнул затвором. Оглушительный выстрел прокатился по тихому лесу, отдавшись болью в ушах.

— Давай, давай, еще! — сказал Васселей и вскинул винтовку.

Кириля не видел в темноте, ухмыляется Васселей или нет. Он выстрелил второй, третий раз, расстрелял всю обойму.

На выстрелы прибежала подмога. Ведь не могли же Васселей и Кириля вдвоем пуститься в погоню за беглецами, которых было вдвое больше. Они сделали все, что могли. Получив подкрепление, они долго ходили по ночному лесу, но так никого и не нашли.

День клонился к вечеру. Седьмое ноября оказалось таким же коротким и хмурым, как и все остальные дни поздней осени на севере Карелии. Издали казалось, словно село Руоколахти стало меньше, будто оно сжалось, стараясь укрыться от холодного ветра. Огни светились лишь в нескольких избах.

Со стороны леса к селу приближались двое. Один, сгорбившись, с понурым видом, едва тащился, устало переставляя ноги. Другой шел следом, зажав под мышкой винтовку. Он тоже устал, но показавшиеся впереди огоньки придавали ему силы. Там, в селе, он сдаст пленного бандита, напьется горячего чаю, перекусит, выспится. Не идти же ему в обратный путь на ночь глядя, тем более ходить в одиночку в последнее время стало небезопасно.

— Стой! Кто идет?

Из-за деревьев вышли трое с винтовками.

— Свои, свои! — обрадовался сопровождающий пленного. Он узнал окликнувшего по голосу.— Останайнен?

— Да, я. Ты это, Калехмайнен?

— Кто же еще? Я, конечно. Вот бандита привел. Примете?

— Примем, примем...

Останайнен со своими спутниками пошел навстречу Калехмайнену. Милиционер переложил винтовку в левую руку, а правую протянул Останайнену. Тот пожал руку и не выпустил ее. Тем временем один из спутников Останайнена выхватил из руки милиционера винтовку.

— Бросьте. Не так уж я устал. Донесу как-нибудь,— Калехмайнен хотел отобрать свою винтовку.— Вы что, не знаете меня?

— Знаем, знаем...

— Что за дьявольщина? — Калехмайнен попытался вырваться, но ему тотчас заломили за спину руки.

— Не надо ругаться, товарищ Калехмайнен,— осклабился Останайнен.— Ведь и по учению коммунистов ругаться нехорошо.

— Кто вы такие? Предатели!

— Сам ты изменник родины.

Только теперь по голосу Калехмайнен узнал спутника Останайнена.

— Кажется, Паавола? — Калехмайнен помолчал и добавил: — Нет, я не изменник родины. Нам не понять друг друга.

— Конечно,— согласился Паавола,— мы с тобой глядим на мир с разных колоколен. А здорово получилось: все-таки встретились!

— Мы же договорились, что встретимся,— вспомнил Калехмайнен.— Хотя, конечно, не такой встречи я ждал.

Действительно, почти четыре года назад они договорились встретиться. Оба они были родом из одних мест, из Северной Финляндии. В конце 1917 года Паавола со своими щюцкоровцами приходил к Калехмайнену с обыском. Калехмайнен был одним из руководителей рабочего движения в их округе. Паавола тогда арестовал Калехмайнена, но время было еще такое, что приходилось соблюдать кое-какие законы. И Калехмайнена выпустили. Выйдя из тюрьмы, тот подался на юг. Сказал, что идет искать работу, потому что в ремонтных мастерских, где он работал, хозяин объявил локаут. Паавола, конечно, догадался, что не ради работы Калехмайнен уходит на юг. Он знал, что там, в южных провинциях Финляндии, готовились к выступлению отряды Красной гвардии. Но помешать Калехмайнену он не мог. Тогда Паавола сказал на прощанье:

— Погоди, мы еще с тобой встретимся. Мы еще с тобой полюбуемся друг на друга через прорезь прицела.

И вот они встретились. Правда, через прорезь прицела мог смотреть лишь Паавола, имевший винтовку. У Калехмайнена этой возможности теперь нет. Оттого-то и горько было у него на душе. Четыре года он воюет, а так и не постиг всех военных хитростей. Опять его водят за нос. Недавно в Киймасярви его обвел вокруг пальца хитрый поп. А теперь он, как дурак, отдал винтовку. Так же они оплошали у себя в Финляндии. Все твердили о гуманных целях рабочего движения, а не о том, что если уж взялся за оружие, то надо его применять, а не носить ради форсу.

Бандит, который ему попался, был птичкой немалой. Много черных дел на его совести! Если бы Калехмайнен поступил так, как поступали в таких случаях белые, то не надо было бы ему тащиться с этим пленным за десятки верст в волость. Просто к стенке его — раз, и готово. А он пошел... Да еще один...

Милиционера повели к селу. Значит, Руоколахти они уже взяли. Может быть, там допустили ту же оплошность, что и он, Калехмайнен? Ему-то своей ошибки не исправить. Хоть бы другим это было наукой!

Горница была жарко натоплена. Жаром веяло и от пузатого самовара, за которым сидели Таккинен и Борисов. Таккинен рассуждал о планах дальнейших действий своего отряда, Борисов молча слушал, лишь изредка кивая головой.

В дверь постучали. В горницу вошел Паавола и радостно доложил, что они захватили пленного.

— Калехмайнен его фамилия.

— Знакомая личность,— сказал Таккинен и стал надевать китель.

— Мы с ним старые приятели,— сообщил Паавола.— Он из наших краев. Батраков и служанок воспитывал в большевистском духе.

— Ну и как? Получилось что-нибудь? — благодушно поинтересовался Таккинен.

— Он-то старался вовсю,— ответил Паавола.

Застегнув китель и подпоясав его широким ремнем с маузером в кобуре, Таккинен велел ввести пленного.

— Давай поговорим как финн с финном,— предложил Таккинен, налив ему стакан чаю и угостив папиросой.

— Да, финны-то мы финны...— задумчиво сказал Калехмайнен. Он охотно выпил стакан горячего чая. От папиросы тоже не отказался.

— По родной стороне не соскучился? — спросил Таккинен.— А я вот сильно скучаю.

— Да, конечно,— согласился пленный.— Я тоже частенько о ней думаю.

В его словах было столько теплоты, что Таккинен с любопытством взглянул на него и, помедлив, предложил:

— Ну если действительно тебе так хочется повидать родные края... Нет ничего невозможного. Нация мы небольшая, мы должны помогать друг другу.

— Что касается помощи в моем положении...— Калехмайнен хотел махнуть рукой, но, заметив, что пепел

с его папиросы вот-вот упадет на пол, осторожно стряхнул его в пепельницу.— Боюсь я, что мы не сойдемся в цене.

— Да ну? — изумился Таккинен.— Выходит, и ваш брат коммунист может быть человеком дела. Сразу о цене речь повел. Нет! Сперва надо договориться кое о чем еще. Надо повиниться, покаяться, от всяких большевистских идей отречься. Потом помочь родине во всем, что мы потребуем. Лишь потом поговорим о цене...

— Я ведь о том и толкую, неужто неясно? Просить пощады, отрекаться — это и есть та цена, в которой нам не сойтись. Родине своей я готов помочь. Только не так, как бы вы хотели. А по-другому, так, как хотим мы. Вот так-то!

— Ага! — холодно сказал Таккинен.— В таком случае родины вам не видать. Да и мечтать о ней вы скоро перестанете.

— Охотно верю. Уж столько мы друг друга знаем. С вашего разрешенья, я возьму еще одну...

Калехмайнен сам взял пачку со стола и неторопливо вынул из нее папиросу. Задумчиво рассматривая пачку, проговорил:

— «Саймаа». Знавал я немало ребят с этой фабрики. Хорошие парни! Да и папиросы хорошие.— Он закурил и продолжал, словно говоря сам с собой: — Родина... В мире теперь все переменилось. Для нашего брата родина не только там, где мы родились.

— Может, хватит, господин главнокомандующий? — не выдержал Борисов.— Давай допросим его, выжмем что можно...

— Ну! — грозно сказал Таккинен.— Какие силы у красных в Киймасярви и в тех деревнях, где вы бывали? Врать не стоит, мы примерно знаем. Говоря правду, вы можете помочь себе. Я — финн, и если я дам слово, то сдержу его.

— Стоит ли говорить, где какие силы,— усмехнулся Калехмайнен.— Какие бы там ни были силы, все равно мне они не успеют помочь. А где и сколько красных, вы узнаете на собственной шкуре. Я тоже финн, и слово у меня твердое. Все. Больше вы ничего от меня не узнаете.

— Мы кого угодно говорить заставим! — Борисов положил на стол свой кулачище.

— Некогда нам возиться с ним,— буркнул Таккинен.— Все равно этот черт ничего не скажет. Да и что нового он может сказать? Пожалуй, и так все ясно.

— Ну что ж...— Борисов встал.

— Нет, ты сиди,— кивком головы Таккинен велел Борисову сесть.— Это дело касается нас, финнов.— И он кивнул Пааволе.

— У меня с этим товарищем старые счеты,— с готовностью отозвался Паавола.— Пошли прогуляемся.

— Жаль, докурить не удалось. Ну ладно,— Калехмайнен погасил окурок о пепельницу.— Что поделаешь? Пошли.

— Погодите,— остановил его Таккинен.— Мы — гуманисты. Если у вас имеется последнее желание, то я постараюсь его выполнить.

— Ага, хорошо.— Калехмайнен задумался.— Сегодня седьмое ноября. Четвертая годовщина Октябрьской революции. Так вот. Передайте Финляндии, что в этот день Калехмайнен отдал во имя революции последнее, что он мог отдать,— жизнь...

Неизвестно, помнил ли Таккинен подобные обещания, но в данном случае он его выполнил, написав много лет спустя в своих мемуарах о расстреле седьмого ноября финского коммуниста, которого бандиты захватили при конвоировании им белого солдата.

Добравшись до озера Юмюярви, река, словно почувствовав свои силы, делилась на три рукава, каждый из которых был намного шире, чем сама река, породившая их где-то в своем верховье. Два острова, образовавшиеся между протоками, считались частью села, стоявшего на берегу озера. Но дважды в год, осенью и весной, жители этих островов оказывались пленниками реки, так как порой к ним в течение многих дней нельзя было добраться ни на лодке, ни по льду.

Лед еще не окреп, но отчаянные мальчишки уже осмеливались перебегать на длинных лыжах через замерзшую протоку. Старший сын Варваны Романайнен тоже пошел в село узнать, не раздают ли муку. Вернувшись, сообщил — не дают, не привезли. Муку давно обещали раздать, но как же ее доставишь в распутицу? Да и не пропустили бы обоз с мукой совтуниемцы...

— Нет так нет. Проживем. А вечером я вам...— сказала Варвана.

Вечером дети получили то же, что и всегда,— рыбу да картошку. Только приготовлено все было по-праздничному. Варвана напекла картофельных оладий, достала вяленую

рыбу, потом подала приготовленный из чаги чай с пареной репой.

После ужина все залезли на печь.

— Жили-были старик да старуха. Было у них три сына...

Варвана уже все сказки рассказала своим детям, некоторые даже по несколько раз. Рассказывала она их по-своему. Порой присочиняла такое, чего в этих сказках прежде не было, и часто третий сын старика и старухи совершал в одной ее сказке столько подвигов, сколько не совершали Тухкимусы-Тяхкимусы в десяти сказках. Детям это нравилось, хотя деревенские сказительницы не одобряли ее: сказка есть сказка, какой она к тебе пришла, такой и передай.

Первому и второму сыновьям старика и старухи в сказках Варваны не везло.

— И тогда в путь-дорогу собрался Тухкимус-Тяхкимус...

Старшие братья Тухкимуса нашли свою погибель в схватке с трехглавым змеем, а он одолел и девятиглавого Змея-Горыныча. Из трех братьев он один выбрал на перепутье трех дорог единственный верный путь и, преодолев все преграды и опасности, достиг наконец Золотого озера, где всего было вдоволь. Но Тухкимус не хотел быть счастливым один, он хотел жить среди людей и хотел, чтобы всем жилось хорошо. Из одного зерна он вырастил стебель, по которому можно было взобраться на небо, где одноглазая колдунья крутила ручной жернов и сыпалось из-под тех жерновов всякое добро, все, что душе угодно. И Тухкимус наложил полный кошель всяких вкусных вещей и понес своей голодной сестре...

— А сестра-то откуда взялась? — удивлялись дети.— Ведь у старика и старухи было три сына.

— Сестра у них тоже была...

Все, что Тухкимус добывал, он отдавал людям, а сам опять оставался таким же бедным, каким и был. И если бы он не добыл самомолку, что молола соль, так, наверное, вода в морях была бы несоленой и люди бы не знали, где взять соль. А теперь на земле соли много, всем ее хватит. Только надо дождаться, когда зимняя дорога установится.

Коснувшись забот нынешних дней, Варвана вновь возвращалась в стародавние времена, где все брало свое начало. Младшему сыну старика и старухи приходилось испытывать разные злоключения и вести сражения, и хотя его все считали дурачком, презирали и обижали, он всегда выходил победителем. Во всех его делах ему помогали

добрые люди, такие же униженные и бедные, как он сам. Эти люди обладали чудесными способностями: одни из них так метко стреляли, что могли за три версты попасть стрелой в колечко; другие так хорошо видели и слышали, что узнавали, что делается за тридевять земель; третьи плавали, как рыбы, и летали, как птицы.

В народных сказках Тухкимус за свои подвиги часто брал в награду царевну, а у Варваны сколько бы царевен ему ни предлагали, он от них отказывался. И не нужны были ему ни полцарства, ни целое государство. Он хотел быть не царем, а простым крестьянином на своей земле, а царей он сажал в волшебный котел, и они превращались в пастухов или топили людям бани...

Представляя, как царь топит баню, дети смеялись. Они слышали, что русского царя тоже прогнали, и предлагали, если царь-батюшка у себя в России работы не найдет, то пусть приходит к ним в Юмюярви и топит людям бани.

— Ишь чего захотели,— проворчала Варвана.— Когда царь-то у нас был, тогда войны не было и хлебушко водился. А нынешние большевики всё собрания проводят и того и этого сулят, а самим есть нечего. Давайте-ка спать.

Дети замолчали. Пусть мама спит. Хорошо было лежать на теплой печи, прислушиваясь к тишине. Где-то тявкнула собака, другая ответила ей... Одна словно спросила: «Ну как там?», другая пролаяла: «Да ничего... Холод только собачий». И опять стало так тихо, что в избе было слышно, как собака Романайненов выползла из-под крыльца, постояла, прислушиваясь, потом молча полезла обратно в свою нору. Чего же ей без дела лаять? Глухо зашумела старая ель возле бани: она всегда первая подавала знак, что поднимается ветер. Какое тихое, спокойное здесь место! А озеро называется Юмюярви — Гремучее...

Дети думали, что мать заснула, но Варване не спалось. Тревожные мысли не давали ей покоя...

Что же там, в Совтуниеми, творится?

Села Юмюярви и Совтуниеми были соседями, между ними нет и девяти верст. У них были одни тони, из-за которых случались ссоры, одни покосы на болотах, поросших осокой, одни глухариные токовища. Конечно, и озер, и болот, и богатых дичью лесов вокруг хватало, из-за них можно было бы не ссориться. Но ссоры иногда переходили даже в драки. Бедным вроде не из-за чего было и ругаться. У кого нет невода, тому и место для невода не нужно. А ерундовой сети или мереже везде место найдется. За покосы

тяжбу вели тоже те, у кого скота было побольше, чем у других. Но бедным все равно не удавалось быть в стороне от этих ссор. Ведь если тебя взяли в чужую лодку невод тянуть, то изволь петь под дудочку своего хозяина и в угоду ему хулить тех, кто сидит в лодке его врага из соседней деревни. Жители двух сел наградили друг друга такими прозвищами, что, прежде чем женщина могла какое-либо из них выговорить, она должна была попросить прощения у господа. Кроме того, совтуниемцы еще до революции называли Юмюярви большевистским гнездом. Правда, своих большевиков в селе тогда не было, но было много ссыльных, которых доставляли под стражей откуда-то из России.

«Хорошие были люди»,— Варвана всегда с теплотой говорила о них. У нее тоже одно время жили четверо ссыльных. Когда началась германская война, двоих увели, а остальные уехали сразу же, как узнали о свержении царя. Провожали их всем селом. Даже жалко было расставаться, до того привыкли к ним.

«А эти нынешние большевики...» В нынешних большевиках Варвана совсем разочаровалась. В Юмюярви был один русский большевик, несколько финнов и свои, карелы, тоже уже были. Но толку от них никакого... Те, прежние большевики, все могли. «Вот возьмут рабочие да крестьяне власть...» — говорили они. Уж они-то знали бы, что и как делать. И войны бы, конечно, не было. И люди бы жили дома, работали и своим трудом кормились. Не нужно было бы ходить к богатым в ноги кланяться. А при этих-то... Из дому люди бегут. Где им работать да своим трудом жить! И чего только эти нынешние не обещают! «Власть богатых кончилась»,— говорят. Слава богу, что богатые еще не все вывелись (Варвана перекрестилась). Конечно, прежнего богатства у них уже нет, но кое-что осталось. Глядишь, и бедным с их стола какая-то кроха перепадет, ежели по-хорошему попросишь, в ножки покланяешься да пообещаешь отплатить добром. Раньше-то в богатые дома ходили просить и кланяться не таясь, а теперь украдкой.

На следующий день потеплело. Пороша, примерзшая к тонкому льду реки, растаяла. Пошел дождь со снегом. Не впервые осенняя погода подводила жителей островов. Может кому-то было все равно, задержится зима на день или на два, а островитянам в Юмюярви такие капризы погоды совсем некстати.

Опять начало темнеть. В камельке запылал огонь, варилась уха из вяленой рыбы. На этот день у Варваны бы-

ло припасено для детей по куску сахара. После ужина ребятишки собрались в село: там в школе был праздничный вечер и, кроме того, свадьба.

— Не пущу! — заявила мать.— К водяному на ужин захотели...

— Так люди же ходят...— попытался перечить старший.

— Люди, люди... Люди нынче сами смерть ищут. Такой теперь народ стал. А вы никуда не пойдете.

Варвана, разумеется, знала, что на лыжах перебраться через реку можно. Надо только знать, где идти. Не пустила она детей в село совсем по другой причине. И сама не пошла, хотя очень уж любопытно ей было поглядеть на праздник и свадьбу. В школе отмечали четвертую годовщину Советской власти. Четыре года уже, а жизнь все хуже становится. И все опаснее. Поди знай, с кем теперь лучше не ссориться: то ли с теми, чей праздник, то ли с теми, для кого этот праздник что кость в горле. Пойдешь в школу, потом беды не оберешься. А свадьба? Ох уж эти безбожники! Попа не признают, в церковь венчаться не ходят. Накажет бог за грех и тех, кто свадьбу гуляет, и тех, кто в гости к ним пойдет.

Пришлось ребятишкам опять забраться на печь, хотя время было еще раннее.

Варвана помыла посуду, убрала ее, в раздумье остановилась перед окошком. За рекой, в школе, ярко светились окна. «Опять золотые горы сулят...»

Она бы с радостью пошла на свадьбу, если бы там все было как положено. Если бы невесту выкупали, косу бы расплели, если бы плакали по невесте вопленицы. Разве без всего этого свадьба — свадьба? Ну а праздник этот советский... В Совтуниеми уже не празднуют... Даже милицию прогнали...

Варвана залезла на печь.

— Жили-были старик и старуха. Была у них дочь. Бедно они жили, очень худо. Только дочь не пошла по белу свету, а дома осталась, в своей деревне, чтобы свою кукушку слушать, по своему бережку ходить, по своим тропинкам бродить. Живут они, маются. Есть-то им нечего. Дочь растет, а нарядить ее не во что. Не в чем ей людям показаться. Платье из мешка сшито, и то рваное. Пошла она в богатый дом, в ножки хозяйке поклонилась и говорит: «Возьмите меня, дайте мне работу, накормите да оденьте во что-нибудь».

— Мама, так ты же о себе рассказываешь, а не сказку. Ты расскажи, как в сказке было. Дочке дали золотые туфельки, шелковые платья, а царевич полюбил ее и...

— Погодите, погодите. Не полюбил ее царевич. И зря она в ноги хозяйке кланялась. Сказала ей хозяйка: «Мы нищих одевать да кормить не будем». Пошла девушка в другой дом, опять поклонилась...

В селе что-то грохнуло, будто гром ударил.

— Что? Что там?

Тут же раздался второй выстрел, третий. И пошла пальба по всему селу.

— Мама, не ходи. Убьют!

Варвана набросила на плечи рваную шубу, детям приказала:

— Живо оденьтесь и лезьте в подпол.

Небо было черное, сплошь затянуто тучами. Из-за реки доносились испуганные голоса, кто-то громко плакал, послышалась брань, и опять грохнул выстрел. По чужим голосам Варвана догадалась, что в село пришли совтуниемские мужики.

— Совсем очумели, черти окаянные! — ругнулась Варвана.— В праздник вздумали драться.

Хотя она только что сама осуждала тех, кто там, в селе, отмечал праздник, теперь мысленно защищала их. Раз народ хочет, пусть празднует. И нечего ему мешать. Праздник-то народный. А эти бандиты из Совтуниеми — иначе их не назовешь — от Советской власти отказались. Других она устраивает, а им, вишь, не подходит. Небось мука подошла, хоть и была советская,— везли ее людям, чтоб с голоду не умерли, а они в Совтуниеми ее себе взяли. Бандиты и есть бандиты. Грабители несчастные. Какая же им власть нужна? Власть Маркке... Тоже царь выискался! Бандит безбородый... У финнов на побегушках, как казачок, бегает...

Варвана, конечно, знала, что в Совтуниеми тоже всякий народ живет. Не все там за Маркке держатся и не все под дудку финнов пляшут. Знала она и то, что многие из Совтуниеми подались в Кемь за подмогой.

Варвану бил озноб. Но не оттого, что холодный ветер проникал сквозь порванную под мышками шубу,— стужи она не замечала. Ее трясло от страха, от бессильного отчаяния. Так, как кричали за рекой, голосят лишь при пожаре, когда в горящем доме остаются дети.

Стрельба вдруг прекратилась, и в наступившей тишине отчетливо было слышно, как потрескивает лед на реке. Кто-то полз по льду к острову. Варвана увидела человека. Он приближался к стремнине, где лед был тоньше, чем в других местах.

— Стой, неразумный. Утонешь! — закричала Варвана.— Прямо в пасть смерти идешь.

Она не знала, кто это ползет на остров, свой или кто-нибудь из бандитов. Не все ли равно. Человек ведь... Сколько жизней уже взяла река!

Но человек продолжал ползти. Варвана крестилась, моля бога не дать несчастному утонуть.

— Стой! Вернись! — послышался с другого берега грубый мужской голос. Прогремел выстрел. Пуля скользнула по льду рядом с ползущим и, отскочив, со свистом улетела в камыши. Варвана в испуге метнулась за невод, развешанный на вешалах вдоль берега, словно он мог защитить от пуль, этот полусгнивший невод, висевший тут с тех пор, как его хозяин года полтора назад сбежал в Финляндию. Теперь Варвана узнала, кто ползет и кто по нему стреляет. Она стала креститься еще усерднее: человеку на льду угрожали две смерти — он мог погибнуть от пули и мог утонуть.

Грохнули еще два выстрела. Пули с визгом пронеслись мимо. За себя Варвана не боялась, она же была в укрытии — за неводом. Стрелять перестали. Наверно, с того берега человека уже не видели. Лед трещал все сильнее. И вдруг Варвана едва не вскрикнула — человек на реке поднялся на ноги. Он, конечно, сразу же провалился. К счастью, случилось это на мелком месте, где течение было несильное и воды по пояс. Варвана облегченно вздохнула.

Спотыкаясь о камни и порой проваливаясь по самую шею, человек, ломая лед, брел к берегу.

— Это ты, Кемппайнен? — Варвана узнала его.

— Да вроде я.

Кемппайнен финн, но из своих, из красноармейцев. Ему было за тридцать, и хотя многих парней помоложе уже демобилизовали, он продолжал служить. Все равно ему некуда было ехать: семья осталась в Финляндии. Слава богу, сам оттуда живым выбрался.

— Как же ты теперь! Ты же насквозь мокрый.

— Да, вроде промок немножко.

С шинели Кемппайнена вода бежала ручьем.

— Пошли в избу. А то замерзнешь...

— Ну если уж пуля миновала, то от мороза мы не умрем.

— Иди, иди, не бойся.— Варвана тянула Кемппайнена за рукав.— Сюда никто не придет. Бог не пустит. Видишь, лед-то размыло.

— Бог, стало быть, по выбору... Кого пустит, а кого нет,— пошутил Кемппайнен. Он за словом в карман никогда не лез. Однако богохульником не был; в селе даже поговаривали, будто у него имеются библия и молитвенник, будто он их почитывает. Читает, конечно, он и свои, коммунистические книжонки.

В избе было темно. В камельке чуть светились догоравшие угли. Лучину Варвана зажигать не стала.

Она открыла люк в подполье, велела детям выходить. Загнав их на печь, приказала Кемппайнену:

— Живо скидывай все и лезь тоже на печь. Из Совтуниеми, что ли, гости пожаловали?

Кемппайнен сбросил с себя мокрую одежду. Хозяйка тем временем нашла рубашку и портки покойного мужа, подала их своему гостю.

— Пожалуй, заваруха тут началась большая,— сказал Кемппайнен с печи.— Этот Маркке просто шавка. Им командует какой-то финский фельдфебель. Он-то чуть и не убил меня...

— Вот чудо-то. Из Финляндии, значит, гости?

Сердито бренча крышкой самовара, Варвана чертыхалась в темноте:

— Какого дьявола финны прутся сюда? Я бы их всех до единого...

Тут Варвана заметила свою оплошность и осеклась. Что-то проворчав господу, вовремя не образумевшему ее, она опять обратилась к Кемппайнену:

— А ты... Отдохни, согрейся. Сейчас самовар закипит. Вот сахару-то не осталось. Последний кусок сегодня отдала детишкам.

Младший сын Варваны, услышав о сахаре, зашептал доверительно на ухо Кемппайнену:

— Раньше-то у нас сахар был. Много. Целая голова... Папка привез из Кеми. Большущий кусок. Вот такой!

В темноте не видно, каких размеров была голова, но, судя по всему, большая.

— Будет у нас еще сахар,— заверил Кемппайнен.— Дай только срок.

— Знаю, что будет. Учитель рассказывал. А я, когда вырасту, из Кеми привезу столько сахара, сколько лошадь

потянет. А еще привезу маме шелковое платье и еще привезу...— Привезти мальчику хотелось так много, что он даже не знал, что именно он еще привезет из Кеми. Но он тут же нашелся: — А еще привезу такой жернов, который все мелет. И у нас много всего будет.

Кемппайнен тихо вздохнул. Ему вспомнилось, как сынишка тоже собирался вырасти и... Вслух он серьезно сказал мальчику, словно разговаривая с равным:

— Вот ты говоришь: я да я. А ведь одному такой жернов не сделать. Помнишь, сколько помощников было у Илмаринена, когда он ковал Сампо? А сколько людей поехало в Похьёлу, чтобы привезти Сампо?

— Помню.

Ночью неожиданно ударил мороз. Тучи куда-то поплыли, открыв высокое небо, с которого на встревоженное село поглядывали безучастные звезды.

Варвана проснулась среди ночи от сильного стука в дверь. Перекрестясь, она набросила на себя платье и вышла с лучиной в сени.

— Открывай! — кричал грубый голос.— Чего дверь заперла?

— Дверь-то своя,— спокойно ответила Варвана, неторопливо отодвигая засовы.

В избу ворвались трое. Двое были из Совтуниеми, третий в финском мундире и с таким ярким электрическим фонариком, что перепуганные ребятишки зажмурили глаза.

— Где красный?

Варвана недоуменно пожала плечами. «Господи, помилуй! Господи, помилуй!» — шептала она, глядя, как бандиты мечутся по избе. Они осмотрели все чуланы, слазали на печь, посветили в щель за печкой. Один из совтуниемцев, сын Степаны Евсеева, спустился в подпол...

— У вас был чужой дядя? — допытывался сын Степаны у младшего мальчика.

— Нее...— потряс тот головой.

Бандиты выбежали из избы и бросились к соседям.

На острове было три дома. Белые обшарили их, но никого не нашли. Только напрасно людей растревожили...

Варвана с лучиной в зубах спустилась в подполье. Набирая картошку в корзину, она бормотала, словно разговаривая сама с собой.

— Носит их нечистый. Принес и обратно унес.

Из-за перегородки, за которой хранился картофель, послышался голос Кемппайнена:

— Они ушли с острова?

— Унес их бес, унес. Только не знаю, далеко ли.

Осторожно раздвинув доски, Кемппайнен выбрался из своего укрытия.

— Надо и мне отправляться.

— Куда же ты? Погоди, пока все успокоится.

— Нет, хозяюшка. Теперь не скоро утихнет.

Выбравшись из подпола, Кемппайнен пересчитал патроны в револьвере.

— Ох, сынок, на гибель идешь.

«Сынок!» — Кемппайнен улыбнулся. Это было сказано по-матерински тепло, хотя не очень-то подходило к нему. Варвана была немногим старше его.

Женщина положила в маленькое лукошко вяленой рыбы и пареной репы. Кемппайнен не хотел его брать. У бедной вдовы самой почти ничего нет. Но взять пришлось. Вряд ли в мире найдется щедрость, которую можно было бы сравнить с добротой этой женщины,— подумалось Кемппайнену.

— Да поможет тебе бог!

Растроганный напутствием хозяйки, Кемппайнен тихо проговорил:

— Спасибо. Да вот еще...— он замялся,— у меня чемодан остался. Ничего особенного там нет, но все же. Есть там две книги. Одна поменьше, другая побольше. Черные. Но, пожалуй, ходить за ними не стоит. Чтоб беды не было...

— Слушай, скажи-ка мне... Как ты думаешь? — спросила Варвана.— Вот Финляндия-то опять войной пошла... Устоит ли Советская власть?

Кемппайнену хотелось найти слова поубедительнее, чтобы хозяйка поверила ему, но в голову пришли самые обычные:

— Обязательно устоит. Должна устоять... Что бы они там ни делали.

— Дай я обниму тебя, как положено по-нашему, по карельскому обычаю.

Впрочем, по карельскому обычаю обниматься вдове с чужим мужчиной, да к тому же наедине, было не положено, но большого греха Варвана в этом не видела, тем более что в последнее время старые добрые обычаи частенько нарушались.

Кемппайнен ушел в предрассветную тьму.

Варвана поднялась на печь и легла рядом с детьми.

На душе у нее было так хорошо, что хотелось сказать детям что-то нежное, теплое. Но дети спали сладким сном, и она, бормоча ласковые слова, погладила сына по головке. Лицо дочки было мокрым от пота. Варвана осторожно сняла с нее одеяло, постелила его у самой стены, где было прохладнее, и перенесла девочку туда.

Едва Варвана успела задремать, как где-то далеко прогремело несколько выстрелов. Они донеслись не из села, а с другой стороны, из-за рукава, за которым начинался лес. Наконец стрельба прекратилась, но от наступившей тишины, в которой слышно было беспокойное лаяние собак, на душе стало еще тревожнее.

Дверь распахнулась, и в избу ворвались те же три бандита с ослепительно ярким фонарем в руках.

— Слезай с печи, ведьма!

От крика проснулись дети. Мальчик заплакал, девочка судорожно хватала ртом воздух.

— Попалась! — рявкнул сын Степаны Евсеева.— Нас за дураков считаешь! Где ты красного прятала?

— Никого я не прятала.

— Мама, вели им уйти,— прохныкал мальчик. Он думал, что стоит матери сказать этим злым людям, чтобы они уходили, и они уйдут.

— А ну! Слезай...

Сын Степаны стащил Варвану с печи. Дети заревели еще громче. В избу сбежались женщины из соседних домов. Бандит оставил Варвану и стал прикладом винтовки выталкивать соседок за дверь.

— Убирайтесь! Не то и вам достанется!

— Детей, заберите детей! — умоляла Варвана.

— Пусть уведут щенят,— смилостивился финский фельдфебель.

— Мама, мы не пойдем,— упирался мальчик.— Они убьют тебя.

— Идите, деточки, идите. Со мной ничего не случится! — уговаривала Варвана, сдерживая слезы.

Когда перепуганных детей увели, сын Евсеева схватил ее за горло широкими ладонями и зловеще прошипел:

— Теперь мы поговорим! Куда Кемппайнен ушел?

— Никого я не видела, ничего я не знаю. Я с детьми была.

— Оставь ее. Откуда ей знать,— махнул рукой второй совтуниемец, немолодой мужчина.— С бабами еще валандаться...

— Заткнись ты...— рявкнул сын Степаны.— А ну, признавайся. Муку, что Кемппайнен у нас награбил, он тебе приносил? Говори!

У него, сына самого богатого хозяина из Совтуниеми, были причины для такой ярости: в прошлом году этот самый Кемппайнен, которого прятала Варвана, изъял у его отца излишки муки. Правда, делили эту муку в Совтуниеми между бедняками, но как знать, может быть, и сюда ее привезли и этой Варване тоже дали. Ведь не стала бы она ни с того ни с сего укрывать красных. Вспомнив о муке, сын Степаны, все больше наливаясь злобой, схватил полено.

— Стой! — остановил его фельдфебель.— Невежа! Разве можно так... Вот возьми эту штуку,— он вытащил из винтовки шомпол. Фельдфебель был военным советником при отряде Маркке и считал своим долгом учить невежественных карел не только военному делу, но и западной цивилизации. Бить женщину поленом? Это же не по-рыцарски! Надо по-современному — шомполом!

Сын Степаны Евсеева охотно учился западной культуре. Он так старался, что второй совтуниемец не выдержал и вышел из избы. Фельдфебель со стороны наблюдал за своим учеником, с одобрением замечая, что все идет, как должно идти в цивилизованном мире. Бил он с остервенением, по лицу, по плечам, по груди. Он продолжал бить, хотя Варвана лежала уже без сознания. Он бил, словно приговаривал: вот тебе за муку... вот тебе за Кемппайнена... вот за то, что в Юмюярви вздумали отмечать советский праздник... хочется ли тебе еще Советской власти?

— Ее надо доставить живой в Киймасярви,— предупредил фельдфебель.— Учти.

Был приказ Таккинена — наиболее опасных коммунистов доставлять в Киймасярви. Правда, сам Таккинен не соблюдал этот приказ, но от других требовал. Варвана в тот момент представлялась фельдфебелю коммунистом. А разве она не была опасной? Разве она не учила своих детей, что Тухкимус, этот униженный и обиженный человек из народа, может совершать великие дела и приносить людям добро. Ведь расстреляли же на Ухутсаари, как коммунистов, всех советских учителей, попавших в лапы бандитам. Их расстреляли за то, что они пришли учить карельских детей грамоте.

Варвана очнулась в чьей-то конюшне, где были заперты и другие такие же «опасные» смутьяны, как и она. Среди арестованных был и брат убитого бандитами милиционера

одноногий Мику. Его тоже избили. И было за что: как это он посмел родиться на свет братом человека, который стал затем блюстителем порядка у Советской власти.

Мику был человек безобидный, никому никакого зла не делал. Впрочем, однажды он нанес ущерб чужому имуществу, да и то имущество принадлежало Советской власти. Дело было так. Мику еще в детстве лишился ноги, но на своей деревяшке он ковылял с такой скоростью, что не всякий человек с двумя здоровыми ногами мог угнаться за ним. Как-то он поехал по какому-то делу в Ухту и, поднимаясь по крутой лестнице в ревком, помещавшийся в двухэтажном доме на перешейке между рекой и озером, угодил деревяшкой в щель между ступенями и сломал свою деревянную ногу. Прыгая на одной ноге, Мику добрался до начальства и первым делом потребовал, чтобы ему дали подходящий материал для протеза.

— Нам больше нечего делать, как искать тебе деревяшку,— ответили ему в ревкоме.— Найди сам и сделай себе ногу.

— Где же я найду?

— Где хочешь.

Кое-как спустившись со второго этажа, Мику увидел стоявшие у крыльца выездные сани ревкома с покрытыми черным лаком оглоблями. Неподалеку возле поленницы к тому же оказался топор. Острый нож у Мику был, конечно, с собой. Одним словом, снял он оглоблю, добрался до чурбака, на котором кололи дрова, и приступил к работе. Руки у него были золотые, и новый протез вскоре был готов. Приладив деревяшку, Мику тут же пошел в ревком, чтобы показать свой новый протез и похвалиться.

В ревкоме только руками развели. Что с Мику возьмешь: он сделал лишь то, что ему велели.

...На рассвете Мику снова увели на допрос. На этот раз его притащили к самому царю Маркке. Допрос вел финский фельдфебель.

Фельдфебель встретил Мику весьма приветливо. Он выразил свое огорчение, что у них в армии попадаются такие изверги, которые могут избить человека до полусмерти, и сказал, что такое противоречит духу освободителей. Мику мысленно согласился с ним, подумав про себя, что обязанности в этой армии распределяются по пословице, которая гласит: «Одни убивают, а другие тела обмывают». Потом фельдфебель заявил, что, несмотря на различие в по-

литических взглядах, он хотел бы найти взаимопонимание с человеком, пользующимся уважением в народе. «Освобождение Карелии должно происходить с наименьшим кровопролитием»,— говорил фельдфебель. Он считал, что нельзя приговаривать людей к смерти лишь за то, что человек является коммунистом. Ведь даже в Финляндии в восемнадцатом году не всех коммунистов расстреливали. Правда, вначале некоторые фанатики погорячились. А теперь, говорил фельдфебель, в Финляндии много коммунистов гуляет на свободе. Тем более этого принципа надо придерживаться в Карелии, где живет родственный финнам народ. От Мику требовалось одно — он должен назвать имена коммунистов. Тогда он поможет этим людям, спасет их. Список коммунистов необходим командованию освободительной армии для того, чтобы взять их под свою защиту.

Мику готов был всей душой помочь фельдфебелю в этом благородном деле, но — увы — он не знал, кто коммунист, а кто нет. Коммунисты — народ хитрый, они не всех в свою ячейку пускают. Вот у него, у Мику, даже родной брат был коммунистом, а ему ни разу не предлагал вступить в партию.

— Ну, а сочувствующих коммунистам знаешь? — спросил фельдфебель.

— Знаю. Только вот с арифметикой у меня всегда неладно было, считаю я плохо.— Мику взял со стола тарелку, провел пальцем по краю.— Вот если вы сможете сказать, где начинается круг и где кончается, то узнаете, сколько сочувствующих.

— Не понимаю.

— Конечно. Коли понимал бы, так не пришел бы сюда.

Мику смотрел в глаза фельдфебелю таким доверчивым взглядом, что тот никак не мог сообразить, что он хочет сказать. Наконец до сознания фельдфебеля дошел смысл иносказания.

— Да ты сам, наверное, закоренелый коммунист?

— Рад бы в рай, да грехи не пускают. Вот в чем загвоздка.

И Мику прищелкнул пальцами.

— Уведите его, не то и вторую ногу обломаю! — взревел Маркке.

В Юмюярви, как и везде, провели собрание и, как и в других деревнях, записывали добровольцев. На собрании даже вынесли решение, в котором было точно указано, что каждый дом должен пожертвовать во имя освобождения

Карелии, причем не забыли указать, что каждый хозяин обязан сдать сноп соломы и корзину углей. Командиром Юмюярвской роты был назначен бывший унтер-офицер царской армии. Не хотелось бывшему унтеру отправляться на войну, да пришлось. И он начал готовиться к походу. Сперва надо было привести в порядок обутку. Чинил он ее основательно и старательно, так что, когда спустя недели две Таккинен приехал узнать, почему рота не выступила, оказалось, что ремонт обуви все еще идет полным ходом. Хотя не все валенки были еще подшиты, роте пришлось отправиться в поход.

Арестованных в Юмюярви повезли в Киймасярви сразу, как только наладился санный путь. Мику везли на лошади, и он смеялся:

— Сам карельский царь пешком топает, а я еду как барин. Кому же из нас почета больше?

Варвана тащилась, едва переставляя ноги. Болело избитое тело, ныло сердце, полное заботы и тревоги о детях. Как они там? Придется ли им еще слушать сказки матери?

Впервые в жизни Варвана покидала родное село. И кто знает, вернется ли она сюда. Уж лучше было бы умереть дома и лежать рядом с покойным мужем на своем кладбище.

«...Жили-были старик и старуха... Не хотелось их дочери уходить из дому. Но пришлось...»

Отряд Таккинена оставил Руоколахти. Бандиты ушли из села торопливо, словно убитые ими коммунисты, встав из могилы, гнались за ними вместе с красноармейцами. Вскоре после расправы в Руоколахти диверсионной группе белых удалось взорвать железнодорожный мост на реке Онде. Однако и это не остановило продвижения красных войск. Таккинен решил пока отойти в глухие таежные деревушки и вступать в бой лишь с небольшими разведывательными группами красных.

Он не мог знать, что сегодня будет первая такая схватка. Разведка сообщила о приближении красных. Таккинен решил не ждать их на заранее подготовленных позициях, а идти навстречу и нанести внезапный удар. Разделив свой полк на два батальона, он дал приказ выступать. Совершив ночной марш-бросок, они вышли к небольшому озерку, по берегу которого проходила дорога.

Первый батальон Таккинена занял позицию поперек дороги, а второй расположился на левом фланге. Справа было озеро. Таким образом, получился прямоугольник, войдя в который красные должны были оказаться в мешке. Между озером и дорогой лес был вырублен, но на левом фланге и впереди начиналась густая чаща. Васселей сразу оценил занятые ими позиции.

— Молодец Таккинен! — сказал он командиру батальона.— Умеет выбирать позиции.

По цепи передали приказ не открывать огня, пока противник полностью не окажется в мешке. Лишь после того, как первый батальон, подпустив красных вплотную, откроет огонь, в бой должен вступить и второй батальон. И тогда патронов жалеть не надо.

Прошел час, другой. Кое-кто, не выдержав, начал похлопывать закоченевшими руками. Нигде время не тянется так долго, как в засаде, где помимо томительного ожидания человек испытывает и напряжение, и страх, где его мучают всякие тревожные мысли, опасения, предчувствия, и прежде всего вопрос, удастся ли ему еще увидеть, чем все это кончится.

Начало смеркаться. Васселей ощущал приближение боя. Нет, это было не просто предчувствие, а догадка, вернее, даже предположение человека, прошедшего войну. Красным выгоднее всего ударить ночью, чтобы застать противника врасплох.

В цепи было так тихо, что слышно, как стучит сердце в груди. В верхушках деревьев шелестел ветер. Потом в этот шелест влился новый звук, словно дерево поскрипывало. Звук был настолько естественным, что насторожились лишь те, кто его ждал.

На дороге появились два красноармейца. Еще двое шли в сторонке перед залегшей в лесу цепью. Винтовки у красноармейцев были на ремне. «Ну и солдаты! — подумал Васселей.— Да разве это боевое охранение? У самой дороги идут».

Сердце Васселея вдруг сжалось. А что, если Рийко в этой колонне? Нет, кажется, его нет. Паренек-то, что идет вдоль цепи, наверное, одних лет с Рийко. Наверное, и брат у него есть. Отец и мать где-то ждут. А может, и невеста...

Васселей стиснул зубы. На войне нельзя думать о таком. На войне такие мысли могут стоить жизни. Заметь сейчас этот парень Васселея, вряд ли он стал бы размышлять, есть ли у него родные...

Васселей слышал от своих фронтовых друзей, будто солдат заранее предчувствует, когда его убьют. Он следил за молодым красноармейцем. Знает ли этот парень, что жить ему осталось считанные секунды? Нет, не похоже... Красноармеец постарше, устало тащившийся следом, смотрел вперед, туда, где скрылось зимнее солнце. Вряд ли он предполагал, что для него солнце уже никогда не взойдет.

Васселей подумал, что, почувствуй эти ребята опасность и вглядись повнимательней в кусты, они наверняка бы обнаружили засаду. Свою жизнь они бы уже не успели спасти, но спасли бы своих товарищей. Он только мельком подумал об этом, внимание его было приковано к дороге, на которой вот-вот должна была появиться колонна. Как только справа грохнет первый выстрел, надо начинать. Надо. Начинать Васселею было не впервой, хотя в настоящем бою он не был уже несколько лет.

Вскоре показалась колонна. Почему они так уверены, что белые будут ждать их в деревне?

Красноармейцы, что шли в голове колонны, были уже на мушке. Они шли по двое, по одному. По такой дороге не промаршируешь. Отряд Таккинена тоже пришел сюда примерно таким строем. Теперь надо поглядеть, сколько же их идет. Таккинен говорил, что красных должно быть человек пятьдесят. Но, видимо, разведчики ошиблись. Васселей не насчитал и тридцати. А в засаде их поджидало более ста солдат. Они лежали в укрытии, хорошо замаскировавшись...

Красноармейцы прошли. Вот и тыловое охранение. Эти тоже идут, не соблюдая дистанции.

И вот грохнул выстрел. Но раздался он не с позиции первого батальона, как было условлено, а с фланга. Стрелял молодой парнишка, лежавший неподалеку от Васселея. Когда занимали позиции, паренек очень боялся, что, когда начнется стрельба, они перестреляют друг друга. Командир батальона рявкнул тогда на него и пригрозил: если не перестанет ныть, то он пристрелит его сейчас. Парень пальнул просто со страха. Если бы он думал предупредить красных, то он выстрелил бы пораньше...

Нет, это был не бой, это была бойня. Заранее продуманное хладнокровное убийство. Более ста палачей вели прицельный огонь с двух сторон по растерявшимся красноармейцам.

До этой минуты более года в Карелии было относительно спокойно. Коммунистов, милиционеров, учителей

убивали поодиночке. Теперь началась война, массовое убийство. Залпы разрывали тишину леса. Они разрывали и заключенный в Тарту договор о мире. У писарей в штабе красных будет работа. Пишите, писари, отцам, матерям, братьям, сестрам, что их солдаты не вернутся домой. Стучите, телеграфисты, передавайте в Петрозаводск, Петроград, Москву. Пусть узнает весь мир, что Карелия, которую удалось отстоять ценой многих жизней в 1918, 1919—1920 годах, опять в опасности. В Карелии снова началась война, снова гибнут люди. Карелия стонет, охваченная тревогой, но она жива, она будет бороться...

Васселей стрелял. Ему вспомнилась Анни. Жена просила: «Береги себя». Васселей стрелял. Но не потому, что защищал себя. Нет, происходило что-то более страшное. Когда из-за его упрямства они с Анни чуть не погибли вместе с нагруженной сеном лодкой, он пожалел, что вышел на озеро в непогоду. Но сейчас у него не было времени сожалеть ни о чем. «Береги себя!» Так напутствовали и этих солдат, гибнущих под пулями там, на берегу. Об этом просили их Анни, их Марии... Васселей закусил губу: «Нет, нельзя думать сейчас об этом. Может быть, там на берегу и Мийтрей. Вот бежит один. Юркий. Бежит зигзагами. Вот он лег... Встал... Опять перебежал. Уж не Мийтрей ли?» Прижав приклад к щеке, тщательно прицелившись, Васселей спустил курок. Красноармеец выронил винтовку, выпрямился и повернулся лицом к Васселею, словно хотел показать, что он не Мийтрей, вместо которого ему пришлось погибнуть. Потом схватился обеими руками за грудь и рухнул на снег.

Все эти годы Васселей колебался, искал выход, считал себя не таким, как остальные, чужим этим бандитам и их делу. Он презирал бандитов, считал себя лучше, чем они. Чем же ты, Васселей, отличаешься сейчас от других? Пожалуй, лишь тем, что ты опытнее и лучше стреляешь. Ты считаешь, что во всем случившемся с тобой виноват Мийтрей, но ведь ты даже почти забыл, как он выглядит. О чем ты думаешь? Ни о чем. Просто действуешь, как хладнокровный убийца. И хотя после каждого выстрела ты вздрагиваешь от отдачи, словно пуля попала в тебя, ты опять досылаешь патрон, прицеливаешься и стреляешь.

Только позднее, вспоминая эти минуты, ты почувствуешь раскаяние. У тебя ведь нет ненависти к этим людям, которых ты убивал... И не ты один волею случая очутился в стане белых. Вас было много таких, и все вы вот так с искажен-

ными лицами расстреливали беспомощно метавшихся на берегу солдат.

Красноармейцы, уцелевшие после первого шквала, залегли и пытались отстреливаться. Они не видели противника, укрывавшегося в лесу, зато сами были на голом берегу озера как на ладони.

— Бейте их, перкеле! Всех до единого. Вот так! Перкеле! — кричал поп из Киймасярви. Только он, этот слуга божий, способен был своим басом перекрыть грохот выстрелов и ругаться с такой яростью.

Пошел мокрый снег. Может быть, снегопад начался еще до боя, просто Васселей его не заметил. Ему казалось, что даже сумерки перестали сгущаться, потому что было видно, как несколько красноармейцев, поняв, что другой дороги у них нет, ползли к озеру и пытались уйти по тонкому льду. Но лед крошился, и они, провожаемые градом огня, один за другим скрывались под водой.

Наконец Васселей отложил винтовку. Только теперь у него появилось смутное ощущение того, что в этом бою с одной стороны были остервенелые палачи, а с другой — их жертвы, готовые скорее умереть, чем просить пощады. Впрочем, сдаваться им не предлагали.

Бандиты вышли из леса и, стреляя по убитым, начали цепью приближаться к дороге. Кто-то закричал «ура», несколько голосов недружно подхватили его.

— Чего же ты не орешь «ура»? — спросил Кириля с горькой усмешкой.— Это же наша первая победа.

— Вот она и началась.— Васселей сумрачно смотрел на озеро.— Сегодня мы их, завтра они нас. Такова война. Я их знаю... вот этих ребят, что лежат там.

— Уж не знакомые ли твои?

— Я же с ними в одной армии воевал. Дорого обойдется нам эта победа.

Тем временем, пока другие собирали трофеи, выворачивая карманы убитых и забирая все вплоть до спичек, Васселей заглядывал в лица красноармейцев. Два чувства перемешивались в нем — надежда и страх. Он надеялся найти среди убитых Мийтрея и боялся, что увидит Рийко. Но он так и не нашел — ни того, ни другого.

Таккинен велел всем построиться.

— Солдаты Карелии! — начал он выспренне.— Я поздравляю вас со славной победой и благодарю за героизм. Пусть осенний карельский лес и всевышний будут свидетелями...

Быстро наступила темнота, словно торопясь скрыть следы преступления, совершенного на берегу тихого карельского озера.

Малочисленный 379-й полк Красной Армии был рассредоточен небольшими гарнизонами вдоль Мурманской железной дороги. Кроме того, в наиболее важных населенных пунктах поблизости от железной дороги базировались сторожевые посты. Силы пограничной охраны, расположенной по всей границе протяженностью более тысячи километров — от Ладожского озера до Ледовитого океана, насчитывали всего около 400 человек, то есть один пограничник на три километра границы. Пограничные заставы находились за несколько километров друг от друга. И в полку, и в погранотрядах шла смена личного состава, на место демобилизованных бойцов прибывали только что призванные, не привыкшие к таежным условиям Карелии.

Наиболее сложная обстановка была на границе.

Отделенные от железной дороги сотнями километров глухой тайги, по которой с трудом удавалось доставлять продовольствие, снаряжение и боеприпасы, совершенно отрезанные от Большой земли, пограничные заставы были беспомощны и беззащитны перед надвигавшейся бедой. Даже связь была настолько непостоянной, что сообщения о нарушениях границы командование получало с большим опозданием.

В то время как банда Таккинена уже вела активные боевые действия, между Москвой и Хельсинки шла своего рода дипломатическая война: ноты с протестом, ответные ноты, расследования и свидетельства, повторные расследования и опять ноты следовали одна за другой. Была образована смешанная советско-финская комиссия по расследованию нарушений границы. Советские представители в комиссии требовали, чтобы финские власти закрыли границу, запретили вербовку так называемых добровольцев в Финляндии и сбор средств, проводимый различными организациями для поддержки карельской авантюры. Финская сторона утверждала, что никаких нарушений границы нет, граница закрыта и через нее проходят лишь карельские беженцы, возвращающиеся в родные места с разрешения Советского правительства. Правда, финские представители в комиссии не всегда успевали давать разъяснения и ответы на запросы советской стороны, так как многие из этих представителей сами были денно и нощно заняты тем, что отправляли в Советскую Карелию оружие и формировали

банды наемников. Под видом карельских беженцев через границу потоком шли финские шюцкоровцы, русские белоэмигранты, участники кронштадтского мятежа, даже польские, шведские и немецкие солдаты. Шли они вооруженные, хотя карелы-беженцы должны были возвращаться без оружия.

Правительство Финляндии, занимавшее для видимости позицию невмешательства, обратилось в Лигу наций с просьбой рассмотреть «карельский вопрос», словно речь шла о территории, подвластной Финляндии.

В самой Финляндии вокруг «карельского вопроса» развернулась ожесточенная борьба. Буржуазная «Кауппалехти» призывала правительство начать открытую войну с целью захвата Карелии и Петрограда. Рабочие газеты осудили эту возню, заклеймив ее как новую авантюру белогвардейцев. Если террор, развязанный в 1918 году против рабочего класса, уже несколько ослаб, то теперь он вновь усилился и был направлен прежде всего против тех, кто осмеливался говорить правду о разбойничьем вторжении в Карелию. В городах, в особенности в пограничных, шли массовые аресты. Однако террор не сломил волю рабочих. В Хельсинки, Тампере и других городах продолжались демонстрации под лозунгом: «Руки прочь от Советской Карелии!»

Обстановка в Карелии тем временем настолько ухудшилась, что части Красной Армии не могли ждать результатов дипломатической войны. Пришлось прибегнуть к силе оружия. Для перехода от мирной армейской жизни к боевым операциям потребовалось время. К тому же сообщение по Мурманской железной дороге было затруднено в связи со взрывом моста на Онде. Все вооружение приходилось на Онде выгружать из вагонов, самыми примитивными способами переправлять через реку и затем на другом берегу снова грузить в эшелон.

В районе Ребол границу перешли несколько вооруженных отрядов, не подчинявшихся Таккинену. Под его командованием остался лишь «Полк лесных партизан», действовавший на участке Тунгуда — Киймасярви. Но в то же время эти части белых, сражавшиеся на различных участках, действовали не разрозненно, каждый сам по себе, их операциями руководил общий главнокомандующий, являвшийся главнокомандующим и всей финской армии. Это знали все. «Не знало» лишь правительство Финляндии!..

Стоявшая в Реболах рота красноармейцев отступала на юг в сторону Поросозера. Ей приходилось то и дело вступать в бой с противником, пытавшимся окружить роту, однако красные вырывались из окружения.

Население Ребол опять оказалось под властью белой Финляндии. Накануне отхода красных жители Ребол приняли на сходе резолюцию:

«Нарушив наш мир, на нас опять идут войной белофинны, карельские кулаки и кронштадтские мятежники. Они совершают самое вопиющее преступление, ибо под защитой Советской власти наша жизнь начала постепенно улучшаться. Совершаемые белофиннами грабежи, поджоги, убийства вызывают в наших сердцах чувство, будто они хуже зверей. Пора браться за оружие и изгнать бандитов. Да здравствует власть Советов, защищающая мир и свободу крестьян и рабочих!»

Свое обращение ребольцы передали группе пограничников, которая покинула село последней и направилась прямо на восток, чтобы сообщить о событиях на границе командованию 379-го полка. Перед пограничниками лежал путь в триста верст. Им предстояло идти по лесам, обходя занятые бандитами деревни.

Старшим в группе был Михаил Петрович. Весной прошлого года белобандит тяжело ранил его ножом в грудь. Женщины-карелки нашли его в лесу, без сознания, коекак перевязали и отправили в больницу. Поправившись, он опять вернулся в свою часть.

В группу Михаила Петровича входили четыре бойца, недавно прибывшие на заставу. Одним из них был Рийко. Его должны были демобилизовать, но не успели. Да и куда Рийко теперь ехать? Его родная деревня занята белыми. Старый друг и ровесник Рийко, Гриша Нифантьев,— тоже карел, из-под Олонца. А Саша и Евсей — русские. Саша когда-то служил в Кевятсаари, собирался уже ехать домой, но, как и предполагал старик Ярассима, пришлось ему остаться в армии. Евсей Павлов совсем недавно прибыл в Карелию. Боец он был обстрелянный, но воевать ему до сих пор приходилось в других условиях, на просторах южных степей, где противника видишь за много километров. Скакать Евсей привык на коне и с острой шашкой в руке. В Карелию он тоже приехал как кавалерист, но оказалось, что здесь от коня больше мороки, нежели пользы. Пришлось ему спешиться.

Впереди группы обычно шел Саша. За ним Михаил Петрович и Рийко, который выполнял при командире обязанности разведчика и готов был в любую минуту уйти на задание. Он с детства привык ходить по лесам. Обязанности «тылового охранения», как его в шутку называли, поневоле нес Павлов, не привыкший передвигаться пешком, да к тому же по тайге. Ему приходилось труднее всех.

Пограничники знали, что неподалеку от деревни Кевятсаари опять расположились белые. В той избушке могли быть продовольственные запасы, поэтому Рийко предложил сделать крюк, доказывая, что если они оставят этот склад продовольствия белым, то совершат и военную, и политическую, и историческую ошибку. Он считал, что взять избушку не трудно: если там и есть небольшая охрана, то ее можно захватить врасплох. Михаил Петрович слушал парня, подмигивая догнавшему их Нифантьеву, но в душе он был согласен с Рийко. Избушку, пожалуй, можно отбить, но у группы свое задание, свой маршрут, от которого отклоняться они не имеют права.

В светлое время дня они обошли с севера деревню Хиетаярви и стали искать место для ночлега. Саша сказал, что на берегу есть охотничья избушка. Белые ночевали теперь в деревнях, и лишь в избушках, расположенных на их тайных маршрутах, имелись посты. Рийко отправился в разведку. Избушка оказалась пустой. Правда, бандиты в ней недавно побывали, потому то перед каменкой не было дров и спичек — такого не сделает ни один добрый человек.

Саша и Нифантьев наловили рыбы, нарубили дров и затопили каменку. Михаил Петрович первым пошел в дозор. От одного лишь Евсея не было никакого толку: добравшись до избушки, он, даже не сбросив вещмешка, свалился на нары и тут же захрапел.

Наконец поужинали, дым из избушки вытянуло, и она наполнилась приятным теплом. Но спать еще было рано. Ветер гудел в верхушках деревьев. Иногда сквозь шум ветра слышались далекие глухие выстрелы. Но на них не обращали внимания, выстрелы в карельских лесах стали столь же обычными, как и шум ветра или плеск волн о прибрежные камни. Михаила Петровича на посту сменил Саша. Проспав часа два, проснулся и Евсей Павлов.

— О чем думали карелы, которые первыми поселились в здешних лесах? Неужели больше им нигде не нашлось места?

— Ума у них не хватило,— обидчиво буркнул Рийко.— Все потому, что тогда таких умных Евсеев на свете не было, чтобы дать совет карелам.

— Чего ты обиделся? — улыбнулся Евсей.— В самом деле, чего здесь хорошего? Болото да лес, тьма-тьмущая да сырость вечная. Холод да голод. Как человеку жить в таких местах? Что скажешь, Михаил Петрович?

— Я-то? — Михаил Петрович закурил.— Я-то жил бы здесь, ежели моя матушка не родила меня на свет кержаком да ежели бы моя Екатерина Ивановна была карелочка, а не уралочка.

— Не знаю, какая у тебя там Екатерина Ивановна, а тут ты, пожалуй, никакой бы не нашел,— заметил Евсей.— Здесь и девчат-то не видно. Эх! А у нас-то... Одно слово — кавалерия! Возьмем село, беляков порубаем, командир и говорит нам: «Ну, хлопцы!» А сам он, командир наш,— орел. Такие танцы устроим, а наш командир так отплясывал, что девчата готовы были на шею бросаться. А какие девчата, эх... Вот так мы воевали.

— Так вот ради чего вы там воевали!— усмехнулся Нифантьев.— А как беляки, тоже плясали?

— Ты мне тут агитпроп не устраивай! — огрызнулся Евсей.— Я уже и так дюже просвещенный. Врангеля бил! Деникина бил! Панов бил... А теперь финнов бить буду.

— Просвещенный ты, да не шибко,— ответил Нифантьев.— Финны всякие есть. На нашей стороне тоже финны воюют...

— Ну ладно, ладно,— отмахнулся Евсей.— Знаю. Буржуи и пролетарии. Классовая борьба. Ежели я плохо беляков бил, тогда бы и учил меня...

— Карелы тоже разные бывают,— заметил Рийко.— Уж я-то знаю. У самого брат в беляках.

— А что за классовые противоречия у тебя с братом? — усмехнулся Евсей.

— Будет вам, ребята! — строгим голосом сказал Михаил Петрович. Все замолчали.

Рийко с пасмурным видом разбивал в каменке пылающие угли. Помолчав, Михаил Петрович сказал:

— Сцепись в этой самой классовой борьбе лишь бедные с богатыми, так мы давно бы уже были дома. А в ней, в этой борьбе, не все так просто.

— Вон прошлый год какой-то карел всадил финку под сердце Михаилу Петровичу,— сказал Нифантьев.— Как он, Михаил Петрович, на буржуя похож?

— Да вроде нет,— улыбнулся тот.— Пуза у него не было.

— А кто он? Из какой деревни? Узнали? — спросил Евсей.

— Это мы потом уж выяснили.

— Да кто же он был? — спросил Рийко.— Знаешь, а не говоришь. Почему?

— Кто да кто? Завел опять,— проворчал Михаил Петрович.— Упомнишь их всех! Разве ты запомнил имена всех кадетов, которых в Питере в плен брал? А бабы, что меня нашли да спасли, тоже ведь, Гришенька, карелки были. Их имен я ведь совсем не знаю. Вот так-то. Одни зло творят, а другие добрые дела делают, а имен своих не говорят...

— Чего ради мы воюем...— вздохнул Евсей.— Это-то я знаю. Вот одно, братцы, непонятно мне. Почему мы удираем да прячемся? Идем так, чтоб люди не видели. А ведь по советской земле идем. Это мы, Красная Армия. Между нами, братцы,— уж не прохлопали ли мы чего? Как дошло до такого безобразия?

— «Как», да «что», да «между нами»...— Рийко возмутился.— Надо прямо всем сказать, как да что. Вот доберемся до своих,— наверное, собрание там будет, мы и скажем, что...

— Ну конечно, там никто ничего не знает, пока Рийко не придет, не растолкует,— похлопал его по плечу Нифантьев.

— Знать-то там знают...— вступил в разговор Михаил Петрович.— Но, видно, грош цена этим договорам, подписанным буржуями. Ничего! Не будет Красная Армия прятаться да шептаться, что, мол, между нами... Скоро, ребята, увидим.

— Я тоже так думаю. По своей земле ходить, да крадучись? Нет, черт возьми! — Рийко встал.— Не пора ли сменить Сашу? Может, я пойду?

— Пойдет Евсей,— сказал Михаил Петрович.— Он уже покемарил.

— Есть! — вскочил Евсей.

Саша ввалился в избушку весь озябший.

— Мороз крепчает, братцы. До костей промерз.

Он налил в кружку из чайника кипятку, достал из мешка кусок хлеба, повертел его в руках и сунул обратно. Дорога еще длинная, пригодится... А спать и так можно.

Деревья перестали шуметь. Они словно застыли, вслушиваясь, как в лесу потрескивает мороз, и присматриваясь к новому часовому, который подпрыгивал на месте, пытаясь согреться. Мороз донимал его, будто хотел испытать этого парня с юга. Но когда насквозь продрогшего Евсея на посту сменил Рийко, вдруг началась метель и мороз уступил место пурге, которая быстро покрыла все вокруг белой пеленой.

Пограничники вышли в путь рано утром. Пурга оказалась им на руку, она тут же заметала следы. Небо было непроницаемо-черным, но внизу, где белел снег, было чуть светлее, так что опытный глаз различал путь. Когда вышли к зимнику, который вел из Ровкулы в Челму, Рийко пошел в разведку.

Начало светать, но метель не унималась. Рийко с трудом различал занесенную снегом дорогу, петлявшую среди леса. Вдруг ему показалось, что кто-то недавно прошел здесь. Вскоре он обнаружил следы, чуть выступающие из-под свежего снега. По следам трудно было определить, куда они вели. Рийко дал знак остальной группе, и они направились по зимнику на восток. Дальше следы неизвестных путников стали еще заметнее. Теперь видно было, что эти люди тоже шли на восток.

Вдруг следы оборвались. Ребята остановились в недоумении... Наконец они обнаружили, что неизвестные свернули с дороги в лес и замели свои следы хвойными ветками. Пограничники тоже вошли в чащу...

— Кто вы такие? — окликнули их из-за деревьев. По акценту чувствовалось, что крикнувший был карел.

Ребята залегли. Рийко крикнул по-русски:

— Выходите! Нас целая рота.

Ему не ответили. С дороги послышались шаги. Это бежали на помощь пограничники.

— Вы настоящие красные? — спросил из чащи женский голос.

— Выходите. Мы вам ничего плохого не сделаем. Мы свои,— крикнул Саша.

Из-за деревьев вышла закутанная в толстый платок женщина. Саша встал и пошел ей навстречу. Женщина бросилась ему на шею.

— Свои здесь, совсем свои! — крикнула она по-карельски.— Выходите.

Их оказалось восемь человек. Семь мужчин и одна женщина. Но лишь двое из них имели оружие. Молодой

мужчина в меховой шапке был с винтовкой, да у одного старика — старинное охотничье ружье, которое заряжалось с дула. Но они готовы были принять бой, если бы на месте пограничников оказались белые.

— Куда вы идете? — спросил Рийко.

Старик с ружьем объяснил на ломаном русском языке:

— Куда карелу теперь идти? Только туда, на Мурманку. За подмогой. Мы из-под Ребол. Из разных деревень. Ходоками народ нас послал. А где же ваша рота?

— Будут роты. И не одна,— обещал Михаил Петрович.

Он смотрел на мужчину с винтовкой. Тот показался ему подозрительным.

— Я бежал из банды. Потапов моя фамилия,— мужчина протянул свою винтовку: — Возьмите.

— Он свой. Наш он,— поспешил заверить старик с ружьем.

— Да вы не сумлевайтесь,— поддержала его женщина.— Мы знаем его. Он хороший человек.

— Кто же тут сумлевается? — улыбнулся Михаил Петрович.— У своих мы оружие не отнимаем. Ему самому оно сгодится.

Первым делом устроили привал. Карелы-ходоки оказались богаче пограничников. У них нашлась и рыба, и вареный картофель, и пареная репа. Все вытащили свои припасы из кошелей. Они рады были поделиться с красноармейцами. Тем более что впереди у них одна дорога.

Михаил Петрович сперва не соглашался брать с собой ходоков. Он хотел взять лишь парня с винтовкой, а остальным предложил вернуться домой или спрятаться в таежных избушках. Протоколы деревенских сходок пограничники передают сами. И скоро придет помощь. Обязательно. Но ходоки не согласились. Они обещали вернуться к себе в деревни со своими — с Красной Армией. Пришлось Михаилу Петровичу уступить им, хотя они могли быть помехой его группе. Доведись встретиться с противником — бой-то смогут вести только шестеро, да к тому же им надо защищать и остальных. Но кое в чем ходоки могли быть и полезны. Уроженцы этих мест, они лучше знали дороги. А на привалах могли стоять в дозоре.

Ходоки рассказали о расправе в Руоколахти. Рийко предложил немедленно пойти в деревню и отомстить белым.

— А не маловато нас? — спросил Михаил Петрович.

— Бьют не числом, а умением,— запальчиво возразил

Рийко.— Главное — свалиться как снег на голову. К тому же не вся банда в селе,— наверное, только гарнизон оставили.

— Мы выполним то, что нам приказано,— отрезал Михаил Петрович.— Хватит мелких стычек. Пора воевать по-настоящему.

На следующий день к вечеру они вышли на дорогу. Метель прекратилась. На дороге были видны следы саней. Все они вели в сторону Киймасярви. Следы эти могли оставить только белые. «Больше некому»,— рассуждали Саша и Рийко, первыми вышедшие на дорогу. Вдруг они услышали скрип полозьев. Кто-то едет. Ребята залегли. Вскоре на дороге показались сани, за которыми неторопливо шли, переговариваясь, трое. Двое в гражданской одежде, третий — в офицерской шинели. Саша привстал и прицелился с колена. Он взял офицера на мушку. Но стрелять еще рано. Пусть подойдут поближе. Как назло, под снегом оказался обледенелый камень, нога соскользнула и он нечаянно нажал спусковой крючок раньше времени. Те трое бросились в лес. Саша успел еще раз выстрелить. Мимо! Рийко побежал следом за бандитами, стреляя на ходу. Лошадь, видимо привычная к выстрелам, как ни в чем не бывало продолжала идти. Саша выскочил на дорогу и схватил ее под уздцы.

Бандитов уже и след простыл. Михаил Петрович велел Рийко вернуться.

Пограничники увели лошадь в лес, тщательно заметая за собой следы, так чтобы нельзя было определить, в каком месте они свернули с дороги. Отойдя далеко в чащу, они остановились в густом ельнике под горой и устроили привал.

В санях оказались два рюкзака и кошель. В кошеле много всякой провизии, в одном из рюкзаков кожаный портфель, набитый какими-то бумагами.

— Вот это добыча! — воскликнул Рийко и начал перебирать бумаги. Протоколы собраний. Списки, еще списки. Просматривая один из списков личного состава какой-то роты, Рийко обратил внимание на фамилию Тахконен. Рядом с этой фамилией, созвучной с названием родной деревни, было указано место, откуда этот бандит,— Тахкониеми. Вилхо Тахконен из Тахкониеми? Кто же это мог быть? По сведениям Рийко, из жителей Тахкониеми в белой банде был лишь его брат. Неужели Васселей?

— А что это за штука?

Михаил Петрович вертел в руках круглую печать, вырезанную из ольхи.

При свете разгоревшегося костра Рийко стал разглядывать, что написано на печати. В центре три большие буквы KMS. Что это значит? По кругу мелкими буквами: Karjalan metsäsissit. Ага, «Лесные партизаны Карелии».

Все это оказалось имуществом самого Таккинена!

Узнав об этом, Саша схватился за голову. Он упустил Таккинена, с которым у него были особые счеты. Хоть за старого Ярассиму рассчитался бы... Эх!

Рийко долго не мог заснуть. И не потому, что ночевали у костра, где с одного боку мороз покусывает, а с другого огонь припекает. Спать у костра ему не впервые, да и в общем-то было не холодно. Погода вроде чуть потеплела. Тихо, успокаивающе шумел лес. Лошадь, накрытая попоной, похрустывала сеном, изредка поглядывая на своих новых хозяев. Ей, видимо, все равно, кому служить, лишь бы кормили. Спать Рийко не давали мысли о Васселее. Вилхо Тахконен из Тахкониеми... Кто бы это мог быть? Неужели... Заметив, что Потапов тоже не спит, ворочается и вздыхает, Рийко решил спросить у него, но тот опередил:

— Как ты думаешь, что со мной будет?

— Ничего с тобой не будет,— ответил Рийко.— Расскажешь, как оказался в банде и что делал там,— и все.

Потапов вздохнул, помолчал и начал тихо рассказывать, как ушел из банды. О том, как он попал к бандитам и что делал там, Рийко говорить ему не хотелось: это длинная история, и Потапов понимал, что рассказывать ему придется еще не раз и самым обстоятельным образом тем, кто будет решать его судьбу. Словно оправдываясь, почему он так долго добирается до красных, Потапов поведал Рийко, как он сперва пошел с руоколахтинскими комсомольцами. Стали пробираться на восток. Потом кому-то из ребят пришло в голову, что они должны сперва походить по деревням, рассказать народу о кровавом преступлении белых в Руоколахти, собрать побольше людей, чтобы начать борьбу с мятежниками. А Потапову они велели одному идти к красным. Он пошел, но потом испугался: вдруг красные ему не поверят, кто подтвердит, что он сам ушел от белых. Решил пойти в свою деревню, там-то его знают. Пока бродил по лесам, встретился вот с этими попутчиками. Они тоже направлялись к красным. Ну и пристал к ним.

Рийко рассеянно слушал его рассказ, а когда Потапов замолчал, тихо спросил, не знает ли тот, кто такой Вилхо Тахконен.

— А почему ты спрашиваешь? — насторожился Потапов.

— Просто так. В списке такая фамилия значится.

— Вообще-то он не Вилхо Тахконен,— вдруг зло проговорил Потапов.— Васселей его настоящее имя. Родом он из Тахкониеми.

Рийко долго молчал. Потом, стараясь не выдавать своего волнения, спросил деланно равнодушным голосом:

— Ну и что за человек он?

— Человек как человек. Не лучше других таких же, как он. Словом, бандит. А воюет здорово.

Больше ни о чем Рийко спрашивать не стал. Да и разговаривать ему расхотелось.

— Давай попробуем вздремнуть,— предложил он.— Завтра у нас большой переход.

Липкин пропадал целыми днями на железной дороге. Положение в волости чуточку выправилось. Во-первых, улучшилось снабжение продовольствием, так что непосредственной угрозы голода уже не стало, во всяком случае в тех деревнях, где действовали органы Советской власти. Трудовая повинность оказалась уже ненужной, так как люди сами приходили на железную дорогу просить работу. Началась зима, и хоронившимся в лесах также пришлось сделать выбор: либо вступить в белые банды, либо явиться к представителям Советской власти с повинной — мол, весь я тут, делайте со мной что хотите. А что с ними можно поделать, если никакой другой вины за ними не было — уклонялись лишь от мобилизации на работы. Известия о расправах, учиненных белыми в Руоколахти и в других деревнях, склонили большинство населения на сторону Советской власти.

Военные действия охватили весь север Карелии. Правда, части Красной Армии пока ограничивались оборонительными боями. Наиболее ожесточенные схватки шли в районах Тунгуды, Койвуниеми, Маасярви, Ускелы, где белые рвались к Мурманской железной дороге, стараясь перерезать ее. Им противостоял уже не один 379-й полк. Подходили эшелоны с подкреплениями, и красных войск заметно прибавилось и в Кеми, и в Сороке, и севернее,

на кестеньгском участке, где противник также подошел близко к железной дороге.

Расположенные у железной дороги поселки и деревни были переполнены беженцами. Из западных районов народ все прибывал. Люди приходили по одному, группами, даже целыми семьями. Из карельских деревень являлись ходоки за помощью, приходили крестьяне, не желавшие вступать в белые банды. Народ бежал даже из тех мест, где белых еще не было и близко. Так что на нехватку рабочей силы на дороге уже нельзя было жаловаться. Наоборот, назревала другая проблема — как обеспечить всех работой и жильем. Особенно трудно было с размещением людей, с обеспечением их продовольствием и одеждой. Ослабленные долгим недоеданием люди часто болели. Возникла угроза эпидемии. Всеми этими вопросами и занимались ревкомы.

Липкина вызвали к Самойлову. Они только поздоровались, как в ЧК явилась группа пограничников из Ребол. С ними был какой-то человек в гражданской одежде, но тоже с винтовкой. Не успели еще пограничники ничего объяснить, как следом за ними в комнатку втиснулось несколько крестьян во главе с голосистой женщиной. Это были ходоки из приграничных деревень. Они наперебой уверяли, что Потапов ничего плохого не сделал, он свой...

— А вы что скажете? — спросил Самойлов, когда наконец ходоки замолчали.

— Это уж вы сами решайте,— отозвался Потапов.— Я бы пошел в Красную Армию. Но... не знаю... Во мне хорошего тоже мало. Так что, пожалуй, вам сперва надо меня проверить в ЧК.

— Ну что ж, так и сделаем, как вы советуете,— улыбнулся Самойлов.

Тем временем ходоки вручили Липкину кипу протоколов и резолюций деревенских сходов, в которых народ требовал, чтобы именно их деревни защитили от белых банд. Липкин принял все бумаги, пообещал, что поможет. Сейчас он был озабочен тем, где ему разместить этих новых людей.

— У вас родственники или знакомые здесь есть?

— Да не в гости к родственникам мы пришли! — заявила бойкая женщина.— А знакомые... Вот с вами мы теперь знакомые... Других у нас нет.

— Ну что ж, придется тогда нам придумать что-нибудь.

Липкин дал ходокам записку и направил в один из бараков.

Михаил Петрович протянул Самойлову кожаный портфель:

— Это подарок вам.

Липкин просмотрел бумаги, кое-что перевел Самойлову.

— Вот это да! — Самойлов не знал, как и отблагодарить пограничников за такой подарок.— Кого из вас следует представить к награде? Может всех?

Михаил Петрович взглянул на Сашу.

— Лошадь надо наградить,— улыбнулся тот и рассказал, как бумаги попали к ним.

— Жаль, что Таккинен ушел,— сокрушался Самойлов.— Лошадь-то мы обязательно наградим. Двойную порцию овса получит.

Пограничники ушли.

— У меня такое дело к тебе... — сказал Самойлов Липкину и взглянул в окно.— Опять пленного ведут.

В комнату ввели давно не бритого молодого мужчину в треухе. Он торопливо снял шапку, обнажив копну рыжих волос.

— Взят под Койвуниеми,— доложил конвоир.

— Сам сдался или оказал сопротивление? — спросил Самойлов.

— Где ему сопротивляться. Весь дрожал от страха.

— М-м-меня, м-м-м... — Бандит силился что-то сказать.— Меня взяли... заставили... я не сам...

Липкину показалось, что он где-то видел этого низкорослого, широкоплечего рыжего парня с маленькими бегающими глазами. Пленный взглянул на Липкина и оживился:

— Оссиппа! Не узнаешь разве? Я из Совтуниеми.

— Уж не сын ли ты Евсеева Степаны?

— Он самый. Меня Суавой зовут. А в деревне больше по отцу да по деду называют. Ты скажи ему,— Суава показал на Самойлова,— что я ни в чем не виноват, я ничего плохого не делал. Меня силком в бандиты взяли. Они шомполами били, вот я и пошел. Думал — сбегу к своим. Все думку такую таил, чтоб сбежать от них. Ты скажи ему... Я сам рад, что попал сюда. Не хотел я быть в банде...

Самойлов велел увести пленного.

— Потом разберемся.

Но Суава хотел сказать еще что-то.

— Погодите. Ты скажи ему, Оссиппа, что я всегда был за Советскую власть. Отец последним с народом делился. А ежели отец в чем виноват, так я за него не ответчик. Ты скажи ему. Я ведь не раз говорил: не обижай бедных, не гонись за добром. Ведь Советская власть-то родная нам, своя... А ежели кто обо мне плохое болтает — не верьте тому. Наговаривают со зла. Это все бандиты. От них люди врать учатся да клеветать друг на друга.

— Скажи, ты был в том отряде, что приходил в Юмюярви? — спросил Липкин.

— Куда же денешься. Я не хотел идти, а меня — прикладом... Да шомполов грозились всыпать. А я ничего там плохого не делал. А-вой, что там бандиты творили! Я ничего...

Самойлов махнул рукой, Суаву увели.

— Я ни одному его слову не верю,— сказал Липкин.— Его отец — самый настоящий живодер. Советскую власть люто ненавидит, ох как ненавидит.

— Отец отцом. А сын тут ни при чем.

— Яблоко от яблони не далеко падает. Одна кровь... Да и воспитание...

— Одна кровь, говоришь? Вот Рийко Антипов приходил. А ты знаешь, что это его брат пырнул ножом Михаила Петровича?

— Знаю.

— Но разве может брат отвечать за брата? Нет, конечно. Рийко — славный парень. Только горяч немного.

Со всем, что Самойлов говорил о Рийко, Липкин был согласен. Ну, а что касается этого рыжего Суавы, пусть Самойлов разбирается, в отца или не в отца сынок Степаны пошел.

— Рийко не знает, да и незачем ему знать, что его брат чуть не убил Михаила Петровича,— сказал Самойлов.— А насчет пленных... Большинство из них оказалось у белых не по своей воле. Так? Но есть среди них и отъявленные враги. С каждым надо тщательно разобраться. Это, конечно, наше дело, и не для этого я вызвал тебя. Пригласил я тебя вот почему. Эти люди не имеют ни малейшего представления о целях и задачах Советской власти и Карельской Трудовой Коммуны. Они напичканы белой пропагандой. Короче говоря, у тебя не найдется времени выступить перед ними и рассказать о Втором Всекарельском съезде Советов, о положении в Карелии?

— Дай-ка закурить. Время-то найдется, и рассказать, конечно, надо. Но... я вот все думаю, что надо бы больше бывать в деревнях, в глубинке. Ведь вовсю орудуют белые агитаторы. А мы что? Мы — молчим. Вот в чем наше главное упущение. Конечно, лекций и различных докладов мы много устраиваем. Но где? Все там, куда легче добраться. Вот и получается — друг дружку агитируем. Конечно, я преувеличиваю, но доля истины в этом есть.

Липкин, разумеется, понимал, что коммунисты и советские активисты не только друг друга агитируют за Советскую власть, как он иногда говорил. Знал он, что в отдаленных деревнях проводятся еще и сходы, организованные агентами белых, но бывают и другие собрания. Правда, проходят они часто стихийно, и нет во многих местах коммунистов, чтобы могли разъяснить обстановку. Народ в таежных деревнях еще смутно представляет, что такое социализм, но что такое капитализм, он уже хорошо знает, потому люди и снаряжают ходоков к Советской власти, просят помочь. Липкин захватил с собой целую кипу резолюций и обращений, поступивших в ревком, чтобы показать их Самойлову.

«Мы выражаем протест против разбойничьего похода, предпринятого капиталистами Финляндии с целью захвата Карелии. Мы просим правительство революционной России и Карельской Трудовой Коммуны принять все меры для ликвидации бандитов и для сохранения мира и безопасности карельского народа...»

«...Мы хорошо знаем, чего хочет белая Финляндия: ей нужны лесные богатства Карелии, ей хочется превратить Карелию в свою колонию...»

«...Мы поддерживаем решения Второго Всекарельского съезда Советов остаться на вечные времена с социалистической Россией и готовы бороться за это. Просим дать нам оружие...»

Под письмами шли корявые подписи, многие ставили просто крестики.

Выйдя из ЧК, Липкин увидел Рийко.

— Ты не меня ждешь?

Рийко пошел с ним, начал рассказывать о событиях на границе.

— Ничего! Скоро все будет в порядке! — заверил его Липкин.

— Думаешь, скоро?

— Послушай, Рийко. Вечером я еду на Онду. Поедем со мной. Там я все скажу, что и когда будет. Можешь захватить всю вашу группу. Тут недалеко. Где ваши сейчас?

— Михаил Петрович пошел в штаб, а мне велел разыскать Евсея. Может, заблудился где, говорит. Человек-то он новый.

— Разыскал?

— Разыскал. Я ведь старый разведчик. Кого угодно найду. А парень-то знал, где заблудиться. Неплохое место выбрал.

— Где же он был?

— Ясное дело, у девушек. Ну и ловок! Неужто все они такие там, на юге? Мне подсказали, загляни, мол, в один барак. Открываю дверь, гляжу — сидит, голубчик, девушки чай пьют, а он с одной в стороне и уже обнимает. Ну и хват! Когда сюда шли, чуть жив был. Думали — не дойдет, а тут — сразу ожил. Резвый, что... что жеребчик. Увидел меня — смеется. Есть, говорит, девчата и у вас.

Рийко замолчал и вдруг спросил:

— Слушай, ты не знаешь, кто такой Вилхо Тахконен?

Липкин растерялся.

— Какой Тахконен? Где?

— Да в списках у белых.

Липкин засмеялся.

— У меня, понимаешь, с белыми отношения не очень важные. Не докладывают они мне, где да что.

— А я знаю! Это наш Васселей.

— Васселей? Возможно, и он под каким-то именем у них числится. Только брось ты его к черту. Тебе-то что?

— Нет, все-таки... — Рийко остановился, взял Липкина за рукав.— А может, и Михайло Петровича тоже он чуть не убил? Самойлов ничего не говорил?

— Говорил. Только не о Васселее, а о тебе. О вашей группе. Молодцы, говорит, такие бумаги доставили. А насчет тебя сказал, что ты славный парень, но слишком вспыльчив. Прав он... Война дело сложное. Тут надо иметь холодную голову и горячее сердце. Ну, ладно. Значит, вечером встретимся. Дрезина пойдет в шесть часов. Мне надо бежать. Пока.

Похлопав Рийко по плечу, Липкин поспешил по своим делам. Рийко направился в казарму, как громко именовался обычный барак, где жили красноармейцы. Возле

барака он встретил двух солдат в новеньких, еще топорщившихся шинелях.

— Рийко!

Навстречу, широко улыбаясь, шел Юрки Лесонен.

Он представил своего товарища:

— Это — Сантери. Из нашей деревни. Ты откуда, Рийко?

Рийко стал рассказывать, но Юрки перебил его:

— А тебе привет... Знаешь, от кого? От Вас... — Заметив, что Рийко изменился в лице, он осекся.

— От кого?

— Да от... ваших. От отца да матери,— вывернулся Юрки и стал рассказывать своему товарищу: — Знаешь, Сантери, какая мать у Рийко. Боевая!.. Схватила как-то ухват, говорит — разгоню я ваше Ухтинское правительство! Я тогда солдатом был у этого правительства.— И тут же Юрки обратился с деловым предложением: — Слушай, Рийко, ты нам нужен. Понимаешь, мы собираем лыжный отряд. Будем воевать на севере. Кем ты служишь в армии?

— Когда кем.— Рийко начал перечислять: — Разведчиком был, и в артиллерии, и в пехоте. Пограничником был. Переводчиком. Даже кашеваром приходилось... Все могу.

— Пойдешь к нам в отряд?

— Я бы пошел, да я же не вольная птица.— Рийко знал, что их группу направляют к границе в составе части Красной Армии, которая должна наступать на Сорокском направлении.

На Онде работа шла круглые сутки. К разрушенному мосту с юга подходил один состав за другим, на северном берегу ждал порожняк. Грузы переносили через реку на себе, волокли на тросах, на длинных и широких сколоченных из бревен санях. Спешно строился новый мост. Тут же вручную пилили брусья и доски. Между бригадами шло соревнование, и там, где работа спорилась лучше, развевался красный флаг. Строительная площадка освещалась прожекторами.

Большой барак, где собирался выступать Липкин, был переполнен.

Липкин, как всегда, тщательно подготовился к докладу, написал конспект выступления, сделал необходимые выписки, но выступал он не по бумажке, лишь приводя цитаты, обращался к тексту.

— Мы, карелы...

Липкин обвел взглядом освещенное тусклым светом керосиновой лампы помещение, словно хотел увидеть, сколько здесь тех, от имени которых он говорит.— Мы, карелы,— небольшой народ, но когда речь идет о том, быть или не быть нашему краю свободным, быть или не быть нашей Трудовой Коммуне, быть или не быть Советской власти на нашей земле,— тогда за нами стоит великая сила, за нами — огромная семья всех братских народов... Здесь сидят русские, украинцы, чуваши. Здесь сидят и финны. Они тоже наши братья по оружию. У себя на родине они сражались за наше общее дело, за свободу трудового народа. Есть среди них и люди, недавно порвавшие с белыми и перешедшие на нашу сторону. Один из таких людей... Разрешите представить вас? Вот товарищ Суоминен, бывший белый солдат, а теперь наш...

Рийко взглянул на Суоминена, сидевшего неподалеку. Молодой, подтянутый, аккуратный... Удовлетворив свое любопытство, Рийко опять стал внимательно слушать Липкина. Если бы он знал, что этот аккуратный молодой человек целых полгода, от весны до осени 1918 года, прожил в доме старого Онтиппы в Тахкониеми, что ему известно, почему Васселей оказался у белых, Рийко непременно подошел бы к нему, расспросил обо всем. Суоминен тоже, конечно, не знал, что совсем рядом сидит сын Онтиппы и брат Васселея и слушает вместе с ним доклад Липкина.

Липкин рассказывал о Втором Всекарельском съезде Советов, состоявшемся 2 октября 1921 года в Петрозаводске. Съезд объявил, что рабочие и крестьяне Карелии связали свою судьбу с Республикой Советов и готовы вместе с ней защитить свою родину. На IX Всероссийском съезде Советов Ленин говорил:

«Мы идем на самые большие уступки и жертвы, идем, лишь бы сохранить мир, который был нами куплен такой дорогой ценой. Мы идем на самые большие уступки и жертвы, но не на всякие, но не на бесконечные,— пусть те, немногие к счастью, представители военных партий и завоевательных клик Финляндии, Польши и Румынии, которые с этим играют, пусть они это себе хорошенечко заметят... Мы не допустим издевательства над мирными договорами, не допустим попыток нарушать нашу мирную работу. Мы не допустим этого ни в коем случае и станем, как один человек, чтобы отстоять свое существование».

Вся Карелия готовилась к бою. Всюду шла запись добровольцев, желающих пойти на фронт, вступить в лыжные батальоны. Более половины коммунистов Карелии, показывая пример, вступили в ряды Красной Армии. Карельская Трудовая Коммуна обратилась за помощью к рабочим Петрограда. Петроградский Совет телеграфировал, что, хотя трудящиеся Петрограда желают жить в мире со своим соседом Финляндией, Карельская Трудовая Коммуна может рассчитывать на военную и экономическую помощь, которую Петроград, колыбель Революции, окажет ей в борьбе против белофинских грабителей в той мере, в какой она будет необходима для разгрома врага.

По всей Карелии создавались комитеты помощи фронту, организовали сбор теплых вещей для армии, проводили концерты и вечера в фонд фронта. Старые крестьяне добровольно идут со своими лошадьми в армейские обозы.

Улыбаясь, Липкин рассказал, как в одной деревне пришла к нему ветхая старушка, принесла допотопное ружье и сказала: ежели бандиты не угомонятся, так возьмите эту пищаль.

— Мы, карелы...

Липкин стал зачитывать выдержки из некоторых резолюций деревенских сходок, собраний рабочих, партизан, красноармейцев, школьников и учителей, из писем и воззваний... Этих писем и протоколов у него было с собой так много, что под конец он просто перечислял, от кого поступило письмо.

На обратном пути дрезина мчалась сквозь снег, валивший густыми хлопьями с черного неба. Казалось страшным и странным, что колеса дрезины находили среди этой белизны дорогу.

А снег все шел и шел...

Наконец настал день, когда пограничники отправились обратно к границе. Но шли они уже не маленькой группой, а в составе крупного подразделения, и не по лесам, пробираясь таежными тропами, а по большаку, в рядах маршевой колонны.

А снег все валил и валил.

Евсей шагал рядом с Рийко. Вид у него был сонный. В Сороке он возвращался в казарму лишь для того, чтобы получить очередное увольнение, и опять исчезал.

— Видно, здорово погулял? — с усмешкой спросил Рийко.

— Еще как! — Евсей был доволен.— Я, конечно, перегнул. В Карелии тоже жить можно, если б только не надо было по тайге бродить. Скажи, Рийко... Неужели у вас в Карелии все девушки такие недотроги? Мне бы еще недельку-другую...

— Кончим войну — приезжай к ней,— предложил Рийко.— Или домой тянет?

Колонну догнал обоз с лыжами. Правда, лыж было маловато, всем не хватило.

Евсей внимательно смотрел, как Рийко прикрепил лыжи к сапогам и пошел по снегу. «Дело нехитрое!» — решил он. Лыжи он тоже приладил довольно легко. Но стоило ему сойти с дороги, как сапоги соскользнули с лыж, и Евсей упал в снег, увяз. Самое трудное было выбраться из сугроба: ремни креплений поднялись к коленям, и ему пришлось долго возиться, пока он развязал их и освободился от лыж.

— На этих деревяшках только черти могут бегать,— проговорил Евсей, выбравшись на дорогу.— А в бою в них запутаешься, что в силках будешь — ни туды ни сюды. Нет, совсем не то у нас...

Все знали, что значит это «не то». Степь широкая вокруг, резвый конь да острая шашка в руке...

— Мне и без лыж хорошо. Пешком потопаю. Нет такого глубокого снега, чтобы под ним твердой земли не было,— заключил Евсей.

Как только колонна прибыла в Руоколахти, уже освобожденную от белых, поступил приказ немедленно занять позиции вокруг села. Кое-кто из бойцов недоумевал: зачем им окапываться у села, в котором давно свои?

Но у командования были сведения, что Таккинен собирается вновь занять Руоколахти. Был даже известен день, на который назначен штурм. Белые будут атаковать силами трех батальонов с разных сторон.

В назначенный день перед Руоколахти появился передовой дозор белых, затем подошли две роты и начали разворачиваться для атаки. Красноармейцы сидели в окопах и ждали. Белые дали сигнал ракетой и открыли огонь. Красные, занявшие позиции возле кладбища, ответили им. На этом участке шла ожесточенная перестрелка, а на других почему-то стояла странная тишина.

Белые снова пустили ракету, словно запрашивая кого-то: чего вы там копаетесь, пора начинать... Но на флангах по-прежнему было тихо.

Командование красных уже решило, что, видимо, разведка ошиблась.

Белые постреливали и кого-то ждали. Красноармейцы отвечали нечастым ружейным огнем. Главные силы красных в бой не вступали, чтобы раньше времени не обнаружить своих огневых позиций. Начало темнеть. Не дождавшись атаки, красные обрушили на противника всю свою огневую мощь, открыв плотный пулеметный огонь. Они словно говорили: что же это за бой, уж коли пришли, так давайте воевать по-настоящему! Но бандиты встали на лыжи и отошли. Они так торопились, что оставили даже раненых. От пленных удалось узнать, что напасть на село действительно должны были одновременно три батальона. К селу подошел лишь один. Почему не было остальных и куда они запропастились, этого они не знали.

Только много лет спустя Рийко довелось услышать рассказ, объяснявший загадочное отступление белых из-под Руоколахти. Оказывается, виновником всего опять-таки был один из кевятсаарских стариков-миротворцев, тот самый Стахвей, который осенью поднял панику среди белых, сообщив им о приближении несметных полчищ красных. Вскоре сам Стахвей оказался в белом войске. Как-то он поехал на лошади в лес, там его и схватили, хотели забрать лошадь, но так как старик не отдал, то его мобилизовали вместе с ней. Служил он при штабе и возил на своей лошадке высокое начальство. Старик был тихий и исполнительный, и когда надо было послать пакет куда-нибудь, то Таккинен отправлял этого старика.

Все три батальона «Полка лесных партизан» были готовы к нападению на Руоколахти. Правда, время выступления им решено было сообщить в самый последний момент, чтобы красные не успели о нем узнать. Второй и третий батальоны, уже подтянутые к Руоколахти, стояли верстах в десяти от него. Когда первый батальон направился к селу, Таккинен послал Стахвея с приказом. Старика предупредили, что пакет срочный, велели ехать побыстрее, разрешив ему остановиться в дороге лишь на два часа, чтобы дать лошади передохнуть. Пакет надо было доставить засветло.

Старик послушно отправился в путь: так как он ехал один, никто его не трогал, то он решил поберечь лошадь и не гнать ее. Пусть бежит, как ей нравится. А что до точного времени, то тут старик особенно не беспокоился: откуда ему знать время, если часов не дали? На полпути

Стахвей, как было велено, остановился на отдых на заброшенном хуторе, распряг коня и дал ему хорошую охапку сена, затем развел огонь в печи, приготовил себе чай и, поев, забрался на печь. В последнее время старик спал мало и теперь задремал. Конечно, он догадался, что это за пакет, но, засыпая, думал: невелика, мол, беда, если эти батальоны вступят в бой после первого, ведь и в баню ходят по очереди. Выспавшись, Стахвей покормил коня, попил чаю, подправил гужи и поехал дальше. Старик доставил пакет кому нужно было, в чужие руки он не попал и вручен был в светлое время,— правда, было уже утро следующего дня. Когда пакет вскрыли, в штабе поднялся такой переполох, что о старике забыли. Он тоже не стал дожидаться, когда спохватятся, хлестнул коня и так рванул с места, что чуть было из саней не вывалился. Въехав в лес, свернул с дороги и направился к дому, где уже были красные.

Так это было или не так, никто не знал. Но второй и третий батальоны белых к Руоколахти не подошли. Бой не состоялся.

...В бою под Келлосалми Васселей был на высоте, где залегли белые, и Рийко прорывался к ним, по глубокому снегу. Васселей действовал в бою как бывалый солдат, хладнокровно выбирая цель, стреляя по наступавшим красноармейцам. Это был не первый бой за эту осень. Он уже не думал о том, что на мушке может оказаться брат. Не искал он и Мийтрея. Просто стрелял по противнику, заставляя его зарываться в снег.

А Рийко полз в глубоком снегу и тоже стрелял. Чуть приподнявшись из сугроба, чтобы прицелиться, бил по высоте. Белых он не видел и целился по вспышкам выстрелов.

Вряд ли Маланиэ и Онтиппа думали в тот момент, как близко их сыновья были друг от друга. Эта встреча не была случайной. И Васселея и Рийко привели к ней те дороги, которые они выбрали и по которым долгие годы шли. Они оба находились на одном участке фронта, обоих судьба бросала в самое пекло. И оба делали в бою то, что должен был делать солдат.

Рядом с Рийко, тоже зарываясь в снег, полз Евсей. Он тоже стрелял. «Молодец,— успел подумать Рийко.— Не трус. Быстро он освоился в наших сугробах».

Михаил Петрович полз за ними. Он не хотел отставать от своих ребят, но годы брали свое, и он уже выбивался из сил.

— Черт бы побрал эти пулеметы! — ругнулся Рийко. Пулеметы противника били с фланга, откуда цепь красных была как на ладони. Очереди ложились совсем рядом. Казалось, вокруг, взметая снег, падают крупные капли дождя.— И какого черта наши пушки молчат? — Рийко не знал, что артиллеристы сейчас тоже в цепи наступающих: от мороза заклинило замки орудий.

Огонь с высоты начал ослабевать. Подойдя к сопке, красные поднялись в атаку, но когда они, утопая по пояс в снегу, добрались до гребня, последние защитники ее уже мчались на лыжах к подножию и исчезали в лесу. Преследовать их было бессмысленно.

Стали подбирать убитых и раненых.

— Сколько ребят положили за какую-то паршивую деревеньку! — Рийко был угнетен.

Вид у Михаила Петровича был измученный, подавленный. Слишком большие потери! Но все-таки взяли!..

Глава пятая

ЗАМЕТАЯ СЛЕДЫ

За Келлосалми они шли гораздо быстрее. Не мешал обоз, который отправился в путь еще до начала боя. Кроме того, отступавших заставляли поторапливаться и пули, которые посвистывали сзади.

Васселей уходил с основной группой. Его догнал связной командира. Набросился было с бранью. И вдруг осекся.

— Ты же ранен!

Только теперь Васселей заметил, что на лыжне остается кровавый след. Вспомнил: когда отходили от деревни, что-то больно ударило по ноге. Ему показалось, что он напоролся на сук.

Васселей сел на лыжи, снял сапог.

— Ребята, у кого есть бинт? Скорее сюда! — крикнул связной.

— Тихо, тихо,— успокоил его Васселей и достал из кармана перевязочный пакет.— Если у солдата нет этого добра, то ему хоть умирай. Ну-ка, подержи.

Рана была небольшая, но сильно кровоточила.

— Ты можешь идти? Километра за три отсюда есть лошади для раненых.

— Какого дьявола они там торчат? Я-то доберусь до них, а другие?

Лошадей оказалось больше, чем ездовых. Всех умеющих держать в руках винтовку отправили на передовую. Кириля выбрал лошадь получше, посадил в сани кроме Васселея еще двух раненых и повез их в Киймасярви. Застоявшаяся на морозе лошадь бежала резво, ее не нужно было погонять.

Кириля был рад, что Васселей легко отделался. Он даже позавидовал ему: валяться с таким ранением в лазарете — сплошной отдых.

— Поди знай, может, это тебя братец твой угостил на прощание,— посмеивался Кириля.

— Ты эти шуточки брось,— рассердился Васселей.— И при мне не смей хулить Рийко.

— Да разве я хулю его?..— стал оправдываться Кириля.— Наверно, Рийко в белых тоже должен стрелять. Откуда ему знать, что может и в собственного брата попасть.

— Пошел бы ты знаешь куда... Наш Рийко так не стреляет. Если он выстрелит в кого, то точно в затылок попадет. Хоть нитку бери и мерь — дырочка будет аккурат посредине. Там, куда Рийко прицелится. Бывало, на белку пойдет и в глаз стреляет, чтобы не попортить шкуру. Вот такой у нас Рийко. Молодец!

— Молодец-то он молодец, только тебе от того не легче — встретитесь на узкой дорожке, не разойдетесь,— с кислой усмешкой заметил Кириля и вдруг заговорил совсем о другом: — Сказал я тебе, что моя баба уже уехала?

— Куда?

— Туда, куда все. В Финляндию.

— Все, говоришь? А люди-то бегут в другую сторону, к Мурманску.

— Ребята, поосторожней,— пробурчал лежавший рядом с Васселеем финский солдат.— Я, конечно, ничего не слышал и ничего не говорил вам, но давайте поаккуратней.

— Я не дам своих угнать в Финляндию,— сказал Васселей.

Кто-то впереди выскочил на дорогу и уже издали закричал: «Стой! Стой!» Кириля с трудом приостановил разбежавшуюся лошадь. В сани плюхнулся мордастый парень и приказал:

— Поехали!

— Тебя куда ранило? — спросил Васселей.

— Меня? Ты что, меня не знаешь?

— Я спрашиваю, куда тебя ранило? — повторил он.

— Я Симо Тервайнен,— представился парень и, заметив, что имя его не произвело впечатления, стал объяснять: — Я двоюродный племянник мужа дочери двоюродной сестры Митро, а брат моей матери сам Хариттайнен. Его все знают...

Раненый финн, лежавший в санях, заметил:

— С такими родственниками ты от ранения застрахован.

Не обращая внимания на колкое замечение, Тервайнен продолжал:

— Я тебя знаю. Ты Васселей из Тахкониеми. И всю семью твою знаю. Я служил в Ухтинской армии, и стояли мы в вашей деревеньке...

Васселей, только что собравшийся высадить парня с саней, сразу подобрел и хотел было расспросить Тервайнена о Тахкониеми, но раненый финн попросил остановить лошадь.

— Вылезай! — сказал он Тервайнену.— Это сани для раненых.

— Что? А я как? — растерялся парень.

— А ты топай туда,— финн показал в обратную сторону, где шла перестрелка.— Там родственников Митро как раз не хватает.

Многие деревни уже опустели, но в Киймасярви было людно. Народ сюда прибывал отовсюду. Здесь находился штаб, склады, сюда шла почта. Полевой госпиталь тоже был переполнен. Правда, часть тяжелораненых отправляли в Финляндию. Легкораненых подолгу в госпитале не держали: как только рана затягивалась, старались выписать и отправить на позиции.

Васселея сочли раненым настолько легко, что в госпиталь не положили. На фронт тоже пока не посылали. Ему велели устроиться в деревне. И он так устроился, что уход был лучше, чем в госпитале.

— Назови меня своим ангелом-хранителем. Назови хоть раз! — улыбалась Кайса-Мария, показывая свои красивые белые зубы. Она поселила Васселея в своей горенке.

Сама она спала у подруги, но вечерами допоздна была с Васселеем. Кайса-Мария считалась сестрой милосердия, хотя никто из медицинских сестер не пользовался такими преимуществами, как она. В занимаемой ею комнате непременно поселили бы двух-трех человек. Работой в госпитале ее тоже не очень утруждали, в то время когда другие сестры работали день и ночь. Медсестрой она числилась для отвода глаз, и даже теперь, когда на ее попечении был раненый, о котором она готова была заботиться круглые сутки, ей нередко приходилось надолго уходить по каким-то неотложным делам.

— Ты не поверишь, как я рада видеть тебя! — сказала она. Васселей чувствовал по голосу, что она не притворяется.— Как мне это все надоело!

— Зачем же ты тогда приехала сюда?

— Зачем? Если бы ты знал... Когда-нибудь я расскажу тебе... Сейчас не могу... Я обещаю...— Кайса-Мария замолчала, прислушиваясь, потом, отведя взгляд в сторону, продолжила: — Я обещаю... Когда все это кончится, я расскажу тебе такое, от чего ты сперва лишишься дара речи, а потом придешь в ярость и возненавидишь...

— Кого?

— Всех этих... И меня в том числе. Но я все равно расскажу тебе все, когда придет время.

Он закурил. Кайса-Мария принесла пепельницу и поставила ее на стул рядом с койкой.

— Сейчас не могу. Сейчас это могло бы стоить жизни нам обоим. Вот так!

— Ох уж эти женщины! — засмеялся Васселей.— Любите вы придумывать. И сами верите. Но если это так страшно, то не говори ничего. Лучше будет, если мы пока останемся живы.

— Смейся, Васселей, смейся. Когда ты смеешься или улыбаешься, ты такой... человечный. А когда хмуришься, то похож на всех этих...

Васселею нравилось слушать ласковую болтовню женщины. Он даже был доволен, что его ранили и он оказался здесь. Если бы вся война прошла так же, как пролетали эти вечера.

— Чем все это кончится? Ты ведь знаешь? — спросил Васселей однажды.

Он знал, что Кайсе-Марии известны такие вещи, о которых другие медсестры и понятия не имеют.

— Чем кончится? Плохо кончится. Только никому че

говори. Впрочем, скоро об этом все сами узнают. Из Петрозаводска через Поросозеро сюда идут красные. Если даже Финляндия объявит войну и бросит в бой все свои силы, все равно их не остановить. Так что конец приходит твоей «освободительной» войне. Эх ты, борец за свободу...

Кайса-Мария перебирала волосы Васселея.

— Чему ты тогда радуешься? — спросил он.

— Тому, что скоро все это кончится... Это... Не знаю даже, как назвать. Войной не назовешь, слишком все нелепо, карнавалом тоже — слишком все ужасно.— Кайса-Мария пересела на край кровати и зашептала на ухо: — Я-то сбегу отсюда вовремя. Я не дура. Меня вызывают в Финляндию. Кто, зачем — не спрашивай. Я постараюсь остаться там. Слушай, поедем со мной...

— Нет, я останусь в Карелии. На своей земле.

— Ты сошел с ума! Среди вас, карел, есть, действительно, такие, которые могли бы остаться здесь. Но они не останутся — побоятся. А тебе уже поздно думать об этом.

— Мне тоже не поздно. Под Келлосалми я чуть было не остался совсем... Попади пуля не в ногу, а...

— Не надо, не надо об этом. О смерти не надо говорить. Надо жить, чтобы увидеть.

— Что же я еще должен увидеть?

— Хотя бы то, как я стану известным человеком. И к тому же богатой.

— Буржуя из тебя не выйдет.

— Я стану известной самым честным путем. Я разбогатею на честности.

— Расскажи, как... И меня научи.

— Улыбайся, Васселей. У тебя очень приятная улыбка. Слушай. Я расскажу, ради чего я должна жить, видеть и слышать все это.— Кайса-Мария наклонилась так близко, что ее волосы касались щеки Васселея, и зашептала: — Это единственная тайна, которую я тебе доверю сейчас. Я сделаю то, чего никто не делал. Надо только дожить до того времени, когда Финляндия станет другой. Она обязательно будет другой. Тогда я сяду за стол и буду писать. Я буду писать лишь о том, что было. Одни голые факты. Васселей, даже ты не представляешь, как много я знаю. Миру сейчас нужна правда. Когда совершается убийство на почве ревности или грабеж, преступника наказывают. А когда совершают чудовищное зло по отношению к це-

лому народу, о нем молчат, за него не наказывают. Почему? Финны любят честность. И я честно расскажу обо всем. Я не утаю даже того, что делала сама.

— Таккинен опровергнет все, что ты расскажешь.

— Таккинен? Да он просто пешка в этой игре. Если бы он узнал, как мало значит, он бы повесился или спился. Он — такой самолюбивый. Ну как, буду я известной?

Кайса-Мария пыталась улыбаться, но в глазах у нее стояли слезы. Васселей приподнялся:

— Мария, а тебе не кажется, что тут подслушивают?

— Обязательно. Но я знаю, когда можно говорить. Как-то зашел сюда Таккинен. Он вот тут сидел. Тогда за стеной и заскрипело.— Она показала на стену, за которой был какой-то чулан.— Даже ему не доверяют. Почему ты не ответил: буду я известной?

— Мария! — Васселей посмотрел ей в глаза, сказал тихо: — Мне очень бы хотелось дожить до этого времени. Но... я не понимаю... как это возможно? Как ты с такими мыслями можешь оставаться здесь... заниматься всем этим?

— Ох, Васселей, не спрашивай!..— Кайса-Мария заплакала.— Пока не спрашивай. Когда можно будет, я сама...

Она плакала. Васселей успокаивал ее. Потом Кайса-Мария вдруг выпрямилась, вытерла слезы и заставила себя улыбнуться.

— Какая я дура! Ну, ладно. Все. Ты не принимай близко к сердцу. Это у меня от усталости, обычная истерия. Слушай... Мне надо идти. Чуть не забыла. Ты поешь, а что останется, вынеси в сени. Кофейник в духовке. Спокойной ночи.

Обернувшись в дверях, Кайса-Мария игриво помахала рукой, словно весь этот их разговор был легким флиртом.

— А мундир не идет тебе,— заметил Васселей.

— Разве? — Кайса-Мария оглядела юбку, сшитую из солдатского сукна.— Он должен идти мне, если уж он на мне.

Утром Кайса-Мария пришла в темно-синем шерстяном платье. Выглядела она обеспокоенной. Поговорила о том о сем, о разыгравшейся ночью пурге, спросила, как Васселею спалось, потом вдруг замолчала, стала задумчиво поправлять прическу.

— Что с тобой?

— Завтра я уезжаю в Финляндию. Давай посмотрим твою рану. Может быть, и ты сможешь отправиться в путь.

— Гонишь на фронт?

Рана почти зарубцевалась. Сменив повязку, Кайса-Мария сказала, не глядя на Васселея:

— Ты тоже должен завтра уехать.

— Что, красные близко?

— Нет, не потому.

— А почему?

— Не спрашивай. Ты должен уехать — и все.

— Значит, я должен выполнять распоряжения сестры милосердия?

— Если бы я могла...— не договорив, Кайса-Мария сделала резкое движение, словно хотела что-то разорвать, но тут же снова стала сосредоточенной.— Я зайду вечером. Пока.

Кайса-Мария пришла поздно вечером и поставила на стол бутылку спирта.

— Отметим мои проводы. Выпьем не за расставание, а за встречу.

— Я тоже уезжаю завтра. Таккинен приказал.

— Вот и хорошо! — обрадовалась она.

— Мария! А ты не могла бы побыть хоть минуту сама собой?

— Попытаюсь. А что?

— Почему я должен уехать именно завтра?

— Слушай, Васселей. Не будем портить последний наш вечер. Когда-нибудь я тебе все расскажу. Потом, когда встретимся в Финляндии. И ты тогда можешь хоть задушить меня... Я дам тебе адрес сестры. Она живет в Тампере. Через нее ты найдешь меня. Ты бывал в Тампере? Сестра живет в доме столярной мастерской Койвисто.

Васселей сунул бумажку с адресом в карман.

— Мы не встретимся в Финляндии,— сказал он.

— Не будем спорить. Знаю, тебе не хочется ехать туда. Но ты все равно поедешь. Тебе придется. И семью увезешь...

— Зачем? Затем, чтобы мой сын пошел по той же дороге, что и я? Нет!

— Не сердись,— ласково проговорила Кайса-Мария. Я не хочу даже думать о том, что мы больше не встретимся. Скажи на прощание какой-нибудь тост.

— Я не умею говорить тосты, я могу только воевать. Ну что ж... Что мне сказать? Давай выпьем за то, чтобы скорее пришло то, другое время, о котором ты говорила. Чтобы в Карелии... чтобы нигде на земле не повторилось это... как ты сказала... для войны слишком нелепо, для

маскарада слишком ужасно... Чтобы моему сыну не пришлось идти по стопам отца, чтобы его поколению не пришлось испытать такое. Нет, я не за то, чтобы они поняли нас, простили бы... Надеяться на это не стоит, и на такой тост не стоит тратить спиртное. Мне просто хочется, чтобы они учились на наших ошибках... Вот и все...

За окном выла пурга. В горенке было тепло и уютно. Кайса-Мария запела. Пела она грустно, и даже веселые, шутливые песни звучали у нее печально...

Внезапно оборвав песню, Кайса-Мария достала из сумочки платок, вытерла слезы и встала.

Днем Васселея навестил Таккинен.

— Зашел поглядеть, как дела у тебя. Давно мы не виделись.— Он поздоровался, как старый знакомый.— Помнишь, Вилхо, как мало нас было, когда мы начинали. А теперь вся Карелия поднялась.

Таккинен прошелся по комнате, остановился перед зеркалом, стал рассматривать лежавшие на туалетном столике гребешки, коробки с пудрой, флакон с духами.

— Приятная женщина, верно? — Таккинен подмигнул Васселею.— Молодец, Вилхо.

Васселей чуть было не вспылил, но сдержался и сухо спросил:

— Что нового на фронте?

— Все идет хорошо. Позиции мы удерживаем. Скоро подойдет подкрепление из Финляндии, и мы перейдем в наступление по всему фронту.

Таккинен сел и забарабанил пальцами по столу.

— Надо бы поговорить, да времени у меня мало. Потому перейду к делу. У нас не хватает офицеров. Ты должен взять взвод. А если хочешь, дадим и роту.

— Господин главнокомандующий, я же вам уже сказал... я могу отвечать лишь за свою голову. Большей ответственности я брать на себя не желаю.

— Это твое окончательное решение?

— Да,— твердо ответил Васселей.— Кроме того, разрешите напомнить, что мою семью не надо эвакуировать в Финляндию.

— Хочешь оставить на милость большевиков?

— Может быть, я понял вас неправильно. Разве мы не собираемся наступать? — Васселею с трудом удалось скрыть ироническую ухмылку.— Просто я хочу, чтобы они спокойно жили дома.

— Как бы тебе не пришлось пожалеть об этом,— буркнул Таккинен после продолжительной паузы.— Поступай как знаешь. Я хочу перевести тебя на другой участок, поближе к дому.

— Хорошо.

— Завтра туда отправляется связной на лошади. Можешь взять с собой и своего Кирилю,— сказал Таккинен и, сухо попрощавшись, ушел.

«Странное совпадение! — мелькнуло у Васселея.— И Мария, и Таккинен говорят одно и то же. Торопятся выпроводить из Киймасярви. Почему?

— Мне пора,— сказала она строгим, чужим голосом.— Я уеду утром, но мы сейчас простимся. Провожать меня не надо. И вот еще что: утром никуда не выходи, пока тебя не позовут...

Последние слова прозвучали как приказ.

Кайса-Мария надела пальто, взяла свой саквояж и протянула Васселею руку. В дверях она обернулась, словно хотела что-то сказать, потом быстро вышла.

Утром Васселей проснулся рано. Он помнил, что Кайса-Мария велела ждать ему здесь, но, словно назло ей, решил дойти до штаба. Может быть, она пока не уехала... Почему бы не попрощаться с ней еще раз...

Когда он подошел к штабу, Кайса-Мария садилась в сани. Васселей усмехнулся, увидев, что простую сестру милосердия провожают высшие штабные чины во главе с самим Таккиненом и специально для нее снарядили лошадь, да еще кроме ездового дали вооруженного сопровождающего. Кайса-Мария и Таккинен одновременно заметили приближающегося к ним Васселея и переглянулись. Таккинен что-то процедил сквозь зубы, женщина, встав из саней, торопливо пошла Васселею навстречу.

— Ты как непослушный ребенок,— сказала она, взяв его за руку.— Я же просила тебя ждать, пока не позовут. И провожать не надо. Или ты хотел что-то сказать мне?

— Я думал, ты уехала, и решил сходить узнать, когда меня отправляют...

— Не ходи туда!— Кайса-Мария почему-то испугалась. Но, совладав с собой, продолжала безразличным тоном:— Там какое-то совещание, и посторонних туда не пускают. А к тебе придут и скажут, вернее, заедут, когда лошадь будет готова, так что иди собирайся. Ну, всего хорошего. До встречи!

Провожая взглядом удаляющиеся сани, Васселей уже знал, что с этой женщиной он больше никогда не встретится. И все же вернулся в комнату Кайсы-Марии с щемящим чувством грусти. Найдя в кармане записку с адресом, оставленную ему Кайсой-Марией, он повертел ее в руках, потом смял и бросил в печку. В золе ещё тлели угольки, и бумажка сначала задымилась, потом вспыхнула и быстро сгорела.

Васселей ждал, когда за ним заедут, и пытался уяснить себе, почему его вдруг решили выпроводить из Киймасярви. Наверное, из-за Кайсы-Марии. Видимо, поздно вечером в штабе было какое-то секретное совещание, на котором была и Кайса-Мария. Ну конечно, она была там. И прозаседали они до утра. А утром ее отправили в Финляндию с докладом о результатах этого важного совещания. Она должна вернуться обратно и привезти сюда какие-то инструкции, о которых, не дай бог, вдруг узнал бы он, Васселей. Вот его и решили отправить на фронт. Он не должен видеть Кайсу-Марию после совещания. Конечно, ей они доверяют, но все же слишком много она знала такого, о чем он не должен догадываться.

Васселей был почти близок к истине. Ночью в штабе действительно прошло совещание и Кайса-Мария действительно поехала в Хельсинки с отчетом о положении в стане мятежников. Впрочем, письменный доклад, который она везла, был весьма краток: главное она должна была сообщить устно. Таккинен не случайно послал в Хельсинки именно ее: он знал, каким доверием она там пользуется. Кроме того, он вел двойную игру, заранее снимая с себя ответственность за те сообщения, которые Кайса-Мария сделает в устной форме: от них в случае необходимости можно отказаться, ведь женщина всего лишь сестра милосердия и мало ли что она может добавить от себя к официальному рапорту. Обстановка в Карелии резко изменилась, и нужны были решительные меры, нужна была помощь, переговоры о которой могли идти лишь в полной секретности, не по официальным каналам...

Отчасти Васселей угадал и причину своей неожиданной отправки на фронт. Краем уха он слышал, что приехал какой-то Микко Хоккинен, важная шишка из органов разведки. Мало ли их приезжает, всяких шишек — и военных, и не военных. Васселею даже в голову не пришло, что эта важная шишка — его давний знакомый Мийтрей, встречи с которым он давно жаждет. Не знал он так-

же, что Мийтрей обладал весьма большими полномочиями и принимал участие в ночном совещании. Не догадывался Васселей и о том, что именно он попросил как можно быстрее выпроводить Васселея из Киймасярви. Мийтрей должен был пробыть несколько дней в селе и затем вместе с Таккиненом отправиться в важную поездку по границе, договариваться с пограничными властями о содействии мятежникам.

Тампере показался Кайсе-Марии тихим, мирным городом, где ничто не напоминало о войне. Такое же впечатление произвел сперва на нее и Хельсинки, однако за дни, проведенные там, ей пришлось многого наслышаться и насмотреться, увидеть закулисную возню, которую вели дипломаты, разведки разных стран, тайные и легальные организации русских белоэмигрантов, разные карельские общества, и за внешней оболочкой мирного города ей предстала изнанка военного Хельсинки, слишком даже военного, от которого она хотела отдохнуть в тихом Тампере.

Поезд пришел рано утром, и Кайсе-Марии не хотелось беспокоить сестру в такую рань, тем более что день был воскресный. Она брела по улице, освещенной редкими утренними огнями. В воздухе кружились хлопья снега... Шли первые пешеходы, проезжали извозчики, погоняя продрогших от долгого стояния лошадей. Большой ресторан в конце улицы был еще закрыт, но в огромные, ярко освещенные окна было видно, как хозяева его готовятся к встрече воскресных гостей.

Кайса-Мария оглянулась: по другой стороне улицы, небрежно размахивая тростью, шел, чуть поотстав от нее, мужчина, которого она приметила еще в Хельсинки. Неужели у них в Тампере нет своих шпиков? Или, может, им денег девать некуда? Надо же, послали из Хельсинки следить за ней. И чего им нужно? Ведь там, в столице, прекрасно осведомлены, к кому и зачем она поехала в Тампере. Какая грубая работа! Даже зло берет. Хоть бы шпика сменили. А то послали того, что и там по пятам ходил. Только вместо шляпы меховая шапка да вместо пальто короткая шуба. А трость та же. Денег не хватило, что ли, на новую трость?

Кайса-Мария быстро пересекла улицу и пошла навстречу шпику, глядя ему в глаза. Мужчина растерялся, но продолжал идти, помахивая тростью. Поравнявшись, он

улыбнулся нагловатой улыбкой, сделав вид, что принимает ее за уличную женщину. Кайсе-Марии хотелось ударить сумочкой по его широкой физиономии. Уж если бы двинула, так кровь брызнула бы из носа. Сумка была тяжелая, в ней браунинг и несколько запасных обойм. Но, вскинув голову, она прошла мимо и шагов через двадцать, круто повернув, последовала за мужчиной. Шпик попался опытный: он не обернулся, но знал, что за ним идут. Он свернул на боковую улочку. Кайса-Мария пошла вперед чувствуя спиной, что теперь он опять следует за ней.

— Господи! — воскликнула сестра за дверью, узнав голос Кайсы-Марии. Щелкнул замок, и дверь распахнулась.— Откуда ты в такую рань? Да входи же. А то напустишь холода.

Лена-Илона, сестра, была лет на пять старше. Лицом она очень похожа на Кайсу-Марию, но полнее и ниже ростом. Она работала на обувной фабрике. Муж служил инженером на машиностроительном заводе. Квартира у них небольшая, но уютная — две комнаты и кухня...

— Я из Хельсинки,— ответила Кайса-Мария.

— Из Хельсинки?!

— Да. Туда приехала из Восточной Карелии.

— А я-то уж...— разочарованно проговорила сестра.

— Кто там? — из спальни раздался сонный голос мужа.

— Кайса-Мария. Завоевала Карелию и приехала.

— Вот как! — позевывая, ответил муж.— Значит, завоевала...

— Вари кофе, а я пока посплю,— сказала сестра, едва Кайса-Мария успела снять пальто.

Из детской комнаты выглянула маленькая девочка с озорными глазками.

— Тетя, ты?

— А ты чего не спишь? — рассердилась мать.— Марш в кровать!

— Тетя я, твоя тетя.— Кайса-Мария взяла девочку на руки.— Как живем, Пиркко? Слушаемся ли мы папу и маму?

Она открыла саквояж и достала пакет с конфетами и куклу. Отдав гостинцы, велела девочке идти спать, а сама начала хозяйничать на кухне.

Когда вода в кофейнике закипела, на кухню пришла Лена-Илона.

— Весь сон перебила,— недовольно проворчала она.

— На улице, что ли, мне мерзнуть?

— Дождешься ты своей участи.

— Я вижу, не рада ты мне. Почему? — спросила Кайса-Мария. Кроме сестры, родных у нее не было.

— Почему? В десять часов пойдешь на привокзальную площадь, там сапожники скажут почему.

Сапожниками называли в Тампере рабочих обувной фабрики.

— Там что, митинг будет?

— Будет. И полиция будет со своими дубинками. Будут лупить кого попало. И все вы, завоеватели Карелии,— раздраженно говорила сестра.

— Ты пойдешь туда?

— Не пойду. Там мне делать нечего. И в вашей Карелии тоже. О господи! Когда у нас мирная жизнь настанет? Ты знаешь, на кого сейчас работает наша фабрика? Все на армию, солдатскую обувь шьем. На войну.

— Я это знаю.

— Конечно, ты знаешь... Ну и сестрица у меня! А ты знаешь, что в соседнем доме одного рабочего взяли и что шестеро детей, мал мала меньше, остались без куска хлеба? И все потому, что он был против вашей войны... Листовки распространял.

— Почему ты это мне говоришь? Меня винишь?

— Почему? Кого же мне винить? С солдата спросу мало. Ему сунули в руки винтовку, сказали: «Марш!» — что ему остается делать. А тебе-то кто велел? Разве это женское дело! Я-то знаю вас. За людьми следите, друг за другом шпионите. Небось и сейчас за собой филера привела. Подумать только! Шестеро детей... и отца взяли. Финского рабочего бьют и мордуют, а он должен еще и налоги платить, чтобы эту полицию содержать...

От истерических выкриков сестры на душе Кайсы-Марии стало так горько, что хотелось плакать. Она пыталась отвлечь сестру, говорить о чем-то другом, спросила, как у них с деньгами. Если надо, она может помочь. Деньги у нее есть.

— Не нужны мне твои деньги,— отрезала сестра.— Свои имеются. Хоть немного, но зато честным трудом заработанные.

После смерти матери старшая сестра заменила Кайсе-Марии и брату мать, она всегда была нежной, заботливой. Потом началось какое-то отчуждение. Слишком разные они по характеру. Брат с юных лет, еще на заводе,

увлекся рабочим движением. Мир Лены-Илоны после замужества ограничился семьей и домом. А Кайса-Мария мечтала о чем-то необыкновенном. По натуре она всегда была непрактичной в житейских делах, романтиком. Вышла замуж за сына богатого банкира, но такая судьба ее не устраивала. Хотелось чего-то большего, чем быть просто важной дамой. Когда муж погиб, Кайсу-Марию начали интересовать такие дела, которые, по мнению сестры, женщине не к лицу. Кайса-Мария увлеклась этой таинственной и опасной игрой. Она знала, что пропасть между ней и сестрой все увеличивается, но все же не ожидала такой неприязни.

Выговорившись, Лена-Илона ушла в спальню и что-то раздраженно зашептала мужу. Слышно было, как он бурчал в ответ, видимо, успокаивая ее. Но шепот сестры становился все громче, перерастал в крик. Кайса-Мария не хотела присутствовать при семейной ссоре. Она торопливо накинула пальто и вышла.

Ресторан на углу Хямэнкату был уже открыт. Она заказала легкий завтрак. Есть не хотелось, но надо было где-то убить время.

Столик ее оказался у большого окна, из которого была видна вся площадь, и она увидела, как по улице, проходившей под железнодорожным мостом, появилась первая колонна демонстрантов с транспарантами.

«Руки прочь от Советской Карелии!»

«Долой разбойничью войну!»

«Братский привет народу Карельской Трудовой Коммуны!»

По улице к площади также шли демонстранты.

Выйдя из ресторана, Кайса-Мария услышала тревожные голоса:

— Полиция!

— Сейчас начнется!

Демонстранты остановились перед цепью вооруженных дубинками полицейских. Люди, толпившиеся на тротуаре, бросились бежать с площади, чтобы не попасть в начавшуюся свалку, и Кайса-Мария невольно оказалась подхваченной этим людским потоком. В подъезде одного дома она заметила своего шпика. «Только этого не хватало, чтобы меня увидели среди демонстрантов, бегущих от полиции»,— подумала она и свернула на боковую улочку.

Весь день Кайса-Мария бесцельно слонялась по городу. Зашла в кафе, погрелась, выпила чашку горячего кофе.

Сходила в кино на дневной сеанс. Смотрела какой-то бессодержательный фильм. Кто-то от кого-то убегал, кто-то за кем-то гнался с кольтом в руке, на глазах красивой женщины дрожали крупные слезы.

Вечером Кайса-Мария пришла к сестре. Встретили ее уже более приветливо. О войне в Карелии не говорили. Антеро рассказывал о своем заводе. Лена-Илона жаловалась, что все дорожает. Как рабочие сводят концы с концами, если даже им живется трудно? Все продукты, купленные Кайсой-Марией, сестра молча поставила в шкафчик.

Утром Кайса-Мария пошла в библиотеку. Хотелось посмотреть, что пишут газеты; левых газет в библиотеке не было, но вчерашняя демонстрация показала, чего требует рабочая пресса. Социал-демократические газеты не были благожелательны к Советской Карелии, но в то же время не одобряли и военного вмешательства Финляндии в ее внутренние дела. Зато правые газеты настроены воинственно и трубили о сплошных победах. Они уже овладели почти всей Мурманской железной дорогой и окружили Петрозаводск. По их сведениям, правительство Гюллинга готово покинуть город, но уже не может выбраться. Правые газеты то и дело говорили о божьей помощи. В бога Кайса-Мария верила, но не считала, что он поможет им в Карелии. Да если всевышний и вмешается, то не будет истреблять людей по одному или по одной роте, он уничтожит, как в Ветхом завете, всех скопом, раз — и целого войска как не бывало, а заодно и целых народов. Ведь в Ветхом завете столько погибло людей, что пришлось написать Новый завет и Христу начать взывать к людям, чтобы они наконец-то стали жить в мире да согласии. Кайсе-Марии хотелось полистать большевистские газеты, но их, разумеется, в библиотеке быть не могло. В Карелии они иногда попадались в качестве трофеев в ее руки, и ей приходилось даже переводить отдельные статьи для начальства. В газетной войне большевики, по ее мнению, уступали белым — им явно не хватало воображения.

Кайса-Мария вспомнила о своем соглядатае. Где же он? В библиотеке его не видно. Наверное, ждет ее, мерзнет, бедняга, на улице. Ей даже стало жаль этого человека. Зачем она его мучает? Ведь он-то тут ни при чем. Делает то, что ему велено. Она решила подойти к нему и спросить, чего он от нее хочет.

Но он подошел сам.

Кайса-Мария остановилась на мосту Таммеркоски и, перегнувшись через перила, стала рассматривать бушевавший внизу порог. Она думала о той войне, которая шла на страницах газет: «Истина, скажи, где ты? Может быть, ты там, внизу, в кипящей воде порога?» Тогда державшийся в отдалении шпик подошел к ней и, остановившись рядом, тоже склонился через перила моста.

— Вы хотите что-то сказать? — спросила Кайса-Мария.

— Вы очень низко наклонились. Надо быть осторожнее. Вода в пороге холодная, и если невзначай упасть...

— Вы слишком грубо работаете...

— Я хотел бы помочь вам.

— В чем?

— Хотя бы в этом.— Мужчина достал из бумажника железнодорожный билет.— Пожалуйста. Вы забыли купить его. Кажется, вы должны были уехать утром.

Кайса-Мария не хотела брать билета.

— Знаете, иногда я играю в карты. Там можно выйти из игры, когда начинаешь проигрывать,— сказал мужчина.— А в нашей игре более жестокие законы. Из нашей игры не выходят, как бы игра ни шла. Ваш поезд без четверти восемь. Я буду на вокзале.

Да, конечно, Кайса-Мария должна была сама знать, что из их игры просто так не выходят. Она не хотела возвращаться в Карелию. Мало ли что приходит в голову в минуты слабости!

На вокзале мужчина с тросточкой подошел к ней и сказал:

— Я знал, что вы будете благоразумны. Счастливого пути.

Тампере также умел притворяться. Какими уютными, спокойными огнями светился город, прощаясь с Кайсой-Марией! Погода тоже была тихая и теплая. От всего веяло миром. «Обманчивые огни»,— подумала она.

Подразделение, состоявшее из финских добровольцев, после непродолжительного боя покинуло Реболы и бежало за границу. Финнам легко было оторваться от противника, который, уважая государственную границу, не мог преследовать их.

В Киймасярви знали, что Реболы потеряны. Таккинен нервничал. Какого черта они драпанули за границу? Разве они не могли прорваться на восток и остаться в Каре-

лии? В ярости он бранил и правительство Финляндии. Предатели, изменники! По мере продвижения красных войск правительство Финляндии все больше осторожничало. В Хельсинки опасались обострения внутри страны. Полиция уже не справлялась с рабочим движением, требовавшим прекратить войну в Карелии. Правительство вынуждено было что-то решать. Министерство внутренних дел сменило на границе многих начальников застав и отдало приказ о частичном закрытии границы. Однако в то же время в Хельсинки не сделали самого необходимого шага — не дали разрешения Таккинену и другим, находившимся в Карелии финским отрядам вернуться на родину.

Ярость Таккинена можно понять. Такая половинчатость была действительно равна предательству. Сперва снарядили и отправили людей в поход, а теперь уходят в сторону, мол, выпутывайтесь сами из этой истории...

Правда, Киймасярви опасность пока не угрожала. Фронт был еще далеко. По сведениям, доставленным разведкой, у наступавших на Реболы красных было так мало лыжников, что до Киймасярви они смогут дойти не скоро. Тем не менее Таккинен внимательно следил за действиями красных. Он послал наблюдать за ними три разведывательные группы. Ни одна из них не вернулась. Но об их судьбе он не беспокоился. Что им будет! Все прекрасные лыжники, в бой ввязываться они не станут. Когда узнают что-нибудь важное, тогда и придут... У Таккинена и так хватало забот. Больше всего тревожило то, что закрыли границу. Как быть с пленными? Одна морока с ними. Черт дернул возить их в Киймасярви. Теперь корми да охраняй их. Ликвидировать, что ли? Но где, как? Ведь не будешь сорок человек расстреливать рядом с главной ставкой...

Девятнадцатого января Таккинен вместе с прапорщиком Микко Хоккиненом уехал из Киймасярви. Сказал, что съездит на границу и даст взбучку начальнику заставы. Он еще не знал, что для начальника заставы он уже никто.

Начинало светать. Тихое, неторопливое утро двадцатого января. Часовой, стоявший на западной окраине деревни, ожидал смены, предвкушая тепло и отдых. Над избами закурились ранние дымки, засветились окошки. Часовой видел, как из леса вышла цепочка лыжников в

белых маскхалатах. «Наверное, разведчики из Ребол»,— подумал он. Но на всякий случай спросил пароль.

— Мы не знаем пароль,— ответили ему по-фински.

— Вы, верно, из отряда Риутты? Пополнение из Финляндии?

— Так точно, из Финляндии мы...

Часовой обрадовался. Значит, зря болтали, что помощи не будет. Идет! Вон сколько их! Если такие отряды будут приходить в подкрепление, судьба Карелии скоро решится. Так что полное освобождение не за горами...

Лыжники сказали правду. Они действительно шли из Финляндии. Только командовал ими не белый офицер, а рабочий из Хельсинки Тойво Антикайнен, командир роты курсантов Петроградской Интернациональной военной школы. Они тоже были уверены, что судьба Карелии решена.

Посылая разведчиков в Реболы, Таккинен предупреждал, чтобы они не вступали в бой. Так оно и вышло — их взяли без боя. Они оказались разговорчивыми ребятами, и Антикайнен узнал от них все, что нужно.

Таккинен мог бы послать четвертую, пятую группу... Их все равно перехватили бы и отправили в Реболы, где уже были красные.

Часовой смотрел на приближающихся к нему лыжников, любуясь ими. Молодцы ребята! Совершили такой переход и идут как ни в чем не бывало. Крепкие парни! Уж если такие возьмутся за дело, то врагу несдобровать...

Он сообразил, что произошло, лишь после того, как его разоружили. В душе он благодарил бога, что его не успели сменить с поста. Окажись он сейчас в селе, может быть, и не остался б в живых. А тут, глядишь, уцелеет. И все благодаря собственной глупости. Будь он чуть поумнее да догадайся, что за лыжники идут к селу, он, конечно, попытался бы поднять тревогу и его сразу бы прихлопнули.

За двадцать минут может произойти очень многое. За двадцать минут пулемет успеет выпустить не одну сотню пуль и сто бойцов смогут сделать не один десяток выстрелов. За двадцать минут, которые длилась атака, не один завоеватель Карелии успел сложить свою голову. Многие из них впервые обнаружили, что в киймасярвских избах слишком узкие двери, и потому воспользовались окошком, чтобы выскочить из дома. Потом они метались по селу с поднятыми вверх руками, торопясь найти красного,

чтобы сдаться в плен. Часовой не напрасно восхищался лыжниками. Эти финские парни оказались настолько ловкими, что за двадцать минут разбили в пух и прах планы завоевания Карелии, планы, которые другие финны, белые, вынашивали годами. Атака началась в семь тридцать, а без десяти восемь было уже ясно, что эта война Финляндией проиграна. Военные действия продолжались еще почти месяц, но перелом наступил именно в это раннее январское утро.

Красные не успели оцепить село с северного конца, как вдруг забил церковный колокол. Киймасярвский поп, привыкший обманывать людей, на этот раз никого не собирался вводить в заблуждение. По его велению звонарь приглашал селян на утреннее богослужение. Однако красные приняли звон колокола за сигнал тревоги и поторопились броситься в атаку.

Кое-кому из белых удалось бежать из села. На том конце, за озером, находился штаб, и господа предпочли вложить все свое военное искусство в собственные ноги...

В разгар боя на озеро выехали сани. В них сидел старик с пышной бородой и какая-то старуха. Красные пропустили их. Не стрелять же мирных людей. Они даже не попытались остановить стариков. А надо было поинтересоваться, кто они такие. В санях ехал со своей женой сам Левонен, считавшийся главарем белобандитского мятежа. На его счету было немало черных дел...

После боя красным досталась неплохая добыча — много оружия, полмиллиона патронов, целые склады продовольствия.

Антикайнен потребовал от командиров сведения, кто из бойцов ранен или убит. Оказалось, что в этом бою никто из красных не получил даже царапины.

Собранных из разных деревень арестованных белые держали в подвале большого дома. Услышав выстрелы, они обрадовались: «Свои пришли!» Но когда стрельба утихла, и, подняв крышку люка, им крикнули по-фински:

— Вылезайте!

— А-вой-вой! — запричитала Варвана.— Опять финны победили. Теперь они нас убьют.

— Вылезайте. Не убьем,— сверху послышался смех.

— Знаем мы вас. Скажете «не убьем», а сами...— ответила Варвана. Но делать нечего, надо было вылезать. Куда от смерти денешься, коли она пришла.

Выбравшись из подвала, Варвана обомлела. От удивления даже дыхание перехватило. Солдаты говорят по-фински, а на шапках — красные звезды нашиты. «Да это же свои финны, как Кемппайнен»,— сообразила она наконец.

— Родненький ты мой...

Плача и смеясь, Варвана бросилась на шею красноармейцу.

Одноногий Мику, постукивая деревяшкой, ходил по избе, здороваясь с каждым бойцом за руку.

— Я-то знал, что хорошие гости будут. Губы у меня чесались.

Залогом успеха отряда Антикайнена в Киймасярви, несомненно, явилась и внезапность атаки, которой белые не ожидали, и дерзкая смелость красных, сумевших одержать победу над вдвое превосходящим их в численности противником, не потеряв ни одного человека. Но было что-то более глубокое, более могучее, без чего они не смогли бы совершить поход до Киймасярви. Чтобы разгромить врага, потребовалось двадцать минут, но к этому бою они шли две недели, пройдя на лыжах почти пятьсот километров со станции Масельгской в Паданы, из Падан в Реболы, из Ребол в Киймасярви. Они шли без обоза, без полевых кухонь. Каждый нес свое оружие и 25—35 килограммов груза.

Прокладывали лыжню самые крепкие бойцы. Нижнее белье было мокрым от пота, а верхняя одежда так обледенела, что рукава лопались по швам. Много ночей пришлось провести возле костров. Жаркое пламя обжигало спины спящих бойцов, а лицо обмерзало на жестоком январском морозе. Через Масельгский кряж не всякий пройдет зимой и налегке, а бойцы Антикайнена прошли там с грузом. Притом в пути они вынуждены были вести бои и действовать так, чтобы ни один из бандитов не ускользнул, не предупредил своих о приближении красных лыжников.

Да, их победу можно объяснить и сверхчеловеческим напряжением сил и железной волей, которая становилась тем сильнее, чем труднее были препятствия. Да, они были сильны и выносливы, в военной школе им дали хорошую физическую подготовку. Но белые также были подготовлены и закалены. Сила красных удесятерялась их ненавистью, ведь этим ребятам довелось испытать на себе, увидеть собственными глазами звериную жестокость финских белогвардейцев в дни поражения рабочей революции в

Финляндии. Но их противник тоже умел ненавидеть, и карельскому народу пришлось убедиться, как велика его злоба и ненависть. Непоколебимая стальная воля красных бойцов основана на понимании всей необходимости той борьбы, за которую они готовы были отдать свою жизнь.

В этом заключался залог их успеха. Именно этого сознания не было ни у белых наемников, ни у карел, вовлеченных силой, угрозами или провокациями в мятеж.

...Кайса-Мария вскочила с постели сразу, как только началась пальба. Какие-то доли секунды она прислушивалась к выстрелам и поняла, что это не учебные стрельбы, которые время от времени проводил Таккинен. Она быстро оделась. Швырнула в саквояж кое-что из своих вещей, проверила браунинг, сунула его в сумочку и выбежала на дорогу. Мимо избы бежали солдаты, кто на лыжах, кто пешком. От штаба отъехали сани. В них сидели офицеры и, нахлестывая лошадь, помчались в северный конец деревни.

— Подождите!

Но в санях даже не оглянулись. Возможно, они не услышали ее крика.

Кайса-Мария выхватила браунинг, но увидела, что следом несутся вторые сани. Не теряя времени, она прыгнула в них на ходу.

— Слезай! — закричал Левонен, правивший лошадью.— Мы с тобой попадемся, нас расстреляют из-за тебя.

— Молчать! Тебя и так расстреляют!

Кайса-Мария держала в руке браунинг. Левонен оставил ее в покое. Он знал, что эта женщина может и пристрелить его. У него тоже был наган. Он мог бы достать его, но побоялся. Убийство этой женщины могло обойтись слишком дорого, да и свидетелей вокруг многовато. По дороге впереди и позади саней бежали на лыжах успевшие вырваться из деревни солдаты.

Они проехали верст пятнадцать. В стороне от дороги, на берегу реки, стояла одинокая изба. Левонен сказал, что тут можно передохнуть, покормить лошадь. В избе было тепло и пусто. Видимо, хозяев только что угнали или они сами ушли куда-то. Кайса-Мария осталась в избе, а Левонен взял ведро с водой и вышел вместе с женой во двор. Услышав скрип саней, Кайса-Мария подскочила к окну и увидела, что старик уехал. Она выбежала на крыльцо, но сани уже скрылись за поворотом.

Ее бросили, оставили одну! Все ее бросили, все... забы-

ли о ней... Как ни странно, но это так. Кайса-Мария вернулась в избу. Что делать? Пойти пешком? Лыжи остались в Киймасярви. Она сидела и думала. Бросили! Ну, ладно... За это они заплатят... И тут ее осенило. Зачем ей ждать каких-то далеких времен, чтобы отомстить им? Ведь она может рассказать правду и раньше, рассказать обо всем... красным!

Она засмеялась. Ну и шум поднимется! Будут потом выяснять да изучать, что и как получилось. Как они ее охраняли, глаз не спускали, когда в этом не было никакой необходимости! А как чуть прижало, каждому своя голова оказалась дороже. Посмотрим, уцелеют ли эти головы, когда начнут разбираться и выяснять, как они ее потеряли.

Из окна была видна дорога. На ней пусто. Все уже прошли. Скоро подойдут красные. Может быть, отправиться им навстречу, обратно? Нет, пожалуй, не стоит. Слишком опасно. Белые опомнятся, соберут всех, кому удалось бежать из Киймасярви, и пошлют разведчиков... Как бы не нарваться на них... Нет, лучше ждать здесь. На всякий случай, если белые вдруг заглянут сюда, надо придумать какое-нибудь объяснение. Лучше всего сослаться на усталость. Надо быть готовой ко всему.

Кайса-Мария вспомнила, что сегодня еще ничего не ела. Утром второпях она не захватила с собой никакой еды. Она поднялась на лежанку. Отдохнув немного, спустилась в подвал. Подпол оказался низким, и его весной, наверно, заливало водой — картофель в нем не хранили. Значит, где-то на дворе должен быть погреб. И правда, в погребе она нашла картошку, а в амбаре вяленую рыбу.

Возвращаясь к избе, возле крыльца увидела чьи-то лыжи.

Кайса-Мария ошиблась: ее не забыли и не оставили. В избе сидел Микко Хоккинен, или Мийтрей, как его звали раньше. Он, конечно, пришел сюда не на разведку. Видимо, его послали за ней.

Увидев Мийтрея, она сразу подумала о своей сумочке, забытой в избе. Слава богу, сумка лежала на прежнем месте, на лавке.

Она схватила сумочку.

— Пошли,— сказал Мийтрей.— Надо торопиться.

— С тобой я никуда не пойду!

— Ты хочешь остаться?

— Это не твое дело.

— Мое.

— Убирайся. Я знаю сама, что мне делать.

На лице Мийтрея появилась дьявольская улыбка.

Кайса-Мария взяла из сумочки браунинг, взвела его.

— Уходи.

Мийтрей засмеялся. Неужели он думает, что она не посмеет убить его? Она старалась взять себя в руки, быть хладнокровной. Но смех Мийтрея выводил ее из себя.

— Ты смеешься в последний раз, если не...

— Что «если не»?

— Вот что!

Кайса-Мария нажала на спусковой крючок.

Нет, это был не последний смех Мийтрея. Браунинг щелкнул, но выстрела не последовало. Осечка? Она снова взвела курок, и снова раздался лишь сухой щелчок... Мийтрей продолжал хохотать.

— Брось щелкать впустую. Я его разрядил.

И он направил на Кайсу-Марию свой маузер.

— А в моей пушке есть патроны. И калибр побольше. Значит, вот что ты задумала? Тогда другое дело. Пошли.

Она взяла свой саквояж и вышла.

— Значит, вот что ты решила. Ясно. Я так и знал. Не туда... вот туда иди...

Он вел ее к лесу. Все было ясно. Собрав все свои силы, она старалась казаться спокойной. Не доходя до леса, повернулась лицом к Мийтрею. Пусть убивает здесь... Не все ли равно...

— Можешь помолиться в последний раз,— предложил Мийтрей.

— Не могу и не буду. Каяться не хочу, просить прощения тоже. Я могу только проклинать. Будьте вы прокляты... И ты, и все вы...

— Повернись спиной.

— Стреляй. Я не боюсь.

— Повернись.

Кайса-Мария повернулась. Не все ли равно...

Как всегда, Мийтрей выстрелил трижды. Потом он перевернул труп обезображенным лицом вверх, нашел в саквояже повязку сестры милосердия и привязал ее на руку убитой. Достал из рюкзака фотоаппарат и сделал несколько кадров. Хорошие получатся снимки! Еще одно доказательство того, как большевики зверски убивают медицинских сестер.

Кайса-Мария должна была умереть, потому что слишком много знала. Ей нужно было молчать. И теперь она будет

молчать. Из игры, в которую она вступила, не выходят по собственной воле. И если кто-то захочет выйти, то можно сделать так, будто этот человек никакого отношения к игре не имел.

Наступила пора, когда надо было заметать следы.

В ДОМЕ СТАРОГО ОНТИППЫ

— Спина чешется.

Васселей потерся спиной о косяк.

— С чего бы ей чесаться,— усмехнулся Кириля.— В бане недавно были. Еще недели не прошло.

От смолистых дров, наложенных в каменку, валил такой дым, что, даже сидя на полу, нечем было дышать. Приходилось пригибаться, низко свесив голову между колен.

— Знаешь, я схожу домой,— решил Васселей.— Сегодня же суббота.

— Знаю, знаю, что у тебя чешется.— На губах Кирили мелькнула озорная усмешка.— Сказал бы прямо, по бабе соскучился.

— А то нет. Давненько я у нее не бывал.

— Что сказать начальству, если придет и спросит, где ты?

— Скажи, ушел в разведку. В деревне, мол, стреляли. Пошел поглядеть, что там.

— А этому что скажешь? — Кириля кивнул в сторону двери. Неподалеку от избушки в дозоре стоял Паавола. В последнее время в каждом отделении карел появились финны.

— Его это не касается,— ответил Васселей. Как бы там ни было, а старший дозора — он.

Васселей стал собираться в путь. В избушку заглянул Паавола.

— Ты скоро сменишь меня?

— Придет время — Кириля сменит. Я ухожу.

— Куда?

— Выполнять особое поручение главнокомандующего.

— Что за поручение?

— Спросишь потом у него. А сейчас иди на пост.

Паавола окинул Васселея недоверчивым взглядом и неохотно вернулся на свое место.

— Горазд же ты врать,— засмеялся Кириля.— Так, значит, это главнокомандующий приказал тебе навестить бабу?

— Ничего. От нашего имени, от имени карел, он делал дела похуже.

— Ну так иди, коли собрался. Как знать, может, в последний раз ее увидишь.

— Ты брось такие речи.

Васселей взял винтовку и встал на лыжи.

До берега метров двести, но сосняк, в котором они расположились, был такой густой, что озера не было видно даже днем. К счастью, из-за туч, обложивших небо, чуть пробивался лунный свет, и, пробираясь между деревьями, Васселей вскоре вышел к озеру, за которым на другом берегу виднелись огоньки деревни. На этом участке фронта пока было тихо, но Васселей знал, что за Тахкониеми, верстах в пятнадцати от деревни, стоят передовые силы красных. Сама деревня находилась на ничейной земле.

Части Красной Армии, в распоряжении которых теперь был лыжный отряд Антикайнена, продвигались вдоль границы, уходя все дальше на север. Бои шли буквально за каждую деревушку. На северном направлении красные стремились выйти к государственной границе и соединиться с колонной, наступающей с юга. Пока они вели бои на подступах к Коккосалми. Территория, остававшаяся под властью мятежников, напоминала на карте лежащий на боку мешок, выходное отверстие которого все больше затягивается и сужается. В районе Тахкониеми пока было тихо. Красные не торопились, они не хотели выдавливать из мешка содержимое до тех пор, пока мешок не был завязан накрепко.

Командование белых скрывало от своих войск серьезность положения. Таккинен, заехавший сюда и торопливо осмотревший позиции, сказал, что все идет хорошо, не надо верить пустой болтовне и поддаваться панике. Подкрепление из Финляндии будет. И уже начинает поступать. Отдали красным Киймасярви? Ничего страшного. С военной точки зрения село значения не имело, оставили его лишь временно. Наблюдая за Таккиненом, Васселей каким-то чутьем старого солдата понял, что их собираются куда-то перебросить. Куда? Конечно, в Коккосалми. Поэтому Васселей и решился сходить домой.

...Анни вскрикнула и прижалась лицом к груди мужа. Мать засуетилась, забегала. То к сыну метнется, то к иконе. «Чуяла я, что придешь,— причитала она.— Точно кто на ухо шепнул...» Онтиппа стоял рядом и кряхтел от волнения. Маленький Пекка дергал отца за полу тужурки. Ког

да наконец Васселей со всеми поздоровался, обнялся и взял на руки сына, мать начала распоряжаться:

— Ну-ка, старый, сходи погляди, скоро ли баня будет готова. Невестки, накрывайте на стол. Васселей, на ночь-то останешься?

— Нет, мама, на ночь я не могу остаться. А поедим после бани.

Васселей унес винтовку в горницу. Анни пошла следом и сразу же оказалась в объятиях мужа, да в таких крепких, что даже застонала. Они слышали, как отец вернулся из бани, как он ходил по избе, потом кашлянул и громко сказал: «Васселей, баня истопилась. Пойдем». Анни задержалась в горнице, а когда вышла в избу, то Васселей с отцом успели уже уйти в баню. Маленького Пекку они взяли с собой.

— Из-за моря мужик возвращается, а из земли сырой не поднимется,— с горечью вздохнула Иро.

— Не зря я сон опять видела, будто по воде иду,— говорила счастливая Анни.— Как воду вижу, так он и приходит. Хоть бы каждую ночь по воде брести.

Женщины накрывали на стол, когда с улицы донеслось осторожное поскрипывание лыж. Кто-то подошел к избе и остановился у двери. Анни бросилась к окну, но никого не увидела. Потом опять заскрипел снег. Анни схватила с гвоздя тужурку Васселея, шапку и унесла в горницу. Маланиэ набросила на голову шаль и вышла на крыльцо.

— А-вой, родненький! Пришел.

— Пришел, мама,— послышался с улицы голос Рийко.

Войдя в избу, Рийко внимательно осмотрелся. Дома все было по-прежнему. Потом он обнял мать, Иро и поздоровался за руку с Анни.

— Есть белые в деревне? — спросил он.

— Белые? — Маланиэ многозначительно взглянула на растерянно молчащих невесток.— Нет ни белых, ни красных у нас. Дома только свои. Раздевайся и иди в баню. Потом поужинаем.

— В баню? — обрадовался Рийко.— Отец в бане?

Он поставил винтовку в угол и начал все еще нерешительно раздеваться. Растерянность Анни и Иро показалась ему подозрительной.

— Да, сынок, дома только свои,— сказала мать.— Запомни — только свои...

Собравшись в баню, Рийко хотел захватить с собой и винтовку, но мать отобрала ее.

— Не бери ружья. Я же сказала, нет в деревне ни белых, ни красных. Все свои. И войны нет...

Рийко привык слушаться мать и не стал перечить.

— Мама, что же будет...— запричитала Анни, как только Рийко ушел.— Ведь Васселей... Поубивают они друг друга...

— Не вопи! — оборвала ее Маланиэ.— Ты слышала — в доме только свои, ни белых, ни красных теперь нет. А Васселей с Рийко всегда жили в ладу... Иро, ты рыбники-то на стол не подавай. Дадим их Васселею и Рийко. Каждому по рыбнику в дорогу.

— А зачем ты его торопилась в баню спровадить?— все еще тревожилась Анни.

— Чтобы от этого греха избавиться,— ответила Маланиэ и протянула Анни винтовку младшего сына. Потом принесла винтовку Васселея.— Ты знаешь, как пульки из них вынуть?

Анни открыла магазинную коробку. Патронов оказалось шесть: у Рийко четыре, в винтовке Васселея — два.

— Давай сюда,— сказала Маланиэ.— Я брошу их в печь.

— В печь нельзя,— испугалась Анни.— Они стрелять будут.

— Выбросим в снег,— предложила Маланиэ. Потом, подумав, вздохнула:— Нет, вернем. Ведь им свои головы защищать надо. Вот и поделим поровну. Рийко три и Васселею три.

...Сперва Васселей попарил сына, потом Онтиппа добавил пару, и Васселей с отцом начали хлестаться по-настоящему. Васселею не так часто приходилось париться, как отцу, который мог в любой день, коли была охота, натопить баню и напариться вдоволь, поэтому он и хлестался веником с особым удовольствием. Порой даже дух захватывало, и он устраивал передышки. Но каким бы отменным ни был пар, все же от житейских дум и забот он не избавлял.

— Да, отец, вот в какую историю мы влипли,— жаловался Васселей.

— Тебе-то положено было знать, чем все это кончится, и не впутываться. Ведь ты мировую войну прошел.

— Пройти-то прошел, да ума не нажил. Учителей больно много было. Большевики. Меньшевики. Эсеры. Керенский. И каждый свою линию гнул. Послушаешь одного, послушаешь другого, аж голова трещит, а не знаешь, кто прав, а кто нет. А как Олексея нашего...

— А дальше как думаешь жить?

— Как? Когда волк угодит в капкан, он может лапу перегрызть и на трех ногах убежать. А мы... Головы не откусишь, зубами до горла не дотянешься...

— Дядя Рийко! — радостно закричал Пекка и осекся, заметив, что взрослые словно онемели.

К Рийко первому возвратился дар речи.

— И много вас, бандитов, в деревне? — спросил он строго.— Где другие?

Васселей смотрел на брата с улыбкой, которая появлялась на лице всякий раз, когда он вспоминал Рийко.

Онтиппа стоял настороженный, готовый броситься разнимать сыновей.

Маленький Пекка недоуменно смотрел то на отца, то на деда, то на дядю Рийко. Он ничего не понимал. Почему у дяди Рийко такой недобрый вид. Почему он не подходит к отцу и не здоровается с ним?

— Не бойся, брат,— сказал наконец Васселей.— Никого в деревне нет. А нас тут три с половиной мужика. Оружие у нас вот...— он показал веник.— Погляди на меня, Рийко. Я же совсем красный, краснее, чем ты. Давай лезь сюда на полок. В нашей бане, на родном пару еще не таким красным станешь.

Места на полке хватало: как и все в доме Онтиппы, баня была большая и просторная.

— Лезь, сынок, лезь!— Отец протянул Рийко веник.— Сейчас мы поглядим, у кого кожа крепче, у белого или у красного.— Он плеснул шайку воды на горячие камни и, тоже забравшись на полок, устроился между сыновьями.

Братья и отец начали молча париться. Но пар показался Онтиппе слабоватым.

— Плеснем еще,— предложил он.— Давайте договоримся: кто из нас больше всех выдержит, того и будем слушаться.

На этот раз он так поддал жару, что Васселей с Рийко сжались и заерзали, словно попали нагишом в развороченный муравейник. Но отступать первым ни тот, ни другой не хотел. Правда, париться они не могли. Зато отец хлестался вовсю, только покряхтывал от удовольствия да ворчал на сыновей:

— Эх вы!.. Париться и то не можете. А еще воевать вздумали. Вы уж лучше тут силенками померяйтесь, кто крепче парится. Баня, она мужика крепкого требует.

Понемногу пар разошелся, и братья начали мериться

силенками не на поле боя, а на полке родной бани. «Бились» они отчаянно, не уступая друг другу, пока оба одновременно не выдохлись. Устроили передышку, и тогда Рийко спросил у Васселея, где сейчас находятся белые войска и сколько их.

— Где да сколько? — засмеялся Васселей.— Ох, Рийко. На допросе не так спрашивают. Надо вот как... Огневые точки? Вооружение? Где и какое? Количество орудий, пулеметов? Кто командир? Дислокация войск?

Тут рассердился Онтиппа:

— Вы опять за свое! Сейчас я вам устрою дислокацию. Я здесь командир! Будут вам, чертовы дети, и пушки и пулеметы.

Он плеснул на каменку полную шайку воды. Под потолок взметнулся такой горячий пар, что Рийко пришлось прервать допрос.

— Ну как, нужны еще пулеметы и пушки? — спросил отец.

Но бравые солдаты поспешно покинули «позиции», ретируясь на пол. На «поле боя» остался один Онтиппа и, вооружившись веником, стал опять хлестать себя по спине. Маленький Пекка смеялся, радостно взвизгивал. Такая война ему нравилась.

Больше о военных делах братья не говорили. Ни в бане, ни в избе. Потные, разгоряченные, красные, как обваренные раки, они сидели рядышком за широким сосновым столом, возле самовара, которым управляла Маланиэ. Мать была счастлива: вся семья в сборе, чай на столе, а в рюкзаке у Рийко нашлось несколько кусков сахара.

— Наконец-то все дома, за столом. Всегда бы так! — вздохнула Маланиэ.

Иро взяла на колени Натси и сказала со слезами в голосе:

— Нет только нашего тяти. И не придет он...

— Мы всегда были бы вместе, мама, если бы не война,— ответил Рийко.— А войну не мы начали.

И он взглянул на брата. Васселей сделал вид, что не заметил этого взгляда, он взял кусок хлеба и подал сыну:

— Ешь, Пекка. Попробуем, что за хлеб у красных. Хороший хлеб они едят.

— Неужели, Васселей, ты не видишь, как все в мире повернулось и что вас ожидает? — не унимался Рийко.

— Ты, брат, меня не учи. Меня один из ваших, Мийтрей то есть, учил уму-разуму.

— Неужто этот убивец у вас там? — спросила Иро у Рийко.

— У нас я его не видел и не слышал о нем. Красные не такие, как Мийтрей.

— Ешьте, сынки, ешьте.— Маланиэ старалась прервать этот разговор.— Житник я спекла. Хоть и с корой, а хороший получился. Рыбы бог послал. Да вот Рийко принес хлебца.

Отец вступился за старшего сына:

— Васселею и так не сладко. Ты, Рийко, должен понимать...

— Вот я ему и толкую, чтобы он подумал, что к чему.

— Видишь этого окуня? — продолжал отец.— А знаешь, Рийко, как окунь в сети попадает? Чуть зацепишь, а начнет трепыхаться — и вовсе запутается.

— Не надо было лезть в сети.

— «Не надо было...» — передразнил отец.— А раз попался в сети, так мы съедим. Тебе, Рийко, хорошо говорить. Ты к своим попал, знаешь свое место.

— Где же вы были, когда здесь Малм со своим отрядом стоял? — с горечью спросил Васселей.— Почему вы не пришли, не помогли да не посоветовали, как быть?

— Не до Малма нам тогда было. Были дела поважнее. Вся страна огнем полыхала. Ну, а теперь? На что ваше начальство теперь надеется? Думает, что мы отступим? Или, может, думает, что народ за вас встанет?

— Им-то что, начальникам ихним,— ответил за Васселея отец.— Им горя мало. Пришли, сбили народ с толку, запугали. Одних натравили на тех, других — на этих. А увидят, что Карелию им не взять, разбегутся по домам и будут кофий попивать. А они куда? — Отец кивнул на Васселея.— Куда карелам деваться? Вот и скажи...

— Надо было раньше думать,— буркнул Рийко.

— Заладил одно. Думать да думать,— не вытерпела Маланиэ и набросилась на младшего сына: — А стал бы ты раздумывать, когда у тебя на глазах брата убили? Олексея нашего...

Рийко вскочил и возбужденно заходил по избе.

— Вот походи да подумай,— сказал отец.

— Я-то думаю! — Рийко сел обратно за стол.

Разговор принял неприятный оборот, и, чтобы хоть немного разрядить тягостную обстановку, Рийко обратился к матери и спросил, как она собиралась разогнать кочергой Ухтинское правительство.

— Кто это тебе рассказал? — улыбнулась мать.— Было дело. Собиралась, и не раз. Никудышное было правительство. Только врало да народ путало...

— Юрки Лесонен рассказал,— ответил Рийко.

— Где ты видел его?

— Он теперь у нас и за нас.

— Так он у вас? — удивился Васселей.— Ну, а обо мне он ничего не рассказывал?

— Что он мог о тебе рассказать? Ничего.

— Значит, обо мне ему нечего было рассказать? Так, так... Ну ладно, раз нечего, так нечего. Скажи-ка мне, Рийко, как брат... Не бойся, я не о том, сколько вас и сколько у вас пушек и пулеметов. Я насчет Карелии. Как вы думаете с ней быть?

— Сперва мы прогоним белых!

— А потом?

— А потом начнем жизнь налаживать. Карелия останется Карелией. Ленин такой указ издал... Карельская Трудовая Коммуна. Так будет называться наша власть. У вас-то хоть об этом знают?

— Вы все знаете, а мы ничего не знаем. Не надо, Рийко, нас за дураков принимать.

— Ну, а знаешь ли ты, Васселей, за кого вы воюете? За финских буржуев. Им хочется кровь пососать из карельского народа, а вы им помогаете. Мало им крови своих рабочих, мало им финского пота. И еще воюете вы за своих карельских мироедов. Им тоже хочется шкуру драть с карел да с финскими буржуями делить барыши. И чтобы им кланялись, сняв шапку с головы. Вот за что вы воюете.

— А вы?

— А мы — за народ. Чтобы народ сам был себе хозяином. Чтобы власть была у нас, у крестьян и рабочих...

— Говоришь-то ты хорошо, а на деле что получается? Вы ведь тоже убиваете. И рабочих и крестьян...

— Война есть война.

— Давайте, сынки, не будем сегодня говорить о таких делах,— попросила мать.

— Позволь, мама, я скажу,— попросил Васселей.— Вот был у нас один мужик по фамилии Потапов. Он сам от нас ушел. В Руоколахти. Не хотел воевать и перешел на вашу сторону. А вы что сделали с ним? Сразу же убили.

— Кто тебе сказал, что его убили?

— Мы все знаем. Потапов был мужик, крестьянин. Ра-

бочая, говоришь, власть? Вот Суоминен, финский солдат из рабочих, тоже удрал к вам. Так вы его стали допрашивать, глаза выкололи, потом живот вспороли. Так он и умер. Лучше бы расстреляли сразу. Вот такая у вас власть рабочих и крестьян!

Ошеломленный Рийко смотрел на брата. Неужели он верит всяким россказням?

— Суоминен? — спросила мать.— Уж не тот ли, что у нас жил?

— Тот самый,— подтвердил Васселей.

— А-вой-вой,— запричитала Иро.— Мужик он был хороший, хоть и финн. Убежал, говоришь, к красным? А пошто они его так, горемычного? За что, Рийко?

— Что они у него в животе искали? — спросила маленькая Натси.

— А ты зачем слушаешь? — рассердилась бабушка.— Марш спать...

— Не знаю, что тебе и сказать...— Рийко смотрел на брата с таким видом, словно впервые видел его.

— Не знаешь, а говоришь... Рабоче-крестьянская власть...

— Чего ты к Рийко пристал? — Онтиппа вступился за младшего сына.— На войне всякое случается. Да и не Рийко же это сделал.

— Кто тебе рассказал об этом? — спросил Рийко у брата.

— У нас все знают. На собрании рассказали.

— Прямо-таки на собрании! Ну, дело ясное... А теперь послушайте, что я расскажу.

Рийко рассказал, что сначала Потапов служил в Красной Армии, а потом перешел работать на железную дорогу. Суоминен тоже на свободе, он даже в плену не был. Рийко сам видел его, разговаривал с ним... Они, помниться, на собрании встретились...

— Ваш Суоминен как выглядит, опиши.— Васселей пытался припереть брата к стенке.

Рийко рассказал, как выглядел этот финн-перебежчик. На собрании он был в черном костюме, аккуратный, чисто выбритый; светлые волосы причесаны вот как. А сам он очень серьезный, подтянутый...

— Ну конечно, это он был...— подтвердила Анни.

Однако Васселей не хотел уступать.

— А это правда, что ты нам рассказал?

Рийко обиделся:

— Разве я когда-нибудь врал, скажи ему, мама?

Онтиппа пристально посмотрел сперва на одного сына, потом на другого.

— Да, Васселей, ты сейчас поразмысли да послушай. А ты, Рийко, скажи мне, что будет с карелами, которые против вас воевали? Ты сказал, как обошлись с двумя. А как с остальными? Как с теми, кто сам побоится прийти, кого поймают? Что с ними сделают?

— Кто как себя вел... Кто не виноват, тому ничего не будет. А ты, Васселей, собирайся и айда со мной.

— Иди с ним, Васселей, иди, послушайся меня,— взмолилась Анни.

Она дергала мужа за рукав, но тот молчал и думал. У него даже пот на лбу выступил от этих мучительных раздумий.

— Нет, еще не могу,— наконец выдавил он.— Меня ждут. Товарищ из-за меня погореть может. Не могу сейчас.

— А когда? — умоляла Анни.— Когда сможешь?

— Ты думай, пока не поздно,— заметил Рийко.

— А ты дай человеку время. Дело-то не простое,— вставил отец.

— Обо мне что у вас известно? — спросил Васселей после долгого молчания.

— Что ты воюешь крепко, это известно,— усмехнулся Рийко.— Война есть война, делаешь, что положено. Так что, если ты ни в чем другом не повинен, можешь не бояться. Скажи, ты под каким именем числишься там? — спросил Рийко, глядя брату в глаза.

— Там у каждого не одно имя,— Васселей уклонился от ответа.

Опять наступило гнетущее молчание, и опять Маланиэ попыталась направить разговор в иное русло.

— Крыша в хлеву совсем прогнила. Того и гляди, на голову обвалится,— вздохнула она.— Когда же, сынки, вы ее почините?

— До крыши ли нам теперь...— буркнул Васселей.

— Невод совсем разваливается. Придет весна, а нам нечего будет в озеро ставить. Лодки тоже текут. А-войвой. А вы... вы...— Маланиэ даже всхлипнула.

— Не расстраивайся, мать,— стал успокаивать жену Онтиппа.— Все наладится...

— Васселей, скажи мне одну вещь... Может, ты слышал,— обратился Рийко к брату.— Прошлой весной одного

из ваших взяли на границе. Повели его, а он конвоира пырнул ножом. Тоже карел был.

Всмотрись Рийко попристальней в глаза Васселея, он, может быть, и заметил бы, как что-то дрогнуло в них.

— Моего лучшего товарища чуть не убил. С трудом спасли,— продолжал Рийко.

— Бывает,— Васселей разыграл удивление. Потом встал и, не глядя ни на кого, сказал хриплым голосом: — Мне пора!

— Пойдем со мной,— предложил ему Рийко.— Честно расскажешь, где был, что делал... Подумай.

— Поздно мне уже думать. Коли выбрал дорожку, так идти мне по ней.

— Васселей! — выкрикнула Анни таким истошным голосом, словно ее ударили. И заплакала.

— Ну тогда иди в лес, схоронись в сторожке, покуда все не успокоится,— посоветовал отец.

— Негде мне хорониться, и некуда мне бежать,— ответил Васселей.— Одна у меня дорога.

— Запомни мои слова,— попросил Рийко.— Чем я могу тебе помочь?

— Ничем.

— Ну, тогда я тоже пошел.

Рийко поднялся.

— Да куда вы торопитесь! — стала удерживать их мать.— Когда мы снова увидимся? Может, уж и не доведется совсем повстречаться? Не торопитесь. Побудьте дома.

Но Васселей и Рийко уже одевались.

Мать дала каждому по узелку.

— Вот по рыбнику вам. А патроны тоже тут. Да хранит вас господь.

Маланиэ подошла к иконе.

— Господи милостивый, кормилец ты наш! Береги моих сыновей! Помоги красным, защити моего младшенького. Пособи белым, спаси моего сына Васселея...

«Мама есть мама!» — улыбнулся Васселей.

Онтиппа принес винтовки. Дал Рийко. Тот осмотрел ее и вернул. Взял свою. Обе винтовки были русские трехлинейные. Подавая оружие Васселею, отец сказал:

— Выбрось ты ее...

Васселей ничего не ответил.

Анни бросилась ему на шею, заголосила:

— Когда же мы теперь увидимся?

— Не спрашивай... Ничего не говори,— Васселей крепко прижал ее к груди, потом взял на руки сына.

Анни легла на лавку и заплакала навзрыд.

— А ты, Рийко, когда придешь? — спросила мать.

Рийко хотел было сказать, что придет он уже теперь после войны, потому что их переводят на другой участок фронта, под Коккосалми, но при Васселее ничего говорить не стал.

Братья вышли вместе, во дворе попрощались с отцом и матерью. Васселей протянул руку Рийко.

— Вот когда все хорошо обдумаешь и встретимся по-другому, тогда я тебе пожму руку. А сейчас не могу! — сказал Рийко.

Васселей надел лыжи, оттолкнулся палками и покатил под гору, к озеру. Рийко направился в другую сторону, через поле к лесу. Отойдя немного, братья одновременно оглянулись. Между ними стояли отец и мать.

Разгулялась такая пурга, что облепленный снегом человек среди этой белой круговерти, казалось, шел не по земле, а медленно плыл по воздуху. Хотя у Маланиэ и были широкие лыжи, все же передвигалась она с трудом. За собой она тащила санки, установленные также на широких лыжах. Мешок, лежавший на санках, замело снегом, и со стороны казалось, будто везет она груду снега. Ветер тотчас же заносил следы. Такая погода была Маланиэ на руку.

В деревню пришли белые, и Маланиэ решила припрятать мешок ячменя в лесу. Васселея среди их солдат не было. Он прислал записку, которую Анни сумела прочитать по слогам. Он даже не сообщил, куда их перевели. Так что и родная мать не узнает, где похоронен ее сын, ежели такая беда случится. Правда, вчера, готовя ужин, Маланиэ краем уха услышала разговор финских солдат. Финны говорили о каком-то бое, который должен быть у Коккосалми. И еще они говорили, что, мол, пусть карелы сами воюют. Наверное, и Васселея они туда же отправили, в Коккосалми. Но Маланиэ была полна решимости спасти сына. Нет, не отдаст она своего среднего косой, будет и денно и нощно молиться, чтобы господь уберег его...

Народ из деревни начали силком отправлять в Финляндию. Почти всех коров позабирали. Только у них ничего не взяли, да из дому тоже пока не гнали. То ли господь бог им помогал, то ли бумажка, которую им дало начальство

Васселея. А в бумажке говорилось, что в этом доме нельзя ничего забирать и хозяев трогать тоже нельзя. Лежала эта охранная грамота на полочке за иконой, где хранилась еще и другая бумага. Она тоже была с печатью, но ее дало начальство Рийко. В ней красным строго-настрого наказывали не обижать ничем семью красногвардейца Григория Антипова. Маланиэ сама читать не умела, но помнила: бумажка, что с правой стороны — за Рийко, а слева — за Васселея. Только бы не перепутать, показать ту, что нужно.

Однако в глубине души Маланиэ не очень надеялась на бумажки. Бумага, она и есть бумага, силы в ней мало. И всевышнему тоже за всем не углядеть. Не зря и говорится: на бога надейся, а сам не плошай. Поэтому она сегодня и поднялась спозаранку, пробралась, пока еще темно было, в ригу, выкопала из-под соломы мешок с ячменем, положила на санки и повезла в лес...

Маланиэ больше всего встревожило то, что среди белых, пришедших в деревню, не было ни одного карела. Только финны. Все в новеньких мундирах, в белоснежных ушанках. Видно, что еще не воевали. Зато они были герои, когда начали шарить по амбарам да чуланам да на людей покрикивать. А когда Маланиэ показала им бумажку, что за Васселея дали, поглядели на нее волком, но все-таки побоялись, ничего в их доме не тронули. Только долго ли они ее бояться будут? Когда есть захочется, ведь одной бумажкой сыт не будешь.

Мысли Маланиэ метались так же беспорядочно, как и крутящийся на ветру снег. Почему Васселей должен идти брать Кестеньгу, смерть свою там искать? Кестеньга-то свое село, и люди там живут свои. Однажды по пути в Кереть Маланиэ ночевала там. Совсем недавно это было. Тогда не нужно было ни воевать, ни кровь проливать за Кестеньгу. Добрые люди натопили им, незнакомым путникам, баню, согрели самовар, молоком и рыбой накормили да спать в тепле уложили...

Место, где Маланиэ решила спрятать мешок ячменя, было не так уж далеко от деревни, но она уверена, ячмень никто не найдет, пусть хоть со всего мира войско соберут и ищут. Даже бог и тот, наверное, этого места не знает. Среди большого болота прячется озерко, а на том озерке островок, маленький и скалистый. Зимой так снегом засыпает, что не знаешь, где озеро и где островок, все ровно и гладко, все одно болото. Маланиэ сама находила остро-

вок лишь по корявой сосенке, высотой в сажень. Сосенка была приметная, вершину ее обломило ветром, и рос вместо нее толстый, скрученный сук. Даже летом с берега озера посторонний бы не увидел, что посредине острова среди плоских скал есть глубокая расщелина, в которой стоит крохотный, сложенный из сухостоя, сарайчик. Сарайчик этот соорудил Онтиппа еще в молодости, когда они с Маланиэ приходили сюда на рыбалку. Сарайчик и был рассчитан на двоих, и тогда им вдвоем было так хорошо... Потом об этом сарае они забыли. Лишь в начале войны Онтиппа, случайно заглянув на островок, обнаружил, что он все еще цел. Правда, жить в нем нельзя; когда они с Васселеем прятались в лесу, им пришлось подыскать другое убежище. Но устроить тайник в сарае можно. Там и сейчас стоял кованый сундук, в котором хранилась одежда получше, посуда и лезвия кос. А на черный день припасен ушат с соленой рыбой.

Добравшись до сосенки, Маланиэ не увидела ни скалы, ни сарая в расщелине. Чуть возвышался обычный сугроб, какой ветер может намести в любом месте. Здесь могла пройти хоть вся финская армия, и никому бы в голову не пришло, что тут спрятан сундук с добром и ушат с рыбой. Но Маланиэ сумела безошибочно найти нужное место и, просунув руку в сугроб, достала лопату, стоявшую у входа в сарай. Вытащив ее, она принялась разгребать снег.

Как уютно, как тихо было в сарайчике! После шальной метели здесь казалось теплее, чем дома. Сундук и ушат оказались на месте. Маланиэ села на сундук. «Если бы здесь можно было поместиться всей семьей...» Маланиэ размечталась, даже слезы на глазах выступили от приятных воспоминаний. Вокруг — и в лесу, и в деревне — бесновалась метель, буйствовал ветер, трещал мороз. А еще страшнее и громче, чем треск мороза, был треск выстрелов. Люди точно звери выслеживали друг друга. Лилась кровь, горели деревни. А здесь, в этой расщелине, царил мир и покой. К тому же можно было затопить и каменку, стало бы тепло. В углу лежали сухие дрова, были спички и соль. Но Маланиэ не могла задерживаться. На душе у нее было тревожно. Она достала из-под шубы бутылку молока, выбрала из кадушки замерзшую рыбину и стала обедать. Был у нее с собой и кусок хлеба, но его она решила не трогать и принести обратно домой. Пусть уж лучше детишки съедят. Приглядывая место для мешка, Маланиэ заметила, что под настланным на полу камышом появи-

лась наледь. Значит, сюда стекает вода. Ячмень здесь оставлять нельзя. Да и сани сюда не поместятся, длинные они.

Подняв сундук с одеждой на кадку, чтобы он не подмок, Маланиэ закрыла вход в сарайчик и забросала расщелину снегом. Потом она нашла среди скал углубление, в котором не должна была собираться вода, и спрятала санки с мешком.

Когда Маланиэ пошла обратно, уже начало темнеть. Вдруг перед ней откуда-то появился лось.

«Был бы здесь Онтиппа с ружьем, мяса надолго хватило б», — подумала она. Но тут же устыдилась этой мысли: перед ней был не лось, а лосиха, из-за спины которой с любопытством выглядывал симпатичный лосенок, такой же светлой масти, как и мать, пожалуй даже светлее, только мордочка у него была черная. Они остановились друг против друга. Лосиха смотрела на Маланиэ, а та, улыбаясь, разглядывала это семейство. «Почему лосенок такой маленький? — удивлялась она.— Недомерок какой-то. Видно, и в природе такое бывает...»

— Ну, уходи, уходи отсюда. Теперь на белом свете слишком часто стреляют,— сказала Маланиэ. И ей показалось, что лосиха поняла ее, потому что свернула с дороги. Но до лосенка страшный смысл этих слов не дошел, он остался на месте, разглядывая стоящего перед ним снежного человека.

Лосиха вернулась, толкнула мордой лосенка в зад. Но тот не послушался. Тогда она куснула его за загривок и, подталкивая мордой, погнала упирающегося детеныша в лес.

— Так его, неслуха,— посоветовала Маланиэ.— Дай ему по попке, негоднику.

Метель усилилась, и стало совсем темно. Но деревня была близко.

— Стой! Кто идет?

За деревом стоял молодой солдат в белом халате.

— Убери ты свою пищаль,— проворчала Маланиэ.— Кто я — все знают, а вот кто ты и зачем тут стоишь — никому не ведомо.

— Я тебя спрашиваю, кто ты и откуда идешь. Отвечай, а то стрелять буду.

— Стреляй, стреляй, сынок. Это вы умеете.

— Ладно, не пугай бабку! — Из-за заснеженных кустов вышел второй солдат, постарше годами, и пригнул к земле

направленный на Маланиэ ствол винтовки.— Мы с бабами не воюем,— сказал он, обращаясь к старухе.— Но если тебя подослали красные, то пеняй на себя. Пошли в деревню, там поглядим.

Маланиэ привели в ее собственный дом. Изба была полна финских солдат. Дети забились на печь, невесток заставили готовить еду на эту ораву.

— Бабушка пришла! — Дети осмелели и слезли с печи.— Гостинцы принесла?

— Принесла, принесла...

Солдат выхватил у нее кошель.

— Поглядим, что за гостинцы.

— Берите, жрите, хоть тресните,— рассердилась Маланиэ.

В кошеле оказалась пустая бутылка из-под молока, немного «весенней» рыбы и завернутый в тряпочку кусочек хлеба с примесью сосновой коры.

— Так вот что красные жрут.

В избу вкатился маленький толстопузый мужичок в черной надвинутой на глаза шапке, с маузером, болтающимся на узком ремне. Солдаты вскочили, вытянулись в струнку.

— Господин офицер...

— Вольно!

Это был командир четвертого финского батальона Антти Исотало. Он очень гордился своим именем, потому что так звали известного главаря «героев поножовщины», о котором даже в песнях пели:

Исотало Антти и Раннанярви
торг вели наедине:
«Ты зарежь урода исправника,
а я женюсь на его жене».

— Господин офицер,— доложил солдат, арестовавший Маланиэ.— Эта хозяйка задержана в лесу. Имеются подозрения, что ходила к красным.

Антти Исотало называли офицером, так как он командовал батальоном. Но по званию он был всего лишь фельдфебель.

На маленьком лице Исотало появилось нечто вроде улыбки, его и без того узкие глаза сощурились в сплошные щелочки.

— Ясное дело, надо же мамаше повидать сынка. Ну, расскажи, хозяюшка, как там сынок поживает? Не простудился ли на таком морозе? А сынок-то, верно, все рас-

спросил, и как дела дома обстоят, и кто гостит в деревне. Или как?

— Лишь об одном сыне я знаю, где он. О том, что в сырой земле лежит.

— Где была? Отвечай!

— За едой ходила.

— Куда?

— В лес.

— Можешь показать куда?

— Могу, да не покажу. Последнюю рыбу не отдам, хоть на месте убейте.

Тогда Натси с ревом кинулась к бабушке и начала умолять:

— Отдай, бабушка, им рыбу. А то убьют.

— За оказание помощи красным у нас расстреливают. Надеюсь, хозяйка это понимает?— грозно сказал Исотало.

— Раньше мы не понимали, а теперь вы научили...

На пороге появился запыхавшийся солдат:

— Господин офицер, главнокомандующий едет!

В избе начался переполох. Фельдфебель стал торопливо застегивать шинель.

Таккинен стремительно вошел в избу. За ним вбежал его адъютант.

— Смирно! Господин главнокомандующий...

Встав также по стойке «смирно», Таккинен выслушал рапорт командира батальона. Во фронтовых условиях он обычно не соблюдал эти воинские формальности, однако в этом батальоне он требовал их непременного выполнения.

— Вольно. Чем вы тут занимаетесь?

— Ведем допрос хозяйки. Есть подозрения, что она ходила к красным повидаться с младшим сыном. Только что вернулась.

Маланиэ достала из-за иконы бумажку, подписанную когда-то самим Таккиненом, и протянула ее главнокомандующему.

— Рад познакомиться,— Таккинен пожал руку Маланиэ.— Чего они от тебя хотят?

— Да вот орут на меня да ружьями пугают.

— Ну, ты не обижайся,— стал успокаивать Таккинен.— У нас и такие болваны встречаются. Вместо того чтобы застрелить тех, кто самовольно покинул деревню, они показывают свое геройство, когда человек добровольно вернулся назад.

Маланиэ взяла веник и начала подметать пол, весь замусоренный окурками. Таккинен увел фельдфебеля в горницу.

— Посты у нас выставлены,— начал тот сразу оправдываться.— Ума не приложу, как она вышла из деревни.

— Может быть, ты думаешь, что я встану на лыжи и буду за каждой бабой следить, куда она идет? Ты молчи и слушай. Когда наконец ты наведешь порядок в своей банде?! Сколько сейчас времени? — неожиданно спросил Таккинен, и когда фельдфебель вытащил из нагрудного кармана часы с цепочкой, тут же выхватил их из рук.— Немедленно вернуть часы тому, у кого их украли! А за посылки, которые присвоили твои бандиты, заплатишь из собственного кармана.

— Я командую батальоном, и я не успеваю...

— Ты командуешь шайкой отъявленных негодяев.

— Так не я же их набрал...

— Сплошные подонки вся эта компания,— и Таккинен стал перечислять: — Профессиональные авантюристы, воры, дезертиры, мародеры. Офицеры, и те липовые...

— Мы сейчас находимся на передовой.

— Какая к черту передовая! Красные жмут от Кестеньги на запад и от Контокки на север. Там и проходит передовая. А вы передовые, когда речь идет об отступлении. Ты молчи и слушай. Вы должны немедленно занять назначенные вам позиции. Если вы будете тянуть, от вас останется одно мокрое место. И держаться должны до последнего, пока я не дам приказ отойти. И наконец, пулеметы пошлите в Коккосалми. Там они нужнее. Ясно?

— Ясно, но...

— Никаких «но»! Выполняйте приказ. До свидания.

Таккинен вышел из избы, сел со своим адъютантом в сани под меховой полог и помчался дальше.

Проснувшись на следующее утро, как всегда спозаранку, и разбудив невесток, Маланиэ принялась хлопотать у печи: Онтиппа должен был вернуться в этот день с извоза, и ей хотелось приготовить к его приезду что-нибудь повкуснее.

— Как он, бедный, до дому доберется, дорогу-то вон как занесло! — сетовала Маланиэ.

На полу вповалку спали солдаты. Несколько финнов, только что сменившихся с караула, сидели за столом в ожидании горячего чая и ворчали на хозяйку, не приготовившую к их приходу самовар.

— А мы живем по своему времени,— буркнула Маланиэ в ответ.

Она так и не успела поднять самовар на стол. Где-то совсем рядом началась стрельба.

— К бою! — раздалась команда.

Глядя на засуетившихся солдат, Маланиэ вдруг заметила, что многие из них совсем мальчишки. Загнав невесток с детьми в подполье, она велела одному из пришельцев, совсем молоденькому, тоже лезть в погреб. Растерявшийся паренек готов был исполнить приказание хозяйки, но тут его окликнул командир:

— Ты чего тут копаешься? Марш на позиции!

Изба опустела.

«Рийко придет!» — радовалась Маланиэ и стала поспешно накрывать на стол.

Внучата звали ее в подполье:

— Бабушка, скорей! Убьют!

— Иду, иду! — отвечала Маланиэ, а сама бросилась скорей жарить рыбу. Надо же Рийко угостить рыбкой. Поди, давно уже не ел так, как мать готовит. Она думала о своем сыне, а перед глазами стояло перепуганное лицо молодого финна, которого она попыталась загнать в погреб. «Как бы не убили парнишку... У него ведь тоже мать есть. Ждет...»

На берегу затрещал пулемет. Потом послышались крики «ура». Мимо окна пробежало несколько красноармейцев.

«Не знают матери, где их сынки родимые со смертью в прятки играют»,— думала Маланиэ. Она не хотела смерти никому — ни белым, ни красным.

Наконец стрельба стихла.

— Вылезайте! — велела Маланиэ невесткам и детям.— Война ушла за озеро.

Едва успели вылезти из подпола, как в сенях послышались шаги. Обрадованная Маланиэ бросилась к двери. Вошли четверо. В длинных серых шинелях, с красными звездами на остроконечных шлемах.

— А где Рийко?

— Есть ли белые? — спросил вместо ответа пожилой красноармеец. Он, видимо, был старший по званию, потому что на поясе у него висел револьвер.

— Нету белых. Бежали белые.

Красноармейцы заглянули в горницу, осмотрели поветь. Маланиэ решила, что они ищут не белых, а просто

хотят чем-то поживиться, и, выхватив из-за иконы охранную грамоту, сунула ее в руки командира.

— Что это такое? — удивился тот и отдал бумажку бойцу-карелу.

Маланиэ побледнела. А вой-вой! Не ту грамоту сунула. Она поспешно достала другую бумажку.

— Нифантьев, знаешь, в чьем мы доме? — воскликнул командир, прочитав бумагу.

— Так вот мы где! — покачал головой Нифантьев, прочитав обе бумаги, и перевел командиру содержание подписанной Таккиненом охранной грамоты.

— Не путай, мамаша. Такие вещи нельзя путать. Скажи ей, Нифантьев,— попросил командир красноармейца-карела.— Мы ее сыновей не путаем. Ну, это не надо переводить.

Нифантьев перевел то, что ему было велено, и добавил от себя, что Рийко они знают.

— А где же он?

— Жив-здоров Рийко. На другой участок его перевели.

— Куда же? Уж не в Кестеньгу ли?

— А это, мамаша, военная тайна.

— Все вы одинаковые,— заворчала Маланиэ.— Родной матери не скажете... Невестки! Помогите одежду развесить сушиться,— начала распоряжаться Маланиэ.— Не трогай, бабахнет.— Она успела заметить, что Пекка стал гладить покрытые изморозью стволы винтовок.— Чтоб ты у меня не смел никогда трогать этих ружей...

— Где же твой второй сын? — спросил Нифантьев. Он думал, что Маланиэ скажет, что не знает, но, оказалось, она знала.

— Васселея послали в Коккосалми брать Кестеньгу...

— Откуда это известно? — удивился командир.

— А вот я знаю... Я своими делами занимаюсь, а все слышу, все вижу,— похвалилась Маланиэ.

— Разведчица,— засмеялся командир.— Видно, в крови у них это...

— Да, да,— ответила Маланиэ, хотя и не поняла слов командира. Отвечала она по-карельски и такой скороговоркой, что Нифантьев не успевал переводить. Она рассказывала о том, как к ним приходил большой начальник белых и что он говорил, сказала, что он велел отправить пулеметы под Коккосалми.

Потом она представила командиру свою семью: вот

невестки, это Натси, дочь старшего сына, Олексея, а это Пекка, сын Васселея...

Командир достал из котомки банку консервов и, открыв ее, попросил разогреть на сковородке. Избу наполнил вкусный запах жареного мяса. Глядя, как маленький Пекка с аппетитом уплетает за обе щеки разогретые консервы, командир улыбался: «Ешь, сынок, чтобы вырасти скорей». Невестки постеснялись сесть за стол. Им казалось, что мяса на всех не хватит. Но у красноармейцев нашлись еще консервы, так что досталось всем.

Красноармейцы остались в доме Онтиппы. Сам хозяин все не возвращался. Маланиэ то и дело подбегала к окошку, выглядывала, не идет ли.

— Уж пора бы ему вернуться,— ворчала она.

— Не пропустят его белые,— говорил Нифантьев.

— На что он им, такой старый?

В горнице установили полевой телефон. Маланиэ уже не удивлялась тому, что нечистый уносит человеческий голос по железным проводам за десятки верст. Богу-то одному, видно, всюду не поспеть, надо и нечистому чем-то заниматься.

Проходили дни. В деревне было тихо, и, решив, что войны больше не будет, Маланиэ пошла за спрятанным в лесу мешком ячменя. Найдя место, где, как помнилось, она оставила мешок, начала тыкать палкой в снег, но никак не могла нащупать свой ячмень. Попробовала в одном месте, потом в другом. Мешка не было. От обиды Маланиэ даже заплакала. Мешок взяли, конечно, не белые. Красные его украли. Это они день-деньской по лесу шастают, а сами последний кусок у голодных детишек готовы вырвать изо рта.

Вернувшись домой, Маланиэ не жалела слов, ругая красных. Михаил Петрович — так звали командира поста — не стал ничего отрицать. Действительно, их дозоры обшарили все окрестные леса, выискивая тайные склады оружия белых. Находили ребята в лесу и припрятанные продукты, были там и мешки с рожью и ячменем. Откуда им знать, чьи это запасы. Может, мятежников... Он успокаивал разгневанную хозяйку, просил не тревожиться, уверял, что с голоду пропасть им не дадут. Но окончательно Маланиэ успокоилась, лишь когда взамен пропавшего ячменя ей дали целый мешок ржаной муки.

Мешок с ячменем все-таки не выходил из головы. Может быть, плохо искала? — думала Маланиэ. Она пыта-

лась вспомнить, как вышла из сарайчика и в какую сторону тащила санки. Совсем никудышной стала память. Вроде неделю назад все это было, а ничего толком вспомнить не может. Зато оживало в памяти давнее. Помнила, как однажды они с Онтиппой взяли с собой на остров Олексея. Ему года два тогда было. Вдруг пошел дождь, сильный-сильный и удивительно теплый, а потом опять солнышко выглянуло. Олексей сидел в этой расщелине и смеялся, шлепая ладошками по набравшейся между камнями дождевой воде...

Все спали. Маланиэ тихо поднялась с постели, оделась и взяла лыжи...

Утром она была на редкость разговорчивой. Невестки поглядывали на нее и недоумевали. Что же со свекровью случилось? Что-то она таит от них. Наверно, хорошую весть от Васселея получила. Днем Маланиэ сказала, что пойдет в ригу за сетью, которую все забывает отнести Окахвиэ.

— Так ведь сети-то не в риге?

— В риге сети, в риге.

Конечно, никаких сетей в риге не было. А был там под соломой тот самый мешок с ячменем. Отсыпав в узелок немного зерна, Маланиэ пошла к Окахвиэ и рассказала соседке свою великую тайну.

— Как же ты теперь? — спросила Окахвиэ.— Красным-то что отдашь, ячмень или муку?

— Что я, сошла с ума! — засмеялась Маланиэ.— Ничего не отдам. Сами все съедим.

Однажды утром красноармейцы начали поспешно собирать свои вещи, сняли телефон, смотали провода. Оказалось, что в тылу у них осталась рота мятежников, которая теперь пробивалась к границе. Бандиты должны с часу на час появиться в Тахкониеми. Пост из четырех бойцов, конечно, не в силах задержать их. Бандитов остановят, но в другом месте. Нифантьев успокаивал растерявшихся женщин, уверяя, что белые в деревне не задержатся. Пройдут, и опять будет тихо.

Белые пришли в полдень. В доме Онтиппы остановился сам царь Маркке со своей свитой.

Царь! Пекка и Натси знали о царях по сказкам. В сказках у царя была дочь, а то и три. И свою дочь царь отдавал за бедного и простого, да еще полцарства давал в приданое. В сказках цари часто были добрые, справедливые,

только какие-то бестолковые. И всяких богатств у них было много, и золота целые возы. И борода...

А у этого царя бороды не было. На щеках грязная, противная щетина. Да и его свита тоже не похожа на свиту, все грязные, некрасивые, заросшие. Кто в овчинном полушубке, кто в рваной шинели. Все они страшные, как палачи в сказках, те, которые отрубали головы людям. Кто же из них палач? Может, все... Дети с опаской поглядывали на спутников Маркке.

— А в этом доме даже корова есть! — вдруг объявил царь.

— Не трогайте корову! — крикнула Маланиэ и выхватила из-за иконы бумажку, которую надо было показывать белым.— Вот! Читай! Самый большой начальник писал.

Маркке взял бумажку, прочитал, засмеялся и разорвал ее.

— Этой бумажке та же цена, что и твоему большому начальнику. Удрал в Финляндию, а мы тут расхлебывай, отвечай за его делишки.

Маланиэ плюхнулась на лавку. Плохи дела, если ни бог, ни бумажки помочь не могут.

Бандиты обшарили дом. Нашли и ячмень в риге, и мешок ржаной муки, спрятанный на повети, под сеном, нашли рыбу в амбаре, кадушку с мороженым молоком...

— Все грузите! — приказал Маркке.— Бабы, собирайтесь в дорогу!

— Куда?

— За границу.

— Не поедем!

Маркке грохнул прикладом о пол.

— Не поедете — будет с вами то же, что и с коровой.

Предсмертное мычание коровы отдалось в сердце тяжкой болью. Показалось, будто жизнь кончена. Было бы легче, если бы хлынули слезы, но ужас так сковал всех, что они молчали. Анни и Иро сами не заметили, как оказались вместе с детьми в разных санях.

По берегу тянулись вереницей сани, груженные всяким скарбом. В них сидели женщины, дети, старики.

Маланиэ обняла невесток, внучат и побежала к избе.

— Куда? — взревел Маркке.— В сани!

— Я сейчас... я только оденусь... я догоню вас...

Прошло несколько минут. Маланиэ не возвращалась. Маркке велел сходить за ней. Солдат вернулся из избы и доложил, что хозяйки он не нашел.

— Сама найдется. Поехали! — Маркке кивнул солдату.

Тот достал из кармана спички и пошел на поветь.

Из окон соседней избы валил дым, выбивались языки пламени.

Сани тронулись. Все дальше и дальше удалялись они от дома старого Онтиппы, в котором жила когда-то большая и крепкая семья. По дороге по обе стороны саней бежали на лыжах солдаты.

...Затаив дыхание, Маланиэ лежала под полом в узком промежутке за основанием печи. Она видела, как солдат спустился в подпол, и посветив спичкой, осмотрел его. Она слышала, как заскрипели полозья, как кто-то ходил по повети. Потом стало тихо. Выждав еще немного, Маланиэ вылезла из своего укрытия и посмотрела в окошко. На дворе никого не было. На улице тоже. Из окон горевших домов вырывалось пламя, но его никто не тушил. Накинув полушубок, Маланиэ решила выйти во двор, но, открыв дверь в сени, в испуге отпрянула: там было полно дыма. Схватив ведра с водой, она побежала на поветь. Горело сено. К счастью, из щелей под стрехой намело много снега, и когда языки пламени достигали его, он начинал таять, не давая огню разгореться. Маланиэ выплеснула на сено ведро воды, другое...

Вернувшись в избу, она спокойно, словно придя с какого-то обычного дела, повесила полушубок и присела отдохнуть на лавку. Но было такое чувство, будто она попала не в свой дом. В ее доме никогда не было такой страшной, мертвящей тишины. Она сидела и не знала, что ей делать. А делать что-то надо... Надо было хоть чем-то нарушить эту тишину. На глаза попался ушат, в котором было приготовлено пойло для коровы. Маланиэ перелила его в ведро и пошла в хлев, но у порога вспомнила, что теперь ей некого поить этим пойлом.

Откуда-то с печи вылезла кошка, спрыгнула на пол и стала тереться о ноги хозяйки. Она просила молочка. Хозяйка встала, потянулась на воронец за кринкой, но там было пусто. Маланиэ пошла в амбар, стала искать кадку с молоком. На ее глазах кадку грузили в сани, но она забыла об этом. Она все искала, искала... А следом за ней ходила кошка...

Маланиэ села на лавку, взяла кошку на руки. На глаза навернулись слезы...

— Что же нам делать?

Услышав наконец голос хозяйки, кошка мяукнула в

ответ. Видимо, неожиданная тишина пугала и ее. Но хозяйка больше ничего не сказала.

Маланиэ посмотрела в угол, где прежде была икона, но своего боженьки не увидела. В углу висела какая-то почерневшая доска, украшенная темной жестью. На шестке на потухших углях лежал обрывок обгорелой бумаги — все, что осталось от охранной грамоты Васселея. Маланиэ вытащила из-за иконы вторую бумагу и спрятала ее на груди.

— Родненький мой...

Впервые ей нечего было делать в своем доме. Сходить за водой? Воды еще полкадушки. За дровами? Дрова тоже есть. Приготовить обед? Но для кого? Маланиэ никогда не знала усталости, заботясь о своей семье, принимая гостей... Но сейчас ей не о ком было заботиться, а заботиться о самой себе ей не хотелось. У нее едва хватило сил подняться на печь. Единственной надеждой, единственным желанием было, чтобы успел приехать Онтиппа и закрыл ей глаза. Она стала утешаться этой мыслью, хотя чувствовала, что муж уже не вернется — его уже нет в живых... И все-таки хотелось дождаться его. Впервые в жизни она могла ждать и думать о нем, не торопясь никуда, не тревожась ни о ком. Она ждала Онтиппу...

В избе становилось все холоднее. Надо было бы слезть с печи, наложить дров в камелек, развести огонь. Но камни еще хранили в себе остатки тепла, и не было сил двинуться с места. В избе стало темно, но Маланиэ не слезла, чтобы зажечь лучину. Она накрылась шубой, стало теплее. На груди, под сорочкой, лежала бумажка Рийко. Маланиэ казалось, что она греет ее... И это уже была не бумажка. Это маленький Рийко. Он лежит у нее на груди, такой тепленький, милый, что-то лепечет и кусает материнскую грудь своими зубками. Укусит и смотрит лукавыми глазенками, не больно ли матери. Нет, матери это не больно... Маланиэ подтянула шубу повыше, чтобы сыночку ее было не холодно, чтобы не застудить его... А самой ей очень хочется спать. И она засыпает.

Онтиппа тогда еще был жив. Он возвращался домой.

В Ухте его сани нагрузили какими-то ящиками и велели вместе с обозом беженцев ехать в Финляндию. Вокруг царила суматоха. Бандиты метались из дома в дом, матерились, кричали... Человек, приказавший повернуть к границе, куда-то пропал. Онтиппа выскочил на берег озера,

остановил лошадь за чьей-то баней и стал наблюдать. Увидев, что его не хватились, он выгрузил ящики из саней и, дождавшись темноты, выехал на зимник, который вел в родную деревню. Смерзшиеся комья снега летели из-под копыт, барабанили по днищу саней. Когда загремели выстрелы и вокруг засвистели пули, Онтиппа не догадался лечь в сани. Наоборот, он приподнялся и начал нахлестывать лошадь. Потом он упал навзничь. Лошадь неслась по дороге, хотя никто ее уже не подгонял.

Головной отряд Маркке остановил лошадь. Мертвого Онтиппу сбросили с саней и, забросав наспех снегом, оставили у дороги. Лошадь они повернули обратно. Невестки и внучата старого Онтиппы проехали мимо, не зная, что совсем рядом под снегом, лежит их дедушка.

Прошел день, другой. Окна дома старого Онтиппы заросли льдом, на крыльце намело большой сугроб.

В избушке, прилепившейся к склону скалы, напротив дома Онтиппы, горел слабый огонек, но Маланиэ его уже не видела. В избушке жила Окахвиэ, которой удалось схорониться от белых и остаться дома. В деревне уцелело еще несколько изб. В трех из них жили люди. Остались в деревне лишь четыре старухи и один глухой старик. Они думали, что Маланиэ уехала.

Через несколько дней Окахвиэ решила все же навестить соседку. Ее охватило вдруг какое-то смутное чувство. Вдруг Маланиэ дома... Она встала на лыжи и пошла. Двор был завален снегом. Расчистив крыльцо, Окахвиэ заглянула в избу. Навстречу ей пулей выскочила отощавшая кошка.

...В этот вечер в доме Онтиппы опять горел в камельке огонь. В избе собралось все население деревни — четыре старухи и старик. На повети дома они нашли два приготовленных загодя гроба. В тот, что поменьше, положили Маланиэ, другой, сделанный Онтиппой для самого себя, оставили для хозяина.

ПРИМЕШЬ ЛИ МЕНЯ, ЗЕМЛЯ КАРЕЛЬСКАЯ?

Был сильный мороз, и с озера дул такой ледяной ветер, что то и дело приходилось растирать уши и нос, чтобы не обморозиться.

Командиром отряда, состоявшего из пяти человек, назначили единственного в группе финна, капрала Пааволу.

Отделение расположилось в самой маленькой деревне, в избушке, которая была, по-видимому, и самой чистой и самой теплой.

Обороной Коккосалми руководил бывший прапорщик царской армии карел Янне Лиэху. Карелы выполняли его приказы, но финны часто пропускали их мимо ушей. Паавола, оставив отделение на позициях, предпочитал сидеть в теплой избе. Васселею же он поручил следить, чтобы солдаты положенное время находились в окопах.

В морозном воздухе чувствовалось не только ледяное дыхание ветра. В Кестеньге, в пятнадцати верстах от Коккосалми, были красные. Они дважды пытались овладеть деревней, но атаки их были отбиты. Наступило затишье. Красные в Кестеньге, видимо, ждали подкрепления. Когда к ним подойдут свежие силы, они, конечно, не станут медлить. В Коккосалми также прибывало пополнение. Позиции у белых были выгодные.

Сама деревня расположена на высоком мысе, с которого местность хорошо просматривается. С севера по западной окраине проходит узкий пролив, что обогнув деревню, затем поворачивает на юг. Противоположный берег пролива открытый, безлесный, болотистый. С восточной стороны деревню защищает довольно высокая гряда, пересекающая почти весь перешеек.

— Жарковато нам придется на этом морозе,— сказал Васселей Кириле.

Паавола любил поговорить о политике, и когда, сменившись, отделение собралось в избе, он начинал разглагольствовать:

— Ничего, ребята. Пусть нам и туговато придется, но мы все равно устоим. Мы защищаем дорогу, по которой ваши бабы и ребятишки уходят от красных. Да, вот нам и приходится спасать ваших жен и детишек, чтобы их большевики не перебили. А когда из Финляндии подойдет помощь, глядишь, воевать станет просторнее.

В таком духе высшее командование велело капралу просвещать солдат. Пааволу не интересовало, верили ему или нет. Он сказал, что было приказано, и после этого считал себя вправе поделиться собственными соображениями.

— Да, из войны-то получился пшик. А виновато тут финское правительство. Все было бы по-другому, если бы у господ отняли власть и передали ее народу, тем, кто обрабатывает землю и понимает в ней толк. Конечно, Фин-

ляндия теперь свободная страна, но свободы у нас было бы еще больше, если бы господа не вставляли палки в колеса. Вот и в восемнадцатом... Не успели мы разделаться со своими коммунистами и отправить их на тот свет, как президент вздумал объявить амнистию и испортил все дело. Какая же это свобода? А теперь что делает правительство? Мы кровь проливаем, а господа в Хельсинки с русскими дипломатами кофе попивают да друг другу ноты пишут. Вот если бы власть у нас, у крестьян, была, не так бы дела шли...

Карелы молча слушали его разглагольствования. Кто-то сладко похрапывал.

Капрал, разумеется, понимал настроение своих подчиненных и порой утешал их:

— Не падайте духом, у нас в Финляндии места и вам хватит. Наш брат, финский крестьянин, кормил и русского царя и своих господ. Не даст он и вам от голода помереть. Последним куском поделится. От вас что требуется? Вести себя послушно, работать и учиться воевать, чтобы в следующий раз не ударить лицом в грязь. Такие дела...

Оставшись наедине с Васселеем, Паавола был откровеннее:

— Видишь ли, меня сунули в эту мясорубку, будто карела какого. Ребята Антти Исотало устроились на самой границе — в таких местах, где можно спать спокойно, ни один выстрел не грохнет, а если и загрохочет, то эти парни быстро смоются... А меня, понимаешь, человека, у которого на двоих с братом двести гектаров земли, послали погибать за каких-то карельских старух. Правильно это, а? Что за демократия! Я-то знаю, почему Таккинен сунул меня сюда, в это пекло. Он хочет, чтобы я загнулся. Я, видишь ли, знаю кое-что такое о нем, что... А я вот возьму и назло ему не загнусь, а останусь в живых и расскажу про все его штучки. Хитрый он, черт! Он по-русски запросто чешет, а делает вид, будто ни бельмеса не смыслит. Парней Антти Исотало он приказал кормить в три горла, а меня на голодном пайке держит... Я-то при чем, если оказался в вашей компании. Сам он небось сюда не залез.

Васселей слушал и удивлялся, когда же капрал успел так нализаться. А Паавола стал рассказывать, как его обделили при дележе наследства.

— Ну и дураки эти господа. Какой-то болван взял и придумал закон, что земля должна оставаться за старшим

братом, а остальные — куда хочешь девайся. Брательник-то наш Каалеппи — он теперь хозяином стал — любит покомандовать, мастак по этой части, а еще лучше умеет детишек плодить. Разве это правильно? Я от него даже свою долю денег получить не могу, и все потому, что у него богатство — одни ребятишки. Разве справедливо так-то? Я, понимаешь, третий раз уже в вашей проклятой Карелии воюю, ни одного гектара земли не получил, а брательник мой, Каалеппи, никакой беды не знает, а ежели и воюет, так только со своей бабой. Слушай, давай выпьем. Я угощаю. Пей!

Васселей залпом выпил чашку спирта и запил водой из ковша. Потом снова протянул чашку и выпил еще.

— У братца моего, у Каалеппи, жена не баба, а черт в юбке,— рассказывал капрал.— Так я ей сказал... Она, понимаешь, взбеленилась...

Паавола опять наполнил чашки спиртом.

— А ты парень мировой, хоть голыми руками тебя и не взять, ты, брат, с характером. Я люблю таких. Хоть ты и двинул мне как-то по физиономии. И дал ты как надо. Это была рука мужчины. Ты, брат, не горюй. У нас в поместье работники всегда нужны. Только ломаться не надо. У нас если скажут что, то так и будет.— Капрал не заметил, что лицо Васселея перекосилось.— А ты, парень, мне нравишься,— продолжал он.— Если бы наш поход кончился по-другому, я бы отломил себе кусочек земли побольше, чем Каалеппи имеет, и он рядом со мной был бы ничто. Знаешь, тебя бы я взял управляющим. И бабе твоей дело нашел бы, да, служанкой пристроил бы. Ну, что ты скажешь на это?

— Иди-ка ты ко всем чертям...

— Что, что? Я... я...

— Да, ты свиное рыло.

— Да я тебя... Ты знаешь, с кем ты говоришь...— Паавола потянулся к ножу на поясе, но Васселей опередил его, ударив кулаком в челюсть. Паавола отлетел в угол, стукнулся головой о стену. Поднимаясь, он полез за револьвером.

— Сейчас ты у меня получишь... Я имею право...

— На этой земле у меня больше прав...

Васселей двинул еще раз. Капрал растянулся на полу. Васселей хотел было забрать у него револьвер, но передумал. Когда Паавола очнется, пусть застрелится. Васселей взял свою винтовку и ушел на позицию. В голове шу-

мело от выпитого спирта и злости. Но на морозе хмель быстро прошел, и ему даже стало смешно.

— Ты, никак, выпил? — спросил Кириля.

— Капрал угостил.

— С какой стати он вдруг расщедрился?

— Приглашает меня управляющим в свое поместье.

— Да ну? — воскликнул Кириля с явной завистью.— Ты согласился?

— О цене не договорились. Я его уложил отдыхать. Пусть полежит, подумает. Ни за что не хотел ложиться. Пришлось пару раз рукой погладить, чтобы заснул.

Придя в себя, Паавола пытался вскочить, но со стоном опустился на нары. Он с трудом вспомнил, что произошло. И тут же решил, что Васселея надо немедленно пристрелить. Паавола сел и налил чашку спирта. Где же лучше всего шлепнуть этого карела? Но тут ему пришлось отказаться от такой мысли. Эти черти карелы все одним миром мазаны. Одного кокнешь, другой тебя прикончит. Так что с этим Васселеем лучше рассчитаться в другом месте...

Поразмыслив, капрал собрал свои пожитки, взял канистру со спиртом и отправился к командиру батальона.

— Я не хочу командовать этой группой,— доложил он начальнику.— Сплошные трусы и подонки. Я пойду к своим.

Да, в этой армии были свои и чужие. Это размежевание чувствовалось с самого начала, а теперь особенно стало явным. Одних ожидало возвращение домой, на родину, другим предстояло покинуть родные места и бежать на чужбину. Были и другие причины, подогревавшие эту взаимную неприязнь. Финны хотели, чтобы воевали карелы, а сами стремились только командовать. Карелы злились: «Заварили кашу, а нам расхлебывать!»

После Пааволы командиром группы назначили Васселея. Получив приказ, он махнул лишь рукой — теперь уж все равно...

Вернувшись с позиции, мужики стали допытываться:

— Ну-ка, командир, объясни нам обстановку.

— Хотите, я расскажу сказку? Жили-были старик и старуха. И был у них сын. Пошел он по свету. Идет и видит, три дороги перед ним. Стоит и не знает, по какой идти. А птичка ему пропела: «По одной дороге пойдешь — смерть свою найдешь, по другой отправишься — с головой своей расстанешься, ну а коли по третьей потопаешь —

приведет она тебя прямо на тот свет, чертям на обед». Вот и сказка вся. Давайте спать. Утро вечера мудренее.

Озябшее желтое солнце висело над сугробами, по которым неслась гонимая ветром пороша. Казалось, от непрерывного треска пулеметов, пороша усиливалась. Она то окутывала цепи наступающих красных густой пеленой крутящегося снега, то срывала эту пелену, открывая их летящей навстречу смерти...

— За свободу Карелии! — был клич наступающих.

— За свободу Карелии! — был приказ тем, кто оборонял Коккосалми.

А Карелия, словно красавица, за которую шел горячий спор, подзадоривала и дразнила, кружась в быстром вьюжном танце в желтых блестках зимнего солнца: «А ну, ребята, чья возьмет?»

Цепи наступающих редели на глазах, но красные упрямо продвигались вперед и были уже уверены, что, несмотря на потери, они ворвутся на высоту. Вдруг подобно внезапному тяжелому удару последовал приказ отступать. Приказ есть приказ, и его надо выполнять, как бы тяжело на душе ни было. Все придется начать сначала, деревню все равно надо взять... Отступление красных было неожиданностью и для противника. Но вскоре они поняли причины их поспешного отхода: во время боя командир белого батальона Янне Лиэху послал отряд лыжников в тыл красным, которым пришлось отойти и вступить в бой с ударившими с тыла лыжниками.

Янне Лиэху было приказано удержать Коккосалми любой ценой, чтобы красные не перекрыли путь в Финляндию войскам мятежников и тысячам беженцев. Угоняя за границу женщин, детей и стариков, главари мятежа убивали несколько зайцев. Беженцы в Финляндии — дешевая рабочая сила, используя которую можно снизить заработную плату финским рабочим. Беженцы были находкой для пропаганды об ужасах большевизма. Беженцы могли стать своего рода заложниками, спекулируя на которых можно предъявлять Советам территориальные требования. Среди беженцев велась антисоветская пропаганда, из них готовили новых солдат для новых набегов на Карелию. Кроме того, эти женщины, старики, дети служили верной гарантией того, что солдаты-карелы проявят покорность и среди них окажется немного таких, кто при малейшей возможности перебежит к красным.

...Рийко потерял счет атакам. Ему казалось, что эти дни были сплошной, непрерывной атакой с небольшими передышками. Иногда они отходили почти до самой Кестеньги или останавливались в лесу, отдыхали час-другой у костров в чаще леса, потом их будили, и они снова шли штурмовать Коккосалми. Однажды, ползя по глубокому снегу к позициям белых, он заснул на ходу... Наверно, он спал с полминуты. Оглянувшись, увидел, что все это время продолжал ползти вместе с другими.

Перед атакой должна была быть артподготовка, но батарея молчала — замки опять замерзли.

Вдруг огонь со стороны деревни прекратился. Что там случилось?

— Я залезу на дерево. Посмотрю,— сказал Рийко командиру взвода, показав на одиночное дерево, возвышающееся на островке среди болота.

Командир заколебался. Дерево хорошо видно со стороны противника. Наблюдателя, конечно, заметят. Но все же разрешил, приказав открыть по позициям белых такой пулеметный огонь, чтобы нельзя было поднять головы от земли.

— Они драпают! — крикнул Рийко с дерева.

Из деревни бежали мятежники.

...Янне Лиэху приказал прекратить стрельбу, чтобы подпустить красных поближе. Красные, наоборот, все усиливали огонь. В воздухе стоял непрерывный свист, в окопы падали ветки и куски коры, срезанные пулями с растущих на высоте сосен. Несколько солдат, не выдержав такого огня, поползли в тыл.

— Куда, перкеле? — закричал Лиэху.

— Туда,— солдат показал на дорогу, что вела к Софпорогу.— Мы финны, с нас хватит.

За этими солдатами потянулись и другие. С полсотни мятежников покинули позиции. Началось бегство...

— Карелы, назад! — приказал Лиэху.— Застрелю каждого, кто захочет уйти. Вы умрете раньше, чем ваших баб и детей убьют красные...

Лиэху выбежал на середину дороги и с револьвером в руке стал останавливать бегущих. Увидев его, карелы остановились. Несколько финских солдат, с опаской поглядывая на револьвер, пробежали мимо него. Лиэху не стал их задерживать. Черт с ними! Но за финнами пытался проскочить и какой-то молодой карел.

— Стой! — гаркнул Лиэху.— А ты куда?

— Т-туда... куда и они...

— Назад! Немедленно! Ты же ухтинец?

Парень остановился.

— Я... я... У меня... вся родня там... в Финляндии... все знают там...

— А ты останешься здесь, слышишь?

— Я Симо Тервайнен! — Парень вдруг расхрабрился.— Знаешь, кем я прихожусь Митро и Хариттайнену? Знаешь?

Но Лиэху не слушал его: перестрелка усилилась, и он пытался разглядеть, что происходит на позициях. Воспользовавшись этим, Тервайнен проскочил мимо и побежал вслед за финнами.

— Подождите меня. Я с вами.

Лиэху круто обернулся и выстрелил в спину Симо, успевшему отбежать десяток шагов. Парень остановился, откинулся назад и, как подкошенный, упал на дорогу.

— Ну, кто еще туда хочет? — спросил Лиэху, показав револьвером в сторону границы.

Это подействовало. Солдаты вернулись в окопы.

В этот момент и пошла в атаку конница красных. Клубы сухого снега взметнулись над болотом. Увязая в сугробах, красные конники пытались пробраться через пролив. Страшная это была картина. Проваливаясь по грудь, кони бредут и бредут. Все ближе, ближе... Если они доберутся до берега, то конец... Шашка — страшная вещь в ближнем бою. Оцепеневшие от ужаса мятежники прильнули к прикладам винтовок.

— Не стрелять! Еще рано! — передал по цепи Лиэху. Васселею он сказал: — Видишь, вон там на сосне наблюдатель? Сними-ка его.

Васселей взял на мушку фигурку на дереве.

Выстрел и сигнал Лиэху, по которому белые открыли ураганный огонь по коннице, прозвучали одновременно. Казалось, воздух над высотой вдруг разорвался с грохотом и треском. Торопливо заговорили «люисы» и «максимы», захлопали винтовочные выстрелы.

Рийко упал с дерева и схватился за колено. Нифантьев подполз к нему.

— Жив? Ранили?

— Какая-то сволочь чуть не убила меня! — Рийко выругался.— Колено рассадил... Попадись он мне, бандюга проклятый!

Попав под ураганный огонь белых, лошади метались, вставали на дыбы, падали, скошенные пулеметными оче-

редями. Сами кавалеристы тоже были хорошей мишенью. Следовавшая за конницей пехота залегла, но вести огонь по противнику ей мешали мечущиеся впереди всадники.

Рийко вставил в магазин последнюю обойму. Расстреляв ее, начал шарить по карманам в поисках завалявшихся патронов. Нашел три штуки. Их вместе с рыбником дала ему мать. «Надо ведь свою голову защищать...» — говорила она. Рийко знал, что матери уже нет в живых. Эту страшную весть привезли ребята, прибывшие с пополнением. Мать нашли на холодной печи. О судьбе отца Рийко не знал ничего. Один из ухтинских мужиков, бежавших от белых, рассказывал, будто видел лошадь отца в обозе у бандитов. Но ездовым был не старый Онтиппа, кто-то другой. Мамы нет... Родной дом стоит пустой, безмолвный... Неизвестно, что с отцом... Не хотелось верить, что все это так, что это — правда. Рийко вставил в магазинную коробку три последних патрона и послал их на высоту... Это за маму! Это за отца! А это — за нашу Карелию...

Пришел приказ отступить. Пулеметы остервенело поливали огнем высоту: под их прикрытием стали вытаскивать с поля боя убитых и раненых конников. «Удалось ли Евсею вернуться?» — подумал Рийко и пополз за санитарами. Когда их перевели в Кестеньгу, Евсей попросился обратно в кавалерию. Рийко видел, как он шел в атаку. Вокруг бились и ржали в предсмертных муках раненые лошади. Помочь им можно было лишь одним — пристрелить.

— Гриша! Ползи сюда!

Евсей лежал за убитым конем. Пустой карабин был зажат в закоченевших руках. Он шевелил губами, силясь что-то сказать.

— Только что крыл белых. Ничего, жив будет,— сказал санитар, закончив перевязку.— Подсоби-ка положить на лыжи.

Евсея положили на связанные за крепления лыжи. Волокуш всем не хватило.

В густом ельнике пылал огромный костер, окруженный со всех сторон плотной изгородью из еловых веток. Подтащив Евсея к огню, Рийко черенком ложки разжал крепко стиснутые зубы раненого и влил ему в рот немного разбавленного спирта. Потом начал растирать снегом, Евсей пришел в себя, посмотрел вверх, на клубы дыма и искры, поднимающиеся от костра; губы его зашевелились, он что-то говорил.

— Что, что?

— Они... еще там?

— Кто, где?

— Кокосалми у них?

Рийко так обрадовался, что ни с того ни с сего начал объяснять раненому Евсею разницу между словами «коко» и «кокко»... «Коко» — по-карельски «весь». Нет, весь пролив не у бандитов. У них лишь деревня Коккосалми, а «кокко» — значит орел.

Не дослушав объяснений Рийко, Евсей закрыл глаза и сказал еще громче:

— Погода-то на весну повернет скоро... Четыре года я своих не видел. Напиши матери. Жив, мол, Евсей. Может, к весне домой отпустят... домой...

...В Кестеньге было спокойно. В селе оставалось и мирное население. Лишь две семьи побогаче уехали в Финляндию. Во дворах горели костры, на них в огромных котлах готовили еду для красноармейцев. Хозяйки с утра до вечера пекли хлеб для бойцов.

Рийко перевели в Кестеньгу в резервный батальон, в котором новобранцы проходили военную подготовку. Он стал инструктором по лыжной подготовке. Среди опытных красноармейцев, обучавших необстрелянных новичков, Рийко встретил много старых знакомых. Здесь был его бывший командир Михаил Петрович. Неразлучные друзья Юрки Лесонен и Сантери, как и Рийко, учили молодых красноармейцев ходить на лыжах. Они показывали, тренировали их и очень удивлялись тому, что бойцам не так просто давалась эта наука. Казалось, что тут хитрого: встал и пошел. Было среди инструкторов и немало финских красногвардейцев. Один из них, одноногий сапожник Тааветти, занимался изготовлением креплений для лыж.

По вечерам красноармейцы собирались и смолили лыжи у костров. Занятие это всем было по душе. Костры весело пылали, и настроение было тоже веселое. Ребята-южане удивлялись тому, что именно смола, которая сама по себе такая липкая, улучшает скольжение лыж.

— Смола, она вроде как скипидар,— пояснял Тааветти через переводчика.— Надо только знать, сколько ее положить. А ежели переложить, то может получиться, как у того холостяка... А ты попробуй смажь себе скипидаром одно место, знаешь, как бегать будешь!

— Эй, лыжа горит! — Рийко выхватил из рук заслушавшегося молодого бойца дымящуюся лыжу.— Так нельзя, Самойлов. Если лыжа обуглится, она скользить не будет.

Растерянный парень взял лыжу, потер ее рукавом шинели и осторожно приподнял над пламенем. Рийко знал, что этот молодой боец — сын следователя особого отдела Самойлова.

Когда с мороза входили в натопленную избу, казалось, что пришли в баню. В камельке пылали смолистые поленья, освещая просторную горницу, на полу которой на соломе вповалку лежали красноармейцы. Одни спали, другие курили. За столом, облепив со всех сторон пыхтящий самовар, сидели бойцы в одних нижних рубахах. На почетном месте восседал приехавший из Кеми ревкомовец Матвеев, рядом с ним Михаил Петрович.

— Поди-ка сюда, герой,— позвал Михаил Петрович молодого Самойлова.— Ну как, Миша, здорово ты колотишь беляков?

— Здорово, да не очень,— улыбнулся Миша.— Пока что я штыком чучела колю. Как там отец?

— Привет шлет да вот велел передать...— Матвеев протянул небольшой пакет.— Носки тебе.

Миша покраснел. Носки были ему кстати, и ничего зазорного в том, что их прислал отец, не было, но парню стало неловко: он же боец, а не ребенок.

— Сам знаешь, дел у него — вот так. Наверно, писать тебе некогда,— говорил Матвеев.

— Я недавно видел его,— ответил Миша.— Я слышал, семья к вам едет.

— Да нет. Как война кончится, сам съезжу за ней в Екатеринбург. А ты, Михаил Петрович, куда думаешь после войны податься? Мы же с Михаилом Петровичем земляки,— пояснил Матвеев Мише.

— Куда же мне? Конечно, домой, в Екатеринбург,— ответил Михаил Петрович.— Поеду к самой Екатерине Первой.

— Опоздали чуть-чуть,— заметил Миша.— Екатерина умерла в начале восемнадцатого века. Потом была еще царица Екатерина Вторая...

— У меня своя Екатерина. И первая, и самая лучшая! — улыбнулся Михаил Петрович.— И царица она тоже дай бог, такая, что не побунтуешь!

Тааветти, прислушивавшийся к разговору, понял, что

речь идет о жене Михаила Петровича. Он, вздохнув, сказал Рийко:

— Вот у меня жена действительно самая первая женщина в мире. Евой ее зовут. Только сотворена она не из мужского ребра, а из самого крепкого можжевельника. Далековато сейчас моя Ева. Напрямик-то и близко, дня два на лыжах идти, да только в нашей жизни дороги чересчур извилисты. Такие они путаные, точно леска старого Маттилы после того, как котята поиграли с ней на чердаке бани. Пойти, что ли, на боковую, чтобы на душе стало веселей?..

Но заснуть ему не удалось. Он лежал на соломе, разглядывая широкие доски на потолке. Потом он перестал видеть их, перед глазами стояла его Ева, сотворенная из можжевельника. Глаза Тааветти защипало, хотя дыма в избе не было.

За столом бойцы-карелы разговаривали о том, чем каждый из них намерен заняться после войны. Кто-то мечтал пойти учиться в техникум. Тааветти не знал, что это за учебное заведение, но спрашивать не стал. Рийко собирался вернуться домой, а Сантери решил остаться военным.

— Учиться, домой на печь, к жене. Эх вы!— горячо говорил он.— Нет, ребята, на этом войны не кончатся. Знаем мы буржуев. Залижут свои раны и опять полезут. Вот увидите. Нет, я пойду в военное училище.

Сантери говорил так громко, что кто-то из спавших проснулся и заворчал. Ребята притихли и тоже стали укладываться. За столом остались лишь Матвеев и Михаил Петрович.

— ...Отец-то его не просил ни о чем...— тихо говорил Матвеев, поглядывая на Мишу.— Да и не согласился бы он на такое. Но я все же думаю... Молод он еще, дитя совсем... Поди знай, как там...

— Я тоже об этом подумывал,— полушепотом сказал Михаил Петрович.

Миша приподнялся и, обиженно моргая, сказал Матвееву:

— Так это вы обо мне тут... Кто вам дал такое право? Я пойду к комиссару, я скажу ему, что я... Если меня не пустят, я такое устрою, что...

— Ладно, ладно, Миша. Будет тебе! — Матвеев хотел отечески потрепать парня за волосы, но Миша увернулся и, поджав губы, снова лег.

Матвеев и Михаил Петрович тоже стали подыскивать себе местечко среди спавших.

В избе стало тихо, слышен был лишь храп, сонное бормотание да скрип снега со двора, где ходил, стараясь согреться, озябший часовой.

— Подъем!

Подъем был как в мирное время.

После завтрака батальон выстроили.

В окошках домов светились тусклые огни. Заваленные снегом крыши едва различались на фоне темного неба. Разведывательный взвод с лыжами на плечах зашагал по дороге в сторону Коккосалми. За ним выступила и маршевая колонна.

Миша Самойлов в тревожном волнении ожидал, что его вызовут и прикажут остаться. Пока он будет спорить и жаловаться, другие уже вступят в бой. Но его в штаб не позвали. Тогда его охватило новое волнение. Он идет в бой!..

...Кириля был в дозоре возле кестеньгской дороги, по которой шла основная колонна красных. Его обуял страх, когда он увидел, сколько их направляется к Коккосалми.

— Я пойду сообщу своим,— попросил он командира разведки.

Но командир не торопился. Он решил точно установить, какими силами и вооружением располагает противник.

Однако дождаться конца колонны не удалось. Боковое охранение красных неожиданно наскочило на укрывшихся неподалеку от дороги разведчиков, и кто-то из них, не выдержав, открыл огонь.

Как только началась перестрелка, Кириля вскочил на лыжи.

— Идут! — крикнул он, добравшись до Коккосалми.

В деревне и без него знали, что красные уже близко: грохот стрельбы доносился и до них.

— Что тебе велели доложить? — строго спросил Лиэху перепуганного Кирилю.

Не моргнув глазом, тот начал сочинять донесение:

— Войска идет столько, что аж в глазах черно.

— Численность красных? — Янне требовал по-военному.

— Восемь тысяч! — выпалил Кириля не задумываясь.

— Дурак! Сказал бы — миллион. Слово короче. Не-

медленно отправляйся на позиции. Не то получишь у меня восемь тысяч... Куда девались командиры рот? — Лиэху обернулся к Васселею.

Почему-то именно вчера все ротные вдруг вспомнили, что у них есть неотложное дело к Парвиайнену, командиру Северного полка, штаб которого находился на безопасном расстоянии от передовой, около дороги на Софпорог. Уходя, ротный оставил Васселея своим заместителем.

Лиэху все еще не хотел отходить, хотя оборонять деревню было уже бессмысленно: красные напирали со всех сторон и могли в любой момент отрезать путь к отступлению. Наконец стало ясно, что надо выбирать из трех одно — либо отступить, либо умереть в бою, либо сдаться в плен.

Последней покинула позиции рота Васселея. Янне Лиэху уходил с ней.

— Чего ж ты раньше не ушел? — спросил Васселей у Лиэху.— Ведь все начальство даже ниже тебя чином давно уже смазало пятки.

— Видимо, им есть куда бежать,— хмуро ответил Лиэху.— Вели поставить пулемет вон там... пусть прикрывают, пока ленты есть...

На софпорожской дороге стояли сани. Раненая лошадь билась в оглоблях, силясь подняться с земли. В санях лежал убитый в белом полушубке. Пожилая женщина тормошила, обнимала его и плакала в голос. Васселей узнал убитого. Это был командир взвода, известный финский владелец оленей Мухтонен. Женщину Васселей тоже помнил. Жена Мухтонена была карелка, родом с самого севера Карелии. Уже лет двадцать она жила в Финляндии. Усадьба Мухтоненов стояла у самой границы.

Васселей пытался привести женщину в чувство, успокоить.

— Пойдем. Все уходят. Слезами его не вернешь.

— Нет! Нет! Нет! — истерически закричала женщина.— Уходят... Бегут... Я останусь... останусь на родине... дома...

— Твой дом там.

— И там и здесь. Слышишь? Я не оставлю его.

Вой снарядов заставил Васселея броситься в снег. Снаряд разорвался совсем близко. Поднявшись с земли, Васселей увидел финского солдата, который лежал рядом

с ним в снегу. Женщина схватила из саней винтовку и начала палить в сторону красных. Солдат попытался увести ее, но она вцепилась зубами в его руку.

— Перкеле. Она рехнулась,— сказал солдат Васселею.— Будешь свидетелем, что я ее не оставил. Разве сладишь с такой?

— Ты не уйдешь... Не бросишь своего хозяина! — закричала женщина.— Я вас обоих пристрелю.

— Сумасшедшая... Убьет она нас,— сказал солдат. Он вернулся, отнял у женщины винтовку.

— Подождите. Слушайте... Ты.... второй... как тебя там... Скажи Импи... моей... дочери...— кричала женщина.— Скажи ей... что мы... что отец и мать... Слышишь?.. за Карелию... за бога... Мы — Мухтонены. Запомни!

Не успел Васселей сделать и десяти шагов, как позади хлопнул выстрел. Женщина лежала в санях рядом с убитым мужем. Из виска струйкой стекала кровь. Солдат вернулся, взял выпавший из руки женщины револьвер, отцепил с убитого пустую кобуру.

Из деревни по дороге открыли пулеметный огонь. Значит, в Коккосалми уже красные.

Пригнувшись, Васселей и солдат побежали догонять роту.

— На Софпороге мы их остановим,— сказал Лиэху Васселею.— Будешь командовать ротой. Конечно, нелегко это...

— Мне это не трудно,— Васселей остановился.— Я дам своей роте один-единственный приказ. Скажу, что каждый может убираться на все четыре стороны. Кто хочет — в Финляндию, кто хочет — пусть идет домой или катится к чертовой матери. А если кому охота умереть, пожалуйста — пусть дерется.

— За такие слова тебя следовало бы расстрелять.

— Пожалуйста.

— Ладно, иди ты...— Лиэху пошел вперед, Васселей шагал следом.— Я тебя расстреливать не стану. Но учти: при Парвиайнене много не болтай. Он любит стрелять, только не на фронте.

...Миша с гордостью ощущал тяжесть подсумков на поясе. Ему еще никогда не выдавали такого количества боевых патронов.

Вот если бы Надя увидела его сейчас! При этой мысли он расправил плечи и выпятил грудь. Когда он уез-

жал из Петрограда, Надя прибежала прямо с работы, в стареньком пальтишке, в красной косынке. Шагали колонной по Невскому на Московский вокзал. Надя шла рядом и почему-то смеялась. Такая уж она — смешливая. Когда пришли на вокзал и раздалась команда «Разойдись!», Надя оглядела его с ног до головы и опять рассмеялась.

— Ну и смешной ты!

— Почему смешной?

— Потому что смешной... Солдатик ты мой!

Конечно, Миша сам видел, что новенькая шинель сидит на нем мешком, вся топорщится, в плечах свисает, складки под ремнем неровные. Теперь бы Надя не смеялась над ним: шинель сидит как положено.

На вокзале Миша сперва не видел никого и ничего — только Надю. Потом вспомнил о матери. Мама тоже была здесь. Только она не смеялась, глядя на сына, одетого в красноармейскую шинель, она не думала о том, как шинель сидит на нем. Мать стояла в стороне и, обиженно поджав губу, смотрела на Мишу и Надю, державшихся за руки. Она, наверно, сердилась на девушку. Когда детям весело, матери сердятся или грустят. Наконец Миша подошел к ней: «Мама, не печалься. Я ведь не на войну уезжаю». Тогда ни мать, ни он сам не предполагали, что скоро ему придется воевать. Думали, что просто будет служить действительную... «А я и не грущу»,— улыбнулась мать. Когда раздалась команда «По вагонам!», мать сказала глухим голосом: «Ну вот, Михаил, ты и стал взрослым. Помни об этом». А поцеловала на прощанье, как маленького. Такие они, эти мамы,— говорят одно, а делают другое. Если бы мама увидела сейчас, как ее сын идет в бой!

Отец, прощаясь с Мишей в последний раз, знал, что его сыну предстоит воевать. Он приехал в Кемь из Сороки и пришел попрощаться. Долго кусал усы, потом сказал, не глядя в глаза:

— Вот и пришел твой черед... Так что будь мужчиной.

Он прижал голову сына к холодной кожанке, поправил ремень на нем, оглядел и еще раз повторил:

— Так-то вот. Ну, всего!

Крепко пожав руку, он круто повернулся и вышел. Мише показалось, что отец вдруг стал ниже ростом и шел несвойственным ему неуверенным шагом.

Миша решил, что вечером после боя он напишет три письма. Маме, отцу, Наде. Каждому по короткому письму. Напишет, что был в бою. Описывать ничего не станет. А то подумают — хвастается. Просто: «Был в бою». Потом привет и до скорой встречи. Было бы здорово сняться и послать им фото. И сняться надо так, чтобы на карточке были чуть-чуть заметны пробивающиеся усы. Впрочем, лучше сделать снимок в полный рост, чтобы видны были и гранаты и патронташи на поясе.

Темнота сменилась утренними сумерками. Взвод остановился. Приказали встать на лыжи. Потом свернули с дороги в лес и пошли прямо по целине. Миша с радостью отметил, что он идет на лыжах не хуже других. Правда, впереди шли, прокладывая лыжню, более опытные бойцы. Вошли в заснеженный тихий лес. Где-то в этой чаще грянет бой? Где же скрывается противник?

Забрались на небольшую высоту. Хотя впереди были те же сосны и тот же снег, командир приказал окопаться. Рядом с Мишей, в нескольких шагах от него, залег Рийко.

С юга поднималось, окруженное ярким пламенем зари, хо́лодное солнце. Казалось, верхушки сосен вдруг запылали огнем. Багровый разлив над лесом постепенно переходил в синеву, причем между синим и красным не было никакой отчетливой границы. Если бы Надя видела это, она, наверное, сказала бы: «Ужасно красиво!» У Нади все ужасно: ужасно больно, ужасно весело, ужасно скучно, ужасно противно... а тут она сказала бы: «Ужасно страшно...» Мише было действительно немножко страшно. Больше всего он боялся, что товарищи заметят его страх. Страх нельзя показывать, нельзя даже самому признаваться, что боишься. Неужели другие ребята нисколько не боятся? Отец как-то сказал, что всякий нормальный человек боится смерти. Все дело лишь в том, сумеешь ли ты совладать с чувством страха или поддашься ему. Солдат должен прежде всего думать о своем долге.

Впереди послышались голоса. Миша видел, как с деревьев срываются снежные комья. В рукавице был отросток для указательного пальца, чтобы можно было держать его на спусковом крючке, но он снял рукавицу... Прошло несколько секунд напряженного ожидания. Слышалось даже биение собственного сердца. Рука начала застывать на морозе. Наконец раздался выстрел. Миша тоже нажал на крючок. Со всех сторон загрохотало. Он

сперва стрелял, целясь под деревья, с которых падал снег, потом увидел и людей, перебежками приближающихся к высоте. Миша стрелял и стрелял. Что-то мягко шлепнулось в снег, раздался сильный взрыв. «Бросают гранаты»,— подумал он. Из снега, взметая белые фонтаны, взлетело с грохотом пламя. Вот граната взорвалась где-то поблизости.

Потом огонь взметнулся совсем рядом. Пламя было такое же яркое, как заря. Но длилось оно всего одно мгновение и тут же погасло. И сразу не стало ни зари, ни снега, ни леса. Острая боль, от которой у Миши скривились губы, тоже быстро прошла. Он уже не слышал, как Рийко подполз к нему и стал дергать за рукав. Не услышал он и криков «ура», когда бойцы поднялись в контратаку...

На этот раз Коккосалми взяли. После боя в натопленных избах кипели самовары и возле них бойцы писали домой радостные письма: Коккосалми взяли, скоро войне конец!

Миша собирался написать три письма. Вместо него его отцу писал Рийко. Рядом с ним сидел Михаил Петрович, пытался помочь, но не так легко было найти слова...

На реке Софьянге был новый бой. Позиции у белых здесь были еще выгоднее, чем в Коккосалми. Линия фронта проходила по бурному порогу и ниже его, по еще не замерзшей полностью реке.

Правда, после взятия Коккосалми красные наступали не только через Софьянгу. Часть их переправилась через озеро Туоппаярви, чтобы ударить по белым с тыла. Предугадав этот маневр, Янне Лиэху отправил одну роту к Туоппаярви. Оттуда уже давно послали связного с донесением об обстановке, но тот почему-то не прибыл. Не дождавшись связного, Лиэху послал к Туоппаярви трех разведчиков, которые должны были вернуться через два часа. Но они не вернулись. Тогда Лиэху передал командование своему заместителю и, встав на лыжи, решил сам выяснить, что же там на озере произошло. На берегу озера он обнаружил брошенные позиции. Следы лыж вели на запад.

«Этого Васселея надо было все-таки расстрелять!» — выругавшись, Лиэху повернул обратно к Софьянге.

Но Васселей тут был ни при чем. Он даже не был командиром роты, хотя Лиэху и велел взять на себя

командование. Он предпочел остаться рядовым. Рота уже успела окопаться на берегу озера, когда наблюдатель заметил отряд красных, шедший на лыжах через озеро. Новый командир роты запретил открывать огонь, прежде чем красные не подойдут на близкое расстояние. Но красные и не думали подходить к их позициям, они спокойненько проследовали мимо, углубляясь все дальше в тыл белых войск.

Васселей устало и безразлично смотрел, как люди в белых маскхалатах скользили мимо них на лыжах.

— Доложите командиру батальона, что рота сменила позиции,— велел командир роты связному.— Пошли, ребята.

— Чего ему докладывать? Знает он и так...— ответил связной.

Рота уходила все дальше в лес. Командир вел ее не к берегу озера, где судя по обстановке она должна была занять новые позиции, чтобы преградить путь красным, а все дальше на запад.

— Куда он нас ведет? — спросил Кириля, шедший следом за Васселеем.

— Куда надо, туда и ведет.

Они вышли к деревушке Тийро.

Расположенная почти на самой границе деревушка Тийро была такой маленькой, что не значилась даже на карте. Да и мало кто слышал о ней. Но теперь, в феврале 1922 года, ей суждено было стать известной, ибо на подступах к ней завязалось последнее сражение этой войны.

Территориально Тийро входила в район действия Севернокарельского полка, но собравшиеся в ней мятежники были в основном солдатами «Полка лесных партизан», четвертого финского батальона и отдельного Ребольского батальона.

Банька, в которой расположились Васселей и Кириля, была, видимо, самой захудалой в деревне. Но они обрадовались и ей: почти вся их рота ночевала возле костров под открытым небом.

— Народ-то здесь собрался пестрый. Интересно, какой полк тут составляет главную силу? — спросил Кириля у Васселея, топившего баньку.

— Такие вещи положено знать,— ответил Васселей.— Какова деревня, таково и войско. Теперь мы славная освободительная армия геройской деревни Тийро.

— Брось ты свои шутки. Кому же мы теперь будем подчиняться?

— Кому? Если живым отсюда выберешься, бабе своей будешь подчинен. Она у тебя не в Финляндии? Ну, еще того станешь слушаться, у кого будешь работу да хлеб просить.

— Пойду узнаю,— решил Кириля.— С тобой серьезно не потолкуешь.

Густой едкий дым стелился так низко, что Васселею пришлось лечь на пол бани. Он лежал и смотрел на пляску огня в черной каменке, и на душе вдруг стало спокойнее, вспомнилось что-то далекое, дорогое до слез. Давно это было. Тогда он был еще мальчишкой и знал лишь отца да мать, старшего брата Олексея и только что родившегося Рийко. Его послали в баню добавить дров в каменку. Сначала он положил сухих сосновых поленьев, оставив напоследок березовые дрова. Потом лежал вот так же на полу и глядел на огонь. А потом его позвала в избу мать.

И вот он опять лежит и глядит на огонь. Только мать не зовет его.

Васселею показалось, что с того далекого дня в его жизни были сплошные, нескончаемые сумерки. Нет, впрочем, однажды проглянуло и солнце и осветило красивые косы Анни. И еще было... Останется ли жив Рийко? Хоть бы остался, был бы опорой отцу и матери на старости лет.

Васселей чувствовал себя таким усталым и старым, словно вся его жизнь прошла и ничего больше его уже не ожидало. Старик в тридцать шесть лет...

В низкую дверь вошел, согнувшись Кириля.

— А война тут будет большая! — сообщил он.— Роты занимают оборону. Ждут красных.

— Они-то придут...

— Говорят, биться будем до последнего. Такой приказ.

— Ну, ну, рассказывай. Такие вещи я слушаю с превеликой охотой.

— А когда уйдем за границу, надо всем держаться вместе. Нас будут готовить к новой войне. Слышишь?

— Слышу. Новсcти ты принес просто отменные. Аж хочется пуститься в пляс. Уж не ты ли останешься тем последним, которого будут готовить к новой войне?

Прибежал связной и передал приказ — роте построиться.

Дрожа от холода в тонкой шинели, перед выстро-

ившейся ротой выступил с речью финский офицер.

— Мы знаем, что за время этой героической войны вы устали, но...

Других слов сочувствия у него не нашлось. Затем посыпались упреки и угрозы. В то время как солдаты больше всего должны проявить мужество и стойкость, эта рота покрыла себя бесчестьем и позорит славную освободительную армию Карелии. К величайшему стыду, нужно признать, что подобное случается и в других подразделениях. В Вуоккиниеми шесть солдат расстреляны за трусость. Это должно быть уроком другим. Надо было бы, конечно, расстрелять много больше. Во имя сохранения чести армии следовало бы разоружить и эту роту, половину расстрелять, а оставшихся заставить кровью смыть свой позор. Но командование на этот раз простило солдат. Теперь они имеют возможность искупить свою вину в бою. Это будет последний бой на карельской земле, и биться надо до последней капли крови...

Пока копали окопы в глубоком снегу, мороз не чувствовался. Наоборот, даже пот прошиб. Но зато когда окопались и заняли позиции, стужа показалась невыносимой.

Перестрелка в деревне то усиливалась, то затихала, порой доносились пулеметные очереди. Потом стрельба стала отдаляться куда-то на запад. Сидевшие в окопах забеспокоились, как бы им одним не пришлось отбивать атаку красных. Командир роты подозвал Васселея и велел ему, отобрав группу солдат, сходить в штаб и выяснить обстановку.

— Так точно,— ответил Васселей.— Мы скажем там, что уходим с позиций.

— Нет, этого они нам не разрешат.

— Мы у них не будем спрашивать разрешения. Лишь доложим, что уходим. И все.

Желающих идти с Васселеем сообщать начальству, что рота покидает позиции, было много. Васселей отобрал пятнадцать человек. Кириля, правда, беспокоился. «Стоит ли ходить докладывать? Вдруг расстреляют? Давайте уйдем, и все»,— предлагал он.

Капитана Куйсму, командовавшего обороной Тийро, Васселей знал с восемнадцатого года, когда тот, сменив подполковника Малма, встал во главе вторгнувшегося в Карелию экспедиционного отряда белофиннов. Да, незавидная судьба у этого капитана. Одни командуют наступлением, а как бежать, так командиром ставят его.

Васселей отправился разыскивать капитана. Они шли по дороге, ведущей в Финляндию. Вдруг путь им преградили солдаты, залегшие цепью поперек дороги:

— Назад! Или откроем огонь!

— Не откроете! — спокойно сказал Васселей, ведя свою группу прямо на заслон.— Нам нужен капитан Куйсма. Где он?

— Пароль?

— Идите к черту со своим паролем. Какого дьявола вы тут в тылу воюете? Ступайте на передовую.

Васселей говорил столь повелительным тоном, что командир заслона принял его за какую-то шишку из высшего начальства. Группу пропустили.

Капитана Куйсму нашли в палатке, установленной в стороне от дороги.

— Ба, старый знакомый! — Капитан отложил донесение, которое читал, и протянул Васселею руку.

— Господин капитан! — сказал Васселей.— От имени третьей роты первого батальона Северного полка мы имеем честь поставить вас в известность о том, что рота уходит с позиций на правом фланге.

— Значит, вы имеете честь дать стрекача?

— Через пять минут после нашего возвращения на позиции на правом фланге никого не останется.

— Ох и торопитесь вы сесть на шею финского народа! Будет же с вами мороки...

— Господин капитан,— заметил Васселей,— от нас мороки будет куда меньше, чем от вас карелам. Мы не задержимся на позициях ни секунды!

Палатка была низкая, и когда капитан вскочил, он напомнил боксера, пригнувшегося для нанесения удара противнику.

— Давайте винтовку! Немедленно!

Рука капитана потянулась к маузеру.

— Ребята, требуются винтовки! — крикнул Васселей.

В прорезь палатки просунулось тотчас несколько стволов, и капитан снял руку с кобуры.

— Убирайтесь к дьяволу!

Но тут на правом фланге началась перестрелка, и Васселей поспешно повел свою группу обратно.

— Зачем нам туда идти? — проворчал кто-то.

— Они нас ждут,— резко ответил Васселей.— И мы их не оставим.

До окопов они дойти не успели. Вся рота, сбившись

беспорядочной толпой, шла им навстречу. Финские солдаты, оцепившие дорогу, попытались остановить отступающих. Тогда рота открыла огонь, правда не в солдат, а поверху. Торопливо скользя на лыжах по дороге и по обе стороны от нее, отступающие прошли через заслон. Им приказывали остановиться, но в ответ неслось:

— Хватит с нас!

— Воюйте сами!

— Черт с ней, с этой деревушкой. Если всю Карелию потеряли, так пусть и Тийро пропадает.

Так они оставили последнюю карельскую деревню. Впереди их ждала чужая земля, чужая жизнь.

Светила луна. На затвердевшем от метелей и морозов снегу чернели причудливые тени. Над лыжней свешивались под тяжестью снега ветви деревьев. Васселей сошел с лыжни и присел на поваленное бурей дерево.

Дальше он не пойдет. То, что недавно еще словно тлело в его душе подобно смутному желанию, стало теперь твердым и ясным решением.

— Ты чего сидишь? — остановился возле него Кириля.— Все уходят.

— Пусть уходят. Что мне делать там, на чужой земле?

— Ты с ума сошел! Да красные тебя убьют сразу. Ты знаешь, кто мы...

— Пусть убивают. Я останусь. Хоть умру на своей земле.

— А как же я?

Мимо них поспешно проходили отставшие солдаты. Кто-то промчался на лошади. Со стороны границы к ним на лыжах приближался человек. Это был Паавола.

— Меня послали за вами. Какого черта вы тут копаетесь?

— А ну-ка убирайся отсюда! — Васселей вскочил и рявкнул: — Чтоб духу твоего в Карелии не было!

— Вот как?— Паавола схватился за винтовку.— Сейчас мы с тобой поговорим по-другому. Считаю до трех. Раз!

— Ты уберешься или нет? Свиная харя!

— Два...

Васселей вскинул винтовку, щелкнул затвором и выстрелил первым:

— И три. Это от меня.

Выстрелил второй раз:

— Это от Карелии. Еще?

Пааволе хватило двух выстрелов.

Кириля чуть не плакал.

— Что ты наделал? Теперь тебе ходу ни туда ни сюда. Куда же ты теперь?

— Куда? Да хоть в землю. В свою...

— Не послушался ты моего совета. Ну и человек! — Взглянув на опустевшую дорогу, Кириля заторопился: — Я пошел. Прощай...

— Иди! — крикнул Васселей ему вслед.— Эй, возьми с собой эту свинью. Может, очухается, хозяином тебе будет.

Но Кириля даже не оглянулся.

Васселей остался один. Вокруг высился хмурый лес, в котором все еще раздавались отдельные выстрелы.

Дальше он не сделает ни шагу. Скоро подойдут красные. Пусть берут в плен, пусть расстреливают. Он ничего скрывать не будет. Может быть, Анни и мать узнают, что он умер на своей земле и похоронен в ней. Похоронен без креста, может, даже могилы не останется. Но все-таки он будет лежать в своей земле, в карельской...

Васселей поглядел на винтовку. Да, сколько человек погибло от его руки. Но только о двух последних выстрелах он не жалел. Отец говорил: «Выбрось ты ее...» Васселей поднялся и швырнул винтовку в снег. Слышно было, как она стукнулась о дерево. С вершины посыпался снег.

С дороги донесся скрип лыж. Идут! Васселей и не думал прятаться. Пусть берут его. Сопротивляться он не будет, да и оружия-то у него нет. Чтобы его заметили, он зажег папиросу.

— Эй, кто там сидит?

«Что за наваждение? Голос вроде как Мийтрея».

Васселей был готов ко всему, но умирать от руки Мийтрея он не хотел.

Васселей встал и спросил:

— А ты кто?

— Я прапорщик освободительной армии. Вы что, собираетесь сдаться в плен? Идите сюда! Что-о? Васселей?!

«Мийтрей — прапорщик белой армии?!» Васселея охватило бешенство. В какую-то долю секунды перед ним пронеслось все, что было. Не помня себя от гнева, он выхватил нож и, проваливаясь в глубоком снегу, бросился к Мийтрею.

Мийтрей ждал его с револьвером в руке.

Раздался выстрел, другой, третий. Как всегда, Мийтрей выстрелил трижды. Бил не торопясь, наверняка.

Васселей остановился. На мгновение замер, словно раздумывая, упасть ему или нет, потом медленно-медленно стал опускаться, словно выбирая место, куда удобней лечь.

Примешь ли меня, земля карельская?

Облачком взметнулся сухой снег, неслышно осыпаясь на тело Васселея.

Глава шестая

НА КОРДОНЕ

Время приближалось к полуночи, когда Рийко въехал в Кесяярви. Деревня уже спала, только в избушке Липкина, у которого Рийко собирался переночевать, горел свет.

Липкин немного удивился, увидев Рийко в новенькой, облегающей его тонкую талию командирской шинели. Шла демобилизация, многие уже разъехались по домам. А Рийко, оказывается, получил повышение: его назначили начальником заставы на границе, и он направлялся на место службы. Правда, его обещали демобилизовать сразу, как найдут подходящую замену.

Поспать Рийко так и не пришлось. У них с Липкиным было о чем поговорить, что вспомнить. Они перебрали всех знакомых, кто остался в живых, кто погиб и где похоронен. Так проговорили до самого утра.

Как только развиднелось, Рийко отправился дальше. Липкин дал ему хорошую лошадь и послал кучером своего соседа, Матвея Микунена. Уступил он Рийко и свой дорожный тулуп: хоть шинель и новая, а ехать все же в ней холодно. Правда, январь в этом году выдался не такой морозный, как в прошлом, двадцать втором. Но зима есть зима.

Устроившись на санях и укутавшись в тулуп, Рийко задремал. Матвей Микунен что-то рассказывал. Он невпопад кивал головой, а вскоре захрапел.

Выглянуло солнце, начало подниматься, но потом словно раздумало и снова спряталось за лесом.

Рийко и Матвей остановились в маленькой деревушке, чтобы покормить лошадь и самим согреться и перекусить.

Увидев Рийко, хозяйка дома, толстая кругленькая бабка, всплеснула руками и запричитала:

— А-вой-вой! Опять? Да когда ты, господи, дашь нам

покой? Неужто ты, боже наш, конец света устроишь или по одному нас, грешных, убивать собираешься? Неужто мы еще мало беды да горя видели? Неужто слез людских да крови человеческой мало пролито? Господи...

Рийко растерялся, не понимая, что плохого он сделал хозяйке.

— Я пойду в другой дом...— пробормотал он.

— Да иди ты хоть в другой, в третий,— продолжала старуха.— А беду одну ты несешь всюду. Летом небось помнишь, чего сулил? Мир, говорил, теперь будет. Так вот они, твои посулы да твой мир. Опять на войну собрался, опять пришел мужиков забирать. А брать-то уже некого. Кого возьмешь, а? Уж и сон мне снился, будто...

Наконец Рийко понял. Летом он приезжал сюда, выступал с докладом: после разгрома белобандитов повсюду, даже в самых отдаленных деревнях, развернулась широкая агитационная работа. Докладчиков, владеющих карельским языком, не хватало, поэтому привлекали и военных. Именно в этой деревушке он заверил своих слушателей, что скоро тоже снимет военную форму, демобилизуется. А приехал теперь в командирской шинели, с огромным маузером на боку, весь в ремнях да портупеях.

— Хозяюшка, милая... Я же не на войну иду и никого забирать не собираюсь. Я на границу еду, чтобы охранять ее.

Хозяйка оглядела еще раз шинель Рийко, его ремни, маузер в деревянной кобуре.

— Врешь ведь? Перекрестись, что войны не будет. Ну!

— Хоть в бога я не верую, а в том, что войны не будет, могу побожиться.

Чтобы удостовериться в его словах, бабка сходила на улицу и спросила на всякий случай у Матвея, кормившего лошадь, не врет ли Рийко.

— Спустить бы с тебя портки да ремешком постегать, чтобы не пугал тут честной народ. Ишь разрядился! — ворчала хозяйка, вернувшись в избу.— Лезь на печь, грейся. Сейчас самовар поставлю.

В Совтуниеми приехали за полночь. Здесь Рийко должен был встретиться с Евсеем Павловым и Нифантьевым, которых по его просьбе направили служить на его заставу. Евсею, правда, хотелось домой, но что поделаешь, все по дому истосковались. Лишь в одной избе горел чуть заметный огонек. Возле крыльца стояли с поднятыми вверх оглоблями сани, на которых при свете луны можно было разглядеть прикрытый мешковиной пулемет.

По очертаниям Рийко узнал «максим». В санях были также ящики с патронами, мешки с мукой. «Раззявы!» — нахмурился Рийко, подойдя к саням.

— Руки вверх!

Позади стоял Нифантьев. Он был без шинели и без винтовки.

— Пока ты бежал из избы, я успел бы открыть огонь из твоего пулемета,— ворчал Рийко.

— Попробуй. Давай открывай огонь,— Нифантьев сбросил мешковину с пулемета. Рийко приподнял крышку и обнаружил, что в пулемете нет замка.— Он у нас в избе. Мы у окна караулим. По очереди,— успокоил Нифантьев.

— Из окна! — усмехнулся Рийко.— А ты знаешь, что это за деревня? Здесь начался мятеж.

— Знаю. Больше не начнется.

— А где Евсей?

— Спит.

— Ну ладно. Беги в избу. А то простудишься.

Изба была тесная, без горницы. Нифантьев про себя удивлялся, почему Рийко выбрал именно этот дом для их встречи. Неужели в Совтуниеми не нашлось более просторной избы, чем эта развалюха Приваловых.

Рийко попрощался с Матвеем, который решил заночевать у своих дальних родственников.

— Спасибо,— Рийко крепко пожал руку.— Передай Липкину привет. И возьми его тулуп.

— Ну что ж, как говорится, да будет с вами бог,— пожелал Матвей.

В избе Рийко ждали. Самовар стоял уже на столе, а возле него сидела молодая девушка, дочь хозяев дома.

— Здравствуй, Вера.

— Здравствуй, Рийко.

Фитиль лампы был повернут так, чтобы свет не мешал спавшим на кровати родителям Веры. Это было кстати и потому, что теперь Рийко не видел, как сильно девушка покраснела.

— Приехал, Рийко?

— Приехал, Вера.

Они молчали, словно не зная, о чем говорить. Нифантьев догадался, что скрывается за этим молчанием, и осторожно спросил:

— Мне дежурить или как?

— Ложись спать. Я подежурю,— ответил Рийко.— Вместе с Верой. Так ведь, Вера?

— Загалдели тут. Спать не дают,— заворчал Евсей, устроившийся на лежанке.

— Спи, спи,— успокоил его Рийко, усмехнувшись. Он понимал Евсея: наверно, тоже не прочь был бы подежурить с Верой, может быть и пытался, да ничего не вышло, очень уж голос у Евсея обиженный. Рийко забыл, что прошлую ночь он совсем не спал и как его всю дорогу клонило ко сну.

Нифантьев залез на печку. Рийко и Вера остались у окна сторожить сани. Они сидели, перешептывались и, наверно, не столько смотрели на сани, сколько друг на друга. Караулить пулемет предоставили одинокому месяцу, под которым плыли легкие, словно съежившиеся от стужи облака.

Пограничная застава находилась на возвышенности за рекой. Со стороны она была почти незаметна, и, лишь подойдя к ней вплотную, посторонний человек мог увидеть среди леса утопавшую в снегу низкую избушку. От избушки уходили три лыжни — одна вдоль границы на север, другая на юг, третья вела к наблюдательному пункту, сооруженному на высокой сосне.

На другом берегу, почти у самой границы, стояла деревенька в несколько изб. Занесенная снегом, словно пребывающая в зимней спячке, она казалась вымершей. По утрам над тремя избами курились дымки, в окошках светились слабые огоньки, от дворов шли следы к прорубям. Остальные две избы смотрели черными проемами выбитых окон, и возле них не было видно ничьих следов.

Короткие промежутки светлого времени между утренней и вечерней темнотой были заполнены той же метелью и снегом, что и долгие ночи. Железная печка в избушке была раскалена докрасна, но поодаль от нее без шинели было холодно. На столе тускло горела керосиновая лампа.

Рийко был встревожен. В восемь вечера вернулся с обхода южный дозор. Ничего подозрительного они не обнаружили. Ребята так устали, что поужинав, сразу завалились спать. Северный дозор обычно возвращался на час позже. Но в девять он не пришел. Не пришел и в десять. Рийко уже несколько раз выходил во двор послушать, звонил через каждые полчаса на вышку. Наблюдатель отвечал, что пока ничего не видно и не слышно. Видеть, конечно, в такой тьме невозможно, а слышно лишь то, что происходит поблизости. Все, что случается в глубине леса, остается тайной, сокрытой дремучей тайгой.

Если даже и случилось бы какое-то ЧП, то надеяться на помощь соседних застав бессмысленно: слишком далеко они расположены, да и людей на них раз-два и обчелся. При осмотре контрольной лыжни дозоры нередко обнаруживали следы чьих-то лыж. То они вели к границе, то от границы. Но захватить нарушителей пока не удавалось.

Неделю назад один из пограничников с соседнего кордона пошел преследовать нарушителя и как в воду канул. Поисковая группа, застигнутая пургой, заблудилась в лесу и вернулась лишь через сутки. Слава богу, хоть сами живы.

В двенадцать с вышки позвонили, что с северной лыжни слышен скрип лыж. Скоро из пурги вынырнуло четыре фигуры. В дозор ушли трое. Значит, взяли нарушителя.

— Товарищ начальник, задержали нарушителя государственной границы,— доложил Павлов, старший дозора.— Пришла из Финляндии.

Нарушитель оказался пожилой женщиной с кошелем за плечами. Она заговорила по-карельски.

— Век свой хожу в гости к сестре. И она ко мне ходит. И никогда нам не было дела до того, где граница и зачем она. Ох, дожили мы... Ну и времена настали...

Рийко осмотрел кошель. В нем были баранки, мешочек соли и пачка чая.

— А ты кто такая?

— Да я вон из той деревни. Татьяной меня зовут. Спроси у людей. Они знают меня.

— А ты разве не знаешь, что граница закрыта? На собрании об этом вам объявили.

— Есть у меня время сидеть на ваших собраниях,— проворчала Татьяна.

Рийко вернул ей кошель и, записав фамилию, отпустил.

— Но чтобы это было в последний раз,— предупредил он.— Если еще попадешься, пеняй на себя. Плохо тебе будет. Иди домой. Поди, ждут тебя.

— Некому там ждать. Одни тараканы за печкой сидят,— ответила старушка и, не попрощавшись, вышла.

— Евсей, уж не эта ли твоя красавица? — начали подтрунивать ребята над Павловым.— Чего же ты отпустил свою фею? Хоть бы обнял!..

— Обнимайте эту старую каргу сами! — огрызнулся Евсей.— Торопитесь, а то убежит.

— За эту вашу фею я вам еще задам взбучку! — пригрозил Рийко. — Всем спать. Отбой!

Но Евсей уже разошелся:

— Зачем ты ее отпустил? Мы часа четыре гнались за ней, пока догнали. А ты ей — иди домой. В следующий раз я за бабами гоняться не буду. Если надо, лови их сам. А по мне, пусть идут хоть к черту. И вот что я тебе скажу, товарищ начальник: если меня не демобилизуют, то я сбегу. Осточертело уже.

— Хочешь под суд?

— Я бы им сказал — потаскайте с мое винтовку, повоюйте пять лет подряд, из них два года в этом котле, поштурмуйте всякие Келлосалми, Коккосалми и прочие салми, их тут до дьявола, а потом послужите на границе...

Рийко не стал спорить с Павловым, но решил про себя, что действительно надо ходатайствовать о демобилизации Евсея. Парень устал и очень тоскует по дому.

— Ложись спать! — приказал Рийко.

Сам он долго не мог заснуть. Как там Вера? Где же невестки Анни и Иро с детишками? Павлов уже пять лет своих не видел. Затоскуешь тут... Нифантьев на наблюдательном пункте, наверно, замерз... И снова который раз вспомнил, как он съездил в Тахкониеми, увидел родной дом пустым и заброшенным, совсем загрустил. Сходил на могилу матери. Окахвиэ рассказала, как она нашла Маланиэ мертвой на холодной печи с охранной грамотой красных на груди. Потом мысли перешли к женщине, задержанной на границе. Как этим старухам внушить, что граница теперь закрыта? Фея... Что же это за фея? Очень уж тепло, с нежностью ребята рассказывают о ней. Вряд ли она действовала бы так открыто, если бы переходила границу по чьему-нибудь заданию. Скорее всего, просто озорство взбалмошной девчонки.

Впервые «фея» появилась чуть ли не в первую неделю службы Рийко здесь. Ребята шли с обхода. Вдруг с той стороны выбежал испуганный чем-то олень с упряжкой и устремился прямо в чащу. Нарты ударились о дерево, сидевшая в них девчонка вывалилась в снег. Олень умчался обратно за границу, а девчонка осталась сидеть в снегу, потирая ушибленное колено. Пограничники бросились к ней на помощь. Она вытерла белыми варежками слезы с глаз и начала на ломаном русском языке ругать своего оленя. Говорила, что сама вырастила его, всегда

с рук кормила, и он оказался таким нехорошим. Ребята рассказывали, что девчонка очень интересная. Они назвали ее «феей». Посоветовавшись, решили не вести ее на заставу. Границу «фея» нарушила не по своей воле. Чего ее допрашивать. Вся загвоздка была в том, как ей добраться до дому. Снег глубокий, такая птичка-невеличка с головой утонет. Тогда Евсей по-рыцарски предложил свои лыжи. Девчонка обещала вернуть их, хотя ребята категорически запретили это.

Вернувшись на заставу, они доложили все, как было, начальнику. Рийко формы ради пожурил ребят за то, что отпустили ее, даже не установив, кто она и откуда, но про себя подумал, что слишком хлопотно было бы возвращать случайного нарушителя границы официальным путем.

На следующий день ребята обнаружили лыжи Евсея воткнутыми в снег около контрольной лыжни. Они даже вздрогнули, когда из-за деревьев выскочила сама «фея». «Навязалась на нашу голову»,— ребята сердито смотрели на девчонку. А она как ни в чем не бывало, смеясь, расстелила на снегу свой платок и стала выкладывать из рюкзака копченую оленину, свиное сало, хлеб.

— Вы должны немедленно уйти,— велел старший по дозору.

Но девчонка сразу стала такой печальной, что ребята уступили и отведали ее угощения. Она весело смеялась и говорила не переставая. Рассказала, что зовут ее Кертту, что дом их стоит почти у самой границы, в нескольких сотнях метров от контрольной лыжни, по которой ходит дозор. Что все эти места ею исхожены вдоль и поперек. Раньше тут не знали никакой границы. Вот там, на склоне горы, хороший черничник. А вот, совсем рядом, хороший ягельник, где она в детстве играла с оленями. Ребята с сочувствием слушали ее. Конечно, печально, что Кертту не может больше свободно ходить по тропам своего детства, но граница на замке, и тут ничего не поделаешь — она должна вернуться на свою сторону и больше не приходить сюда. «Фея» огорчилась, попросила не гнать ее до наступления темноты, потому что ей не хочется попадаться финским пограничникам.

— А как же ты сюда прошла?

Девчонка рассмеялась.

— Вы не знаете финнов... Увидит меня солдат,— сперва жвачку переложит языком за другую щеку, потом поскребет затылок, потом почешет спину...

Она так живо описала медлительность финских пограничников, что ребята до слез смеялись.

Потом «фея» вскочила на лыжи.

— Догоняйте! Кто догонит, тот получит меня. Как в сказках.

Но где ребятам было догнать ее.

Несколько дней «феи» не было видно. Потом она появилась по ту сторону границы. Помахала пограничникам, подъехала к контрольной лыжне и, звонко смеясь, умчалась обратно. Что с ней поделаешь, с озорницей. Не стрелять же... А если броситься догонять ее, то смеху не оберешься. Поймать не поймаешь, а смеяться будут по обе стороны границы.

«С шалостями этой девчонки надо покончить,— решил Рийко.— Но как?»

Шли дни. «Фея» не показывалась, и Рийко забыл о ней. Настали новые заботы. Пропал Евсей. Как-то вечером, вернувшись с вышки, Рийко заметил, что Павлова нет. Ребята сказали, что он взял лыжи и пошел прогуляться. Ничего странного в этом не было. В часы отдыха ребята ходили кататься на лыжах с близлежащих горушек, иногда охотились на тетеревов. Но Евсей не возвращался подозрительно долго. Рийко забеспокоился. Подходило время заступать Павлову в наряд, а его все не было. Начиналась пурга. Пришлось объявить тревогу и отправить ребят на поиски пропавшего бойца. Искали несколько дней, но так и не нашли.

Тогда Рийко решил сам отправиться на поиски Павлова.

Однажды утром он надел старую, потрепанную шинель, такую же поношенную буденовку, выбрал залатанные валенки и, передав Нифантьеву командование, неторопливо пошел к деревне.

Утро было морозное, желтое февральское солнце светило сзади, и впереди Рийко по лыжне шла неуклюжая тень. Со стороны можно было подумать, что он плохо ходит на лыжах. Он медленно приближался к деревне, в окошках которой пылали отблески солнца, словно в избах занимался пожар. Морозная дымка рассеивалась, и снег заблестел так, что больно было глазам. Рийко вдыхал опьяняющий морозный воздух, и ему хотелось бежать по насту так, чтобы дух захватывало. Но он по-прежнему плелся, неуклюже переставляя лыжи. Курить ему не хотелось, но он остановился и долго раску-

ривал цигарку, в то же время осторожно оглядывая окрестности. Поперхнувшись дымом, закашлялся и, кашляя, успел заметить что-то синее, мелькнувшее в лесу на другом берегу реки.

Впереди река круто сворачивала налево, и было совершенно естественно, что Рийко, шедший все время по прямой, спустился к реке и направился к правому берегу. Он чувствовал, что кто-то следит за ним. Глядя на носки своих лыж, Рийко продолжал идти и вышел к берегу возле мыса, круто спускающегося к реке. Он оглянулся, лишь услышав шуршание снега под лыжами и раздавшийся рядом вскрик. В нескольких шагах от него в сугробе барахталась девушка в синей куртке. Одна лыжа осталась у нее на ноге, а другая пронеслась мимо Рийко и укатилась на реку. Рийко засмеялся. Видя, что девушке не выбраться из сугроба, он подошел к ней. Она схватилась за его плечо и встала на ноги.

— Спасибо,— сказала девушка, все еще держась за плечо Рийко.

«Фея»! Это была она. В ярко-синей вязаной куртке, в серых лыжных брюках, в сбившейся на затылок белой шапочке, уши которой были спереди связаны узлом. Ребята, конечно, преувеличивали, говоря, что она совсем дитя. «Фее» было лет девятнадцать. Правда, на морозе, с раскрасневшимися круглыми щеками, она выглядела моложе своих лет.

— Подожди,— сказал Рийко по-русски и пошел догонять укатившуюся лыжу.

— Я сама,— девушка на одной лыже пронеслась мимо. Вернувшись с реки, она спросила с озорной улыбкой: — Хорошо? — И показала палкой на сверкающие на солнце снега. Ее ярко-синие глаза тоже лучились радостью.

Рийко улыбнулся в ответ. «Фея» сняла варежку и застегнула верхнюю пуговицу на его шинели. Рийко не хотел оставаться в долгу. Он тоже сбросил рукавицу и стал поправлять шапочку на голове девушки. Они стояли почти вплотную. Рука Рийко лежала на ее плече. Он осторожно привлек ее к себе, она послушно прильнула к его груди, но тут же отпрянула и игриво погрозила пальцем.

— Тебе надо уходить,— с сожалением сказал Рийко и показал на финскую сторону.

— Не гони меня,— попросила она.

Рийко заколебался.

— Спирт хочешь? — шепотом спросила девушка.

— Спирт? Где?

— Ты меня не выдашь? Обещай.

— Обещаю. Я принесу сахару, консервов. Где есть спирт?

— Вечером приходи в деревню. В Татьянин дом. Он стоит в стороне. Знаешь? Ни у кого ничего не спрашивай. Приди со стороны леса. Хорошо?

— Тебя как зовут? — спросил он.

— Кертту. А тебя?

— Иваном,— ответил Рийко.

— Смотри, чтобы ваш начальник не узнал про спирт. А то он у вас, говорят, хитрый карел.

«Фея» быстро взбежала на горушку и помахала оттуда рукой.

...Татьянин дом стоял в полверсте от деревни. К нему вели две лыжни, одна из деревни, другая со стороны леса. Когда Рийко подошел к избе, в окошке было темно. Но его наметанный глаз сразу заметил, что окно занавешено чем-то плотным, видимо, одеялом, сквозь которое пробивается синеватый свет.

Попытавшись найти в темных сенях дверь, Рийко услышал, что кто-то в избе идет открывать ему. Это была Кертту. В избе тепло, на углу камелька горела керосиновая лампа без стекла.

Так вот оно какое, твое гнездышко, «фея»!

А девушка в длинном пальто, наброшенном на плечи, с распущенными волосами, улыбалась парню, помогая снять ему шинель.

— А ты почему в пальто? — удивился он.

Она сбросила пальто. На ней была лишь ночная рубашка. Рийко решил, что в его роль входит обнять ее, но она выскользнула из-под его рук и села за стол.

— Садись сюда.

На столе стояла бутылка с какой-то прозрачной жидкостью, две чашки, нарезанное ломтиками сало, печенье. Входя в роль бывалого гуляки, Рийко сел за стол.

Кертту налила ему чашку спирта.

— А себе?

— Не бойся — не отравлю. Какие вы недоверчивые... Всего боитесь,— засмеялась девушка, залпом выпила спирт и, запив его водой, снова наполнила чашку.— Пей.

— Успею. А где же твоя Татьяна?

— Пошла в деревню. Не бойся — она не выдаст. Она сестра моей покойной мамы.

— Так ты карелка?

— Да, по матери. Отец у меня был финн. Ну, пей. Остальное возьмешь с собой.

Рийко выпил и обнял девушку. Она прильнула к нему, но тут же встала.

— Ты раздевайся и ложись. Я сейчас приду.

Оставшись один, Рийко подошел к кровати. Сунул руку под подушку, потом под матрац. Под периной оказался браунинг. Он сдернул простыню. Перина вся была в пятнах крови.

— Можно? — спросила Кертту из сеней.— А то мне холодно.

— Входи.

Увидев, что простыня сдернута, девушка метнулась к кровати, сунула руку под перину и, вскрикнув, бросилась в ярости на Рийко. В руке у нее сверкнул финский нож.

Рийко перехватил ее занесенную руку, отобрал нож.

— Садитесь! — приказал он по-фински и сдернул с окна одеяло. Это был сигнал своим.

Когда пришли Нифантьев и два бойца, Рийко велел осмотреть весь дом.

Искаженное злобой лицо уже не напоминало лицо ребенка. Дрожащими руками она налила в чашку спирта и залпом выпила.

— Дайте мне папиросу,— попросила девушка. Закурив, тотчас отшвырнула ее.— Тьфу, противные. Все у вас противное! Ну, спрашивайте. А то мне некогда.

Бойцы обыскали весь дом, но ничего не нашли.

— Где Павлов?

— В проруби! — выкрикнула девушка.— Жаль, что вы спаслись.

— Одевайтесь,— Рийко бросил девушке пальто.

Но она возвела глаза к потолку и сказала отрешенным голосом:

— В таком виде я служила господу, и такой я предстану перед ним.

— Она что, помешанная? — спросил Нифантьев.

— Фанатичка,— ответил Рийко.— Одевайтесь. А то нам придется вести вас в таком виде. А там мороз.

— Убивайте тут! — заявила девушка, но стала одеваться.

— Вас зовут Кертту? — спросил Рийко.

— Для вас я Кертту. Перед богом я Импи[1] Мухтонен.

— Мухтонен? Вы не дочь оленьего короля? — Рийко слышал это имя.

— Да, я дочь человека, геройски павшего за свободу Карелии. Моя мать тоже погибла под Коккосалми. Я мщу за них.

— Импи? Имя вам дали неподходящее.

— Меня зовут Импи, и я умру достойной этого имени. Воистину, я явлюсь к избраннику моему Иисусу Христу чистой и непорочной.

...Все чаще выглядывало солнце. С крыши заставы свисали длинные хрустальные сосульки. Дни стали светлее.

После гибели Павлова ребята сильно переменились, стали подтянуты, строже к себе, они более тщательно чистили оружие, более бдительно несли службу. Заучивали положения устава, понимая, что это нужно не для того, чтобы ответить командиру, если тот спросит, а для несения службы по охране мира и безопасности своей страны.

Дни, когда приходила почта, были как праздники. Рийко получал письма от Веры. Иногда их оказывалось сразу несколько. Вера ходила в кружок ликбеза, и Рийко наряду со школьным учителем, руководившим этим кружком, мог следить за успехами девушки.

Пришло Рийко письмо и от Михаила Петровича. Он писал с Урала, из дома. Узнав о судьбе семьи Рийко, Михаил Петрович не мог простить себе того, что не посоветовал Маланиэ с невестками и внучатами спрятаться куда-нибудь на то время, пока не пройдут белые. Далее он писал: *«У нас начинается весна. Сколько лет я уже не пахал. Не разучился ли? Конечно, пахать теперь надо по-новому, да и техникой бы надо обзавестись, но пока приводим в порядок старые плуги. Часто думаю о Карелии. Скучаю. Да, наверно, я стал немножко карелом. Что ни говори, а столько лет воевал у вас. А ты, значит, на границе? Молодец! Теперь, конечно, совсем не то, что было тогда, помнишь? Как там Евсей наш? Передай ему привет от меня. Остепенился или еще за девушками бегает? У нас тихо. Ходим на охоту. Птицу ловим...»*

«Да, мы тут тоже птичек ловим», — подумал Рийко и вздохнул.

[1] Импи — девственница.

ПОЛПРЕД КАРЕЛИИ

Липкина часто не бывало дома, и получать заказные письма на его имя приходилось Ёвкениэ. Ей вручали под расписку даже пакеты под сургучной печатью. Такие письма она особенно не любила, потому что каждый раз Оссиппа должен был куда-то ехать, срочно проводить какое-то собрание или сидеть всю ночь над бумагами.

Вот опять пришел посыльный, да не простой, а в военной форме, и велел расписаться за письмо с сургучной печатью. Письмо было небольшое, но горя и хлопот может принести много. Ёвкениэ вздохнула и спрятала письмо в комод под белье. Не дай бог, еще попадет детям на глаза. Утащат куда-нибудь, что и с огнем не сыщешь, или порвут. Ума-то у них...

Дни стали уже длиннее, чем ночи, с крыши падали прозрачные, как слезы, капли, а к вечеру вырастали сверкающие в лучах заходящего солнца золотистые сосульки.

Оссиппа должен был приехать утром, а вернулся только поздно вечером. Усталый, молчаливый, он сидел, уставясь в одну точку.

— Что с тобой? — спросила жена.

— Опять человека чуть не убили. Знаешь Никутьева? В милиции работал, потом ушел по болезни, поступил в сплавную контору, вербовщиком был. Чем-то тяжелым стукнули да в болото бросили. Пока жив, в больницу увезли.

— Кто же это его?

— Такие сволочи имен и адресов не оставляют. Может быть, Гавкин. Микиттов Мийтрей — так его люди звали. Говорят, он опять где-то тут бродит.

Открылась дверь, и в избу вошла Марфа, жена Матвея Микунена. Откуда бы Оссиппа ни приехал, эта бойкая старушка сразу тут как тут, первая все новости выведает и немедленно разнесет по деревне. Оссиппа посмеивался над болтливой бабкой, но нередко пользовался ее слабостью. Зимой долго не было керосина, народ заволновался. Обещали изо дня в день, что вот-вот привезут, а все не везли. Тогда Липкин и сообщил под большим секретом бабке Марфе, что керосин будет недели через две. И предупредил, чтобы та никому об этом ни слова. Деревня сразу притихла, но в каждом доме вычищенные лампы стояли наготове. А потом и недели не прошло, как керо-

син действительно привезли. Люди были довольны, и бабка Марфа сияла. Как-то нужно было срочно созвать собрание — и чтобы людей было побольше. Тогда Липкин как бы мимоходом сказал Марфе, что вечером будет важное собрание, пригласят туда лишь самых уважаемых людей, но Марфа, конечно, может прийти с мужем, по знакомству, так сказать. Евкениэ, подмигнув, добавила, что пусть этот разговор останется между ними. Когда открыли собрание, людей было столько, что яблоку некуда было упасть: вся деревня сбежалась.

Увидев Марфу, Оссиппа поднялся, принял беззаботный вид и пригласил старушку к столу.

— Сколько собраний успел провести?— полюбопытствовала она, опорожнив первое блюдце с чаем.

— В трех деревнях.

— А как народ?

— Что народ?

— Насчет войны и новых налогов?

— Какой войны? Каких налогов?

— Да не хитри ты, я все знаю, чую — насчет войны и налогов собрания проводишь...

— Кто о чем, а моя Марфа о своем толкует,— пробасил с порога Матвей Микунен. Он тоже вслед за женой заглянул к соседу.— О войне да о налогах.

— Нет, соседушки,— заверил Липкин.— О мирных делах мы собрания проводим. Скот выделяем, семена, продукты, мануфактуру, все то, что надо народу. Не до войны нам. Хватает и мирных дел.

Дел действительно у Липкина было невпроворот. Жизнь начинала налаживаться, и на собраниях люди слышали от него лишь добрые вести. Осенью недалеко от села начнутся лесозаготовки. Скоро привезут муку и ткани. Крестьянам предоставляются кредиты и безвозмездная помощь для постройки домов, для обзаведения скотом и лошадьми. Надо найти среди молодежи более или менее грамотных парней и девушек и послать их на учебу в техникумы, которые открываются в Петрозаводске. Карелии нужны свои кадры. Нужны учителя, потому что будут открыты новые школы. Нужны врачи — в новые больницы. Инженеры — на заводы и фабрики. Например, на бумажные фабрики. Сам Липкин никогда не видел, как делают бумагу, но читал кое-что об этом и даже рассказывал на собрании. Сперва сказал, что машина, которая делает бумагу, длиной с избу, потом засомневался — не перехватил

ли, и поправился, что если не с избу, то с лодку эта машина обязательно будет. Он сам заметил, что люди ему не поверили, а Матвей Микунен уже не раз расспрашивал его насчет машины, которая делает бумагу из дерева. Усевшись за стол, он спросил и на этот раз:

— А верно ли ты говорил насчет бумаги из дерева? Я вот все думаю и думаю. Я так считаю — не получится, нет таких острых и тонких ножей, чтобы бумагу строгать. Пробовал я. Лучину можно выщепать такую, что пропускает свет, но лучина, она и есть лучина, писать на ней нельзя. А вон газета у тебя лежит. Видишь, какая широкая. Где ты найдешь такое толстое бревно?

В ответ Липкин засмеялся, а потом вынужден был признаться:

— Нет, брат, тут не в ножах дело. Как она получается, бумага-то, сам, брат, не знаю. Толком не обучен этому. Узнаем. Если не сами, так у наших детей спросим.

Марфу мало интересовали машины, которые делают бумагу. Она бубнила свое:

— Говоришь — насчет мира собрания проводишь. А почему военные к тебе заезжают? И сегодня какой-то был?..

— Какой военный? — Липкин взглянул на жену.

— Да,— Ёвкениэ спохватилась.— Письмо тебе. Вот оно.

— Из Совнаркома,— сказал Липкин, взглянув на конверт, и начал вскрывать письмо.— Мда, дела! Какое сегодня число? Послезавтра надо ехать.

— Куда опять? — Ёвкениэ ахнула.

— В Москву Гюллинг вызывает. Он сейчас там.

— Надолго?

— Предлагают сдать дела, провести перевыборы.

— Ты что, сам отпросился от нас? — Матвей смотрел на него с подозрением.

— Куда я от вас отпрошусь? Сколько лет вместе! Привык. Верь мне, сам не знаю, куда, зачем вызывают. Ума не приложу.

— Как же так? Как это могут вызывать?

— Знаешь, Матвей...— Липкин заговорил, потом задумался, как бы это попроще объяснить.— Когда урядник избил до синяков моего отца... Словом, потом, когда я попросил принять меня в большевики, я этим самым сказал, чтобы посылали меня всегда туда, куда нужно, точнее — туда, где труднее. Ты понимаешь?

— Мы не позволим,— заявил Матвей,— чтобы тебя забрали от нас. Теперь власть народная, народ не отпустит

тебя. А большевики — ты же сам говорил — всегда за народ.

— Власть народная,— согласился Липкин.— Но ведь правительство-то тоже народное. Выходит, его тоже надо слушаться.

— А я знаю, куда Оссиппу зовут,— уверенно проговорила Марфа.— На войну.

— На какую войну? — улыбнулся Липкин.— Меня в Москву вызывают. Вроде там никто не воюет. И не собирается воевать.

— Большая война будет,— твердила Марфа.— Я знаю. Сон видела. Большая черная птица сидела на крыше. Крылья были длиной в несколько саженей. А большая птица — большая война.

Ёвкениэ не удержалась и рассмеялась, прикрывшись передником, когда Липкин со всей серьезностью согласился:

— Тогда другое дело, если птица такая большая. А почему меня одного берут на большую войну? Птица не сказала?

— Всех возьмут. Всех мужиков до единого.

— А потом и бабы пойдут воевать, так? — спросил Липкин.

— Упаси бог до такого дня дожить,— Матвей даже перекрестился.— Если бабы всей земли подерутся, считай, конец свету пришел.

Когда соседи ушли, Ёвкениэ притихла. Она прижалась к мужу и заговорила, всхлипывая:

— Опять уезжаешь, опять оставляешь меня.

Поезд подходил к Москве. Он долго полз мимо длинных товарных и пассажирских составов, стоявших на запасных путях. Липкин взял свой фанерный чемодан и приготовился к выходу. Увидев себя в зеркале в новом черном костюме и при галстуке, Оссиппа не мог не улыбнуться. Особенно смешным ему показался галстук. Впервые в жизни он нацепил на шею этот буржуйский пережиток.

Наконец поезд остановился. Выйдя из вагона, Липкин увидел, что вокзал украшен красными флагами, лозунгами. Прямо перед вагоном рабочие прикрепляли к стене здания огромный транспарант. Москва готовилась к Первомаю.

— Товарищ Липкин, с приездом!

Встретивший Оссиппу молодой человек взял у него фанерный чемодан и повел к коляске, ожидавшей во дворе вокзала.

Мягко покачиваясь на дутых шинах, коляска покатила по булыжной мостовой. Липкина одолевал смех. Ишь каким важным господином он стал! Едет как барин!

— Куда мы едем?

— В гостиницу.

Гюллинг жил в гостинице, неподалеку от Кремля. Хотя Липкин был не в военной форме, о своем прибытии он отрапортовал по-военному.

— Наконец-то! — сказал Гюллинг, вставая из-за письменного стола, заваленного бумагами.

— Я нигде не задерживался,— начал оправдываться Липкин, здороваясь с Гюллингом за руку.

— Я не о том,— прервал его объяснения Гюллинг.— Просто мы вас очень ждали... Сейчас вы должны отдохнуть с дороги. Ваш номер рядом с моим. Потом прошу ко мне на завтрак.

Номер, приготовленный для Оссиппы, оказался просторной комнатой, потолок которой был украшен лепниной. Обставлен он был так же, как и номер Гюллинга. Красивый письменный стол, круглый обеденный, широкая кровать, мягкие кресла. Все в номере казалось таким изысканным, что Липкин не мог найти места для своего фанерного чемодана. Наконец он пристроил его в углу в ванной. Потом Оссиппа не знал, где ему сесть. Очень уж непривычными показались ему мягкие кресла. «Для кого они, если не для нас?» — усмехнулся он и осторожно опустился в кресло. Ничего, сидеть в нем было удобно.

Завтрак был накрыт на круглом столе в номере Гюллинга. Овсяная каша, хлеб с маслом, кофе... Завтрак главы правительства Карелии!

— Я с детства люблю овсяную кашу,— заметил Гюллинг.

Он расспрашивал об обстановке на границе, о настроениях людей в пограничных деревнях и их жизни.

Сперва Оссиппа отвечал односложно, потом, видя, что Гюллинг хочет знать обо всем подробно, решил рассказать все как есть.

— Из Кеми до Ухты двести верст. Лошадей мало, людей тоже. Завезти удается лишь часть продовольствия. К тому же и бюрократы всякие мешают, и воровство случается, спекуляция... Так что положение неважное... А мы даже с контрабандистами не можем покончить,— запальчиво говорил Липкин, словно за столом был кто-то третий, виновный во всем.— У богатых все есть. И сахар, и мука.

И кофе. Гляди, мол, народ. Из Финляндии все это. Вот такие дела, Эдвард Александрович.

— Пейте кофе. Остынет,— заметил Гюллинг, записывая что-то в блокнот.

Но Оссиппа уже не мог остановиться. Раз уж начал говорить, так надо сказать обо всем. И о том, что не хватает врачей и медикаментов, и о том, что в школах нет учебников, тетрадей...

Кофе они пили холодным.

После завтрака Гюллинг открыл свой портфель, взял какую-то бумагу, подержал в руках и сунул обратно. Походив по комнате, он вдруг спросил Липкина, что он думает о карелах, которые бежали в Финляндию.

— Бежали? Как сказать... Кто бежал, а кто нет. Ведь белые целые деревни угоняли, прикладом в спину толкали.

— А что вы скажете, если беженцы начнут возвращаться?

— Это было бы здорово! — воскликнул Липкин.— Большинство вернется с охотой. Люди нам нужны.

Гюллинг подошел к окну, из которого открывался вид на Кремль.

— Там сейчас решается этот вопрос.

— А Ленин там?

— Ленин болен.

— Ему лучше? Он скоро поправится?

— Если бы это зависело от нас...

— Я однажды собирался к нему,— сказал Липкин и рассказал, как в октябре семнадцатого года солдаты выбрали его в делегацию, которая должна была после боя с юнкерами пойти в Смольный и доложить Ленину о том, что их рота готова сражаться за революцию до полной ее победы. В том бою они это доказали. Но в Смольный Оссиппа не попал — он оказался в лазарете, где провалялся до марта восемнадцатого года.

Если бы Оссиппа сейчас мог побывать у Ленина, он столько рассказал бы... О вымерших деревнях, о том, как угоняли женщин и детей, как убивали, грабили, жгли...

— Вполне возможно, что вопрос о беженцах будет решен завтра.

— Это было бы здорово! — ответил Липкин.— А меня вы зачем вызвали, товарищ Гюллинг?

Гюллинг загадочно улыбнулся.

— Дел у нас много, людей маловато. Знаете, когда я

пробирался из Финляндии сюда, у меня и в мыслях не было, что мне придется стать главой правительства Карелии. Давайте подождем. Можете идти сейчас отдыхать. Вечером увидимся.

Оссиппа отправился гулять по Москве. Дошел до Охотного ряда, поглядел на лавки. Дальше побоялся идти — в Москве недолго и заблудиться. Здесь была уже настоящая весна. Появились листики на деревьях. А там, на севере, откуда Липкин уехал всего несколько дней назад, еще лежит снег.

Оссиппа вернулся в гостиницу. Обед ему принесли в номер. После обеда он решил лечь спать. Что же делать? Раз велено отдыхать, так будем отдыхать.

Вечером его пригласили на ужин к Гюллингу.

Гюллинг рассказывал о положении в Финляндии. О белом терроре, о различных карельских обществах, о борьбе акционерных обществ между собой. О многих этих вещах Оссиппа знал по газетам, но Гюллинг приводил такие подробности, что он заслушался. Наконец Гюллинг, видимо, заметил, что увлекся, и подал Липкину кипу финляндских газет.

— Вот возьмите. Полистайте на досуге... А я займусь своими делами.

Оссиппа никогда не видел финляндских газет. Он с удивлением разглядывал рекламные объявления фирм и компаний, занимающие первые полосы. Стал просматривать заголовки статей...

«...Судьба Гавкина». Что же они пишут о нем? «...Гавкин бежал в Финляндию, но, затосковав по родине, вернулся домой. Большевики его сразу же арестовали, убили и труп утопили в болоте...»

— Ну и врут!

Липкин вскочил и, даже не постучавшись, вбежал в номер Гюллинга.

— Вы только поглядите, что эти сволочи пишут. Вот... Да это же... Ведь все было наоборот. Тут все ложь... Они читателей за дураков, что ли, принимают? Как они могут так лгать?! — возмущался Оссиппа.

— Детали-то совпадают,— усмехнулся Гюллинг.— Ударили топором, утопили в болоте. А кто кого — это не важно. Вот это и есть борьба. Скажите, Оссиппа, а что бы вы сделали, если бы кто-то оскорбил вашу семью? — вдруг спросил Гюллинг.

— Ну, я пошел бы к клеветнику, и ему бы не поздоровилось.

— А если бы вы, к примеру, представляли за рубежом свою страну и там кто-то начал бы клеветать на нас? Как бы вы поступили?

— Я пошел бы к их президенту и...

— Скажем, в министерство иностранных дел. По дипломатической линии.

— Значит, дипломатической... У дипломатов свои порядки.

— Какими ты представляешь эти порядки? Давай будем на «ты». Допустим, ты дипломат и едешь с нотой протеста в министерство иностранных дел.

— Сперва там, наверно, надо шапку снять с головы,— улыбнулся Липкин.— Потом сказал бы: «Здравствуйте, господа хорошие!», поговорил бы о погоде, дескать, какой чудесный день, а на улице пусть хоть дождь как из ведра льет... Потом бы насчет здоровья справился, ну а потом бы я им сказал пару крепких слов.

Гюллинг засмеялся:

— Задатки дипломата у тебя имеются. Только последний пункт надо отбросить.

Вернувшись к себе, Оссиппа просмотрел буржуазные газеты и встревожился: слишком уж агрессивно они настроены. Неужели им еще мало войны? Неужели им хочется, чтобы все повторилось сначала.

По голосу секретаря, пришедшего на следующий день пригласить его к Гюллингу, Липкин понял, что сейчас он услышит что-то важное, ради чего его и вызвали в Москву. Вид у Гюллинга был радостный. Он встал и торжественно объявил:

— Сегодня, тридцатого апреля тысяча девятьсот двадцать третьего года, постановлением Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета утверждена амнистия карельским беженцам. Постановление принято час назад. Я хотел ознакомить тебя с проектом, но решил дождаться утверждения постановления. Теперь оно вступило в силу. Вот читай, пожалуйста.

Липкин начал читать текст постановления:

«АМНИСТИЯ КАРЕЛЬСКИМ БЕЖЕНЦАМ

Постановление Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета

Долгое время международная буржуазия стремилась поработить трудовые массы РСФСР, но каждый раз встречала с их стороны непоколебимый отпор. Разуверившись в

возможности свергнуть таким путем власть рабочих и крестьян, она стала делать попытки расколоть дружную семью трудящихся и увлечь за собой несознательную ее часть.

Одной из жертв такой попытки международной буржуазии явилось население Карельской Трудовой Коммуны, часть которого, во время вторжения в Карелию белогвардейских банд, обманом и насилием была уведена в Финляндию.

Уже более года карельские беженцы, оставившие свои насиженные места, брошенные на произвол судьбы, видя всю безнадежность своего положения, не имеют возможности возвратиться на родину, чтобы искупить свою вину и принять участие в восстановлении разоренной бандитами Карелии.

Рабоче-Крестьянское Правительство РСФСР и Исполнительный Комитет Карельской Трудовой Коммуны не могут не считаться со страданиями карельских беженцев, жестоко обманутых международной буржуазией и ее наемниками, белогвардейскими бандами, вторгнувшимися в Карелию, и не могут более оставаться равнодушными к безудержному желанию беженцев возвратиться в Россию и искупить свои преступления.

Поэтому Всероссийский Центральный Исполнительный Комитет, в ознаменование праздника 1 Мая, учрежденного в память единства всех трудящихся, постановляет:

1. Даровать амнистию всем лицам, бежавшим в связи с карельской авантюрой 1921—1922 гг. на территорию Финляндии, за исключением руководителей и тех, кои, находясь за пределами Карельской Трудовой Коммуны, продолжали свою враждебную РСФСР деятельность.

2 Установить сроком подачи заявлений о желании воспользоваться настоящей амнистией 1 января 1924 года.

3. Произвести эвакуацию в Россию амнистированных, указанных в п. 1, вместе с семьями и имуществом, на общих с прочими административных основаниях, согласно особой инструкции, издаваемой Наркоминделом по соглашению с Народным Комиссариатом Внутренних дел.

4. Проведение настоящей амнистии возложить на Народный Комиссариат Иностранных дел по соглашению с Народным Комиссариатом Внутренних дел и Народным Комиссариатом Юстиции.

Председатель ВЦИК М. Калинин.
Секретарь ВЦИК Т. Сапронов.

Москва, Кремль, 30 апреля 1923 г.»

Липкин пробежал глазами постановление еще раз с начала до конца и задумался.

— Что скажешь? — спросил Гюллинг.

— Я думаю о карелах, оказавшихся там не по своей воле. Одних обманули, других силой угнали. Я знаю много таких семей. Представляю, как они будут счастливы, вернувшись домой...

Липкин встал и заходил по комнате.

— Теперь нам надо обсудить практическую сторону дела,— сказал Гюллинг и жестом руки пригласил Липкина сесть.— Как, по-твоему, все это будет происходить?

— Сперва надо, чтобы об амнистии узнали беженцы там, в Финляндии.

— Так. Дальше.

— Дальше? А потом они начнут возвращаться. Мы здесь должны помочь им. Им же придется начинать жизнь заново. У многих дома сожжены...

— Помочь надо. А что делать там, в Финляндии?

— Там? Пусть наше правительство договорится с финскими властями. Впрочем, я в этих делах не разбираюсь, что и как... Другое дело — здесь. Что касается помощи и прочих мероприятий у нас, то я готов. Если я чем-то могу быть полезен, я в вашем распоряжении. Наверно, потому меня и вызвали?

— В Финляндии все обстоит гораздо сложнее,— улыбнулся Гюллинг.— Мы должны послать туда официального представителя, который от имени Советского правительства будет принимать заявления от желающих вернуться, договариваться с финскими властями о местах перехода через границу, давать советы и разъяснения беженцам, бороться с буржуазной пропагандой, пытающейся запугать людей и заставить их отказаться от возвращения на родину... Как ты полагаешь?

— Наверно, так и надо сделать. А мы здесь со своей стороны...

Гюллинг продолжал развивать свою мысль:

— Послать туда надо человека, владеющего языками карельским, финским, русским. Так?

— Наверно, так. А мы здесь...

— Словом, мы должны найти дипломата-карела. Так?

— Наверное, он найдется. Есть же и образованные карелы.

— А если мы его уже нашли?

Гюллинг лукаво усмехнулся, и только теперь у Оссиппы мелькнула смутная догадка.

— Кого вы имеете в виду?

— Тебя.

— Что-о?

— Да, тебя.

— Меня?!

Много всяких неожиданных поворотов было в жизни Липкина. Но такого он не ожидал.

— Я вчера намекал,— напомнил Гюллинг.

— Вы же говорили в шутку. Вы серьезно? А не будет ли тут допущена ошибка? Большая политическая ошибка.

— Ошибка? — Гюллинг засмеялся.— Да еще и политическая? Даже большая политическая ошибка? Это почему же?

— Кто я такой? Малограмотный сын неграмотного карела. Что я умею? Умею драться за Советскую власть. И все. Еще умею ругаться. А драться и ругаться вроде не к лицу официальному представителю большого государства. Ежели в деревне что не так — мужики помогут советом. А с буржуями так нельзя.

— Там, за границей, тоже надо драться с буржуазией. Только формы борьбы иные. Дипломатия во все времена была ожесточенной борьбой. Вот идет человек, который лучше меня разбирается в этих делах.

В дверях стоял Сантери Нуортева.

Липкин знал, что финский коммунист Нуортева заведует скандинавским отделом Наркомата иностранных дел Советской республики. Нуортева был представителем Советского правительства в Америке, потом в Англии, отстаивая интересы Советского государства в этих странах, когда с ними еще не было и дипломатических отношений.

Широко улыбаясь, Сантери подошел к столу. В обеих руках он нес какие-то свертки.

Сложив свертки на стол, он поздоровался с Гюллингом и Липкиным за руку, поздравил их с праздником и сел в кресло, обмахивая круглое лицо платком.

— Ну и теплынь! Даже вспотел.

Отдышавшись, развернул один из свертков. В нем оказалась бутылка коньяка.

— Кажется, праздник не сегодня, а завтра,— улыбнулся Гюллинг.

— Как говорится, не оставляй на завтра то, что можешь выпить сегодня,— отпарировал Нуортева.— Эдвард, ты уже сообщил Оссиппе о нашем решении? Давай, Ос-

сиппа, будем сегодня на «ты». Эдвард, конечно, сразу же стал тебе чертей малевать, верно? Открывая дверь, я слышал: «...самой ожесточенной борьбой». Ты его не слушай. Это такой человек — сам ничего не боится, потому и любит на других страх нагонять. Он, наверно, буржуев изобразил прямо-таки чертями рогатыми. Чепуха! Никаких рогов у них нет, зато строить козни да крючки подставлять — тут они сущие дьяволы. Но приемы у них старые. Если знаешь их, то справиться с ними нетрудно...

Гюллинг подмигнул Липкину: мол, мотай на ус, учись у бывалого человека.

Сантери Нуортева умел быть предельно сухим и педантичным, когда этого требовало дело, но в кругу товарищей, в часы досуга он любил пошутить, посмеяться. Был канун праздника, поэтому, обменявшись с Гюллингом всего несколькими фразами о важных делах, Нуортева опять в том же шутливом тоне обратился к Липкину:

— Так ты, Оссиппа, уже дал согласие? Не торопись. Если ты даже согласен, не спеши говорить об этом. Это одна из хитростей дипломатии, которую ты должен усвоить в первую очередь. Ты торгуйся, торгуйся. Чем больше ты будешь отнекиваться, тем крепче мы будем держаться за тебя. В дипломатических делах бывает, что при заключении какого-то соглашения одна сторона готова пойти в чем-то на уступки или, более того, готова принять выгодное для нее предложение. Но сразу никогда не соглашаются. Сперва торгуются, позволяют уговаривать себя. Это — первое. Второе — надо научиться улыбаться. Искусство несложное, овладеть им ничего не стоит. Буржуи-то умеют улыбаться, и они любят, когда им улыбаются. Когда улыбаешься, то можешь обозвать буржуя какой угодно сволочью, только надо слова подобрать деликатные...

Сам Нуортева умел улыбаться, но сейчас его улыбка была искренней, открытой. Слушая наставления Сантери, Гюллинг смеялся. Липкин стеснялся даже улыбнуться.

— Надо бы Оссиппе достать новый костюм,— заметил Нуортева уже серьезно.

— Так этот же новый,— возразил Липкин.

— Новый-то он новый, но буржуям надо показать, что хотя они столько раз разоряли Карелию, все же карелы не такие бедные, как они думают. Когда финское постпредство приехало к нам, они привезли с собой целый вагон березовых дров. Думали, что Советы не в состоянии обеспечить топливом иностранных дипломатов...

По тротуару под окнами шли беззаботные, празднично настроенные, по-летнему одетые люди. Завтра Первое мая. В канун праздника можно бы позабыть о будничных заботах. Но Гюллинг и Нуортева говорили о делах. Иногда Липкин тоже вступал в беседу, но больше все же молчал и размышлял. Всего пять лет существует Советская страна, и почти все эти пять лет ей пришлось беспрерывно воевать. Сейчас мир. Можно ходить в праздничной одежде, беззаботно шутить и смеяться, петь. Но мир этот тревожный. Живем мы окруженные врагами, которые, оскалив зубы, словно подстерегают нас, чтобы вновь наброситься. А у нас всего не хватает. Не хватает еды, одежды, машин. И прежде всего — людей. Людей, умеющих управлять машинами. Учителей. Врачей. Даже самых обычных служащих. И тем не менее пришлось признать, что Советская власть существует. Капиталисты вынуждены жить с нами в мире. Нуортева рассказывал Гюллингу о дипломатических делах, словно хотел убедить Липкина, как им не хватает хороших дипломатов. Липкин слушал и думал про себя, что он, конечно, никакой не дипломат. Все эти разговоры о его дипломатических способностях похожи на шутку...

Затем, словно мимоходом, Нуортева сказал, что ехать за границу придется, разумеется, не завтра и не послезавтра, что Липкин должен подготовиться... Обычно обучение дипломатов длится несколько лет, но ему дается два месяца.

— Чему я должен учиться? — спросил растерянно Липкин.

Нуортева перечислил целый ряд наук, о которых Оссиппе не доводилось даже слышать. Международное право, история дипломатии, права и обязанности дипломатического персонала. Липкин должен прослушать курс лекций по международному положению. Ему подберут литературу, которую он должен проработать самостоятельно. Придется изучить историю Финляндии... Руководить подготовкой Липкина и помогать ему вместе с другими преподавателями будет Нуортева.

...Уже в Каяни, где бежавшие в Финляндию карелы отыскивали свои семьи, Анни поняла, что Васселей погиб. Если бы он был жив, то он тоже нашел бы их. Анни сказали, где можно узнать о судьбе мужа. Было какое-то учрежде-

ние, где семьям погибших мятежников назначали пособие. Сперва она боялась идти туда. Боялась услышать правду. Хотелось сохранить хоть чуточку надежды. Потом пошла. Холодным, безучастным голосом ей сообщили, что Вилхо Тахконен, бывший Васселей Антипов, погиб под Тийро и что имеется одно обстоятельство, лишающее его семью права на получение пособия. Более подробных объяснений, к сожалению, чиновник дать не мог и выразил лишь официальное сочувствие... Однако Анни уже не слышала его слов. Она поняла, что Васселей погиб, тихо охнула и словно окаменела.

— Пустите... я пойду...

Поддерживая за локоть, ее проводили до выхода и на прощание сказали, куда она должна идти для регистрации как беженка. Адрес Анни запомнила, но лишь для того, чтобы обходить это заведение как можно дальше. Там беженцев регистрировали и затем отправляли в особые лагеря.

Анни пошла к одному ухтинскому купцу, жившему в Каяни, и попросила взаймы денег. Купец знал Васселея, одолжил небольшую сумму, правда под проценты. Забрав сына, Анни направилась на вокзал и попросила билет.

— До какой станции?

— До конца.

Ей дали билет до Турку. Но до Турку они не доехали.

Напротив них сидел дюжий старик. Он догадался, кто эта женщина с мальчиком.

— Куда же путь держим? — спросил он.

— Едем искать работу и хлеб.

Старик помолчал, потом спросил, что Анни умеет делать.

— Все.

— Да ну! — Старик помедлил и сказал: — В нашем доме есть работа и хлеб. Но для ленивых их хватает ненадолго.

На станции Кангасала старика ждала лошадь. Вид у хозяина был хмурый, и Пекка сперва боялся его. Но старик посадил его в сани, укутал в тулуп и дал большой кусок хлеба с маслом.

В доме Маттилы действительно хватало и работы и еды. Старый Маттила живет с женой-старухой и четырьмя такими же дюжими, как он сам, сыновьями. Все его сыновья, начиная со старшего Матти, который практически

ведет все хозяйство, жадные до работы. На покосе, жатве и на заготовке леса они трудятся наравне со своими работниками, которые стараются изо всех сил, чтобы не отставать от хозяев. Хозяева по себе знают: чтобы человек хорошо работал, его надо и кормить по-настоящему. Едят хозяева вместе с работниками, за длинным, сколоченным из сосновых досок столом, за которым у каждого свое место,— в конце стола сидят старый хозяин и хозяйка, потом сыновья в порядке старшинства, затем работники и служанки. Анни с сыном занимает за этим столом не последнее место, ибо работает она скотницей, а скотный двор дает дому большой доход.

Обычный богатый хутор, каких немало в Финляндии, обычные финны. Так Анни думала вначале. Но потом она заметила, что дом Маттилы не совсем обычный и даже, напротив, скорее представляет собой исключение. На хуторе Иохансонов, соседей Маттилы, все по-другому. Там тоже есть взрослые сыновья, но они не работают. Хозяйство там ведет нанятый хозяевами управляющий. Зимой хозяева то и дело уезжают веселиться в город, а летом у них полно гостей. Питаются они, конечно, отдельно от работников, на своей половине.

Отношения между соседями неважные. Скотница Мийна рассказала Анни, как Матти и Иохансон однажды ссорились. Сосед упрекал Матти, что тот развращает работников, позволяя им питаться вместе с хозяевами и платя им за работу больше, чем в других домах. Потому, мол, у других они и бунтуют. И еще сосед обвинял Матти в том, что тот платит карелам столько же, сколько и финнам. Это, дескать, говорит о том, что у Маттилы нет патриотических чувств.

В восемнадцатом году сыновья старого Маттилы вступили в шюцкор и подавляли красных мятежников в своей округе, но ни один из них не принял участия в карельских походах. В доме Маттилы действительно считали, что финнам в Карелии нечего делать, им хватает забот и у себя.

И еще Анни заметила, что ее хозяева не похожи на тех финнов, которых она видела. Те, что приходили в Карелию, умели кричать, бить, стрелять, грозить... А эти — люди как люди. Правда, обычаи у них не такие, как у карел. Перед едой надо посидеть, сложив руки на груди. И икон у них нет. В канун рождества в людской поставили большую разукрашенную елку, потом пришел старик с длинной белой бородой, с большим мешком. Анни узнала

по голосу старого хозяина. Дед Мороз принес всем рождественские подарки. Анни он подарил красивую шаль, а Пекке книгу. Потом, уже под утро, запрягли лучших коней, и все поехали в церковь.

От заезжего вуоккиниемского торговца Анни узнала о смерти свекра и свекрови.

«Бабушки нет? И дедушки тоже?» — Пекке трудно было поверить, что в родном доме в Тахкониеми уже нет ни бабушки, ни дедушки. Как же можно жить без такой бабушки и такого дедушки?

Но жизнь есть жизнь. Здесь Анни остается одно: вставать спозаранку и знать, в каком порядке что делать. Надо работать от темна до темна, даже тогда, когда уже нет сил. Надо... Работы Анни никогда не боялась.

До школы было пять километров. Пекка уже второй год ходил в школу. Учился он хорошо, поэтому другие мальчишки завидовали ему. Особенно сыновья Иоханссона не любили его. И чтобы показать какие они патриоты, частенько били маленького «рюссю». Пекка не прочь был считаться русским. Правда, его злило то, что на уроке арифметики им давали такие задачи: со сколькими рюссями могут справиться 17 финнов, если один финн может устоять против десяти рюссей? На первом же уроке, когда задали такую задачку, Пекка поднял руку и ответил, что если десять помножить на семнадцать, получится сто семьдесят, и добавил, что так может быть лишь в арифметике. Учительница сделала вид, что не заметила этого добавления. На перемене его стали дразнить «рюссей», но он уже привык к этому и не обращал внимания. Тогда один из мальчишек полез драться. Пока они дрались один на один, Пекка брал верх. Труднее пришлось, когда на него напали сразу двое. Но Пекка не уступал им и давал сдачи. А когда мальчишки навалились всей ватагой, он вынужден был прибегнуть к старому испытанному приему. «А ну, кто догонит?» — крикнул и побежал. В беге состязаться с ним никто из мальчишек не мог. Несмотря на небольшой рост, Пекка бегал быстро. Он был таким легконогим, что когда летом пас коров Маттилы, то ни одной не давал отбиться от стада.

Помирившись с Пеккой, ребята спрашивали, умеет ли он говорить по-русски. Пекка, конечно, не признался, что не знает русского языка. Раз его считают русским, то должен же он говорить...

Особенно легко давался Пекке закон божий. И все благодаря тому, что бабушка Маланиэ научила его любить сказки. Прочитав учебник, в котором очень кратко излагалось содержание Библии, Пекка заинтересовался и начал читать Ветхий завет, а потом Евангелие. В этих книгах перед ним открылся такой мир притчей, сказок, ужасов и чудес, что сказки бабушки не шли с ними ни в какое сравнение. Хозяева заметили, с каким усердием мальчик читает святое писание, и попросили его читать Ветхий завет вслух. Старой хозяйке хотелось услышать слово божье из уст ребенка. В избу принесли и положили на стол огромную, чуть ли не с Пекку высотой, книгу. Бумага в ней была толстая, как картон, буквы большие, затейливые. Пекке пришлось читать ее, ползая на коленях по столу.

Прочитав первые строки о том, что бог создал землю и небо и что сперва земля была безводна и пуста, Пекка подумал про себя, в какой же очередности бог создавал разные местности, и решил, что сперва, конечно, бог сделал Тахкониеми, и потом начал сотворять другие места, а когда у него кончились деревья и вышла вся вода, он сделал пустыни. Пекка хотел спросить у взрослых, как было на самом деле, но побоялся.

Учительница Пекки Майя Палонен, молодая миловидная девушка, никогда не сердилась на своих учеников, не повышала голоса. Мийна, работавшая вместе с Анни, однажды при Пекке говорила матери, что Иохансcоны не любят молодую учительницу за то, что она вышла из бедной семьи и что не оказывает никакого предпочтения детям из богатых домов. Пекку учительница любила. Когда сыновья Иохансcона после школы поджидали его, чтобы дать очередную взбучку, учительница вела Пекку в свою комнату, находившуюся в боковой пристройке, потом, освободившись от своих дел, провожала его домой. Утешая мальчика, она говорила, что перед богом все дети равны...

Опять пришла суббота. Пекка всегда с нетерпением ждал этого дня — в субботу не задавали домашних заданий, отпускали пораньше, а в воскресенье не надо будет бежать в школу.

Первым уроком был закон божий... Но учительница почему-то задерживалась. Не заболела ли? Наконец в дверях появилась Майя Палонен, побледневшая и строгая, следом за ней в класс вошли Иохансcон и какой-то старый господин в золотом пенсне.

— Здравствуйте, дети,— сказала учительница дрожа-

щим голосом.— Сегодня у нас гости: господин член школьного совета и господин школьный инспектор желают знать, как вы учитесь. Будьте спокойны, как обычно, не волнуйтесь. Давайте помолимся...

Спокойствия не хватало прежде всего самой учительнице. Господин Иоханссон недовольно морщился и бросал взгляды на инспектора, стараясь обратить его внимание на то, как скованно ведет урок Палонен. Однако инспектор сделал вид, что не замечает ничего, и, наоборот, ободряюще кивал молодой учительнице.

Начался опрос. Первый вопрос был совсем легкий — десять заповедей. Иоханссон взглянул на своего сына и кивнул ему повелительно. Мальчику пришлось поднять руку. Встав, он начал бормотать заповеди. Перепутал их порядок, дошел до пятой или шестой и, окончательно сбившись, растерялся и сел. Отец свирепо смотрел на сына, но тот уставился на крышку парты. Потом он осуждающе глянул на учительницу. Что же это такое? Она стояла белая как мел.

Дети сидели притихшие, перепуганные. Только Пекка поднял руку.

— Ну отвечай хоть ты,— устало сказала учительница.

Пекка встал и, глядя в глаза учительнице, звонким голосом отбарабанил все десять заповедей, ни разу не запнувшись. Ответив, он остался стоять с таким видом, что, окажись этих заповедей еще больше, он бы перечислил их все.

— Молодец! — похвалил инспектор.— Видно, что это они хорошо разбирали.

Инспектор сказал это господину Иоханссону, но весь класс слышал его слова.

После уроков учительница велела Пекке подождать ее в классе, сказав, что Маттила должен заехать за ней.

Учительница с гостями ушла на свою половину.

Пекка остался в классе один.

Начало смеркаться. Наконец хлопнула дверь, и Пекка увидел из окна, как гости прощаются с учительницей. Инспектор пожал ей руку, а господин Иоханссон лишь приподнял шляпу.

— Не соскучился? Ну и дует там! — сказала учительница, входя в класс.— Пойдем ко мне.

В комнате на столе стояли три чашки из-под кофе, ваза с печеньем и сдобой. Достав чистую чашку, учительница налила Пекке кофе, велела взять булочку. Выгля-

дывая время от времени на дорогу, не едет ли хозяин Маттила, она стала говорить Пекке, что он должен учиться, обязательно кончить хотя бы народную школу. Мальчик с удивлением слушал ее. Зачем она это говорит? Ведь мама сказала, что будет работать изо всех сил, чтобы дать Пекке образование...

Наконец появился хозяин Маттила, выпил чашку кофе, пока учительница одевалась, и они поехали. Пекка устроился на каких-то ящиках, а учительница и хозяин сидели на облучке, о чем-то вполголоса переговаривались. Хозяин говорил, что сегодня ему повезло — чей-то магазин пошел с молотка, и на распродаже удалось по дешевке купить красок, всякой посуды, запасных частей к косилке. Приобрел он всего этого добра намного больше, чем ему нужно, но не беда, в хозяйстве любая веревочка пригодится.

Подъезжая к дому, хозяин заговорил о каком-то письме.

— Нет, вы должны показать письмо и прочитать его ей,— настаивала учительница.— А там уж ее дело, как она решит...

Из людской дома Маттилы на хозяйскую половину вело две двери. Обычно они были приотворены. Но в этот вечер дверь в комнату жены Маттилы, где хозяева беседовали о чем-то с учительницей, была плотно закрыта. Еще больше всех удивило то, что кофе туда подавала сама хозяйка. Происходило что-то загадочное. Наконец Мийна, не вытерпев, подслушала, о чем говорят в горнице. Она прибежала на кухню к Анни.

— О тебе там говорят и о твоем сыне.

— Я так и знала! — испуганно вскрикнула Анни.

Ей хотелось броситься к сыну. Пусть хоть он будет ей опорой. Но Пекки не было дома — он ушел к соседям. Тут же за ней пришла Мийна.

— Хозяева зовут тебя.

Анни переоделась, повязала новый фартук и вошла в горницу.

Матти предложил ей сесть и, кашлянув, начал:

— У нас к тебе одно дело. Но сперва ты скажи, мы чем-нибудь тебя обидели?

— Да нет... И я ведь старалась...

— Мы довольны тобой и не хотели бы с тобой расставаться...

Анни не понимала, что происходит. Что им надо от

нее? Хозяин сосредоточенно смотрел в окно, остальные тоже молчали.

— Ну, не тяни. Скажи, Матти,— велела старая хозяйка сыну.

— Такое дело.— Матти взял со стола большой конверт.— Тут письмо тебе пришло. Так как оно не частное, а официальное, мы сочли себя вправе вскрыть его. Но ты не должна принимать все, что здесь говорится, всерьез.

— Да, да, ни в коем случае,— вставила старая хозяйка.

— Письмо из Хельсинки, из русского представительства,— продолжал Матти.— Анни Антипову ставят в известность, что она имеет право возвратиться на родину, если, конечно, желает... Да, если ты хочешь...

— Но на обещания большевиков полагаться не стоит,— сказала хозяйка.

— Ты должна, кроме того, подумать о сыне,— вступила в разговор учительница.— Только здесь он имеет возможность получить образование. Мальчик должен учиться...

Учительница говорила что-то еще, но Анни уже не слышала. Домой! Одно это слово билось в ее мозгу, заслонив собой все остальное. Она так боялась этого письма, даже скрывала от своих, где находится. А в письме говорится: домой! Анни была растеряна и обрадована. Очнуться ее заставили последние слова учительницы:

— ...Мы не можем позволить мальчику оставить школу в середине учебного года. Если ты захочешь уехать, то мы не разрешим...

— Я возьму письмо. Оно послано мне,— сказала Анни.

— Бери.— Хозяин отдал письмо и заговорил совсем в другом тоне. Он словно поучал маленького ребенка.— Мы, конечно, понимаем: для Анни все это так неожиданно, тут действительно можно потерять голову. Но она должна подумать хорошенько. Конечно, дом есть дом. Но торопиться туда не надо. Анни должна смотреть на эти вещи шире. Весь мир знает, что большевики вряд ли долго удержатся у власти. Вот когда их власть падет, то мы вернемся к нашему разговору. Давай договоримся так.

Анни взяла письмо и ушла. Что ей до того, что кто-то ждет падения большевистской власти. Она ничего не хочет ждать. Хозяева осуждающе переглянулись: вот такие они, эти карелы, сколько ни делай им добра, а благодарности от них никакой.

Вечером Пекка стал шепотом рассказывать матери, как он сегодня выручил учительницу. Анни рассеянно слу-

шала. На груди у нее лежало письмо, и от него на душе было так тепло, словно дом и родина были уже совсем рядом. Анни хотелось рассказать Пекке о письме, поделиться радостью, но она заставила себя промолчать. А вдруг им не позволят уехать или не пустят туда... Надо с кем-то посоветоваться, как быть.

— А помнишь, Пекка?..

Они долго перешептывались в этот вечер. Они побывали мысленно и дома, в Тахкониеми, и в деревне у бабушки Наталиэ, матери Анни. Они сходили за ягодами в родной лес, съездили на рыбалку. Они были у себя дома, на своей земле...

Воскресенье в доме Маттилы считалось днем отдыха. Правда, Анни нужно было накормить и подоить коров, убрать в хлеву, но зато от остальных работ она была освобождена, и, таким образом, середина дня была в ее распоряжении. В гости идти ей было некуда. Но в это воскресенье она пойдет к Пентикяйнену. Может, он что-нибудь посоветует.

Крохотная избушка, в которой ютился Пентикяйнен, стояла среди ельника на краю угодий Иоханссона. Сам Пентикяйнен, огромный сутулый мужчина, что-то строгал в предбаннике. Увидев Анни, он удивился.

Она тоже смутилась и пробормотала, что ей надо бы поговорить.

Вытерев руки, Пентикяйнен взял письмо, взглянул на него и спросил:

— Ты что, только что узнала?

— Да откуда ж мне...

— О господи! У нас же тут целая война идет из-за вас.

— Какая война?

— Ты меня извини, Анни, но ты, видно, ни черта не знаешь о том, что на белом свете делается. Буржуи — дьявол их побери — такой шум подняли...

Осыпая проклятьями буржуев и попов, Пентикяйнен рассказывал, как эти сволочи обманывают карельских беженцев, стараясь всевозможной ложью заставить их отказаться от возвращения на родину. Что? Власть большевиков скоро падет?! Ну уж дудки! Власть большевиков будет и тогда, когда все буржуи окажутся на том свете и станут жариться в аду, проклиная свою жадность к богатству. Анни надо бы читать рабочие газеты. В них говорится, что в Карелии строится социализм и как карелы, вернувшись домой, отстраивают все то, что проклятые

лахтари разрушили. Он, Пентикяйнен, давно уже недоумевал, чего же это Анни тянет волынку и не едет домой. Здесь же ей всю жизнь придется на кого-то работать. А когда сил не хватит, хозяин скажет: «Ступай куда глаза глядят». Сын? Да ведь в Карелии школ полно и новые открываются. Что, не дадут сына с собой? Нечего с ними и разговаривать. Надо послать их ко всем чертям, и точка.

Прощаясь с Анни, Пентикяйнен сказал подавленным голосом:

— Только ты не болтай там, что это, мол, Пентикяйнен тебя настропалил. Я и так тут на птичьих правах. Чуть что — и велят катиться отсюда на все четыре стороны. А куда мне деваться с такой оравой детей?

Анни обещала молчать.

Однако после разговора с Пентикяйненом она еще твердо ничего не решила. Пентикяйнен произвел на нее странное впечатление. Видно было, что этот человек ожесточен своей жизнью. Потому он так и ругается: проклятье за проклятьем посылает. Говорят о нем тоже разное. И что он хороший работник, и что он очень вздорный человек. Анни хотелось повидать кого-нибудь из карел. До сих пор она старалась не общаться с земляками, боялась встречи с ними. Теперь она вспомнила, что заезжавший вуокиниемец оставил адрес одного земляка, который был родом чуть ли не из одних мест с Анни и жил теперь совсем близко в Тампере.

Несколько дней Анни ничего не говорила хозяину о своем решении. Потом попросила отпустить ее на два-три дня в Тампере. Сказала, что ей надо повидать одного знакомого карела, и показала адрес. Хозяин был недоволен, но когда узнал, что этот знакомый уже давно живет в Финляндии, разрешил Анни съездить в Тампере.

Анни захватила с собой и Пекку.

Карел, работавший в мастерской обивщиком мебели, действительно был односельчанином Анни. Анни сразу узнала его. Незадолго до ее свадьбы он ушел на заработки в Финляндию.

— Вот так нас, карел, судьба разбросала по белому свету. Кто где,— вздохнул Тимо.— А я часто вспоминаю родные места. Залив наш... Переедешь его, и тропка начинается. Немного пройдешь по лесу — выходишь к мельнице. Помнишь мельницу-то? Я ее сам строил.

— Не говори об этой мельнице! — Анни чуть не заплакала.— Помню ее я, помню!

— Мне-то уж поздно ехать домой,— говорил Тимо.— Мои корни и семья здесь. Вон они, корни-то,— показал на жену и детей.— А ты, Анни, поезжай. Домой! Поезжай и не оглядывайся. Твой дом там, и родина там... Моя Карелия — вон она. Погляжу — и легче становится.— В углу комнаты висели карельские берестяной кошель, берестяной пастуший рог, стояла деревенская прялка.— Все это старая Карелия. А ты увидишь новую.

— Да вот... некоторые... пугают, будто большевики...

— А ты не всем верь... Есть ведь всякие...

Оставив сына на несколько дней у земляка, Анни поехала в Хельсинки.

Перед приемной Липкина при советском посольстве в Хельсинки толпился народ. Всем не терпелось поговорить с земляком-карелом, выдававшим разрешение на возвращение на родину.

Оссиппа беседовал со стариком и старухой из Поросозера, когда в приемную как-то неслышно вошел сухощавый молодой мужчина, при виде которого у Липкина перехватило дыхание. Он сразу узнал Мийтрея, служившего некогда милиционером в Тунгуде... Чувствуя, как в душе закипает гнев, Оссиппа внутренне сжался и приказал себе: «Спокойно. Только спокойно! Ты — уполномоченный великой страны... У тебя должны быть железные нервы».

Совладав с собой, Липкин попросил Мийтрея подождать и продолжал разговор со старой четой.

— Ты сердишься на нас? — спросил старик, когда Мийтрей вышел. Только что уполномоченный приветливо разговаривал с ними, шутил, а тут вдруг его словно подменили. Мрачен как туча.

— Сержусь? Да что вы! — Липкин заставил себя улыбнуться.— Вы поедете домой, будете жить-поживать да счастье наживать, как в старой сказке говорится. Вот эту вторую бумагу покажете там, дома. По ней вам окажут помощь...

— Если бы нам лошаденку какую-нибудь дали,— вздохнул старик.

— Думаю, что дадут. Счастливого вам пути! — Липкин проводил стариков и сел обратно за стол.

Мийтрей вошел снова.

— Вы по какому делу?

— Хочу вернуться домой.

— Вы знакомы с постановлением об амнистии?

— Да. Я знаю, что мне придется не сладко. Но все равно хочу домой, в Тахкониеми. Вы меня знаете?

— Слишком хорошо знаю. Вы можете уходить. Амнистия на вас не распространяется.

— Но, может быть, я...— Миитрей перешел на шепот: — А если я окажу вам некоторые услуги?

— В ваших услугах мы не нуждаемся.

— Вот поглядите,— Миитрей развернул веером, точно колоду огромных карт, пачку фотографий с какими-то схемами, чертежами, цифрами.— Вы не представляете, какую ценность для вас имеют эти документы.

— Убирайтесь немедленно.

— Не торопитесь гнать меня. Сперва посмотрите, потом гоните. Здесь сведения, касающиеся финской армии...

— Вон отсюда, провокатор. Мы не шпионы.

— Я оставлю их вам.— Миитрей положил фотографии на край стола и хотел уйти.

— Вернитесь. Или я позову полицию.

— Не стоит звать.

Миитрей вернулся, взял фотографии, разорвал всю пачку разом и бросил их в корзину для мусора.

— Стой! — закричал Липкин.— Сейчас же забери все... все... до последнего обрывка. Еще! Вон еще! Быстро, быстро. Все! А теперь убирайся к чертовой матери. И больше чтоб сюда не приходил. Запомни!

Липкин остался один. Он сидел, сжимая виски.

В дверях появился секретарь постпредства.

— Посланник интересуется, что за шум?

— Да вот приходил один провокатор,— и Липкин рассказал о визите Миитрея.

— Что же тут удивительного, Осип Иванович? — с мягкой улыбкой сказал секретарь.— Главное — спокойствие, выдержка. Надо было сказать, что уважаемый господин ошибается. И надо улыбаться. Что мне сказать посланнику?

— Скажите, что Липкин немного погорячился, но впредь постарается держать себя в руках и говорить с улыбкой подобным посетителям: «Вы ошиблись адресом, уважаемый господин бандит... Вы ищете себе подобных, а здесь честные люди».

— Все это можно сказать, Осип Иванович, только другими словами, более дипломатично. И, конечно, улыбаясь.

— Постараюсь,— обещал Липкин.

...Осенний ветер сгибал под окнами постпредства тополя, словно испытывал их прочность. Налетая порывами, швырял в окна мокрый снег, который таял и стекал по стеклам неровными струйками.

Липкин открыл дверь в комнату ожидания.

— Пожалуйста!

Вошла женщина. Ее большие печальные глаза смотрели настороженно и в то же время умоляли помочь. На свежем еще, круглом лице женщины залегли резкие морщины и на висках была заметна седина, хотя две светлые косы, видневшиеся из-под платка, были по-девичьи крепкие и толстые.

Липкин усадил женщину, стал расспрашивать:

— Откуда вы?

— Из Тахкониеми. Из дома Онтиппы.

— Анни?

— Вы знаете меня?

— Милая Анни! — Липкин заговорил по-карельски.— Давай говорить по-нашему, на «ты». Значит, домой хочешь?

— Да вот не знаю, как быть. Пришла посоветоваться. Очень хочется домой, да вот...

— Чего ты боишься?

— Тут в бумаге сказано: «...искупить вину...» А моя вина в чем? Один раз я, правда, милиционера облаяла нехорошими словами да раза два с мужем встречалась тайком. Вот и вся моя вина. Вот Васселей... его уже нет. Могу я ехать домой? Скажи мне.

— Анни, Анни! — ласково, с грустью проговорил Липкин.— Ничего не бойся. Даже тех, кто служил в белых войсках, амнистия прощает. Нет прощения только главарям да тем, кто и сейчас грязными делами занимается. А знаешь, кто убил Васселея? Белые.

— Белые?

— Да, Анни. Рийко нашел Васселея у Тийро. И убит он был еще до того, как пришли красные. Наши там и не стреляли.

— А-вой-вой. Так ты и Рийко знаешь? Он жив?

— Жив Рийко, жив. Служит еще, недалеко от дома.

— Тогда я еду домой. Чуяло мое сердце, что это они, белые, Васселея...

На глаза Анни навернулись слезы...

— Скажи еще вот что... Сын у меня, Пекка... Говорят, что ему не дадут поехать со мной. Помоги мне.

— Слушай, Анни! — тихо сказал Липкин.— Нет в мире такой силы, чтобы могла отобрать у тебя сына и не пустить с тобой на родину. Знаешь, кто беспокоится о том, чтобы твой сын вернулся домой? Наше Советское правительство. Наша страна... Им же принадлежит будущее Карелии — карельским детям.

СЛОВО О ТРЕХ СОСНАХ

— Натси, хочешь, я буду твоей мамой? А ты будешь моей дочкой? — спросила Анни.

— А разве моей мамы уже нет?

— Теперь я буду твоей мамой.

Натси поняла все. Она прижалась к груди Анни, стараясь не разрыдаться.

Они сидели на широкой лавке просторной избы Онтиппы. Они были дома. Уезжая из Финляндии, Анни завернула в местечко Миэслахти, где жила Иро. Она была тяжело больна.

— Возьми Натси с собой. Будешь ей матерью,— прошептала Иро. Она была такая слабая, что с трудом говорила.— Ведь мы с тобой как сестры... Мне уже не увидеть родного дома.

— Не плачь, Иро. Ты еще поправишься.

Анни знала, что она больше не встанет с постели.

Иро умоляла ее подождать, когда она умрет, чтобы закрыть ей глаза, похоронить на чужой земле. Но Анни не могла оставаться... Она взяла с собой Натси и уехала. Теперь она жалела об этом: после ее отъезда Иро прожила всего два дня. Известие о смерти невестки Анни получила уже в Тахкониеми.

Жила когда-то в доме Онтиппы большая семья. Теперь их осталось всего трое — Анни да двое детей. Да будет еще Рийко.

— Ну вот мы и дома. Будем начинать жизнь сначала,— вздохнула Анни.

На следующий день она сказала детям, что им придется с неделю пожить одним. Еды она им оставит. Дров приготовит. А если что-нибудь случится, пусть сбегают к Окахвиэ. Та им поможет.

Анни натопила избу. Потом показала детям, как накладывать в печь дрова, как зажечь их и как закрыть заслонку. Перед отъездом наложила в печь дров. Когда в избе стало холодно, Пекка и Натси затопили печь и сде-

лали все, как наказывала мать. Однако наутро в избе опять было прохладно. На улице разыгралась метель и избу быстро выстудило. Пекка и Натси забрались на печь и, закутавшись в рваную шубу, решили, что за дровами они сходят и затопят печь лишь тогда, когда будет по-настоящему холодно. А пока под шубой можно было терпеть...

Им не было скучно. В Финляндии они жили врозь, могли столько рассказать друг другу. А сколько у них общих воспоминаний! Они вспоминали, как бабушка Маланиэ на этой самой печи рассказывала им сказки. Бабушки не стало, а сказки не забылись. Пекка и Натси вспоминали их и рассказывали по очереди друг дружке. Потом они играли в школу. Учительница Пекки настояла на том, чтобы Анни взяла с собой учебники для сына. Пекка и Натси повторили всю арифметику. Кроме того, надо было думать и о еде. Это тоже требовало времени. Так что топить печь им было некогда.

На улице мела пурга. Когда ребята попытались выйти во двор, оказалось, что перед дверью намело огромный сугроб — почти до половины двери. Дети забрались опять на печь и стали рассказывать друг другу о том, что они будут делать, когда вырастут.

Им было совсем не страшно. Испугались они, когда кто-то начал дергать дверь. Кто-то скребся на крыльце и тянул дверь. Пекка и Натси старались разглядеть в окошко, что за зверь пытается ворваться в дом и съесть их, но стекла заросли толстым слоем льда и ничего не было видно. Тогда они забрались на печь, забились в угол и зарылись в тряпье.

Дверь скрипнула, и кто-то вошел в избу.

— Есть тут живые кто-нибудь?

— Мы здесь! — Пекка и Натси обрадовались, услышав голос Окахвиэ.

— А-вой-вой! Чего же это вы ко мне не пришли?

Окахвиэ затопила печь, сварила уху из сущика. Как в старые добрые времена, в избе опять пылал камелек.

Шесть дней пролетели незаметно.

Ярко светила луна. Вдруг с зимника донеслось поскрипывание полозьев и фырканье лошади. Дети бросились к окну. Кто же это к ним едет? Проваливаясь в глубоком снегу, лошадь приближалась к дому. Пекка и Натси выбежали на крыльцо.

— Мама!

— Вот дети, наша лошадь. Советская власть дала. Своя лошадь!

Лошадь была низкорослая, вороной масти. Только голова была у нее большая. Она тыкалась мягкими губами в ладони Пекки.

— А чем мы ее будем кормить?

— Есть чем кормить. Все у нас теперь есть,— сказала мать.

Воз был большой. В санях и сено, и мешок овса, и мука. В маминой кошеле оказались баранки, сахар, чай. В этот вечер в доме Онтиппы был настоящий праздник.

А через неделю приехал дядя Рийко. И не один, а с тетей Верой.

— Встречай, Анни, невестку,— сказал он.— Будь ей и матерью, и сестрой, и подружкой. Весной я вернусь насовсем.

Дядя Рийко уехал, а тетя Вера осталась. Она была красивая и робкая. В каждом деле она спрашивала совета у мамы. Она умела все делать, только в чужом доме ей было непривычно. Потом тетя Вера куда-то уехала и вскоре вернулась домой с коровой. В доме Онтиппы жизнь потихоньку налаживалась.

Весной Рийко демобилизовался и сразу занялся хозяйством. Наточил топоры, пилы, начал подправлять избу. Отремонтировал хлев. Тетя Вера и мать чинили сети. Скоро сойдет лед, и они пойдут ловить рыбу.

Рыбы в тот год было много. Особенно хорошо ловилась щука в устье реки на другой стороне озера. Взяв с собой детей, Анни поехала туда ставить сети.

Навстречу по озеру гнали плоты с лесом. Деревня строилась. На месте сожженных изб поднимались новые срубы. На пригорке заложили новую школу. Издали, с озера, новые срубы казались среди старых потемневших изб яркими, светло-желтыми пятнами.

А на самом конце мыса, прикрывая собой молодой сосняк, по-прежнему росли три старые кряжистые сосны. Искривленные, выросшие на ветрах и морозах, одна с обломленной вершиной, они стояли всем бурям наперекор. И нет на свете бури, что могла бы сломить их. Это — карельские сосны, которые в силах выдержать любое ненастье. А когда придет время умереть, они умрут стоя, уступив свое место молодым стройным деревьям, поднявшимся вокруг них.

Таковы мы, карелы.

СОДЕРЖАНИЕ

А.ТИМОНЕН